

№7, 2014

ИСТОРИЯ СОВЕСТИ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ПРОДАЖЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Рассылка

Международного литературно-культурологического альманаха-антологии
«История совести. Завещание Д.С. Лихачева»:

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
(ГА ООН / UN GA)
Европейская комиссия по правам человека
(ЕКПЧ / DGII)
Институт ООН по исследованию проблем разоружения
(ИООН ИПР / ЮНИДИР / UNIDIR)
Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств
(ИК СНГ / EC CIS)
Научно-исследовательский институт социального развития при ООН
(НИИСР ООН / UNRISD)
Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
(ООНВОНК / ЮНЕСКО / IBE)
Управление Верховного комиссара ООН по правам человека
(УВК ООН ПЧ / UNHCHR)
Международная ассоциация по связям с общественностью
(МАСО / IPRA)
Всемирный почтовый союз (ВПС / UPU), Гринпис (Greenpeace)
Детский фонд ООН (ДФ ООН / ЮНИСЕФ / UNICEF)
Международная ассоциация общественной безопасности (МАСС / ISSA)
Международный комитет Красного Креста (МККК / ICRC)
Университет ООН (УООН / UNU)

В Российской Федерации:

Администрация Президента РФ
Управление делами Президента РФ
Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека
Полномочные представители Президента РФ
Совет Федерации Федерального Собрания РФ
Государственная Дума Федерального Собрания РФ
Общественная Палата РФ
Министерство информационных технологий и связи РФ
Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ
Министерство науки и образования РФ
Министерство природных ресурсов РФ
Министерство промышленности и энергетики РФ
Министерство регионального развития РФ
Государственная корпорация «Роснано»
Федеральная служба исполнения наказаний РФ
Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Федеральное архивное агентство РФ
Российская Академия Наук
Российская Академия Образования
Российский союз промышленников и предпринимателей
Торгово-промышленная палата РФ

Учредитель:

Общероссийский гуманитарный конгресс «История человеческой совести»

Разработка проекта:

Межрегиональный Фонд образовательных и социокультурных инноваций

Официальный сайт проекта: <http://historyofconscience.blogspot.ru>

E-mail: historyofconscience@rambler.ru

Общественно-издательский совет:

Рудольф Артур Альбертович, председатель

Герасимов Николай Николаевич

Магий Михаил Юрьевич

Островский Александр Борисович

Главный редактор – Чуб Олег Олегович

Заместитель главного редактора – Сосин Денис Викторович

PR-директор проекта – Мамонтов Илья Алексеевич

Перевод аннотированных текстов – Демиденко Ольга Александровна

Референт – Нефедов Андрей Александрович

Дизайн и компьютерная графика – Тыринов Вадим Сергеевич

Ответственный за рассылку – Беляева Раиса Васильевна

Издание осуществлено при финансовой поддержке

«Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив»

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

Журнал издается на благотворительной и безгонорарной основе

© Фонд образовательных и социокультурных инноваций, 2014

© Фонд Кудрина по поддержке гражданских инициатив, 2014

Отпечатано с готового оригинал-макета в полном соответствии с качеством
представленных материалов в типографии ЗАО Фирма «Лица», заказ № 617, тираж 1000 экз.,
г. Москва, ул. Нижняя Первомайская, 47

«Учиться демократии...»

Человек должен быть полностью интеллектуально и граждански свободным. Свободным от давления государства, партии, идеологии, карьерных соображений, различного рода внешних обстоятельств. И подчиняться целиком и без компромиссов только своей внутренней власти - власти совести. Быть подданным совести, и только совести, подкрепляемой образованностью и личным опытом.

Демократия... Когда это понятие во всей своей полноте войдет в нашу жизнь, мы не будем испытывать желание подменять подлинно свободный обмен мнениями, суждениями и взглядами сведением счетов, разоблачением и разоблачительством. Ибо разоблачение и разоблачительство - это кампании «управляемой гласности», «выпускание пара», а демократия - норма жизни, естественное и постоянное состояние общества, его дыхание.

Нам надо учиться демократии, учиться терпимости к чужим мнениям, умению выслушивать и возражать, учиться равенству в споре. Процесс демократизации крайне сложный и трудный, нельзя не учитывать то, из какой бездны приходится выкарабкиваться нашему обществу. Нельзя забывать, что годы культа пустили глубокие корни в сознании целых поколений, и с их духом покончить невозможно одним махом. Это как крепостное право, которое, уже будучи отмененным, продолжало действовать, порождая и развивая рабскую психологию. Последствия культа Сталина осуждены и развенчаны, однако страх, который он вогнал нам в плоть и кровь, все еще сковывает и парализует сознание людей. А где есть страх, там нет правды. Чтобы аналогичные прошлым ситуации не повторялись, нужна правда. Правда не только о прошлом, но и о недавнем прошлом, о настоящем. Если мы будем говорить правду только задним числом, это не избавит нас от повторения прошлых ошибок. Только доверие, открытость способны противостоять насилию и преступлениям.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Lyudmila". The signature is fluid and cursive, written on a white background.

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ФОРУМ

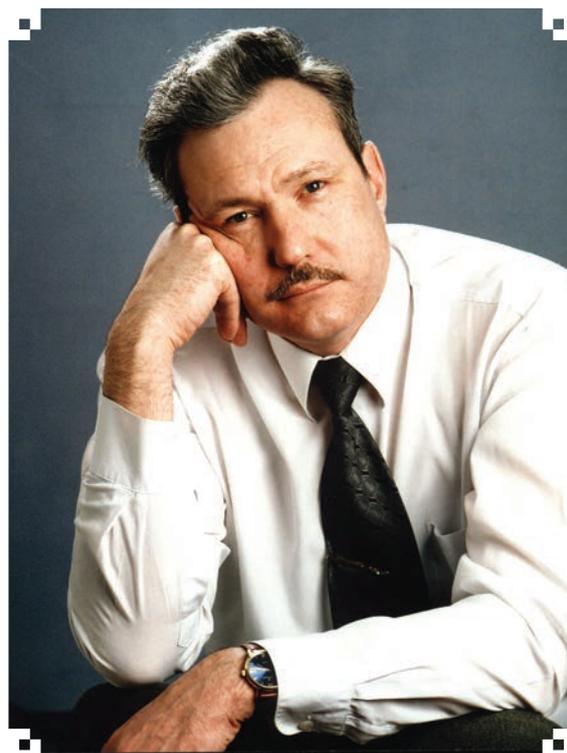
22 ноября 2014 года в Москве, в гостинице «Космос» состоится Второй Общероссийский гражданский форум «**ДИАЛОГ. СОЛИДАРНОСТЬ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**», в работе которого примут участие до 650 экспертов, лидеров и активистов общественных организаций из большинства регионов России.

В России быстрыми темпами растет социальная напряженность, чреватая открытой конфронтацией и острым социально-политическим кризисом. Гражданское общество может и должно выступить фактором стабильности, предложить форматы и площадку для диалога, поддерживающего гражданский мир. Форум должен быть площадкой для такого **ДИАЛОГА**.

Трансформация политического режима существенно тормозит развитие гражданского общества, если не ставит сектор на грань выживания. Критически важным фактором выживания гражданского общества является координация, горизонтальные сетевые связи, обмен компетенциями, лучшими практиками и иными ресурсами. Форум должен стать практическим механизмом реализации принципа гражданской **СОЛИДАРНОСТИ**.

Однако преодоление давления власти, выживание и развитие гражданского общества само по себе не является целью гражданского общества. Целью является преобразование страны. Форум должен стать координационным и интеллектуальным центром, стимулирующим процессы трансформации от локальных социальных инноваций до комплексных отраслевых реформ. В этом выражается принцип **ОТВЕТСТВЕННОСТИ** гражданского общества за судьбу страны.

Дорогие друзья!

Впервые наш альманах выходит без приветственного слова нашего бессменного издателя – министра культуры Республики Коми Артура Рудольфа.

Недавно Артур Альбертович перенес тяжелую операцию на сердце. В настоящее время он поправляет здоровье и набирается сил.

19 ноября ему исполняется 55 лет, и он выходит на заслуженный отдых, в связи с чем мы сердечно поздравляем его, желаем скорейшего выздоровления и ждем возвращения в наши ряды.

С уважением, редакция.

СУМЕРКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ-2014 И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПТИКА

Олег ЧУБ,
главный редактор

Всякий, кто с жаром отдается своим верованиям, наткнется среди этой толпы, которую никогда ничего не потрясло, на препятствия и возражения. Вам придется все себе создавать заново, даже воздух, которым вы дышите, даже почву у вас под ногами...

Петр Чаадаев

Дорогие друзья!

Уже не в первый раз наш альманах выходит под эгидой Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина. О причинах – чуть ниже. Сначала несколько слов о номере и о времени, в которое ему суждено было увидеть свет.

Трудно не разделить мнение ряда экспертов и спикеров номера о том, что 2014 год стал для России годом-рентгеном, контрастно высветившим те проблемы, о которых вроде бы все подозревали, как подозревает больной о неутешительном диагнозе, но откладывали их решение в долгий ящик. В последние недели в обиход московской интеллигенции прочно вошел термин «демодернизация», признанный многими как емкое и эффективное определение, применимое ко всему, что происходит в России. Наряду с этим можно и нужно говорить и об архаизации, и об атомизации российского общества образца 2014 года. Однако, на наш взгляд, все эти маркеры политического, экономического, социального-общественного неблагополучия России характеризуют очередной виток более глобального кризиса, описанного нами в предыдущих номерах издания. Речь идет о комплексном социокультурном (или же культурно-антропологическом) кризисе российского общества, который, исподволь вызревая последние полтора десятка лет, прорвался нарывом в году текущем. Используя термин Василия Розанова, условно назовем его новыми сумерками Просвещения.

Поэтому, констатируя системный характер кризиса, мы поставили задачу описать с помощью приглашенных экспертов его структурные проявления – и попытаться сформулировать некоторые методологические основы его преодоления.

Первое, что отмечается в связи с заявленной темой – архаизация общества, достигшая к концу 2014 года небывалых в новейшей истории России масштабов. Архаизация ментальности населения (рост ксенофобских, изоляционистски-оборонных установок сознания etc) сопровождается немислимым в открытом рыночном обществе явлением – архаизацией и редукцией структуры потребностей. Так, последние социологические опросы показали, что каждый второй опрошенный ответил, что ему не нужен туалет в доме, 28% опрошенных не видят необходимости в душе, 35% – в легковом автомобиле; 60% открыто признались, что не считают воровство зазорным. Такого единения власти и населения после присоединения Крыма аналитики не помнят с ранних брежневских времен.

Другим тревожным сигналом является то, что российское общество очевидным образом атомизируется под пропагандистские меседжи о духовных скрепах нации и соборной русской душе. Наверное, здесь излишни примеры беспрецедентного раскола, когда «линия фронта»

проходит даже не политическим и идеологическим лагерям, а уже по семьям, распадающимся под влиянием того же украинско-русского разрыва.

Власти предрержащие, по-видимому, осознают это, и пытаются скрепить общество, как распадающуюся бочку, обручем синтетической и чрезвычайно токсичной идеологии, где органично соседствуют возрождение советского духа и ностальгия по монархии; антиамериканская истерия и инвестирование средств в американскую экономику; герб дома Романовых, «власовский» триколор и сталинский гимн. Подобный фьюжн, работавший еще несколько лет назад, в условиях ширящегося системного кризиса формирует у населения «шизофренический дискурс», вследствие чего общество цементирует так называемая «ватажная солидарность», феномен которой отечественной гуманитаристике еще предстоит осмыслить. Это такой тип солидарности, который консолидирует людей не по осозанным групповым интересам (что является основой гражданского общества европейского типа), а на основе сиюминутных иррационально-суггестивных импульсов, сколачивающих такие аморфные и фантомальные структуры, которые и позволяют «кривым зеркалам социологии» фиксировать, к примеру, небывало высокие рейтинги Президента.

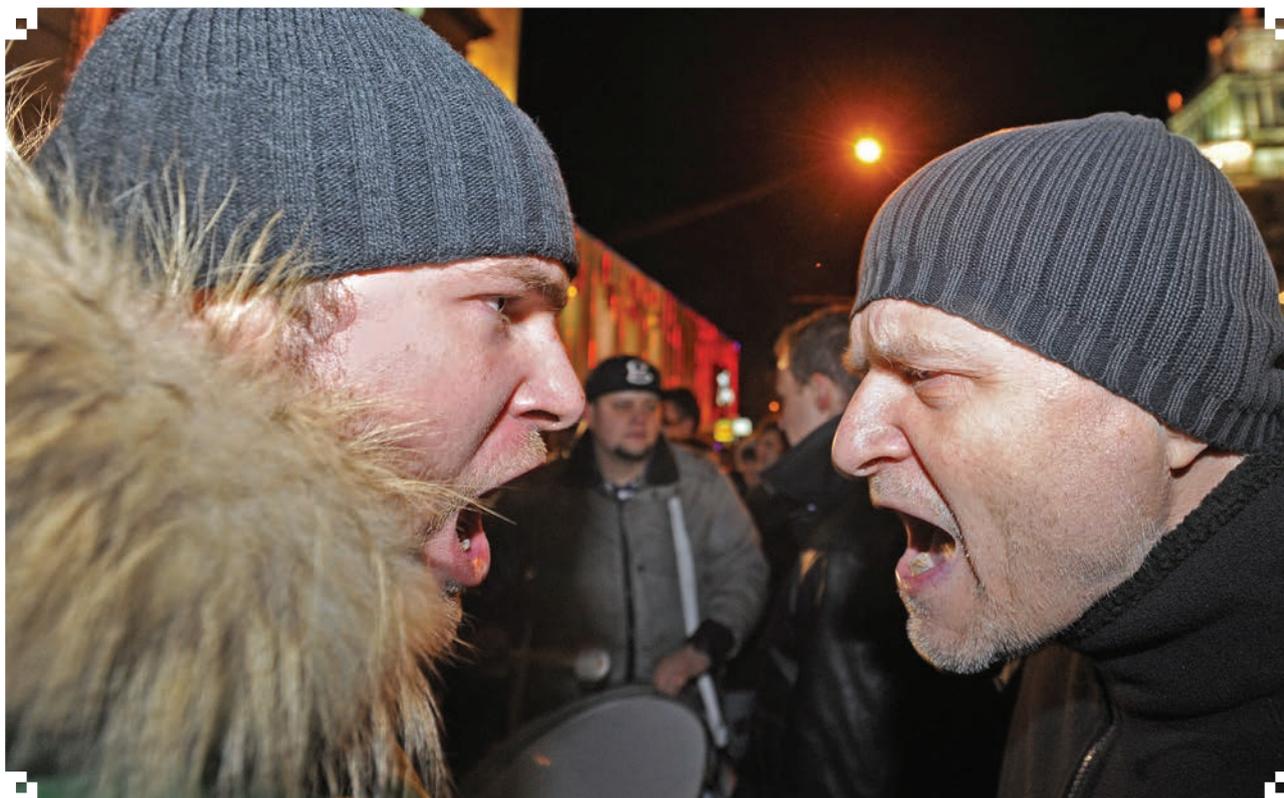
Однако обратной стороной такого типа солидарности является ее внезапный коллапс, который неизбежно наступает вслед за десакрализацией образа лидера, объединившего вокруг себя массы и ставшего заложником собственного мифо-героического имиджа и завышенных ожиданий общества (излишне напоминать читателю, какими рейтингами обладали режимы Чаушеску и Каддафи за несколько недель до их краха, да и пример Николая II

со стопроцентным рейтингом в 1914 году тоже остается вполне репрезентативным).

Третья проблема касается собственно состояния гражданского общества в России. Все без исключения эксперты отмечают отсутствие (либо имитационный характер) его жизненно необходимых институтов. Артерии многоканальной коммуникации, пользуясь термином Ю.М. Лотмана, объединяющие население в гражданское общество, оказываются закупоренными. Социальная структура общества становится все более примитивной, и вместо того, чтобы двигаться в направлении сложного современного общества, основанного на концентрации различных сил, слоев и интересов, власть предлагает архаичную модель с господством «отцовской» – патерналистской – матрицы, построенной по образу положения и властных полномочий «большака» в патриархальной крестьянской семье. Однако делает это она парадоксальным способом – не через наращивание «общего котла», а через урезание расходов на образование, науку, культуру и здравоохранение – драйверы современного человеческого капитала, в то время, как социальная мобильность населения заблокирована закрытой кастой привилегированных лиц, имеющих монопольный и практически неограниченный доступ к ресурсам. Сюда же следует отнести проблему института общественных дебатов, который, если не исчезает совсем, то скукоживается шагреновой кожей до границ нескольких относительно независимых площадок.

Все эти структурные проявления системного социогуманитарного кризиса связаны, на наш взгляд, с формированием неадекватной, «сумеречной» исторической оптики, направленной в противоположную от Просвещения сторону.

Вполне понятно и логично стремление правящего режима в условиях мировой нестабильности сплотить общество на основе некоего искусственно сконструированного национально-культурного идентитета (практика эта стара как мир). Однако очевидно, что стратегии идентичности, зиждущиеся на исторических aberrациях, глорификации эксклюзивности русского национально-го пути и перманентном нагнетании конспирологии – в современном мире путь отнюдь не к консолидации, а к ментальной катастрофе, аномии и коллапсу общества, а затем и государства. Думается, неслучайны судорожно принимаемые Госдумой архаические репрессивные законы, карающие за «призывы к сепаратизму» – по-прежнему у власти сохраняется иллюзия того, что социум можно удержать в единстве исключительно посредством «подморозки».

Параллельно, «для подстраховки», проводится целенаправленная работа с сознанием интеллигенции. Здесь речь идет не о барабанной телепропаганде, рассчитанной на маргинальную аудиторию «читателей газет – глотателей пустот», а о залпах более крупного калибра, вроде недавней статьи главы Конституционного суда Валерия Зорькина в защиту крепостного права: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации». По мнению автора, отмена крепостного права подорвала основы общества и породила беспорядок, за который России приходится платить по сей день.

За всеми этими тенденциями проглядывает не что иное, как отставившаяся «террористическая гипотеза о человеке», описанная в свое время Ханной Арендт.

Возможность преодоления этого нового нравственного оползня, равно как и реальность нетоталитарного русского мира зависит от того, удастся ли российскому обществу опровергнуть бесчеловечную гипотезу о чело-

веке. Только в таком случае может открыться возможность найти корень настоящей природы и свободы человека.

Семен Франк в связи с Пушкиным как-то заметил, что история русских заблуждений и безумств изучена хорошо, но совсем не известна история русского здравого мышления. Думается, права Ольга Седакова, что подобное наблюдение можно распространить и на свободу и не-свободу. История рабства в России изучается и привлекает к себе внимание, но совсем не описанной остается история свободы в России, история свободного человека. Эта история у России есть – история здравого мышления и праведности – то, что мы вслед за академиком Д.С. Лихачевым называем Историей Совести. Это главный ресурс сопротивления тоталитаризму, и он заложен в самой природе человека, открытой возможности созидания нового мира, обретения духовной свободы.

Именно поэтому одна из главных задач номера – в поиске путей, на которых российское общество может выбраться из зоны глухой деморализации и глубокой духовной дезориентации. Для этого необходимо осмысление не только исторических, но и в большей степени социокультурных предпосылок, вех, истоков и перспектив развития гражданского общества в России.

Однако номер посвящен не только истории гражданского общества в России, но и более глобальному вопросу (актуальному, кстати, не только для России) – вопросу методологии выстраивания новой исторической оптики. Над этой проблемой много лет работает издательский и учебно-методический проект «История человеческой совести: духовное завещание Д.С. Лихачева». В его основе лежит идея выдающегося ученого-гуманиста о необходимости инициирования принципиально иной, инновационной оптики восприятия движения исторического процесса в России – истории не как хаотичной спирали

катаклизмов, дворцовых переворотов, революций, кризисов, войн, а как тысячелетней и донныне не прерывающейся традиции нравственных исканий лучших людей российского общества.

Работая над настоящим номером, мы попытались в русле подобной оптики показать историю России как целую серию смежных традиций, берущих начало с XIII-XIV века: это история преодоления институтов «холопства» и самоорганизации российского общества (включая историю Земства и парламентаризма), история инакомыслия в России и появления прогрессивных государственных деятелей; история свободного русского слова и человека; история вызревания и формирования сословия русской интеллигенции и в целом – ответственного мышления в нашей стране; история российской демократии и сопротивления несвободе, а также становления демократических инициатив и практик.

Возможна ли в сегодняшней России победа подобной историко-антропологической оптики над «террористической гипотезой о человеке», когда «сверху» инспирируется совершенно иной тип исторической перцепции, основанный на идеологии конфронтации и психологии гражданской войны? Думается, все будет зависеть от самого гражданского общества. От его способности к преодолению разногласий и консолидации вокруг миссии Просвещения.

На сегодняшний день крупнейшим «кроветворным» органом для формирования структур гражданского общества (и одновременно одной из главных его артерий, позволяющих циркулировать горизонтальным связям) является Комитет гражданских инициатив Алексея Кудрина. Благородная миссия быть субстратом, «бульоном», в котором только и способны заводиться сегодня живые клетки, органично сочетается с серьезной экспертно-методологической работой. Когда у правящего режима начнутся системные проблемы (а они, по прогнозам абсолютного большинства экспертов не могут не на-

чатся рано или поздно), гражданское общество должно быть готовым предоставить инструментарий, дорожную карту и новые инструменты социальной механики (М. Мамардашвили) для решения насущных проблем страны, общества и государства. Будем надеяться, что в этой карте найдется место и человеческой пшенице, алчущей помолы на описанной Осипом Мандельштамом Мельнице Истории.

П. Брейгель. «Притча о слепых», 1568

Aleksey KUDRIN:

PAGE 14

«WE ARE ONCE AGAIN OPPOSED TO THE WEST...»

«The political landscape in our country has changed considerably whereas the social and political landscape may be said to have altered fundamentally. We are once again opposed to the West. At the same time, it happened not only as a result of the Ukrainian conflict, which is clearly an important trigger. There are forces in the country that wanted to distance themselves long ago, that wanted isolation or maybe a sort of independence. Today these moods have found a fertile ground, and I am simply amazed at the scale of anti-western rhetoric that has emerged here. That is why my serious concern is that after the tensions caused by the Ukrainian crisis, there will be conclusions to follow about some historical opposition, as if we do not need best international practices. That is what is actually disturbing for me. This strong trend demands understanding, and I do not share the heated anti-western rhetoric».

Evgeny GONTMACHER:

PAGE 21

«THE KEY MISSION OF THE COMMITTEE IS TO PRESERVE THE «GOLDEN FUND» OF THE CIVIL SOCIETY...»

«In two years of its existence, the Committee of Civil Initiatives has supported tens of various projects. Besides, what I consider ultimately important is almost all the projects are regional. This means we give our endorsement to most diverse action groups in different parts of Russia that consolidate their efforts to set up and promote projects for improvement of people’s life. Our second direction is analytical work. Each year, using highly professional experts, we present several quite impressive analytical reports on a range of topics: on the state of the civil society, on the state of the political system, on the law-enforcement reform, health care and other spheres of our life. However, I believe our key mission is preservation, conservation of the «golden reserve» of the civil society – those reasonable, non-indifferent people across the country who have got desperate and buried themselves in internal emigration thinking the game is over. We are telling them no! Indeed, the situation is getting worse; yes, a lot of pressure is piled on the

civil society; nevertheless, if these people could preserve themselves and their professionalism, at some point they will be demanded by their own country».

Ludmila ALEKSEEVA:

PAGE 27

«RUSSIAN IMPERIAL INSTINCTS ARE COMING FROM THE SUBCONSCIOUS...»

«Russian history is something amazing. An individual has always been maltreated or ignored. However, in all historical periods there have been people who could resist it. This is what Russian history is about. And I am happy to find myself among those who resist the regime, but not those who maltreat people. Because the resistance are such people as Herzen and Sakharov – it is a great honor to work here! So I am not something special; I just live in line with the Russian history. Currently, I have a déjà vu of the 1968 experience when the Soviet tanks entered Prague. At that time, I felt I was ready to sink into the earth from shame for the way we treated that small country that aspired for freedom. Now I am feeling a greater shame, because Ukraine is much closer to us than Czechoslovakia. Yet, we are doing the same thing – they aspire for freedom, we deploy troops. This is a brotherly country, but we have bitten off a piece of their land. Russia

is an imperial state with strongly developed imperial instincts that are coming from the subconscious, and they are not easy to fight».

Leonid GOZMAN:

PAGE 32

«RUSSIA'S SPECIAL WAY IS A WAY TO THE DEAD END...»

«I think that some «special way» is a way to the dead end for Russia, as well as for any other country – Iran or Belorussia. There is a mainstream road for civilization development, and we need to follow it. It is very hard and it may bring setbacks, like everywhere in the world. We wandered away from that road in 1917. In the 1990-s Yeltsin and Gaidar brought us back to this road, but again there are attempts to divert Russia from it. The reformation period is always difficult. As history shows, after great revolutions, there inevitably comes a period of freezing, and we are not an exception. So I do not think that in the nearest future Russia should expect changes for the better, but I hope for some objective processes to happen. I hope that the country's technological development will demand to form an alliance with the whole humankind. I hope that the middle class has grown in Russia, and they do not want Pyongyang or Bagdad, but they want to live like all people in the civilized world. My hope lies with the Russian youth who cannot comprehend the obscure idea of «Eurasianism». I do count on the triumph of the reason».

Irina YASINA:

PAGE 37

«THE RUSSIAN SOCIETY NEEDS TO CORRECT MISTAKES...»

«Not long ago it seemed to me we had a perspective and were moving somewhere – they released Khodorkovsky and some horizons opened up a bit... Now I understand that we cherished our illusions. The Ukrainian events have demonstrated that the absolute majority of the Russian population dwell in a state of a flag-waving frenzy, feeling at home with television and its propaganda content. There is another part who are not zombified and can understand what is going on, but prefer not to stick their necks out, perfectly realizing what should be expected from appearing in the street with a banner. The very few are resisting – and we can see the results of this resistance. The Russian society needs to do homework and correct mistakes. After realizing that freedom implies fair play, after eliminating this horrid imperial syndrome, we would be able to move forward. Please note that only in the Russian language the notions of respect and fear are practically synonymous, although in fact they are antonyms. If people have fear, then they have no respect. In our minds these words are confused – this is not even close to the 19th century, but to the Middle Ages of Ivan the Terrible. All this pressurizes the society tremendously».

Irina PROKHOROVA:

PAGE 41

«WE HAVE A LONG WAY TO GO IN BUILDING UP CIVIL AWARENESS...»

«In Russia sacralization of the power leads to one dangerous substitution of notions: patriotism is deemed not as love to homeland, but as loyalty to the regime. They try to turn citizens into faithful subjects. At the same time the domineering culture is radically utopian; we demand everything and at once. Give us paradise – here and now. If we have come out to protest and the regime has not collapsed in an instance, then we fall into despair and get disappointed in any social activity. To achieve the goal of forming a humanized reality, we need to work systematically and persistently on consolidation of our society, building skills of political action and reviewing our own system of values. We used to have no experience of social life; we are learning from scratch; the most important thing is not to fold the wings and not to expect that freedom will happen on its own. Once freedom was there, but we failed to retain it. Let us win it back again».

«MISFORTUNES OF THE MODERN CIVIL SOCIETY
COME FROM THE POORLY LEARNT LESSONS OF THE PAST...»

«I make films and sing about my country while lately I have been getting frequent and aggressive advice to hit the road and leave it. This country, it seems to me, is rolling back towards the totalitarian period and towards the events I am telling about in my series Parallels. Events. People. In the history of every state, there are pages that people are unwilling to talk about. I think citizens of the state themselves should communicate such pages. Here is a recent story of the film Spikelets. This film is about anti-Semitism, about the neighbors' betrayal and repentance. The leading actor was threatened to repeat the fate of his character who is killed at the end of the film... I believe non-indifferent citizens in their own countries should raise such uncomfortable topics in the first place. For example, in the USA unpleasant and sensitive subjects, ranging from the Watergate crisis to human rights abuse in jails, get a lot of coverage. Nobody wants to bury them in oblivion.

In Japan, when there was an attempt to take out of textbooks a story revealing the fact that during the war civilians were recommended suicide as an alternative to captivity, a hundred thousand people marched out in the streets to protest against hushing up that story. In Russia there is a veil of silence. Today GULAG is called a «zone where only traitors served their time». I do not want the Russian people to forget crimes of the past».

«CREATING INADEQUATE EXPECTATIONS, THE REGIME IS DIGGING ITS OWN GRAVE...»

«What is happening in Russia nowadays is an agony. It may be hard to detect, because we assume that the agony of a state is when there is nothing to buy in shops and there are barricades in the streets. This is not necessarily like that. If you take Donetsk, for example, there are a few hotbeds of tension whereas the rest of the city has open shops and mothers pushing baby carriages. However, our everyday life is full of routine and the share of the state government in it is very small. The agony follows deterioration of the state. The regime is already agonizing. This is manifested in their activities, including the notorious «crazy printer». Niklas Luhmann, a prominent German social thinker, gave a definition of power that I consider canonical: «The greater degree of freedom the power is able to grant the society, the stronger this power becomes». What is happening with us is a demonstration of fantastic weakness. Another prohibitory law is another demonstration

of the weakness and agony of the regime».

«NEVER IN MY LIFE DID I HEAR SO MANY LIES AND SO MUCH BRAINWASHING...»

«Polarization of the Russian society is enormous. I have never observed this before. A considerable number of Russians believe that «the Crimea is ours». But there is also such a thing as aggression. The method by which the Crimea was annexed was incorrect. Now I am using the mildest possible way to express it. The Russian policy today is aggressive, absolutely inhumane, and we do not support it, but more likely, we are ashamed of it. Never in my life did I hear so many lies and so much brainwashing. It should be mentioned that in Russia a great number of problems had emerged before the conflict with Ukraine. We have a problem with justice and execution of laws as such. What is happening with Russia is a terrible retreat from all values that are recognized as universal human values. Therefore, the war with Georgia and the war in the Caucasus are unlawful and obnoxious for anyone who starts thinking of them. But most people in Russia prefer not to think about

it. In our conditions, when mass media shape our minds, people's support to the war in Ukraine is the result of the machine called television in combination with a disastrously low cultural level. The number of people capable of thinking is reducing».

Nikolay SVANIDZE:

PAGE 63

«STRENGTHENING OF THE CIVIL SOCIETY IS THE MAIN TASK SO THAT SALVATION AND PROGRESS OF THE COUNTRY DEPEND ON ITS ACCOMPLISHMENT...»

«Russia’s main problem rests in the minds of tens of millions of the country’s citizens whose heads contain an incredible hodgepodge of names, dates, various phobias and emotions and who are unable to distinguish between the coup de ’tat of 1991 and 1993; they are convinced that the USSR was destroyed by Yeltsin and Gorbachev with the CIA money... They remain – in a quarter of a century after the collapse of the empire – the carriers of totally imperial reasoning. The discord between the imperial thinking and the actual absence of the empire creates the so-called post-imperial syndrome. Moreover, the issue is not about imperial, but colonial complexes. This is the annoyance of the metropolitan residents who have lost their territories. Such moods have given birth to nationalism that in modern Russia is identical to a common ethnic xenophobia. As a result, the path chosen by Putin’s regime is bright, electorate-friendly and doomed to be successful in the eyes of the enchanted nation yearning for victories, but in the long run, it is a dead-end path».

Vasiliy MELNICHENKO:

PAGE 69

«WHEN THE REGIME TURNS ITS FACE TO ITS PEOPLE, THE PEOPLE USUALLY START TO SCREAM IN HORROR...»

«Russia produces an impression of a great country, but does not produce anything else. We do not produce any products; we just render each other some kind of services. We have got to a situation when in our society it is suitable to be a handicapped or a pseudo mother with many children. What is becoming of our people? I personally would like to see my country sincerely respected, to have actual local self-government; then the issue of having a civil society will fade away. Is it so hard to achieve? We need to change the situation. It seems even I could cope with that. It does not make any difference whether you rule over three hens or a bunch of twenty. To be a president, it is enough to have around a dozen of honest people who would just make a mutual agreement not to steal. However, nowadays the Russian government always adopts such decrees and makes such decisions that hold back our development; at the same time, we are constantly at loggerheads with other countries. Currently we have started looking for some new friends. Simultaneously, those who have been our friends for 20 years have suddenly turned into our enemies. I believe it is a big mistake».

Elena NEMIROVSKAYA:

PAGE 74

«CIVIL ENLIGHTENMENT CAN ELIMINATE THE GAP BETWEEN THE AUTHORITIES AND THE SOCIETY...»

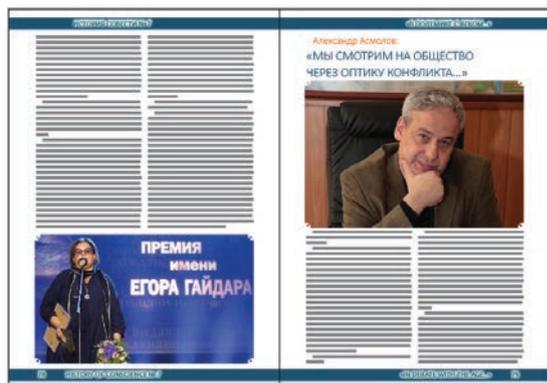
«The Soviet Union has been non-existent for three decades, but the Soviet mentality has survived in people on the genetic level. This kind of mentality has no moral what so ever. Everyone remains in this immoral state – this is what disappoints me most and this is what we need to leave behind. Yuriy Levada posed this question as early as in the 1990s: where did the Soviet man disappear? For a short while, we had an illusion that the Soviet man had vanished. Nevertheless, he is still here; he mutated and returned to the same immoral dubious condition when he does not know what to do and is backing away. Partially this is associated with the historical trajectory of Russia: in our history, there was no Renaissance, no Reformation or Enlightenment in the true meaning of this word as it happened in Europe. It is important not to fall into any extremism and learn the art of conducting a dialogue with the civilization».

Alexander ASMOLOV:

PAGE 79

«WE LOOK AT THE SOCIETY THROUGH THE OPTICAL LENSES OF A CONFLICT...»

«Any ideology of hatred rests on three whales. The first one is the philosophy and ideology of fundamentalism meaning a closed society that must be homogeneous and uniform. The second one is the psychology of fanaticism. The third one is the technology of terrorism in a broad sense, when any problems are solved through terror. Originally, terror is the theft of human dignity and human life. These three go hand in hand. When the jinni of hatred is out, it is terribly hard to drive it back home. I believe the leaders of the country realize that this jinni can devour them too. We shall see. Besides, we live in a vast global community where three globalization rules operate: globalization of knowledge, globalization of technologies and globalization of currencies. In this situation an attempt to develop scenarios of isolation and build an iron curtain at the end of the day will become personally inconvenient for those who have let the jinni out. The question is when they will be aware of the danger and start

looking for a way out of the situation. The main problem is it could be too late».

Victor EROFEYEV:

PAGE 82

«REAL DEMOCRATIC CHANGES IN RUSSIA WILL BEGIN ONLY WITH THE ARRIVAL OF A NEW PETER THE GREAT...»

«2014 has become an X-ray year; literally in our eyes the essence of the Russian philistine’s soul was discovered. It turned out that the overwhelming majority of the population has embraced absolutely anti-western, anti-democratic and anti-liberal values. This is not the impact of propaganda on people’s minds. On the contrary, to the delight of a great number of philistines, Putin at last started articulating something that many people in Russia wholeheartedly believe, and namely: all Ukrainian Maidans were organized by Americans. Russian people have always thought so, but only now the leader of the state told them, «you are absolutely right, my nation». Therefore, I do not see in today’s conflict such a situation when Russia will leave Ukraine alone. My guess is Putin will not be at peace with himself until he pesters Ukraine to the point of exhaustion».

Boris DUBIN (1946 - 2014):

PAGE 84

«WE ARE TO CARRY THE BURDEN OF RETRIBUTION...»

«The most sensitive point is self-identification of the Russian people as imperial. In Ukraine the whole society was mobilized. In Russia the process was quite controversial and underestimated by professionals, including myself. We have never seen public consolidation around the country’s first person on such a scale. We have never seen such large-scale support to military actions and at the same time such irrational resentment of the entire world. I do not wish to play a prophet, but maybe Russia in the name of its absolute majority has taken a historical decision that is unprecedented in the country’s history. In the end, no one chose to have the events of 1917 – people had to adjust to the circumstances. However, today people have chosen this path. In three – four weeks the national leader managed to turn upside down not only the Russian public, but also the entire world. Nobody could expect that it could happen so rapidly, so dramatically and with such a level of support – and with such a degree of confusion of the global

community that failed to work out a system of response. My colleagues and I have always described the complex of Russia’s so-called «special path» as compensatory. The economy is failing; we ourselves are unable to make any significant changes; the officials rob us blind – a compensation for all this is expressed in the form of support to our «special way» on which Russia allegedly has always become a great country. In reality Russia became great only when it joined the common path with the rest of the world and found common milestones».

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.

Осип Мандельштам

**В ПОЛЕМИКЕ
С ВЕКОМ...**

Алексей КУДРИН:

«МЫ СНОВА СТАЛИ ПРОТИВНИКАМИ ЗАПАДА...»

– Алексей Леонидович, как изменился внутривнутриполитический ландшафт в России в связи с событиями вокруг Украины?

– Политический ландшафт у нас в стране изменился серьезно, а общественно-политический, можно сказать, фундаментально. Мы снова стали противниками Запада. Причем это случилось не только в результате украинского конфликта, который, безусловно, является важным спусковым крючком.

В стране есть силы, которые давно хотели дистанцироваться, которые хотели изоляции, может быть, некоей самостоятельности. Сегодня это все легло на благодатную почву, и я просто удивлен масштабу антизападной риторики, который у нас возник.

На уровне бизнеса все совсем иначе. Бизнес хочет работать, инвестировать, строить заводы, торговать. И бизнес очень озабочен тем, что он слышит по радио и телевидению. На уровне науки, научных встреч, университетов все сохраняется. Ученые и преподаватели переживают, что такое обострение отношений происходит на уровне политиков.

Вот почему у меня серьезное беспокойство, что за обострением, причиной которого является Украина, последуют выводы о некоем историческом противостоянии, о том, что нам не нужен лучший мировой опыт. Вот это меня очень беспокоит. Это такая серьезная черта, которая сегодня требует осмысления, и я не разделяю этот накал антизападной риторики.

К сожалению, это толкает к принятию определенных решений на государственном и политическом уровне, к ограничению экономических отношений, к попытке ограничить в том числе и поездки, ограничить общение. Такие отношения, конечно, существенно тормозят модернизацию России по всем направлениям.

К сожалению, или к счастью, мы сегодня живем в мире, который позволяет использовать все лучшие достижения. В этом одна из возможностей для быстрой модернизации России. Не самим все создавать, а использовать эти достижения.

– Что может и должна в этой ситуации делать оппозиция?

– У нас сегодня понятие оппозиции очень расплывчато. Например, у нас есть официальная оппозиция в парламенте, которая в общем-то сегодня оппозицией не является. Я не вижу у нее новых альтернативных стратегий в области экономики, в области внешней политики, в области устройства общественной жизни. Все ключевые законы, которые касаются общественной жизни, гражданского общества или экономики, к сожалению, зачастую поддерживаются оппозицией.

То есть я не вижу альтернативных платформ, альтернативных стратегий внутри нынешнего парламента. Есть критика, зачастую несколько поверхностная, зачастую очень популистская. Но за ней нет серьезных стратегических платформ. В этом смысле оппозиция внутри парламента не может таковой называться. Вне-

парламентская оппозиция также пока не выдвинула серьезных стратегических платформ. Одной из причин являются ограничения, которые введены нынешней Думой, большинством, принадлежащим в политической системе «Единой России».

Например, в ходе грядущих выборов в Мосгордуму существенно ограничен доступ желающих к избирательному процессу с помощью по сути запретительного фильтра. И это даже не на федеральном уровне, а на муниципальном уровне, где участие граждан должно быть более широким и активным.

Серьезные люди, мало того, широко известные, не могут пройти эти фильтры. Такие ограничения существенно ухудшают эффективность политической системы, возможность достижения результатов, обратную связь с обществом.

– Почему оппозиция не может реализовать свой потенциал?

– К сожалению, без политической системы с открытыми и прозрачными выборами не может сложиться полноценная партийная система. «Гражданская платформа» попробовала на предыдущих, губернаторских или региональных, выборах, но там были серьезные административные ограничения.

К московским выборам и у самой «Гражданской платформы» запал чуть поумniejszyлся, но и ограничения все равно есть. Поэтому «Гражданская платформа» пока тоже не стала серьезной альтернативой с интересной программой.

Я считаю, что нужно говорить об этих вещах прямо, говорить, что политическая система, сложившаяся в последние годы благодаря деятельности «Единой России», не соответствует тому уровню развития, на котором находится страна. Это мешает развитию тех политических каналов, через которые должны выражаться мнения разных групп населения и политические предпочтения.

Это загоняет дискуссию в какую-то теневую сферу, где решения действующей власти воспринимаются достаточно критически, а иногда даже остро критически. Избыточно, может быть, остро. Но это происходит именно потому, что оппозиция ограничена в своих действиях. В политических, цивилизованных действиях ограничена. Вот почему, я считаю, нужно обсуждать ситуацию прежде всего в рамках гражданского общества и тех структур, которые я поддерживаю.

– То есть в рамках системы вы по-прежнему видите для себя роль в консолидации гражданского общества, а не партийной деятельности?

– Да, способствовать развитию гражданского общества.

– Речи о создании партии или присоединении к какой-то уже существующей не идет?

– Да, на данный момент вопрос не стоит.

– Региональные выборы осенью пройдут по той же схеме или же станут шагом в развитии политической системы?

– Я сомневаюсь, что они станут существенным шагом в развитии политической системы страны. Само избрание губернаторов – это, безусловно, шаг, даже с таким фильтром. Уже сейчас страсти как-то повысились, уже люди хоть чуть-чуть почувствовали какие-то оттенки одного цвета. Но этого недостаточно для реального решения задач страны и тех вызовов, перед которыми страна стоит.

– Если вернуться к международной ситуации и повестке, вы в свое время были одним из организаторов саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге, сейчас членство России в этой организации приостановлено. Что можно сделать, чтобы вернуть Россию в такие форматы, как «восьмерка», или, может быть, в другие форматы?

– Я считаю, что «восьмерка» – это очень солидный клуб, и даже с учетом того, что он очень ограничен и не представляет всех стран, он, тем не менее, представляет лидеров самых развитых государств, самых больших экономик. «Восьмерка», конечно, имеет значение, и участие в ней России нужно.

Сейчас, как я понимаю, членство России приостановлено, потому что происходит поиск политического решения проблем Украины. Я думаю, что когда-нибудь оно будет найдено, и Россия вернется в этот клуб. Это очень важный клуб, но он, безусловно, не является единственным, решающим.

Я считаю, что «двадцатка» – это замечательно и правильно, это уже более представительный формат. Но я вам скажу, что все остальные страны, которых значительно больше сотни, тоже ревнуют к тем, кто входит в «двадцатку». Тем не менее и «двадцатка» должна существовать.

Есть другие международные клубы, про ООН я даже не буду говорить. Клубы, которые связаны с экономикой, социальной жизнью, и прочие, которые очень важны для достижения международного взаимопонимания.

Я, допустим, вот сейчас очень горячо переживаю по поводу того, что наши авиационщики не поехали на международный авиасалон в Фарнборо. Это определенного рода санкции, проявление недоверия к России, связанное с политической ситуацией. Понятно, что и без Фарнборо наша авиационная промышленность покажет свои возможности на других форумах, которые проходят в других странах и у нас. Но это плохой знак, что от каких-то понятных нам неполитических форматов, клубов, Россию отодвигают.

Я против вообще любых санкций, в том числе тех, которые наложены на Россию, но я понимаю, что у России тоже все непросто в сегодняшней позиции. Россия должна еще выбрать свое решение, которое она предъявит миру в отношении урегулирования конфликта на Украине.

– Ваш собственный сценарий дальнейшего развития событий на Украине?

– Должен сказать, что мне сложно сегодня это до конца оценить. Может, у меня не хватает информации, я скорее поддерживаю позицию, что никаким образом Россия не может вмешиваться военными силами в ситуацию на востоке Украины, это вызвало бы неконтролируемые риски, которые мы получили бы и в экономической, и в военной, и в политической сфере.

Если бы Россия каким-то образом стала военным образом вмешиваться в ситуацию на юго-востоке Украины (просто как экономист могу сказать), то одновременно военные бюджеты других стран увеличились бы больше, чем на весь военный бюджет России. Сразу.

Мы не в равных условиях. И сейчас военный бюджет России в 10 раз меньше, чем бюджет стран НАТО. Это непоставимые возможности. А, к сожалению, любые военные действия вызывают мобилизацию всех сторон.

В данном случае все скорее пойдет по пути обострения военного противостояния, создания новых систем

вооружения, новых систем контроля мирового пространства. На котором нам будет трудно – труднее, чем сейчас.

Следующий момент – конечно, в этом случае бы продолжались санкции. И это бы привело к тому, что экономика России испытала бы новые проблемы. Но я бы, может, образно сказал, что применение военной силы на Украине означало бы снижение жизненного уровня для всех граждан в России.

Еще более образно – это как если бы мы согласились 15-20% своей зарплаты сразу отдать. Масштаб будет примерно такой – ухудшение состояния ВВП страны на несколько пунктов в течение нескольких лет, снижение реальных доходов населения и снижение зарплат.

Это в разной форме может произойти. Не путем прямого урезания – через инфляцию, через нехватку каких-то товаров, это будет в разных формах проявляться и станет серьезным ударом.

Я думаю, что Россия сейчас избирает правильный путь политического решения этого вопроса. Россия не может ввязываться в авантюру вмешательства военными средствами в дела Украины.

– Как вы считаете, против вас могут быть введены санкции?

– Логика, которая проявлена при принятии решений по санкциям, направлена прежде всего на людей, принимающих решения или причастных к этим решениям. Есть еще один фактор, который я вижу: это какой-то круг предпринимателей, близких к Кремлю. Есть и третий – круг политиков, высказывавшихся за жесткие действия России на Украине.

Я не высказывался таким образом, не являюсь ни чиновником, ни предпринимателем. Я сомневаюсь, что каким-то образом подпадаю под эти критерии. Если бы я был в одной из этих категорий, например, по-прежнему работал в правительстве, это было бы возможно.

– У вас достаточно высокий авторитет в западных странах. Как считаете, могли бы его использовать для разрешения сложившейся ситуации? И в целом почему сложно сейчас найти общий язык с Западом?

– Я не стою в стороне от всего, что происходит. Я объясняюсь и с нашими предпринимателями, и с западными предпринимателями, и с западными политиками. У меня были встречи, и я пытаюсь объяснить складывающуюся ситуацию. Должен сказать, что мое общение с западными политиками показывает, что они очень плохо знают реальную ситуацию, которая складывается вокруг Украины.

Я не имею в виду какие-то детали. А в принципе культурную, историческую ситуацию, реальные связи наших стран, реальную экономическую кооперацию, реальные потери, которые понесут наши страны.

Немногие понимали, почему Россия должна быть обязательно третьей стороной во всех договоренностях по поводу Евросоюза. Вот это мало кто чувствовал до конца! Очень многие плохо представляют значение Крыма для России. Какое есть беспокойство у российского народа по этому поводу, естественное, реальное, не на уровне политиков.

Поэтому мне кажется, что и мои разговоры, может быть, проясняют для многих ситуацию и как-то больше успокаивают в отношении России, которая часто воспринимается чисто негативно.

Но мне кажется, что сейчас российские политики, Кремль, правительство, они какую-то черту для себя провели, которая позволяет находить компромиссы на этом пути. Я вижу, что Путин встречается часто с лидерами других стран, встретился с украинским лидером. Вот это мне кажется правильно.

– В Комитете гражданских инициатив в ноябре состоится гражданский форум, где восстановление контактов с Украиной заявлено как одна из тем. Могли бы вы описать свое видение, каким образом можно выйти из сложившейся ситуации в отношениях между Россией и Украиной? Как этому может способствовать «Гражданский форум»?

– В этом году состоится второй общегражданский форум в России. В прошлом году у нас участвовали около тысячи человек, в этом году будет чуть меньше – по нашей оценке, от 800 до 900 человек. Мы ставим как раз задачу обсудить самые острые ключевые вопросы гражданского общества: начиная от ЖКХ и обустройства городов и районов до проблем выборов, работы судебной системы, правоохранительных органов, международных контактов представителей гражданского общества.

На прошлом форуме мы исключили участие иностранцев и обсуждение каких-то связанных с этим вопросов. На этом мы включим в одну из секций работу с представителями гражданского общества других стран. Предложим приехать и представителям украинского гражданского общества. Это факт. Не государственных

структур, не политических структур, а именно гражданского общества, чтобы на уровне горизонтальных связей попытаться найти общий язык, обсудить ситуацию и какие-то подходы. В отношениях с Украиной обсудим, как снизить остроту в отношениях наших стран и народов. Но не хочу забежать вперед и предвосхищать те выводы, которые сделают представители секций.

– Вы наверняка очень внимательно следите за бюджетным процессом, который сейчас в самом разгаре. Как вы относитесь к тем инициативам, в частности о повышении некоторых налогов, которые высказываются в ходе бюджетного процесса?

– Да, я слежу за бюджетным процессом, за налоговыми инициативами, за инициативами в области регулирования экономики. Сейчас я бы сказал, что мы в стране если еще не переживаем кризис экономический, то экономическую стагнацию мы переживаем точно.

Я уже говорил, для меня экономическая стагнация – это когда экономический рост в России ниже среднемирового, а, значит, доля нашей экономики в мировом пространстве уменьшается, и даже у нас в стране импорт побеждает наше отечественное производство.

Сейчас мы переживаем период некоей стагнации в силу того, что не всегда готовы были своевременно начать структурные реформы. И пока мы их не проведем, у нас потенциал экономического роста в пределах 2,0-2,5%. Но даже этот экономический потенциал мы не всегда выбираем. Ну а санкции еще и ухудшают эту ситуацию.

Когда объявлялись известные, очень затратные инициативы в области обороны, или повышения пенсий, или повышения зарплат, было понятно, что они должны сопровождаться какими-то мерами, связанными с тем, чтобы консолидировать ресурсы.

Консолидировать ресурсы на пенсионную систему можно двумя способами – повысив пенсионный возраст или увеличив налоги на бизнес. Я всегда говорил – вот это альтернатива. И когда кто-то говорит, что он не будет повышать пенсионный возраст, это означает, что выбор делается в пользу повышения налогов. Это неизбежно.

Кто-то пытался говорить, что у нас достаточно средств, это не приведет к повышению налогов. Это все было лукавство. Сегодня мы наконец видим, что мои предположения по этому поводу оказались верными на 100%.

Взятые обязательства не обеспечены реальными ресурсами, и сегодня, чтобы их сохранить даже на нынешнем или минимально сокращенном уровне, требуются новые ресурсы.

Сразу пошел разговор об изменении бюджетного правила, но оно не решает проблему, потому что оно позволяет использовать дополнительные доходы от нефти именно этого года. А какие доходы от нефти будут в следующем году, неизвестно.

Сейчас доходы от нефти в рублях подросли, потому что девальвация прошла, и теперь в рублях это больше. Если сегодня начать их тратить, то можно еще продержаться пару лет, а потом все равно поднять налоги, только тогда уже, по-видимому, ситуация будет хуже.

Второе направление – это сейчас поднять налоги, потому что те обязательства, которые приняты, долго-

срочные – это зарплаты, это пенсии, это те же оборонные расходы.

Я считаю, что выбранная несколько лет назад политика является ошибочной. Я спорил с тогда еще президентом Дмитрием Медведевым по этому вопросу. Я говорил, это неправильно, это приведет к уменьшению роста, приведет к повышению налогов. Произошло и то и другое. Я с такой политикой не согласен и заявил это тогда еще. Все это наблюдали.

Есть еще, конечно, третий путь – сокращение расходов. Уточнение или ограничение тех обязательств, которые были объявлены. Я считаю, это правильный путь, это наиболее правильный путь. Не нужно так наращивать зарплаты в бюджетной сфере сегодня. Нужно остановиться, нужно взвесить, нужно сейчас пойти по пути повышения эффективности использования тех ресурсов, которые есть.

Сегодня простое повышение зарплаты преподавателям не приводит к повышению качества образования в стране. Вот в чем проблема. Как известно, в три раза было повышено денежное довольствие Вооруженных сил и правоохранительных органов за последние три-четыре года. Это тоже не привело к серьезному улучшению в этой сфере.

Ну, может быть, повысился чуть престиж военной службы, но качество нашей обороны пока не улучшилось. Может быть, со временем. Но я, к сожалению, не вижу рациональных шагов, которые бы качество системы существенно улучшали. То, что начал (бывший министр обороны Анатолий) Сердюков, было тоже не до конца продумано. Конечно, (действующий министр обороны Сергей) Шойгу может что-то изменить, мы, наверное, об этом узнаем, но пока ярких, понятных мер мало.

– Плоская шкала НДФЛ и низкая ставка налога всегда рассматривались как одно из завоеваний вашей экономической политики. Насколько высоки риски в случае принятия решения поднять ставку налога или отменить плоскую шкалу?

– Я сначала скажу про другие налоги. НДФЛ – это самый, может быть, простой налог из всего, что сейчас обсуждается. Я считаю, что налоги на бизнес сейчас поднимать нельзя и нужно следовать обещаниям правительства, которое говорило о том, что повышения налогового бремени не будет.

Я хотел бы, чтобы правительство следовало своим обещаниям, но тогда нужно и свои шаги в части расходных обязательств корректировать. Сейчас у нас стагнация, повышение налогов уменьшит экономический рост. Выглядит странно, когда правительство принимает решения, уменьшающее экономический рост в условиях, когда его надо поднимать. Вот здесь двух выводов быть не может, это очень четко.

Ситуация в экономике слабая, это значит, у предприятий ниже прибыль, меньше заказов, меньше понимания того, что будет через несколько лет, на какие цели работать. Это уменьшает инвестиции, потому что предприятия боятся вкладывать. В 2014 году инвестиций будут меньше, чем в прошлом, 2013 году. Если повысите налоги, то в следующем году их будет еще меньше. Это же очевидно. Допустим, говорится, что некоторые налоги будут повышены не в 2015 году, а в 2016-2017 годах. Ну, значит, тогда произойдет то же самое.

Как мы можем на ближайшие несколько лет планировать ухудшение положения бизнеса! Это абсолютно бесперспективная экономическая политика. Экономический рост через такую политику не поднять.

Притом, я повторяю, есть другие альтернативные способы решения этих задач. Наоборот, нужна поддержка бизнеса сейчас! И поддержка не через государственные субсидии, к которым доступ очень неравноправный, селективный и коррупционный.

Именно налоги являются нормальным каналом помощи. Я сегодня за то, чтобы не снижать их существенно, но и не поднимать. Если сложно, давайте хотя бы остановимся на том, чтобы их не поднимать. Я против подъема НДС, я против введения снова налога с продаж.

Я бы очень внимательно отнесся и к повышению отдельных акцизов, нужно очень серьезно смотреть за рынком в этой части. Здесь нужно быть аккуратным, потому что рынок реагирует иногда увеличением те-

невой части. Я против повышения страховых взносов, против того, чтобы делать единой шкалу по страховому взносу в обязательное медицинское страхование.

В части НДФЛ я предполагаю, может быть рассмотрен вопрос о повышении НДФЛ, потому что по сути это налог на зарплаты, на личное потребление. Он у нас непропорционально низок, у нас всегда был непропорционально высокий налог на корпоративный бизнес, и в том числе на средний, и непропорционально низкий на доходы личного характера и потребления.

Вот почему эту пропорцию когда-то нужно менять. В этом смысле я не исключаю, что когда-то нужно смотреть на возможность повышения НДФЛ. Пришел ли этот момент сейчас? Я думаю, что есть определенные основания. Если бизнесу тяжело, то нужно переложить чуть-чуть на население. Когда-то это все равно должно было произойти. Отменять ставку плоскую, я думаю, что время не пришло.

Я не говорю, что это теоретически всегда плохо, есть страны, которые применяют прогрессивную ставку, но есть, которые ее применяют избыточно, например, Франция и другие страны, откуда бизнес пытается уйти, чтобы не платить там налоги. Слава Богу, мы далеко от этого!

Я думаю, что мир пойдет сейчас по пути создания более плоских налогов без льгот. Они тогда более нейтральные. Я не считаю, что плоская шкала несправедлива. Если выплачиваете 13% с 1 млрд руб. доходов, то вы выплачиваете 130 млн руб., если со 100 тыс. руб. – то всего 13 тыс. руб. В одном случае 13% стоят 13 тыс., в другом 130 млн. Это справедливо, и это явно говорит, что нет равенства. Богатый платит больше. Но почему он должен платить не 130 млн с 1 млрд, а еще больше – это серьезный вопрос.

В этом смысле никакой большей справедливости в прогрессивной шкале нет, это просто другой способ повышения доходов в бюджет. И так его всегда и рассматривали все страны. Тем не менее я говорю, что он возможен, используется в большинстве стран, но у нас в стране это просто приведет к тому, что опять часть доходов своих средний и более состоятельный класс будет получать через другие каналы. Это всегда вызывает такие искажения в системе налоговых выплат.

– Вы упомянули о решении бюджетных проблем через девальвацию. Как вы считаете, насколько будет велик соблазн использовать этот инструмент и в дальнейшем? И в связи с этим, каков ваш прогноз на курс рубля?

– Уже случившееся в этом году ослабление рубля привело к повышению доходов в связи с тем, что пересчет валютных доходов от нефти в рубли дает больше денег в бюджет. Но я хочу сказать, что, во-первых, за бюджет отвечает правительство, а за курс Центральный банк.

Центральный банк потому и отвечает, чтобы быть независимым, а не беспокоиться за инвестиционную среду. Не должен курс определяться в угоду бюджету. И когда у нас говорят, что государство девальвировало рубль, чтобы повысить доходы, то это несправедливо, потому что Центральный банк сегодня проводит вполне независимую гибкую политику.

У нас рубль ослаблялся и снова укреплялся. Это как раз свидетельство того, что ЦБ действует гибко, независимо, больше следуя за объективными обстоятельствами на рынке, а именно за притоком и оттоком валюты.

Когда был отток в первом квартале существенный, то курс ослабел. Сейчас отток уменьшился, курс снова вернулся. Пока у нас будет превышение доходов от экспорта над расходами, то есть над импортом, у нас все равно будет достаточно стабильный рубль.

В этом смысле это главный определяющий фактор. Я не вижу, чтобы Центральный банк пытался искусственно сдерживать рубль. Слава богу, мы от этого ушли, и, насколько я помню, Центральный банк пока не снял свои цели с 2015 года снизить интервенции на рынке и тем самым сделать курс еще более гибким.

– Очень много раздается голосов против того, чтобы переходить к режиму инфляционного таргетирования и свободного плавания рубля с 2015 года. Вы за или против?

– Очень сложный сейчас момент, может быть, не лучший, согласен. Переходить к инфляционному таргетированию нужно в условиях хорошо работающих институтов рынка, реальной рыночной ситуации, реальной конкуренции, уменьшения доли государства в экономике и уж точно не под экономическими санкциями, которые влияют непредсказуемо на ситуацию, вызывают отток капитала и оказывают другого рода воздействие на бизнес.

Поэтому, когда отдельные институты плохо работают в силу политических обстоятельств, очень трудно ждать, что создание одного правильного рыночного института будет абсолютно четко давать нужные сигналы рынку, и все части рыночной системы будут адекватно реагировать на эти рыночные сигналы. Они не могут реагировать в силу определенных обстоятельств.

Тем более, когда происходит стагнация, а правительство не хочет принимать реальных мер по повышению доверия к российской

экономике. Или не хочет, или не умеет, или, так уж получилось, боится эти меры принимать. Поэтому я тоже думаю, что здесь есть вопросы. Нужно взвешивать плюсы и минусы.

– Вы сказали, что сейчас экономика находится в стадии стагнации. Считаете ли вы, что экономика может перейти в следующую стадию, стадию рецессии, стадию экономического кризиса?

– Если будет дополнительная серия санкций, я имею в виду серьезных, отраслевых санкций, в отношении энергетики, финансов, то да, мы можем и просесть. Может быть, не в этом году ниже нуля (уже полгода прошло), но в календарном году от момента введения таких санкций экономический рост будет уже отрицательный.

– А, кроме санкций, есть еще какие-то факторы, которые могут столкнуть экономику в рецессию?

– Таким фактором всегда остается цена на нефть. Вы знаете, я здесь на днях встретился с министром экономики одной из стран, не относящейся к «большой восьмерке», тоже добывающей нефть. Первый его вопрос был: «У вас слишком высокие расходы, потому что вы зависите от такой цены, как сейчас, а что вы будете делать, если цена снизится в течение нескольких лет? Вам будет очень трудно. Вы хорошо все продумали?»

– А правительство в нынешнем составе способно ли справиться с этими вызовами?

– Правительство, многие министры очень профессиональны, но нет координации, нет общей политики. Мы даже на экономических форумах обсуждаем – есть ли политика у правительства. И все время первый ответ – она не понятна. Предпринимаются шаги, которые в правоохранительной сфере повышают какие-то полномочия правоохранительных органов. И мы все понимаем, что качество их администрирования будет плохое, а это значит – давление увеличится. Знаем, что в судебной системе качество решений не повышается. Все мы знаем, что налоги могут быть повышены. То есть эта политика как минимум не понятна, а вообще-то она не приводит к экономическому росту.

Беседовали

Глеб БРЯНСКИЙ и Рита ШПИЛЕВСКАЯ

Евгений ГОНТМАХЕР:

«ГЛАВНАЯ МИССИЯ КОМИТЕТА – СБЕРЕЧЬ
«ЗОЛОТОЙ ФОНД» ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА...»

– Евгений Шлемович, я хотел бы начать разговор с Вами как с руководителем проектной группы Комитета гражданских инициатив. Комитет существует уже более двух лет. Какие из запланированных целей уже удалось достичь?

– Мне кажется, мы не ошиблись в векторе своей деятельности. Миссией Комитета в апреле 2012 года была заявлена консолидация гражданского общества – через систему горизонтальных связей, поддержку гражданских инициатив. Два года мы этим плотно и занимаемся, подчиняем этой цели каждый проект.

– Давайте начнем разговор с самого масштабного из них – я имею ввиду прошедший в ноябре 2013 года общероссийский Гражданский форум.

– О масштабе Форума можно судить по тем вопросам, которые были вынесены для обсуждения. Тут и политическая конкуренция, и коррупция, и судьба Конституции, и гражданский контроль, и пресловутый закон об «иностранных агентах». Но при этом не надо забывать, что участники Форума активно обсуждали и социальные проблемы (образование, охрана здоровья, ЖКХ, окружающая среда, культурная политика, историческое сознание и т.д.), и экономику. Лицами Форума были, в том числе, такие жесткие оппоненты нынешней власти, как Георгий Сатаров, Елена Панфилова, Людмила Алек-

сеева, а среди участников – десятки, если не сотни людей менее известных, но не менее независимо настроенных.

– А было в связи с этим какое-то давление «сверху»? Как отреагировали власти?

– Никакой реакции «сверху» не было. В наш Оргкомитет никто оттуда не звонил, чтобы дать «совет» или предостеречь от «ошибок». Да, известные всем желтизной и прикормленностью издания, интернет-ресурсы и блогеры выпустили – правда, без энтузиазма – дежурную ложь. Например, о том, что Гражданский форум – кремлевский проект или, наоборот, о якобы его совместной организации кудринским Комитетом гражданских инициатив и партией Михаила Прохорова. Но эти «информационные» потуги были настолько нелепы, что у меня крепнет вывод: никакого «указания сверху» о том, как относиться к Форуму, не поступило. Весьма доброжелательный сюжет показал в своих «Вестях» даже государственный телеканал «Россия», который обычно потчует своих зрителей примитивной пропагандой.

– Какие именно круги гражданского общества объединил Форум?

– Вот здесь особенно интересная история. Обычно с «гражданским обществом» ассоциируется, прежде всего, социальная деятельность и правозащита. Но

не менее важны люди, объединяющиеся для защиты своих интересов в бизнес-сообщества и саморегулируемые организации. Мы их позвали и, конечно, необычно было увидеть среди участников Форума, например, руководителя Ассоциации российских банков Гарегина Тосуняна, президента Всероссийского союза страховщиков Игоря Юргенса, вице-президента РСПП Виктора Плескачевского.

– А чем Форум отличался от уже не раз проходивших аналогичных мероприятий?

– Помимо масштаба – форматом. Мы помним гражданские форумы прошлых лет: их прямо или косвенно организовывало государство, и общественники собирались для того, чтобы докричаться до власти о своих проблемах. Но это был односторонний процесс: как съехались на такой хурал, так и разъехались по домам, выслушав дежурные, ничего не значащие слова о полезности гражданского активизма. Наш же Форум был организован принципиально иначе, по современной технологии. Мы категорически не хотели, чтобы на трибуну выходили какие-то люди с длинными речами, а в зале в этот момент спали. Открылся Форум панельной дискуссией, модерировала которую журналист и правозащитник Ирина Ясина – там были определены самые общие, ключевые вопросы. Были заданы четыре большие темы: власть, жизнь (социалка), экономика и общество. Внутри каждая из этих тем была разбита на несколько так называемых малых кругов, то есть компактных дискуссий.

В течение двух часов участники обсуждали предложенные модератором тезисы, включая свои мозги. По результатам работы каждого "малого круга" были определены 3-5 тезисов к повестке дня для России, которые модераторы оглашали на заключительном пленарном заседании.

В итоге на более чем 30-ти «малых кругах» был наработан очень любопытный контент, ставший отправной точки для дальнейшей, максимально широкой дискуссии в режимах on-line и off-line.

– А будет ли польза от подобных наработок? Сколько уже их было написано, и ни к одному власти не прислушалась...

– Да, но штука в том, что эти предложения не адресованы власти: «Выслушайте нас в очередной раз, пожалуйста!». Время челобитных закончилось. Сейчас в стране всё настолько серьезно, что надо действовать по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Если во власти всё-таки найдется кто-то, понимающий, что нынешняя, закрытая от общества система управления Россией неэффективна и ведет всех нас в тупик, то, конечно, диалог с государством возможен. Только надо понимать, что он должен быть равноправным и нелицеприятным. Именно в этом – единственная возможность для перехода от деградации к развитию без революций, хаоса и прочих внесистемных встрясок.

Но предъявление упомянутых предложений – это не финиш. Гражданский форум объявлен постоянно действующим. Формы его работы будут самыми разнообразными. Задача – консолидировать наиболее активную часть гражданского общества, вселить в нее уверенность в то, что всё рано или поздно у нас получится. Сейчас мы работаем над подготовкой Второго Гражданского Форума, который состоится в ноябре 2014 года. В этот раз мы планируем пригласить к участию больше экспертов и чиновников, в том числе высокопоставленных, чтобы даже в нынешних условиях наладить какой-то диалог вокруг позиций, выдвигаемых гражданским обществом.

– Какие еще проекты осуществляются при поддержке Комитета гражданских инициатив?

– За два года мы поддержали десятки самых различных проектов. Причем, что я считаю особенно важным, почти все проекты – региональные. Я даже не скажу сходу, есть ли у нас какой-то московский проект. То есть мы поддерживаем самые разные инициативные группы в разных частях нашей страны, которые консолидиро-

ванными усилиями выдвигают и развивают проекты по улучшению жизни граждан. Кроме того, мы «вытаскиваем» информацию об этих проектах на федеральный уровень, размещаем ее на наших ресурсах, где можно отследить развитие проекта. Например, в рамках миссии по консолидации гражданского общества мы реализуем многие образовательные программы. Один из крупнейших – «Школа гражданских лидеров». В этом году к этому проекту подключился один из партнеров – Московская школа гражданского просвещения Елены Немировской.

Есть проект «Школа местного самоуправления», нацеленный на подготовку людей для участия в муниципальных выборах. Всего не расскажешь – это целый ряд проектов, направленных на поддержку низовой горизонтальной самоорганизации гражданского общества – от Владивостока до Калининграда.

Второе направление – это аналитика. Каждый год мы усилиями высокопрофессиональных экспертов делаем несколько достаточно громких аналитических докладов на разные темы – о состоянии гражданского общества, о состоянии политической системы, реформе правоохранительных органов, здравоохранения и других сфер нашей жизни.

– Опять же – какова вероятность того, что эти доклады будут услышаны и использованы властями предрежащими для улучшения положения дел в стране?

– Вы знаете, идеальных ситуаций не бывает. Даже в 90-е годы, о которых Вы много пишете, власть далеко не всегда прислушивалась к экспертному мнению. Потому что любая власть обладает своей логикой. Например, в любой стране государственные органы подстраивают свои ритмы, свои интересы к выборным циклам. Эксперты к этим циклам не привязаны – они думают на 5-10 и более лет вперед. Яркий пример – пенсионная реформа. Она рассчиты-

вается на десятилетия, а у политических элит такого времени нет – они решают проблемы завтрашнего дня. Поэтому всегда и везде возникают определенные коллизии в этом. Но показатель зрелости гражданского общества в том, чтобы худобедно находился какой-то компромисс и использовались сильные стороны всех сторон диалога. Сила экспертной стороны – в ее профессионализме, в глубине видения тенденций, которых не видит человек, который находится во власти. Но человек, который находится во власти, имеет реальные рычаги решения проблем – в рамках генерального тренда, которым является улучшение качества жизни населения.

– В какой степени этот компромисс может быть достигнут в нашей стране?

– Пока у нас такой баланс сил не прослеживается. Все 20 лет независимой России идет постоянный поиск этого баланса. Когда-то мы подходим к нему ближе, когда-то – отдаляемся. Сейчас работает схема на отдаление от компромисса экспертов, бизнеса и власти. Власть закапсулировалась и относится к экспертному мнению свысока. Это видно по качеству законодательства последнего времени. Но тем не менее работа Комитета отчасти влияет на эту ситуацию. Я бы так сказал: есть конкретные вещи, которые мы, благодаря, прежде всего, авторитету Алексея Леонидовича Кудрина, сумели донести до руководства страны. Например, нам удалось смягчить закон о митингах. Это же касается вопроса о муниципальной реформе – в том числе и при нашем участии было принято решение, что каждый регион выбирает свою модель выборов. Сюда же можно отнести работу Кудрина по сохранению бюджетного правила, оптимизации финансовой, валютной системы...

– В Комитете некоторое время назад велась дискуссия о едином учебнике истории. Удалось ли в этом вопросе как-то повлиять на позицию власти?

– Вы знаете, да – нам удалось отодвинуть ситуацию от полного абсурда. Дело в том, что Путин не историк, и понятно его желание выстроить единую трактовку отечественной истории. Понято и то, что в его окружении находятся люди, имеющие корыстные интересы, которые переносят эту идею в утилитарную плоскость – мол, стране нужен один учебник в буквальном значении этого слова, чуть ли не краткий курс истории ВКП(б). Мы выступили очень жестко против такого подхода, и неоднократно. В итоге было принято решение о единой методике, или концепции, преподавания истории – а это принципиально иная вещь. Фактически сейчас учитель истории будет волен выбирать, по какому учебнику ему преподавать дисциплину. Хотя, конечно, та вольница, которая была еще несколько лет назад, заканчивается, и это надо признать.

И таких примеров можно привести множество. Конечно, коренного перелома нам добиться пока не удастся, но мы работаем в долгую, и исподволь, в меру сил и возможностей, вносим свою лепту. В конце концов,

есть такое понятие, как «окно возможностей». Да, пока не удастся, пока к нам не прислушиваются. Но кто знает – может через год-два откроется новое окно, и нам скажут: ребята, вы знаете, как надо, давайте реализовывать ваши наработки. И к тому времени у нас должны быть на руках дорожные карты. Это одна из миссий комитета.

Но все-таки основной миссией я считаю сбережение, консервацию «золотого запаса» гражданского общества – тех здоровых неравнодушных людей по всей стране, которые сегодня отчаялись, опустили руки, ушли во внутреннюю эмиграцию, полагая, что все кончено. Мы говорим им: нет! Да, ситуация ухудшается, да, на гражданское общество идет давление, но тем не менее, если эти люди сохраняют себя, свой профессионализм, то в какой-то момент они будут востребованы страной.

– Вопрос в том, когда это произойдет и согласятся ли люди ждать. Ведь помимо внутренней эмиграции имеет место и сама что ни есть настоящая – лучшие люди России массово покидают страну...

– Думаю, речь идет не о десятилетиях, а о годах. Точно спрогнозировать трудно. Ведь и Советский Союз рухнул неожиданно – кто мог предположить, что произойдет в августе 1991 года. Так и здесь – я опасюсь сценария, при котором система, глухая к общественному и экспертному мнению, даст сбой, а люди будут не готовы «с колес» делать что-то новое, к чему не готовились. Частично такая история произошла с нашими младореформаторами – командой Гайдара-Чубайса. Кто мог подумать, что именно этой команде в одночасье предложат реализовывать на практике все то, что она более десяти лет научно обосновывала на неформальных семинарах. Такая

ситуация может повториться и сегодня – и поэтому все, что мы делаем в рамках Комитета (круглые столы, семинары, заявления) – это своего рода учения, без которых никогда не выигрывала ни одна армия.

– В одном из последних интервью Вы поставили России печальный диагноз, сказав, что она исчезает. В чем в наибольшей степени проявляется это исчезновение?

– Россия исчезает как уникальный биосоциальный феномен. Исчезает русскость, вокруг которой сейчас ведутся споры на политико-дилетантском уровне. Надо понимать, что все эти рассуждения об особости русского пути – это 19

век. Я тоже не историк, я экономист. Но изучение экономистом социальных процессов не может ограничиваться только голыми цифрами. Это еще и мотивации, архетипы, поведенческие ментальные установки. Только при учете этих культурологических факторов рождается эффективная социальная политика. А если мы приняли какой-то закон, а на практике оказалось, что он не работает, то это вовсе не из-за недофинансирования, а потому, что просто не поняли, как это все наложить на пласт «коллективного бессознательного».

– Тогда что, на Ваш взгляд, включает в себя феномен русскости и каковы причины его исчезновения?

– Главная причина в том, что на протяжении всего XX века его успешно уничтожали путем своеобразной негативной селекции – примеры, думаю, излишни. Что касается феномена – у него есть несколько слоев. Самый внешний слой – это институт государства. За 20 с лишним лет новой России государство как институт вроде бы создано – десятки министерств, сотни тысяч чиновников, огромные бюджеты – а счастья нет. Коррупция, неэффективность, непрофессионализм, ручной

режим сделали из этого института вещь в себе, что-то наподобие яйца, из которого давно ушло все его содержимое. И это уже несет колоссальную угрозу «русской цивилизации». Второй слой этого феномена – то, что называется «гражданским обществом». Это все виды самоорганизации людей, формальные и неформальные. Понятно, что советский строй этому виду человеческой активности нанес колоссальный ущерб. Бытует миф, что якобы в советское время был апофеоз коллективизма. На самом деле это был апофеоз атомизации общества. То, что сделала тогдашняя власть с русским феноменом – преступление. У нации сильно порушили чувство сплоченности и солидарности, почти полностью выбили у людей желание объединяться друг с другом вне зависимости от государства, от монаршей воли, чтобы защитить свои интересы или удовлетворить какие-то свои потребности даже не по защите себя от внешней угрозы, а просто для совместного проведения времени.

– Как Вы оцениваете состояние современного гражданского общества? И вообще – есть ли оно?

– Если подходить с формальными критериями, то, наверное, оно все-таки есть: сотни тысяч зарегистрированных НКО. Но на самом деле, если мы посмотрим объективно на весь этот массив с точки зрения того, как люди объединяются друг с другом и какие методы они используют в социальном общении, то на самом деле из тех общественных организаций, которые даже зарегистрированы, значительная часть – это GONGO, своеобразные партнеры государства в том смысле, что полностью зависят от него и финансово, и содержательно, как это было в Советском Союзе с профсоюзами. Конечно, есть и общественные организации, действительно независимые от государства. Но в последнее время многое было сделано для того, чтобы загнать их в статус приводных ремней власти, а сопротивляющимся перекрыть возможности для работы.

развернуть все-таки российский корабль в сторону европейского вектора развития. Они давали надежду на то, что при каком-то повороте исторических событий обстоятельства сложатся так, что этой прослойке удастся, получив рычаги изменений, остановить процесс формирования «агрессивно-послушного большинства». Но не получается.

– Может быть потому не получается, что у власти нет исторической воли? Жесткая рука Путина и жесткая рука Ли Куан Ю – самые непохожие в мире вещи. Нашим элитам гораздо проще идти на поводу у «агрессивно-послушного большинства», нежели поднимать новый проект вестернизации России. Как сказал Энгельс, кто встал на наклонную плоскость, тот по ней и катится...

Но дело в том, что гражданское общество – это не самый последний слой. Главное, что определяет здоровье (в широком смысле этого понятия) нации, лежит еще глубже. Это межличностные отношения – самая глубокая, базовая ткань социума. Глубже этого только биология. Так вот: если бы межличностный базис был хотя бы относительно здоровым, то при определенных условиях все остальные слои – гражданское общество и государство – могли бы реанимироваться и создать действительно динамично развивающуюся страну.

– То есть корень проблем русской цивилизации – в отсутствии здоровых межличностных отношений?

– Именно. У нас умирает вот эта самая глубинная и собственно основополагающая часть любой общественной жизни. Многие люди уже не могут общаться друг с другом без вопроса «А ты за кого?». Украинские события стали спусковым крючком для вываливания наружу и крайнего обострения отношений, вплоть до ссор и прерывания всяческих отношений, между мужем и женой, родителями и детьми, внутри трудовых коллективов. Я бы сказал так: раскошение социума на уровне государства и гражданского общества уже дошло до самой глубины. Первые признаки деградации социума отмечались, кстати, давно, еще с советского времени. Был массовый психоз 1937 года, общенародная борьба с «безродными космополитами», доноительство, исчезающие понятия «милосердия» и «терпимости». 90-е годы добавили к этому на межличностном уровне много ненависти, например, к тем, кто разбогател, кто имеет другой цвет кожи и просто «другой». Массовая ксенофобия, часто переходящая в расизм – из тех времен.

Сейчас Россия находится в таком состоянии, когда 10-15% общества – это люди, которые хотят чего-то другого и в экономике, и в политике, а именно

– Да, методология управления, построенная на перманентном подогревании массовой истерии и ненависти в краткосрочной перспективе проще, нежели гражданское просвещение населения. Но ведь это колоссальная стратегическая ошибка, потому что создается избыточная траченность социума, а тем самым Россия заканчивается как оригинальный мировой цивилизационный феномен. На это накладываются экономические трудности последнего времени, имеющие место быть даже без всяких западных санкций. А власть вместо того, чтобы как-то остановиться, подумать, вот эту самую глубинную ткань сохранить и нарастить, ее еще больше разрушает психоделической пропагандой. Нас хотят убедить в том, что мы должны затянуть ремни, потому что вокруг супостаты, а внутри – национал-предатели и «пятая колонна», которые хотят разорвать на куски Россию.

Причем инерция процесса – совершенно ошеломительная. Даже если сейчас вдруг Владимир Владимирович прозреет и увидит, что корабль сорвало с якорей, и спешно начнет что-то делать, то для перелома тенденций потребуются многие, многие годы. Дай Б-г, если не поколения.

Людмила АЛЕКСЕЕВА:

«ИМПЕРСКИЕ ИНСТИНКТЫ ИДУТ ИЗ ЖИВОТА,
С НИМИ ОЧЕНЬ СЛОЖНО БОРОТЬСЯ...»

– Людмила Михайловна, первое, что поражает впечатление, – разнузданная антиукраинская пропаганда на телевидении. Сторонники Майдана изображаются на фоне портрета Гитлера...

– Поверьте мне, очень многие здесь хорошо понимают, что на самом деле происходит на Украине. Эта страна нам очень близка. Но в России официальная пропаганда сознательно искажает все, что там происходит. Пользуясь глубоким отвращением нашего народа к фашизму, приклеивают этот ярлык на того, кого травят. К сожалению, есть легковверные люди, особенно среди малообразованных, которые в это верят, но это только под влиянием недобросовестной, я бы сказала, бессовестной пропаганды. Конечно, на Украине есть те, кого вполне можно назвать фашистами, но их вряд ли больше, чем в России или Германии. Они маргинальны и не влияют на политику.

– Что же, по-вашему, произошло на Украине?

– Там произошла революция. Это вообще-то удивительная вещь. Тут трудно сказать, они ли от нас отстают или мы от них. Это у них сейчас то, что произошло у нас в 1991 году, или они нас опередили в развитии? Так или иначе, но сейчас они просто решительно сбросили эту коррумпированную власть, не интересующуюся нуждами народа, живущую ради сохранения собствен-

ных привилегий. Вообще у нас с Украиной одинаковые беды. Поэтому нам очень понятно, что там произошло. Они сбросили абсолютно такую же власть, как у нас. Но нам еще до этого далеко.

Я только не хотела бы, чтобы мои слова были поняты так, будто я хочу, чтобы и у нас произошла революция. Я хотела бы, чтобы у нас смена власти произошла мирным, цивилизованным путем, путем диалога гражданского общества с властью. Но именно вторжение в Крым и бесстыдное использование слабости, в которую попала эта страна после смены власти, попрание всех международных договоренностей – это все, к сожалению, приближает у нас революцию, а не мирный переход. Власть, которая ведет себя таким безумным образом, в конце концов дождет взрыва.

– С крымской кампанией сейчас связывают подъем патриотизма...

– А это не патриотизм, это имперские инстинкты. Какой патриотизм? Патриотизм – это честное чувство, любовь к своему народу, а не агрессия к чужим. Мы имперская страна, у нас сильно развиты имперские инстинкты. Даже демократическое протестное движение разделено по вопросу о Крыме. Мне рассказывали, что те, кто был задержан в ходе митинга против приговора по «болотному делу», как только попадали в автозаки,

начинали спорить о Крыме до исступления. Эти имперские инстинкты идут из живота, из подсознания. С ними очень сложно бороться, ведь мы были империей на протяжении столетий.

– **Для вас события на Украине, наверное, имеют особенное значение, ведь вы родились в Крыму?**

– Да, часть моей семьи из Крыма, одна моя двоюродная сестра до сих пор живет там. Меня перевезли в Москву, когда мне было три года. У меня есть друзья среди крымских татар, которые мне помогали еще в шестидесятые. В позапрошлом году я снова к ним ездила, несмотря на то что двигаться мне все труднее. Крым для меня в каком-то смысле родина. Но я не хочу, чтобы он был в составе России.

– **Почему не хотите?**

– Речь не о том, кому что принадлежит. Речь о том, как Россия это делает – совершенно бессовестно. А я – россиянка, несмотря на то что родилась в Крыму, и для меня это позор. У меня ощущение дежавю с 1968 годом, когда советские танки вошли в Прагу. Я тогда готова была провалиться сквозь землю от стыда за то, как мы поступаем с этой маленькой страной, рванувшейся к свободе. А сейчас мне еще стыднее, потому что Украина нам гораздо ближе, чем Чехословакия. И мы делаем то же самое – они рвутся к свободе, а мы вводим войска. Это братская страна, а мы просто откусили у нее кусок территории.

– **Есть другой взгляд на крымский вопрос: Косово отделилось от Сербии, Шотландия хочет отделиться от Великобритании, Крым хочет отделиться от Украины – в чем проблема?**

– Слушайте, это даже сравнивать нельзя. Подготовить референдум за пять дней?! Референдум, который организовали люди, неизвестно откуда взявшиеся и непонятно кем назначенные руководителями этого региона? Когда Крым наводнен

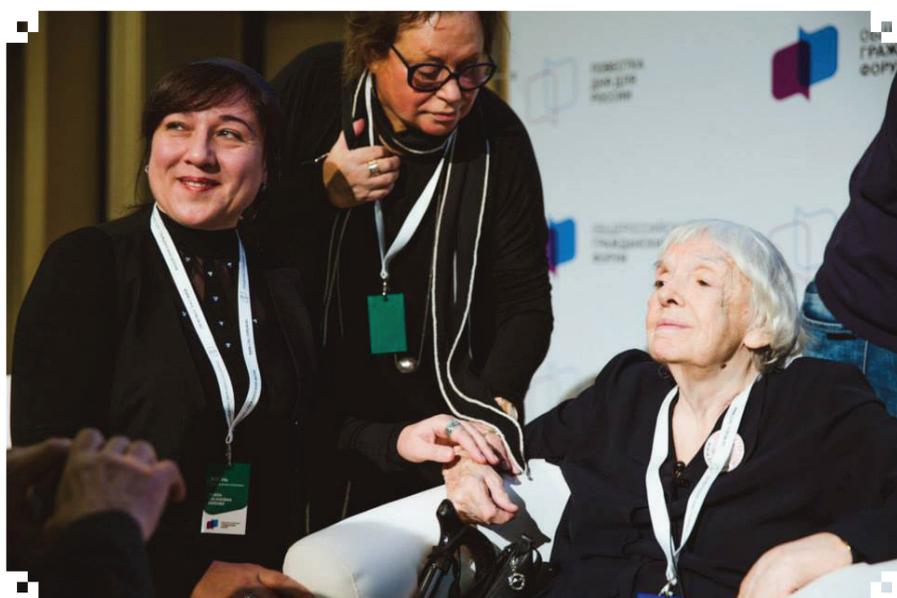
российскими войсками? Знаете, что меня больше всего приводит в отчаяние, за что мне безумно стыдно, – за эту беспросветную ложь. Не могу ее слышать, не включаю телевизор, у меня начинаются прямо рвотные позывы. Нам говорили, что там нет наших войск, а кто были эти люди с российским оружием и в российской военной форме? Да, военную форму можно купить в любом магазине, а что, военные грузовики с нашими номерами тоже в любом магазине можно купить? За кого вы нас считаете, кто вам поверит? И все это говорил президент с экрана телевизора. Слушайте, так свободно, я бы сказала, с удовольствием врать – это просто удивительно, как будто это не президент, а двухлетний мальчишка врет своей маме.

Если в цивилизованном государстве избранного или назначенного чиновника ловят на лжи – это конец его карьеры. А здесь – начало.

– **Насколько, по-вашему, возможен Майдан в России?**

– Украина – большая страна, но все-таки несравнима с Россией. И поэтому про Россию нельзя говорить как про Украину, как про нечто единое целое. Майдан возможен в Москве, в Петербурге, Екатеринбурге, Перми, но я не очень представляю себе Майдан, скажем, в Вологодской области. Там народ гораздо более флегматичный. Вообще, крупные страны устроены по-другому, у них история идет иначе. Если взять, скажем, Калмыкию или Татарстан или Северный Кавказ, то это совсем другое, другие проблемы и чаяния, чем в Москве. Там возможны вспышки, но не из-за Европы и не из-за демократии. Главная проблема России – это ее лоскутность. Мы очень разные. И я не могу себе представить ни одной проблемы, которая одновременно и одинаково бы взволновала ту же Вологодскую область, Калмыкию, Северный Кавказ и Москву. Такого нет.

Однако я вспоминаю 1991 год. Тогда поднялась на протест Москва – и вслед за ней изменилась вся Россия.

– Как вы считаете, угрожает ли нам новая холодная война?

– А она уже началась. И если все будет так развиваться дальше, она будет только усиливаться. Я по-прежнему удивляюсь терпению Америки и Европы, потому что наша беспрерывная антизападная пропаганда давно уже может вывести из себя кого угодно. Но у них хватает духу не обращать на нее внимания.

– Как Западу вести себя по отношению к России? Как реагировать на Путина – мягко или жестко?

– Вы знаете, я не политик и вообще последний человек, у которого надо спрашивать совета. Но как человек заинтересованный, должна сказать вам важную вещь. Руководители стран «Большой восьмерки» – теперь уже семерки – вводят экономические санкции против России. Это очень печально, потому что любые действия по экономическому удушению наиболее сильно ударят прежде всего по обычным людям, а не по Путину. Ну, он там миллиарда не досчитается, а людям уже тяжело будет. Кроме того, политикам должно быть известно, что люди с пацанской психологией понимают только силу, поэтому считают, что и другие понимают только силу. Вот это они должны знать, а давать советы я не могу, это было бы неприлично с моей стороны.

– На Западе существуют две точки зрения по поводу распада Советского Союза. В Германии популярно мнение, будто Западу удалось уговорить советских лидеров демократизировать СССР, что в конечном счете привело к его самоликвидации. В США принято считать, что Советский Союз погубили гонка вооружений и экономический коллапс. Какой путь, по-вашему, стал решающим?

– Конечно, гонка вооружений и поддержка разных социалистических режимов в мире очень истощили страну. Но это не было единственной причиной. Булат Окуджава в 1968 году сказал об этом лучше всего:

*Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не от того, что тяжек быт
Или страшны мытарства.*

*А погибают от того
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше.*

Вот это и произошло в Советском Союзе – умерла та идея, ради которой люди терпели лишения. Я помню послевоенное время, когда страна лежала в руинах. Мы были не бедными – мы были нищими и голодными. Но мы говорили: слава богу, война кончилась, восстановим страну из последних сил. И восстанавливали с огромным энтузиазмом. Было совсем другое настроение. А под конец Советского Союза в 80-х годах люди жили го-

раздо лучше, чем после войны. Но дефициты и очереди безумно раздражали людей, восстанавливали их против власти. И никакого энтузиазма не было. «Не уважают больше» – вот это и случилось. И знаете что? Сейчас мы к этому рубежу очень быстро приближаемся. Потому что после советского аскетизма мы не привыкли, что среди нас живут безумно богатые люди и не стесняются этого. А это очень настраивает людей против власти.

– На Западе удивляются – Советского Союза давно нет, но используются те же советские методы...

– А вы знаете, те люди, которые сейчас у власти, это очень такие... по фазе отставшие люди с советской психологией. Что президент, что депутаты. Это просто поразительно, как они ничего нового не могут придумать, кроме того, что было в СССР. То они придумают школьную форму, то пропаганду гомосексуализма... Фобии те же, понимаете. Все, что они придумывают, это очень по-советски. Вот единственное, что сейчас иначе, чем было тогда, – они подключили православие. И самое смешное, что особенно православны сейчас бывшие коммунисты. Раньше они разрушали церкви, а теперь сами такие православные. И это удивительное соединение советской психологии и такого, знаете, ханжеского православия... Именно ханжеского, потому что все-таки христианство – это любовь, всепрощение. А здесь... Например, этот дикий шабаш вокруг Pussy Riot – это демонстрация такой звериной ненависти, мелкой злобы, мстительности. В этой истории ничего не было от христианства.

– Вы верующая?

– Я верующая, но в церковь не хожу, потому что патриарх Кирилл – это же ужас какой-то. Жадность, мстительность и злобность – ничего нет от христианства.

– Есть ли надежды на смену политического климата в России?

– Да. И вы знаете, моя особая надежда связана с новыми поколениями. В них все меньше советского и все больше свободы. Вот эти ребята на Болотной площади, которые сейчас получили реальные тюремные сроки... Слушайте, ведь на демонстрации было больше 80 тысяч. Из них выхватили случайно каких-то людей, в основном молодых. То есть ясно, что кого бы ни выхватили, они

оказались бы точно такими же. Чувство собственного достоинства, осознание своей правоты и порядочность – это о них. Ведь каждому из них предлагали: признайте, что это были массовые беспорядки, дайте показания на других – и вы выйдете. А они сказали: отсидим, но не выйдем. И это люди, случайно попавшие под раздачу! Пошли прошвырнуться в хороший майский денек! И попали на такие жестокие сроки. Герои! Вы понимаете – ге-ро-и! Это значит, что таких было много среди этих восьмидесяти тысяч. Вот в чем надежда. Общество меняется.

Когда ввели танки в Чехословакию в 1968 году, на Красную площадь вышли восемь человек. А сейчас, когда ввели войска в Украину, протестовать вышли тысячи, одних только задержанных было за два дня, и только в Москве, более шестисот человек. Это ведь о чем-то говорит!

– Москва все больше похожа на западный город, а люди меняются?

– Вы знаете, да. Вот, например, раньше на улицах Москвы было очень легко отличить иностранца по открытому, ясному лицу. Теперь уже не так легко – больше открытых лиц. Хамства сильно поубавилось. Раньше стоило выйти в магазин – и возвращаешься уже с колотящимся сердцем – десять раз тебя успевали обхамить. Сейчас такого почти нет. Я же говорю – новое поколение приходит, более свободное, чем раньше.

– Эти перемены происходят благодаря или вопреки Путину?

– А кто такой Путин? Он же в Кремле, а жизнь – здесь, на земле. Нет, это идет помимо него, и, по-моему, он на это никак не влияет. На это невозможно повлиять, это не в его силах.

– Вы знаете Путина лично. Как он устроен?

– Я не тот человек, который может ответить на этот вопрос. Он просто настолько иначе устроен. Ведь как мы понимаем другого человека? Мы стараемся поставить себя на его место. С Путиным

я не могу этого сделать, это совсем другой человек. Другой жизненный опыт и другие ценности. Я с ним познакомилась в 2001 году на Гражданском форуме, потом часто встречалась с ним и очень внимательно за ним всегда наблюдала. Поначалу он так был в себе не уверен, вел себя осторожно, боялся ошибиться, то есть, он понимал, что у него нет опыта. Сейчас он заматерел. Когда я смотрела, как он профессионально врет по телевизору, я была поражена. Очень обучаемый человек, очень умный.

Но я его не понимаю, не понимаю, чего он хочет. Ведь он мог бы стать творцом «русского чуда». При нем на нас посыпался этот нефтедолларовый дождь, пошла вверх экономика, страна была готова работать. А он вместо русского чуда устроил кооператив «Озеро». Зачем, почему? Я считала, что это

так духоподъемно – стать автором «русского чуда». А он что сделал? Ради чего? Не понимаю.

– Вы уже более 50 лет занимаетесь защитой прав человека. Все та же борьба, что и в 1960-е годы, все одно и то же?

– Да, а вы знаете, это очень трудная и долгая работа, потому что успехов здесь гораздо меньше, чем неудач. Из десяти дел, за которые я берусь, примерно три удаётся сделать, а семь – не удаётся. Поэтому надо иметь большой заряд оптимизма, чтобы это продолжать. Но когда к тебе обращается живой человек с такими проблемами, которые являются трагедией всей его жизни, семьи, как не помочь человеку, как не постараться? И даже если ничего не удастся... У нас такие в этом отношении неизбалованные люди. Я говорю: вот я это попыталась сделать, вот я там была, туда написала, но у меня ничего не получилось, ничего я не смогла сделать. И он в ответ: спасибо, что хотя бы постарались. Вы понимаете, ему легче от того, что кто-то вошел в его положение. Ну а как же не войти-то? Я просто Бога благодарю, что 50 лет назад я нашла чем заниматься. Вот ради этого стоит жить.

– Был ли такой момент, когда вы решили заниматься только этим?

– Нет, такого момента не было. Просто постепенно надоела советская ложь и презрение к людям. Почему это мне должны говорить, с кем дружить, что надевать, как жить? Да я знаю это лучше вас. А они: ну, за это в тюрьму. Ну в тюрьму так в тюрьму.

Это ведь было не мое решение. Точнее, не только мое. Русская история – это что-то удивительное. Всегда помыкали человеком, всегда не обращали на него внимания. И во все периоды истории находились люди, которые могли этому противостоять. Это и есть русская история. И я очень счастлива, что оказалась среди тех, кто противостоит, а не среди тех, кто помыкает людьми. Ведь противостоят такие люди, как Герцен, как Сахаров, – это же большая честь работать здесь! И поэтому я не какая-нибудь особая, я просто живу в русле русской истории.

– На вас напали в метро, вас задерживали на акциях и демонстрациях, вас преследуют, кричат: «Уезжайте вон». Бойтесь ли вы чего-нибудь?

– Чего это я должна бояться? Любой человек, который хоть что-нибудь делает, имеет доброжелателей и недругов. Это – во-первых, а во-вторых, я ужасная трусиха, боюсь высоты, боюсь воды. Вот чего я совсем не боюсь – так это людей. И даже самые свирепые люди каким-то образом понимают, что я их не боюсь. Как правило, со мной люди говорят очень вежливо, и я им отвечаю взаимностью. Я не нарываюсь на грубость. А почему я не боюсь людей? Наверное, потому что они мне нравятся. Знаете, это как собаки. Кто их боится, того они и кусают. Так ведь люди – тоже животные. Вот тот же Путин. Ведь он же знает, как критически я о нем отзываюсь. С особенным удовольствием я критикую его в немецкой прессе, потому что, говорят, он ее читает. Он же знает это, тем не менее он со мной очень вежлив и даже доброжелателен. И я с ним тоже. Моя бабушка мне говорила: никогда даже самому плохому человеку не делай

того, что ты бы не хотела, чтобы сделали тебе. Относись к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе. Вот я стараюсь, и, по-видимому, из-за этого я их не боюсь, и из-за этого у меня никаких проблем нет.

– Откуда у вас столько сил?

– А у меня немного сил. Во-первых, очень упала работоспособность. Вот видите, я вас принимаю дома, и других тоже, вплоть до иностранных послов. Сейчас, например, сменился французский посол. Старый посол позвонил, говорит: мол, я уезжаю, хотелось бы проститься. Вам трудно прийти, может, мне лучше к вам? Отвечаю: ой, я буду очень благодарна!

А потом они, видимо, сообщают друг другу. Вот шведский посол с цветами приходил.

Так что, как вы видите, я хожу плохо. Но голова еще работает, стараюсь что-то писать (показывает на высокую стопку блокнотов и бумаг). И пока я жива, я буду этим заниматься, потому что для меня это самое важное и самое интересное в жизни.

– В 2007 году вы сказали, что через десять лет Россия будет демократической страной. Это уже 2017 год, совсем скоро. Не меняете своей точки зрения?

– Действительно, пока что мало похоже. Но Россия – страна чудес. Вы знаете, в конце 60-х годов Андрей Амальрик написал книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Я над ним смеялась. За неделю до его гибели я ему сказала: слушай, на дворе 1980-й год, не хочешь ли ты свое предсказание немного сдвинуть? Но он ответил: нет-нет, может быть, я ошибусь на один-два года, но не буду менять. И в конце концов он оказался прав: хоть и окончательно СССР развалился в 1991 году, но в 84-м начались смерти генсеков, в 85-м пришел Горбачев и началась Перестройка, что означало конец режима. Вот и я не буду менять. Подождем до 2017-го.

Беседовали Матиас ПЛЮСС, Андрей КАЛИХ

Леонид ГОЗМАН:

«ОСОБЫЙ ПУТЬ ДЛЯ РОССИИ - ЭТО ПУТЬ В ТУПИК ...»

– Леонид Яковлевич, я бы хотел начать нашу очередную беседу с событий уже довольно далеких, но важных для понимания сегодняшней повестки. Вы стали невольным виновником ужесточения российского законодательства по целому ряду идеологических вопросов. Имею ввиду Ваши уже вошедшие в историю смелые мысли по поводу СМЕРШа и СС. Как Вы оцениваете последствия этого?

– Когда я писал этот пост в твиттере, я, ей-богу, и предположить не мог, что мои частные суждения способны вызвать такой резонанс. Когда в мае 2013-го я сказал, что СМЕРШ, по сути, не отличался от СС, Государственная Дума потребовала моего увольнения из РОСНАНО, в котором я к тому времени давно уже не работал, а три комитета Думы – Яровой, Митрофанова и какой-то еще – начали расследование моей враждебной народу деятельности. Расследование, кстати, ничем не кончилось – эти люди паталогически неспособны доводить что-либо до конца. Это была месть за высказанное мнение. Да, я невольно подтолкнул законотворческую активность госпожи Яровой и прочих достойных людей. Не сомневаюсь, что они бы все это сделали и без меня. Но и с себя вины не снимаю.

Дальше – больше: на телеканал «Дождь» наехали всего лишь за вопрос. То есть теперь уже нельзя не только неправильно говорить, но и неправильно спрашивать.

Следующий шаг, наверное, будет – наказание за мысли, за их невесторженный характер. Причем, заметьте, это было задолго до антиукраинской истерии – такое впечатление, что готовилась почва.

– Но Вы пошли еще дальше и поставили эксперимент, написав провокационную статью в «Новой газете»...

– Когда Дума приняла закон об «уголовной ответственности за реабилитацию нацизма», мне стало интересно – как этот закон они собираются применять на практике. По моему глубокому убеждению, это закон не против нацизма, а за него, т.к. он запрещает какую-либо критику, по сути, гитлеровских, фашистских практик наших карательных органов в годы войны. Именно это зашифровано в ключевой фразе о наказуемости «распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». У нас нет нормальных путей противодействия подобным законам – ни политического представительства, ни независимых судов, а на самые серьезные аргументы против такого рода законодательных нововведений власть не реагирует. Единственный вариант, который я увидел для себя, не призывая к этому других – их публичное нарушение с целью вынудить власти к правоприменению, которое, убежден, закончится политическим и моральным фиаско авторов этих законов и, в частности, закона об уголовной ответственности за реабилитацию нацизм.

ма. Любой суд над нарушителями этих законов станет открытым процессом против преступной идеологии и практики, которые пытаются защищать их авторы. По факту моего нарушающего закон заявления, сделанного публично и с помощью средств массовой информации, компетентные органы обязаны возбудить уголовное дело. С тех пор я с нетерпением жду открытого судебного разбирательства.

– У них сейчас дела поважнее – надо Украину спасать... На Втором Конгрессе российской интеллигенции в Москве главной была тема ответственности интеллигенции в России в условиях раскола общества. Какие проблемы высветили события, связанные с Украиной?

– Мне кажется, что процессы, происходящие в российском обществе, ни в коем случае нельзя оценивать упрощенно и сводить к чьей-то злонамеренности. Это неправильный подход, заслоняющий реальную картину и реальные проблемы. Надо понимать, что сейчас в России идет поиск того, что называется успешной идентичностью – «Мы правильные, мы развиваемся, и развиваемся хорошо». Хотя я не приветствую то, в какую сторону это ведет, но само по себе это нормальное желание народа.

Успешная идентичность обычно основана на неоспоримых достижениях. Например, американцы чувствуют свою успешность потому, что жить и работать в США стремятся люди из многих государств мира. Жители Германии гордятся высоким качеством своей техники и гением инженерной мысли. В России с этим сложнее, потому что качество жизни у нас по сравнению с развитыми странами низкое, и бренд товаров «Made in Russia» пока не работает.

Долгое время россияне справедливо считали решающим вклад в победу во Второй мировой войне, и без всякой пропаганды 9-е мая всегда было праздником, объединяющим страну. Но время идет, и сейчас поддерживать ощущение успешной идентичности многим помогает концепция «осажденной крепости»: «Все против нас, но сделать с нами ничего не сможет ни Европа со своими гей-парадами, ни центр зла Америка». Это абсолютно искаженная, иллюзорная картина мира, но она отражает потребности народа в успешности. На этом во все времена играли недобросовестные политики, например Гитлер в Германии. На этом же сейчас пытаются сыграть в России.

– Можно ли говорить о расколе в обществе, если политику Путина в отношении Украины, согласно данным «Левада-центра», поддерживают 86 процентов россиян?

– Нет, раскол – это когда 60 процентов за одно, а 40 процентов – за другое. В данном случае в России раскола нет, большинство выступает «за». Но я считаю, что это большинство не право. Так же считают и те, кто участвовал в Конгрессе российской интеллигенции. Тем не менее, ситуация в обществе такая, и с этим нельзя не считаться.

Я бы сказал здесь о другом расколе – в рядах людей здравомыслящих, в наших рядах. «Нашими» я называю тех, кто не приемлет возвращение советского духа, того самого, с которым у тех из нас, кто успел пожить при коммунистах, были, по выражению Синявского, стилистические разногласия. Тех, кто ходили на Болотную и Сахарова, прекрасно понимая разницу между презервативом и белой ленточкой, а если в силу возраста, должности или тысячи других причин не ходили сами, то поддерживали тех, кто там был. Так вот, конфликт расколол НАС. Мой друг поссорился с женой, нормальная выпивка в доме другого моего товарища закончилась скандалом, чуть до драки не дошло. Любимое развлечение в фэйсбуке – «банить» вчерашних друзей за неправильную позицию по Украине. Линия фронта проходит через наши семьи и наши дома. Боюсь, этот раскол нам еще долго придется залечивать...

– До российско-украинского конфликта у западных политиков были основания считать, что Россия пусть медленно, но движется в сторону демократии. Чем можно объяснить решение Путина утверждать успешную идентичность россиян и величие страны за счет аннексии Крыма и противостояния с Украиной и Западом?

– Не стоит сводить нынешние отношения Запада и России только к имени Путина. Если мы хотим разобраться, что происходит, то надо понимать, что у российского руководства раздражение и обиды накапливались не один год. У нас была перспектива интеграции с демократическими странами в начале 90-х годов, когда под флагом этой идеи шла антикоммунистическая революция в Советском Союзе. В Москве в дни путча в августе 1991 года я видел самодельный плакат, на котором Белый дом американский и Белый дом российский протягивают друг другу руки, и тогда все были к этому готовы.

Я был одним из авторов программы партии «Демократический выбор России», в которой было написано, что к 2017 году мы считаем реальным полноправное членство в европейском сообществе, а затем – и в НАТО, что было бы хорошо для всего мира. Тогда были упущены

возможности не только нами, но и западными лидерами, которые несут свою ответственность за то, что события в России развиваются так, а не иначе.

Когда Путин предложил трехсторонние переговоры, а ему сказали, что вас, мол, здесь не стояло, то юридически все было правильно – не стояло. А вот по жизни не верно. Украина граничит не с Японией, а с Россией, а во главе России человек, для которого Украина крайне важна, в том числе, символически, и у которого неограниченные финансовые и политические ресурсы для проведения своей политики на украинском направлении. Лучше было бы все это понять заранее и попробовать договориться. Свою долю ответственности за кризис Запад, безусловно, несет.

Говорю это не потому, что пытаюсь как-то оправдать нынешние действия российского руководства. Но если представлять целостную картину для оценки ситуации, то недопонимание значимости интеграции России в западный мир сыграло отрицательную роль. И нынешнее желание восстановить успешную идентичность россиян и величие страны надо воспринимать не как заговор Путина против Обамы, а как объективный и сложный процесс.

Другое дело, что восстанавливают эту идентичность самым топорным и неправильным способом из всех возможных – за счет присоединения Крыма, территорию которого я лично считаю чужой.

– За что, на Ваш взгляд, воюют россияне на чужой земле?

– Среди них, во-первых, есть реальные добровольцы. Они воюют не за деньги, а за идею – пусть безумную, но они в нее верят. За русскую идею, как они ее понимают, за великую Россию воюют, против американцев. Потому

что, с их точки зрения, никакой Украины вообще нет, а есть мировое зло в лице США, а может, и евреев временно. Это люди с совершенно больной психикой, радикалы, националисты, фашисты. Ну а Путин, думаю, воевал за другое: за сохранение своей власти. У него ведь никогда не было такой поддержки, как сейчас. На 15-м году правления его рейтинг вдруг взлетел до небес. В России люди хотят именно этого: знать, что их страна – самая сильная, самая великая. В учебнике истории второй половины XXI века будет написано, что Путин присоединил русские земли, вернул их русскому народу – этакий Иван Калита, собиратель русских земель. Хотя возникает вопрос: а на кой дьявол русскому народу чужие земли и почему мы должны платить за них такую цену?

Кроме того, там воюют люди вроде Гиркина-Стрелкова, экс-министра обороны «ДНР», как бы игравшего в Деникина. Вполне допускаю, что он воевал за идею – дикую, средневековую. Но это не значит, что он не преступник. Его нужно обязательно судить, и хорошо бы, чтобы на территории Украины, где он совершал свои преступления, хотя и в России тоже, поскольку он нарушил законы РФ. При этом надо понимать, что если бы на востоке Украины не было недовольства киевской властью, каких-то опасений, никакие Гиркины ни черта бы сделать там не смогли. Они бы там чувствовали себя, как отряды Басаева в Дагестане, который не принял их во Вторую чеченскую войну. Если бы Гиркины и Бабаи попытались войти во Львовскую область, они бы немедленно получили по морде и быстро бы убрались оттуда. На Донбассе скопилось слишком много недовольства украинским правительством.

– Может ли это быть связано с российской пропагандой?

– Я бы не стал сводить все к ней, хотя лично у меня эта пропаганда вызывает глубочайшее отвращение. Почва для внутреннего конфликта на востоке Украины была своя. В этом виноваты и Янукович, и Ющенко (при всей моей личной к нему симпатии), который после «оранжевой революции» имел фантастический кредит доверия, но не смог решить многие проблемы. Мне кажется, очень важно, что Порошенко на выборах победил во всех регионах Украины, где они проходили, – это уникальная ситуация. Трагические события, связанные с Майданом и с войной на Донбассе, только укрепили украинскую нацию. И отношения Украины с Европой тоже стали крепче.

– Зато в России обратная тенденция. Насколько отвечает интересам России национальная идея особого евразийского пути, о которой говорят кремлевские идеологи?

– Я считаю, что некий «особый путь» – это путь в тупик для России, да и для любой другой страны – Ирана или Беларуси. Есть магистральный путь развития цивилизации, и нам надо идти по нему. Он тяжелый, и может быть со сбоями, как и у всего мира. Мы сошли с него в 1917 году. В 90-х годах Ельцин и Гайдар возвратили нас на этот путь, а теперь Россию опять пытаются от него отвернуть.

Период реформации всегда крайне тяжелый. История показывает, что после великих революций неизбежно наступает период замораживания, и мы – не исключение. Так что не думаю, что в ближайшем будущем в России стоит ждать изменений к лучшему. Но все же надеюсь на некие объективные процессы. На то, что технологическое развитие страны потребует союза со всем человечеством. На то, что в России вырос средний класс, который вовсе не хочет Пхеньяна или Багдада, а хочет жить, как живут люди во всем цивилизованном мире. Надеюсь на российскую молодежь, которая вообще не понимает, что это такое – «евразийство». И очень рассчитываю на победу разума.

– Почему, по-Вашему, довольно жесткие западные санкции так малоэффективны?

– Я бы не сказал так. Петр Порошенко заявил, что 70% российских войск с востока Украины уже вы-

ведено. Западные санкции крайне болезненны для российской экономики и государства в целом. Ну а что касается российских контрсанкций, то это просто удивительно! И унижительно для нашей страны. Запад нам говорит: «Ребята, вы ведете себя плохо, поэтому мы лишим вас того хорошего, что у нас есть». А Россия отвечает, мол, раз вы так, то мы вам назло еще и то-то покупать у вас не будем. А что есть у России, кроме газа? Перестанем продавать его Европе, и у нас будут проблемы с валютой. Единственное, что еще можем сделать, – назло бабушке отморозить уши.

– В начале года Вы довольно резко высказались по проблеме роста антисемитизма в России. Каковы, на Ваш взгляд, причины этого роста сегодня?

– Я – член Общественного совета Российского Еврейского Конгресса. Конгресс обратился ко мне с просьбой прокомментировать факты, свидетельствующие о росте антисемитизма в России. Антисемитизм является частью архаичного и консервативного мироощущения, которое активно насаждается в нашем обществе. Антисемитизм в данном случае просто «прицеплен к паровозу», а вовсе не является локомотивом. Причем, те властные структуры, которые активно разжигают страх перед американцами, иноверцами, геями и т.д., роста антисемитизма, может быть, и не хотят. Но при такой политике это неизбежно. Если ненавидят всех «других», то и евреев тоже.

– Что с этим делать и как на это реагировать?

– Задача обеспечения безопасности этнических меньшинств, несогласных на резервации, очень многопланова. У меня, конечно, нет ответов на все вопросы. Но одно скажу. Наши противники – радикальные националисты – люди тупые и примитивные. В их картине мира евреи, как и любые «чужаки», всегда будут врагами, а понимают они только силу. Значит, мы должны быть сильными. Антисемиты должны знать, что мы не прощаем антисемитских выпадов ни на словах, ни на деле – будем отвечать, не подставляя другую щеку, а так, как велел ветхозаветный Б-г. Например – и я полагаю, это прямая ответственность еврейских организаций – тех, кто оскверняет еврейские культурные или религиозные символы, мы, не жалея никаких усилий, найдем и отдадим в руки закона (если, конечно, этого не сделает полиция). И не позволим спустить дело на тормозах. Тем, кто делает карьеру на антисемитизме, мы эту карьеру испортим. Пострадавшим от антисемитов окажем юридическую и всякую другую помощь. Да и антисемитские высказывания никому не должны сходить рук, и не стоит стесняться в стилистике ответа.

– Какое влияние, на Ваш взгляд, оказала на уровень антисемитизма в России публикация Скойбеды про абажуры?

– Кстати, два ветерана Великой Отечественной Войны обратились в Комиссию по жалобам на прессу с возмущенным письмом по поводу этой статьи. Не для того, мол, воевали, чтобы всякая фашистская мразь высывалась. Комиссия и публикацию, и автора, и издание осудила, но руководству «Комсомольской правды» – хоть плюй в глаза – божья роса. Но это так, к слову. Думаю, на уровень антисемитизма сама эта история никак не повлияла. Дикие антисемитские высказывания некогда приличной газеты рассчитаны на тех, кто евреев, так и так, ненавидит. Я бы хотел здесь сказать о другом – более опасной мне кажется реакция некоторых еврейских организаций и общественных деятелей. Они стали обвинять меня в неблагодарности по отношению к тем, кто освобождал евреев от нацистов.

Не могу с этим согласиться. Спасла миллионы людей Красная Армия, в которой, наряду с представителями других национальностей, сражались и евреи. И сражались героически – процент Героев Советского Союза на сто тысяч населения у евреев уступает только аналогичной цифре у русских. Притом, что евреев, как все понимают, в те годы награждали не очень охотно. Кроме того, надо понимать, что задача спасения для Красной Армии не была и не могла быть основной – основной задачей был разгром Гитлера, что не

отменяет, разумеется, вечной благодарности спасителям – нашим солдатам. И спасали вовсе не только евреев. В нацистских лагерях содержались представители всех народов Европы, а варварский гитлеровский режим обрекал на более или менее быстрое вымирание и деградацию вообще все живое. Таким образом, многонациональная Красная Армия, уничтожая гитлеровскую систему, освободила, спасла огромную многонациональную общность людей. Деление народов на тех, кто спасал, и тех, кого спасали, противоречит фактам и, моему, оскорбительно для всех участников той страшной трагедии. По крайней мере, мои родственники и родственники моих знакомых были и среди узников лагерей, и среди тех, кто лагеря освобождал.

А главное, я не понимаю, почему моя благодарность тем, кто сокрушил фашизм и спас людей, должна распространяться на воевавших не с гитлеровцами, а со своими, на получавших ордена за расстрелы соотечественников (это не фигура речи – есть документы)? Герои – это герои, а каратели – это каратели. Запрет на адекватную оценку их деяний не имеет никакого отношения к требованиям морали, оскорбителен по отношению к их жертвам и может привести только к повторению трагедии.

Понятно, когда отечественных карателей защищают их духовные наследники, искренне, по-видимому, убежденные, что без заградотрядов и прочего было, ну никак нельзя. Но вступающие за них еврейские организации демонстрируют, тем самым, трусость и слабость. Они соглашаются с образом еврея как существа беспомощного, неспособного постоять за себя и за других. Такое неуважение к себе и к собственной истории, к подвигам солдат-евреев, не может вызывать ничего, кроме презрения, а значит, насилие по отношению к евреям становится более вероятным. Бьют слабых.

Когда-то евреев, выступавших со славословиями в адрес родной советской власти и разоблачениями международного сионизма, называли дрессированными. Так может, хватит «шить ливреи»?

Ирина ЯСИНА:
«РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ
НЕОБХОДИМА РАБОТА НАД ОШИБКАМИ...»

– **Ирина Евгеньевна, новый номер нашего издания посвящен истории гражданского общества в России. Какое, на Ваш взгляд, его состояние сегодня?**

– Видите ли, если бы вы задали мне этот вопрос до болезни «крымнаш», поразившей наше общество, то ответ был бы один. Сейчас ответ совершенно иной. Мне до всей этой вакханалии начало казаться, что у нас есть перспектива и мы куда-то движемся – выпустили Ходорковского, какие-то горизонты приоткрылись... Теперь я понимаю, что все мы питали иллюзии. Украинские события показали, что, увы, абсолютное большинство нашего населения пребывает в состоянии ура-патриотического угара, сроднившись с телевизором и его пропагандистским содержанием. Есть и другая часть, которая не зомбирована, понимает, что происходит, но предпочитает особо не высовываться, прекрасно зная, что ждет вышедшего с плакатом. Сопротивляются единицы – и мы видим результаты этого сопротивления. Поэтому я не удивлюсь, если еще через полгода я Вам отвечу: да какое, к черту, гражданское общество – все в тюрьме уже.

– **А может сложиться так, что картина изменится совсем в другую сторону?**

– Хочется надеяться на это. Видите ли, все растет снизу. Если появится критическая масса активных неравнодуш-

ных людей, все возможно. Поскольку человек, начавший думать об обществе, прекратить думать о нем уже не может. Я по крайней мере верю в это. Но нашему обществу необходима работа над ошибками. Только поняв, что свобода – это игра по правилам, только изжив из себя этот ужасный имперский синдром, мы сможем двинуться вперед. Обратите внимание, только в русском языке понятия «уважение» и «страх» практически синонимичны. Хотя фактически это антонимы. Если бояться, значит не уважают. В нашем сознании эти слова спутаны – это даже не 19 век, а средневековье Ивана Грозного. И все это давит на общество со страшной силой.

– **А когда Вы впервые почувствовали себя гражданским активистом?**

– Вы знаете, у меня достаточно интересно все получилось. Когда я в 2001 году пришла работать к Ходорковскому в «Открытую Россию» (которой, по сути, тогда еще не было), я при всем моем либеральном сознании ни разу не была гражданским активистом. Я просто пришла устраиваться на работу. Все началось с ареста Ходорковского. Мои профессиональные контакты с правозащитниками (я работала тогда в грантодающей структуре) изменили формат – я стала учиться у них. Наверное, я была расположена к этому в силу своих внутренних убеждений.

– А если ретроспективно посмотреть историю гражданского общества в России – какие вехи, на Ваш взгляд, нужно выделить? Когда вообще появились его зачатки?

– Зачатки появились до революции, затем советская власть все благополучно вытоптала. В моей молодости – в 70-80-е годы не было ничего. Я сейчас не говорю о диссидентском движении, перед которым я преклоняюсь, – это было движение сопротивления в чистом виде. Гражданское общество – это несколько иное. Оно возникает тогда и там, где появляется политическая свобода. В XX веке в России – это, несомненно, 90-е годы.

– Все дороги ведут к проклинаемым сегодня «лихим девяностым»...

– Как бы сейчас их ни проклинали, для меня эти годы – время бесконечного созидания, творчества, роста. То, что мы с вами пережили, далеко не всем доводится. Я даже юность нашу студенческую не очень хорошо помню, потому что потом были 90-е: невероятный вулкан, катаклизм перемен.

Я не страдаю амнезией, прекрасно помню советское время с очередями и запретом читать «Доктор Живаго» в метро... Помню, как я в седьмом классе увидела фотографию замка Шамбор на Луаре под Парижем – незадолго до этого, я, как все дети, зачитывалась романами Дюма «Три мушкетера», «Королева Марго», впечатлялась описанием романтического Средневековья. И вот смотрю на замок и понимаю, что никогда его не увижу. А в 13 лет мы должны мечтать и считать, что мир перед нами открыт. Вместо этого мы знали, что если не вступишь в партию, то точно ничего на свете не увидишь. А если вступишь, может быть, поедешь на экскурсию в составе организованной делегации. Не было у меня иллюзий относительно прелести Советского Союза. И сейчас нет. Более того, стало еще меньше. Потому что больше узнала. 1990-е – прекрасное время. Очень тяжелое, но

созидательное. То, что за 10 лет мы пережили, Англия переживала веками, помните, в учебниках – «период первоначального накопления капитала, огораживание: XV-XVIII века». После 80 лет жесточайше диктатуры на русского человека свалилась свобода, которую он понял как волю, как вседозволенность, а не как правила. В такой парадигме никто никогда не оказывался.

– Вы занимаетесь многими гражданскими и благотворительными проектами. Насколько отзывчиво наше общество? Встречаете Вы понимание и поддержку со стороны чиновников, простых граждан?

– Этот вопрос стоит развести на несколько. Что касается простых граждан, то отзывчивость заканчивается исключительно на благотворительных проектах, связанных с помощью конкретным людям. Иначе говоря, на операцию больному ребенку средства люди собрать могут. И это замечательно. Но вот на организацию каких-то гражданских мероприятий – пикетов, шествий – это с превеликим трудом.

– О чем это свидетельствует, на Ваш взгляд?

– О том, что наше общество устало от любых проявлений общественной активности, даже связанной с работой по улучшению собственной жизни. С другой стороны, оно запугано и запутано. Чувство милосердия прекрасно, но оно, увы, не заменяет гражданского самосознания. Можно подать сироте на улице и забыть, а можно задуматься о проблеме сиротства. Это к Вашему вопросу о чиновничестве, не стыдящемуся делать подлость по отношению к детям своей страны с феерической мотивировкой «русские дети должны жить в русских семьях». Или же еще одно федеральное нововведение. Россия проводит Олимпиаду, надеется, что у нее пройдет чемпионат мира по футболу, страшно радуется тому, что «крымнаш», и собирается строить

за космические деньги мост через Керченский пролив, но не может позволить себе лечение нескольких ребятишек, больных редкими генетическими заболеваниями. Вот и получается, что «крымнаш», а больные дети – нет. Это уже «намкрыш» какой-то.

Все это не вызывает никакого внутреннего протеста у населения. Его заботит спасение Украины от фашистов. Честно говоря, я уже и не знаю, остались ли в повестке дня российского гражданина какие-нибудь еще вопросы, кроме украинских. Недавно министр финансов Антон Силуанов честно сказал, что все наши пенсии пошли на Крым. Никто даже не всполошился.

Государственная дума под занавес своей весенней сессии штамповала один сомнительный (оцените, как мягко я выразилась) закон за другим. И никто, кроме сглатывающих слюну журналистов, на это дело не реагирует.

Интересно, когда мы начнем думать о чем-то еще, кроме Украины? Мне кажется, не раньше начала зимы, когда трубы изношенного хозяйства ЖКХ начнут рваться, и мы вспомним о том, что не все спокойно в нашем королевстве.

– Где же выход для здорового неравнодушного человека? Чем ему заняться в сегодняшней России? Работать волонтером и ездить под домам престарелых?

– Теория малых дел... Трудно сказать. Иногда ловлю себя на мысли, что мы тушим пожары и спасаем людей после стихийных бедствий, а они все звереют и воспринимают наши «малые дела» как признак слабости и бессилия. Все так, утешить саму себя мне нечем. В прошлом году я была в городе Златоусте. Красивее природы, чем там, трудно себе вообразить. Сопки, покрытые лесом, озера. На берегу этих озер стоит созданное руками человека. Оно ужасно: заводы, дома, памятник Ленину и даже местная Рублевка. Коттеджи – и те ужасно некрасивые. Хотя есть местный предприниматель, который старается как может: разбил парк, построил красивый ресторан.

Все-таки, наверное, заняться неравнодушному человеку всегда будет чем. Украшать русские города, например.

– Вы много говорите о том, что в России происходит множество интересных процессов в общественной жизни, не связанных с политикой или властью; что, несмотря на все трудности, есть множество людей, которые так или иначе просто стараются творить добро, не завися при этом ни от кого. Можно ли сказать то же самое о журналистике?

– Процессы, происходящие в обществе, на сто процентов коррелируют с тем, что происходит в журналистике, с журналистами. Быть лучше или лучше жить – выбор, и выбор ужасный, который наша действительность ставит каждый день перед всеми нами, и перед журналистами в особенности. Либо ты живешь круто – имеешь новую квартиру, машину, пишешь о власти то, что она хочет, да хотя бы бизнес-«джинсу», пусть это мелочь и уже позапрошлый век. Но то, как люди продаются, быстро и дорого...

– Дорого ли?

– Ну, у каждого своя цена. Но страшно то, что люди продаются, и без возможности отмыться от этого потом. Это чудовищно. Вопрос вообще-то экзистенциальный – быть лучше или лучше жить. Всё становится черно-белым, и поляризация между, условно говоря, добром и злом, зашла так далеко, что если ты вступаешь на этот путь продажности, службы, вылизывания, то ты с него не сойдешь. Тебя уже всосала эта система...

Спротивляться этому может только человек с сильным характером и крепким тылом. С надежной семьей, которая готова терпеть, скажем, бедность, женой, которая скажет: «Да плюнь на деньги, зато ты честный человек». А это так редко бывает...

Спротивляться этому может только человек с сильным характером и крепким тылом. С надежной семьей, которая готова терпеть, скажем, бедность, женой, которая скажет: «Да плюнь на деньги, зато ты честный человек». А это так редко бывает...

– В последнее время все чаще появляются и средства массовой информации, заточенные на подчеркнуто аполитичное освещение

того, что на самом деле происходит в обществе, в реальной жизни людей. Замечаете ли вы эту тенденцию?

– Очень это приветствую. Это прекрасно, когда пишут о гражданской активности, выражающейся в благотворительности, в экологических движениях и так далее...

– Но бывают и гораздо более спорные вещи типа самодельных борцов с педофилами...

– Знаете, практика расставит все по своим местам. Та конкуренция за умы, которая все равно будет происходить... Появились издания, которые вообще не пишут о Путине. Значит, он не так уж и интересен, есть другие проблемы. Не вижу в этом ничего плохого.

Я часто сталкиваюсь с проблемами, которые есть у региональных, местных СМИ, журналистов. И это нормально. Чем глубже пресса уйдет в местные сообщества, тем быстрее она станет действительно нужна людям.

– Вы как-то говорили о «двух Россиях» – той, что «сверху» – властной, чиновничьей – и о той, что «снизу» – той, где люди пытаются что-то хорошее сделать с помощью гражданской, общественной активности. А можно ли говорить о «третьей России» – России люмпенской?

– Она, конечно, существует. И увы, именно она – большинство.

– Что с этим делать?

– Не знаю. Но точно не идти в народ...

– Известная журналистка Юлия Латынина активно выступает с тезисом, что всеобщее избирательное право на самом деле – это большой вред.

– И я с ней отчасти согласна. На сегодняшний день, когда наша страна не прошла через опыт «демократии налогоплательщика», когда голосовать имеют право лишь люди ответственные, образованные, создавшие какой-то прибавочный продукт, кто делает что-то полезное будучи бизнесменом, учителем или даже чиновником – это именно так.

Я бы, например, лишила избирательного права всех, кто голосует за Жириновского. Это же просто диагноз – голосовать за политика лишь за то, что он обещает мыть сапоги в Индийском океане... Люди, которые не читают

программы партий и кандидатов, которым пофиг на то, что они реально предлагают...

– Но нет ли в этом противоречия? Ведь те, кто отвечает за самих себя, за свои семьи – как правило, весьма аполитичны...

– Нет, не согласна. Самые ответственные уже идут наблюдателями на выборах. Это уже следующий этап. В Москве уже очень много молодых людей, которые идут наблюдателями. На президентских выборах везде были наблюдатели, на будущих выборах, уверена, они будут везде.

Пока этот процесс еще не добрался до Урала, Сибири. Но это уже есть в Москве, Подмосковье, в Центральной России, даже в маленьких городах. Пока это не даёт видимого эффекта, но чем больше

людей узнает о том, что на самом деле происходит... И когда это выдается в СМИ, в тот же интернет... Когда люди узнают, что не где-то, а в соседнем доме, не кто-то, а вполне конкретный Иван Петрович украл не вообще, а именно столько-то голосов, и именно этот завуч в школе все это проштамповала от имени избиркома... Один раз люди стерпят, а на второй – уже скажут: «Не надо. Знаем мы, как вы это делаете».

Просто все хотят быстрого результата. А быстро не получится. Нужно время.

Ирина ПРОХОРОВА:

«НАМ ПРЕДСТОИТ ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЧУВСТВ...»

– Ирина Дмитриевна, в ходе предвыборных дебатов во время президентской кампании 2012 года Вы представляли своего брата, но подчеркивали, что не хотите заниматься политикой. Теперь Вы – руководитель партии «Гражданская платформа». Что заставило Вас изменить свое мнение относительно российской политики?

– Не могу сказать, что я прежде отрекивалась от политики, потому что с момента создания партии я активно помогала ей как эксперт, как член ее федерального гражданского комитета, так что в этом смысле все равно была включена в политическую орбиту. Но сама жизнь иногда заставляет пересматривать свою позицию. С тревогой наблюдая драматическое развитие социальных процессов в стране, в определенный момент понимаешь, что больше невозможно дистанцироваться от происходящего, необходимы более решительные действия.

При этом я продолжаю заниматься издательством «НЛО» – своим любимым детищем; по-прежнему руковожу благотворительным Фондом Михаила Прохорова. Посмотрим, насколько в качестве лидера партии я окажусь нужным человеком в нужное время.

– Многие сторонятся политической деятельности как таковой, говоря, что политика – это грязное дело. У вас же были иные возможности реализовать свое желание быть полезной обществу.

– Моя деятельность вне политической партии – тоже политика, это культурная политика. Издательством книг и периодики формирует культурную политику страны, транслируя в общество определенную систему ценностей. То же самое с полным правом можно сказать и о благотворительности. Нынешнее неприятие политики досталось нам от советского времени, где вся социальная жизнь была узурпирована тоталитарным режимом. Считалось, что в этих жестких рамках ничего сделать невозможно. Кстати, опыт Советского Союза показал, что и тогда это было не так. Появлялись лидеры общественного мнения, правозащитники, деятели культуры, которые, порой рискуя жизнью, боролись за гуманизацию общества.

– Вы говорите, что неприятие политической деятельности – наследие советского прошлого, но рубеж 1980-1990-х годов показал, что это не совсем так. У нас до середины 1990-х был период цветения партий.

– Я считаю, что это было замечательное время с точки зрения становления многопартийной системы и новой политической культуры, а еще это был колоссальный социальный лифт для многих людей, осваивающих новые сферы деятельности. Политика стала важным инструментом личной самореализации и, кстати, проверки готовности общества к демократической жизни. Я хочу упредить ваш упрек по поводу слабости либеральных сил, их неспособности консолидировать

ся перед лицом опасности. Действительно: последнее двадцатилетие мы постоянно наблюдаем распад демократических альянсов. Однако не нужно забывать, что в отсутствие исторического опыта очень трудно найти общую платформу для объединения, где каждый его член усиливает себя, а не ослабляет. А для этого требуется долгая традиция общественной жизни, закрепляющая навыки консолидации, создания горизонтальных связей. Из истории европейских стран мы знаем, что их обществам потребовалось несколько столетий для формирования современной партийной жизни. Мы только в самом начале пути, и очень обидно, что в двухтысячных многопартийный «первоцвет» увял под натиском политических заморозков.

– Куда же делись идеалисты?

– Они никуда не делись, но выход их на политическую арену очень затруднен. Когда создаются законодательные и силовые барьеры для полнокровной политической деятельности, это обедняет не только само политическое поле – это сильно тормозит всю общественную жизнь. Ротация управленцев, которая происходит через партии, и есть залог здорового кровоснабжения общественного организма. Стагнация происходит, когда не появляются новые лидеры, новые партии, новые общественные организации и новые идеи. Что такое партия? Это концентрированная система ценностей, которая предлагается обществу в качестве альтернативы существующему порядку вещей. Если не происходит битвы проектов будущего, то начинается политический склероз, закупорка сосудов. А здесь, мне кажется, прямой путь к авторитарной системе управления. Власть теряет связь с обществом, не слышит его и не хочет с ним разговаривать, пытается репрессивными мерами решать сложные проблемы современности.

Кстати, возвращаясь к проблеме объединения оппозиционных партий – попытки наладить взаимодействие не прекращаются. Например, недавно «Гражданская платформа» обнародовала «соглашение о ненападении», где призвала все партии, планирующие принять

участие в выборах в Мосгордуму, следовать принципам и нормам демократических выборов, не допускать использования «черных» технологий, начать переговоры по распределению кандидатов по утвержденным избирательным округам. Мы надеемся найти сторонников как среди внепарламентских, так и, возможно, некоторых парламентских партий.

– Чем «Гражданская платформа» отличается от других либеральных партий – «Яблока», «Партии прогресса», РПР-ПАРНАСа?

– «Гражданская платформа» по своей структуре и целеполаганию отличается от традиционных партий. Она создавалась как партия XXI века, не как вождистская сверхцентрализованная структура, а как платформа для объединения ярких профессиональных лидеров и организаций, разделяющих наши убеждения. Более того, это одновременно и своего рода исследовательский центр, куда привлекаются лучшие эксперты по социальным наукам для разработки долгосрочной программы стратегического развития России. Мы стремимся предложить конструктивную альтернативу тому управленческому хаосу и непрофессионализму, который царит сейчас на всех уровнях власти. Федеральный гражданский комитет (мозговой центр партии) ежемесячно собирается для обсуждения докладов по различным вопросам: земельной реформе, религиозному кодексу, образованию, внешней политике, законодательству, миграционной политике и так далее. Многие наши предложения широко освещаются в прессе, в Государственной Думе, в Общественной палате.

Цель «Гражданской платформы» – защита человека от государственного произвола, гуманизация среды и повышение качества жизни. На этих трех китах и строится вся наша деятельность. В политической жизни много компромиссов, но мы никогда не позволим себе заигрывать с националистическими и фашизоидными идеями, даже если они сейчас популярны в определенной части общества.

Для меня тревожным симптомом девальвации эти-

ческих принципов послужили мэские выборы в Москве, когда практически все кандидаты вне зависимости от их идеологических различий разыгрывали националистическую карту.

– **Вы же сами тогда утверждали, что голосовали бы за Навального, а он являлся одним из главных националистов в российской политике.**

– Я тогда говорила, что не исключаю возможности проголосовать за Навального в знак протеста против отстранения Михаила Прохорова от участия в выборной кампании и надуманного уголовного дела против самого Алексея. За кого я голосовала, говорить не буду, догадайтесь сами.

– **Он перестал ходить на «Русские марши» только после того, как стал политиком федерального масштаба.**

– Это уже прогресс, с моей точки зрения. Ксенофобия – настоящее чудовище, способное разрушить страну быстрее любого экономического кризиса, и маломальски разумный политик должен воздерживаться от соблазна поиграть с националистическим огнем.

– **Лозунг «Хватит кормить Кавказ» у нас сейчас фактически приравнен к уголовно наказуемому. У нас же введена ответственность за призывы к распаду России.**

– Ну, разумеется, будем снова скреплять Россию кровью и кутузкой. У нас резвые депутаты вот-вот примут закон о произвольном толковании понятия «экстремизм» и «терроризм» вкупе с беспрецедентными полномочиями для ФСБ. Можно подумать, что снова превратив страну в тюрьму народов, власть сделает ее подлинно «единой и неделимой державой». Весь предыдущий исторический опыт России показывает, что дело обстоит ровно наоборот. Что трансформирует разрозненные территории в единое пространство? Прежде всего, это символическое единство обуславливается культурной матрицей. Это не столько набор имен великих творческих деятелей прошлого,

олицетворяющих величие страны (хотя и это очень важный момент), сколько элементарная доступность для людей очагов культуры. И дело не только в огромных пространствах, препятствующих физическому передвижению, но и в художественной неосвоенности самих этих пространств.

– **Что Вы имеете в виду?**

– Попробую пояснить свою мысль на примерах. Сколько раз, приезжая в заграничное туристическое место, я слышала от наших соотечественников: «Да что за ерунда! У нас в тысячу раз красивее!» И, между прочим, они говорят правду. Почему же мир стремится увидеть красоту Швейцарии, а не

Башкирии? Туристическая привлекательность места напрямую зависит от его «литературно-художественной» репутации. Немецкие художники-романтики прославили Рейнскую долину в своих пейзажах. Почему каждый российский гражданин стремится в Париж? Потому что русская литература пронизана мечтой об этом городе. Мы ведь тоже говорим о Петербурге Достоевского, о Москве Гиляровского. Пожалуй, только две российские столицы обзавелись своей культурной мифологией на федеральном и международном уровне, но ментальной карты России в целом не существует, то есть отсутствует представление о стране как едином культурном пространстве.

Без этого созидательного узнавания страны невозможно добиться подлинной целостности. Более того, даже то, что с трудом наработано культурой, безжалостно уничтожается в угоду ежеминутной жажде наживы. В течение нескольких лет группа энтузиастов сражается за сохранение музея-заповедника Сергея Есенина в Рязани. Знаменитые заливные луга и дали, воспетые поэтом и привлекающие в эти места десятки тысяч культурных паломников, грозят быть застроены дачными коттеджами с высокими заборами. Вот вам и духовные скрепы...

– По поводу целостности нашей страны можно спорить; можно взять для примера Чечню, которая существует как государство в государстве. Вам не кажется, что на самом деле трудно определить российскую государственную политику как в культурной, так и в национальной сфере?

– Проблемы российской политики коренятся в камуфлировании подлинной природы государственных амбиций. Недавно вышла книга известного исследователя Александра Эткинда под названием «Внутренняя колонизация», где он утверждает, что правящая верхушка в России традиционно рассматривает свои регионы и их жителей как колониальные территории и выстраивает свою политику в соответствии с этим мировоззрением. Сколько бы власть ни прикрывалась декларациями о «союзе нерушимом республик свободных» и принципами федеративного устройства, в управленческой практике она все время проговаривается. Официальная риторика утверждает, что Чечня – это неотъемлемая часть российской территории и там живут российские граждане. С другой стороны, во всех медиа и бытовых разговорах в отношении Чечни и Кавказа в целом давно употребляются местоимения «мы» и «они». Так все-таки

это граждане нашей страны, которые подчиняются Конституции и обладают правами и свободами? Или мы смотрим на Чечню как на порабощенное государство, которое мы удерживаем силой и подкупом?

Если Россия представляет собой сверхцентрализованную империю, выкачивающую из собственных регионов человеческий и природный капитал, неудивительно, что власти постоянно грезится призрак распада, которым она пугает самое себя и общество.

– Владимир Путин спас страну от распада – это же основная идея его правления.

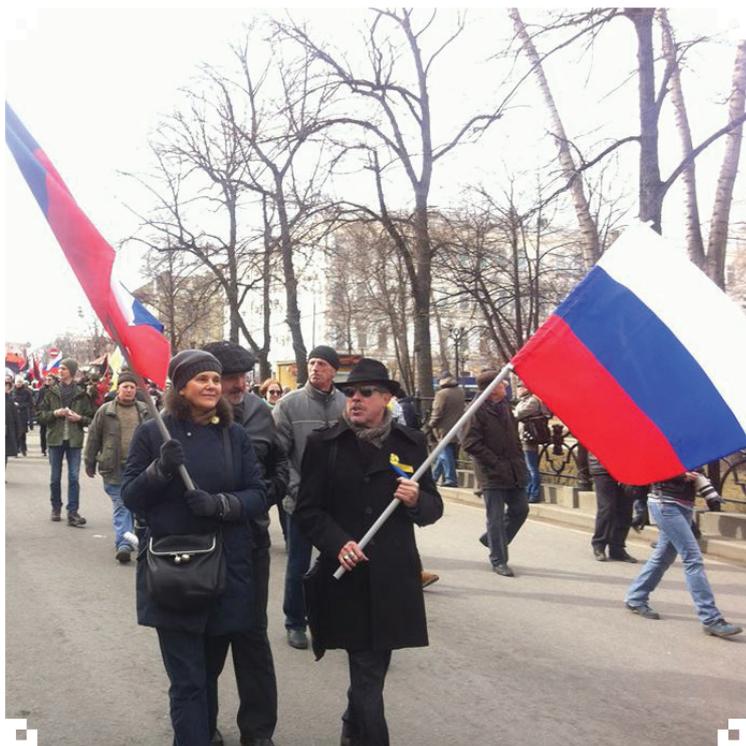
– Между прочим, к концу девяностых разговоры о распаде закончились сами собой. После отделения ряда бывших советских республик начался процесс федерализации страны, который проходил трудно, но с положительной динамикой. В регионах постепенно развивалось самоуправление, при всем несовершенстве выборной систе-

мы местная власть училась считаться с общественным мнением. Отбившись от бандитов, вставал на ноги региональный бизнес. В какой-то момент резко уменьшился исход интеллектуалов в Москву, они стали получать местную поддержку на создание новых культурных и образовательных институций. В регионах бурно развивалась театральная жизнь; складывался пул новых меценатов. Я не пытаюсь идеализировать девяностые, они были очень драматические, но я выступаю против их демонизации.

С приходом Путина и его команды этот тренд был остановлен, все стало возвращаться на круги своя – на строительство новой властной вертикали. На коротком временном отрезке это принесло определенные плоды, но в более дальней перспективе это способно лишь увеличить количество проблем. Мы уже становимся свидетелями кризиса подобного управления. Возможно, концентрация власти могла бы дать положительный результат, будь она использована для проведения и завершения фундаментальных реформ. В конце концов, смешно, что до сих пор нет нормального закона о земле, этой болевой точке нашего государства. Как мы хотим удержать страну, когда эти бескрайние просторы непонятно кому принадлежат – у нее нет собственника, даже государство толком ею не владеет. Эти бесхозные пространства, конечно, нежизнеспособны и неконкурентоспособны.

Чем живописать ужасы про внешних и внутренних врагов, не лучше ли проявить политическую волю? Например, разработать прозрачное и эффективное миграционное законодательство, позволяющее обеспечить приток людей из разных социальных и профессиональных сфер. Вернуть регионам экономическую и правовую самостоятельность, делегировать часть властных полномочий обществу. Эти меры куда лучше гарантируют целостность территории, нежели железный кулак сверхцентрализации.

– То есть второй лозунг «Гражданской платформы» после борьбы с ксенофобией – реальная федерализация?

– И мировой опыт, и здравый смысл, подсказывает, что именно федеративный способ управления огромной страной и есть наиболее эффективный.

– Это Ваша личная позиция? Люди, которые приходят в ваши региональные отделения, исходят из тех же самых убеждений? Есть ведь и другое мнение: строится партия Прохорова, в ней будут деньги, а значит – можно пойти и заработать на политическом брокерстве.

– Соблазн такой всегда есть. Мы имеем возможность постоянно наблюдать, как люди легко перебегают из партии в партию, по ходу радикально меняя свои политические взгляды. «Гражданской платформе» всего год с небольшим, она в процессе становления. Те, кто пришли в партию в надежде подзаработать, постепенно покидают ее, обнаружив, что здесь не синекюра, не благотворительный фонд и не светский клуб, а серьезная организация. Хотя партия только сформировалась, она уже успела одержать целый ряд побед, и нашлось большое количество людей, для которых важно политическое самоопределение, а не легкие дивиденды за счет богатого Прохорова.

– «Гражданская платформа» объединяет очень разных людей. Там есть и звезды, например, Леонид Ярмольник или Алла Пугачева, есть разочаровавшиеся регионалы, вроде бывшего мэра Ярославля Евгения Урлашова, сидящего сейчас в СИЗО, или господина Ройзмана, выигравшего выборы в Екатеринбурге. В партии есть Александр Осовцов и Марина Литвинович, которые были радикальными оппозиционерами, но был и бывший чиновник из команды Лужкова, Михаил Вышегордцев ...

– Вы не верите в то, что люди способны меняться, причем иногда в лучшую сторону? Что их гражданское

сознание может развиваться? Человек не рождается с готовой системой идей. Человек думающий, с большим жизненным опытом, с этическими принципами способен пересмотреть свои прежние взгляды, преодолеть предрассудки или заблуждения, то есть выстрадать свои убеждения. Но этот долгий внутренний процесс пересмотра системы ценностей не имеет ничего общего с расчетливым и беспринципным поведением политических карьеристов.

Вспомним, какой огромный путь проделал Борис Николаевич Ельцин – от советского партаппаратчика до убежденного демократа. Или пример Андрея Дмитриевича Сахарова, отказавшегося от всех благ успешного ученого ради защиты демократических принципов.

– А вы верите, что в принципе возможна политика убеждений сейчас в России? Я про то, что смерть идеологии – это уже реальность: коммунизм показал свою несостоятельность, я уже не говорю о фашизме или корпоративизме. Даже социал-демократия поправела.

– Спрос на убеждения как нельзя высок в нынешнем российском обществе. Людям надоел цинизм политической элиты, полное отсутствие этических принципов, беззаконие и бесстыдство, оборотной стороной которых становятся кликушество и ханжество. На социальную арену вышло новое поколение, для которого убеждения – не красивые слова в телевизоре, а принцип и смысл жизни. Они хотят, чтобы страной управляли люди, которые верят в то, что говорят и что делают.

– Есть мнение, что партийная жизнь в нашем конкретно-историческом контексте подразумевает постоянную консультацию с Кремлем – с Олегом Морозовым или Вячеславом Володиным. Вы ведете такие консультации?

– Не удостоена чести быть принятой столь важными вельможами.

– Касательно недавней повестки: конфликт вокруг телеканала «Дождь», антигейская кампания... Какова функция всех этих репрессивных шагов? Это ответ на глобальное структурное изменение, которое сейчас происходит в обществе и о котором вы говорили?

– Если бы геев не было, их нужно было бы придумать. Честно говоря, это искусственно созданный скандал. В девяностые новая Конституция отменила уголовное преследование за нетрадиционную сексуальную ориентацию, и за все эти 20 лет я нигде не видела пропаганды гомосексуализма. Эта была сфера частной жизни и личного самоопределения. Истерия, которая сейчас возникла вокруг гейской темы, напрямую связана с ресоветизацией сознания и системы управления. Если в правовом государстве правительство, не справившееся со своими обязанностями, уходит в отставку, то в государстве авторитарном начинается закручивание гаек и изобретение фантомных врагов, виновных в неудачах страны. Геи, иностранные агенты, проклятые либералы, оскорбители чувств верующих, белоленточники – все в одну кучу.

– Мы все обсуждаем, что и как говорить о блокаде Ленинграда, а у нас евро побил все мыслимые пределы.

– Именно. Если вдуматься, а что было преступного в вопросе, поставленном «Дождем»? Сам факт, что в блокадном Ленинграде от голода погибло свыше миллиона людей – просто чудовищно. Можно ли было спасти этих людей? Что надо было делать, чтобы этого не допустить? Как вообще могла произойти такая ужасная гуманитарная катастрофа? Почему так долго не освобождали Ленинград? Эти вопросы законные, и они никак не умаляют гражданского подвига блокадников, но ставят под сомнение компетентность тогдашнего командования во главе с генералиссимусом.

Обратите внимание, спекуляции на тему памяти о Великой Отечественной войне разворачиваются вокруг одного и того же тезиса: не смейте критиковать начальство! Как выразилась, с позволения сказать, одна журналистка: «Начальство надо любить, потому что оно начальство». Как только делается попытка указать на преступные действия советского руководства и репрессивных органов (особенно сталинского периода), сразу же поднимается крик о фальсификации истории и оскорблении памяти ветеранов. В этой истерии прослеживается вполне четкая логика: желание вновь утвердить право государства на бесконтрольное насилие.

Эта логика и заставляет видеть крамолу везде, где есть намек на гуманистические ценности. В многочисленных случаях, когда историческая правда передергивается в сторону идеализации тоталитаризма, никаких упреков в фальсификации не возникают. Да, героический народ победил в войне, но почему этот самый народ не может предъявить счет власти за свои страдания и жертвы?

Сакрализация власти приводит к еще одной опасной подмене понятий: патриотизм начинает восприниматься не как любовь к родине, а как лояльность режиму. Нас из граждан стараются превратить в верноподданных.

– Благодаря усилиям государства произошло отчуждение понятия патриотизм от, скажем, людей либеральных убеждений. Мы же не видим на оппозиционных митингах людей с российскими флагами, хотя мы видим людей с украинскими флагами в Киеве, с египетскими флагами в Каире и с тунисскими флагами в Тунисе.

– Вы знаете, это хороший вопрос, действительно, почему мы не выходим на демонстрации с триколором, хотя коммунисты всю потрясают красным флагом? Тем более, что триколор появился как национальный флаг как раз на баррикадах 1991 года, как символ нарождающейся демократии. Об этом стоит подумать...

– А Вы давно были на митинге последний раз?

– Я практически на все митинги ходила. Пропустила пару из них, когда уезжала в командировку. Я считаю, что это мой гражданский долг.

– На большие митинги зимы 2011-2012 годов, Вы имеете в виду?

– Да, я ходила, конечно, всегда. Это мое конституционное право, и очень ценное.

– Сегодня говорить о том, что ты ходил на митинги зимой 2011-го, уже как-то неловко. Можно услышать: «Мы были детьми практически тогда...»

– Мы всегда стыдимся того, чем следует гордиться. Меня давно удручало, что в дни путча 1991-го те, кто стояли у Белого дома и рисковали, между прочим, своими жизнями – ведь все могло обернуться кровавой трагедией, потом смущались, что были участниками этих событий. Я всегда говорила: «Ребята, по-моему, это были три лучших дня в нашей жизни. Может быть, единственное, о чем мы сможем с гордостью рассказать нашим детям». Нам, очевидно, предстоит долгий путь воспитания гражданских чувств.

У нас радикально-утопическая культура, мы требуем всего и сразу, подавай нам рай – здесь и сейчас. Если мы вышли на демонстрацию, а режим в одночасье не пал, то сразу наступает уныние и разочарование в любой социальной активности. Для достижения цели – гуманизации среды – требуется системная и упорная работа по консолидации общества, по овладению навыками политической жизни, по пересмотру собственной системы ценностей. У нас не было раньше опыта социальной жизни, мы учимся на ходу; главное – не складывать крылья и не ждать, что свобода придет сама собой. Один раз она случайно пришла, но мы не сумели ее удержать. Так давайте же добиваться ее заново.

Беседовал
Александр АРТЕМЬЕВ

Нателла БОЛТЯНСКАЯ:

«БЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА –
ОТ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ ПРОШЛОГО...»

– Нателла Савельевна, сейчас среди демократической интеллигенции культовым становится Ваш сериал «Параллели. События. Люди». О нем бы я и хотел поговорить сегодня. Какова предыстория проекта? Как и кому пришла в голову идея создания проекта о советских диссидентах?

– Предыстория весьма простая – так называемые «вражьи голоса», которые слушали в доме моего детства... Самиздат, обнаруженный при попытке стащить колготки из маминого шкафа... Галич на соседском магнитофоне... И это все почему-то никуда не девалось из моего сознания, хотя время шло... И люди, которые были легендами и историями из приемника и самиздата, становились реальными знакомыми в жизни... Собственно, когда я делала несколько лет назад на «Эхе Москвы» передачу о сталинизме, сначала мне захотелось продолжить тему рассказом о хрущевском периоде, а потом и эта идея мне в голову пришла. Я не планировала ее как сериал. Я хотела сделать радиопередачу на «Эхе». Но не сложилось. А именно сериал предложила

тогда еще просто моя приятельница и коллега, работающая в Бюро Международного Вещания США – Инна Дубинская из Вашингтона. Теперь она куратор проекта с американской стороны, хотя занимает в Совете вполне высокую должность координатора программ международного развития медиа и тренинга журналистов. А тогда, несколько лет назад, я позвонила ей с вопросом, как можно добыть архивы «Голоса Америки»? Изначальная мысль была – информацию, например, о братской помощи Чехословакии (именно так именовала советская пресса события августа 1968 года) противопоставить звучавшему в западных источниках слову «вторжение». Инна выслушала вопрос и спросила, для кого я это буду делать. Пока для себя, ответила я. – Нет, так не пойдет. Давай попробуем вместе.

– То есть предложила свою помощь?

– Да. Инна вообще умеет из хрустальных мечтаний делать практическое дело. И она начала «пробивать» эту идею. Все вопросы ее осуществления решала Инна, даже, когда я уже потеряла надежду. И решила в итоге.

Сейчас с любой проблемой бегу к ней и ни разу не было, чтобы она не дала мне дельного совета. Я ей даже, что не вполне прилично по американским меркам, по выходным звоню, и она смеется на мои извинения и обзывает меня энерджайзером... и вообще, если бы не она, проекта бы не было. Ведь телевизионный сериал штука трудоемкая, требующая полной отдачи сил, иногда – далеких поездок, качественного оборудования. С подачи Инны нам оказал неоценимую поддержку крупнейший благотворительный Фонд Oak Foundation, и я воспользуюсь случаем поблагодарить фонд и Адриана Арену, директора программы «Международные права человека» Oak Foundation.

– А в чем актуальность проекта сегодня? В какой степени в нем прослеживаются параллели между «веком минувшим» и «веком нынешним»?

– Хрестоматийные примеры – речь прокурора на процессе Щаранского, дословно повторившая обвинительное заключение... Ничего не напоминает? Приговор и обвинительное заключение Михаила Ходорковского.... Показания свидетеля гаишника на процессе

над участниками демонстрации 1968 года: вопрос – эти люди мешали проезду транспорта? Ответ: на Лобном месте нет транспорта. Сравните с заявлением Путина о том, что сборища на Триумфальной мешают проезду дачников....А еще задержания участников памятной акции в честь 40-летия демонстрации на Красной Площади в 2008 году... Такая же история была в день 45-летия демонстрации. Правда, саму Наталью Горбаневскую, принимавшую участие и в оригинальной акции, и в памятной, постеснялись «вязать». Когда читаешь воспоминания диссидентов 60-80-х годов и слушаешь их ответы на вопросы, возникает мучительное дежавю, а потом понимаешь, что уже слышала это в современных судах над несогласными или политическими противниками власти... У меня теперь настольная книга – уголовное дело Сергея Ковалева, так там как будто из новостных выпусков местами читаешь. Я вообще считаю, что все беды современного гражданского общества – от невыученных уроков прошлого.

– Расскажите об истории сотрудничества с фондом Андрея Сахарова.

– Совпали цели, задачи и интересы, ведь в следующем году – 95-летний юбилей Андрея Дмитриевича. А потом в фонде очень хорошие люди, многие из них – просто друзья и советчики на сериале. Это Иван Сергеевич Ковалев и Павел Михайлович Литвинов, Алексей Семенов. Это Эдвард Клайн... Это члены их семей – и Татьяна Осипова, и Лиза Семенова не отказывают ни в помощи, ни в совете. У меня сегодня полное ощущение, что я всегда работала с этими людьми. Это Московские коллеги из Сахаровского центра – Сергей Лукашевский, Белла Коваль, Елена Калужская....

– Насколько широка аудитория проекта и интересен ли он молодежи?

– Моя команда – очень молодые люди, хотя уже созревшие режиссеры. Однажды я решила, что хочу снять в проекте участников акции в честь 40-летия выхода на Красную Площадь несогласных в 1968 году. Эта акция состоялась 25 августа 2008 года и, как я уже сказала, участники ее были задержаны. Я позвонила одной из участниц акции и она сказала, что ее давно уже сняли и даже выпустили фильм такие режиссеры, как Ксения и Кирилл Сахаровы. Я попросила телефон, сразу полезла искать информацию о них в интернете. Нашла в сети их картину «Сталин. Почему бы и нет?» Это

– Формат чрезвычайно жестокий. Серия – это 15 минут. Сколько уже слез пролито над этими 15 минутами, как трудно уложить весь гигантский объем в маленькую серию, но, с другой стороны, именно краткость заставляет все время взвешивать – что важно, а что второстепенно. Увидеть наши серии оптом можно на «Голосе Америки» и на YouTube, набрав в поисковике полное название проекта – «Парал-

было полное единство ощущений, хотя сами авторы в картине не сказали ни слова. Потом я увидела их же «Пять минут свободы» о демонстрации 1968 года и о параллелях с современностью. И это тоже было в десятку. Мне вообще нравится то, что они делают и со мной и без меня. Они талантливые и умные люди. Когда проект только планировался, ко мне периодически набивались в соратники искатели собственной славы. В проекте их интересовала исключительно возможность самовыразиться. Ксюша с Кириллом не ставят эту задачу во главу угла, хотя им абсолютно удается выразить себя... Их недавние работы «Мамы, дети и закон» о проблемах усыновления российскими и американскими приемными родителями и «Олин бунт» – это здорово, не случайно они берут призы на документальных фестивалях... Насколько широка именно аудитория – ведь Ксения и Кирилл соучастники и коллеги – не знаю... Последнюю серию на сайте «Эха Москвы» посмотрели больше 25 тысяч человек. Но вель наш сериал – не блокбастер с погонями и спецэффектами. Это такие исторические очерки для тех, кому интересно. Я бы конечно, предпочла, чтобы эти цифры были в десять, сто и тысячу раз больше, но спасибо всем, кто смотрит и думает.

– **Каков формат сериала и на какой площадке можно увидеть все серии?**

лели. События. Люди».

А по мере выхода также – на сайтах «Эха Москвы», «Голоса Америки» и Сахаровского центра.

– **Может ли, на Ваш взгляд, проект транслироваться в образовательную плоскость (школы, вузы) и, если да, то каким образом?**

– Хотелось бы. Меня уже пригласили показать фильм в некоторых школах, но, увы, это не массово, ибо тенденция сейчас на реабилитацию советского, а не на желание узнать об антисоветском. Посмотрите на историю музея Пермь-36, на свертывание федеральной программы увековечения жертв политических репрессий. Все это один вектор.

– **Какова реакция общественности на уже вышедшие серии? Ощущается ли недовольство будированием «неудобных» тем? Какие-то претензии предъявляются?**

– Знаете, претензия по делу была единожды – мы ошиблись в выборке фотографий Татьяны Михайловны Великановой, и об этом на сайт «Голоса Америки» написал Федор Бабицкий, ее сын, мы принесли извинения, переделали, теперь надо перезагрузить все серии, где ошибочное фото, а это довольно долго... Остальное было мелким бульканьем в закрытых группах соцсетей. Бывало и непонимание. Например, при подготовке се-

рии про легенду правозащитного движения Татьяну Великанову я методично встречалась со многими ее родственниками, друзьями, учениками. И слушала милые подробности про ее частную, иногда интимную жизнь. И чем больше слушала, тем больше понимала – надо оперировать, как в «Хронике Текущих Событий», фактами, благо в этой самой Хронике о Татьяне Михайловне многие страницы. И всю лирику безжалостно выкинула. Оставила очень эмоциональный рассказ Сергея Ковалева о том, почему Великанова пошла работать в школу и как она умирала. В итоге некоторые родственники обиделись, попутно обвинили меня, что я бралась за работу, не имея представления о герое. А как ина-

че, когда начинаешь осваивать тему? Но это неизбежно. Вот, если бы мне Сергей Адамович Ковалев сказал, что серия неудачна, я бы расстроилась. Ковалев и его жена Люся это моя фокус-группа, смотрят, хвалят, ругают... Можно, конечно, сознаться, что им деться некуда, когда я приезжаю с флэшкой и сажаю их обоих смотреть свежий выпуск. Но пока не возражали.

Есть еще среди зрителей люди, которые с удовольствием отругают наш проект в разговоре с недовольными. И вдумчиво похвалят при беседе с теми, кто его одобряет. Есть те, кто смотрит не все серии, а какие-то отдельные. Вот таких, чтобы сказали, знаешь, в этой серии мне не хватает вот этого, пожалуй, один Иван Ковалев. Но ему и достаются, во-первых, мои яростные споры, отстаивающие каждое слово из того, что ему кажется лишним, а во-вторых, нахальное «тебе не хватает вот этого? Ну, скажи это мне под камеру сам! Ты же участник событий и свидетель». И говорит.

– Но это все Ваши знакомые и участники проекта. А посторонние как реагируют?

– А что касается мнения незнакомых людей, то, когда читаешь комментарии к выпуску на сайте «Эха Москвы», диву даешься, например: ну и что, мы, СССР, должны были отдать им Чехословакию? Это про Пражскую весну 1968 года... Но есть и другие комментарии, когда кто-то добавляет не звучащую в серии информацию или просто публикует какие-то материалы. Скажем, последнее слово Ларисы Богораз на суде – этого нет ни на видео, ни в звуке, и кто-то просто напечатал текст. Спасибо этому человеку.

Еще ужасно приятно, когда звонишь куда-нибудь за океан будущему герою, а он смотрит сериал. Или когда, подруга рассказывала, ее дочку пытались как это помягче сформулировать, охмурить вступить в Молодую Гвардию «Единой России» в институте. Она им показала на айпаде нашу свежую серию, и от нее отстали. От души верю, что это не фантазия подружки, чтобы сделать мне приятное. Письма приходят от разных людей, а уж наши герои это просто живые легенды. Вот как-то я в упомянутой «Хронике Текущих Событий» нашла цитату из старой немосковской газеты... Позвонила друзьям в этот город и попросила найти газету 1975 года. А они мне помогли найти самого героя публикации. Более того, все совпало, спустя несколько дней после нашего телефонного разговора он приехал в Москву и участвовал в нашем кино.

– Трудности с поиском фактуры испытываете?

– Многие просто помогают. Мой коллега журналист Сергей Сокуренок знает какие-то волшебные слова и разыскивает мне старые газеты 70-х годов в Российской Государственной Библиотеке. Хотя меня поразило, когда я зашла на сайт британской газеты «Таймс», это отдельная история – в «Хронике Текущих Событий» есть упоминание о высылке из СССР в 1972 году корреспондента Дэвида Бонавиа. В Хронике, написано, что

газета «Таймс» тогда в качестве реакции на эту высылку перепечатала свою же статью от 1937 года, когда корреспондент «Таймс» был выслан из нацистской Германии. Изменили только даты, страну и имя журналиста. Я зашла на интернет-сайт газеты и, зарегистрировавшись за сумму меньше ста рублей, получила доступ к архивам. Там есть статья про Бонавиа от 1972 года. Там есть статья от 1937 года. Там есть оцифрованные архивы с 1785 года. Там, не поверите, висит репортаж о казни Мариин-Антуанетты. Вот это, я понимаю, работа с архивами и с читателями.

– Сейчас чем «болеете»?

– Сейчас – иностранными студентами, приезжавшими 45 лет назад в СССР и протестовавшими против нарушения прав человека. Они были из Норвегии, Швеции, Бельгии, Франции, Италии... Обзвонила полмира. Нашла уже четверых. Двое норвежцев, один итальянец, один бельгиец, суровый такой дяденька, последние годы работавший в пресс-службе Ватикана и наводивший ужас на аккредитованных журналистов. Когда готовила серии про вещание «вражьих голосов», нашла людей, работавших в 70-е годы на западных радиостанциях, вещавших на СССР. Все мои друзья во многих странах мира по мере возможности мне помогают. Когда я искала руководителя русской службы Немецкой волны, то нашла его в Кельне, ему 89 лет. Потом позвонила друзьям во Франкфурт и выяснилось, что их сын по пути на концерт Шевчука в Кельн может встретиться с этим человеком. Концерт завтра. Шансы на успех ничтожно малы. И все состоялось. У меня в сериях про вражьи голоса эксперты один краше другого – мой старинный знакомый и товарищ Марио Корти, который рассказывает, как радио «Свобода» проверяло поступающую к ним от диссидентов информацию. 96-летний Джин Сосин, который с момента основания работал на радио «Освобождение», ставшее потом «Свободой»; прекрасная Наталия Кларксон, в 80-е годы руководитель русской службы «Голоса Америки». Наталья Юрьевна очаровала даже сурового оператора Диму, который снимал для меня ее интервью. Уже после самого разговора – есть такая практика в телевидении – снять так называемые перебивки – интерьер комнаты, фото периода, о котором рассказывает

интервьюируемый, еще что-то. И вот Наталья Юрьевна показывает оператору икону. И комментирует: эту икону генерал Врангель (!!!) подарил, будучи посаженным отцом на свадьбе моих родителей. Ну, это же живая история... Или, например, удалось мне найти Игоря Белоусовича, работавшего в 70-е годы в американском посольстве в Москве. Он был чуть ли не единственным американским офицером, говорящим по-русски, во время встречи на Эльбе. Отец его белогвардейский офицер, родился он в Шанхае в 1922 году...

Или когда Владимир Буковский в серии про карательную психиатрию говорит: «Это был Питер Реддавей, которого я очень вам советую найти...» А потом в кадре появляется Реддавей, я счастлива. Или история, когда бывший корреспондентом в Москве Джефф Тримбл рассказывает об аресте журналиста Николаса Данилова в 1986 году, и мне удается найти Николаса и поговорить с ним... Очень был забавный момент – я позвонила ему, он за две секунды согласился на интервью, а потом полчаса расспрашивал меня про современную Россию. Его прадед был декабристом и сидел в остроге, а сам он сидел в Лефортово, о чем весьма образно рассказывает.

– А в России помощь и поддержку ощущаете?

– Очень помогают мне и Людмила Михайловна Алексеева, и ее коллеги по Хельсинкской группе. Официальный консультант проекта – Александр Даниэль, историк, член правления общества «Мемориал», сын Ларисы Богораз и Юлия Даниэля. Еще нас периодически консультирует сотрудник общества «Мемориал» Алексей Макаров. Очень помог

правозащитник Александр Подрабинек. Хотя большей частью поиски людей, особенно не в России – это мое личное и очень азартное приключение... А еще спасибо соцсетям. Однажды я написала слезный призыв дать для съемок займы пишущую машинку «Эрика». Ну, через пару дней мне ее привез незнакомый человек в подарок. Теперь уже знакомый Николай Рязанский, спасибо ему. Когда Людмила Михайловна Алексеева рассказывает мне про Джери Лейбер, одну из создателей и руководителей американской Хельсинкской Группы, а потом я в Нью-Йорке беру у Джери интервью и внутренне подвываю от восторга – нашла. И получаю в подарок Джерину книжку с предисловием Гавела... А потом я звоню в Париж Арине Гинзбург, и она смотрела наши серии. А еще хочу поблагодарить сотрудницу Норвежского Хельсинкского Комитета Инну Сангаджиеву, которая терпеливо выслушивает мои рассказы вздохом и помогает мне найти людей, которые далеко и говорят на разных языках и не всегда готовы к общению... А моя амстердамская подруга Ирина Гривнина, которая была членом комиссии по расследованию использования психиатрии в карательных целях. Если честно, мы с ней никогда не виделись, но каждый день говорим, она дает весьма дельные советы и защищает меня, как лев, чуть что. В общем, в этом проекте, во-первых, задействованы буквально все знакомые от Австралии до Канады, включая Великобританию, Францию, Германию, США. Потом очень много участников проекта, с которыми просто интервью оказалось мало. Дело в том, что, когда находишь того или иного персонажа, иногда просто нет времени на получение визы и оформление поездки, а хочется быстро. Поэтому во многих городах есть испытанные операторы и корреспонденты, которые уже там, на месте – это и снимает необходимость перелета – отеля – ориентирования на месте и ускоряет процесс. И само интервью разрабатываю я, а снимают они. Скажем, Леонид Финкельштейн, много лет работавший на БиБиСи и «Свободе», потрясающие вещи рассказал моей подруге и коллеге, корреспонденту «Эха Москвы» в Лондоне Тоне Самсоновой. Я теперь ему позваниваю – просто так, прислониться к эпохе и замечательному

человеку. Ну, про своих героев могу без конца говорить. Я влюблена в них во всех разом. Мне очень приятно, что они откликаются на мой интерес.

– Не верю, что все так гладко и никто не ругается...

– Бывает разная обратная связь... Читаю однажды на сайте «Голоса Америки» – чушь вы несете, я всю жизнь в метро самиздат читала... Ну, что, хочется уточнить у автора послания, на работе, вероятно, выдавали? Или еще любят предъявить претензию – почему вы не снимаете про зверства американцев во Вьетнаме?

– Что отвечаете обычно?

– Да потому, что это должна делать американская Болтянская, я снимаю про мою страну. Из которой мне в последнее время все чаще и все агрессивнее советуют валить. Которая, как мне кажется, разворачивается в сторону того периода и тех событий, о которых я рассказываю в своем сериале. В истории каждого государства есть страницы, о которых не хочется говорить. Я думаю, что об этих страницах должны говорить именно граждане этих государств. Вот недавняя история с польской картиной «Колоски». Это фильм об антисемитизме. О предательстве соседей и покаянии. Исполнителю главной роли угрожали, что он разделит судьбу своего героя, которого убивают в конце фильма... Мне кажется, что такие неудобные темы в первую очередь и должны поднимать неравнодушные граждане в своих странах. Хотя это не догма. С другой стороны, я сама написала песню о трагедии в польском городке Едвабне, и написала я ее потому, что для меня эта история – история соседей, а не история поляков. История японского консула Сугихары в моей песне – это история спасения людей, а не история японца... Кроме того, как мне кажется, подобные советы продиктованы не желанием узнать что-то о фактах, а желанием насолить, в данном случае, Америке. Кстати, в Америке и в других странах достаточно широко освещаются щекотливые и неприятные моменты от Уотергейта до нарушения прав человека в тюрьмах. И

их никто не стремится предать забвению. В Японии, когда из учебников попытались убрать рассказ о том, как во время войны гражданскому населению рекомендовали самоубийство в виде альтернативы плену, так вот в знак протеста против замалчивания этой истории на улицы вышло сто тысяч человек. А у нас все повторяется по-тихому. И политический лагерь сегодня называют «зоной, где одни предатели сидели». Или вот – президент независимой психиатрической ассоциации Юрий Савенко мне рассказывал, что после того, как инакомыслящих в СССР перестали считать ненормальными, с психиатрического учета было снято, по разным сведениям, от миллиона до двух миллионов человек! Да эти цифры должны быть в мраморе высечены на фасаде института Сербского. Я не хочу, чтобы забывали. Вот, собственно, и для того этот проект, чтобы знали, учитывали опыт и не забывали.

Упомянутые люди:

Иван Ковалев, сын Сергея Ковалева, диссидент, участник Московской Хельсинкской группы конца 70-х годов, политзаключенный, член фонда Андрея Сахарова.

Павел Литвинов, диссидент, политзаключенный. Участник демонстрации 1968 года, член фонда Андрея Сахарова.

Алексей Семенов, президент фонда Андрея Сахарова, сын Елены Боннэр.

Эдвард Клайн, издатель, меценат, помогал диссидентам, член правления фонда Андрея Сахарова.

Татьяна Осипова, диссидент, политзаключенная, член Московской Хельсинкской группы конца 70-х годов, жена Ивана Ковалева.

Лиза Семенова, жена Алексея Семенова. В 70-е годы, когда ее не выпустили из СССР к мужу, Андрей Дмитриевич Сахаров в знак протеста против этого держал одну из самых длительных голодовок.

Георгий САТАРОВ :
«СОЗДАВАЯ НЕАДЕКВАТНЫЕ ОЖИДАНИЯ,
ВЛАСТЬ РОЕТ СЕБЕ МОГИЛУ...»

– Георгий Александрович, недавно в одном из ваших блогов Вы написали: «Сегодня «взбесившийся принтер» угрожает существованию нашей страны. Разговоры о том, что если что-то менять, то будет хуже, сегодня уже неактуальны. Хуже уже быть не может». А почему Вы считаете, что хуже быть не может? Скажем, два года назад нам тоже казалось, что хуже быть не может, но оказалось: может.

– Конечно, по-настоящему всегда можно себе представить хуже. Понятно, что это огрубление некоей вероятностной оценки, во-первых. А во-вторых, нам обычно предшествующие 12–13 лет подавали Путина как человека, который спасает нас от худшего. Это была очень расхожая фенька у пропагандистов специфической цеховой принадлежности, которые нам постоянно говорили: «Если вдруг будут свободные выборы, то будет то-то, и вообще, если вдруг не Путин, то хаос, и вообще, тогда на вас навалится такое дерьмо, что дальше некуда». Но заслуга Путина и его последних двух лет состоит в том, что он старается своими действиями продемонстрировать большинство негативных альтернатив самому себе предшествующему прямо сейчас. Объявить войну всему свету? Изолировать страну? Раздуть жуткую ксенофобию? Превратить средства массовой информации

в средства тотального одурачивания людей? Никаких проблем, я все это сделаю. Все, что мог бы сделать любой мой нехороший последователь, готов сделать я сам, и я это делаю.

– Но ведь дальше он может быть еще хуже.

– Ну конечно. И в этом смысле продолжать эту важную миссию. А у этой важной миссии есть еще одна фантастически полезная историческая грань – вырождаться может все, если дать ему вырождаться достаточно долго. Все, что делает Путин, – это яркое обоснование необходимости постоянной ротации власти. Россия, скажем, в отличие от Украины, пока была избавлена от опыта объяснения на практике политикам, как это опасно для самих политиков: а) засиживаться, б) думать, что ты можешь сидеть сколько угодно долго и безнаказанно. Путин создает условия для этого будущего опыта, и в этом смысле это очень важно.

– Однако, по данным Левада-центра, 83% населения страны...

– Слушайте, вот не надо мне про 83%! Вера в то, что Вселенная вращается вокруг Земли, поддерживалась гораздо большим количеством людей, и всего один говорил, что это она вертится. Поэтому апелляция к большинству абсолютно бездарна.

Массовое сознание в такой ситуации, как в России, фантастически эклектично и взаимопротиворечиво. Поэтому можно всегда что-нибудь из него выдрать и дать Киселеву или еще кому-нибудь для раскручивания то, что выгодно именно тебе. Вот и все. Поэтому в тех же опросах есть и другие большинства. Читайте внимательно результаты этих опросов.

– **Хорошо, тогда, как принято говорить, «если не Путин, то кто?»**

– Да кто угодно, не важно. Нам нужно изменить постановку вопроса: не «Кто вместо Путина?», а «Что вместо Путина?» Вот и все. А вы, и не только вы, загоняете нас, меня, людей, несчастное одуроченное население, в ложную постановку вопроса.

Вместо Путина, вместо Пупкина, вместо Попкина должны работать институты. Вот ответ на этот вопрос. Дело не в Путине, дело – в разрушенных им институтах.

Я приведу простой пример. К Борису Николаевичу Ельцину есть много претензий, и вполне обоснованных. В конце лета – осенью 1998 года, после дефолта, он был в фантастической растерянности, и все, что происходило в стране, происходило практически помимо и независимо от его воли. Вопрос: «Кто вместо Ельцина?» не стоял. Вместо Ельцина работала Конституция, работали существующие институты. Например, существовал вполне легитимный и авторитетный Совет Федерации. И все, в том числе из Думы, и в том числе снаружи Думы, поскольку был колоссальный кризис между парламентом и правительством, – бежали в Совет Федерации. Какая была главная фенька, главный лозунг, который озвучивали все, включая критиков и антагонистов действующей Конституции? Очень простая: «Главное – не трогать Конституцию». Каков был политический выход из этого кризиса? В точности по Конституции. Не по воле Ельцина, не по произвольной воле парламента, а в точности по букве Конституции. Сработала Конституция. Что вывело страну из кризиса? Свободный бизнес.

– **Но нынешняя власть говорит, что Конституция – это не догма, и ее вполне можно менять. Например, Дмитрий Медведев первое, что сделал на президентском посту, – это увеличил сроки полномочий президента и депутатов Госдумы.**

– Они абсолютно правы (что не догма). Другой вопрос: а почему же они меняют то, что им интересно, а не то, что нужно людям? Например, первая поправка к американской конституции расширяла свободы американских граждан, а не возможности власти. Вот и вся разница. Да, можно менять. Да, это не догма. Но все зависит от того, что и для чего ты меняешь. Скажи мне, что ты меняешь в конституции, и я скажу, кто ты.

– **Цитата из вашего «Фейсбука»: «Мы констатируем, что в стране происходит переход к тоталитарному режиму фашистского, но не нацистского типа». То есть вы хотите сказать, что Путин почти фашист?**

– Нет. Есть замечательное исследование и книжка Адорно «Авторитарная личность». Я напомним, что философская социологическая школа, к которой принадлежал Адорно, трактовала понятие авторитаризма несколько иначе, чем как это у нас сейчас принято. И понятие «авторитарная личность» у них – это личность, готовая к принятию решений. Вот что такое авторитарная личность, по Адорно. И в своем исследовании (это очень большое, серьезное, одно из самых фундаментальных социологических исследований, которое было проведено в Америке в конце 40-х годов, сразу после победы над фашизмом, и по свежим следам – что делать, как распознать, как увидеть эту опасность и так далее) они правильно понимали, что опасность не в диктаторе, а в тех, кто готов ему подчиниться, и они пытались описать эту авторитарную личность. Так вот, если взять книжку Адорно и посмотреть признаки этой авторитарной личности, то мы увидим, что нынешний режим по полной программе эксплуатирует и раздувает эти признаки. Ну скажем, разделение на «своих» и «чужих».

Это началось уже очень давно, начал это Сурков, когда ввел понятие «Наши». Ведь это происходит не потому, что ты ставишь перед собой сознательную цель – построить фашистское государство, а это происходит потому, что ты ищешь какие-то простые способы защитить режим, эксплуатируя примитивные и легко раздуваемые фобии, страхи, мифы, заблуждения большого числа граждан.

И когда ты, идя по пути наименьшего сопротивления, пытаешься это делать, – ты неизбежно попадаешь в этот комплекс авторитарной личности и начинаешь опираться на людей, страдающих этим синдромом, раздувать и инфицировать других.

– Вот сейчас всю эксплуатируется ура-патриотизм.

– Это не патриотизм, не надо путать. Это жлобство. Патриотизм – это любовь к своей Родине, а не ненависть к чужой. У нас раздувают ненависть к другим. К кому угодно – к Америке, к Украине. Чтобы было понятно, я приведу простой пример.

Вы можете тратить силы на то, чтобы сажать на своем участке редьку, укропчик, строить беседки, всячески обихаживать, а можете – гадить через забор и поджигать сарайчик соседа, чтобы у него было хуже, чем у тебя. Что из этих двух вещей, по-вашему, патриотизм: первое или второе?

– Ну при этих исходных данных – первое.

– Первое. А наша власть занимается вторым. Вот и все.

– Но это или личные пристрастия представителей высшей власти, или просто потому, что проще гадить, чем выращивать.

– Скорее всего, здесь смесь и того, и другого. Это какие-то собственные предубеждения и комплексы, когда в своих проблемах ты стараешься винить других. Есть два типа фрустрации, когда ты сталкиваешься с проблемами. Первый тип: «А в чем я виноват, что я делал не так?» Второй тип: «Какая сволочь породила

для меня эти проблемы?» Это чистый второй тип. А с другой стороны – да, это путь наименьшего сопротивления. Это проще – гадить через забор, чем наводить порядок у себя.

– Вы говорите, что существованию тоталитарного режима во многом способствует окружение лидера. И в заявлении «Круглого стола 12 декабря» «О ситуации в стране, ответственности гражданского общества и политических элит», которое Вы в том числе подписали, вы призываете политические элиты быть ответственными и что-то сделать. Но ведь элиты уже давно запуганы Путиным...

– Сейчас они встали перед выбором между двумя очевидными вещами: чего больше бояться: Путина – или

того, что он делает? И чем дальше, тем больше баланс на этих весах становится все более неустойчивым. И я подозреваю, что общая тенденция идет к тому, что проблемы этой элиты будут становиться все острее и серьезнее.

– То есть им нужно будет делать выбор?

– Конечно. Это уже проявляется. Если взять апрельские опросы Левада-центра, где они сравнивают разные социальные группы, то там есть группа «Руководители». Например, на вопрос: «Насколько объективно освещают события в Украине, в Крыму федеральные российские средства массовой информации?» – ответ: «Совершенно необъективно» во всей выборке – 2,2%, среди руководителей – 24%.

– Сумасшедшая разница.

– Да, и причем по другим вопросам эта разница (ну может быть, не так разительно), но тоже проходит. При этом вы должны понимать, что эти самые руководители гораздо менее, чем граждане, в среднем склонны отвечать искренне.

– То есть реально этот процент может быть еще больше?

– Реально больше. Если бы взяли высших руководителей, то он был бы еще больше.

Я сейчас ссылаюсь только на социологические данные, но я располагаю другой информацией о том, что думает подавляющее большинство самого высшего эшелона по поводу того, что делает Путин, и насколько оно в восторге от того, что он делает.

– **И что же они думают?**

– Они думают про это нехорошими словами. При дамах эти слова не произнести.

– **Возвращаясь к «взбесившемуся принтеру». Вы говорите, что его надо остановить. А каким образом граждане России могут это сделать? Ведь все задавлено за последние два года.**

– Никакого нового способа по сравнению с теми, которые существовали последние несколько тысяч лет, не придумано. Саше Рыклину один высокий чин сказал: «Пока вас выходит 10 тысяч, мы будем на этой стороне, когда выйдет миллион – будем на вашей». Вот и всё.

– **Вы думаете, что сейчас есть реальные предпосылки, чтобы миллион человек вышли на улицу?**

– Нет, очень жарко.

– **Когда похолодает, вы полагаете, что люди пойдут? Тот самый ура-патриотизм, который ежедневно вдалбливается из телевизора в граждан России, продуктивно действует на большую часть населения страны.**

– Власть в таких случаях всегда попадает в ловушку. Есть такая теория, я сейчас к ней апеллирую, это теория относительной депривации. Красивое название, а речь идет вот о чем: люди бунтуют не тогда, когда плохо, а тогда, когда они начинают видеть разрыв между ожиданиями и реальностью. Вот в чем проблема. Вот впиндюривают 80% по одному социологическому показателю. А вы смотрели, например, динамику данных готовности к протесту? Они существенно не поменялись. Не по-меня-лись. Вот вырвали какую-то одну социологическую цифру, связанную с основным аспектом нынешней пропаганды, и давай ее раскручивать. Именно потому, что мы не смотрим на остальное, мы воспринимаем это, как и всё, мировоззренчески. А это эффект пропагандистский, чрезвычайно неустойчивый и не самый существенный. А существен он только в одном, именно в том, что для многих людей (а их далеко не большинство) эта эйфория становится как бы ведущей доминантой их настроений, ожиданий, и разо-

чарование между ожиданиями и реальностью будет гораздо острее. Вот этот разрыв между ожиданиями и реальностью, вот он – самый взрывоопасный. Поэтому, создавая неадекватные ожидания, власть роет себе могилу.

– **То есть Вы думаете, что рано или поздно у нас будет свой Май-дан?**

– Я не знаю, как это будет называться, но то, что ухнет, – конечно. Потому, что государственные институты разрушены, есть некая имитация. Ведь что такое государство? Государство – это совокупность создаваемых гражданами институтов для производства общественных благ. Нету этого.

У нас колоссальные финансово-экономические проблемы. И то, что нам говорит правительство о том, что – ой, у нас в следующем году будет на полпроцента больше, – ну пусть оно втюхивает нам все, что угодно, ведь то, что происходит гораздо ощутимее, потому что, например, реальный рост стоимости медикаментов большинство пенсионеров ощущает независимо от пропаганды. И чем больше контраст между вот этим торжествующим, победным гудком – и реальностью, тем жестче ответ граждан на это разочарование. И это отнюдь не те граждане, на которых сейчас идет охота, это совершенно другие социальные слои. Эти граждане сейчас пассивны.

– **Как долго может продолжаться ура-патриотизм? Ведь его нужно все время чем-то подпитывать.**

– Ну конечно. Если мы апеллируем, и таких апелляций сейчас очень много, к опыту Гитлера, то за Судетами должна быть Австрия, потом должна быть Польша, потом должна быть Скандинавия, потом Франция и так далее. Нет, просто не сопоставимо.

– **Сил, боюсь, не хватит.**

– Что значит, сил не хватит? Уже не хватило.

– **А тогда за счет чего удерживаться у власти?**

– И так плохо, и так трудно. Я думаю, что, поскольку бьют по рукам, когда ты высовываешь руки, то будут держать руки в карманах и в основном займутся внутренней пропагандой. Это совершенно неизбежно. И как раз проблема в том, что одним из внутренних врагов будет собственное окружение.

– **Прямо как при Сталине.**

– Прямо как при Иване Грозном.

– **Но элиты, которые окружают Путина, наверняка об этом догадываются?**

– Догадываются.

– **И у них есть возможность уехать, а не оказаться за решеткой.**

– Гнусные буржуи как раз и занимаются тем, что отрезают им эти комфортные возможности, ранее абсолютно реальные. Им же бомбят аэродромы.

– **А что же им делать тогда, несчастным? Свалить нельзя, а здесь замаячила реальная опасность для жизни?**

– Значит, надо жизнь менять. Вот в этом и вся проблема для них, в этом выбор: что опаснее: ничего не делать – или пытаться что-то делать? Тут большинства не нужно никогда. Это всегда делает некое активное решительное меньшинство, а большинство потом с восторгом присоединяется и кричит: «Мы тоже, мы тоже!»

– **Но тогда Путин сейчас должен быть в очень тяжелом состоянии. Он же никому не может доверять.**

– Да, дело в том, что Путин это тоже понимает, и он уже начинает на это реагировать. И последние кадровые перестановки – это некая демонстрация.

– **Вы имеете в виду смену начальника службы безопасности президента и главы управделами президента?**

– Ну да.

– **В майском заявлении «Круглого стола 12 декабря» о ситуации в стране говорится, что идет навязывание обществу единой идеологии, но ведь за 20 лет существования нынешней России в стране так и не выработана национальная идея.**

– Это не дело власти.

– **Но в 1997 году, когда Вы работали помощником президента Ельцина, то занимались анализом того, что может стать национальной идеей России.**

– Рассказываю, в чем смысл истории. Где-то в конце 1995-го – в 1996-м из разных источников в президентской почте начали появляться письма примерно сходного содержания: «Борис Николаевич, в этой сложной ситуации у нас общество находится в растерянности, оно ментально больно, России нужна национальная идея».

Все эти письма по своей неопределенной принадлежности проходили через меня, и я их с какими-то нелепыми, бессмысленными приписками отправлял Борису Николаевичу, забывая об этом. А у Ельцина память очень цепкая. И вот с интервалом в 2–3 месяца он

получает одно, второе, третье, четвертое письмо на одну и ту же тему. Наверняка у него что-то зафиксировалось.

И вот выборы 1996 года закончились. Несмотря на свое фантастически тяжелое состояние, он идет на встречу с доверенными лицами (а я был одним из помощников, ответственных за организацию этой встречи). Какие-то тезисы, идеи, как положено, президенту готовятся заранее. Он выходит, общается с ними. Вдруг (это никак не было заложено, я-то об этом забыл, а он помнил) он им говорит (а у него это обычное дело: заготовки в сторону, и свое начинает): «Вот тут мне пишут, что России нужна национальная идея, нет, «на-

циональная» – плохо, не так поймут, – идея для России», – так он сказал. «Вот вы бы этим занялись, наверное, это действительно очень важно» – это Ельцин говорит (доверенным лицам). Из зала: «Борис Николаевич, да мы мигом, конечно, это так здорово».

А что обязан сделать помощник? Если президент что-то важное сказал и если есть отклик тем более, тут же в прессе появилось: «Ельцин призвал ваять государственную идеологию», – значит, мы должны взять это на контроль, что с этим происходит, чтобы ему докладывать. Это начинает раздуваться.

И нам самим стало интересно: вообще о чем идет речь? Понятно: мы не понимаем, президент не понимает, а кто-нибудь понимает, а что это такое – национальная идея? И мы создали группу из интеллектуалов, которая этим занималась: во-первых, изучали международный опыт; во-вторых, следили, что в связи с этим происходит в прессе, и мы даже издавали брошюру от имени администрации («Россия в поисках идеи». – Е.М.). Естественно, Ельцину писали. В первой же записке, которую мы направили, было написано черным по белому, что ни в коем случае нельзя это (национальную идею) ваять в бюрократических коридорах.

Не ставил такую задачу и Ельцин, что обычно ему приписывают, не занимались мы этим.

Конечно, когда идет интеллектуальная игра, то мы думали: а что бы мы сами придумали? Конкурс объявляли, и победил Леня Смирнягин с лозунгом: «Нессы в подъезде!»

– По-прежнему актуально.

– Да. И уж никогда мы не разрабатывали какой-нибудь государственной идеологии и даже просто проектов национальной идеи, которую нужно внедрить. Близко не было.

– Но ваш мозговой штурм должен был чем-то закончиться, кроме того, что «...в подъезде».

– Нет, это было наше внутреннее дело, внутренний стёб. Мы не ставили перед собой задачи придумать. Поручение ведь было доверенным лицам. Но ничего не получилось. Такого, что было в Германии или в Испании, – конечно, у нас не было. В Германии была национальная идея – покаяние. Потом была национальная идея – единая Европа.

– А Вы считаете, что России не нужна национальная идея?

– Трудный вопрос. Я думаю, что если бы мы свободу сохранили, то это проявилось бы само собой. Я напомним, что национальная идея покаяния возникла на волне 1968 года, когда в Париже жгли крыши, а в Германии молодое поколение начало спрашивать о предыдущем. И под их давлением возникла эта национальная идея. А потом, когда эти ребята выросли, которые давили на своих предков и спрашивали: «Почему вы это допустили?» – возникла идея единой Европы, и они ее реализовали. Вот это плоды свободы. Если бы у нас сохранились плоды свободы, то тот средний свободный класс, первое непоротое поколение, которое 10 декабря 2011 года вышло на Болотную, – они бы ответили нам с вами, предшествующему поколению, на этот вопрос: нужно или нет? И если нужно, они бы это сделали.

Наша трагедия в том, что мы свободу разрешили подавить, и у нас нет поэтому ответа на этот вопрос. Вместо этого у нас есть Киселев.

– Государственная идеология у нас запрещена Конституцией. Тем не менее национальная идея для консолидации общества, как мне кажется, – это очень полезная вещь.

– Пространство идей («третий мир» по Попперу) неоднородно. И помимо идеологии существуют ценности, например базовые ценности. И то, что консолидирует общество, – это прежде всего не идеология, а ценности. И у нас дефицит прежде всего в этом. Идеологии имеют право на существование, это нормальный феномен, и идеологии не могут быть вообще консолидирующими, потому что они более конкретно по сравнению с какой-то системой базовых ценностей ориентированы на определенные группы людей с теми или иными интересами. Они имеют право конкурировать, в том числе и на политическом рынке. Государство не имеет права быть участником этой конкуренции.

Но ценности меняются. Их необходимо менять. Но они меняются очень медленно. И с этого надо начинать.

Как говорил Кант: «Любая реформа должна начинаться с реформы в головах», – а мы считаем, что реформы – в законах, что неправильно.

– Георгий Александрович, а нынешняя власть к Вам обращается за консультативной помощью?

– Иногда обращаются, но очень редко. Я периодически получаю приглашения принять участие в экспертном совете при правительстве. Один раз я откликнулся на это приглашение и приходил, с тех пор как-то мне не очень хочется тратить на это время.

– Бесплезное занятие?

– Ну, я не знаю, может быть, там были какие-то полезные вещи, но у меня есть уверенность, что они занимаются не тем, и уж точно я не хочу на это тратить время. А если я им объясню, чем нужно заниматься, они точно этим не будут заниматься. Поэтому какой смысл?

К примеру, основной институт, который надо сейчас исправлять, – это судебная власть. Основное свойство, которое нужно исправить, – это независимость судебной власти. Основное, что нужно делать, – бить мечом палача по рукам, которые тянутся к этой независимости. Как вы думаете, они будут этим заниматься? Нет, потому что этим они похоронят себя. Вот это я имею в виду.

Дистанция между какой-то идеей и ее реализацией не бывает мгновенной, вернее, бывает, но крайне редко. Если действительно вы бросили на иссохший мох пылающую ветку, тогда, конечно, реакция будет мгновенной. Сейчас не совсем так. Для меня важнее другое, что сама власть сейчас ускоряет эти процессы.

– Вы имеете в виду борьбу в том числе с интернетом?

– Не только. Например, запреты ездить за границу полицейским, прокурорам и так далее.

На самом деле это агония. Ее очень трудно распознать, потому что мы считаем, что агония государства – это обязательно нечего купить в магазинах, баррикады на улицах. Это совершенно необязательно. Если вы возьмете тот же Донецк, там есть несколько очагов, а в остальном – там работающие магазины и мамы с колясками. Но ведь это наша жизнь такая обыденная, в ней государства на самом деле очень маленькая доля. Агония происходит вслед за разложением государства. Агония власти уже идет. Это проявляется в ее деятельности, в том числе это тот самый «безумный принтер». Никлас Луман – потрясающий немецкий социальный мыслитель дал определение силы власти, которое я считаю хрестоматийным: «Власть тем сильнее, чем больше степеней свободы она в состоянии предоставить обществу». То, что сейчас у нас происходит, – это демонстрация фантастической слабости. И каждый следующий запретительный закон – это очередная демонстрация слабости и агонии власти.

– Если бы сейчас президент Путин пригласил Вас к себе в помощники, пошли бы?

– Я бы спросил: а кого вы приглашаете кроме меня? Если бы я увидел ту ситуацию, в которой я согласился в конце 1993 года, то я бы согласился, а если бы не увидел, не согласился. Там (в администрации президента) тогда была совершенно другая атмосфера, там работали люди (Леонид Смирнягин, Юрий Батулин) одной со мной интеллектуальной крови, там была абсолютная востребованность объективного анализа, а не «чего изволите», президенту нужно было говорить то, что думаешь. И только в такой ситуации можно идти во власть, понимая, что есть возможность помочь.

Беседовала
Елена МАСЮК

Людмила УЛИЦКАЯ:

«ТАКОГО КОЛИЧЕСТВА ВРАНЬЯ И ПРОПАГАНДЫ
Я В СВОЕЙ ЖИЗНИ НЕ СЛЫШАЛА...»

– Людмила Евгеньевна, 10 сентября вы выступали в Львове на встрече глав ПЕН-центров. О чем вы говорили?

– Собрались ПЕН-центры Украины, Белоруссии, России, Литвы и Польши. Это писательские правозащитные организации, у которых мало разногласий. Согласно Уставу, защищаются права писателя, право слова. Речь шла о солидарности ПЕН-центров стран бывшего СССР, если не считать Польшу. И я оказалась представителем страны, которая по отношению ко всем этим странам сегодня ведет довольно агрессивную политику. Поэтому о солидарности межгосударственной не может быть и речи. Я представитель русского ПЕН-центра, но я не могу сказать, что я представляю мнение всего русского ПЕН-центра. Как и все российское общество, он расколот по вопросу войны на Украине, политики нашего государства и президента.

– Писатели-правозащитники одобряют агрессию России по отношению к Украине?

– Сказать, что ПЕН-центр – правозащитная организация, это не совсем точно. Это писательская правозащитная организация. ПЕН-центр вмешивается, когда писатель оказывается под давлением. Как далеко простирается намерение ПЕН-центра защищать свободу? ПЕН-центр, как написано в его Уставе, является организацией неполитической. Мы не занимаемся политикой. Но Устав был

написан давно, около 70 лет назад. Реальность сегодня другая – преследование писателей связано именно с политикой. В России сейчас чрезвычайно напряженная ситуация. В отношении войны нет общественного единства. Как показывают опросы, 82-85% населения поддерживают правительство в его – корректно скажу – политике.

Раскол в обществе чрезвычайный: через каждую семью и сообщество проходит тема, которую мы маркируем как «Крымнаш». Я такого раньше никогда не наблюдала. Значительная часть россиян полагают, что «Крым – наш». Но есть такая вещь как агрессия. Способ присоединения Крыма был некорректный. Тут я произношу самое корректное слово из тех, которые могу произнести. В результате это разномыслие коснулось и ПЕН-центра. Поэтому я столь аккуратно высказываюсь. В данной ситуации я говорю, что некоторое количество членов ПЕНа, в том числе и я, полагают, что политика России сегодня – агрессивная, совершенно бесчеловечная, и мы ее никак не поддерживаем, а скорей стыдимся. К сожалению, я не могу сказать, что представляю весь ПЕН-центр. Хотя мое личное мнение вполне определено – я могу его высказать в скобках.

– Давайте откроем эти скобки. Каково ваше личное мнение? Меня интересует не только Крым, но и Донбасс.

– Я считаю, что действия нашей страны можно расценивать как агрессивные. Это очень печально, потому что гибнут люди, потому что стыдно – потому что такого количества вранья и пропаганды я в своей жизни не слышала.

– Согласны ли вы с наименованием этого конфликта «украинско-русской войной»?

– Абсолютно, а как иначе? У нас ничего не называют своими именами. Терминология «сепаратисты, защитники, повстанцы, боевики» – все эти слова лживы, ничто не отражает реальности. Я даже не пытаюсь в этом разобраться. Это как со словом «жидобандеровцы». Знаете, когда я собиралась во Львов, мне некоторые знакомые говорили, чтобы я была осторожна, потому что во Львове опасно. Я объяснила, что поездка на рынок или в отдаленный московский район вечером – это не менее опасно.

– В этой ситуации писатели должны или не должны касаться политики?

– Отвлеченно, теоретически и в самом общем виде, писатель, вообще говоря, ничего не должен. Он творец. Политические комментарии и новости мы ловим по телевизору, их делают журналисты. Легенда о том, что «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – это легенда вчерашнего дня. Писатель и поэт имеют право писать, о чем угодно. Но сегодняшняя реальность вынуждает тебя окунуться в эту общественную бурную жизнь. Для меня та общественная работа, которой я занимаюсь, не мною выбрана. Я оказалась в вынужденном положении. Я не могу не отвечать на вопросы, когда мне их задают. Врать я не буду.

– Что это за реальность?

– Надо сказать, что в России огромное количество проблем, которые возникали и возникают еще до конфликта с Украиной. У нас проблема с правосудием и выполнением законов как таковых. Эти базовые ценности, которые условно называют «европейские ценности», на самом деле – цивилизационные ценности. Когда ты берешь в руки Библию, то понимаешь, что треть книги

посвящена законам. Строго говоря, именно создание законов социального сосуществования и отличает человека от животного. У животного законы соблюдаются инстинктивным путем: когда животное нарушает правила социального общежития, то его немедленно уничтожают сородичи. Законы в человеческом обществе писаны исключительно для удобства общества. Этим оно ограждает себя от преступников, защищает существование слабых, не имеющих больших клыков или рогов. В противном случае право сильного всегда побеждает. Соблюдение законов – единственная гарантия выживания человеческого общества. В российском обществе законы, к сожалению, не соблюдаются.

Это большая внутренняя проблема страны. По этому поводу мне часто приходится открывать рот и что-то говорить.

Например, уже два года идет процесс по Болотной площади. Один человек уже вышел из тюрьмы, отсидев срок. А одного в прошлом месяце арестовали, вспомнив, что он тогда два года назад оказывал сопротивление полиции. Такие вещи не могут происходить в цивилизованном мире. То, что происходит с Россией – ужасный откат от всех ценностей, которые были признаны общечеловеческими. Поэтому и война с Украиной, и война с Грузией, и Кавказская война – это вещи недопустимые и неприемлемые для человека, который о них думает. Но большинство людей не думают. В наших условиях, когда масс-медиа формируют мозги, поддержка войны на Украине – это результат машинки «телевизор» в сочетании с катастрофически низким культурным уровнем. Уменьшается количество людей, способных думать.

– Есть еще очень важный вопрос – примирение. Как дальше жить с Россией? Я имею в виду не собственно государство, а отношения между живыми людьми.

– Я думаю, что уйдет несколько поколений на то, чтобы эта травма начала зарастать. Степень агрессии и ненависти поднялась до небывалого уровня. Такого обострения никогда не было. Зачем это надо? Кому это нужно? Я считаю, что чувство страха овладело нашим руководством, которое очень боится потерять власть. Это заставляет их создавать экстремальные ситуации, которые заставляют людей переключаться с интересов повседневной жизни на мифологические проблемы взаимоотношений России и Украины.

– Плюс падение цен на нефть...

– Да. Всем известно, что украинская экономика в катастрофическом состоянии, но российская экономика тоже в гораздо худшем виде, чем хотелось бы. И только высокие цены на нефть держали ее. Мы живем как сырьевая страна: благодаря высоким ценам на нефть, Россия никогда раньше так хорошо не жила. Падение цен на нефть будет обозначать снижение жизненного уровня.

– Даже в глубинке, подальше от Москвы?

– В глубинке хуже. Наплыв людей в центральные города об этом говорит. Но, в общем, количество дорогих ресторанов, роскошных машин, бешеные цены на предметы обихода – говорят о том, что класс богатых людей существует, и он большой. Всем есть, что терять. Главным образом, власти. Это определяет ситуацию в стране. Будет хуже скоро. А несомненно будет еще хуже. Поэтому конфликт должен быть остановлен как можно быстрее.

– Как он может быть остановлен?

– Я думаю, что дипломатические механизмы начнут работать. В этой войне никто не может победить. Совершенно ясно, что точку необходимо ставить. Возможно, ценой потери для Украины Крыма. Но Крыму это не принесет процветания. Я Крым очень хорошо знаю: сестры моей бабушки жили в Крыму, и я проводила там много времени – в Феодосии и Старом Крыму. Я должна сказать – возможно, это заявление покажется чрезмерным, – что и при советской власти, и при украинской власти Крым совершенно погибал. Эта земля требует вложений. Я очень радовалась, когда пришли крымские татары. Но они разрабатывают Крым так же варварски, как и предшественники украинские и русские. Моя мечта – правительство, которое будет заботиться об этой земле и ее процветании. Там есть, чему процветать. Я, безусловно, против аннексии Крыма. Хотя предполагаю, что в народном голосовании народ бы и вправду захотел вернуться под российскую юрисдикцию. Но на нелегитимном референдуме были нарушены все международные права. Если подняться повыше, на высоту птичьего полета, то мне кажется, что ни та, ни другая сторона не может обеспечить достойного развития региона.

– Какая же сторона может его обеспечить?

– Я не знаю. Думаю, что российские руководители по части бездарности, бесхозяйственности стоят украинских руководителей. Только одни морды – пардон, лица – более симпатичны, а другие – менее. Но ни в той, ни в другой компании мне бы не хотелось пить чай.

– Еще одна тема, которая звучит, когда я разговариваю с украинскими писателями, это тревога и некое предчувствие войны и революции, которые звучали в текстах еще 1-2 года назад. В российской литературе что-то подобное происходит?

– Все отмечают полную рифмовку с ситуацией 1913 года в предвоенной ситуации. Тогда никто не предполагал, что может разразиться большая Мировая война. Поскольку совпадений слишком много, то у всех тлеет мысль о том, не есть ли нынешние события прологом к Третьей мировой войне. Европа воевать не хочет. Украина, насколько я понимаю, тоже воевать не хочет. Воевать хочет наш президент. Удастся ли его остановить – не известно. Но хотелось бы, чтобы за руку все-таки взяли. Настроение тревоги – экзистенциальное. Оно не связано с мелкими локальными неприятностями внутри

стран. Это предчувствие трагедии. Совершенно реально и правильная тревога. Поскольку ничего сделать в этой ситуации нельзя, то каждый должен продолжать заниматься своим делом. Учитель – учи, врач – лечи. Но существуют вещи, которые высказываются не рядовыми людьми, а выдающимися учеными. На меня, например, большое впечатление произвела книжка английского астронома Мартина Риса – она вышла давно, около 15 лет назад. Он – человек, сознание которого вмещает существующую вселенную. По его мнению, человечество должно погибнуть в течение 50 лет в силу антропологических причин. Агрессия человечества имеет планетарный характер. Когда тутси убивают хуту, мы пожимаем плечами: это ужасно, но – далеко. А сегодня это стало очень близко. Есть целые организации и группы, которые считают, что нужно уничтожить часть человечества. В нашей стране очень не любят геев – но, слава Богу, пока не уничтожают. Сунниты не любят шиитов. Все не любят евреев... Список этот совершенно бесконечный. Мартин Рис во второй своей книге написал более оптимистичный прогноз и сказал, что есть сценарии, при которых человек проскочит это роковое столетие и научится сосуществовать с себе подобными. Но это связано с изменением сознания каждого отдельного человека. Уровень агрессии, который сегодня свойственен виду homo sapiens, ставит под вопрос его дальнейшее существование.

– Вы говорите, что нужно изменить сознание. Если «учитель – учи, врач – лечи», то «писатель – меняй сознание»?

– У меня нет таких претензий. Я для таких амбиций слишком скромный писатель. Но мы знаем, что среди нас есть небольшое, но достаточное количество людей, которые являются представителями новой расы. Физически они мало будут от нас отличаться, но голова у них будет работать по-другому. Человек неизбежно должен измениться или погибнуть. Моя глубокая надежда – что времени хватит. Но если мировая политика будет идти тем путем, которым она идет последние 2000 лет, то времени у нас не осталось.

Беседовала Ирина СЛАВИНСКАЯ

Николай СВАНИДЗЕ:

«УСИЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА -
ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА, ОТ РЕШЕНИЯ КОТОРОЙ
ЗАВИСИТ СПАСЕНИЕ И ПРОГРЕСС СТРАНЫ...»

– Николай Карлович, мы продолжаем цикл бесед об историческом пути нашей страны. Вы называете себя историческим оптимистом, но в то же самое время пишете о глубочайшем разочаровании действиями правящего режима. Что дает Вам повод для исторического оптимизма? Вот Андрей Пионтковский в открытом письме назначил Вам свидание у стеночки...

– Разочарую Вас: рациональных оснований для исторического оптимизма я не вижу – просто в силу особенностей своего характера и психики я рассчитываю на то, что в конце концов всем нам хватит мудрости и здравого смысла не подвести ситуацию к полной катастрофе. Я надеюсь, мы встретимся с Андреем Андреевичем не у стеночки, а в более комфортном месте и обсудим какие-то более приятные вещи – скажем, футбол.

– Как, на Ваш взгляд, повлияет ситуация в Украине на внутривнутриполитический ландшафт и гражданское общество России в ближайшее время? Президент успокаивает: дескать, гайки закручивать не будут. А что Вы прогнозируете?

– Президент не обманывает, он говорит то, что думает. Просто вопрос в согласовании того, что означают те или иные слова и понятия. Если он говорит, что будет опираться на гражданское общество, вопрос в том, что он понимает под гражданским обществом. Я думаю, имеются в виду те 88 процентов населения, которые его сейчас поддерживают. Если речь идет о каких-то организациях, то это, скорее всего, будут какие-нибудь ветеранские или казачьи. Когда говорится о том, что надо прислушиваться к мнению оппозиции, под оппозицией понимаются фракции КПРФ и ЛДПР в Государственной Думе. Поэтому Президент говорит искренне, когда обещает не закручивать гайки. Но дело в том, что они уже и так достаточно крепко закручены. А он, видимо, так не считает. Значит, у нас с Владимиром Владимировичем разные представления о том, что такое гайки, что такое гаечный ключ и что такое закручивание. Поэтому я бы отталкивался не от слов, а от реалий. А они не вселяют большого оптимизма, поскольку ситуация, которая началась с присоединения Крыма

и продолжилась на юго-востоке Украины, чревата для России очень серьезными последствиями, а именно ее нарастающей изоляцией. Мир будет отделять Россию от себя, и Россия будет отделять себя от мира. Здесь есть своя логика, потому что режимы, подобные нынешнему, как правило отвечают на изоляцию именно закручиванием гаек и ответной самоизоляцией. То есть строится железный занавес внешний, а на это отвечают еще более высоким и толстым железным занавесом изнутри. Вы нас изолируете? – да мы сами изолируемся так, что мало не покажется. И в этом для режима есть свои плюсы, потому что можно делать в стране все, что хочешь. Можно руководить так, как ты считаешь нужным, ни на кого не оглядываясь и не взирая на внешние приличия и политкорректность. Можно ввести подобие информационной блокады. Очень хорошо это иллюстрирует проблема изучения иностранного языка. Мировой язык – английский, нравится нам это или нет. У нас никто не знает английского. В Прибалтике знают, причем независимо от социального статуса и образовательного уровня. В Грузии продавцы мороженого свободно болтают по-английски. Даже в Монголии знают. У нас – нет. Причем это связано не с тем, что у нас больше заботятся о развитии родного языка. Это ложное представление, что чем хуже знаешь иностранный, тем лучше знаешь свой. Ничего подобного! Люди, владеющие несколькими языками, как правило, отлично знают и свой. А если ни одного иностранного не знаешь, то и со своим часто бывают проблемы. У нас проблема в другом: государство, власть не заинтересованы, чтобы мы знали язык. Мы оказываемся в своеобразных ножницах. С одной стороны, чтобы быть конкурентоспособными в мире, язык необходим – без него невозможно получить должное образование и конкурировать в том, что касается, скажем, мира высоких технологий. А именно это сегодня главное поле конкуренции – не тоннами чугуна или нефти измеряется уровень страны, а качеством мозгов. Если ты не знаешь английского, не читаешь научных журналов, не участвуешь в конференциях, не варишься в этом соку, ты беспомощен. С другой стороны, если ты знаешь английский, ты можешь смотреть и слушать CNN, можешь воспринимать информацию на английском языке. А это значит, что, например, в нынешней ситуации ты будешь не только в курсе информации, которую получаешь внутри страны и которая сводится к тому, что мы белые и пушистые, но и будешь получать информацию на английском языке совершенно иного свойства. Государство оказывается перед дилеммой: либо конкурентоспособность, либо гарантированная лояльность. И оно выбирает последнее, теряя первое. Мы с этим в ближайшее время будем сталкиваться все больше и больше: с все большей изолированностью, с все большей потерей конкурентоспособности и, какими бы словами это ни называлось, с все большим закручиванием гаек – информационных, политических, общественных – внутри страны. Это цена, которую мы заплатим за Крым и за ситуацию в Украине.

– Борьба государства с рядом НКО тоже укладывается в этот тренд?

– Разумеется – укладывается в парадигму захлопывания страны, усиленной, безальтернативной государственной пропаганды, направленной на антизападничество и антиамериканизм. Потому что под патриотизмом у нас, к сожалению, понимается именно антиамериканизм. Америку не любишь? Патриот! Борьба с НКО одновременно воспринимается государством как борьба с агентами иностранного влияния, и именно этот лейбл и предлагается носить на одежде, как желтую звезду. С другой стороны это часть пропаганды, когда народу показывают: видите, что у нас происходит, дорогие товарищи – под видом НКО работают разного рода шпионы и диверсанты. Это все значительно осложнит работу этих общественных организаций. Это для того и делается, чтобы осложнить им работу. А смысл этого усложнения даже не юридический, а скорее, морально-психологический. Потому что понятно, что сам термин выбран далеко неспроста. Чисто юридически «иностранного агент» звучит вроде бы нейтрально, но на практике – совершенно ужасен, потому что вызывает вполне определённые исторические коннотации в сознании любого человека, имеющего отношение к России. Иностранного агент – шпион и диверсант, это всеми так и воспринимается. И цель этого действия – закидать грязью уважаемые правозащитные организации с хорошей и прочной репутацией, уронить их в глазах общественного мнения. Потому что теперь они будут восприниматься как агенты иностранных разведок. Просто выстраивается такой ряд: либералы – правозащитники – шпионы.

Кроме всего прочего это ещё и определённый знак, отмашка разнообразным компетентным органам о том, что, если организация попала в список иностранных агентов, к ней надо относиться соответствующим образом. В результате это очень сильно ударит по их репутации, а также заметно затруднит функционирование. А эти организации, как правило, не могут похвастаться большой зажиточностью.

– То есть на сегодняшний день тотальная ликвидация правозащитных НКО у власти на повестке пока не стоит?

– Мне кажется, на данный момент у властей нет общей идеи, что они хотели бы сделать с этими организациями в принципе, они об этом не задумываются и играют с ними, как кошка с мышкой. Если захотят ликвидировать окончательно — ликвидируют. Тут всё зависит от того, как будут выглядеть позиции России на международной арене. Если «железный занавес» опустится окончательно, то понятно, что будет не перед кем гарцевать и распушать хвост, что вот, мол, у нас есть свои правозащитные организации. А если «железный занавес» окажется с дырками, и через него что-то будет видно, то могут и поддержать на плаву, по возможности взяв под контроль. В этом вопросе власть старается оставить для себя пространство для манёвра.

– Отказ министерства культуры от целевой Программы увековечивания жертв политических репрессий – что это, на Ваш взгляд? Некомпетентность, страх, злой умысел?

– Боюсь, Минкульт сделал для себя выводы, что поручение президента по увековечению жертв политических репрессий как раз из тех, которое выполнять вовсе не обязательно. Они чувствуют, что Программа государственному руководству просто не нужна. Это вовсе не означает, что руководство страны сплошь состоит из идейных сталинистов. Но эта тема им активно не интересна и неприятна, потому что она грозит расколом ядерного электората, который во многом состоит из людей консервативных убеждений, просоветски настроенных. Мало того, многие идеологи сталинизма просто персонально близки к власти, а некоторые из них даже руководили действиями сепаратистов в Украине. Поэтому развитие темы

антисталинизма для нынешней власти грозит потерей значительной части стабильного электората. Здесь мотивы предельно прагматичные. Что-то власть, конечно, будет себе позволять, чтобы окончательно не отпугнуть интеллигенцию, но это будет очень тихо и далеко не систематически. Это значит, что волонтерам, которые, я надеюсь, будут продолжать работать, не просто не будут помогать, а дай Бог, чтобы не мешали. По-видимому, велико желание скрыть трагические, очень длинные и основательные страницы нашей истории.

– Чем чреват отказ от Программы для будущего страны?

– Неизжитым стыдом. Очень стыдно перед детьми и перед всем миром. Это значит, что мы консервируем, замораживаем наши комплексы, тяжелейшие исторические государственные «больные места». Вместо того, чтобы давно уже от них излечиться, признать и пойти дальше. Закрывать глаза на преступления, которые совершались над нами, над нашими дедами и отцами – бессмысленно. Это политика страусиная, трусливая. Вот президент предложил провести референдум по переименованию Волгограда в Сталинград. РПЦ тут же заявила, что не возражает. Сталин, мол, гонитель, но фигура противоречивая. Дескать, мы не против.

– Для чего власти постоянно будировать эту тему? Ладно, не дают ходу проектам по десталинизации. Но зачем с таким нарочитым цинизмом бросать вызов общественному мнению?

– Это как раз логично. Собирались победным маршем на Украину. Не получилось. А народ уже возбудили, раскошегарили, он требует продолжения имперского банкета. Ну, и решили подбросить старую победу. Не выходит с настоящим – мобилизуем прошлое. Выкопаем из земли мертвого вурдалака, подкрасим, одеколоном сбрызнем – сойдет за красавца. Опять, на безрыбье, эксплуатируется великая, трагическая война. И от этого общество уже корёжит.

дине XX века просто-напросто перестала быть эффективной. Сегодня, когда подвластные территории вместе с населяющими их людьми уже невозможно, как в прошлом, доить, давить и выжимать до капли, используя, по сути, рабский труд, а напротив, приходится содержать на приличном, обеспечивающем стабильность уровне, всевозможные «географические фанфаронады» — используя обращенное к Пушкину выражение Вяземского — в мире вышли из моды. Им на смену пришли совершенно иные представления о государственных достижениях, в основе которых лежит прежде всего привлека-

– Ну, скорее корёжит пока лишь мыслящую его часть... Кстати – заоблачные рейтинги президента, о которых неустанно вещает пропаганда – действительность или социологический мираж?

– Высокий рейтинг Путина — это несомненный тренд последнего полугодия. Сложно сказать — 85 или 80%, но то, что он в принципе высок, совершенно очевидно. Это ощущается по настроению людей на улице, по настроению наших знакомых, у меня одни, у Вас — другие, но факт заключается в том, что поддержка его после истории с Крымом заметно возросла. Может быть, цифры немного натянуты, но в принципе они соответствуют действительности и говорят о том, что народ пребывает в эйфории по поводу возвращения Крыма. Люди истосковались по великодержавности, истосковались по идее, им хочется пожить в Империи.

Дело в том, что в нашей истории всегда пользовались и до сих пор пользуются популярностью лидеры, расширявшие пределы державы. Что творилось в этих самых пределах, как старых, так и новых, — особо не принимается в расчет. Количественный критерий в исторических оценках у нас, как правило, ставится выше качественного. Квадратные километры — выше граждан, не только их прав, но, как часто бывало, и самой жизни. Мало того, чем больше человеческих жизней брошено в топку завоеваний, тем выше ценятся эти завоевания.

Но мир за нашими границами успел измениться. Территориальная экспансия уже довольно давно не является мерилем государственного успеха. С этим прежде всего и было связано крушение мировой колониальной системы, которая уже к сере-

тельность страны для жизни, для ведения бизнеса. Для чего, в свою очередь, необходимы правовые гарантии, открытое информационное пространство, качественные образование и здравоохранение. Внешние приобретения, сколь бы эффективны они ни были, не могут ни заменить внутреннее развитие страны, ни служить импульсом к нему.

Ситуация же с Крымом попала России точно в вену, страна ощутила кайф. Теперь, сев на иглу иллюзорного возрождения СССР, она, естественно, не желает с нее слезать. Путин оказывается в ловушке общественных ожиданий. Остужать эти ожидания сегодня тактически небезопасно, да и, по-видимому, душа не лежит. А идти по пути их дальнейшей возгонки опасно стратегически.

– В том-то и дело... Когда пройдет опьянение очередным имперским реваншем – чем власть будет дальше «похмелять» электорат?

– Вы правы – стратегически подпитка нужна, эйфория будет опадать и ежедневная реальность возьмёт своё. А лучше положение становится на будет, тем более что тот же Крым требует больших денег, и Абхазия,

рии — еще более обманчивое и зыбкое, чем память о жизни в ней. Что естественно, поскольку падение произошло по историческим меркам стремительно и всем тогда было не до анализа. Впрочем, как и потом. В результате эти причины не были должным образом отрефлексированы и не только не стали предметом консенсуса элит, но превратились в один из главных факторов внутриэлитного раздора и причину весьма опасных политических иллюзий.

– Только ли в элитах проблема? Разве они были бы способны на реванш, если бы не подпитывались державническими интенциями населения, идущими из самого

желудка, по меткому выражению Людмилы Алексеевой?

– Разумеется, основная проблема – в сознании десятков миллионов граждан страны, у которых в головах невероятная каша из имен, дат, разнообразных фобий и эмоций, которые давно уже не в состоянии отличить путч 91-го от путча 93-го и убеждены, что Союз развалили Ельцин и Горбачев на деньги ЦРУ... Они до сих пор – через четверть века после гибели империи – остаются носителями абсолютно имперского сознания. Диссонанс от сочетания имперского сознания с отсутствием самой империи и рождает пресловутый постимперский синдром. Причем речь идет о комплексах не просто имперских, а колониальных. Это досада жителей метрополии, утратившей территории. Именно подобные настроения и произвели на свет тот национализм, который в современной России неотличим от обычной этнической ксенофобии.

– Осенью под эгидой Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина состоится Второй общероссийский гражданский форум. Вы – член Комитета, участвовали в прошлогоднем Форуме. Какие результаты, на Ваш взгляд, могут принести подобные мероприятия?

которая сейчас волнуется, требует денег, и Осетия... И это помимо самой России, требующей денег, которых очень мало. Так что через некоторое время кривая популярности начнет уходить вниз, и что тогда будет делать Путин — сказать сложно. Ведь люди хотят не просто жить в империи, они хотят жить в ней хорошо, пояса затягивать никто не намерен. Но пропагандистский аппарат работает очень сильно, и он продолжит так работать. Естественно, всё плохое будет списано на за границу, на то, что вредят американцы, вредит Запад, а у нас, мол, есть свои ценности. Все эти ходы здесь вполне очевидны, достаточно эффективны и до какой-то степени будут работать. Но если начнется резкое снижение жизненного уровня, то ничего уже не поможет. Путь, избранный режимом – яркий, электорально привлекательный и обреченный на успех в глазах очарованного, истосковавшегося по победам народа, но уже в несколько более долговременной перспективе — тупиковый. Судьба Советского Союза, который обладал несопоставимо большей ресурсной экономической и геополитической базой для доказательства правильности именно этого исторического выбора, всем известна.

– Какую роль сыграл распад СССР в этой вспыхнувшей сегодня имперской ностальгии? Можно ли говорить о травмированности населения России постимперским синдромом?

– Несомненно. Распад Союза случился недавно, всего лишь одно поколение назад. Срок как раз достаточный для того, чтобы — не без помощи настойчивой пропаганды — прошлое потеряло свои истинные очертания и превратилось в розовый ностальгический туман. Из которого выплывают и выводятся на полуслепой экран массового сознания отдельные, выдернутые из исторического контекста услужливые строчки: все были равны, квартиры были бесплатные, нас все уважали и т.д. и т.п.

Живущее в нас представление о причинах развала советской импе-

– О том, что сейчас, к сожалению, государственная власть ждет от истории не научных исследований, не большей грамотности молодежи, а ждет подтверждения своих положительных качеств. Это как в анекдоте со старшиной, который говорит новобранцам: пункт первый устава – «командир всегда прав», пункт второй – «если командир не прав, смотри пункт первый». Примерно так же государство хочет с помощью исторической науки выстроить психологию своих граждан. Это в корне противоречит интересам гражданского общества и интересам страны.

– Есть ли выход из этого тупика?

– Этот форум – одно из важнейших звеньев большой цепи, связанных с усилением гражданского общества. А это, по моему мнению, самая главная задача, которую необходимо решать и от которой зависит спасение и прогресс нашей страны. Спасение не в физическом смысле, а в смысле позиции нашей страны в мире. Именно той позиции, которую она заслуживает. Именно с этим связано наше будущее. На форуме я принимал участие в секции «Общество», где затрагивалась острая тема – диалог между властью и гражданским обществом.

– О чем Вы тогда говорили, можете вспомнить?

– Есть: гражданское общество должно быть активно. Если оно ляжет под государство, тогда государство будет делать все, что пожелает. Хорошее это государство или плохое. И не надо забывать, государство, общество и страна – это разные вещи. А интересы государства и общества далеко не всегда совпадают. Общероссийский гражданский форум – это хорошее начало, чтобы каким-то образом организовать общество. Граждане могут и должны объединяться и отстаивать свои права – легальным законным образом. Без этого нам выбраться из ямы едва ли возможно.

Василий МЕЛЬНИЧЕНКО:

«КОГДА ВЛАСТЬ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К НАРОДУ
ЛИЦОМ, НАРОД ОБЫЧНО КРИЧИТ ОТ УЖАСА...»

– **Василий Александрович, расскажите для начала про село Галкинское. Чем вы там занимаетесь?**

– У нас очень хорошие земли. В свое время там был крупный совхоз. Так получилось, что в 90-е его разрушили и разграбили до ноля. Скотины ни одной головы не осталось, техники нет, здания разрушены. А в 2009 году сельчане на собрании посоветовались и решили пригласить меня, чтобы я возглавил это хозяйство. Сейчас мы одни из крупнейших производителей сельхозпродукции в регионе. Мы пытаемся создать такое хозяйство, которое могло бы наполнить местный муниципальный бюджет и обеспечивало людям на селе рабочие места с достойной зарплатой.

– **А до этого чем занимались?**

– До этого у меня был первый колхоз.

– **Кто у вас работал? Местные?**

– Не только. В те годы бежали переселенцы из Казахстана, Узбекистана, Туркмении, мы приняли много семей. Мы даже назывались переселенческим поселком. Таких у нас было 25 семей. В поселке было все: хорошие дороги, пекарня, мельница, кондитерский цех, молочная ферма, свиноферма. Мы делали мебель, делали натяжные потолки. Я абсолютный сторонник того,

что крестьяне не мешки с соломой, а граждане, которые имеют право выбирать профессию. Как человек может остаться в деревне, если он хочет быть строителем? А мы строили свою экономику так, чтобы был выбор профессий, и никто не хотел уезжать. Зарплата приличная, место отличное, выбор работы есть, интернет – пожалуйста. У нас в те годы работал класс дистанционного образования в школе. Несколько человек получали образование в московских вузах, не выезжая из деревни. Мы показывали тогда государству и Минобразования, как дешево можно учить людей, не срывая их с места и не деля проблем в городах. После четырех лет работы деревня стала идеальной. Четыре года – это срок, за который можно перестроить и страну.

– **И все это было организовано без какой-либо государственной поддержки?**

– Абсолютно. Хотя государство, конечно, не забывало про нас. Например, оно периодически нас штрафовало. То приедет технадзор, то Роспотребнадзор, и все говорят, что мы неправильно живем и работаем. Забыть о себе государство не давало. Так же как телевизор не дает забыть о том, что у нас есть президент и премьер-министр.

– **И что в итоге стало с вашим первым колхозом?**

– В 1998 году его сожгли.

– **Конкуренты?**

– Да какие конкуренты! Обычные бандиты, которые работали вместе с администрацией и с милицией. Я единственный в районе не платил дань казакам. Такие нормальные русские мужики, ходили в голубых штанах с лампасами и всех облагали данью. Крыша, как они говорили. Так как у нас в совхозе все крыши были отремонтированы, нам не требовалась крыша, и мы, конечно, отказывались платить. По своему принципу я бы никогда не согласился платить никому, кроме государства. Достаточно было того, что я всегда исправно платил налоги. Я понимал, что не может такого быть, чтобы с крестьян, которые производят продукцию, какие-то люди собирали дань. Но многие платили.

Мы были очень богатым хозяйством на тот момент. У нас были молодежные программы, давали дома молодым семьям. Заключали с сотрудниками договор, что после рождения третьего ребенка дом переходит в их собственность.

– **Чем все закончилось?**

– В итоге мне удалось через суд добиться ликвидации казачьей дружины как незаконного военного формирования. Бился за это два года. Никакую военизированную форму эти бандиты не имеют права носить.

– **Наверное, истерия вокруг казаков в последнее время вам не очень нравится.**

– Ну власти же нужно кого-то любить. Людей ведь больше всего, как известно, любят людоеды. Мне, конечно, не нравятся все эти прыганья. Кажется, что президента просто подставляют его пиарщики. Вот взять, например, это собрание Кургиняна. Я не против общественных движений, просто считаю, что в них должен

быть здравый смысл, а каждый шаг президента должен быть выверен.

– **Вы думаете, президента подставляют?**

– Вот смотрите: неожиданно меняется министр обороны, и у села забирают весь госзаказ. Говорят, Сердюков что-то воровал. Так это или нет, мы не знаем, но мы хотя бы картошку поставляли военным. А когда Шойгу пришел, и весь заказ на 100 млрд руб. передали какому-то московскому ресторатору. Получается, что 300 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств просто должны закрываться из-за одного глупого решения. Я понимаю, что президенту надо доносить, что невменяемых министров держать нельзя.

– **На Московском экономическом форуме вы говорили о коррупции, всю жизнь боретесь с рейдерством. Неужели вы думаете, что наверху об этом не знают?**

– Когда смотрю телевизор, такое ощущение создается, что не знают. Смотрю с другой стороны – все знают. У нас правительство как дети малые: все понимают, все чувствуют, а какать не просятся.

– **И тем не менее вы пытаетесь обращаться к президенту.**

– Я в свое время, когда молод был, все думал: вот докричаться бы до президента, и все решим. Мужики ж ведь договоримся. Докричался. Ничего не решили, впечатление такое, что не с кем разговаривать.

– **До кого докричались?**

– Я встречался с господином Медведевым. Кроме того, что я председатель колхоза, я еще считаюсь журналистом. Я задавал ему вопросы и как председатель колхоза, и как журналист. И задавал вопросы, касающиеся сельских территорий.

– **На форуме вы ругали вступление России в ВТО. Как это отразится на вашем колхозе?**

– Оно уже отразилось. Первый удар нанесли по свинине. Те свинокомплексы, которые строились, были, конечно, плохими, но в них ведь вложили огромные деньги. Вдруг границы открылись, и российские производители стали неконкурентоспособными. Высокие проценты банковские. Мы же не можем конкурировать с фермером, у которого 1% годовых. Мы же даже со всеми субсидиями все равно меньше 8-10% не платим. Как я могу конкурировать с китайским фермером, у которого 1%, да еще и на 30 лет? К тому же есть еще и монополист в виде продавца электроэнергии, который говорит, что не может брать с меня меньше 5 руб. Как же так – этот столб строили еще при Брежневе, этот трансформатор чуть позже появился, а они не вложили ни рубля и теперь пишут цены с потолка. Опять же, если китайский фермер платит 2 руб., а я пять, разве я могу с ним конкурировать? Получается, что в ВТО мы вступили не подготовившись. Мы тоже хотим продавать свою продукцию на Запад и Восток, но сейчас мы ведь даже Россию не обеспечиваем продовольствием. Зайдите в любой магазин и увидите, что вся наша доктрина продовольственной безопасности зиждется на компании «Доширак». Не будь этой компании, вся продовольственная безопасность пропала бы.

– Что нужно было сделать?

– Если 18 лет вели переговоры – вступить в ВТО или не вступить, неужели никто не догадался, что надо бы и крестьян перевооружить. А теперь мы на тракторах 70-х годов будем вступать в конкуренцию. Мы ведь все погубили, причем абсолютно умышленно. Коррупцию развели страшную.

– У вас есть какой-то рецепт, как победить коррупцию?

– Я считаю, что это довольно легко. Просто нужна политическая воля одного-единственного человека. Если президент позовет всех губернаторов к себе в кабинет и скажет: «С завтрашнего дня у нас акция – всем губернаторам надо повеситься», поверьте – 99% повесятся. Это приказ президента. Если он скажет не воровать, никто не будет воровать.

– Так почему не дает приказ?

– Я думаю, боится. Трусит.

– А политические оппоненты нынешней власти с коррупцией могли бы справиться?

– А они есть?

– Ну вот про Алексея Навального слышали ведь?

– Слышал, конечно. Хороший парень, хороший мужик.

– Вот он мог бы коррупцию победить?

– Так в обществе нет серьезного запроса на борьбу с коррупцией. Почему нет борьбы и протестов? Потому что жизнь худо-бедно наладилась: еда есть в магазинах, пенсии платятся. Страшно менять ведь. А вдруг не получится? Поэтому мы вынуждены в такой стагнации жить.

– По-моему, есть запрос.

– А где? После того как эпопея с Сердюковым началась, я ожидал, что через день-два на Красной площади будет каре из 5-10 тыс. офицеров, которые скажут: «Заряжай Царь-пушку, залезай, товарищ Сердюков». Ведь офицер – это не должность, не звание, это понимание чести. Мы же от них видим только нытье вечное: не могут квартиры получить, не могут еще что-то получить. Но если вы за честь мундира постоять не можете, вы на что претендуете?

– Так как все-таки быть с президентом?

– Россия производит впечатление великой страны, но больше ничего не производит. Надо менять эту ситуацию. Мне кажется, что даже я бы справился. Какая разница, что тремя курицами править, что двадцатью. Чтобы быть президентом, нужно иметь вокруг десять честных человек, которые бы просто между собой договорились не воровать.

– Готовы баллотироваться?

– Нет, конечно. Я хороший председатель колхоза, у меня капуста хорошая растет, свекла прекрасная, такие кролики красивые. Я не променяю свою деревню ни на что и буду людей поднимать. У нас прекрасные женщины живут в селе. Вот они могут за себя постоять. Когда в нашу деревню вошли казаки, наши русские мужики, как положено русским богатырям, попрятались. А бабы вышли драться и дрались насмерть за село и за детей.

– Это был 98-й?

– Да. Я тогда прилетел из командировки, собрал мужиков и спросил, как так вышло. А они ответили: «Думали, нас бить будут». Трусость. Вот эта коррупция, ее что, кто-то нам делает? Это приехали американцы, или поляки, или грузины, может быть, нам ее сделали? Это мы позволяем к себе такое отношение.

– Вот вы говорите, запроса на борьбу нет. А как же Болотная?

– Я был на Болотной, специально приехал. Дело-то хорошее. Поучаствовать, посмотреть, кто и что. Но на Болотной не за кем было идти. Тогда все возмутились, что власть повела себя по-хамски, но ведь она и продолжает себя так вести. К тому же вышли на Болотную ведь не мужики, которые от сохи. Мы просто потеряли этот класс.

– А они-то почему не выходят?

– Они ведь русские, а русский мужик всегда до поры до времени боится. Они уже не выйдут.

– Но Болотная – это тоже русские.

– А на Болотной были не простые мужики. Я представляю, как был удивлен Путин: «А вам-то чего надо?»

– Получается, что средний класс оказался смелее?

– Конечно. Правда, это не средний, а скорее посредственный класс, потому что среднего класса в России вообще нет. Средний класс – это не кто больше получил, а кто больше заработал. Все вот говорят, что у нас рост ВВП, а я все объясняю, что ВВП нашему уже 60 лет, в этом возрасте люди не растут. Не на чем ему расти, мы не производим продукцию, мы друг другу все услуги какие-то оказываем. Мы дошли до того, что у нас в обществе выгодно быть инвалидом, выгодно быть липовыми многодетными матерями. Во что народ-то превращается? А я бы хотел, чтобы мою страну уважали искренне, чтобы у нас было подлинное местное самоуправление, и тогда вопроса с гражданским обществом не будет. Разве это так трудно?

– Наверное, трудно.

– А я думаю, что верховная власть этого местного самоуправления просто боится. Боится, что люди будут нелояльные. А я, наоборот, уверен, что более лояльных людей, чем самостоятельные крестьяне, мир никогда не знал.

– Так они и сейчас лояльны, зачем стараться?

– Они не лояльные, они безразличные. Какая им разница, если из 800 человек в селе 600 безработных, будет у них избранный губернатор или им его Владимир Владимирович назначит. Вся государственная машина и направлена на то, чтобы мы все такими и были. Мы не пробовали ни разу избрать себе честных и порядочных людей во власть, мы все выбирали лучших, а получалось вот так.

– Где взять честных?

– Ну, 140 миллионов людей в стране. Есть те, кто смотрит концерты Бори Моисеева и «Дом-2», это сласть человеческая. Но есть и те, кто не смотрит, надо из них выбирать.

– Но мы же не можем их силком в Кремль приволочь.

– Да я бы даже попробовал лотерею вместо выборов устроить. Кто выиграл, тот и будет президентом. Разницы не будет никакой, но хотя бы есть шанс, что из тысячи билетов попадет один толковый.

– Вы объясняете все это своим работникам? Чего вы хотите от них добиться?

– Я хочу, чтобы они вышли и поговорили с властью по-мужски: «Если ты наш президент и ты готов работать, то давай работать, а если нет, то какие проблемы, можно другого президента себе взять». Можно и нанять за деньги. Ничего страшного не будет.

– И насколько на селе люди готовы к такому разговору? Какие там настроения?

– Безнадега. И не только на селе. То же самое и в малых городах, и в моногородах. Причем мы умеем работать. Мы сельские люди, но мы разработали новые фильтровальные материалы, запустили завод, нас покупают за рубеж, разработали кучу новых материалов на основе кремния. Мне кажется, мы уже больше пользы, чем «Сколково», принесли. Потому что мы делаем, чтобы выжить, а «Сколково» – чтобы деньги попилить. Процветает только околобюджетный бизнес. Есть связи – ты бизнесмен, нет – ты разорен, трижды обанкрочен и посажен в тюрьму, если вдруг почему-то не захотел делиться.

– Что бы вы президенту посоветовали?

– Чем выше должность человека, тем лучше ему кажется страна. Но мы-то живем в самом низу, видим, как все на самом деле. Я думаю, что президент должен просто делать свою работу честно и порядочно. Хотел было сказать, повернуться лицом к людям, но лучше, навер-

ное, не нужно. Потому что когда власть поворачивается к народу лицом, народ обычно кричит от ужаса.

– Вернемся к дню сегодняшнему. Как вы считаете, ограничения на ввоз продуктов в Россию из некоторых зарубежных стран укрепят позиции местных фермеров?

– Нет, ничего положительного для фермеров не будет. Произойдет всего лишь перераспределение импортных потоков, потому что заняться импортозамещением мы не готовы. То есть теперь мы будем закупать продукцию не в Европе, а, например, в Турции, Аргентине, Бразилии. То есть против Европы мы вводим санкции, а для Бразилии открываем новые квоты на поставку мяса и овощей. Я считаю, убедив Путина подписать такой указ, правительство РФ его очень сильно подставило. Однозначно будет сбой при поставке продуктов питания. Мы же понимаем, что за годы были налажены поставки, проверки и так далее, а теперь все это снова придется начинать. И это не то же самое, что, например, вывалить из одного трюма баржи продукты в море, загрузить другие и поехать дальше. Тут не все так просто. Так нельзя метаться. Что мы хотим этим указом доказать? Раз ввели против нас санкции, мы против вас введем? Это как в детском садике, в песочнице, не по-взрослому это. Мне кажется, Путин должен был отправить в отставку все правительство. Члены кабмина все время принимают такие решения и постановления, которые не дают нам развиваться, и при этом мы все время ругаемся со всеми странами. Это неправильно. Сейчас вот мы начали искать каких-то новых друзей. А те, с которыми мы дружили последние 20 лет, оказались вдруг нашими врагами.

– Российские сельхозпроизводители смогут обеспечить жителей страны необходимыми продуктами?

– Нет, потому что правительство России последние 20 лет работало с единственной целью – остановить все виды производства в РФ. И сейчас, сколько бы ни было инвестиций в сельское хозяйство, какие бы преференции ни получили фермеры, ситуация быстро не изменится. Есть природный, биологический цикл: чтобы появились сады, их нужно сначала заложить, и только на четвертый-пятый год можно будет собирать урожай абрикосов, слив и тому подобного.

– Может быть, сейчас ситуация в сельском хозяйстве начнет меняться хотя бы постепенно?

– Только не сейчас, сейчас не время. Все разумное делается в мирное, тихое и хорошее время. Сейчас время спешки, а спешка хороша только при ловле блох.

– Какие решения российского правительства, на ваш взгляд, вредят развитию сельского хозяйства внутри страны?

– Я считаю, идет умышленное уничтожение любого вида производства в глубинке, в малых городах. Мы не ленивые, мы хотим работать и не отказываемся никогда от земли. Но у нас просто именем РФ забирают орудия труда, никакой отечественной сельхозтехники не разрешают производить. Самая дорогая электроэнергия – для села. 63 региона России признаны непригодными для ведения сельского хозяйства, а это значит, что ни один банк не выдаст мне кредит на развитие там хозяйства. Минеральные удобрения приравнивали к взрывоопасным веществам, и мы теперь не имеем права их использовать. С 1 мая 2014 года в личных подсобных хозяйствах российскому крестьянину запретили держать живность, кроме хорьков, морских свинок, собачек, кошечек. И как мы теперь накормим страну, если издан указ об ограничении ввоза продуктов, но перед этим не отменили 70 процентов законодательства, которое запрещает или мешает работать российским фермерам. Я думаю, Владимир Путин просто должен посмотреть на окружение и понять, что последние действия правительства с его желаниями совершенно расходятся. Потому что я не верю, что президент хочет нам плохого и желает своему народу жить вот так.

– Вы считаете, фермеры из России конкурентноспособны по сравнению с поставщиками продуктов из других стран?

– Да, мы бы хотели со всеми нормально работать в условиях честной конкуренции, иначе зачем мы с таким боем вступали в ВТО? Но у нас должны быть равные условия. Есть простой пример: в Европе фермер может кредитоваться под 1%, а мне почему-то обязательно нужно кредитоваться под 22% видимо, чтобы я сдох быстрее, чем кто-либо. То, что сейчас происходит, – это людоедские отношения между правительством РФ и российскими фермерами. Я готов работать, но мне нужен доступ к ресурсам и компетентное правительство, чтобы министрами у нас были не юристы, экономисты и чекисты, а специалисты, знающие толк в народном хозяйстве. И за это я готов драться.

Елена НЕМИРОВСКАЯ:
 «ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ —
 УСТРАНЕНИЕ ЗАЗОРА МЕЖДУ
 ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ...»

– Елена Михайловна, легендарная Московская школа гражданского просвещения существует уже третье десятилетие. Расскажите – с чего она началась? Имею в виду не формальную хронологию (она более-менее известна каждому образованному человеку), а духовный генезис. Из какой интеллектуальной почвы произрастал этот великий просветительский замысел?

– Дело в том, что вся наша сознательная жизнь протекала на так называемых кухнях: на наши «посиделки» приходили не только российские интеллектуалы, но и иностранные, как это ни странно звучит для 70-80-х годов. Этот наш «кружок» на самом деле был большим кругом, где встречались и литераторы, и историки, и философы. Это была уникальная духовная атмосфера тех лет. Особую роль в этих встречах играл наш друг Мераб Мамардашвили. С ним мы много говорили о Школе, обсуждали наши замыслы. Более того, одна из последних наших бесед была о Школе. Я спросила Мераба: зачем нужна она. А он ответил: потому что существует огромный зазор между обществом и властью. Я очень хорошо запомнила это слово – зазор. Как таковой Школы Ме-

раб уже не застал – он умер в ноябре 1990 года. Но его заветы, его чаяния, его мысли мы стараемся воплотить в своих делах. Школе уже 21 год, она все время растет, углубляется. И каждый семинар – это поиск, подобный спектаклю, который очень ожидаешь, волнуешься, когда готовишь его. Но как подлинный спектакль он может состояться, а может и нет – все зависит от той точки дискуссии, в которую эксперт и зал попадают. Это не наука, не систематическое обучение какому-то навыку, это создание некой интеллектуальной ситуации, в которую попадают и участники, и сам эксперт. И что-то случается, если повезет – индивидуальная напряженная мысль на общественную тематику. Семинары погружают человека в некоторое интеллектуальное состояние, в это специфическое, необходимое человеку чувство свободы, или критического мышления.

– Вы помните, как организовывали самый первый семинар Школы? С какими трудностями столкнулись, какие выводы для себя сделали?

– В самом начале пути я столкнулась с тем, что мне, выходцу из московской среды, молодых слушателей пришлось искать в самых различных регионах страны.

Тот самый первый семинар, который случился более 20 лет назад, был особенным, и не только тем, что туда приехали одни из самых выдающихся представителей отечественной и зарубежной интеллектуальной и политической мысли. Нас всех поразила открытость российских молодых людей, их талантливость и желание начать понимать общественное устройство в некоторых других рамках, то есть выйти из этой тоталитарной советской системы, которая разрешала думать людям только так и никак иначе. Первые выпускники – это звезды сегодняшнего политического олимпа.

– Если сравнить «день минувший», когда Вы только начинали создавать Школу, и «день нынешний» – какие кардинальные отличия прежде всего бросаются в глаза?

– Отличие сегодняшнего дня от 90-х состоит в том, что система ротации талантливых людей стала иной. Тогда государством была больше востребована творческая интенция: в административные и прочие структуры попадало огромное количество одаренных людей через свободные каналы конкуренции. Сегодня ситуация другая, она больше похожа на времена моей молодости. И я на это смотрю с большим сожалением, потому что творчество, умение раскрывать людей, давать им возможность самовыражения и достойной жизни – это очень важно для общества, для страны. На самом деле, в любом государстве – это всего лишь 5-6%, которые тащат страну, культуру в некотором последовательном направлении. Если нет, наступает стагнация. Люди начинают расходиться в другие сферы. Я бы очень хотела, чтобы наша сфера, связанная с политической, публичной, общественной жизнью, имела резонанс в обществе и была более сложной, более одаренной.

– На сегодняшний день сколько выпускников у Школы?

– Это огромная армия – около двадцати тысяч человек. Сказать, что со всеми из них случилось то, о чем я говорила, я не могу. Со мной – случилось. Я сама вот уже 21 год прохожу через все семинары Школы и считаю себя ее выпускницей. Это не кокетство, это мое абсолютное ощущение.

– Кто может считаться выпускником Школы?

– Формально выпускником считается человек, побывавший на 4-5 семинарах Школы. Как правило, это люди до 35 лет, преимущественно из регионов, поскольку Москва и Петербург все-таки имеют гораздо больше возможностей в плане контактов и гражданского просвещения. Другой критерий – человек, пришедший в Школу, должен быть задействован в общественной, публичной, гражданской жизни. Когда-то мы брали много региональных политиков, чиновников – тогда, когда это было им интересно. Сейчас ситуация несколько изменилась. К

примеру, вышел закон, запрещающий чиновникам участвовать в семинарах, которые хотя бы частично оплачиваются зарубежными фондами.

Но самое главное, наверное, в том, что к нам приходят люди, которые и раньше хотели что-то понять, в чем-то разобраться. Мы апеллируем к тем, кто уже что-то сам знает, либо чувствует живую потребность узнать.

– Какие идеалы стремится популяризировать Школа?

– Школа сформировалась на тех базовых ценностях, которые считает своими и распространяет Совет Европы. Мы стали делать этот пилотный проект под его эгидой, хотя Россия в течение четырех с половиной лет после начала нашей работы еще не была членом Совета Европы. А сейчас совет Европы организовал вокруг нашей Школы сеть школ – Закавказья, Восточной Европы, Греции и Турции, и даже в Марокко... Школа задумывалась как просветительский проект, и наш девиз: гражданскому обществу – гражданское просвещение.

– Что Вы вкладываете в эти понятия?

– Это мы сами только еще начали понимать. В начале нашего пути мы очень много дискутировали на тему честных выборов, политической культуры общества, демократии. Сейчас мы больше адресуемся к теме создания правового государства и необходимости перехода от традиционной модели персонифицированной власти к более институализированной. Конечно, это символические понятия, некие идеальные матрицы для мышления – но в процессе общения они обретают вполне конкретные формы, и становится понятным, почему людям необходимо государство, где есть место и правам человека, и независимому суду, и свободной прессе, и комфортному проживанию любого меньшинства (не только национально-этнического, но и интеллектуального, к которому принадлежим все мы).

– В последнее время многим просветительским НКО в стране стало крайне тяжело работать. Вы чувствуете это на себе?

– Не просто тяжело, а почти невозможно. Мы одни из первых ощутили это. Нас первыми объявили иностранными агентами, а затем обложили немислимым

– мы видим, что человек не может жить вне морали, равно как и общество не может жить вне достоинства.

– Это то самое чувство, которое побудило Вас в августе 1991 года выйти на баррикады к Белому Дому?

– Во-первых, мы жили (и живем) практически рядом – мы у Белого Дома ночевали, жили, готовили дома еду, и с ней сразу возвращались обратно. Но я бы приехала к Белому Дому, даже если бы жила за тысячи километров от Москвы. Я прекрасно понимаю, что для меня лично значил Советский Союз. Там случилось мое рождение, там состоялась моя любимая семья, самые дорогие связи и встречи, любовь, страсти, книги по ночам – все, что называется жизнью.

налоговыми штрафами, посчитав последние гранты не благотворительным пожертвованием, а прибылью. Но дело не только и не столько в материальных притеснениях. Дело в том, что в нашей отечественной традиции любая активность должна санкционироваться государством. Любая же деятельность, идущая от общества, априори непонятна и подозрительна, причем на самом глубинном уровне. К независимой части жизни нет вкуса, потому что вся русская, а потом и советская история убедили людей, что это действительно не имеет смысла, достаточно вспомнить чудовищное насилие центральной власти в 20-м веке. И, увы, подобное отношение власти к автономной деятельности, оправдано большинством населения, которое еще не привыкло к тому, что оно само имеет возможность, необходимое право, да и обязанность, думать о себе, контролировать власть и отвечать за свое настоящее и будущее.

– Но ведь кто-то хочет просто сидеть на берегу и удить рыбу...

– Безусловно – и надо дать такую возможность. Большинство людей хотят просто жить в здравом обычном смысле и имеют на это право. Но есть более активная часть людей, которые чувствуют свою некоторую иную призванность, для которых что-то такое удивительное крайне важно. И я этим удивительным называю свободу. Причем не волю, а именно свободу. Этой свободы всегда ровно столько, сколько я могу заплатить за нее лично, ибо за убеждения нужно платить. И хочется, чтобы людям, которые хотят себя посвятить этому тонкому ощущению вкуса общественной справедливости и правды, дали возможность жить достойно и думать о себе в терминах достоинства. Можно сказать, что это все слова. Но слово, о котором Вы говорите – совесть, так же, как и добро, Бог, свобода – это те символические параметры, которые организуют нашу жизнь, психику, жизнеповедение. И поэтому, хотя их нельзя потрогать руками, без них невозможно жить

Но я не любила этой страны – как формы государственного насилия над личностью. И благодаря среде, в которой я жила, я поняла это очень рано. Я не была диссидентом по ряду причин, но я никогда не стремилась в Советском Союзе делать какую-то настоящую карьеру, участвовать в чем-то. И жила насколько возможно автономно, стараясь создавать вокруг себя какой-то микрокосм, микромир. В этой квартире он состоялся. Он был комфортным, одухотворенным, но это все равно была кухня, поскольку публичного действия не было. Школа, которую мы создали, в какой-то мере сохранила эту традицию, став расширенной «кухней» в самом хорошем смысле этого слова, потому что ее магистральный акцент – это тихая беседа, дискуссия, где есть аргументы на заданную тему, где надо слышать другого и где необходимо перейти от монолога к диалогу. Ведь мы воспитаны великой русской культурой и русской литературой, увы, в монологическом ключе – мы всегда имеем свою собственную правду, и несгибаемы в этом. Навык поиска компромисса, признания инстанции Другого необходимо воспитывать с детства – именно это свойство, на мой взгляд, делает человека человеком.

– Я знаю, что с недавнего времени Школа сотрудничает с Комитетом гражданских инициатив Алексея Кудрина...

– Да. Я очень рада открытию нашего совместного проекта. Во-первых, всегда приятно быть не в одиночестве. Благодаря таким союзам, зарождается замечательная среда людей, активно, самостоятельно, критически думающих о стране, в которой они живут и которая им принадлежит. Такие предприятия вселяют в отчаявшихся людей какую-то надежду. Когда совсем тяжело и хочется все бросить и уехать, люди начинают чувствовать плечи друг друга.

– А у Вас когда-нибудь возникали мысли об эмиграции?

– Я считаю, что люди имеют полное право уезжать и жить там, где им комфортно. Лично для себя я давно сформулировала правило такое: эмигрировать можно только ради детей, когда им грозит опасность. Дело в том, что тему мироздания, мысль о жизни и смерти, обо всех последних вопросах бытия мы можем постичь только через культурную призму русского восприятия. В этом, наверное, наша ограниченность, но, вместе с тем, и наше богатство. Мы очень плотно связаны с языком, который одновременно является нашей свободой и нашей тюрьмой. Мераб говорил о том, что культур много, а цивилизация одна. И под этой цивилизацией я понимаю правовое государство со всем набором его особенностей. Они глобальны и одинаковы для

всех. А дальше традиции, культура и язык приносят что-то свое. Я считаю, что сейчас мир классической демократии переживает уникальный кризис. Например, идея народного представительства в Европейском Союзе заменена реальностью демократического менеджмента. Но отличие между нашими культурами состоит в том, что там на разных уровнях, и прежде всего на научном, ведутся публичные дискуссии, осмысливается происходящее. Мир глобализируется и регионализируется одновременно. Это не отменяет национальной самобытности культур и традиций, просто появляются вещи, которые работают везде на планете. Например, транспарентность, которая рано или поздно будет повсеместно вытеснять коррупцию. По-прежнему демократия – это не идеальная форма правления, но лучшая из всех возможных. Мераб, например, всегда считал, что жизнь от природы иерархична. Не в смысле иерархичности сословий – мы иерархичны в своих усилиях понимать и состояться. Он всегда говорил о призраках – нерожденных душах, несостоявшихся, равно как и о том, как трудно удержаться в одной точке, когда мыслишь – нужно стоять на одной ноге, а другая занесена над пропастью. Мир движется в сторону сложности, и культура в нем – умение практиковать сложность жизни.

– Я с периодичностью в несколько лет перечитываю знаменитые диалоги Мераба Мамардашвили и Анни Эпельбуэн – как раз там, где философ размышляет о культуре и исторической траектории развития России. И если еще пять лет назад описанный Мерабом «советский человек» виделся некой метафорой, то сегодня после всей ура-патриотической вакханалии а la «крымнаш» это, кажется, абсолютно буквальное явление.

– Да, к сожалению, мы все еще очень советские. Советского Союза нет третье десятилетие, но советский менталитет сохранился в народе на генетическом уровне. А в этом менталитете нет никакой морали. Это аморальное состояние, в котором все находятся, – это то, что больше всего меня разочаровывает и что мы

должны оставить в прошлом. Юрий Александрович Левада еще в 90-е годы поставил вопрос – куда делся этот советский человек? Была короткая иллюзия, что он исчез. Ан нет – оказалось, он здесь, мутировал и вернулся в то же аморальное двоемысленное состояние, когда он опять не знает, что ему делать и опять пятится назад. Разве возможно в здоровом обществе представить героизацию Сталина? Разве возможно, чтобы в учебниках репрессии 20-30-х годов, включая коллективизацию, не были оценены как государственное преступление? Если мы не фиксируем этого, наше прошлое нас ждет в будущем, в том или ином виде.

– Только ли в советском опыте дело? Были ли в тысячелетней истории России вехи вызревания гражданского общества? Или только моральные предпосылки, побуждения, как сказал бы Мераб, вроде восстания декабристов или «Кондиций» Анны Иоанновны? Не кажется ли Вам, что за нами в этом смысле – дикая степь?

– Если говорить об исторической траектории, стоит начать с того, что в истории России не было Ренессанса, не было Реформации, не было Просвещения в высоком смысле слова – как то было в Европе. В России не было открытых дискуссий. И до сих пор никто к открытым политическим дискуссиям не привык. Гражданского общества каждый раз ровно столько, сколько граждан, сколько душ, которые сделали усилия в этом направлении, чтобы состояться. Я очень близко дружу с Людой Алексеевой и вижу ее в быту. Люди ей звонят из Хабаровска ночью (не понимая разницы во времени), и она сразу же отвечает активностью. Это идеал гражданина с большой буквы, и этот идеал, конечно, нужно воспитывать. То, что делаем мы, это уже поздно. Надо в школе, в семье, через игры учить, что существует Другой, что я выигрываю только в той ситуации, когда другой тоже не в проигрыше. Учить каким-то вещам, которые не свойствен-

ны нашей традиционной культуре. Один из парадоксов нашей страны в том, что лучшие друзья – в России, а вот общества почти что нет. Дружеские связи поразительны, а общественные либо слабы, либо отсутствуют вовсе – от подъезда до более крупных коопераций, которые абсолютно естественны для любой европейской страны, но почему-то отсутствуют в России. Необходимо уходить от атомарного проживания в нашей культуре огромного количества людей, снимать как можно большее количество подозрительности к Другому. Это очень непросто – культура государственного насилия сделала то, что мы видим сегодня.

– В чем Вы видите истоки нынешней имперской истерии населения по поводу присоединения Крыма?

– Мне трудно судить о психологических аспектах этого странного ликования. Но когда вдруг нация объединяется в порыве по поводу подобного акта, никто, кроме одиночек, не задумывается – а может, стоит выстраивать границы не таким образом, что «Крым наш, и потому я там отдыхаю». А может, просто выстраивать такие хорошие отношения с соседями и такие прозрачные границы, что я еду в Крым, даже пусть он и украинский – но я не замечаю этого? Россия так долго билась за Дарданеллы и Босфор, и сегодня российские туристы спокойно едут отдыхать в Турцию. Не думаю, что они до сих пор переживают эту травму Российской империи. Мы сейчас живем в другом веке, в ином цивилизационном измерении, и какие-то взгляды надо менять. Для этого не нужно выдумывать никакой «особый код русской культуры», культивируя свою непохожесть и инаковость. Все мы одинаково понимаем, что такое добро и зло, поскольку Россия – европейская страна внутри христианской системы ценностей. Нужно просто не впадать ни в какой экстрим и учиться искусству диалога с цивилизацией. Для нас там не просто есть место – без нас там невозможно. И так было, и так будет.

Александр АСМОЛОВ:
«МЫ СМОТРИМ НА ОБЩЕСТВО
ЧЕРЕЗ ОПТИКУ КОНФЛИКТА...»

– Александр Григорьевич, давайте поговорим о том, в какой точке мы, российское общество, сейчас оказались.

– Я предлагаю деление всех культур на культуры полезности и культуры достоинства. В культурах полезности человек – это вещь, определяемая по ее функциям, это винтик. Их ключевая характеристика – обезличивание, деперсонализация, девальвация ценности человеческой личности. В культурах полезности стараются избавиться – как это было в ряде племен Южной Африки – от стариков, которых выводят в пустыню, от детей, родившихся с дефектами, – их в Спарте сбрасывали со скалы. В культурах достоинства, наоборот, большинство не может решать судьбу личности, которая ставится превыше всего, у каждой личности там свой голос и свой путь развития. В культурах достоинства доминирует механизм поддержки вариативности, инаковости. В культуре полезности те, кого находят странными и необычными, могут называться диссидентами, донкихотами, Чаадаевыми, Андреевыми Сахаровыми – каждое время находит свои имена. Это не герои крика, а герои любви, они признают иных, и с большинством их всегда разделяет бездна непонимания.

– Довольно понятно, в какой из двух культур мы находимся.

– Да, в культуре достоинства действуют поддержка разнообразия, нормы толерантности. В толерантном обществе сызмальства должно выращиваться искусство общения с иными, с непохожими на тебя людьми. Если культуры полезности живут по закону стремления к выживанию и равновесию, то культуры достоинства – по закону стремления к жизни, в них человек всегда находится в поисках смысла. Появление людей, не похожих на нас, – это проверка на то, пошло ли общество по пути культуры достоинства и решения главной задачи – как стать человеком – или же оно может скатиться к тоталитарной системе. То есть той, которая делает все, чтобы элиминировать иных, непохожих, где господствует монолог, а не диалог, власть авторитарности, а не авторитета.

Кстати, я только недавно посмотрел фильм Любви Аркус «Антон тут рядом» и долго не мог привести свои чувства в порядок. «Антон тут рядом» – прежде всего уникальная диагностика мира и системы на человечность, диагностика через отношение к таким, как Антон, «иным» детям – или детям с по-иному развитыми способностями: этот принятый в мире термин наиболее человечески, психологически и педагогически адекватен. Для меня этот фильм – о трагедии нашего общества, которая проступает через трагедию Антона и его семьи.

Больницы в фильме Любы Аркус страшны антропологией обыденной жизни. Это учреждения расчеловечивания. И поэтому фильм Любы – это великий гуманный и гуманистический документ. Путь, по которому пошла Люба, позволяет нам надеяться – я говорю очень осторожно – на пробуждение человечности и победу над омертвляющим равнодушием к таким «иным» людям.

– Сделав фильм, Аркус открыла в Петербурге центр адаптации аутистов «Антон тут рядом».

– Люба и ее коллеги явно или неявно нащупали принципы, близкие культурно-исторической методологии выращивания человечности, заложенные в идеях Льва Семеновича Выготского. Создай общее дело, когда можно сопереживать и радоваться другому, втяни в него всех. У Булгакова есть слова: «Не замечайте одаренных людей, они вымрут сами». Не замечайте «иных» людей – и они вымрут сами. Только здесь «вымрут» имеет не метафорический смысл. Тиражируема ли система, которую создала Люба? А можно ли тиражировать любовь к другому человеку? Люба борется за человечность, значение и ее попытки, и ее фильма в другом. Это послание людям: увидьте это, поймите, кто вы. Поэтому надо сделать все, чтобы этот фильм смотрелся и обсуждался. Будь моя воля, я бы его поместил рядом с великими работами, одна из которых – «Как любить ребенка» Януша Корчака. Как любить ребенка, непохожего на других детей? С которым чудовищно обошлись и генетика, и судьба? Как любить ребенка, у которого мать оказалась, как в этом фильме, человеком, готовящимся к смерти? Мать Антона была больна раком, но главный смысл ее жизни, Антон, давал ей месяцы победы над онкологией. Когда у человека с такой болезнью, как у мамы Антона, есть значимый друг, болезнь не сразу одерживает победу. Сейчас я веду исследование, которое называется «Роль значимых других в жизни онкологических больных». Все зрители фильма видят, как мама поддерживает и спасает Антона, а я вижу, как Антон спасает свою мать. Ведь не только Антону важно, что его любят. Без раствора любви ничего не получится.

– Возвращаясь к двум типам культур: можно ли говорить, что мы принадлежим к культуре полезности в силу менталитета, или это просто одна из стадий развития общества?

– Общественное развитие движется двумя механизмами, из которых мы все время выделяем один. Это механизм конфликта – и мы стали пленниками развития общества через конфликт. У конфликтологии есть три классика. Первый – Чарльз Дарвин. По Дарвину, вся эволюция в биологии, а потом и в социальной жизни – борьба за существование. Второй известный методолог конфликта сказал, что только через антагонизм классов развивается цивилизация. Это был великий исследователь Карл Маркс. Третий говорил, что двигатель развития личности – конфликт между «сверх-Я» и «оно»: это Зигмунд Фрейд. Мало каким идеям сложены такие гимны, как идее конфликта: возьмите, например, «Интернационал» – «весь мир насилья мы разрушим» – или «12» Блока: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови – Господи, благослови». Сегодня мы продолжаем петь те же песни и оказываемся заложниками поляризации. Мы смотрим на общество через оптику конфликта и даже детей учим истории, которая начинается от взятия Бастилии и продолжается до выстрела «Авроры». Это история войн. Это история конфликтов.

Конфликт более заметен, чем взаимопомощь. Он существует в любой культуре, и каждое общество проходит через него. Сейчас нормой и социального, и политического поведения в России стала формула «бои без правил». Мы все оказались в ситуации таких боев и пожинаем их последствия в культуре, политике, международной жизни, в семье, где часто проходит линия раскола... Когда действует норма боев без правил, главной логикой развития культуры становится уничтожение разнообразия. И в культуре действуют все формулы в стиле «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдается, его уничтожают». Это этика расчеловечивания.

Когда культура основана на боях без правил, в нее приходят варвары. Их главное дело – уничтожить иного. У замечательного писателя Айзека Азимова есть блистательная фраза: «Мы не в силах предотвратить падение Империи, но мы должны сделать все, чтобы уменьшить период чудовищного наступающего варварства». Варварство наступает в тех или иных – в них недостатка нет – критических ситуациях. Очень часто оно позволяет на короткий период добиться стабилизации общества через борьбу с общим врагом. По принципу «вы против кого дружите?» И начинают дружить... в данном случае неважно: против США, Украины, национал-предателей. Главное – чтобы стабильно было кого ненавидеть. В ситуации варварства важно крикнуть вовремя «распни его», чтобы все превратились в толпу. Сегодня крик уже есть, только крестов пока не хватает.

Вслед за культурой конфликта система пичкает всех идеологией ненависти, идеологией обезличенности, создает образ врага. Фашизм, национал-социализм в любых вариантах начинается с обезличивания.

– Можно ли считать, что акция по стабилизации общества, которой мы сейчас являемся свидетелями в России, была разработана осознанно?

– Я далек от того, чтобы предположить, что кто-то сидел и думал: давайте выберем Украину, чтобы решить все проблемы России по поиску врагов. Но в ситуации с присоединением Крыма сработал «версальский синдром» (реакция на поражение в Первой мировой войне, которое повлияло на приход нацистов к власти в Германии. – Ред.). Мы вдруг обрели величие. А когда люди культуры полезности, не имеющие индивидуальности и собственного смысла, вдруг обретают один общий смысл на всех, у них возникает иллюзия безопасности и стабильности.

– То есть без образа врага у общества бы не было ощущения безопасности?

– Да. Любая идеология ненависти стоит на трех китах. Первый – это философия и идеология фундаментализма как закрытого общества, которое должно быть гомогенно и однородно. Второй – это психология фанатизма. Третий – технология терроризма в широком смысле. Когда через террор решаются любые проблемы. Исходно террор – это кража человеческого достоинства и человеческой жизни. Они идут рука об руку.

Кто-то говорит: ой, этот террор возник сегодня. Но порождение идеологии клерикального национал-патриотизма – это и ситуация с тремя девочками (Pussy Riot. – Ред.), с Болотной, с «ЮКОСом»... Ситуация, когда молодой подонок бьет по лицу Людмилу Алексееву. Когда агрессия становится нормой жизни среди подростков, которые, согласно нашим исследованиям, предпочитают агрессию как форму разрешения конфликтных ситуаций. Таких примеров огромное количество. В 1990-х годах не были отрефлектированы последствия идеологии конфликта, присущей и национал-социализму, и коммунизму... Поэтому сегодня мы имеем огромный выплеск национал-фашистских движений. Да, их судят, центр «Сова» отслеживает их развитие, но они растут.

– Хотелось бы разделить государство с его террором и общество, легко соглашающееся на то, что делает государство. Они меняются параллельно?

– Они пересекаются. В психологии есть закон смежных линий развития. Как сказал бы Карл Юнг, есть архетипы бессознательного, которые актуализируются конкретными ситуациями. В 1848 году в журнале «Современник» был опубликован блестящий проект. Автор – коллективный, Козьма Прутков, название – «О введении единомыслия в России». Этот проект так или иначе воплощался в разные времена. Одним из наиболее ярких его аналитиков был Мережковский, который написал «Грядущего хама». Грядущий хам стал хамом нынешним. Ментальное крепостное право существует, все голосуют одинаково, большинство творит насилие над меньшинством, «иные» воспринимаются как угроза культуре.

– Это делает с нами государство? Или мы делаем с собой сами?

– Извините, каждый народ достоин того правительства, которое... ну, банальная фраза.

– Тогда почему?

– Нельзя говорить о генетике этих вещей. Есть огромное количество социокультурных и ментальных причин, я даже боюсь их перечислять. Например, блокируется поддержка индивидуальных программ образования, все одеваются в одну форму, всем предлагается один учебник... Ключевая установка культуры – порождение солдат Урфина Джюса.

– Как по-вашему, государство использует насилие осознанно для, как вы говорили, поддержания стабильности общества? Либо ситуация вышла из-под контроля и развивается сама по себе?

– Загнать обратно джинна ненависти, когда он выпущен, ужасно трудно. Я считаю, что лидеры страны понимают, что он может сожрать их самих. Вопрос только в том, кто из них будет обладать лампой, в которую можно загнать джинна. Посмотрим. Кроме того, мы живем в огромном мировом сообществе, где действуют три правила глобализации: глобализация знаний, глобализация технологий и глобализация валют. В этой ситуации попытка построения изоляционистских сценариев и железный занавес в конце концов становятся персонально невыгодны тем, кто выпускает джинна. Вопрос только, когда они поймут эту опасность и начнут искать выход из ситуации. Главное, чтобы не было поздно.

– Представим ситуацию, что война на Украине заканчивается, ополченцы двигаются обратно в Россию. Степень агрессии и ненависти внутри страны вырастет еще больше?

– В начале 50-х годов Берия по амнистии выпустил уголовников, и они перерезали много людей. Также и мы можем оказаться в ситуации, когда люди, которые привыкли убивать и смысл существования видят только в этом, не будут знать, куда себя девать. Я боюсь прогнозировать, но это может вызвать чудовищные конфликты и чудовищную агрессию внутри самой страны. И тогда идеологи, породившие это насилие, столкнутся с тем, что не раз было описано в мифах: создание пожирателя создателей.

Беседовала
Елена РАЧЕВА

Виктор ЕРОФЕЕВ:

«НАСТОЯЩИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИИ НАЧНУТСЯ ТОЛЬКО С ПРИХОДОМ НОВОГО ПЕТРА I...»

– В Украине многие убеждены: исчезнет Путин – прекратится и агрессия России. Вы тоже так думаете?

– Вы наивны, ей-богу. Люди, имеющие большую власть (а Путин обладает в России практически безграничной властью), готовят себе преемников, куют новые кадры. Вокруг президента РФ много людей, абсолютно разделяющих его взгляды по отношению к Украине. Я совершенно не уверен, что Путин постареет, отойдет от дел, а на его место придет человек, разделяющий западные ценности. Такого не случится. По-настоящему демократические изменения в России растянутся на очень много лет, и начнутся они только с приходом нового Петра I с его принудительными проевропейскими реформами. Пока его не видно. Зато новая российская империя требует Украину. Это как максимум, а как минимум – империи необходим сухопутный коридор из России в Крым.

– Но почему российский обыватель так радостно подхватил риторику Кремля? Почему именно Украина вызывает в нем такую агрессию?

– 2014-й стал годом-рентгеном, буквально на глазах произошло открытие души российского обывателя. Оказалось, что подавляющая часть населения исповедует абсолютно антизападные, антидемократические и антилиберальные ценности. И телепропаганда тут ни при чем, речь идет об очень архаических российских понятиях. Никто не обольщался, когда во

главе Российской Федерации стал человек, всю жизнь занимавшийся разведкой. Никто и не думал, что он будет прививать России европейские ценности. Здесь стоит до земли поклониться Борису Ельцину, который «наградил» нас таким подарком. Это не пропаганда так повлияла на умы населения. Наоборот: к радости огромного количества обывателей, Путин, наконец, начал артикулировать то, в чем убеждены многие в России, а именно: все украинские майданы организовали американцы. Российское население всегда так думало, но лишь теперь глава государства им сказал: «Ты абсолютно прав, народ».

– То есть до 2014 года российское руководство было более либеральным, чем народ?

– Совершенно верно. Путин шел на Запад с предложениями партнерства, но произошло две вещи: первая не связана с Украиной, а вторая – связана. Во-первых, Путин разочаровался в своих западных друзьях, понял, что его предали, когда Европа поддержала протестные движения в России в 2011–2012 годах. Это были не просто протестные, но именно антипутинские движения. Запад откровенно дал понять, что хотел бы вместо путинской России видеть нормальное европейское государство. Именно после 2011–2012 годов Путин развернулся спиной к Европе и начал активнее строить российскую империю как противовес всему Западу.

– Это первая причина, почему Путин резко отвернулся от Запада. Какая же вторая?

– Для строительства новой российской империи Украина – очень важный, краеугольный элемент. Украина входила в Российскую империю, была в Советском Союзе. Честно говоря, и после распада СССР Украина не отошла от России. Все украинские коррупционные проработки (может быть, за исключением Ющенко, который не воспользовался правильно ситуацией) все время играли с Россией, вели с ней подпольные переговоры, подробности которых мы не знаем до сих пор. Когда через Майдан и революцию Украина действительно разорвала отношения с коррумпированным режимом Януковича и устремилась в сторону правового государства, президент России вновь почувствовал себя преданным. Сначала его предал Запад, а теперь – и Украина. Путин считает, что именно Запад навязал свои ценности Украине, а не она сама их органически приняла. Это серьезная ошибка Путина.

– Я могу понять, когда человек, прослуживший в КГБ, не верит, что народ может самоорганизоваться. Но как же российская интеллигенция, выразившая поддержку политике Путина, – она тоже убеждена, что Майдан организовали западные спецслужбы?

– Среди писателей, режиссеров, актеров, музыкантов, подписавших письмо в поддержку Путина, много моих друзей и знакомых – Паша Лунгин, Юрий Башмет и другие. Они откровенно признаются, что государство их поддерживает, а теперь они должны поддержать государство. В этом находят себе оправдание. Среди подписавшихся есть и те, кто действительно отстаивает российскую имперскую идею, а Украину считают младшим братом. Есть и откровенные ультранационалисты, вроде Александра Проханова, который убежден: Россия должна превратиться чуть ли не в Северную Корею, а путинский режим слишком либерален. Это позорное явление для XXI века, но совершенно не новое: еще в советские времена писатели требовали расстрельных статей для Бухарина или Троцкого. Удивляться нечему, интеллигенция в России всегда была расколотой. Для меня куда более удивительно то, что Майдан выстоял суровую зиму 2013–2014 годов и победил. Это невероятный героизм. Конечно, после было наделано много глупостей, при более правильной политической игре Украина могла и Крым сохранить, и избежать конфликта на Донбассе. Но, к сожалению, в Украине слабая и маленькая прослойка умных людей. Ей надо наращивать интеллектуальные политические мускулы, чтобы отстоять европейское будущее.

– Разве Украина уже не отстояла свой проевропейский курс?

– К сожалению, я не вижу дна в сегодняшнем конфликте, не вижу такого положения, при котором Россия оставит Украину в покое. Думаю, Путин не успокоится, пока не вытянет всю душу из Украины. Это не кончится только на Донбассе, находящемся сейчас в дыму и крови. Это крайне драматическая ситуация. Украине надо комплексно и глубоко проанализировать архаическое российское сознание. Не стоит подходить к нему легкомысленно: мол, в России все с ума сошли. Повторяю: дело не в Путине, а именно в архаическом сознании рос-

сийского населения. Без понимания этого Украина обречена, как Дон Кихот, бороться с ветряными мельницами и многое проиграть.

– После распада СССР прошло больше 20 лет, выросло новое поколение россиян, которые и путешествовали, и учились на Западе. Неужели они никогда не изменят архаическое антидемократическое российское сознание?

– Никогда не говорите «никогда». В России демократические ценности разделяет процентов 15 населения. Это небольшая цифра, но постоянная. Никто и никогда не воспитывал россиян в духе западных ценностей. Украинское общество тоже не воспитывали, но часть ее территорий исторически была связана с Европой. Если в Украине население, исповедовавшее западные ценности, составляло минимум 50 процентов, то в России – всего 15. После Перестройки и распада СССР никто не принимал во внимание сознание 85 процентов россиян, не разделявших европейские ценности. Это большая ошибка либералов и демократов, пришедших во власть после 1991 года. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, мой друг Борис Немцов занимались реформированием, которое 85 процентов российских граждан не понимало. Я правда не понимаю, как можно в XXI веке не приветствовать нормальные человеческие ценности, а именно: личность важнее государства; государство должно служить людям, а не наоборот; нельзя сакрализировать государство и так далее. Украинский Майдан стоял на этих позициях, но даже в Украине с ее историческим европейским прошлым пришлось пролить кровь, защищая демократические ценности.

– Как думаете, сколько еще продлится конфликт на Донбассе?

– Мы общаемся в тяжелую, безрадостную пору. У моей жены есть дальние родственники, граждане Украины. Один из них воюет на стороне украинской армии, другой – на стороне сепаратистов. Это братоубийственная война. Порошенко прав, стремясь к перемирию. Война уносит огромное количество жизней. Пройдет время и никто не вспомнит, кого и зачем убивали самозванцы на Донбассе. Я искренне считаю, что украинцы молодцы, потому что поняли: XXI век – это эпоха европейских ценностей, которые они и понимают, и отстаивают, и сумеют сохранить. Но какой ценой – этого никто не знает.

– Вы никогда не задумывались об окончательной эмиграции из России?

– Если прижмут, не дадут дышать, наверное, всерьез задумаюсь об отъезде. Но я много времени живу на Западе, в Париже, а потому знаю: писателю интереснее жить в России, где все обнажено и можно многое понять о природе человека. На Западе общество закрытое, там сложнее понять человеческую душу. Так что Россия для писателя – это очень рискованный, но рай. Кроме того, российский писатель должен делать все, чтобы сыграть умиротворяющую роль. Особенно сейчас. Моя дочка Майя наполовину русская, наполовину украинка. Я очень хочу, чтобы обе ее половинки были в гармонии. Потому и делаю все, чтобы такой огромный регион как Россия развернулся в сторону человеческих ценностей.

Беседовала
Наталья ДВАЛИ

Борис ДУБИН (1946- 2014):
 «НАМ НЕСТИ ВСЮ ТЯЖЕСТЬ РАСПЛАТЫ...»
 (НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ БОРИСА ДУБИНА)

– С каждым днем общество в России все больше раскалывается. События на Украине и в России приводят ко все возрастающей агрессии на любом уровне. Откуда вдруг это взялось?

– Эта ситуация складывалась достаточно долго. Еще в середине 1990-х начался спад первоначального реформаторского импульса – сначала наверху, во власти, а потом в тех слоях, которые раньше воодушевляла идея возможности изменений. И постепенно стали выявляться более привычные для России протекторатные ориентиры. Тогда еще очень умеренно, потому что Советский Союз был относительно близок и с ним не хотелось никаких аналогий. Это то, чего Ельцин всерьез хотел и с чем на этом пути у него колебаний, по-моему, не было, – отойти от советского и прийти к чему-то другому. То ли к российскому, которое было до советского, то ли к западному, но точно от советского. В 1993–1994 годах война вбила первый гвоздь, и началось расставание с идеей изменений и возможности какого-то другого пути. Начались поиски – то национальной идеи, то «старых песен о главном». И уже где-нибудь к 1995–1996 годам можно говорить об отказе от эйфории, связанной с Перестрой-

кой. Во время выборов поддержка участникам реформ доставалась лишь по инерции. Многие голосовали за Ельцина поперек себя, чтобы как-то спасти ситуацию или какое-то время еще удержать ее в относительно здоровом состоянии.

Но кроме идейной, идеологической стороны дела гораздо более серьезные вещи происходили на социальном уровне. Шел процесс все более резкого отрыва верхов от низов, разрыва между молодыми и старыми, между центром страны и всей остальной периферией. Россия – страна гигантской периферии, и это очень серьезное историческое, культурное, социальное, экономическое обстоятельство. После дефолта 1998 года страна была готова к Путину – к тому, кто наведет порядок. Большинство тогда, по опросам ВЦИОМа, а потом Левада-центра, не видело ничего тревожащего в том, из каких кругов и из какой профессии вышел Путин, не видел в КГБ ничего страшного. Советское вообще перестало пугать, а кроме того, всегда существовал миф о том, что КГБ – последнее место, где сохранился порядок. А порядок, конечно, понимался по-советски: субординация, иерархия – другого представления о порядке не было.

Уже на первом и втором путинском сроке (и тем более на третьем, под псевдонимом, и на четвертом) страна превратилась в придаток к телевизору. Тогда исследователи общественного мнения осторожно, между собой, обсуждали, что, вообще говоря, мы изучаем эффект СМИ, а не общественное мнение, о котором не может быть речи. Сформировалось то, что мы тогда, не сговариваясь, начали называть большинством, а уже совсем недавно Кирилл Рогов назвал «сверхбольшинством»: специфическая опора для утвердившегося в стране типа президентства. Это некоторый новый тип массы, он отличается от массы, которую знали классики общественно-политической мысли и которая так пугала Ортеги и Гассета и других мыслителей. Сегодня масса рассеяна, она не может действовать в собранном виде как некий субъект, но ее вполне достаточно, чтобы поддержать руководителя. Начиная с маленькой кавказской войны 2008 года стало понятно, что эта виртуальная, рассеянная масса стала на самом деле силой. Когда начинаются реальные события, они готовы поддерживать, и поддержка вырастает до трех четвертей и даже до 80%.

Объявленный в 2008 году по всему миру экономический кризис немного задержал развитие ситуации, и процесс сплочения вокруг первого лица замедлился. А во время событий вокруг Крыма оказалось, что буквально за несколько недель ситуацию можно изменить. Это, конечно, возможно только с подготовленным большинством, с фактически зачищенной площадкой оппозиционных СМИ. И судя по тому, как все было проведено уже в военно-политическом смысле, эта операция была разработана достаточно давно и в деталях.

– Но они же не могли подготовиться к тому, что на Украине будет Майдан?

– Почему не могли? При том как они обделались в связи с «оранжевой» революцией 2004 года, было бы очень разумно с их стороны начать готовить такого рода сценарии и готовить их очень технологично, четко. На Украине сработала модель, которая проявилась в 1991 году в России, я ее называю «проигранная победа». Победили – и несколько месяцев власти и элиты не знают, что делать. Украина зависла, а Россия расценила это как момент слабости. Укус змеи произошел именно в этот момент и был, видимо, хорошо подготовлен.

На Украине произошла мобилизация всего общества. А в России имел место очень сложный процесс, который недооценили профессионалы, в том числе и я. Такого уровня консолидации вокруг первого лица не было никогда. Никогда не было такого уровня поддержки военных действий и одновременно совершенно иррационального озлобления против всего мира. Не хочу быть пророком, но, может быть, Россия в лице ее сверхбольшинства приняла сегодня историческое решение, которого в истории страны никогда не было. В конце концов, 1917 год никто не выбирал – люди примерялись к обстоятельствам. А сегодня народ выбрал этот путь. За три-четыре

недели руководитель страны ухитрился поставить на голову не только российское общество, но и весь мир. Никто не предполагал, что это может произойти в такие сроки, с такой резкостью, при таком уровне поддержки – и замешательства практически всех сил в мире, которые не могут выработать систему ответов.

– Что могло привести к такому эффекту? Стойкость рейтинга Путина? Желание найти этот самый «особый русский путь»?

– Самая болезненная точка – это самоопределение русского как державного. Россия должна быть великой державой, великая держава – это та, которой боятся. Если уважают, тоже неплохо, но лучше, чтобы боялись. Мы с коллегами всегда описывали комплекс «особого пути» России как компенсаторный. С хозяйством плохо, сами ничего всерьез изменить не можем, власти обкрадывают налево и направо – компенсация за эти вещи выражается в поддержке «особого пути», на котором Россия якобы всегда и становилась великой. На самом деле Россия становилась великой именно тогда, когда выходила на общий путь с большей частью мира, находила общие ориентиры. Но компенсаторика побеждает, и в итоге людям нравится, что Россия ухитрилась поставить на голову весь мир. О чем еще может мечтать хулиган во дворе? Чтобы все вокруг боялись. Маленькой репетицией всего этого – гордости, своего пути – была Олимпиада. Она власть очень укрепила.

Ситуация на сегодняшний день мне кажется очень гнилой в социальном смысле, потому что уровень единения большинства все-таки эйфорический и виртуальный. Не надо забывать, что это умственные и словесные игры безответственных людей. Эти 60%, 70%, сколько бы сейчас ни набралось этого сверхбольшинства, – это люди, которые никогда ничего не решали в жизни за пределами своего частного существования, да, кажется, и там мало что у них получалось. Поэтому эти заявления о поддержке, о доверии, одобрении и так далее – это все крики озлобления и эйфория особого момента. Скоро они заметят рост цен, обычно кивали на то, что начальство разворовывает, а теперь придется кивать на Крым.

– Это самое большинство вполне готово подхватить, например, подсказку про «национал-предателей»...

– Требовать расстрела национал-предателей они пока на улицу не выходят. Но главное произошло, настроения большинства очевидны. Конечно, сейчас увольнений будет все больше и больше, и это связано, во-первых, собственно с отношением к Крыму, Российской армии и первому лицу, но шире – с поддержкой неоимперского, неодержавного проекта. И я не исключаю, что приказы к уничтожению будут поступать не сверху, а на гораздо более низких уровнях. Вот МГИМО – они же не постеснялись уже сформулировать причину увольнения профессора Зубова как «антикрымская политика». Она может быть обозначена и по-другому – антиправославная, например. Преподаватель может показаться недостаточно православым, чтобы излагать свой взгляд на историю России.

– Недостаточно русским он может оказаться? В перспективе вы видите почву, например, для антисемитизма?

– Вполне. Антиукраинизм мы уже видим. То, что в России почти не осталось евреев, никогда не мешало антисемитизму: антисемитизм без евреев – это известный исторический феномен, который в самых разных странах был, даже в Великобритании. Поэтому дальше будут делить на чистых и нечистых. Какая-то форма «охоты на ведьм» – не обязательно, повторяю, с самых верхов. И это тоже очень интересный прецедент. Мы догадывались, что в нацистской Германии и в сталинском Советском Союзе не все происходило исключительно под влиянием прямого насилия. Кое-что делалось вполне снизу. И теперь мы понимаем, как это могло происходить, например, в «деле врачей» и с антисемитизмом конца 1940-х – начала 1950-х годов. Здесь многое исходило не сверху, а из самых разных слоев, включая самые донные, самые нижние, которые наконец благодаря сложившейся ситуации получили возможность почти не только открытого, но даже победоносного выхода в публичную сферу. Поэтому, конечно, все эти решения, принятые наверху, принятые посередине и принятые абсолютным большинством населения, повлекут очень серьезные последствия – не только для нас, а для всех, для мира и, наконец, для наших детей, включая еще не рожденных.

– Последствия какого рода?

– Во-первых, предстоит экономический крах. С политическим отрезвлением сложнее, поскольку никакой другой политики, кроме кремлевской, нет, а у культурной общественности – полная растерянность. Самое главное – происходит процесс разложения социума. Раньше мне

казалось, что все-таки в России есть какие-то уровни существования коллективного, которые не затронул процесс распада. Но сегодня я думаю, что нет угла, не затронутого этим распадом. Здоровые, казалось бы, люди готовы верить совершенно немыслимым глупостям, отстаивать мнение, которое они никогда в жизни не считали своим, впадать в раж, терять голову и способность к критическому мышлению. Не говоря уже о потере человеческой солидарности, желания понять другого. Теоретически мы думали, что это состояние привычности, бессилия, общего неучастия, раздробленности, размазанности, рассеянности будет приводить к гниению и загниванию строя. Но оказалось, что можно быстро перевести его в состояние экстраординарности, очень свойственное России. Чрезвычайность – это мощное орудие власти, которая другими способами не может воздействовать на население.

И вот это, собственно, мне кажется самым серьезным. Мы наблюдаем, как Россия вытесняет проблемы, сдвигает, смещает на другие регионы, на других людей, ища в ком-то врагов, а в ком-то – материал, из которого можно лепить все, что нужно. Я думаю, что Украина выплывет из нынешней ситуации, но не уверен, что выплывет Россия. Она – настоящая жертва, причем жертва, которую совершенно не хочется жалеть после того, какой выбор сделала подавляющая часть населения. Так что им самим – нам – распутывать весь клубок проблем и нести всю тяжесть расплаты за принятые сейчас решения.

– Как вы расцениваете сейчас протестную активность конца 2011-го – 2012 года?

– Тогда многие думали, что это начало чего-то. Но это был знак конца. «Последний парад наступает». Его, конечно, можно продлить – вот опять до 60 тысяч вышли на «Марш мира». Но мы вступили в ситуацию, где это не будет иметь никакого значения. А если будет, то очень отдаленное, не сегодня. Само состояние социальной материи оказалось таким, что меры, которые мы принимали для ее сплочения и оздоровления, выглядят лабораторными экспериментами во время эпидемии.

Можно дожидаться очередного потепления, можно попробовать сплотиться, но пока нет оснований считать, что это станет на сколько-нибудь устойчивые рельсы и будет пройдена какая-то точка невозврата. И есть все основания думать, что впереди будет существенно хуже для всех.

– Вы для себя лично какой рецепт выбрали?

– Меня перспектива маргинальности и одиночества не беспокоит – в этом климате я привык жить, для меня это не страшно. Меня беспокоит другое: рвутся связи между людьми, которые были вместе, и между страной и большим миром, которые, казалось, худо-бедно, но за последнюю четверть века начали завязываться.

Я буду продолжать делать то, что я делал, и по возможности вместе с людьми, с которыми я это раньше делал. Но я впервые в жизни задумался о том, что, может быть, молодым людям надо уезжать. Ситуация сильнейшим образом скажется на их жизни – духовной, душевной, умственной, деятельной и будет иметь самые серьезные последствия, от медицинских до гражданских.

Беседовала
Мария ШУБИНА

Состояние зерна в хлебах соответствует состоянию личности в том совершенно новом и не механическом соединении, которое называется народом. И вот бывают такие эпохи, когда хлеб не вытекает, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помола нет, мельник одряхлел и устал и широкие лапчатые крылья мельниц беспомощно ждут работы.

Куда все это делось – вся масса литого золота исторических форм идей? – вернулась в состояние сплава, в жидкую золотую магму, не пропала, а то, что выдает себя за величие, – подмена, бутафория, папье-маше...

Осип Мандельштам

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ ИСТОКИ. ЭВОЛЮЦИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ

РАЗДУМЬЯ О РОССИИ

Традиции государственности и народ

Отвечая на вопрос о значении Скандинавии для установления на Руси определенных форм государственной власти, мы подошли и к вопросу о роли демократических традиций в русской исторической жизни. Общим местом в суждениях о России стало утверждение, что в России не было традиций демократии, традиций нормальной государственной власти, мало-мальски учитывающей интересы народа. Еще один предрассудок! Не будем приводить всех фактов, опровергающих это избитое мнение. Пунктирно наметим только то, что говорит против...

Договор 945 года между русскими и греками заключается словами «и от всякая княжья и от всех людей Руския земля», а «люди Руской земли» – это не только славяне, но на равных основаниях финно-угорские племена – чудь, меря, весь и прочие.

Князья сходились на княжеские собрания – «снемы». Князь начинал свой день, совещаясь со старшей дружиной – «боярами думающими». Княжеская дума – постоянный совет при князе. Князь не предпринимал дела, «не поведав мужем лепшим думы своея», «не сгадав с мужми своими».

Следует учитывать также издавнее существование законодательства – Русской Правды. Первый же Судебник был создан уже в 1497 году, что значительно раньше, чем аналогичные акты у других народов.

Абсолютная монархия

Как ни странно, но абсолютизм появился в России вместе с влиянием Западной Европы при Петре Великом. Именно с Петра прекратили собираться выборные учреждения, прекратила свое существование и Боярская дума, имевшая власть не соглашаться с государем. Под документами Боярской думы наряду с обычной формулой «Великий государь говорил, а бояре приговорили» можно встретить и такие формулировки: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили». Патриарх в своих решениях часто расходился с царем. Многочисленные примеры тому можно встретить в период правления царя Алексея Михайловича и патриаршества Никона. И Алексей Михайлович вовсе не был бездеятельным и безвольным человеком. Скорее обратное. Конфликты царя и патриарха достигали драматических ситуаций. Не случайно Петр, воспользовавшись удобным случаем, упразднил патриаршество и заменил патриаршее управление коллегиальными решениями Синода. Петр был прав в одном: легче подчинить себе чиновничье большинство, чем одну сильную личность. Это мы знаем и по нашему времени. Может существовать гениальный и популярный полководец, но не может быть гениального и популярного генерального штаба. В науке великие открытия, сделанные одним человеком, почти всегда встречали сопротивление большинства ученых. За примерами ходить не далеко: Коперник, Галилей, Эйнштейн.

Впрочем, это не значит, что я на этом основании отдаю предпочтение монархии. Я отдаю предпочтение сильной индивидуальности, а это нечто совсем другое.

Теория «московского империализма» – «Москва – Третий Рим»

Странно думать, что в еще не подчинившемся Москве Пскове старец небольшого Елеазарова монастыря мог создать концепцию агрессивного московского империализма.

Между тем давно указан смысл и источник этих кратких слов о Москве как Третьем Риме и раскрыта подлинная концепция происхождения ее великокняжеской власти – «Сказание о князьях владимирских».

Император, по византийским представлениям, был протектором Церкви, при этом единственным в мире. Ясно, что после падения Константинополя в 1453 году, в обстановке отсутствия императора, русской Церкви необходим был другой протектор. Он и был определен старцем Филофеем в лице московского государя. Другого православного монарха в мире не существовало. Выбор Москвы в качестве преемницы Константинополя как нового Царьграда явился естественным следствием представлений о Церкви. Почему же потребовалось целых полвека, чтобы прийти к подобной мысли, и почему Москва в XVI в. не приняла этой идеи, заказывая отставному митрополиту Спиридону совсем другую концепцию – «Сказание о князьях владимирских», преемниками которых были московские государи, носившие титул «владимирских»?

Дело объясняется просто. Константинополь впал в ересь, присоединившись к Флорентийской унии с католической церковью, и признавать себя вторым

Константинополем Москва не хотела. Поэтому и была создана концепция о происхождении князей владимирских непосредственно из Первого Рима от Августа кесаря.

Только в XVII в. концепция Москвы как Третьего Рима приобрела несвойственный ей вначале расширительный смысл, и уж совсем глобальное значение получили в XIX и XX вв. несколько фраз Филофея в его посланиях к Ивану III. Гипнозу одностороннего политического и исторического понимания идеи Москвы как Третьего Рима были подвержены Гоголь, Константин Леонтьев, Данилевский, Владимир Соловьев, Юрий Самарин, Вячеслав Иванов, Бердяев, Карташев, С. Булгаков, Николай Федоров, Флоровский и тысячи, тысячи других. Меньше всего представлял себе огромность своей идеи сам ее «автор» – старец Филофей.

Православные народы Малой Азии и Балканского полуострова, оказавшиеся в подчинении мусульман, до падения Константинополя признавали себя подданными императора. Это подчинение было чисто умозрительное, тем не менее, оно существовало, пока существовал византийский император. Существовали эти представления и в России. Они исследованы в прекрасном труде Платона Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века» (Киев, 1913), оставшемся малоизвестным из-за последовавших за выходом этой книги событий.

Крепостное право

Говорят и пишут, будто крепостное право сформировало характер русских, но при этом не учитывают, что вся северная половина Российского государства никогда не знала крепостного права и что крепостное право в центральной его части водворяется сравнительно поздно. Раньше России крепостное право формируется в прибалтийских и прикарпатских странах. Юрьев день, позволявший крестьянам уходить от своего помещика, сдерживал жестокость крепостной зависимости, пока

не был упразднен. Крепостное право в России отменено раньше, чем в Польше и в Румынии, раньше, чем отменили рабство в Соединенных Штатах Америки. Жестокость крепостного права в Польше усиливалась и национальной рознью. Крепостные крестьяне в Польше были по преимуществу белорусы и украинцы.

Полное освобождение крестьян в России подготовилось уже при Александре I, когда были введены ограничения крепостного права. В 1802 году провозглашается закон о вольных хлебопашцах, а еще до этого император Павел I указом 1797 года установил высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков – три дня в неделю.

Если обратиться к другим фактам, то нельзя обойти вниманием организацию Крестьянского банка в 1882 году для субсидирования покупки земли крестьянами.

То же и в рабочем законодательстве. Целый ряд законов был принят в пользу рабочих при Александре III: ограничение фабричных работ малолетних в 1882 году – раньше, чем аналогичные законы приняли в других странах, ограничение ночных работ подростков и женщин в 1885 году и законы, регулирующие фабричный труд рабочих в целом, – 1886-1897 годы.

Мне могут возразить: но ведь есть и противоположные факты – отрицательных действий правительства. Да, особенно в революционное время 1905 и последующих годов, однако, как это ни парадоксально, положительные явления в своем идейном значении только усиливаются, когда за них приходится бороться. Значит, народ добивался улучшения своего существования и боролся за свою личную свободу.

«Тюрьма народов»

Очень часто приходится читать и слышать, что царская Россия была «тюрьмой народов». Но никто при этом не упоминает, что в России сохранялись религии и вероисповедания – католическое и лютеранское, а также ислам, буддизм, иудаизм.

Как многократно отмечалось, в России сохранялось обычное право и привычные народам гражданские

права. В Царстве Польском продолжал действовать кодекс Наполеона, в Полтавской и Черниговской губерниях – Литовский статут, в Прибалтийских губерниях – Магдебургское городское право, местные законы действовали на Кавказе, в Средней Азии и Сибири. Конституция – в Финляндии, где еще Александр I организовал четырехсословный Сейм.

И опять приходится сказать: да, имелись и вопиющие факты национального угнетения, но это не означает, что надо закрывать глаза на то, что национальная вражда не достигала размеров нынешней или что значительная часть российского дворянства была татарско- и грузинского происхождения.

Для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу. Притягательные силы к другим народам, особенно слабым, малочисленным, помогли России сохранить на своих пространствах около двухсот народов. Согласитесь – это немало. Но этот же «магнит» постоянно отталкивал главным образом жизнедеятельные народы – поляков, евреев. В поле силовых линий, притягивавших и отталкивавших от русских другие народы, оказались втянуты даже Достоевский и Пушкин. Первый подчеркивал в русских их всечело-

вечность, а вместе с тем в противоречии с этим своим убеждением нередко срывался в бытовой антисемитизм. Второй, заявляя, что к памятнику его придет всякий живущий в России народ («...всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»), написал стихотворение «Клеветникам России», в котором «волнения Литвы» (то есть в терминологии того времени – Польши) против России счел спором славян между собой, в который не должны вмешиваться другие народы.

Отрыв России от Европы

Была ли Россия в течение семисот лет своего существования до Петра оторвана от Европы? Да, была, но не в такой мере, в которой это провозглашалось самим создателем подобного мифа Петром Великим. Миф этот потребовался Петру для прорыва в Северную Европу. Однако еще до татарского нашествия у России существовали интенсивные отношения со странами южной и северной Европы. Новгород входил в Ганзейский союз. В Новгороде был готский вымол, у готландцев в Новгороде имелась своя церковь. А еще до того «путь из Варяг в Греки» в IX – XI вв. был главным путем торговли стран Балтики со странами Средиземноморья. С 1558 по 1581 год Русское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы.

В XVII в. основное население Нарвы оставалось русским, русские не только вели обширную торговлю, но занимались и литературой, о чем свидетельствует опубликованный мною «Плач о реке Нарове 1665 г.», в котором жители Нарвы жалуются на притеснения со стороны шведов.

Англичанин Джайльс Флетчер в своем сочинении о России («О государстве Русском». СПб., 1906) пишет, что когда Нарва была русской, то через таможенную ежегодное проходило до 100 судов с русским льном и пенькой.

Говорят также, что Россия была страной чуть ли не сплошной неграмотности. Это не совсем точно. Статистические данные, собранные академиком А.И.Соболевским по подписям под документами XV–XVII вв., свидетельствуют о высокой грамотности русского народа. Первоначально этим данным не поверили, но их подтвердили и открытые А. В. Арциховским новгородские берестяные грамоты, писанные простыми ремесленниками и крестьянами.

В XVIII–XIX вв. русский Север, не знавший крепостного права, был почти сплошь грамотным, и в крестьянских семьях до последней войны существовали большие библиотеки рукописных книг, остатки которых удается сейчас собирать.

В официальных переписях XIX–XX вв. старообрядцев обычно записывали неграмотными, так как они отказывались читать печатные книги, а старообрядцы на Севере и на Урале, да и в ряде других районов России составляли основную часть коренного населения.

Исследования Марины Михайловны Громыко и ее учеников показали, что объем знаний крестьян по земледелию, рыболовству, охоте, русской истории, воспри-

нятой через фольклор, был весьма обширен. Просто существуют разные типы культуры. И культура русского крестьянина, конечно, была не университетской. Университетская культура появилась в России поздно, но в XIX и XX вв. быстро достигла высокого уровня, особенно в том, что касалось филологии, истории, востоковедения.

Так что же произошло с Россией? Почему огромная по численности и великая по своей культуре страна оказалась в таком трагическом положении? Десятки миллионов расстрелянных и замученных, умерших от голода и погибших в «победоносной» войне. Страна героев, мучеников и... тюремных надсмотрщиков. Почему?

И опять идут поиски особой «миссии» России. На этот раз наиболее распространенной идеей становится старая, но «перевернутая» идея: Россия выполняет свою миссию – предостеречь мир от губительности искусственных государственных и общественных образований, показать несбыточность и даже катастрофичность социализма, надеждами на который жили «передовые» люди, особенно в XIX в. Это невероятно! Я отказываюсь верить даже в одну сотую, одну тысячную долю благодетельности такой «миссии».

Никакой особой миссии у России нет и не было!

Судьба нации принципиально не отличается от судьбы человека. Если человек приходит в мир со свободной волей, может выбирать сам свою судьбу, может стать на сторону добра или зла, сам отвечает за себя и сам себя судит за свой выбор, обрекая на чрезвычайные страдания или на счастье признания – нет, не собой, а Высшим Судьей своей причастности к добру (я намеренно выбираю осторожные выражения, ибо никто не знает точно, как происходит этот суд), то и любая нация точно так же отвечает за свою судьбу. И не надо ни на кого сваливать вину за свою «несчастьность» – ни на коварных соседей или завоевателей, ни на случайности, ибо и случайности далеко не случайны, но не потому, что существует какая-то «судьба», рок или миссия, а в силу того, что у случайностей есть конкретные причины.

Одна из основных причин многих случайностей – национальный характер русских. Он далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в «едином регистре»: религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости.

«Бессмысленный и беспощадный» – сказал Пушкин о русском бунте, но в моменты бунта эти черты обращены прежде всего на самих себя, на бунтующих, жертвующих жизнью ради скудной по содержанию и малопонятной по выражению идеи.

«Широк, очень широк русский человек – я бы сузил его», – заявляет Иван Карамазов у Достоевского.

Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем. Причины этого требуют особого разговора. Скажу только, что они вполне конкретны и не требуют веры в судьбу и «миссию». Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело и к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше. Такого рода доводы, не отраженные в документах (газетах, листовках, лозунгах), я тем не менее запомнил совершенно отчетливо. Это было уже на моей памяти.

Несчастье русских – в их легковерии. Это не легкомыслие, отнюдь нет. Иногда легковерие выступает в форме доверчивости, тогда оно связано с добротой, отзывчивостью, гостеприимством (даже в знаменитом, ныне исчезнувшем, хлебосольстве). То есть это одна из обратных сторон того ряда, в который обычно выстраиваются положительные и отрицательные черты в контрдансе национального характера. А иногда легковерие ведет к построению легковесных планов экономического и государственного спасения (Никита Хрущев верил в свиноводство, затем в кролиководство, потом поклонялся кукурузе, и это очень типично для русского простолудина).

Русские часто сами смеются над собственным легковесием; все делаем на авось и небось, надеемся, что «кривая вывезет». Эти словечки и выражения, отлично характеризующие типично русское поведение даже в критических ситуациях, не переводимы ни на один язык. Тут вовсе не проявление легкомыслия в практических вопросах, так его толковать нельзя, — это вера в судьбу в форме недоверия к себе и вера в свою предназначенность.

Стремление уйти от государственной «опеки» навстречу опасностям в степи или в леса, в Сибирь, искать счастливого Беловодья и в этих поисках угодить на Аляску, даже переселиться в Японию.

Иногда это вера в иностранцев, а иногда поиски в этих же иностранцах виновников всех несчастий. Несомненно, что в карьере многих «своих» иностранцев сыграло роль именно то обстоятельство, что они были нерусскими — грузинами, чеченцами, татарами и т. п.

Драма русского легковесия усугубляется и тем, что русский ум отнюдь не связан повседневными заботами, он стремится осмыслить историю и свою жизнь, все происходящее в мире в самом глубоком смысле. Русский крестьянин, сидя на завалинке своего дома, рассуждает с друзьями о политике и русской судьбе — судьбе России. Это обычное явление, а не исключение!

Русские готовы рисковать самым драгоценным, они азартны в выполнении своих предположений и идей. Они готовы голодать, страдать, даже идти на самопожирание (как сотнями сжигали себя староверы) ради своей веры, своих убеждений, ради идеи. И это имело место не только в прошлом — это есть и сейчас. (Разве не верили избиратели в явно несбыточные обещания некоего депутата, ныне заседающего в Госдуме?)

Нам, русским, необходимо, наконец, обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, — опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы о всемирно-исторической «миссии» русского народа и на его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства, которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие «демократических традиций», которые на самом деле у нас были, на якобы от-

сутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т. д., и т. п. У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов.

Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической диктатуры.

Мы свободны — и именно поэтому ответственны. Хуже всего все валить на судьбу, на авось и небось, надеяться на «кривую». Не вывезет нас «кривая»!

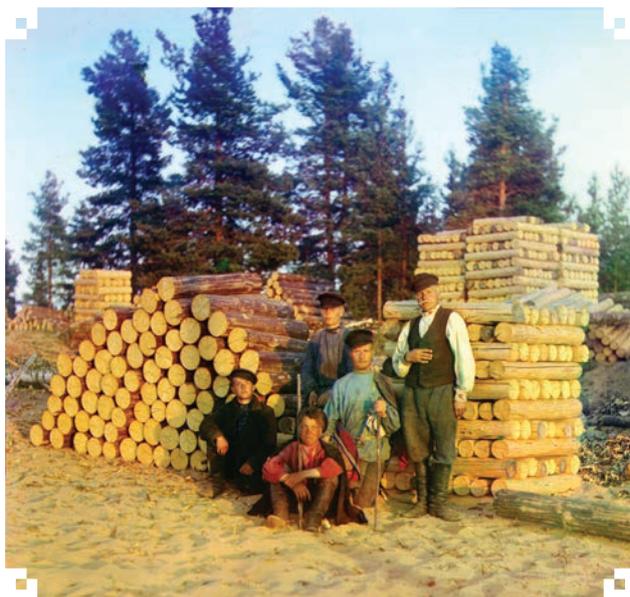
Мы не соглашались с мифами о русской истории и русской культуре, созданными, в основном, еще при Петре, которому необходимо было оттолкнуться от русских традиций, чтобы двигаться в нужном ему направлении. Но означает ли это, что мы должны успокоиться и считать, что мы пребываем в «нормальном положении»?

Нет, нет и нет! Тысячелетние культурные традиции ко многому обязывают. Мы должны, нам крайне необходимо продолжать оставаться великой державой, но не только по своей обширности и многолюдству, а в силу той великой культуры, которой должны быть достойны и которую не случайно, когда хотят ее унижить, противопоставляют культуре всей Европы, всех западных стран. Не одной какой-либо стране, а именно всем странам. Это часто делается произвольно, но подобное противопоставление само по себе уже указывает на то, что Россию можно ставить рядом с Европой,

Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, — библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России «толстые» журналы), — если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии.

И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

КАК НАШИ ПРЕДКИ СТАЛИ РАБАМИ

И. Репин. «Бурлаки на Волге», 1873

Предварительное пояснение

Вопрос о том, как вольные хлебопашцы стали рабами, занимает меня давно. И действительно! Вот они, свободные племена древних славян. Вот их удалой князь с дружиной. Вот свободолюбивые русские люди сбрасывают татарское иго (а если не свободолюбивые, то чего они его, спрашивается, сбрасывают?). И потом – бац: 90% населения – рабы, которыми торгуют как скотом. Как, в какой момент это могло случиться? Почему люди позволили это над собой сделать? Почему они не восстали, как восстали против татар? Почему они не поставили зарвавшихся князьков и боярских детей на место, как не раз это делали раньше, изгоняя нерадивого князя с дружиной прочь? Вон даже гордость Русской Земли Святого и Благоверного князя Александра Невского новгородцы прогоняли, когда он чересчур борзел. А тут... Что случилось с этим народом? Как за двести лет, к середине XVI века, он потерял всю ту свободу и достоинство, которыми по праву гордился и которые отмечали даже иностранцы?

Пытаясь найти ответ, я начал читать труды историков на эту тему. Татищев и Ключевский, Костамаров и Платонов, Дьяконов и Сергеевич, Греков и Флоря... Написано огромное количество книг. В них детально, шаг за шагом прослежены все этапы закабаления свободных людей. Из глубины веков, за пеленой времени, страшной глыбой встает из недр прошлого мистерия об установлении крепостничества на Руси. Того самого крепостного рабства, которое стало вечным проклятием русского народа.

Эта статья не является научным исследованием и не претендует на полноту освещения данного вопроса. Я вполне допускаю, что найдутся достаточно справедливые замечания о фактических ошибках, упрощении или однобокости. Но из всего прочитанного мною материала у меня сложилась следующая картина...

Заметка 1

Я не буду здесь подробно описывать положение дел в Киевской Руси времен Вещего Олега или Владимира Красное Солнышко. Это был период разложения общинного строя, феодальные отношения только начинали складываться, а взаимоотношения князя и данников были настолько своеобразными, что когда князь Игорь пошел второй раз за год собирать дань с древлян (о, неистребимая людская жадность!), то они его попросту убили. За что и были сожжены христианнейшей княгиней Святой Ольгой. Нравы были просты, люди незамысловаты, и всерьез анализировать тонкости взаимоотношений между князем и его дружиной, с одной стороны, и «налогооблагаемой базой» – с другой, не очень интересно и продуктивно.

На территории Руси все это время и потом, позже, вплоть до XV века (в т.н. «удельный» период), население делилось на две части: бандиты (князь и его дружина, их слуги и пр., т.е. «блатные») и «христиане», или «крестьяне». Крестьяне как в городах («посадах»), так и в сельских волостях были устроены в общины или «миры» и не нахо-

дильсь вовсе в личной зависимости от князя. Князь просто знал, что в какой-либо волости, которую он считал своей, жили крестьяне. Он считал количество крестьянских дворов и назначал им всем одну общую дань («тягло»). Люди приходили в эту волость и уходили из нее без ведома и разрешения князя. Крестьянский «мир» их принимал и отпускал, он же их облагал податью в общее тягло.

Так все шло своим чередом, пока князь не обнаруживал убыль или прибыль крестьянских дворов в данной волости. Тогда дворы снова переписывались, и, соответственно, уменьшалась или увеличивалась сумма мирского платежа.

Всякий крестьянин знал крестьянский мир, а не князя. Князю было безразлично, что тот или иной крестьянин уйдет к соседу. Прямого ущерба князю от этого не было. Исключение составляли люди, обладавшие каким-либо специальным талантом. Например, архитекторы или художники. Таким людям, если они хотели уйти к другому пахану, князь препятствовал. Иногда выкалывал глаза, иногда сажал в тюрьму их или их детей, иногда просто убивал... Одним словом, отстаивал свои законные интересы.

Но в основной своей массе крестьянин того времени был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем. Его свобода выражалась в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому.

Заметка 2

Нужно заметить, что, начиная с IX века, на территории Русской равнины происходил процесс заселения ее славянскими и славяно-угорскими племенами. Из двух центров: с берегов Днепра и из окрестностей озера Ильмень

— шли массы людей на восток и юго-восток, оседая севернее Оки и по верховьям Волги. Постепенно центр русской государственности переместился из Киева сначала во Владимир, а потом уже и в Москву.

Тогдашняя агрокультура была на таком низком уровне, что земли быстро истощались и крестьяне были вынуждены переходить и распахивать новые места. Вся равнина была сплошной тайгой. По северу — хвойной, а к югу — лиственной. От южного берега Оки и верховьев Дона постепенно начинались степи. Это уже было Дикое Поле, место, где жили кочевники — половцы, печенеги, хазары. Позже туда пришли монголы.

Люди вырубали леса, сжигали подлесок и ковыряли землю деревянной сохой. Урожаи были «сам-три». То есть собирали всего в три раза больше, чем посеяли. Это было почти ничего. Земледелием прожить было невозможно, и значительное внимание уделялось охоте, собирательству, реке — скотоводству.

Чтобы проиллюстрировать уровень развития хлебопашества на Руси того времени, можно привести следующий пример. Во второй половине XVI века (более ранних данных, похоже, что нет, но очевидно, что и раньше было не лучше) 70% крестьян Кириллова-Белозерского монастыря стабильно не имели семян для посева. То есть за зиму съелось все.

Резкое снижение плодородия земель буквально в течение двух — трех лет после вырубki, подсечно-огневое земледелие с пресловутой бороной-суковаткой и сохой не стимулировали оседлое существование крестьянства. Они были вынуждены постоянно находиться в движении, перемещаясь с места на место, вырубая все новые и новые леса под пашню. Так шло заселение Русской равнины вплоть до середины XV века.

В. Иванов. «Предстоящая беседа»

К концу XV века людской поток начинает иссякать. Создание мощного княжества Литовского, а впоследствии Речи Посполитой, положило конец миграции с берегов Днепра в Московское государство, а с севера поток ослабел сам собой: людоедская практика московских князей, фактический геноцид, устроенный там сначала Иваном III, а потом и Грозным были для Великого Новгорода демографической катастрофой.

Но и дальше, в юго-восточные степи, занятые татарами люди не шли — это было чревато в лучшем случае пленом и рабством, а в худшем — гибелью.

Таким образом, на территории Московии сложилось подобие демографического равновесия. Пусть это равновесие было временным и неустойчивым, но, тем не менее, историки считают этот период, т.е. со второй половины царствования Ивана III до середины царствования Ивана IV, «золотым веком». Русское Московское государство было сильнее всех своих соседей, вело успешные войны, за счет этих войн, а также развития торговли богатело, будущее казалось безоблачным. Именно тогда было объявлено, что Москва — есть третий Рим, а четвертому не бывать!

Заметка 3

Успешные войны и торговля позволили царю (в случае с торговлей — прежде всего за счет взимания таможенных пошлин), боярам и служилым людям накопить значительные средства. Вотчинные землевладельцы и наделенные за службу царю землей служилые люди были заинтересованы задержать на своей земле крестьян, поскольку хоть фискальный эффект от крестьянского труда был минимален, но все же крестьянин натурально кормил землевладельца и его челядь, а в моменты военных трудностей рекрутировался в ополчение. Таким образом, очевидно, что от количества крестьян на его земле в значительной степени (помимо военных трофеев) зависело благосостояние землевладельца и его статус в царской иерархии. Аналогично были мотивированы еще один вид крупных землевладельцев — монастыри, которые также накопили значительные средства за счет церковной десятины.

Тут нужно заметить, что если бояре и служилое дворянство разбогатели только после того, как москвиты перестали платить дань татарам, т.е. начиная с конца XV века, то монастыри богатели всегда, поскольку они были освобождены от дани хану.

Важно, что монастыри были также местом сосредоточения искусных мастеров иконописи, архитектуры, ювелиров, переписчиков и просто грамотных людей. Это также был важный источник доходов монастырской казны.

У меня складывается впечатление, что в тот период доходы Российского государства в целом, и правящего класса в частности, вообще в малой степени зависели от земле-

В. Васнецов. «Призвание варягов», 1912

делия. Серьезных налоговых поступлений с крестьян взять было невозможно, и поэтому основной доход был от грабежа окрестных народов и торговли, например, мехами.

Так или иначе, но у землевладельцев появились средства удержать крестьянина на месте. Если раньше у крестьянина не было альтернативы, и чтобы выжить, он должен был переходить на новые земли, то теперь он мог остаться, взяв ссуду у хозяина земли. Поначалу ссуду брали только для покупки посевного материала. Но поскольку воспроизводство было простым, то на следующий год нужно уже было брать ссуду для того, чтобы вернуть предыдущую и купить новых семян, а затем опять и опять... Если к этому добавить, что лендлорды давали деньги только в рост, т.е. под проценты, то очевидно, что этот процесс был банальной прогрессией, которая превращала крестьянина в вечного должника. Стоило только однажды начать кредитоваться у барина.

Такая система привязывания крестьянина к землевладельцу стала называться «кабала», а договоры о ссудах — «кабальными». В скором времени крестьянин уже не мог отработать даже проценты и добровольно-принудительно (долг-то, он и есть долг!) продавал сначала себя в рабство, а потом и своих детей, включая еще не родившихся...

Крестьянин сам (сам!), подтверждая долговые обязательства, давал письменную клятву, что ввиду окончательной невозможности вернуть долг он согласен «...всякую страду страдать и оброк платить чем он (хозяин долга) изброчит...», сам соглашался жить «...где государь (т.е. хозяин долга) не прикажет, в вотчине или поместье, где он изволит поселить...», и наконец самое страшное: «...вольно ему, государю моему, меня продать и заложить...».

Чем ниже была урожайность земли, тем быстрее проходило закабаление крестьянина. В конечном итоге процесс принял тотальный характер. Ссуды брали почти все крестьяне. Например, из 103 крестьянских договоров, записанных в новгородских крепостных книгах XVI века, 86 заключены с получением ссуды от хозяев.

Заметка 4

Но крестьянин еще не смирился, еще не согласился он со своим положением вечного должника. Крестьянин продолжает традицию предков и уходит. Просто так. Бросает все, имущество, инвентарь – и уходит на другие земли. Но не тут-то было. Если раньше он мог уйти и ему за это ничего не было, то теперь он – беглец от долгов. А раз так – то его разыскивают, находят, наказывают и т.д. Более того, была разработана система штрафов для помещиков, которые приняли в свои земли и заключили договор с крестьянином, который «неправильно» ушел от прежнего хозяина.

Вот документ 1580 года. Писцовая книга тверских владений князя Симеона Бекбулатовича. Из 2217 крестьян вотчины Симеона ушло за последние пять лет 305 человек (14%). Из общего числа ушедших только 53 человека (17%) смогли рассчитаться с хозяином и «выйти» от него самостоятельно. 188 человек (62%) были законно или незаконно «вывезены» другими владельцами. Остальные 65 человек (21%) ушли без «правильного отказа» или «выбежали». Эти, последние были беглые, которых хозяин мог требовать обратно.

Как долго он мог требовать розыска и возврата беглого крестьянина? Сначала никто не хотел помогать помещику в розыске его должников. Однако вскоре власть обнаружила, что дворянство беднеет и не может нормально платить свой «налог кровью» – служить в государственной армии. Ведь для этого нужны обмундирование, доспехи, оружие, пули, порох, продовольствие и фураж. И все это дворянин должен купить на свои деньги. Для этого царь и наделил его землей. А откуда этим деньгам взяться, если дворянин обанкротился потому, что значительную часть денег он ссудил своим крестьянам, а те, не вернув денег, разбежались?

Государство начало применять меры законодательного реагирования. Во-первых, государство стало разыскивать беглых крестьян по заявлениям помещиков. Во-вторых, постепенно срок давности («урочные лета») на поиск беглых крестьян увеличивался. Так первый раз срок давности на поимку беглецов был ограничен пятью годами царским указом от 24 ноября 1597 года. Все, кто убежал раньше – не разыскивались, а челобитные об их сыске – не принимались. Далее, указом от 9 марта 1607 года урочные лета увеличились до 15 лет, потом до 20, а потом, Соборным Уложением 1649 года – отменены вообще. Крестьянин разыскивался всю жизнь, без срока давности. Как фашистский преступник.

Параллельно затруднялся и «правильный» выход. Сначала выход крестьян был не регламентирован. Захотел – ушел. Потом Иван III Судебником 1497 года установил один обязательный общегосударственный срок выхода – неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделю после. В этом была определенная логика: крестьянин уходил после сбора урожая, т.е. по окончании ежегодного

А. Корзухин. «Сбор недоимок», 1868

сельскохозяйственного цикла. Затем, в 1550 году, Судебник Ивана Грозного дополнительно обязал крестьян заставить перед уходом оземь.

Первый раз выход на Юрьев день был запрещен на несколько лет («заповедные лета») после переписи 1581 года. Но этот запрет был временный и касался лишь нескольких районов страны. Окончательно Юрьев день был отменен в 1597 году. Тогда же, когда первый раз были установлены «урочные лета».

Это произошло во время правления слабовольного (а может, и слабоумного?) царя Федора Иоанновича. Фактически государством правил Борис Годунов. Историки почти убеждены, что отмена права крестьянского выхода и установление государственной системы сыска беглых крестьян – это его рук дело. И потом, уже в свое царствование, он продолжил дело закабаления крестьянина и дальше.

В литературе часто можно встретить рассуждения о том, что Годунов был образованный либерал. Дескать, побудь Русь под его правлением подольше, может быть, мы и встали бы на европейский путь развития... Так вот, дорогие товарищи, это все – ерунда! Мы, любители конкретных цифр, дат и персоналий, можем смело сказать: в 1597 году Россия прошла точку возврата. После этой даты уже ничего нельзя было остановить, и вопрос превращения крестьянина в раба был фактически решен. Осталось только нанести несколько штрихов, которые и были сделаны. Окончательная точка была поставлена в 1649 году.

Итак, как любил выражаться И.В.Сталин, «год великого перелома» – 1597, виновник торжества – Б.Годунов. У Пушкина Годунов постоянно сокрушается по поводу нелюбви к нему народа. Мол, и года-то урожайные, и войн он особых не ведет, и хлеб из своих запасов раздаст, а народ его не любит. Только мы знаем, что все это – фарисейство, крокодиловы слезы. Прекрасно он знал причины народной нелюбви. И последующая Смута и череда крестьянских и казачьих восстаний – это все его рук дело. Годунова. Помните, как отвечает ему юродивый: «Нельзя молиться за царя – ирода. Богородица не велит». Этим все сказано.

Заметка 5

И тогда крестьянин побежал за пределы Московского государства.

Иван Грозный присоединил к России Казанское, Астраханское и Сибирские ханства, фактически освободив, тем самым, от татарского владычества все среднее течение и низовья Дона, Волги и Яика. Контроль со стороны Москвы за этими территориями отсутствовал, и беглые крестьяне устремились туда – в Дикое Поле.

Нельзя сказать, что они пришли на пустое место. Здесь издавна ходили ватаги лихих людей – казаков-разбойников. У них были свои правила жизни, они никому не подчинялись, дорожили своей свободой и жили охотой, рыболовством и... грабежом. Обычное по тем временам дело.

Историки много дискутируют о возникновении казачества. Можно говорить о XIV веке, можно о XV, но одно очевидно: как значимая в военном отношении сила запорожские, донские, волжские и уральские казаки появились во второй половине XVI, начале XVII века. То есть тогда, когда их численность начала резко расти за счет беглых крестьян из Московии и Речи Посполитой. Казачий принцип невыдачи полностью устраивал беглецов, отягченных невозвратным долгом. Значительно позже в казацкой среде сформировались полумифические истории о происхождении казачества от скифов, сарматов, половцев или, например, черкесов. Однако в те времена сомнений не было: казаки – это беглые крестьяне и холопы.

Представление о таком происхождении казачества в яркой и образной форме описал в поэтической «Повести об Азовском сидении» казацкий есаул Федор Порошин, бывший холоп уже упоминавшегося здесь князя Н.И.Одоевского.

Пусть не удивляет вас то обстоятельство, что холоп (что значит – полный раб, вещь) был грамотен и настолько хорошо знал военное дело, что в казачестве стал есаулом (полковником). У бояр были не только холопы, которые обрабатывали боярскую пашню, но и верхний слой этой социальной группы – несвободные военные слуги, сопровождавшие господина на войне, помогающие ему в управлении хозяйством и выполнении административных обязанностей. Сами эти военные слуги зачастую происходили из оказавшихся в кабале детей боярских. Среди попавших таким образом в неволю были люди, которые были «меченосцами и крепкими со оружию во бранех». Для таких людей, кто «играл на конях» и не владел никаким иным «ремеслом», не оставалось другого выхода, как уйти «в казаки».

Так вот, этот самый лихой есаул, говоря о казаках, писал так: «Отбегахом мы из того государства Московского из работы вечная, от холопства полного, от бояр и дворян государевых».

Такое представление о собственном происхождении сформировалось у казаков не только благодаря постоянному новому притоку беглых, но и потому, что социальные верхи русского общества также смотрели на казаков, как на своих беглых подданных или спасшихся от наказания преступников. И хотя, признавая военную мощь казачества, и московский царь, и польский король постоянно с ними заигрывали: присылали подарки, слали знамена, просили

выступить вместе против общего врага, предлагали себя в качестве единственного их покровителя, в казацкой среде прекрасно отдавали себе отчет в истинном положении вещей. Тот же Порошин с горечью писал: «Ведаем, какие мы в государстве Московском люди дорогие, и к чему мы там надобны... не почитают нас там на Руси и за пса смердящего».

Московия не могла спокойно смотреть, как у нее под носом, на плодородных черноземах формируется абсолютно никем не контролируемое полугосударственное образование, которое как губка впитывает в себя крестьян, холопов и посадских людей, бегущих от московских порядков. Так оставлять этого было нельзя. Чего доброго, все население снимется и убежит от своих хозяев. Ведь русские люди еще не забыли, что они – народ чрезвычайно подвижный, легкий на подъем; что рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, и что провалился он пропадом, этот царь с его боярами и войском, и долг, который ему обманом подсунил помещик. Народ еще не привык к «крепости» и хотел двигаться по миру в поисках лучшей доли.

Победив татар, Московское государство, само того не желая, нарушило хрупкое демографическое равновесие, и народ ломанулся в образовавшуюся брешь – в степь, в казаки.

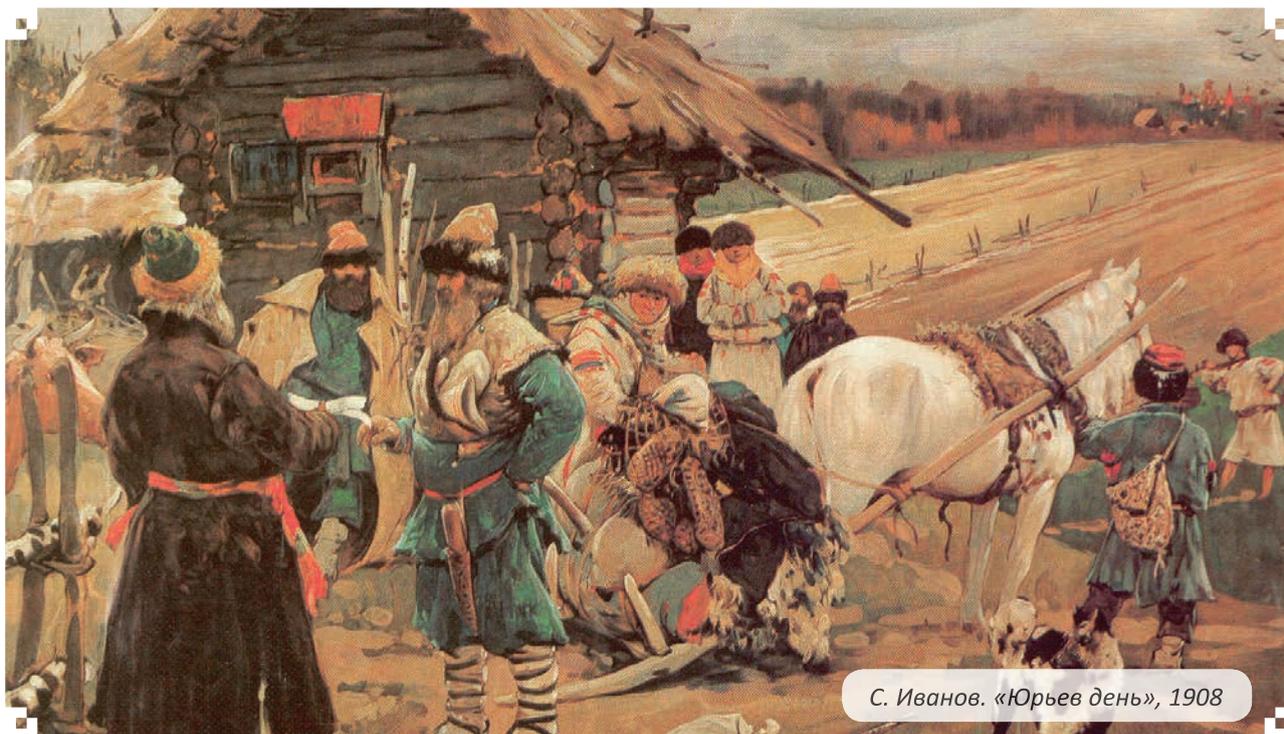
Началось наступление Московского государства на казачество. Были предприняты беспрецедентные меры по ограничению притока беглых крестьян в казацкие регионы. В свою очередь, самих казаков пытались обложить налогом, обязать служить царю не по собственной воле, а приказом. Даже хотели раздать казацкие земли царским служилым людям.

И действительно, как так? Никто казакам этих земель не давал, никому они не подчиняются. Какие-то выборы, казачий круг, атаманы. Это что, опять новгородские порядки завели, что ли? Уж не для того же великие наши государи утопили в крови Новгородскую землю и вырвали язык у вечаемого колокола, чтобы через сто лет какие-то беглые холопы опять развели демократию под носом у Москвы? Наверное, с тех пор у настоящих «патриотов» слово «демократия» – ругательное.

Результатом этого противостояния стали крестьянские бунты, казацкие войны и набеги, лжецари и «польская интервенция». Весь этот период получил название «Смутного времени». А фактически – это была огромная и многолетняя казацкая и крестьянская война против рабства, которая настолько ослабила царство, что оно едва не исчезло.

Вот как секретный посланник польского короля (в тот момент попросту – шпион) А. Госевский описывает свой разговор с одним из великолуцких воевод в 1609 году: «Наши собственные крестьяне стали нашими господами, нас самих избивают и убивают, жен, детей, и имущество как добычу берут. Здесь, в Луках, воеводу одного, который передо мной был, на кол посадили, лучших бояр повешали и погубили, и теперь всем сами крестьяне владеют...» Так-то. А в исторической литературе еще с дореволюционных времен этот период называется польским нашествием. Нашествие-то оно, конечно, нашествие. Только вот польское ли?

Известна численность войска, которое стояло в Тушине у Лжедмитрия II. Здесь я не поленюсь быть скрупулезным и точным. Вот «Регистр войска польского, которое есть под Москвой». Этот регистр хранится в библиотеке Ягеллонов в Кракове. Рукопись 102, стр. 316. Итак, всего 10 полков

С. Иванов. «Юрьев день», 1908

общей численностью 10500 воинов, в подавляющей части – конных. Войско даже сами поляки называют польским. Но дальше, на стр.317, написано, что из этих воинов 5000 казаков под командованием Александра Лисовского, а 4000 – казаков под командованием главы Казачьего приказа Ивана Заруцкого. Таким образом, собственно поляков – 1500 человек.

Но и с поляками не так все просто. Кроме поляков и литовцев в границах Речи Посполитой проживали в немалом количестве предки современных украинцев и белорусов – «русский народ», по терминологии того времени. Они говорили на языке, совпадавшем с тогдашним языком жителей России, и были православными. Один из польско-литовских гетманов тех лет, Ян Петр Сапега, писал в начале 1611 года: «У нас в рыцарстве (т.е. в дворянстве) больше половины – русские люди». Н-да... Вот такое вот «польское» нашествие. Так я и не возьму в толк, что мы празднуем 4-го ноября? Похоже, что спасение монархии. Хреновина какая-то. Что ж мы ее тогда не восстановим, раз так любим, что аж на работу не ходим?

Я далек от идеализации крестьянских и казацких бунтов. Это были чудовищные по жестокости, неорганизованные выступления полудиких людей, «бессмысленные и беспощадные». Но так тем и сильнее вина более умных и образованных, которые своей алчностью довели их до состояния взбесившихся зверей.

Крестьянские и казацкие войны и бунты еще долго потрясали русское государство. Фактически они никогда не кончались. Всегда находились люди, которые омерзительной в своем непотребстве власти Москвы предпочитали дикую крестьянскую вольницу.

Однако крестьянское сопротивление постепенно слабело. С казаками власти предпочли мало-помалу договориться, отдав им землю, на которую они претендовали, и освободив от налогов в обмен на воинскую службу (т.е. фактически приравняв к дворянам). А на территории коренной Руси все меньше крестьян пыталось вырваться на волю. Родившие-

ся уже несвободными, крестьянские дети не знали другой жизни и медленно, незаметно, свободный русский народ превратился в помещичье имущество. Как шкаф или собака.

Заметка 6

Справедливости ради нужно заметить, что рабство на Руси существовало всегда. Князья и бояре имели в своей собственности настоящих, а не «переделанных» из свободных крестьян рабов. Эти рабы были точно такие, как описано в наших учебниках по истории древнего мира. Как в Древнем Египте, Греции, Риме. Эти рабы назывались «холопы», «смерды» или «робы». Чаще для мужчин употреблялся термин «холоп», а для женщин – «раба». Холопство издревле было установлено на Руси, за много веков до появления описанного выше «искусственного» рабства, которое наша историография стыдливо называет «крепостным правом», пытаясь найти между одним и другим микроскопические различия.

Холопство создавалось различными способами. Назовем главные.

Во-первых, основной поставщик рабов – война. Пленные неприятели становились вещью, принадлежащей тому, кто их пленил.

Во-вторых, добровольная или по воле родителей продажа свободного лица в рабство.

В-третьих, по тогдашним законам некоторые преступления наказывались обращением в рабство.

В-четвертых, рождением от раба.

В-пятых, долговой несостоятельностью по собственной вине.

В-шестых, добровольным вступлением свободного лица в личное дворовое услужение к другому лицу без договора, обеспечивающего его свободу.

В-седьмых, женитьбой (не говоря уже о замужестве) на рабе, без такового же договора.

Полный холоп не только сам зависел от государя, как

назывался владелец холопа на Руси, и от его наследников, но передавал свою зависимость и своим детям. Таким образом, право на полного холопа наследственно, неволя полного холопа – потомственна. Существенной юридической чертой холопства, отличавшей его от других видов частной зависимости, была непрекращаемость его по воле холопа: холоп мог выйти из неволи только по желанию своего государя. Однако к началу XVII века между полным холопом и крестьянином еще существовало несколько важных различий. Главными из них были следующие: у крестьянина существовало отдельное, принадлежащее именно ему имущество, которое у него не могло быть отнято произвольно, и крестьянин мог жаловаться на своего господина и вообще, отстаивать свои интересы в суде. Помимо этого, крестьянин сам платил государственные налоги и хотя бы в таком виде оставался субъектом права. Всего этого не имел раб.

По окончании Смутного времени, с воцарением династии Романовых, государственники и державники того времени поняли, кто поставил власть московского царя на грань краха – шибко вольнолюбивые русские люди. Не видя никакой своей вины в происшедших событиях, они решили вопрос традиционным российским способом: «Ах, вам не нравится, что мы с вас шкуру дерем? Так мы с вас две сдерем!»

Короче, «по многочисленным просьбам трудящихся» в Соборном Уложении 1649 года устанавливалась наследственная зависимость крестьянина от помещика и его право распоряжаться имуществом своего крестьянина. Помимо этого, для уменьшения вероятности попадания в холопы людей «благородного» звания, долги несостоятельного землевладельца погашались за счет имущества его крестьян. И, наконец, последнее – крестьяне лишались права самостоятельно отстаивать свои интересы в суде.

Хозяину дали даже некоего рода право суда над крестьянами и, что самое приятное для него, право исполнения приговора. Для этих целей на барском дворе появляется тюрьма, кандалы и колодки, батоги и кнут, отмериваемые «нешадно», являются и даже типично московские пытки – подвешивание за связанные назад руки, битье при этом кнутом и поджаривание огнем. Соборное Уложение, правда, «приказывает накрепко» господину, «чтобы он не убил, не изувечил и голодом не уморил подвластного ему человека», но и в этих скромных размерах закон ничем не обеспечивает личности крепостного.

Наступивший затем XVIII век был более гуманным, и в его конце дыбу отменили. А уж цивилизованный XIX век и вовсе отменил кнут, заменив его совсем уж «детским» наказанием розгами. Но плеть сохранилась до самого освобождения крестьян, и лишь в 1844 году было запрещено наказывать крестьян «трехмерной плетью». А обычной – пожалуйста! Чтобы понять разницу, можно привести следующую выдержку из одного из регламентов XVIII века: один удар плетью приравнялся 200 ударам розгами.

Сторонники теории об отсутствии рабства в России говорят, что крепостной крестьянин отличался от раба тем, что оставался субъектом налогообложения. Но так это делало его положение еще хуже рабского! Однако и это сомнительное преимущество было фактически отнято у него. Указанным выше Соборным Уложением дворян обязали осуществлять полицейский надзор за крестьянами, собирать с них и вносить в казну подати, отвечать за выполнение ими госу-

дарственных повинностей. Таким образом, частные землевладельцы стали полицейско-фискальной агентурой казны, и из ее конкурента превратились в мытаря.

Построение здания российского рабства было завершено. Русские крестьяне стали полными холопами. Поздравим друг друга, господа: в середине XVII века большинство населения огромной страны на востоке Европы стало (не было, а стало!) рабами. Это беспрецедентно! Не негры, завезенные из Африки для работы на плантациях, а свои собственные соотечественники, люди той же веры и языка, вместе, плечом к плечу веками создававшие это государство, стали рабами, рабочим скотом. Т.е. настолько отверженными париями, что через столетие их хозяева из брезгливости, чувствуя себя людьми совершенно другой породы, начали переходить на французский.

Заметка 7

В российской исторической науке огромное внимание уделяется различиям между вотчинным и помещным землевладениями, между государственными крестьянами, т.е. сидящими на земле, принадлежащей непосредственно царю, и остальными. Много выделяется тонкостей в особом положении монастырских крестьян. Я пытался разобраться во всех этих хитросплетениях. И вот что я вам скажу. Ерунда все это! С интересующей нас точки зрения, т.е. в технологии порабощения крестьян практически нет никаких различий.

Также много внимания уделяется фискальной теории возникновения крепостного рабства. Мол, не только помещики, вотчинники и монастыри в рамках простого гражданского оборота постепенно загрузили крестьянина невозвратным долгом, но была еще и целенаправленная государственная политика закрепления крестьянина на земле с тем, чтобы он не убежал, а исправно платил подати в казну.

Мне кажется это сомнительным. Еще раз напомним, что многие столетия эффективность сельского хозяйства была настолько низкая, что крестьянин почти не производил прибавочного продукта. Деревня веками жила впроголодь, и с этой драной овцы нельзя было взять и клока шерсти. Заперев крестьянина в Нечерноземье, вынужденно отдав неподатному казачеству самые плодородные земли (не буди лихо, пока оно тихо), казна обрела себя на поиск иных источников доходов. Значение крестьянской подати, т.н. «тягла», было минимальным. Именно поэтому все «нововведения» 1649 года были сделаны по дворянским челобитным, а не по собственной инициативе государства.

Однако в начале XVIII века ситуация меняется. Петр I проводит реформу армии и начинает рекрутский набор. До Петра I вся русская армия была наемная. Она состояла из «служилых людей по отечеству» – бояр, детей боярских и дворян, которым платили за службу землей. И «служилых людей по прибору» – стрельцов, которым платили деньгами. Однако Петру этого показалось мало. Не имея денег сформировать большую наемную армию, он решил создать т.н. регулярную армию, т.е. армию, в которой служат бесплатно, силком. Ну, в общем, то, что сейчас стыдливо называется «священным долгом».

Начался набор рекрутов. То есть простых крестьянских и посадских парней забривали в солдаты на 25 лет. Фактически – навсегда. Редко какой инвалид возвращал-

К. Лебедев. «Продажа крепостных с аукциона», 1910

ся обратно. Большинство – нет. Кто погибал в бою, кто от ран. Некоторые – на великих стройках сумасшедшего прожектора, а кто и от болезней, старости, несчастного случая, по пьянке... А ведь зачастую дома их ждали жены-солдатки с детьми, от которых их оторвали царские офицеры и которых солдатки не видели целую вечность... Отчий дом, простой крестьянский труд, милые, родные сердцу люди...

Но нет! За Русь, за царя, за веру православную... Эх, орлы! Чудо-богатыри! И по Альпам, по Дунаю... Аустерлицы там разные... Какого черта их туда понесло?

Я хочу, чтобы было понятно это тектоническое изменение взаимоотношений между податным населением и государством. До этого момента государство говорило примерно следующее: я вас охраняю, а вы за это платите мне налоги. И в этом была своя логика. Да, дворяне налогов не платили, но зато всякий раз должны были идти воевать. Налогоплательщик же, будь то посадский или крестьянин, налоги платил и спал спокойно. Война, не война, его это не касалось. Это не его ума дело. Если этот царь войну проиграет, значит, какой-то другой – выиграет. Ну, так и будем подать новому царю платить. Нам-то какая разница? Все они одинаковы, все они одним миром мазаны и ничего хорошего от этих царей не дождешься.

Теперь государство говорило иначе. Оно говорило, что налоги платить – это хорошо, а вот еще и в армию нужно отдавать своих сыновей. Народ воспринял это очень плохо. Ну, то есть совсем не воспринял. Опять начались бунты. Нужно было что-то придумать. В прежней терминологии такой фортель со стороны государства описать было невозможно. Действительно, если мы платим налоги, да еще и бесплатно служим в армии, то куда, спрашивается, идут эти налоги и зачем тогда все эти бояре с дворянами, зачем их одарили землей и нами, раз они не справляются с военными задачами государства?

Тогда появилась фантастическая конструкция, которая до сих пор вызывает у меня изумление своим бесстыдством. В народе начали будить гражданские чувства. Как будто это

были не бессловесные рабы, которых можно было пытаться, продать, изнасиловать, а свободные и равноправные граждане, мечтающие жизнь отдать за любимую отчизну, за ее славу и величие. Именно тогда народу начали подсовывать подмену, и слово «Родина» объявили синонимом слова «государство».

Непатриотичный народ не понял этого призыва. Ежегодный рекрутский набор превратился в нескончаемую душевраздирающую трагедию. Новобранцы бежали, их ловили, царских офицеров убивали... Короче, кошмар. Государство стало кровно заинтересованным в том, чтобы крестьяне были «крепко прикреплены» к земле и к ее владельцу, не бегали туда-сюда и вообще – сидели смирно. Иначе невозможно было сформировать армию.

Наконец-то интересы государства и землевладельцев совпали полностью, и государственный аппарат всей своей мощью навалился на работу по окончательному порабощению крестьянина. Вся система полицейского сыска, армия, фискальные органы, жандармерия и прокуратура стали работать на одну задачу – поиск беглых крестьян, возврат их на прежнее место, а наиболее упорных (чтобы народ не баламутили) – на каторгу, в Сибирь, в острог.

Реформатор, полководец, инженер, работник-плотник... Типа, великий государственный деятель, первый европеец на троне... А народ решил, что Петр I – Антихрист. И никогда не переставал думать иначе. Вот и рассудите, кто прав.

И, наконец, финиш: если при Петре I дворяне обязаны были служить пожизненно, то потом эти требования стали мягче. Первое облегчение было сделано Анной Иоанновной, установившей, что дворяне должны служить от 20- до 45-летнего возраста, после чего могли оставлять службу; одному дворянину из каждого семейства дозволялось вовсе не являться на службу, а заниматься хозяйством в имении. Петр III 18 февраля 1762 года освободил дворян от обязательной службы. Екатерина II подтвердила это право «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г.

Ура! Теперь дворяне могли не служить. Ни в армии, ни по статской линии. Мол, служба – дело добровольное. А

налогов по-прежнему не платите. И земли, что вашим предкам государь дал за службу и для кормления, можете себе оставить. Вот так!

Ну что, господа патриоты, вы по-прежнему настаиваете, что здание российской государственности было построено на прочном фундаменте? Что все это безобразие могло продолжаться бесконечно долго?

Заметка 8

Нельзя сказать, что какие-то разновидности крепостной зависимости не существовали в других странах Европы. В одних странах эта зависимость существовала с самого начала средних веков (Англия, Франция), в других появилась, также как и в России, гораздо позже, в XVI – XVII веках (северо-восточная Германия, Дания, восточные области Австрии). И лишь в Швеции и Норвегии никогда не было никаких следов крепостной зависимости. В этих странах крестьяне всегда были свободны и их права (прежде всего – право перехода) никак не ограничивались.

Исчезает крепостная зависимость также в разных странах по-разному. В Англии она исчезает в связи с обезземеливанием крестьян. Просто по мере развития ткацкой промышленности в Англии возникает большая потребность в шерсти – с одной стороны, и в рабочих руках в промышленности – с другой. Для овцеводства нужно много земли и мало рабочих рук. Вот лендлорды и вытолкали крестьян в города, на ткацкие фабрики, а землю отдали в аренду под пастбища. Фабрикантам же нужны были свободные рабочие, а не чьи-то рабы. Не ровен час, случится с работником что-нибудь, отвечай за него потом перед его хозяином. А со свободными хорошо: задавило его на работе, так и черт с ним. Он свободен, никто за него не спросит.

Во Франции освобождение крестьян началось еще при Людовике VII в XIII веке, который на смертном одре освободил своих рабов в Орлеане. После этого стало хорошим тоном перед смертью освобождать лично зависимых слуг и крестьян. Так в 1298 году последовало освобождение несвободных людей в Лангедоке, в 1315–1318 годах были освобождены все крестьяне королевских доменов, правда, за уплату определенной суммы.

Так этот процесс проистекал из года в год, из столетия в столетие. Параллельно происходил процесс закрепитывания крестьян, опять появлялись несвободные крестьяне, и так это варево варилось вплоть до Великой Французской революции. Своим декретом Конвент от 17 июля 1793 года отменил без вознаграждения все феодальные права и предписал сожжение всех долговых обязательств.

Наполеон продолжил это дело в масштабах всей Европы. Везде, где ступала его армия, все феодальные прибабасы отменялись полностью, раз и навсегда. В Италии, в Германии, в Польше. Аристократы его ненавидели, простые крестьяне и горожане встречали овацией. Поляки и итальянцы его просто обожествляли.

И вот представьте себе этого пресыщенного победами корсиканца перед походом в Россию. Что, по его мнению, было главной угрозой? Конечно же, война на коммуникациях. Россия – большая страна. От снабжения его армии не только продовольствием, но и боеприпасами и обмундированием существенным образом зависит успех похода.

А русской армии он не боялся. В конце концов, он уже встречался с ней в Европе и всякий раз брал верх.

Что же случилось на самом деле? Главную битву у русской армии он выиграл при Бородино, и она отступила. Москву взял. Но коммуникаций не защитил и войну проиграл. Добрый русский народ, в отличие от других, овацией его не встретил, а развернул у него в тылу партизанскую войну, что фактически обрекло Наполеона на поражение. А ведь он шел в Россию, в том числе и для того, чтобы дать русским крестьянам свободу. Как это он сделал везде, где был. Раз и навсегда и без всякого выкупа. С сожжением долговых книг. Русским мужикам это особенно должно было понравиться. Запустить «красного петуха» они любили...

Вольно или невольно, но русский крестьянин еще на пятьдесят лет обрек себя на рабство. Собственными руками. Помните по учебнику истории – «кавалерствующая дама» Василиса Кожина и еще какие-то герои в армяках, но с крестами на груди. Это в галерее героев 1812 года в Зимнем дворце.

Кстати, умные пруссаки, после освобождения от Наполеона, крепостного права не восстановили, а вот австрияки, как держава-победительница, его не тронули и отменили даже на год позже, чем русские, в 1862 году. Так до конца и были они самыми отсталыми странами Европы – Россия, да Австро-Венгрия.

Победа – опасная вещь. Она служит победителю плохую службу. Через сто лет русский мужик одержит еще одну победу – в Гражданской войне. Результатом этой победы будет колхозное рабство и, в конечном итоге, полное уничтожение русского крестьянства.

Вместо заключения

Фактически с середины XVI века до середины XX века длилось рабство в России. Оно началось с закабаления крестьян и установления ограничительных правил перехода, а закончилось хрущевской выдачей колхозникам паспортов. 400 лет с перерывом в 68 лет. Как говорится, между первой и второй перерывчик небольшой. Глоток свободы начался с великой реформы 1861 года, а закончился «головокружением от успехов» 1929–1930 годов. Ну, так еще крестьяне платили выкупные платежи вплоть до начала XX века. Значит всего – тридцать лет. Негусто. Выросло лишь одно поколение свободных земледельцев. Но и его хватало, чтобы размазать всех этих бывших «хозяев жизни» в лепешку. Вместе с казаками.

Правда, новые хозяева оказались посноровистее. Пригнали латышей с китайцами, наняли царских офицеров да унтеров ими командовать и опять надели ярмо на шею крестьянину. Только теперь они решили уничтожить мужика полностью.

Оставшихся казаков отправили на Соловки. Дворян – кого убили, а кого вытолкали взашей, за границу. Разночинцев там, профессоров разных – кого расстреляли, а кого в шарашки отправили, бомбу делать. Крестьян же, которые не хотели горбатиться «за палочки», тех погнало на великие стройки коммунизма, в лагеря, в ссылку. А тех, кто согласился, прикрепили к колхозу, отобрали все добро, и семь дней в неделю – барщина. Такого даже при помещиках не было. Уже и жениться нужно было

И. Глазунов. «Раскулачивание», 2010

разрешение председателя, если невеста или жених из другого колхоза. А уехать на заработки – даже думать не моги. Поймают – и в лагерь. На двадцать пять лет.

Слава Богу, последний заход в рабство был недолго, тридцать лет. Но народу побили больше, чем за предыдущие триста...

Теперь давайте прикинем. За четыреста лет сменилось примерно двенадцать поколений. Сформировался национальный характер. Какой уж есть. Привычки, рефлексы. То, что теперь называется модным словом ментальность. Большинство населения нашей страны – это потомки тех самых крепостных крестьян. Это очевидно. Ну, посудите сами. Они и так были большинством нации, а тут еще большевики остальных приморили. И аристократию, и разночинцев, и казаков. Кто остался? Крепостные рабы, вернее – их потомки. Как говорится, рабочий класс и колхозное крестьянство.

И вот представьте себе, как формировался этот характер. Невыносимо огромные пространства, утыканные тут и там маленькими селами по 100–200 душ. Ни дорог, ни городов. Только деревни с черными, покосившимися пятистенками. Еще лес, речка, пашня, церковь, погост. Вдалеке, на пригорке – барская усадьба. Тоже ничего хорошего. Просто большая изба.

Весна – лето – осень – зима. Весна – лето – осень – зима. От весны до осени вкалываешь день и ночь. Все отбирают подчистую. Помещик да царь. А зимой сидишь на печке и воешь с голоду. И так из года в год, из года в год. Появится иногда царский посланец, забреет часть молодых парней в рекруты и все, сгинули ребята, как и не бывало.

Связи между деревнями почти нет. Ходить друг к другу в гости далеко, а верхом – коня жалко. Так, иногда барин к соседу съездит, так что он расскажет? Не нашего, мол, ума дело... Краем уха слышали, что где-то война. Турка бьет или шведа? Черт его разберет.

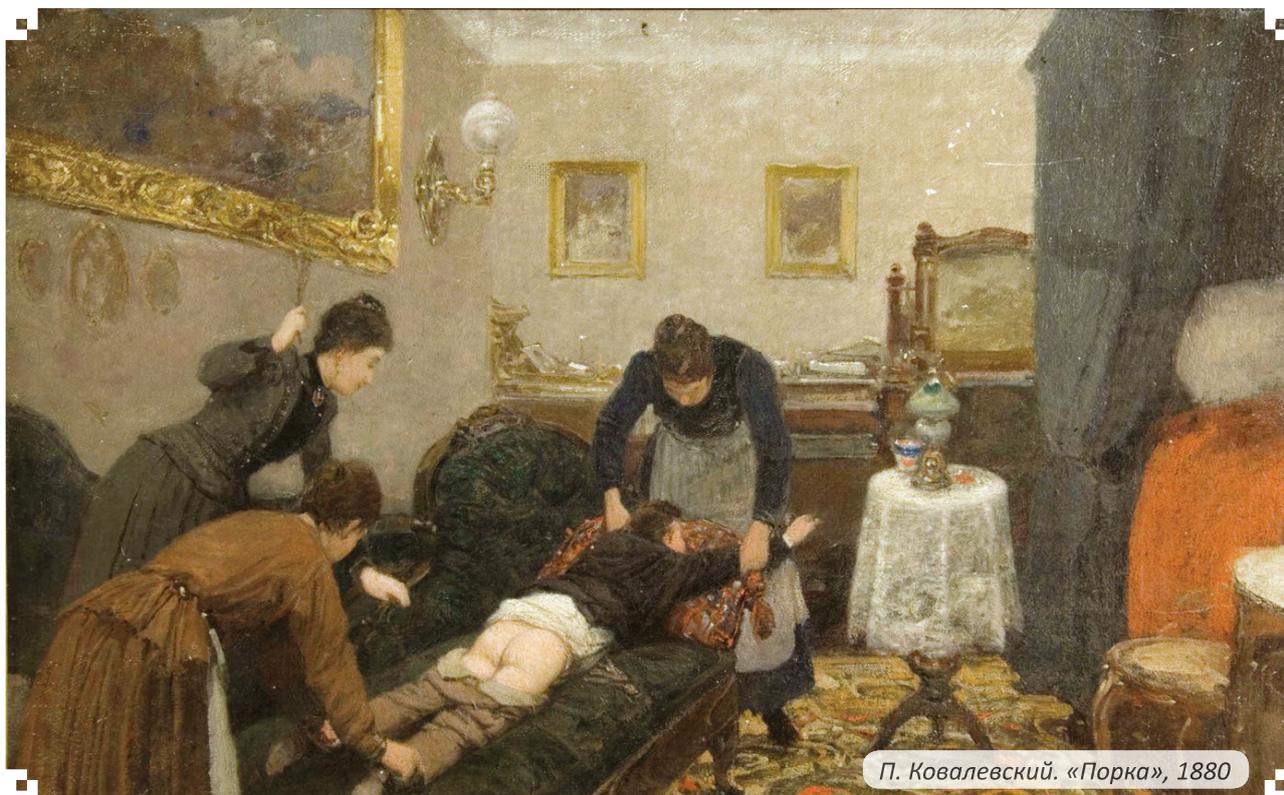
Поборы, поборы, поборы...

Ничего не происходит. Изю дня в день. Из года в год. Из столетия в столетие. Полная и окончательная беспросветность. Как цемент. Ничего не может измениться. Никогда. Все. Буквально все против тебя. И помещик, и государство. Ничего хорошего от них не жди. Работать надо плохо. Спустя рукава. Все равно – отберут. Всегда надо врать. Всегда. Без исключения. На всякий случай – всегда врать. Прятать. То же самое – все прятать. Эх! Где-то там, но не в нашем районе, идут какие-то балы... Кто-то кого-то убил на дуэли... Какой-то чудаки написал великую книгу... Войны опять же... Это далеко, далеко... едва слышен крик наших рекрутов. Но – не разобрать. Кто? Кого? Говорят, убили? Когда? Батюшки! А про моего не слышал? Не слышал... Эх... Все эти Полтавы и Измаилы, Сенатская площадь и журнал «Современник», Петербург и муки Раскольникова – это все не про нас. Где-то отдельно жили двести – триста тысяч других людей. Это их жизнь, их история, их Россия. А десятки миллионов жили другой жизнью. Если мы хотим понять наш народ, то чтение школьного учебника по истории не дает ровно ничего. Это учебник по истории русского государства и его недалёкой, склочной «элиты». Эта история ничего нам про нас не объясняет. А история русского народа еще не написана. И если мы хотим понять, кто мы, откуда и как мы такие появились, то ее нужно написать. Обязательно.

Быть может, наконец, эта книга объяснит, почему русские люди не верят своему государству. Почему оно всегда воспринимается как враг. Быть может, потому, что русский человек никогда от государства ничего хорошего не видел? Может, после написания такой книги наши государственные мужи перестанут трещать про державу и укрепление государственности? Может быть, они, глядя на искалеченный строительством великой державы народ, скажут, перефразируя Кеннеди: «Не спрашивай, что ты сделал для государства, а спроси, что государство сделало для тебя».

Альфред КОХ

НУЖНА ЛИ РУССКОМУ НАРОДУ ТВЕРДАЯ РУКА?

П. Ковалевский. «Порка», 1880

Вопрос, вынесенный в заглавие, всегда вызывал у меня некоторое смущение, словно мы говорим не о судьбе народа и принципах его политической организации, а о предпочтениях сексуального характера. В массовом представлении русское государство является совершенным не благодаря разумным законам или устойчивым институтам, но когда управляется твердой рукой. Актер Василий Лановой в своем интервью «Аргументам и фактам» выразил весьма популярные в России настроения: «Это в Люксембурге можно быть очень демократичным или в Швеции. В любой стране вот такусенькой величины (показывает крохотный кружок). А если это Россия, трудно себе представить, что станет, если немножко отпустить вожжи! Через два дня государства не будет! Негативное отношение к диктаторам, говорите? Это у кого?! У тех, кто хотел бы полную расхлябанную свободу?! Именно с ней Иван Грозный боролся своей железной рукой. Иначе бояре растащили бы страну (и растаскивали!). Вон, главный враг Курбский либеральничал. (Очень иронично.) Желал свободы, вольности! Ну и чем кончилось? Уехал, удрал на Запад! Так что я – за сильную государственную руку. Иначе... Столько ртов открывалось на Россию за ее историю! Если правителю не быть жестким, сильным, то сожрут страну в два счета! А как только напускают сопли наши либералы, всё, привет!» Василий Лановой не скрывает, кто был его музой, когда он играл роль кардинала Ришелье в очередной экранизации «Трех мушкетеров»: «И мой Ваше Высокопреосвященство из таких, из государственников. Для него главное – величие страны. Мне кажется, если бы Ришелье жил в XX веке, то

был бы как Сталин. Держал бы страну вот так! (Сжимает кулак.) Государственник должен быть у руля!»

Таким образом, с одной стороны, есть «сильная государственная рука», натянутые вожжи, плотно сжатый кулак, а с другой – свобода, которая трактуется Лановым как слабость, «расхлябанность», «сопли». Она грозит распадом страны.

Власть в рамках этого дискурса не является политико-правовой абстракцией, она антропоморфна. По крайней мере один орган – рука – у нее присутствует явно, другой, очевидно, подразумевается. Ведь множество соотечественников, без всякого смущения, осмысливают взаимоотношения власти и общества в категориях полового акта с элементами насилия. «Вставил», «опустил», «поимел», «прогнул», «поставил раком» – у нас эти слова политические и вообще потестарные, потому что относятся к любимым иерархиям, не только государственным. Поиск в Google только одного словосочетания из этого политического словаря – «государство поимело» – дает 4 750 000 страниц. А ведь требования приличия заставляют меня ограничиться только относительно литературными смыслообразами. Все мы знаем, сколь богат русский язык, в том числе в описании взаимоотношений власти, отдельных ее... хм... органов и народонаселения.

Самобытный Содом

Характерно, что русский политический словарь пронизан аллюзиями не просто насилия, но насилия по преимуществу гомосексуального. Может быть, поэтому оценка

Ф. Друэ. «Д.П. Чернышева-Салтыкова», 1762

гомосексуальности так скандализовала страну, задев, полагаю, нечто сущностное в коллективном бессознательном народа. Поборники мифа о «святой Руси», конечно, возразят: так называемая «пропаганда гомосексуализма» взбудоражила народонаселение только потому, что не наше это все, а занесено в Россию с Запада вместе с либерализмом и теперь отторгается здоровым телом как болезнетворный микроб. Отнюдь. Гомосексуализм на Руси был. И был, разумеется, своим собственным, так сказать, почвенным и самобытным.

Первый русский святой, князь Борис Ростовский, убитый в 1015 году людьми его брата Святополка Окаянного, вероятно, состоял в особых отношениях со своим постельничим «отроком». Воины Святополка, ворвавшись ночью в шатер Бориса, закололи их вместе. «Повесть временных лет» рассказывает: «И пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему».

В принципе все правители Средних веков спали со своими слугами в одной комнате, а иногда и в постели как из соображений безопасности, так и для защиты от холода. В большинстве случаев не стоит искать в этом сексуального подтекста. Но как объяснить последние слова отрока Георгия, которые вкладывает в его уста автор «Сказания о Борисе и Глебе» (середина XI века): «Да не остану тебе, господине мой драгий, да идеже красота тела твоего увядает, ту и аз сподоблен буду с тобою скончати живот свой!» Почитание Георгия Угурина на Руси начинается довольно рано, около середины XI века. В частности, он уже является во сне одному исцеленному вместе с князем Борисом: «Георгия оного, отрока святого Бориса, ходяща с нима и носяща свещю». Правда, в русской памяти князь Борис навеки соеди-

нился не с отроком Георгием, но со своим братом – Глебом Муромским, убитым по приказу того же Святополка Окаянного. Вместе они почитаются первыми русскими святыми-страстотерпцами.

То немногое, что мы знаем о сексуальной жизни в Московском государстве, свидетельствует о гомосексуализме как явлении абсолютно бытовом, представленном во всех слоях общества, от царского дворца до крестьянской избы. И Василий III, и его сын Иван Грозный, очевидно, состояли в гомосексуальных связях со своими приближенными, чему есть свидетельства современников. Впрочем, нравами двора Московия мало чем отличалась от Запада. Зато иноземцы с удивлением и возмущением пишут о том, что такие сексуальные практики считаются нормой и за пределами Кремля. Вот что замечает английский путешественник Джордж Турбервилль, посетивший Россию при Иване Грозном: «Возможно, мужик имеет веселую, обходительную жену, которая служит его грубым прихотям, – он все же ведет животную жизнь, предпочитая мальчика в постели женщине. Такие грязные грехи одолевают пьяную голову». Голштинский посол при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Адам Олеарий сообщает: «Они [русские] так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею; при этом употребляют не только ругос muliebría pati assuetor (как говорит Курций) [лат. мальчиков, привыкших подвергаться женской участи], но и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги... Они сняли с себя всякий стыд и всякое стеснение...» В попытках объяснить приверженность русских «порокам» Олеарий почти дословно вторит Турбервиллю: «Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть». Юрий Крижанич, проживавший в России с 1659 по 1677 год, удивляется по поводу распространности «содомии»: «Здесь, в России, таким отвратительным преступлением просто шутят, и ничего не бывает чаще, чем публично в шуточных разговорах один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху, недостает только, чтобы при всем народе совершали это преступление».

Надо понимать, что иностранцы приезжали почти в дикую страну, где мораль не до конца подавила стихийную сексуальную жизнь. Отсюда слово «животные», которым и Турбервилль, и Олеарий награждают русских. На самом деле, в отличие от европейцев, русские просто не были знакомы с самоцензурой развитой культуры, вели себя откровенно и естественно, в прямом смысле без стыда, как его понимали европейцы. В самой Западной Европе к тому времени церковь уже давно «христианизовала», то есть подчинила своему контролю частную жизнь верующих. И гомосексуализм, по крайней мере с XIII–XIV веков, преследовался как тяжкое преступление. Обычно он карался смертью разной степени дикости. В России законодательство вплоть до 1832 года почти не касалось этой темы. Разве только при Петре в воинском артикуле 1706 года мелькнет смертная казнь за «содомский грех», но уже в 1716 году

Петр заменит ее на телесное наказание. И в том и в другом случае речь идет о военных. К тому же в распоряжении историков немало данных, свидетельствующих о двусмысленных связях самого Петра.

Я вовсе не хочу сказать, что среди русских встречалось больше гомосексуалистов, чем в Западной Европе – у исследователей, разумеется, нет никаких статистических данных. Однако очевидно, что по сравнению с европейцами наши предки были весьма толерантны в вопросах сексуальной жизни – именно так! На укору Курбского в «порочной» связи с Федором Басмановым Иван Грозный, например, отвечает: «А с женою моею зачем меня разлучили... (Царь обвинял бояра в смерти своей первой жены, Анастасии Романовой). А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты – так ведь все мы люди».

Важно отметить, что воинские артикулы Петра или законодательство 1832 года не были результатом собственного правового развития России, а заимствовались как раз из Европы. Петровские уставы были списаны со шведских, а закон 1832 года пришел из Вюртемберга. И после 1716 и даже после 1832 годов, когда пресловутая статья впервые появится в гражданском законодательстве, преследования гомосексуалистов были единичны. Сам же гомосексуализм, естественно, никогда не был связан с какой-то особой приверженностью либеральным ценностям или западничеству. Достаточно сказать, что два крупных консерватора, славянофила и реакционера XIX века – граф Сергей Уваров и Константин Леонтьев – были гомосексуалистами или по крайней мере бисексуалами. Убитый террористом московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, дядя царя, антисемит, основатель Православного Палестинского общества и противник конституционных преобразований, практически открыто состоял в связи с некоторыми из своих офицеров, о чем с удовольствием злос-

ловили и в Москве, и в Петербурге. Настоящие репрессии против сексуального меньшинства (лесбиянки таким преследованиям вообще никогда не подвергались) начнутся только при Советской власти с 1933 года, когда некие салоны гомосексуалистов объявят шпионскими ячейками. Но тогда и инженеров обвиняли в шпионаже, и военных тоже. Значит ли это, что инженеры и военные чужды нашим «традиционным ценностям»?

Блатные университеты

Выходит, что корни нынешнего скандала по поводу «пропаганды гомосексуализма» стоит искать не в истории русского народа, а, скорее, в социальной психологии наших современников. Комичная и пошлая консолидация нации по принципу интимных предпочтений сопровождается унижением и подавлением сексуальных меньшинств. Думаю, «унижение» и «подавление» – ключевые слова в этой идеологической конструкции. Секс, насилие и власть мистически соединены в коллективном бессознательном народа. «Поиметь» и «опустить» тут популярнее, чем уважение человеческого достоинства и равенство всех перед законом.

Ведь странно, в самом деле, что при всем разнообразии существующих с незапамятных времен пыток обычные казанские менты из отделения полиции «Дальний» – подчеркиваю, не какие-нибудь декаденты в духе Пазолини, а наши, с пивасиком и футболом, конкретные такие, – выбирают не слишком «эффективный», но зато семантически богатый способ пытки как сексуального насилия бутылкой из-под шампанского. Я против пыток, но, согласитесь, человеку с рационально устроенной психикой такой метод установления истины, через задний проход, может показаться слишком окольным. Одновременно мы видим,

А. Вестфален. «Правёж при Бироне», 1912

как сбившиеся в стаи маргинальные подростки выражают свой протест против «извращенцев», заманивая их на свидания, а затем подвергая унижениям, которые выглядят скорее как прелюдия к половому акту «в особо извращенной форме», чем борьба за общественную нравственность. Характерно, что в ситуациях, когда самые обычные мужчины оказываются в тюремной камере или лагерном бараке, инструментом выстраивания господства снова становится сексуальное насилие, причем «опущенные» занимают самую низшую ступень в тюремной иерархии. И если политическое в современной России осмысливается через термины сексуального насилия, то сексуальное насилие – в особых обстоятельствах – становится формой реализации превосходства сильного над слабым, формой власти *par excellence*.

Многие ученые считают доминирующей культурой современной России именно криминальную, тюремную. Распространенность блатного арго, который практически стал нормой литературного языка, популярность шансона – это только внешняя сторона присутствия криминальной культуры в жизни страны. Вероятно, ее влияние гораздо более глубинное, ценностное и поведенческое. Причины, по которым именно криминальная культура заняла такое важное место в нашей жизни, вполне понятны. Начатое революцией 1917 года и продолженное форсированной индустриализацией разрушение традиционной русской жизни, разрыв привычных социальных иерархий и связей, концентрация в городах масс плохо оплачиваемого, малообразованного населения, нищета и лишения предопределили стремительный рост преступности в Советском Союзе. Я уже не говорю о репрессиях и сознательном обращении в лагерных рабов миллионов людей, пущенных в топку экономики ГУЛАГа. Так, если в 1917 году число заключенных составляло около 34 человек на 100 тысяч населения, то с началом массовой коллективизации и индустриализации эта цифра начинает расти: в 1929 году – 118, в 1930 – 179, в 1931 – 212 и т. д. Еще до начала большого террора, в 1935–1936 годах численность заключенных достигает примерно 1000 человек на 100 тысяч населения.

Амнистия 1953 года выпустила на волю 1 201 738 заключенных из 2 482 193 человек, находившихся к тому времени в лагерях и тюрьмах. Это примерно каждый 160-й, причем речь шла тогда не о политических, которые выйдут на свободу только в 1954–1955-м. На первый взгляд кажется,

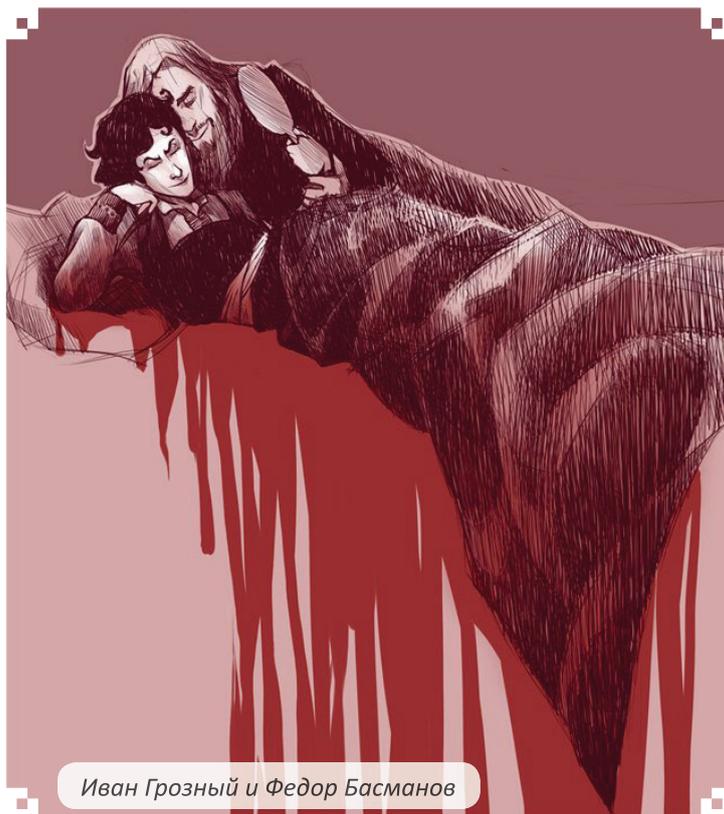
что каждый 160-й – это немного. Однако следует учитывать, что на волю сразу, в течение нескольких месяцев, вышло множество отчаянных уголовников. Представьте, какое влияние эти криминальные элементы оказали на поколение, оставшееся без отцов. Считается, что всего через сталинские лагеря прошло от 15 до 18 миллионов человек. И отнюдь не все они были Варламом Шаламовым и Александром Солженицыным, при всем уважении к миллионам репрессированных безвинно.

Исследователи считают «дедовщину» в армии типологически схожей с тюремными порядками и трактуют ее появление в конце 60-х годов как первый системный натиск криминальной антикультуры на общественные институты, который повлек за собой их глубинную трансформацию. Якобы поколение, сформировавшееся под влиянием уголовников, автоматически воспроизводило в замкнутом мире воинской части первобытную иерархию, усвоенную во дворах и на улицах послевоенного СССР. Впрочем, и после смерти Сталина численность сидевших держалась на достаточно высоком уровне, что предопределяло постоянное воспроизводство норм криминальной антикультуры в новых и новых поколениях. Вплоть до 1970 года численность заключенных колебалась на уровне примерно миллиона человек, правда, к началу перестройки снова перевалила за два, вернувшись к средним сталинским показателям.

Распад Советского Союза повлек за собой

демонтаж диктатуры «высокой культуры». Действие же рыночных механизмов превратило криминальную романтику в самый востребованный продукт для телевидения, кинематографа, звукозаписывающих и ретранслирующих станций, распространив язык, поведенческие паттерны и ценности преступников на все общество. При кризисе прочих идеологических систем тюремная антикультура стихийно стала консолидирующим нацию кодом, языком, понятным абсолютно всем. Фактически она явилась способом самоидентификации и самоопределения миллионов людей, оказавшихся выбитыми из привычной системы координат в идеологическую и социальную неизвестность. В этой *terra incognita* социальная жизнь возрождалась или, точнее, зарождалась на самых примитивных основах.

Академик Дмитрий Лихачев еще в 1935 году называл эти основы первобытными или детскими: «Своеобразные условия, в которые поставлена воровская среда: постоянное враждебное положение по отношению к «легальному»

Иван Грозный и Федор Басманов

обществу, примитивно-охотничьи приемы деятельности, бродячая жизнь, огромная роль личных качеств и «естественных» условий при совершении краж, общее потребление и т. п., создают условия, при которых в речи и в мышлении возрождаются явления, аналогичные первобытным. Исследования криминологов сделали неоспоримым факт повышенной внушаемости у воров, равной, по некоторым психотехническим исследованиям, внушаемости 5-летних детей. Эта внушаемость создает необычайно благоприятные условия для внедрения традиционных обычаев и верований. Отмеченный еще Спенсером (*The Principles of Sociology*) консерватизм первобытных людей – факт, давно ставший общепризнанным, характерен и для вора. Социальное подполье консервативно, блатной обычай косен, догматичен и деспотичен. Воровская среда живет традицией, догмой, обычаем, требует от вора не индивидуализации, а ассимиляции... Поведение вора в своей среде ограждено и ограничено бесчисленным количеством правил, норм, своеобразных понятий о «приличии», «хорошем тоне», сложной иерархией подчинения друг другу. Каждое из нарушений этих норм поведения карается воровским судом с оригинальным судопроизводством, с немедленным приведением в исполнение всегда жестокого наказания. Власть воровской среды над отдельным индивидуумом исключительно велика. За внешней распушенностью их поведения скрываются жесткие, тесные, предусматривающие все, вплоть до мелочей, правила поведения, а в конечном счете общие, «коллективные представления», которые делают поразительно похожими воров различных национальностей».

Нечего удивляться, что и от русского политического языка сегодня пахнет нарами и парашей. Характерно само понимание демократии, которое насаждается сверху. Официальные пропагандисты трактуют ее как власть большинства. От меньшинства в этой системе требуется лишь полная покорность. За меньшинством зарезервирован статус «опущенных». И гомосексуалисты как маркер либералов вообще оказались тут очень кстати. Так, например, родилось идеологическое чудо нашего времени – «еврогеи».

Между тем демократия – это, как известно, не власть большинства, а власть закона, призванного гарантировать равные права и возможности для всех граждан страны, не важно, находятся они в большинстве или в меньшинстве. В современной России, однако, быть в меньшинстве, поли-

тическом, национальном, сексуальном, каком угодно, – это род слабости или ущербности, который влечет за собой поражение в правах. «Опускание» слабого вместо его защиты рассматривается как норма.

В то же время власть в России, очевидно, не принадлежит большинству. Эта иллюзия, которая культивируется в сознании большинства, на деле бесправного и угнетенного. Система работает, кажется, в точном соответствии с наблюдениями академика Лихачева: «Склонность принимать чужую установку, несамостоятельность и неспособность субъекта к спонтанному психическому акту, инфантильные формы поведения – таковы те психические факты, которые готовят почву образованию сложной сети коллективных пред-

ставлений, охватывающих всю жизнь вора». Думается, для большинства важны не демократические институты, гарантирующие подлинное народовластие. Большинство довольствуется самоидентификацией с верховным правителем как со «своим парнем», который соответствует «понятиям», воплощает в себе «коллективные представления», а потому обладает правом на насилие. Отсюда склонность Путина к криминальному аргументу, которую было бы опрометчиво списывать на дурное воспитание. Он всего лишь является президентом своего народа. И чем жестче Путин поступает с противниками, чем смелее действует в России и в мире, тем больше это встречает одобрения у массы населения. «Опускать», «нагибать», «ставить раком» и т. п. – и есть власть в рамках той специфической криминальной культуры, которая

господствует сегодня в России. Не будем забывать, что биологически власть – это, вообще, право альфа-самца обладать максимальным количеством самок (и самцов тоже), по крайней мере об этом свидетельствуют все исследования наших биологических родственников – приматов. И современная Россия, кажется, разделяет именно эту, откровенно биологическую, первобытную концепцию власти.

Впрочем, я далек от того, чтобы объяснять характер нашего государства лишь влиянием пенитенциарной системы Советского Союза. Рискну предположить, что тюремная культура всего лишь добавила некоторые стилистические акценты к уже существовавшей в России модели господства и подчинения. При всех, безусловно, важных нюансах мы обнаружим континуитет базового принципа российской социальности от Московии к СССР и Российской Федерации. Власть есть сила, подавляющая и унижающая слабого. Вот, например, что пишет

Дмитрий Лихачёв

Адам Олеарий в XVII веке: «Рабами и крепостными являются все они. Обычай и нрав их таков, что перед иным человеком они унижаются, проявляют свою рабскую душу, земно кланяются знатным людям, низко нагибают голову – вплоть до самой земли и бросаясь даже к ногам их; в обычае их также благодарить за побои и наказание. Подобно тому, как все подданные высокого и низкого звания называются и должны считаться царскими «холопами», то есть рабами и крепостными, так же точно и у вельмож и знатных людей имеются свои рабы и крепостные работники и крестьяне. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах и челобитных должны подписываться уменьшительным именем, то есть, например, писать «Ивашка», а не Иван, или «Петрушка, твой холоп». Когда и великий князь к кому-либо обращается, он пользуется такими уменьшительными именами. Впрочем, и за преступления вельможам назначаются столь варварские наказания, что по ним можно судить о их рабстве. Поэтому русские и говорят: «Все, что у нас есть, принадлежит Богу и великому князю».

Так же должны унижаться и иностранцы, пребывающие на службе у московского царя, сетует Олеарий. Одновременно посланник замечает: «Все они, в особенности же те, кто счастьем и богатством, должностями или почестями возвышаются над положением простонародья, очень высокомерны и горды, чего они, по отношению к чужим, не скрывают, но открыто показывают своим выражением лица, своими словами и поступками». Таким образом, самоуничижение органично перетекает в унижение других – слабых и худых. Вместе они образуют своего рода кровеносную систему этой социально-политической организации с древнейших времен.

Стокгольмский синдром

Порою мне кажется, что отношение русских к власти ближе всего к стокгольмскому синдрому. Этот термин приписывают криминалисту и психиатру Нильсу Биджероту, исследовавшему захват заложников в Стокгольме двумя уголовниками в 1973 году. Пять дней они удерживали одного мужчину и трех женщин в отделении банка, угрожая им смертью. При освобождении заложники попытались помешать полицейским, а затем, уже после суда, стали ходатайствовать об их амнистии, навещали в тюрьме. Одна из женщин, по слухам, даже обручилась с похитителем, другая основала фонд поддержки заключенных. У всех наблюдалось разрушение прежних социальных связей – с родными, близкими, друзьями. Психологи считают, что речь идет о защитном механизме, помогающем человеку пережить экзистенциальную ситуацию. Сильный шок побуждал жертвы сочувствовать насильнику, оправдывать его, даже перенимать его идеи и пропагандировать их как прогрессивные и спасительные. Правда, для формирования «стокгольмского синдрома» существенны не только угрозы жизни, но и проявление насильником хотя бы «малой доброты» по отношению к жертве – то, что в России обычно называют «политикой кнута и пряника». Один из заложников, Свен Сафстром, признавался: «Похититель хорошо к нам относился, мы думали о нем как о Боге».

В роскошном томе «Творчество народов СССР» 1937 года издания читаем:

*По-иному светит нам
Солнце на земле:
Знать, оно у Сталина
Побыло в Кремле...*

*Не вмещает столько вод
Ширь Днепра сама,
Сколько есть у Сталина
Светлого ума.*

*В небе столько звездочек
Нету в синеве,
Сколько дум у Сталина
В светлой голове.*

*Как вокруг дуба молодежи
Не видать конца,
Так и мы вокруг Сталина –
Дети вокруг отца».*

Эта книга вышла в разгар большого террора. С августа 1937 года по ноябрь 1938 года было репрессировано 1 575 259 человек, из них расстреляно 681 692 человека. Характерно, что за главным приказом НКВД о большом терроре от 30 июля 1937 года под номером 00447 не стояло никаких оперативных разработок по выявлению врагов советской власти. Указ устанавливал цифры подлежащих репрессиям произвольно, вероятно, с целью погрузить страну в ужас, экзистенциальное состояние всеобщего страха: разнарядка на расстрел была определена в 75 950, в лагеря должны были отправиться 193 000 человек. Эти цифры были механически разложены по регионам. Правда, регионы потом будут требовать увеличения «лимитов». И их будут увеличивать.

На этом фоне в декабре 1937 года проходят выборы в Верховный Совет СССР. Формально Россия получает парламент, избранный всеобщим, равным и прямым голосованием. В 1938 году он начнет свои заседания, тогда же учреждено звание Героя Социалистического Труда. На экраны выходит музыкальная комедия «Волга, Волга». Любовь Орлова, наряженная в ситец, поет:

*Много песен над Волгой звенело,
Да напев был у песен не тот:
Прежде песни тоска наша пела,
А теперь наша радость поет.*

*Разорвали мы серые тучи,
Над страной весна расцвела,
И, как Волга, рекою могучей
Наша вольная жизнь потекла!*

Существование стокгольмского синдрома известно ученым давно. Об этом, например, писала еще дочь основателя психоанализа Анна Фрейд в 1936 году. Феномен обожания грубого насилия многократно исследовался на примерах сексуального рабства и архаичных семейно-бытовых отношений, которые, очевидно, господствовали и в России с древних времен. Вот что пишет один из самых сдержанных иностранцев, побывавший в Московии первой четверти XVI века, – Сигизмунд Герберштейн: «Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: «Дражайший супруг, почему ты меня не лю-

бишь?» Муж ответил: «Да я сильно люблю тебя». – «Но у меня нет еще, – говорит жена, – знаков любви». Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: «Ты ни разу меня не ударил». – «Побой, – ответил муж, – разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану». Таким образом, немного спустя он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги». Может, эту историю стоит отнести к длинному списку клеветнических измышлений о России, – например, тот же Олеарий отказывался в нее верить, – но как быть с русской народной поговоркой, дожившей до наших дней: «Бьет – значит любит».

«Домострой» середины XVI века наставляет: «Любя же сына своего, увеличивай ему раны... воспитай дитя в запретах... не улыбайся ему, играя... И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет». А вот о женах: «Жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, как душу спасти, Богу и мужу угодить... и во всем покориться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться...» А это уже про всех домочадцев – и детей, и жен, и слуг: «Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно, и больно, и страшно, и здорово». Таким образом, любовь, по мысли автора «Домостроя», – это прежде всего воспитание покорности с помощью наказания и запретов. «Не улыбайся ему»!

Можно спорить о том, чье влияние было определяющим: семьи на государство или государства на семью, однако очевидно, что речь идет об общих принципах построения и функционирования иерархических сообществ в России. Характерно заимствование государством семейных метафор, которые становятся ключевыми в описании взаимоотношений страны и ее хозяина. «Царь-батюшка» – это не официальный титул, но абсолютно естественный оборот для русской речи. В 1721 году Петру Великому вместе с императорским достоинством уже абсолютно официально присвоили звание «отца отечества». Обычным же обращением к императрицам, которые правили Россией почти весь XVIII век, становится домашнее слово «матушка». Чего удивляться, что и Сталин удостоился канонического титула «отец народов», в то время как за Лениным в советском эпосе закрепился эпитет «дедушка». «Путин – это отец нации, его нельзя в чем-то обвинять», – заявляет уже наш с вами современник Арам Габрелянов, хозяин Lifenews и издатель газеты «Известия».

Поскольку современный режим в России стилистически постмодернистский, власть не ограничивается какой-то одной метафорой. Уже в начале нулевых возник политиколовой хит «Такого как Путин». В информационном пространстве периодически всплывают данные каких-то исследований, согласно которым каждая третья женщина видит во сне Путина. В честь дня рождения Путина студентки снимаются голыми для специального календаря, как бы «отдаваясь» ему, хоть и на фотографиях. Сам Путин играет роль хрестоматийного мачо, он охотно позирует с обнаженным торсом, на коне, с кинжалом на поясе, с тиграми, во главе стаи птиц или вот с та-а-кой рыбой. «Отец», очевидно, не самая главная и не самая важная из его ипостасей. Путин, скорее, возлюбленный нации или, говоря современным языком, ее гражданский муж.

Таким образом, Россия до сих пор не вырвалась за пределы брачно-семейной и гендерной метафоры, которая заменяет нам рациональную политическую мысль. Более того, наш язык в описании взаимоотношений власти и общества становится все более беззащитным. В прямом смысле слова. «Отец» легко превращается в «любownika» или «твердую руку» при жарком одобрении ширнармасс. «Бьет – значит любит», считает русский народ.

Минное поле истории

Конечно, психологические конструкции – важные, но все-таки шаткие основания для многовекового господства одного человека над громадной страной. Повторюсь: это, скорее, защитный механизм, выработанный сознанием народа и позволяющий людям примириться с неизбежностью такого господства: «Нам нужна твердая рука», как той барышне из рассказа Герберштейна нужны были «знаки любви» от мужа. Безусловно, власть в России обладает исключительными ресурсами, которые обеспечивают ее почти полную автономию от общества. Именно это является реальной причиной наличия в России «твердой руки». Нужна ли она нам, обществу, на самом деле? Или это иллюзия больного сознания? Способен ли русский человек к демократии, самоуправлению и самоорганизации? Или он только и умеет, что воспроизводить навязанную государством модель почти биологического господства – подчинения, едва сам добивается власти над себе подобными, хотя бы и в микромире казанского отделения полиции «Дальний»?

Однозначного ответа на все эти вопросы, разумеется, нет. Уже тот факт, что Россия за истекшую тысячу лет так и не сумела создать устойчивые институты гражданского общества, говорит сам за себя. Ни земства, ни Дума не пережили революцию 1917 года, хотя оба института ее, несомненно, готовили. В Англии в 1642–1649 годах именно парламент, основанный в XIII веке, возглавил революцию. Во Франции 1789 года это были Генеральные штаты, впервые созданные в XIV веке. Они сначала объявили себя Национальным собранием, а меньше чем через месяц – Учредительным. Самым устойчивым российским парламентом оказалась Государственная дума, учрежденная в 1905 году Борисом Ельциным и существующая дольше, чем ее прообраз времен Николая II. Тогдашняя Дума протянула 11 лет, с 1906 по 1917 годы. Нынешняя насчитывает уже 21 год, хотя за последние примерно десять лет из народного представительства она мутировала в бутафорскую виньетку на здании российской государственности. В этом смысле Дума Ельцина – Путина повторила судьбу Советов рабочих, солдатских и прочих депутатов, которые впервые возникли в 1905 году как органы политической самоорганизации населения, альтернативные имперской государственности. Но в СССР советы превратились в декор, призванный придать диктатуре большевиков легитимный демократический характер.

Тем не менее я бы не рисовал историю страны беспросветным авторитарным мраком. В этом давно заключается одна из целей официального историописания, которое пытается убедить нас в том, что «твердая рука» – спасительное благо для страны. Якобы так было всегда, так и будет впредь. Феодальная раздробленность, боярский сепаратизм или смута трактуются не как закономерные явления,

у которых были объективные причины. Нет, их изображают своего рода национальной трагедией. Ослабление государства – настойчиво внушают нам – это всегда трагедия. Именно гибель СССР, а не его рождение – «геополитическая катастрофа» XX века. Борьба сильных со слабыми, например, Ивана Грозного с боярами и Новгородом, Петра – со стрельцами, а с недавних пор и Николая I с декабристами, Столыпина – с революцией 1905–1907 годов трактуются как схватка добра со злом, правды с ложью. Несмотря на развенчание Сталина, низвержение его в самые мрачные бездны ада еще на XX съезде КПСС, официальная историография находила и находит достоинства даже у него. Зато мы выиграли войну. Зато он был «эффективным менеджером» и прочее в том же духе. Так нас пытаются убедить в неизбежности жертв, принесенных Сталиным. Он как слабителное – неприятно, конечно, но такова была необходимость, согласно анамнезу.

Между тем существовала и другая история нашей страны, которую тщательно прятали от досужего взгляда. Речь вовсе не идет об истории так называемого «освободительного движения» в России. Ею как раз отбили все почки советским школьникам. У Ленина должна была быть убедительная генеалогия, не хуже романовской. Радищев разбудил декабристов, декабристы – Герцена, он стал звонить в «Колокол» и т. д. Примечательно, однако, что рассказ о народных восстаниях и революционном движении еще со времен Сталина уживался с откровенной апологией самого деспотичного самодержавия образца Ивана Грозного или Петра Великого. Вот знаменитые размышления Сталина об Иване Грозном: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее». Остается только посочувствовать российской историографии, которой пришлось выявлять эти пять боярских семейств, очевидно, взятых Сталиным с потолка. Симптоматично, что в целом Иван Грозный Сталину был ближе, чем Петр: «Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а Петруха открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев» (из беседы Сталина с Эйзенштейном и Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный», 1947 год).

В причудливом мире так называемого исторического материализма ученым приходилось изображать нарастающие классовые борьбы, одновременно восхвалять крайние формы деспотизма, критикуя его же за репрессии против «освободительного движения», и, наконец, превозносить интернационализм, ненавидя при этом Запад. Фуэте наших профессоров истории много превосходили искусство Галины Улановой, да что там – всего Большого и Кировского балета, вместе взятых. И на этом минном поле отечественной истории еще приходилось прятать от народонаселения действительно важную часть прошлого страны, которая сулила иной, человеческий путь развития.

Николай УСКОВ

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОТ ВЕЧЕ ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Представление об отсутствии в истории России развитых демократических институтов, об огромной в сравнении с Западной Европой роли авторитарных лидеров является общим штампом либеральной историографии. В наиболее запущенной форме этот стереотип превращается в откровенно русофобские обвинения русского народа в некоей врожденной рабской покорности и неспособности к усвоению западных ценностей. Вместе с тем анализ исторического материала говорит об обратном. На протяжении столетий, с момента формирования державы Рюриковичей и вплоть до большевистского переворота, в России происходило планомерное развитие традиций местного самоуправления и словесного представительства.

Дефицит источников не позволяет сделать однозначного вывода о роли и составе участников народных собраний у восточных славян в догосударственную эпоху. Неясна и их связь с древнерусскими вечевыми собраниями. Однако, учитывая то, что вече были порождением городской культуры, по всей видимости, они были явлением новым, возникшим уже после объединения Рюриковичами восточнославянских земель.

Неоднократно о роли городских собраний применительно к событиям X-XI веков говорит «Повесть временных лет». Так, после неудачной осады печенегами Киева в 968 году киевляне отправили посланника к воевавшему на Балканах князю Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» (текст дан в переводе Д.С. Лихачева). В этом отрывке собрание горожан предстает способным подвергнуть критике действия самого киевского князя.

Само слово «вече» впервые употребляется в летописи в отношении собрания горожан Белгорода, подвергнувшегося атаке печенегов в 997 году. В дальнейшем положение городских вечевых собраний укрепляется, а на первое место выходят их взаимоотношения с князьями. В 1015 году жители Новгорода после погрома, устроенного скандинавскими наемниками, выступают с коллективным требованием к Ярославу Мудрому обуздать своих воинов и предоставить гарантии защиты жизни и имущества горожан. Итогом переговоров новгородцев с князем стало появление первого в русской истории сборника право-

В. Худяков. «Новгородское вече», 1861

вых норм – «Русской Правды». Дальнейшая эволюция взаимоотношений князей и городских вечевых привела к появлению правовых соглашений – «ряда», подтверждавшихся крестоцеловальными грамотами. Таким образом, древнерусский город выступает как полноценный субъект правовых отношений. Из летописных упоминаний XI-XIII веков известно о проведении городских собраний во многих русских городах: Новгороде, Киеве, Полоцке, Ростове, Суздале, Смоленске, Чернигове и т.д.

Социальный состав вечевых собраний в средневековой Руси остается дискуссионным вопросом. Первоначальное представление о подчеркнуто демократическом характере вече, озвученное дореволюционными источниками, было подвергнуто критике в советский период. Целый ряд советских историков как под копирку писали об элитарном характере вечевых собраний, его формальности. Основной причиной было, разумеется, существование заданной идеологической парадигмы, в рамках которой вся дореволюционная история рассматривалась в контексте борьбы трудящихся с эксплуататорами, а возможность социальных компромиссов в русском обществе не признавалась. Однако после 1991 года в большинстве исследований прочно утвердился тезис об участии в собрании широких масс горожан при господствующей роли боярской аристократии.

Вопреки распространенным представлениям о Владимир-Суздальском крае как колыбели тирании и азиатских порядков, развитие вечевой традиции в Северо-Восточной Руси идет теми же путями, что и в других восточнославянских землях. Более того, городские собрания Ростова, Суздаля, Твери и Владимира продолжают играть важную

А. Рябушкин.
«Михаил Фёдорович на собрании боярской думы», 1893

роль и после Батыева разорения. В 1262 году практически одновременно в целом ряде городов – Ростове, Владимире, Ярославле, Суздале, Устюге, Угличе – вспыхнули восстания против монголов, по всей видимости, подготовленные и спланированные на вечевых собраниях. В 1293 году, во время нашествия на Русь «Дюденовой рати», угроза разорения родного города объединила тверичей. На вече «Тфериичи целоваша крестъ, бояре къ чернымъ людемъ, также и черныя люди къ бояромъ, что стати съ единого, битися съ Татары». В итоге Тверь не была разорена.

Но монгольское разорение, сопровождавшееся уничтожением десятков русских городов, а начиная со второй половины XIV века – укрепление института княжеской власти привели к постепенному замиранию вечевой традиции. Исключение составили земли Северо-Западной Руси, где вечевые собрания существовали вплоть до вхождения Новгородской и Псковской республик в состав Московского княжества (в 1478 и 1510 годах).

Нельзя сказать, что угасание вечевой традиции привело к исчезновению традиций самоуправления в Северо-Восточной Руси. Уже Иваном III в конце XV столетия предпринимались попытки привлечь к местным делам представителей «тяглового» населения в лице старост, соцких, «лучших людей». Однако подлинное возрождение традиций народного представительства произошло в середине XVI века и связано с деятельностью Земских соборов.

Истоком Земских соборов стала т.н. «губная реформа», начатая Иваном Грозным в 30-х годах XVI столетия. Губные грамоты, выдававшиеся отдельным уездам Русского государства, давали местным жителям, а именно «детем боярским, отчинником и помесчиком, и всем служилым людем, и старостам, соцкым, и десятцким, и всем крестьяном моим великого князя и митрополичим, и владычним, княжим, и боярским, и поместчиковым, и монастырским», возможность поддерживать порядок в родных местах, вести борьбу с «лихими людьми». Эта обязанность вменялась выборным «губным старостам».

Именно органы местного самоуправления стали первичными формами самоорганизации населения, позволившими царской администрации реализовать в середине XVI века идею создания «русского парламента», а самой России – пойти по пути превращения в сословно-представительную

монархию, наравне с другими европейскими странами. За период с 1549 по 1683 год было проведено 57 Земских соборов, о которых есть достоверные сведения. Однако, по всей видимости, их было больше. Так, С.О. Шмидт пришел к выводу, что, помимо известных науке соборов, были еще соборы в 1547, 1552, 1555-1556, 1564-1565, 1571, 1575 годах. В целом же на протяжении полутора столетий соборы созывались каждые два года. Большая часть Земских соборов собиралась для принятия решений по вопросам внешней политики или, как и в Западной Европе, налогообложения. Например, собор 1653 года был созван по вопросу начала войны с Польшей и присоединения Украины.

Первые Земские соборы эпохи Ивана Грозного представляли собой учреждения, не имевшее четкой структуры, собираемые в чрезвычайных обстоятельствах. Однако уже в этот период они начинают играть все большую роль в коллегиальном принятии решений по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Именно Земский собор 1566 года вынес решение о продолжении Ливонской войны.

Социальный состав Земских соборов был схож с составом подобных сословно-представительных органов, существовавших в это время в Западной Европе. По данным В.О. Ключевского, проанализировавшего список участников Земского собора, собравшегося в 1598 году для избрания на царство Бориса Годунова, наиболее полно было представлено военно-служилое сословие: 267 (52% участников) дворян и детей боярских. Помимо них, в избрании Годунова приняли участие члены боярской думы, дьяки московских приказов и представители посадского населения. Собор 1598 года знаменовал собой начало эпохи расцвета Земских соборов, с этого момента решавших ключевые для государства вопросы, в том числе избрание царей. Именно таким путем взшел на трон и Василий Шуйский. Судьбоносным для России стал Земской собор 1613 года, проведенный после успеха героического похода Второго народного ополчения, освободившего Москву от поляков.

Собор 1613 года стал поистине всенародным и самым демократическим по составу участников: в его работе приняли участие и черносошные крестьяне. Выбрать представителей было решено «из игуменов, и из протопопов, и из посадцких и из уездных людей, и из дворцовых сел и из черных волостей десяти человек лутчих, и разумных, и постояльных людей... к Москве о божьем и земском о большом деле на договор». Подобные грамоты были разосланы в десятки городов по всей Русской земле. Итогом работы собора, как известно, стало избрание на царский трон первого представителя рода Романовых – Михаила Федоровича, чьи потомки более 300 лет будут править Россией, превратив ее в Империю.

Но вернемся к Земским соборам. «Русский парламент» в конце XVI – первой трети XVII века превращается в сложнейший государственный аппарат, в обеспечении деятельности которого принимал участие целый ряд приказов – Казенный, Разбойный, Земский, Челобитный, – занимавшихся организацией и проведением выборов

участников собора, составлением необходимых документов. В 30-40-е годы XVII века соборы решают ряд важнейших вопросов, касавшихся взаимоотношений с Крымским ханством, в частности обсуждают судьбу Азовской крепости, захваченной и удерживаемой донскими казаками. Но уже в середине века институт Земских соборов быстро приходит в упадок. Исследователи называют целый ряд причин, среди которых укрепление царской власти, активная деятельность патриарха Никона и развитие воеводской системы, негативно повлиявшей на самоорганизацию представителей сословий на местах. Один из последних Земских соборов 1682 года касался избрания царем сына Алексея Михайловича – молодого царевича Петра, творца Российской империи.

Правление Петра I знаменует собой начало периода укрепления вертикали императорской власти. В дальнейшем все попытки реформ местного самоуправления так и оставались незавершенными – вплоть до правления Александра II.

Нас же интересует Земская реформа, возродившая традиции местного самоуправления в европейской России. Согласно Указу от 1 января 1864 года, губернские и уездные земские учреждения вводились в 34 губерниях европейской России. В 1911 году земское самоуправление было распространено на 6 губерний Западного края (Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую), а в 1913 – также на Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую.

Будучи выборными органами, включавшими представителей дворянства, городского и крестьянского населения, земства ведали широчайшим кругом вопросов, в частности строительством школ, больниц и дорог, оплатой труда народных учителей и врачей. Несмотря на большую роль в земских собраниях и управах представителей местного дворянства, земства стали первыми органами самоуправления, в работе которых на регулярной основе принимали участие крестьяне. На 1883-1886 годы представители крестьянских общин составляли 38,5% членов уездных земских собраний. В связи с этим бесспорным представляется тезис о тесной связи между появлением земств и развитием гражданского общества. Уездные земства стали также стартовой площадкой для множества будущих российских парламентариев.

Хотя учреждение Государственной думы стало возможным после манифеста императора Николая II от 6 августа 1905 года, сама идея создания законодательного органа обсуждалась представителями политической элиты Российской империи на протяжении всего XIX века. Первый подобный проект был озвучен сподвижником Александра I М.М. Сперанским в 1809 году. Спустя десятилетие, в 1820 году, канцелярией Н.Н. Новосильцева

была составлена «Государственная уставная грамота Российской империи», предусматривавшая создание двухпалатного парламента. Наконец, активно обсуждалась возможность создания парламента в годы Великих реформ Александра II.

Первое заседание Государственной думы прошло в торжественной обстановке в здании Таврического дворца (этому предшествовала встреча депутатов с императором в Зимнем дворце), ознаменовав рождение российского парламентаризма эпохи модерна. В отличие от первых двух созывов Государственной думы, ставших жертвами борьбы с императором и премьер-министром П.А. Столыпиным, III и IV созывы проработали целое десятилетие, половина которого пришлась на годы Мировой войны.

Все это десятилетие Дума работала в условиях существования ярко выраженных левого и правого флангов, причем бросается в глаза заметное представительство русской национальной фракции. Так, из 446 депутатов III созыва 91 принадлежал к фракции русских националистов и умеренно правых, в Думе IV созыва таковых было 88. В ходе своего существования партия активно сотрудничала с октябристами и крайне правыми. Всего же представителей правого фланга (националистов, крайне правых и октябристов) в Думе образца 1912 года насчитывался 251 человек.

Несмотря на отречение императора и поражения на фронтах Первой мировой, Государственная дума продолжала свою работу вплоть до октября 1917 года, когда была распущена Временным правительством, активно подталкивавшим Россию к пропасти. Уже чувствовалось дыхание кровавого ноября и приближение большевистской диктатуры. Отречение государя и роспуск Государственной думы положили конец тысячелетней традиции диалога власти и общества. Традиции, без подлинного возрождения которой невозможно построение демократического государства.

Павел СТЕПАНОВ

В. Поляков. «Тронная речь Николая II во время открытия I Государственной думы в Зимнем дворце», 1907

ИСТОРИЯ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ

Когда речь заходит о российской оппозиции, вспоминается знаменитая шутка из фильма Эльдара Рязанова «Гараж»: «Интересная у вас профессия – вы занимаетесь тем, чего нет!»

Все, конечно, не так однозначно. Существовала ли, и есть ли оппозиция в России? Безусловно. Является ли она оппозицией в общемировом понимании этого слова? Не вполне.

По сути, Россия никогда не испытывала потребности в оппозиции как социальном институте. Оппозиция никогда еще не приходила в России к власти нормальным законным путем. Прошлое российской оппозиции в основном мрачно, а перспективы туманны.

Что такое оппозиция?

Борьба за власть присуща любому людскому сообществу. В этом смысле оппозиция была и в первобытном племени.

Но обычно в данное понятие вкладывают более узкий и конкретный смысл.

Во-первых, это не просто драка для выяснения того, кто сильнее и главнее. Оппозиция всегда предлагает обществу некую альтернативу и этим обосновывает свои притязания. Главный лозунг любой оппозиции: «Мы знаем, как сделать лучше!».

Во-вторых, заговорщики оппозицией не являются. Оппозиция выступает открыто и публично. Чтобы в стране имела оппозиция, власть должна признавать за ней право на существование.

С этим в России всегда были проблемы. Начиная с XIII века, в Московской Руси нация отождествлялась с госу-

дарством, а государство – с правителем намного сильнее, чем на Западе. Попытки ставить ему палки в колеса рассматривались в лучшем случае как вредная дестабилизация, а в худшем – как национальная измена. Народ в большинстве случаев видел в оппозиционерах не защитников его прав, а самовлюбленных эгоистов.

Иногда правительство терпело оппозицию как полезный инструмент для выпуска пара и потому, что «в Европе так принято». Но мысль о том, что оппозиция может прийти ему на смену, для правительства всегда была нестерпима.

Этим, видимо, объясняется одна характерная особенность российской оппозиции. Скажем, в Британии уже с XVII века в центре общественных дискуссий были налоги, внешняя торговля, правила предпринимательства. В России все и всегда вертелось вокруг одного вопроса: отношений между обществом и верховной властью.

Только в последние годы экономические проблемы стали занимать важное место в национальной повестке дня.

Иосифляне и нестяжатели

Первый настоящий гражданский конфликт – с партиями, программами, публичными дебатами – случился на Руси в начале XVI века.

В нем тесно переплелись религия и политика. Так было и на Западе. Для людей той эпохи не существовало ничего важнее вопросов веры и церковной жизни. Английское

П. Рыженко. «Князь Курбский»

общество расколосось на сторонников епископальной церкви, пресвитериан и католиков задолго до появления тори и вигов. Первой, по сути, настоящей политической партией нового времени стала Католическая лига, созданная во Франции в середине XVI века.

Иосифляне, названные так по имени их лидера, митрополита Иосифа Волоцкого, выступали за активное участие церкви в политике и экономике, а лучшим средством спасения души почитали денежные пожертвования церквям и монастырям.

Главный идеолог нестяжателей Нил Сорский считал, что церковь не должна владеть землями и крепостными, и требовал от верующих труда, молитвы и покаяния.

Великий князь Василий III был не прочь взять в казну церковные угодья, и поначалу вроде бы склонялся на сторону нестяжателей. Но затем верх взяли иные соображения.

Иосиф Волоцкий возглашал, что монарх «только телесным естеством подобен человеку, властью же сана яко от Бога», и призывал выполнять его волю «как если бы Господу работали, а не человеку». Нил же Сорский учил, что душа у великого князя такая, как у остальных людей, и спасать ее надо, как и всем.

Проповедь нестяжателей признали ересью. Правда, репрессий не последовало.

«Князь Курбский от царского гнева бежал»

Первым российским политическим оппозиционером, публицистом и правозащитником следует, видимо, считать князя Андрея Курбского.

Иван IV в начале царствования был вовсе не «Грозным», а вполне вменяемым человеком. Собрав вокруг себя дельных помощников – так называемую Избранную

раду, в которую входил и Курбский, – он проводил разумные реформы в законодательстве, государственном управлении и военном деле.

Историки до сих пор спорят, какая именно муха укусила царя, но в 1560 году он разогнал прежних соратников, а еще через четыре года развязал террор, в котором погибли около трех тысяч бояр и, по разным оценкам, от 100 до 300 тысяч простых людей.

Курбский был вынужден бежать в Литву.

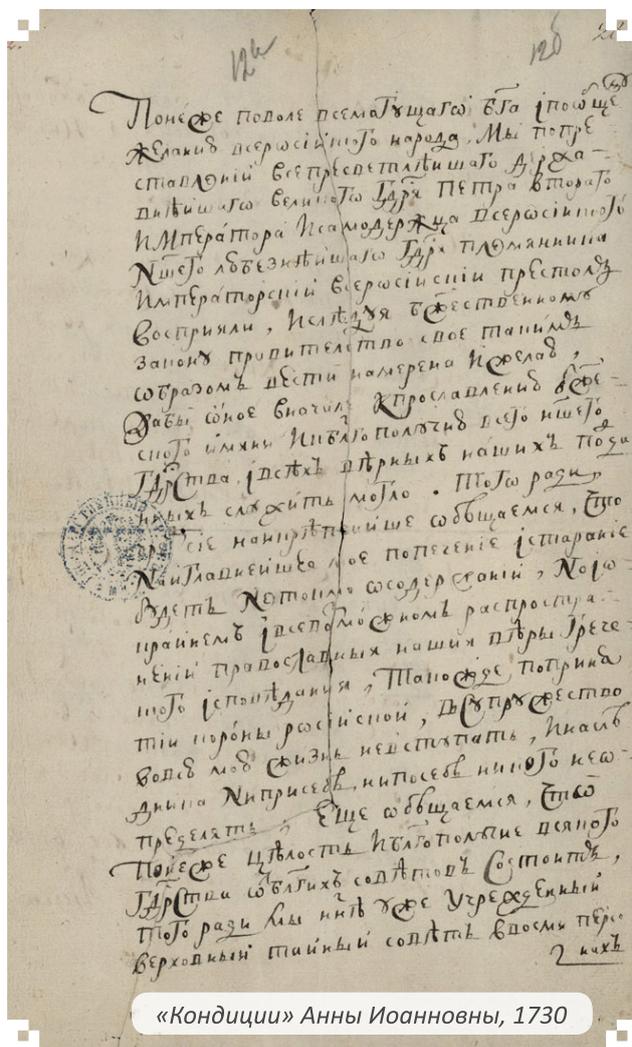
Но прославился он не этим, а своей последующей перепиской с Иваном Грозным. Известны три его послания царю и два ответа Ивана, скорее напоминающие политические и философские трактаты.

Легко понять желание изгнанника наконец открыто высказать все, что наболело. Труднее объяснить, зачем царь тратил время на полемику с человеком, которого сам называл «собакой» и «беглым рабом». Видно, тема брала Ивана за живое, важно ему было что-то доказать, не столько Курбскому, сколько самому себе.

Оба оппонента верили в Божественную природу царской власти, но понимали ее по-разному.

Курбский считал, что Господь вручает правителю венец на определенных условиях, что у того имеются не только права, но и обязанности, и не худо бы ему иногда сомневаться в своей правоте.

Иван отстаивал идею о двуединой природе царя, который перед лицом Всевышнего является человеком, а по

«Кондиции» Анны Иоанновны, 1730

Л. Каравакк. «Портрет Э.И. Бирона», 1730

отношению к остальным людям – земным богом, воля которого ничем не ограничена и не ставится под сомнение.

Вся идеология Курбского содержится во фразе, обращенной к царю: «Яко Сатана, Богом себя возомнивший».

Иван тоже сумел выразить свои взгляды в одном предложении: «Почто не восхотел от меня смерть прияти?». Очевидно, он считал священным долгом подданного лечь на плаху, если так захотел царь, и не спрашивать, за что и почему.

Первая народная оппозиция

Первым оппозиционным движением в России, охватившим массу людей и все классы общества, стало старообрядчество.

Правительство ответило жестокими репрессиями, вплоть до сожжения на костре тех, кто публично отстаивал свои взгляды.

Как в царские, так и в советские времена старообрядцев изображали бессмысленными упрямыми и дремучими реакционерами, называли уничижительным словом «раскольники».

С одной стороны, они действительно были яркими противниками просвещения, любых перемен в обществе и всего нерусского.

С другой – боролись за право каждого человека судить о жизни и вере и поступать по собственному разумению и совести, а не как велит начальство. Старообрядцы много читали, размышляли и спорили, отличались честностью и трезвостью, напоминая этим европейских протестантов.

А за царем и патриархом Никоном пошло не рассуждающее послушное большинство.

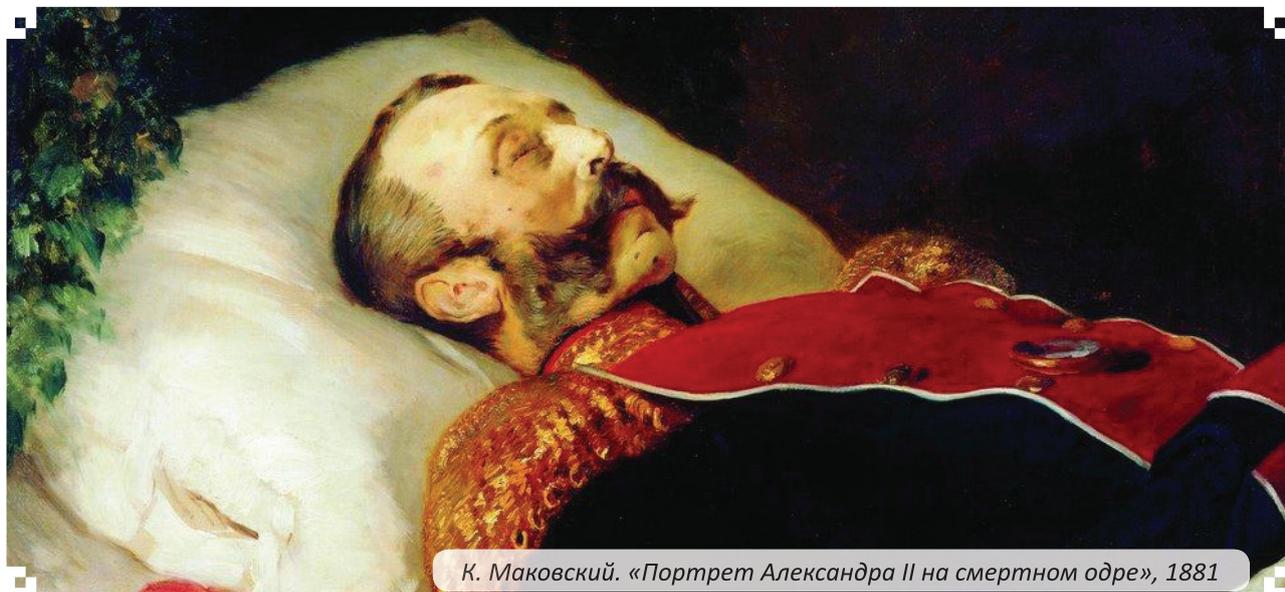
Первая попытка ограничения самовластия

Широко известна история о том, как семь влиятельных вельмож, входивших в сформированный после смерти Петра I Верховный Тайный Совет, в 1730 году в обход родной дочери и внука покойного императора пригласили на престол его племянницу, вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, и поставили ей при этом ряд условий.

«Кондиции» давали российскому монарху меньше полномочий, чем английскому королю. Управление страной переходило к Верховному Тайному Совету.

Так бы оно, вероятно, и случилось, но предыдущий император, Петр II, скончался незадолго до собственной свадьбы, праздновать которую в Москву съехалось около 10 тысяч дворян – примерно половина всего благородного сословия.

Как учили в дореволюционной гимназии и советской школе, эти честные патриоты возмутились «затейкой» тогдашних олигархов – «верховников» – и встретили новую императрицу просьбой восстановить исконно русский порядок. Вот только отблагодарила она их плохо, передав власть своему фавориту Бирону и введя режим тотальной слежки и репрессий.

К. Маковский. «Портрет Александра II на смертном одре», 1881

Профессор Андрей Буровский в своей книге «Россия, которой не было», доказательно пишет о том, что дворяне на самом деле хотели не самодержавия, а участия в управлении государством для всего сословия.

В ожидании приезда Анны в Москве бурлили политические страсти. Дворяне собирались друг у друга, вели жаркие споры, со знанием дела обсуждали британскую, шведскую и польскую модели, составляли «прожекты» и петиции. Только подписавших подобные документы оказалось более 600 человек, а сколько еще участвовало в устных дебатах?

Так что у правительницы были основания не очень доверять верноподданническим чувствам дворян.

Ошибка «верховников», кончивших жизнь в тюрьмах и на эшафоте, заключалась в том, что они позаботились лишь о себе и ничего не предложили дворянству, не говоря уж о народе.

Беда дворян – в том, что было их много, и они не сумели или не успели договориться. В наличии не оказалось ни лидеров, ни единой программы – только сырые и противоречившие друг другу «прожекты».

С тех пор и до нашего времени неумение договариваться и объединяться остается одной из главных проблем российских демократов. Тогдашним мечтателям о шляхетских вольностях и британском парламенте история отпустила считанные дни. Но, как показали последующие события, и долгих лет оказывается мало.

«Заморозки» и «оттепели»

Полтора столетия – от Петра I до его праправнука Николая I – никакой легальной оппозиции российское самодержавие не допускало. Заговоры «гвардейского столетия» и тайные общества декабристов – это по другой части.

Единственным классом общества, мнение которого хоть как-то учитывалось, было дворянство. По сути, оно и являлось нацией в политическом смысле этого слова.

Петр III и Екатерина II дали дворянам широчайшие личные права, но, в отличие от английских лордов и испанских грандов, самостоятельной политической роли русские помещики не играли. Как говорил сподвижник Петра I генерал Вельяминов, «прав или не прав человек – зависит от места, кое он занимает в табели о рангах».

Есть мнение, что ужесточение крепостного права в XVIII веке стало результатом негласной договоренности между правительством и дворянством. Помещик был политически бесправен, зато в своем маленьком королевстве мог самовыражаться, как хотел. Кто-то играл в восточного владыку и заводил гарем, другой воображал себя просвещенным монархом и учреждал суд присяжных для рассмотрения проступков мужиков и баб.

В эту эпоху сложилась характерная особенность российской политики, существующая поныне: непрерывное чередование «заморозков» и «оттепелей», жестких и относительно либеральных царствований.

Павел Милюков

Петр I исходил из того, что все обязаны служить государству, пока могут передвигать ноги, за отлынивание от службы полагается кнут, а за малейшее сомнение, куда ли ведет страну царь – смертная казнь.

Екатерина II позволяла несогласным жить частной жизнью и вести вольные речи у себя дома – пока они не представляли реальной угрозы существующему порядку.

Нечто похожее происходило и в XX веке.

Лев Троцкий на смертном ложе

«Либералы» и «ретрограды»

Более или менее нормальная политическая жизнь в России началась при Александре II. Главные ее особенности, сложившиеся тогда, не исчезли по сей день.

Партии «либералов» и «ретроградов» возникли почти немедленно. Вся страна знала, кто есть кто. Но авторитарная власть всегда с подозрением относится к попыткам самоорганизации подданных, особенно стоящих близко к трону. Поэтому «либералы» и «ретрограды» не имели организационных структур и формальных лидеров, и именовались не партиями, а «направлениями».

«Направления» будут и при Хрущеве, и при Горбачеве, и при Путине: например, в лице «кремлевских» и «питерских» или «экономистов» и «силовиков».

От обычных придворных партий «направления» отличаются тем, что все-таки пользуются преимуществами гласности и вступают в публичную полемику. При этом каждая сторона уверяет, что выражает подлинное Высочайшее мнение, а его носитель ведет себя так, что порой бывает трудно сказать, кто, собственно, власть, а кто - оппозиция.

При демократии все просто и ясно: партии соперничают за голоса избирателей, победители на выборах формируют правительство, проигравшие в ожидании следующих выборов пытаются убедить народ, что его решение было не самым оптимальным.

При режиме личной власти судьбу политиков решают не граждане, а один, зато самый главный избиратель. Посягательства на его прерогативы подавляются немедленно и жестко. Поэтому оппозиция стремится не сместить, а переубедить его, навязать себя в качестве лучших советчиков и друзей.

Для европейского ума непостижимо, как партии «Единая Россия» и «Справедливая Россия» могут соперничать друг с другом и одновременно утверждать, что

они обе «за Путина». Для знакомого с российской историей в этом нет ничего удивительного.

В царствование Александра Освободителя, кроме «либералов» и «ретроградов» появились «нигилисты» – те, кто считал бессмысленным упрашивать царя и, будучи не в состоянии добиваться своего через выборы, встал на путь радикальной борьбы с Системой.

Вечное деление оппозиции на «системную» и «несистемную» – еще одна особенность России.

Первый парламент

Еще один шаг в сторону европейских ценностей был сделан после издания манифеста 17 октября 1905 года. В России появился парламент и легальные политические партии. Прежде партии были под запретом. Исключение составляли эсеры и эсдеки, действовавшие в подполье. С октября 1905-го по апрель 1906-го, когда состоялись выборы, сформировалось несколько вполне политически дееспособных и представительных партий.

Лидер кадетов Павел Милюков, влюбленный в британскую конституцию, называл своих сторонников «Оппозицией Его Величества». Однако это было хорошей миной при плохой игре. Исполнительную власть по-прежнему формировала не Дума, а значит, не было ни правящей партии, ни оппозиции в европейском понимании этого слова.

В 1915 году формат Думы изменился. Умеренные монархисты, октябристы и кадеты образовали «прогрессивный блок», добивавшийся устранения Распутина, ослабления политического влияния императрицы и «ответственного министерства». Однако в реальной политике ничего не изменилось. Возникло парадоксальное положение, когда парламентское большинство в общегосударственном масштабе являлось оппозицией.

Межрегиональная депутатская группа

Такова же была ситуация с коммунистической Думой второй половины 1990-х годов.

Советская эпоха

В начале 20-х годов термином «оппозиция» широко пользовались Троцкий и его сторонники. Выходил даже печатный «Бюллетень оппозиции».

Существовали и другие течения, о которых сегодня помнят лишь профессиональные историки – «децисты», «сапроновцы», «рабочая оппозиция» Шляпникова и Коллонтай.

Уже в марте 1921 года X съезд РКП(б) принял специальную резолюцию «О единстве партии», запрещавшую создание фракций и платформ.

С некоммунистическими партиями к тому времени давно покончили.

Драматург Михаил Шатров в раннеперестроечные годы выдвигал версию, будто Ленин под конец жизни думал о переходе к многопартийной системе, однако достаточного подтверждения она не нашла.

Точку в дискуссиях об оппозиции поставил Николай Бухарин, заявивший на одном из партийных форумов под хохот и одобрительные выкрики: «В Советской стране могут быть только две партии: одна у власти, другая в тюрьме!».

С тех пор оппонентов власти в СССР называли по-всякому: «врагами народа», «предателями», «диссидентами», «антипартийной группой» и даже «бешеными псами», но «оппозицией» – никогда.

«План Яковлева»

В 1985 году в России, а точнее в Советском Союзе, началась очередная «оттепель».

Главный идеолог перестройки Александр Яковлев в своих воспоминаниях рассказывал, что еще в 1985 году предложил Михаилу Горбачеву начать реформы с КПСС.

Предполагалось провести общепартийную дискуссию, по ее итогам разделить КПСС на две партии – либеральную народно-демократическую и традиционалистскую социалистическую – провести выборы в Верховный Совет и поручить победителям формирование правительства.

По замыслу Яковлева, обе партии должны были заявить о приверженности базовым ценностям социализма, вступить в альянс под названием Союз коммунистов, делегировать в состав его Центрального совета равное количество членов, а председателя совета выдвинуть совместным кандидатом на пост президента СССР.

Кому предназначалась эта роль, догадаться несложно, но Горбачев идею не поддержал. Оппозиция начала формироваться вне КПСС, в форме Народных фронтов в Латвии, а затем и в других республиках.

На первых порах они не называли себя оппозицией, а наоборот, выступали под лозунгами поддержки Перестройки и Горбачева.

Политическая конструкция, в которой две партии, соперничающие друг с другом на выборах, одновременно входят в некую коалицию с единым лидером, явила бы миру очередное «русское чудо». Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что реализация «плана Яковлева» позволила бы плавно перейти к многопартийной демократии и избежать развала СССР.

Все впервые

Весной 1989 года в СССР впервые прошли альтернативные выборы. Еще не была отменена однопартийная система, кандидаты выдвигались собраниями граждан и агитировали за себя в личном качестве.

В мае на I съезде народных депутатов была создана первая же в советской истории организационно оформленная и открыто оппозиционная структура – Межрегиональная депутатская группа.

Ее сопредседателями стали Борис Ельцин, Андрей Сахаров, Гавриил Попов, Юрий Афанасьев и эстонский академик Виктор Пальм.

Назвали ее так потому, что в первый день работы съезда секретариат предложил депутатам разделиться на группы не по убеждениям (подразумевалось, что они у всех одинаковые), а по регионам.

Саму идею оппозиции многие встречали в штыки. Те депутаты, которых Афанасьев окрестил «агрессивно-послушным большинством», в обличительном тоне говорили о «межрегионалах»: «Да они же просто-напросто к власти рвутся!». Простой вопрос – зачем вообще заниматься политикой и участвовать в выборах, если не рваться к власти? – видимо, не приходил им в голову.

Попытки создания двухпартийной системы

В 1989-1991 годах деление на власть и оппозицию происходило предельно просто. Любому кандидату люди задавали один вопрос: «Вы за Ельцина или против?», – и в дальнейшие подробности не вдавались.

Когда исчез главный противник в лице КПСС, начали твориться на первый взгляд удивительные вещи. Например, около 300 российских депутатов, баллотировавшихся в 1990 году как сторонники Ельцина, сделали его самыми яростными обличителями.

Циники говорили, что на всех просто не хватило теплых мест в системе исполнительной власти. Однако во многих случаях причина была иная. В свое время эти политики выступали против коммунистов не с либеральных, а с националистических позиций.

В 90-е годы в России было зарегистрировано около сотни политических партий. Каждый мало-мальски заявивший о себе политик считал ниже своего достоинства к кому-либо присоединиться, а желал непременно быть лидером, пускай с десятком сторонников. Острый на язык народ прозвал эти партии «диванными».

Большинство историков и политологов согласны, что оптимальной для общества является англосаксонская двухпартийная модель, при которой правящая партия и оппозиция периодически меняются ролями, а на период между выборами правительству обеспечена стабильность.

При этом обе ведущие партии разделяют некие фундаментальные ценности, так что, по выражению Егора Гайдара, каждые очередные выборы не превращаются в узаконенную форму государственного переворота.

Попытки искусственно вырастить в России такую систему в 90-е годы предпринимались дважды. К выборам 1993 года были созданы «Демократический выбор» Егора Гайдара и Партия регионов Сергея Шахрая, а в 1995 году – «Наш дом – Россия» Виктора Черномырдина и Соцпартия Ивана Рыбкина.

Оба раза ничего из этого не вышло. Те, кого ход событий в стране устраивал, хотели голосовать за настоящую партию власти, а не ее бледное подобие, их оппоненты – за «настоящую» оппозицию, прежде всего в лице КПРФ.

СМИ писали, что губернаторы, которым по разнарядке велели записываться в Соцпартию, звонили в президентскую администрацию и спрашивали, за что им такая немилость.

По новому кругу?

Пожалуй, единственная реальная возможность утвердить двухпартийную систему возникла в 2000 году, когда крупные фракции в Госдуме сформировали «Единство» и «Отечество».

Особых идейных разногласий между ними не было. Личное соперничество между «кремлевскими» и «лужковскими» в ходе естественной смены поколений постепенно забылось бы, и Россия получила бы две системные, уважаемые партии – одну с чуть большим упором на централизм, другую – на защиту прав регионов.

Однако Кремль предпочел консолидацию конкуренции.

В марте 2006 года замглавы президентской администрации Владислав Сурков публично заявил о необходимости отрастить стране «вторую ногу, на которую можно переступить», когда затечет правая («Единая Россия»).

В октябре на базе трех небольших партий была создана «Справедливая Россия», которой сразу начали предрекать роль той самой «левой ноги».

Пусть «Единая Россия» ждет и трепещет», – заявил лидер новой партии Сергей Миронов на пресс-конференции после учредительного съезда.

Практически никто не сомневался в кремлевском авторстве проекта. Однако не проходило ощущение, что Кремль сам не решил, что с ним делать.

Владимир Путин мог бы посодействовать становлению двухпартийной системы, заявив накануне выборов, что «Единая Россия» и «Справедливая Россия» одинаково милы его сердцу. Но президент, как известно, принял иное решение.

Между тем реальная оппозиция уже несколько лет как отрезана от основных СМИ и источников финансирования. После «дела ЮКОСа» у российских бизнесменов исчезла охота поддерживать «не те» партии, а получе-

ние денег из-за рубежа рассматривается чуть ли не как измена.

Принятые за годы возрождения авторитаризма поправки в законодательство о борьбе с экстремизмом дают возможность подвести под это определение любую резкую критику властей.

Фактически отменено конституционное право граждан на проведение уличных шествий. Власти разрешают исключительно «неподвижные» митинги, «марши несогласных» жестко разгоняются.

Российская оппозиция снова, как во времена Александра II, разделилась на «системную» и «несистемную». Последнее время наметилась новая тенденция: власть отталкивает и тех, кто всегда хотел быть уважаемой «оппозицией его

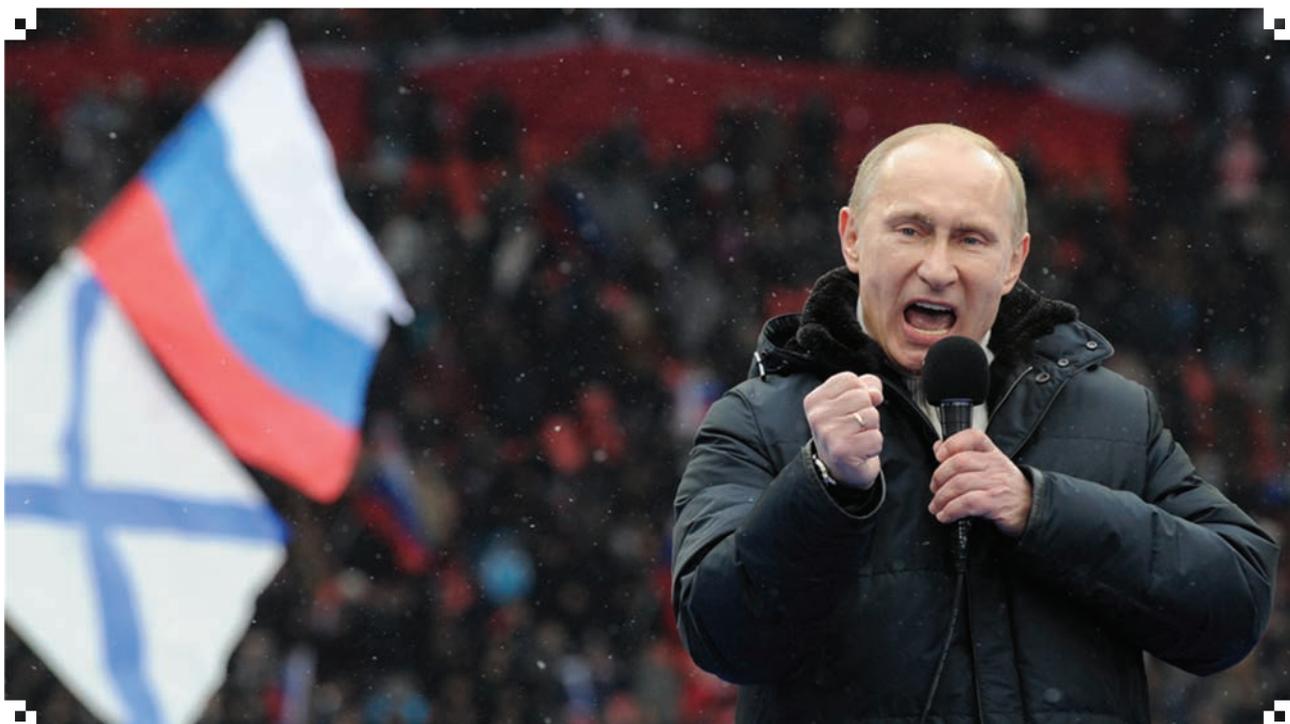
величества» и вести политическую борьбу на избирательных участках, а не на улицах.

В предвыборном выступлении в Лужниках 21 ноября Владимир Путин не упомянул о национальном согласии и диалоге, а представил всех оппонентов «Единой России» разрушителями страны, прислужниками олигархов и иностранных государств.

Сегодня в стране создается не двухпартийная, а так называемая «полторопартийная» система, как в послевоенной Японии: с одной суперпартией и маргинальной оппозицией, не имеющей реальных шансов прийти к власти в ближайшие десятилетия.

Видимо, на данном историческом витке снова возобладало мнение, что даже видимость политического плюрализма и выбора России ни к чему.

Артём КРЕЧЕТНИКОВ

РЕСПУБЛИКА СВЯТОЙ СОФИИ

С. Рубцов. «Новгородское вече»

В 1917 году пала в России последняя самодержавная монархия православного Востока. Ее предшественница и недосыгаемый образец, Византия, погибла еще в 1453 году. Теперь уже нет ни одного православного государства с самодержавно-теократической идеологией. На Балканах утвердился атеистическая тирания новейшего типа, за исключением Греции, маленького островка конституционной свободы, уцелевшей от XIX века. Но если погибли все самодержавные царства, то не погибла их идея, разделяемая пусть немногими, но страстными последователями.

Замечательно, что в России в последнее трагическое царствование, византийское теократическое сознание пережило свой мрачный расцвет. Монархия хотела быть не только неограниченной, как западный абсолютизм, уже отошедший в историю. Она хотела быть живой носительницей воли Божьей на земле, средоточием вселенской православной церкви – словом, теократией. Таково было сознание самого несчастного царя, царицы и целого ряда церковных деятелей: митр. Антония, еп. Феофила, Гермогена и других. После революции Карловацкий собор 1931 года, правда, больше под влиянием мирян, утвердил этот теократический «догмат»: нет церкви без царя, и царя самодержавного. И сейчас встречаются не только в церковных, но и в светских газетах эмиграции попытки связать живой и

вечный организм церкви с политическим мертвецом, с призраком погибшей Византии.

Здесь не место входить в богословские споры с защитниками этих теорий. Я хотел бы предложить широкому кругу читателей не более как историческую справку, показывающую, во-первых, что православная церковь могла жить веками без царя, и, во-вторых, что она могла жить и в республике, и что именно в одной из республик она осуществила теократию, параллельную теократии монархической.

Дело идет о вещах нам близких, о нашей собственной родине. Беда лишь в том, что господствующее течение русской историографии, даже либеральной (Соловьев, Ключевский), настолько было подавлено фактом «московского царства» как создателя Российской Империи, что Москва заслонила собой все предшествующие пять веков древней жизни, несравненно более богатых культурой и духовной жизнью.

Как известно, венчание на царство великого князя московского произошло лишь в XVI века (1547). Когда-то Василий I, сын Донского, говорил: «У нас есть церковь, но нет царя». И хоть патриарх Константинопольский поучал его: «Невозможно иметь церковь и не иметь царя», – но эта византийская точка зрения находила немного сторонников на Руси. В самом деле, по византийской теории вселенского царства, все христи-

ане в мире должны быть подданными одного императора. Все православные народы были его вассалами. Русские князья были пожалованы званием стольников византийского двора. Понятно, что на Руси не считались с этими теориями, унижительными для национального сознания, и ни один греческий митрополит на Руси не смог проводить их серьезно. Для наших предков греческий император был только идеальным центром христианского мира, как греческий (германский) император «оставался таким для Франции и Англии. С другой стороны, никто другой не мог притязать на его место. Хотя литургия церкви была пронизана византийскими теократическими идеями и отголоски их слышались и в церковных поучениях, ни один из русских князей не притязал на самодержавную власть. Князь был ограничен разнообразными общественными силами: воем, боярством, епископами. Для церкви это положение создавало слишком большие преимущества, особенно духовные, чтобы она стремилась разрушать собственную свободу. Обиженный князем епископ искал суда у митрополита Киевского. Киевский митрополит, назначившийся в Византии, был подсуден только патриарху константинопольскому. Вот почему он, и не играя активной роли в политике, стоял высоко над местными силами, даже над князем. Недаром один из митрополитов XII века мог говорить киевскому князю: «Мы поставлены унимать вас от кровопролития».

Иначе, чем в княжеских волостях, сложились отношения между церковью и государством в Великом Новгороде.

Но, прежде всего, нужно отвыкнуть от ходячего представления, что Новгород – это один только город со своей округой, и что, следовательно, говоря о Руси, можно обойти молчанием его исключительную судьбу. Территория Новгорода была огромна: под его властью и правом жила вся Северная Русь, вплоть до Урала, и даже захватывая край Сибири. Даже после поглощения Москвой всех княжеских уделов, владения Новгорода были обширнее московских. Правда, большая часть этих земель были пустыни, леса и тундры, населенные инородцами, среди которых были вкраплены поселки русских колонистов. Но на Западе Новгороду принадлежало немало значительных городов: Торжок, Ладога, Старая Руса, некогда и сам Псков. Здесь выросли и знаменитейшие русские монастыри: Валаам, Соловки, Кириллов, Ферапонтов на Белом озере. В истории русского искусства средних веков (XIII-XV) Новгороду принадлежит первое место. Здесь сформировался и в наибольшей чистоте сохранился велико-русский тип, вдали от татарской неволи и крепостного рабства. Здесь и сейчас фольклористы находят лучшие песни и былины, старинные костюмы и интереснейшие памятники деревянного зодчества. И, наконец, Новгород, торговавший с Ганзой, был главным на Руси окном в Европу. Прорубая вторично это окно, царь Петр создавал, что он возвращает Россию на старые новгородские рубежи. Новгородский князь Александр, победитель шведов и немцев, должен был стать ангелом новой западной Империи.

Словом, Новгород не курьезный нарост на русской жизни, но наиболее русское в ней явление, наиболее

чистое от татарской примеси, и с тем, как будто, таившее в себе возможности будущего свободного и культурного развития.

Был ли Новгород республикой? Да, по крайней мере, в течение трех с половиной веков своей истории (XII-XV). Существование княжеской власти в Новгороде не должно нас обманывать. С тех пор, как фактические прекратилось политическое единство Руси, с упадком Киевской монархии, по смерти Владимира Мономаха (1125), княжеская власть в Новгороде не была ни наследственной, ни пожизненной. В любое время народное вече могло «указать князю путь» из города. С другой стороны, князь не только не был полновластным хозяином в Новгороде, но даже не был главным лицом в его администрации. Его главное значение было военное; он был временным начальником вооруженных сил. Но даже и здесь он делил военное начальство с тысяцким. Как судья, он разделял власть с посадником и другими. Он не был даже номинальным главой города-государства. Не от его имени писались грамоты, заключались договоры. Приглашенный со стороны воем, без всяких династических прав, подобно подесту итальянских средневековых республик, князь легко включался в систему республиканских властей, «господ», правивших Новгородом. Следовательно, Новгород был действительно в течение столетий фактически республикой или, по выражению Костомарова, народоправством.

Правда, с конца XIV века Новгород перестал произвольно выбирать и менять своих князей. Великий князь Московский, уже по положению своему, признавался и князем Новгородским. Но это не увеличивало еще его прав и власти в новгородской территории. Не живя в Новгороде, он был представлен там своим наместником, который довольствовался строго определенным по договору доходами и юрисдикцией. Новгороду было выгодно такое положение, когда его военным защитником был самый сильный князь великорусского государства. А, главное, мирные отношения с ним обеспечивали беспрепятственные торговые связи с «низовой» Русью. Без подвоза хлеба с Юга Новгород не мог существовать.

Все знают, что полнота власти в Новгородской республике принадлежала вечу, или собранию всех свободных граждан. Вече выбирало все свое правительство, не исключая архиепископа, контролировало и судило его. Это была прямая, то есть не представительная демократия, подобно республикам античного мира. Лишь тот, кто участвовал в народных сходках, мог осуществлять свои политические права. Огромная территория управлялась жителями одного города. Это было слабое место в республиканском строе и Афин и Рима. «Агора» и «Форум» не могли управлять империями.

Но, говоря о Новгороде, обычно преувеличивают беспорядок и неорганизованность вечевого управления. Мы мало знаем о нормальном течении дел. Летописи говорят только о его нарушениях. Традиционные картины побоищ на Волховском мосту являлись сравнительно редким исключением. По большей части «владыкам» удавалось примерять враждующие партии до начала кровопролития. А, главное, забывается о существовании «господ», верхней палаты, ведущей все текущие дела и подготавливавшей важнейшие решения для веча. Эта палата состояла из выбранных вечем сановников, настоящих («степенных») и бывших, под председательством не князя, а архиепископа. Весьма вероятно, что работа народного веча с трудом укладывалась в упорядоченные формы. Борьба партий легко переходила в междоусобия. Но это обычная плата, которую демократия платит за свободу. Княжеские усобицы на остальном пространстве русской земли пролили больше крови и слез, чем драка на Волховском мосту. И, конечно, за все века существования Новгорода, в его стенах не пролилось столько невинной крови, как за несколько дней его посещения Грозным в 1570 году.

Но вернемся к новгородскому правительству. Недаром мы видим, что в Совете Господ председательствовал архиепископ. В сущности, именно он был «президентом» республики, если искать современных аналогий. Посадник был первым министром, главой победившей партии. Владыка стоял выше партий и выражал единство республики. Чтоб сделать реальной его независимость, кандидаты, избранные вечем, подвергались жеребьевке. Три жребия на престоле Софийского собора символизировали Божественную волю в судьбах города-государства. В политической символике Великого Новгорода его сувереном, носителем

верховой власти представлялась сама Святая София. Святая София была не только именем всей поместной новгородской церкви, как это выражалось в формуле: «Святая Соборная и апостольская церковь Святой Софии». Нет, это было имя самой республики, от этого священного имени писались договоры и торжественные грамоты, ей приносили присягу князя и власти. Она мыслилась собственницей новгородских земель, особенно церковных («дом Святой Софии»). В ней народная воля нашла себе небесный символ, свободный от капризной изменчивости настроений толпы. Не в одном Новгороде средневековая демократия осуществляла себя через посредство небесных символов. То же мы видим в городских республиках Италии. Милан был городом св. Амвросия, Флоренция – Иоанна Крестителя. Между Италией и Новгородом нельзя предполагать взаимных влияний. Но общее теократическое сознание, жаждущее религиозного освящения политической жизни, принимало сходные формы и в католической и в православной республиках средневековья.

Что такое или кто такая Святая София, это вряд ли было ясно рядовому новгородцу, вряд ли было ясно и многим из местного клира. Новгород, столь много давший русскому искусству, не оставил богословских трудов. В этом он не отличался от других уделов средневековой Руси. Новгородский собор был наречен в XI веке по имени Киевского и Константинопольского храмов. Греки-епископы знали, конечно, что София, Премудрость Божья, есть одно из имен Христа. Знали это и более ученые из русских книжников. По крайней мере, в некоторых русских рукописях встречается такое объяснение. Но во всех известных случаях присяги новгородцы целуют икону Богородицы. Это заставляет думать, во-первых, что в средние века не существовало известного иконографического типа св. Софии в виде огненного ангела, а, во-вторых, что в Новгороде возобладало богородничное или женственное понимание Софии, предвосхитившее идею Софии у современных русских богословов из школы Вл. Соловьева.

Как бы не представляли новгородцы св. Софию, она была владычицей и покровительницей города и государства. На земле ее представлял всенародно избранный архиепископ. Истинный президент республики, он сосредотачивал в своих руках огромную материальную и даже военную силу. «Дом св. Софии» был крупнейшей хозяйственной единицей в Новгороде, а «владычный полк» – заметной частью его гражданско-го ополчения. В XI веке новгородцы прилагали большие усилия, чтобы сделать свою церковь совершенно независимой от Москвы. Однако патриарх Константинопольский не согласился на раздел русской митрополии. Впрочем, привилегии митрополита Московского большей частью сводились к денежным поборам, связанным с отправлением церковного суда. Самого митрополита старались держать подальше от Новгорода. Если же отношения с Москвой становились слишком натянутыми (в XV веке), была еще возможность поставления архиепископа, минуя Москву. Можно было получить хиротонию в Литве у православного митрополита Западной Руси. Так был поставлен св. Евфимий, один из лучших владык новгородских.

Часто говорят, что избранный на вече архиепископ не имел достаточной независимости и мог быть сведен со своей кафедры, подобно последнику и князю. Факты не подтверждают этой теории. Во всей истории новгородской церкви мы видим один смутный период, два десятилетия в самом начале XIII века, когда борьба суздальской и патриотической партий достигла большой остроты. Тогда архиепископы той и другой стороны не раз должны были оставлять свою кафедру и снова возвращаться на нее. Но это было исключительное время. Свобода личности могла легко подавляться в средневековых теократических республиках. Но свобода церкви была, во всяком случае, лучше ограждена в Новгородской республике, чем в самодержавной Москве, где с конца XV века удаление митрополитов по воле великого князя и царя сделалось скорее правилом, чем исключением.

Но владыки Новгородские защищали свободу не только церкви, но и свободу «града», то есть республики. Жития последних святых архиепископов Евфимия и Ионы накануне падения Новгорода об этом свидетельствуют. Так Иона, уже в глубокой старости, едет в Москву, чтобы отвратить угрозу против своего отечества. Он увещивает великого князя (Василия II): «Тихими очами смотри на своих подданных и не начинай обращать свободных в рабство». В духе пророчества он обещает наследнику (Ивану III) «свободу от Ордынского царя» – «за свободу града моего». Если же князь посягнет на свободу невинных людей, то увидит в собственных детях «зависти око» и разделение.

К несчастью, эти выражения религиозного идеала свободы в православии не были развиты в канонические трактаты. Дух свободы остался жить на страницах

древних летописей и отчасти в местных культах. Так, местная чудотворная икона «Знамения» Божией Матери осталась навсегда связанной с памятным чудом 1170 года. В сознании новгородцев, эта именно икона обратила в бегство коалицию князей во главе с Андреем Боголюбским и спасла их свободу.

Икона «Знамения» (Чуда), как и символ св. Софии, вместе с именами св. епископов новгородских Иоанна, Евфимия и Ионы, оставались в памяти новгородской как религиозные символы политической свободы.

История судила победу другой традиции в русской церкви и государстве. Москва стала преемницей одновременно и Византии и Золотой Орды, и самодержавие царей не только политическим фактом, но и религиозной доктриной, для многих почти догматом. Но когда история покончила с этим фактом, пора вспомнить о существовании иного крупного факта и иной доктрины в том же самом русском православии. В этой традиции могут почерпать свое вдохновение православные сторонники демократической России. Конечно, наша эпоха чужда теократии. Религиозная основа жизни глубоко подорвана в народных массах. Всякая теократия таит в себе опасность насилия над совестью меньшинства. Раздельное, хоть и дружеское сосуществование церкви и государства является лучшим решением для сегодняшнего дня. Но, оглядываясь в прошлое, нельзя не признать, что в пределах восточно-православного мира Новгород нашел лучшее разрешение вечно волнующего вопроса об отношениях между государством и церковью.

Георгий ФЕДОТОВ

А. Васнецов. «Двор удельного князя»

РАЗГРОМ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

К. Лебедев. «Уничтожение новгородского веча», 1889

Разгром Великого Новгорода

В более чем тысячелетней истории Великого Новгорода известно немало драматических страниц и крутых поворотов. Однако события зимы 1570 года повергли в ужас даже подданных царя Ивана Грозного, уже успевших натерпеться от него злодеяний. «Опричный разгром» второго по значению города Русского государства во многом стал роковым для судьбы уникальной новгородской культуры и навсегда остался, пожалуй, самым трагическим эпизодом этого мрачного царствования.

В обстоятельствах той трагедии очень многое остается неясным, а порой и просто загадочным. Крутой нрав, вспыльчивость и жестокость Ивана IV хорошо известны. В борьбе с подлинными и мифическими врагами он не останавливался ни перед чем. Но никогда ни до, ни после той зимы его гнев не обращался без разбора почти на все социальные слои огромной территории, какой была в XVI веке новгородская земля. К великому сожалению историков, опричные архивы Ивана Грозного, в том числе и многочисленные следственные дела «об изменах», не сохранились.

До наших дней дошли лишь названия некоторых из них. Вот как выглядит заголовок новгородского дела из Описи Посольского приказа: «Статейной список из сыского из изменного дела... на нугородцкого архиепискупа на Пимина и на новгородцких дьяков, и на подъячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских... о здаче Великаго Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдати

литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Владимира Андреевича».

Судя по этому пространному названию, больше похожему на обвинительное заключение, в Новгороде составилась грандиозный заговор, в который оказалась вовлечена чуть ли не вся без исключения городская элита – сотни человек, причем злоумышленники ставили перед собой сразу две необычайно масштабные и не очень совместимые одна с другой цели! Чем же было «новгородское дело»: плодом большого воображения царя, удобным поводом для расправы с политическими противниками? А может быть, какой-то заговор действительно существовал?

Конец Новгородской республики

Новгород был настолько не похож на Москву, что некоторые историки считали возможным говорить об особой, «северной русской народности», или, выражаясь более современно, – «цивилизации», развивавшейся параллельно той, что существовала в Северо-Восточной Руси. Уже к XIII веку новгородская аристократия сумела победить в упорной борьбе с княжеской властью. В результате на огромной территории, от Кольского полуострова до Урала, сложилось политическое устройство, получившее у историков название «феодальной республики». Во главе ее стоял новгородский архиепископ, чьи полномочия серьезно ограничивались городской верхушкой – Советом господ. Немалую роль играло и знаменитое вече – та

самая демократическая «вольница», которая была столь любима многими писателями и историками, видевшими в ней альтернативу московскому самодержавию.

К XV веку Новгород стал наиболее экономически и культурно развитой частью русских земель. Значение города было в то время столь велико, что многие иностранные географические руководства утверждали, что именно он, а не Москва является «главным городом» Руси. При этом Новгород никогда не владел собственным сильным войском. Не имея ни ресурсов, ни потребности в территориальном расширении, «республика» неминуемо должна была оказаться между жерновами экспансионистских устремлений агрессивных и стремительно растущих соседей – Москвы и Литвы. В 1471 году властный и решительный московский великий князь Иван III, дед Ивана Грозного, разгромил новгородское ополчение в битве на реке Шелонь. Новгородцы вынуждены были присягнуть на верность великому князю.

А спустя еще семь лет вечевого колокол был торжественно снят и увезен в Москву, а древние порядки упразднены. Отныне Новгородом управляли московские наместники. Великий князь обещал «не вступаться» в земли новгородской знати, но слова своего, разумеется, не сдержал. Тысячи новгородских дворян и купцов были репрессированы, лишены своих владений, перешедших в казну, и переселены в центрально-русские уезды. На освободившиеся земли переселялись московские служилые люди, дворяне в Новгороде получали и крупные московские купцы («гости»), взявшие в свои руки наиболее прибыльные отрасли городской экономики. Кроме того, Иван III постарался превратить Новгород в настоящую крепость по подобию Москвы. Именно по его повелению в городе был построен прекрасно сохранившийся до наших дней Детинец из красного кирпича.

Стало ли присоединение к Москве благом для Новгорода – вопрос сложный. Но в жизни Московского государства покорение соседа-конкурента, безусловно, сыграло очень значительную роль. Обосновавшиеся здесь помещики составили наиболее боеспособную часть дворянского войска – тяжеловооруженную конницу («кованую рать»). Не будь Новгород частью Московского государства, и Иван Грозный не смог бы и помышлять об активной политике на западных рубежах Руси.

Поддержка местного дворянства стала для него особенно важной во время Ливонской войны. Поначалу очень удачная (русским полкам удалось быстро разгромить Ливонский орден, занять значительную часть Прибалтики, взять Полоцк), к середине 1560-х годов война превратилась в затяжную череду относительных успехов и поражений в борьбе с Литвой и ее союзником – Крымом. В разгар войны, в 1565 году, царь принял необычное решение о разделении страны на две части – «земщину» и «опричнину». Впрочем, начавшиеся конфискации, ссылки и казни уже через полтора года были приостановлены – Иван IV явно нуждался в том, чтобы «земщина» поддержала продолжение войны и приняла на себя грандиозные расходы по ее ведению. На спешно созванном Соборе представители русской элиты (среди которых было немало новгородцев) заявили, что они «на его государево дело готовы».

Заручившись поддержкой подданных и нового союзника – шведского короля Эрика XIV, Иван Васильевич осенью 1567 года во главе огромного войска выступил в поход на Ригу. Однако в этот решительный момент царь получил не-

О. Кузьмин. «Иоанн Грозный и митрополит Филипп»

кие известия, не только заставившие его отменить поход и вернуться в Москву, но и спровоцировавшие новый виток репрессий. Именно с этого момента опричный террор приобрел наиболее устрашающие, разнузданные формы, нарастая как снежный ком. Спустя два года после его начала лавина накрыла Новгород.

В поисках врагов

Для историков, занимающихся эпохой Ивана Грозного, нет, пожалуй, проблемы более дискуссионной, чем смысл опричнины. В попытках найти ей рациональное объяснение высказывались самые различные суждения. По укоренившейся в массовом сознании версии, опричнина имела цель сломить сопротивление боярской аристократии, якобы препятствовавшей в своекорыстных интересах консолидации страны. Именно борьбой с боярской «изменой» объяснял свою политику сам Иван Грозный. Только вот ни опричным следователям, ни историкам так и не удалось обнаружить никаких сколько-нибудь достоверных свидетельств о заговорах, хотя бы немного соответствовавших по своим масштабам репрессиям. Да, был глухой ропот в среде элиты, недовольной нежеланием царя считаться с неписаными нормами обращения со своими подданными, были и высокопоставленные перебежчики на сторону врага (самым известным из них стал князь Андрей Курбский). И все же террор был скорее причиной недовольства, чем его следствием. Да и затронул он не только аристократию, большинство представителей которой, к слову сказать, были совершенно лояльными слугами царя.

Но если опричнина не была ответом на реальную «измену», то, может быть, она стала средством пресечения

К. Лебедев. «Царь Иван Грозный просит игумена Кирилла благословить его в монахи», 1898

самой возможности оппозиции политике самодержца со стороны элиты? Такое объяснение кажется более основательным. Известный историк Р.Г. Скрынников провел в свое время интересную параллель между опричниной и политикой массовых переселений местных элит, которую использовали предки Ивана Грозного на вновь присоединенных к Москве территориях – в Смоленске, и особенно Новгороде. Следуя примеру отца и деда, многочисленными конфискациями и опалами царь прежде всего разрушал прочные, вековые социальные связи – родственные, «клановые», – которые сплачивали русское общество (как и любое традиционное общество), делали его устойчивым и не поддающимся легкому манипулированию. Эту-то вязкую среду, способную уступать грубому давлению, не разрушаясь, и готовую в любой момент ошестиниться в ответ на агрессию, видимо, и не выносил царь Иван, как не терпел ее гораздо позже и Петр I. И не зря репрессиям подвергались не «бояре» вообще – уничтожались целые кланы от возглавлявших их столпов аристократии до слуг, холопов, а порой даже зависимых крестьян! Если же уничтожение не считалось необходимым, они перетасовывались, как колода карт, ведь власти, которая претендует на неограниченность, гораздо проще иметь дело с отдельными людьми, чем с сообществами. За то же самое, при всей своей внешней благочестивости, не любил царь и церковь – еще более стойкий и неуправляемый организм.

Постоянно присутствовал в действиях Ивана Грозного еще один, не всегда понятный современному человеку смысл – сакрально-символический. Жертвы террора подвергались не механическому уничтожению, но прежде всего символическому поруганию. Целью было не банальное физическое убийство (ведь для религиозного сознания средневекового человека смерть тела отнюдь не являлась настолько важной, как для большинства современных людей), а уничтожение личности в более глубоком, социальном и, может быть, даже духовном смысле.

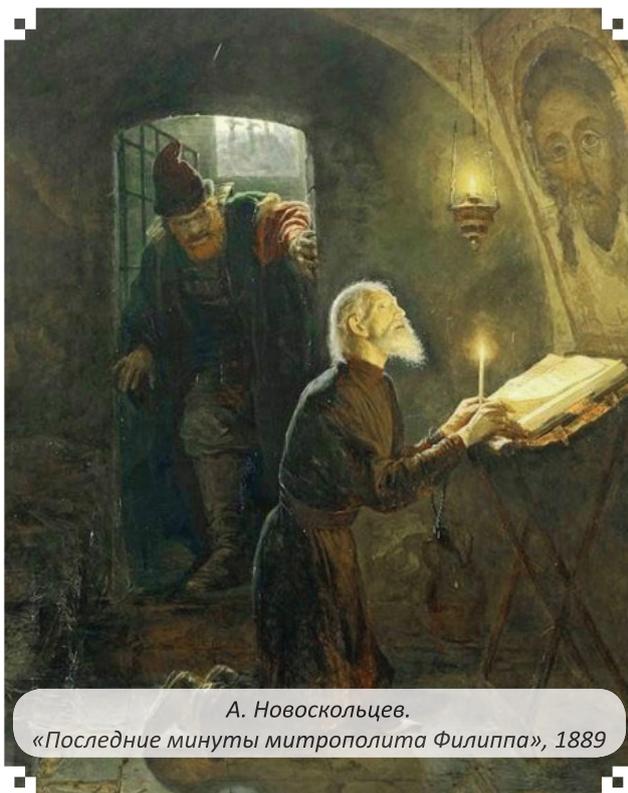
Отсюда эти кажущиеся избыточными ритуалы, которые сопровождали репрессии. Вот как, например, описывали очевидцы казнь одного из видных государственных деятелей, боярина Ивана Петровича Федорова-Челяднина. Иван Грозный приказал ему облечься в царские одежды и сесть на трон. Затем, преклонив перед ним колени, царь сказал: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московским и занять мое место: вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал». После этого он сам убил боярина кинжалом, а труп «протащили за ноги по всему кремлю к городу, и он брошен был на середине площади, являя жалкое зрелище для всех». Запрет хоронить тело казненного, конечно, имел цель нанести ущерб его душе.

Эта карнавальная, то есть языческая, по сути, стихия, в которую погрузился царь Иван вместе со своим окружением, отнюдь не была фарсом или сумасбродством – она была устрашающе серьезна. Ярким ее проявлением стало устройство опричного двора в Александровской слободе по подобию монастыря. «Рано поутру царь с фонарем на руке лез на колокольню, – пишет Р.Г. Скрынников, – где его ждал «пономарь» Малюта Скуратов. Они трезвонили в колокола, созывая прочих «иноков» в церковь. На «братьев», не явившихся на молебен к четырем часам утра, царь-игумен накладывал епитимью. Служба продолжалась с небольшим перерывом от четырех до десяти часов. Иван с сыновьями усердно молился и пел в церковном хоре. Из церкви все отправлялись в трапезную. Каждый имел при себе ложку и блюдо. Пока братья питались, игумен смиренно стоял подле них». Уподобляясь духовному наставнику, царь получал возможность добавить к своим полномочиям «самодержца», и без того пронизанным сакральным смыслом, право «духовного наставничества». Вероятно, хотя это может показаться диким, что, перемещаясь из трапезной в застенки, он считал пытки и казни лишь закономерным проявлением такого мудрого наставничества.

Пытаясь подойти к действиям Ивана Грозного со своими, рационалистическими мерками, историки редко придают должное значение его мироощущению, в котором и без того непривычная для нас ментальность другой эпохи была отягощена личными психологическими проблемами. В результате в их трудах появляются очень умозрительные конструкции, согласно которым Иван Грозный боролся, скажем, с остатками «удельной децентрализации» или с «экономической независимостью церкви». Да, наверное, такие интерпретации не лишены смысла. Однако как бледны они по сравнению с реальностью!

Но вернемся к драматическим событиям 1567 года. Считается, что подозрения царя, которые заставили его прервать поход на Ригу, были вызваны сведениями о якобы сложившемся в среде недовольных опричниной «земских» бояр заговоре. Целью его было то ли выдать царя польскому королю Сигизмунду III, то ли возвести на трон двоюродного брата царя и единственного, помимо сыновей Ивана, законного претендента – князя Владимира Андреевича Старицкого. Именно такое двойное обвинение было, как мы уже знаем, предъявлено позже и новгородцам.

Польский монарх действительно пытался склонить некоторых московских бояр к измене, направляя им письма, оказавшиеся в руках царя. И без того мнительному и подверженному мании преследования Ивану Васильевичу недоставало лишь последнего толчка. Им стало некое вынужденное признание, которое уже во время похода царь выслушал от своего брата. О его содержании мы можем только догадываться. Простая логика говорит, что если бы Владимир Старицкий действительно имел серьезные поползновения на трон, он вряд ли стал бы откровенничать с царем. В реальности заговора заставляет усомниться и тот факт, что Владимир Андреевич поначалу не подвергся никакому наказанию и лишь был удален подальше от Москвы.

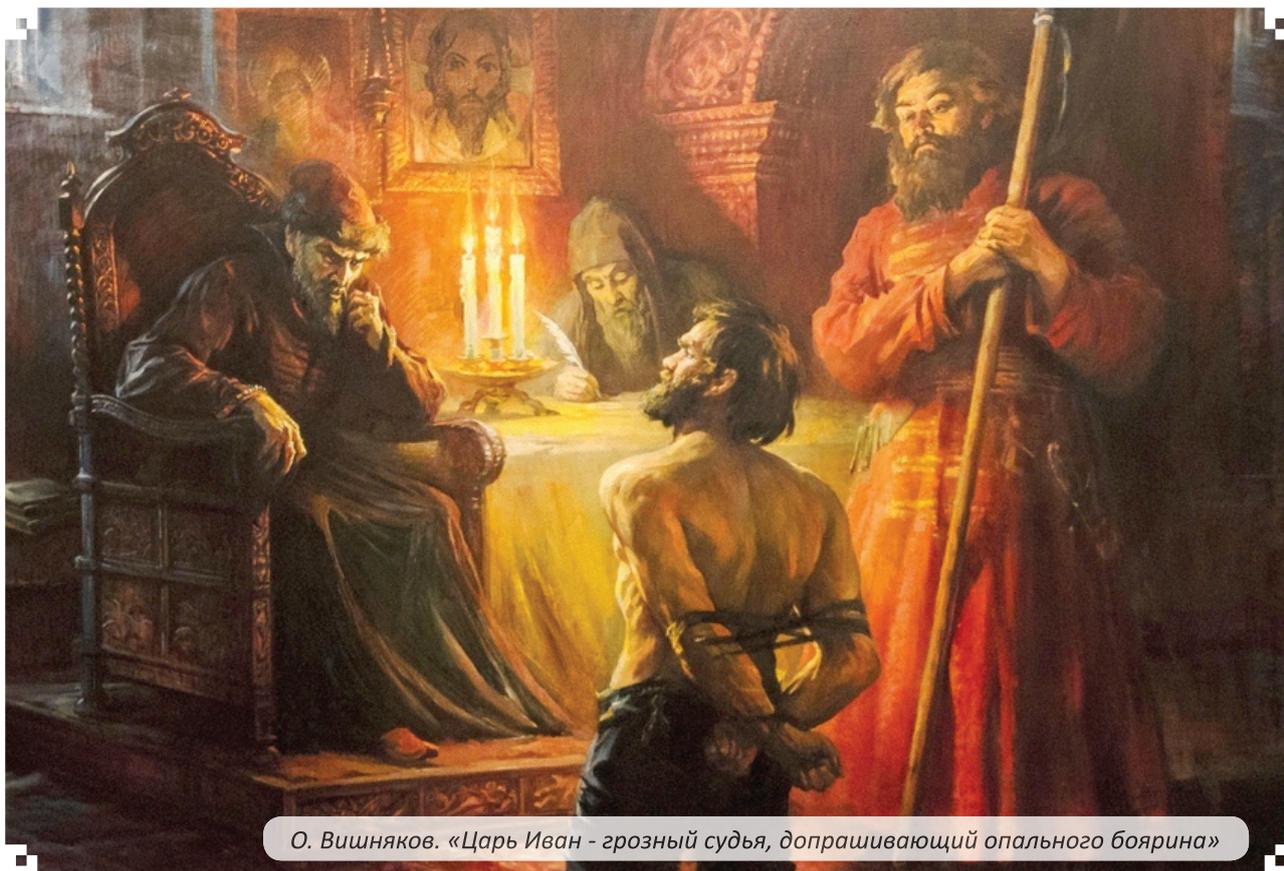

А. Новоскольцев.
«Последние минуты митрополита Филиппа», 1889

Первая волна репрессий обрушилась на московские боярские кланы. В 1568 году без всякого суда и следствия были убиты сотни человек. Поднявший голос против казней московский митрополит Филипп (Колычев) был низложен и заточен в одном из тверских монастырей. Однако массовые расправы лишь подстегнули подозрительность царя. Под жестокими пытками подозреваемые готовы были оговорить и себя, и кого угодно еще. Круг подозреваемых расширился: в него попали уже некоторые приближенные к царю опричники. Усугубили положение неожиданная сдача литовцам неприступной крепости Изборск и, как ни странно, свержение с престола союзника Москвы шведского короля Эрика XIV. Внутренняя политика полубезумного Эрика очень сильно напоминала действия царя Ивана: те же жестокие репрессии, тот же страх перед собственными подданными. Опасаясь их мятежа, король просил русских послов помочь ему бежать в Московию. Но не успел. В сентябре 1568 года братья при поддержке жителей Стокгольма низложили Эрика и заточили его в крепость. Аналогии напрашивались сами собой, и судьба Владимира Старицкого была окончательно решена. Он был вызван в Александровскую слободу, обвинен по наскоро сфабрикованному делу в попытке отравления царя и убит вместе с женой и девятилетней дочерью (всех их заставили выпить яд). А вскоре по первому зимнему пути спешно собранная опричная армия (6-7 тысяч человек) двинулась из Слободы в поход на Новгород.

Кровавая расправа

Почему в сознании царя угроза со стороны брата соединилась с идеей о новгородском отступничестве? Старицкие князья имели прочные и давние связи с новгородским дворянством. Но одно это вряд ли могло стать поводом к столь серьезным мерам. Существует также версия о сфабрикованной «изменнической грамоте», под которой были подделаны подписи архиепископа новгородского Пимена и некоторых бояр и которая была представлена царю неким доносчиком. Как считал известный советский историк А.А. Зимин, Новгород действительно представлял опасность для царя «и как крупный феодальный центр, и как союзник старицкого князя, и как потенциальный сторонник Литвы, и как крупнейшая цитадель сильной воинствующей церкви». Не доверял царь, по словам Зимина, и новгородскому дворянству. Все эти положения выглядят очень зыбко. Никаких данных о выступлениях новгородцев ни в пользу Литвы, ни в поддержку Владимира Старицкого источники не содержат. Новгородская церковь была ко времени разгрома под полным контролем Москвы, а архиепископ Пимен являлся одним из самых лояльных царю иерархов. И уж совсем непонятно, как Новгород, в котором задолго до того было уничтожено местное боярство и крупное землевладение, Новгород мелких и средних поместий, можно считать «крупным феодальным центром». По основательному мнению другого историка, Б.Н. Флори, новгородским дворянам и купцам завоевательная политика Ивана Грозного в Ливонии могла только импонировать: они получали земли, доступ к международной торговле, возможность проявить себя – и все это не где-нибудь в далеких степях, а рядом с родными местами.

О. Вишняков. «Царь Иван - грозный судья, допрашивающий опального боярина»

Оснований для недовольства тоже было немного: ведь предшествовавшие репрессии новгородскую землю почти не затрагивали. Но именно поэтому она могла восприниматься царем как громадное «непаханое поле», где измена может безнаказанно пускать корни. Новгородчина была для него чужим и угрожающим пространством, настоятельно требующим символического покорения. Не случайно опричный поход на Новгород больше был похож на самую настоящую завоевательную экспедицию. Реальная вина тех или иных новгородцев в таких условиях большого значения не имела. Положение усугублялось извечной взаимной подозрительностью московских властителей по отношению к городу, всегда доставлявшему им немало хлопот.

О событиях, произошедших в Новгороде той зимой, известно немало благодаря местным летописям, а также свидетельствам иностранцев, находившихся на опричной службе. Поход готовился и начинался в глубокой тайне. Все дороги были перекрыты под предлогом эпидемии чумы. Опричное войско двигалось через Клин, Тверь, Медное и Торжок. По дороге опричники расправились с несколькими сотнями псковичей, незадолго до того выселенных из родного города, с пленными литовцами и татарами. 23 декабря 1569 года в монастыре под Тверью Малюта Скуратов задушил опального митрополита Филиппа.

2 января 1570 года передовой отряд опричников опечатал Новгород, занял городские монастыри, опечатал монастырскую казну. Сотни игуменов, старцев и священников были посажены под арест. 6 января в город прибыл царь, остановившийся на Торговой стороне, на Городище, где во времена Новгородской республики жили князья. Через два дня Иван Васильевич отправился в знаменитый собор Святой Софии. На мосту через Волхов его торжественно

встретил со свитой архиепископ Пимен. Царь демонстративно не принял благословения иерарха и громко обвинил новгородцев в измене.

Не обращая внимания на всеобщую растерянность и испуг, он отстоял службу в храме. Однако после нее, едва начался торжественный обед, царь «возопи гласом великим яростию... и тотчас повеле архиепископлю казну и весь двор его и келии пограбители, и бояр его и слух переимати». Из кафедрального собора были вывезены все реликвии, иконы и утварь, а самого архиепископа подвергли уже знакомому нам ритуалу символического, карнавального поругания. «Тебе не подобает быть епископом, – заявил ему Иван Грозный, – а скорее скоморохом, поэтому я хочу дать тебе в супружество жену». По его приказу привели кобылу. «Получи вот эту жену, – продолжал царь, – влезай на нее сейчас, оседлай, отправляйся в Москву и запиши свое имя в списке скоморохов». Сидя на кобыле задом наперед, с гусями или волынкой в руках архиепископ был отконвоирован в столицу.

На следующий день на Городище началась продолжавшаяся много дней расправа. Взрослых и детей пытали, привязывали к саням, волокли на «великий Волховский мост» и бросали в реку. Тех, кому удалось выплыть, заталкивали под лед палками. Репрессии обрушились прежде всего на окружение архиепископа, «приказных» (местных чиновников), богатых купцов, их родных и близких. По мнению Б.Н. Флори, такая необычная казнь была связана с представлениями о воде как о стихии, где властвуют враждебные человеку силы. Царь символически направлял вероотступников (ведь новгородцам инкриминировалась связь с католиками) напрямиком в ад. Такая интерпретация подтверждается рассказом немца Шлихтинга. Одного из купцов, Федора Сыркова (представителя богатейшей ди-

насти, некогда переселенной Иваном III из Москвы), царь велел привязать к веревке и окунать в холодную воду до тех пор, пока он не расскажет, где хранит свои сокровища. Когда купца в очередной раз подняли и Иван Грозный с обычной издевкой спросил его, что он видел под водой, Сырков ответил, что был в аду и видел там место, приготовленное для царя. Обвинение вернулось к обвинителю.

Опричный разгром завершился ритуальным уничтожением имущества новгородцев, торговых запасов, лавок, продовольствия. «Были снесены все новые постройки, — пишет участник погрома немец-опричник Штаден, — было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна». Царь «в житницах хлеб всякой стоячей в скирдах... повеле огнем сожигати и скот их всякой и лошади и коровы повеле посекасти». Сжигалось все, что нельзя было увезти. Мелкие отряды опричников отправились мародерствовать по окрестностям. На купцов и духовенство была наложена громадная контрибуция, которую опричники в буквальном смысле слова выбивали из жертв в течение года. Символическое «покорение» города совсем не мешало вполне практическому пополнению не только карманов опричников, но и отощавшей государственной казны.

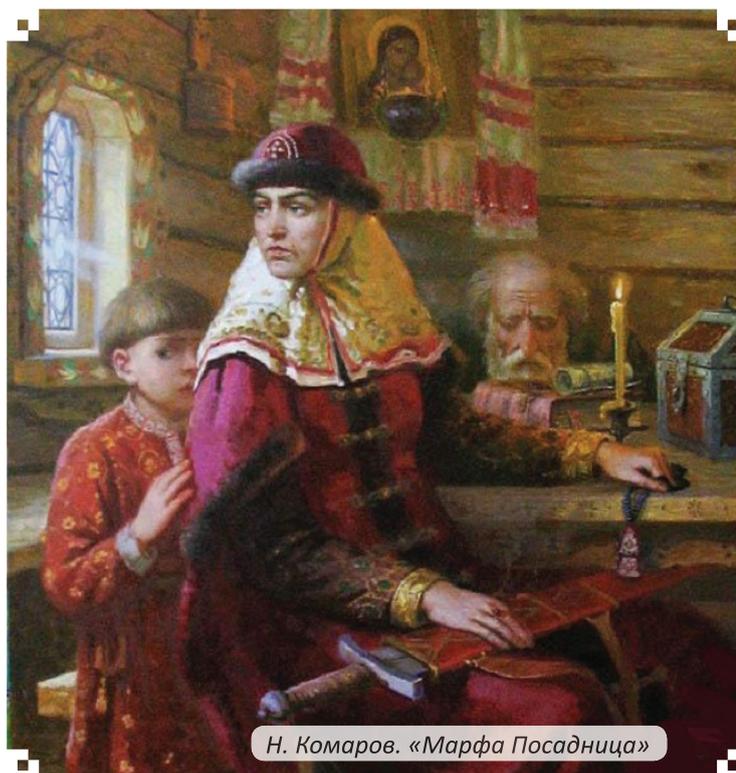
Историки до сих пор спорят о количестве жертв погрома. Называются самые разные цифры — от полутора до сорока тысяч человек. Минимальное число погибших зафиксировано в так называемом «Синодике опальных». Этот документ представляет собой составленный в конце жизни царя, вдруг озоботившегося спасением своей души, поминальный список всех казненных и просто убитых, который был основан на утраченных опричных архивах. «По Малютине скаске, — гласит Синодик, — новгородцев отделано тысящу четыреста девяносто человек, [и] ис пищали отделано 15 человек». Иначе говоря, Малюта Скуратов, возглавлявший «розыскные мероприятия», насчитал именно столько безымянных казненных. Кроме того, в Синодике названы сотни убитых, чьи имена известны. На самом деле погибших, конечно, было гораздо больше. Едва ли их кто-то и считал. Святитель Филипп, митрополит Московский, отказался благословить разорение Новгорода и был убит. Но самое страшное началось в городе потом. На 1569–1570 годы пришел страшный неурожай. Тотальное же истребление немногочисленных припасов привело к ужасному голоду, от которого погибло намного больше людей, чем от рук опричников. В Новгороде широко распространилось людоедство. Довершила дело эпидемия чумы, начавшаяся на Руси до погрома, а в Новгород пришедшая уже после него. Помешать ее распространению не смогли даже жесточайшие карантинные меры, принятые властями. Однако еще до этого «очищенный» от измены город был сочтен достойным для присоединения к опричнине и даже для превращения его в очередную царскую резиденцию. Правда, столь высокой чести удостоилась только половина Новгорода — а именно Торговая сторона, Софийская же осталась в «земщине». Строительство новой резиденции началось со свойственным царю размахом. На Торговой стороне были сломаны 227 дворов, и начался подвоз материалов для сооружения большой крепости.

В 1571–1572 годах, когда крымский хан Девлет-Гирей сначала безнаказанно сжег Москву, а затем, в следующем году, был с большим трудом отброшен русскими полками на подступах к ней, царь счел за благо оказаться подальше от опасности. В декабре 1571 года он прибыл в Новгород. А вслед за ним в город прибыл огромный обоз с государственной казной — 450 возов золота и серебра. Сокровища были размещены в подвалах церкви Никольской, Св. Жен-Мироносиц и Параскевы Пятницы на Ярославовом Дворике и круглосуточно охранялись караулом в 500 стрельцов.

По отношению к новгородцам царь в это время всячески демонстрировал свое расположение. Он объезжал ограбленные им же монастыри и храмы, усердно молился и даже организовал показательную казнь некоторых опричников, отправленных с камнями на шею все в тот же Волхов. Ближайшие сподвижники Ивана Грозного поспешили обзавестись в Новгородской земле богатыми поместьями.

Однако новой столицей Новгород так и не стал. Последнее десятилетие жизни Ивана Васильевича (а умер он в 1584 году) прошло в каком-то страшном угаре, и в его действиях ощущалось все меньше осмысленности и даже простой последовательности. Вероятно, можно утверждать, что именно новгородское «дело», совпав с нашествием татар, голодом и эпидемией, поразившими всю страну, окончательно надломило психику царя. Новгород же так никогда и не сумел оправиться от погрома и последовавших за ним бедствий, последним из которых стала многолетняя шведская оккупация этой древней русской земли в период Смуты. По окончании же Смутного времени на восстановление края потребовались многие десятилетия. Однако прежний вольный дух, по-видимому, царивший в Новгороде еще в середине XVI века, ушел безвозвратно.

Игорь ХРИСТОФОРОВ

Н. Комаров. «Марфа Посадница»

«ДРЕВНЯЯ РУСЬ ЗНАЛА СВОИХ «ГАЙДАРА» И «ЧУБАЙСА...»

В. Тормосов. «Иван Грозный», 2006

История считает быстро, как компьютер. Казалось бы, такой долгий исторический процесс, века, князья, потом цари, сплошное занудство; в XIV веке Русь сошла со столбовой европейской дороги, с будущей автострადы, и поперла сквозь бурелом своим собственным, глубоко национальным оврагом – и вот вам начало XVI века, и даже до Василия III дошло. Хотя Василий этот звезд с неба не хватал. Тот самый Василий, сын вздорной и спесивой Софьи Палеолог (царица и сватья баба-Бабариха в одном флаконе). Ради него Иван III лишил наследства своего способного внука от любимого сына. Ведь первая жена Великого князя, Марья Борисовна Тверская, была милой, доброй и простой. И сын ее, рано умерший, оставил Ивану III отличного внука, князя-соправителя Дмитрия. Ожидание нас неприятности могли наступить позже и в менее острой форме. Но Рок обычно находит себе орудия, и как ни бегай от судьбы, она все равно догонит. (Мало было Ивану III византийской традиции, бурлившей в его крови: он еще на этой традиции женился, взяв в приданое за немолодой и некрасивой Софьей злобу, непомерные амбиции, надменность и презрение ко всему славянскому миру, иногда пробивавшемуся травкой под ногами и воскрешавшему в памяти что-то чистое, зеленое, лесное, доброе, застенчивое, похожее на глоток воды из родника или полевые цветы на тихих лугах.) Повторилась буквально русская сказка: злая мачеха Софья возненавидела и сжила со свету внука Дмитрия, чтобы этот добрый молодец не помешал ее тупому и уродливому сыночку Василию. Две мачехи,

Софья и История, работали в четыре руки и доработались до того, что к концу царствования Василия (он звезд с неба не хватал, но с автократическим своим ремеслом неплохо управлялся) стало очевидно: Русь, то есть Московское княжество, то есть Московская Орда, от Запада безнадежно и постыдно отстала. История – компьютер всегда последнего поколения, он ловко подсчитывает очки и проводит тестирование. Единый исторический экзамен для всех, и жаловаться некому. Вот только собрали все русские земли в один мешок, завязали веревочку и хотели убрать в кладовку, надеясь на благодарность потомков. Управились с Новгородом; хрустнули под московским смазным сапогом хрупкие сепаратистские косточки. Первые шаги в Котлован, по тоталитарной дорожке, за 200 лет привели к такому краху, что его не мог более игнорировать даже Великий князь. Не диссидент, не путешественник с Запада, а глава этой с таким трудом выстроенной вертикали. С верхушечки ему было видней...

Василий, при всей благоприобретенной и наследственной державной спеси, понял, что нужно срочно догонять Запад, дабы над Россией не смеялись иноземцы (а ведь именно в тот момент, когда «свои» замолчали навеки, раздался спокойный, пренебрежительный, брезгливый, хотя и сдержанный от хорошего воспитания чужой смех с иностранным акцентом, не смолкающий до сих пор). Василий был прозорлив, он понимал, что сначала звучит смех, потом организуют экономическую блокаду и налагают санкции; ну, а после, когда страна впадает в

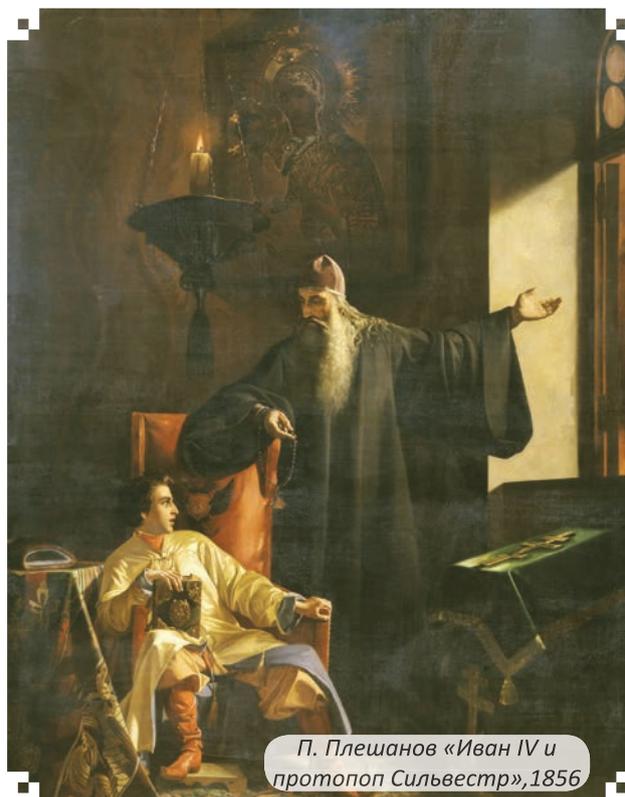
окончательное ничтожество, приходят иноземцы и звучит такой монолог: «Матка! Млеко! Яйки!» Так было до XXI века, когда впервые успешный и блистательный Запад утратил всякую охоту оккупировать, кормить, воспитывать и наставлять нищий, злобный и отсталый Восток. После Залива Свиней в Латинской Америке, Вьетнама, Афганистана и Ирака на Востоке едва ли США и Европа еще раз рискнут спастись от самого себя самим собой угнетенное человечество. Но во времена Василиев и Иоаннов все было просто: *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил). Для исторических двоечников такой финал был очевиден и предсказуем. Все это раскусивший Василий оставил сыну Ивану Избранную Раду, синклит реформаторов, которые должны были спасать державу и проводить первую в нашей истории вестернизацию. Эта Рада состояла не из царедворцев, но из интеллектуалов. Там были и свои Гайдар с Чубайсом, судьба которых оказалась после не в пример трагичнее судьбы наших собственных. Этим Гайдара с Чубайсом звали Сильвестр и Адашев. Просвещенный монах Сильвестр и просвещенный функционер Адашев, работник царской администрации.

Вначале Иван IV был паинькой: любил жену Анастасию, много молился, много читал, слушал учителей из Избранной Рады. Самовластие опасно для монарших, генсековских и президентских душ: в России часто бывало, что, начиная как реформатор, монарх кончал полным мракобесием. Византийская и ордынская традиции принимали его в свои теплые объятия и топили в холодной и мутной воде все «души прекрасные порывы».

Петр I, открывший окно в Европу, заодно распахнул дверь и в Азию: европеизация страны закончилась пытками и казнью для его единственного сына, и в этом он превзошел обскуранта и тирана Ивана IV, который убил своего старшего царевича (тоже Ивана) в порыве гнева, а потом хотя бы месяц плакал и молился у его гроба и даже помышлял об отречении от трона. Реформатор Годунов, отменивший ужасы времен Иоанновых и пославший дворянских отроков учиться в Европу, кончил двойной порцией казней, учреждением сети сексотов и принуждением подданных к особой молитве за свое здоровье. После чего Самозванец все равно устроил опустившемуся до тирании Борису сплошную «заупокой».

С таким же результатом сворачивания вестернизации страны столкнулся Александр I, ученик Лагарпа, начавший со Сперанского и республиканских идеалов, а кончивший Аракчеевым и Магницким.

Даже Борис Николаевич Ельцин не избег общей самодержавной участи. В начале – ликвидация огромного Союза, потом – война за крошечную Чечню; стоило приглашать в советники Галину Старовойтову, чтобы сменить потом ее общество на компанию высокопоставленных лакеев Коржакова и Барсукова... Так чего же требовать от Грозного, чьи университеты прошли за Кремлевской стеной. Вначале Иван IV проводит либеральную церковную реформу, назначает Адашева и Сильвестра на самые высокие посты; губные избы неплохо смотрелись в качестве то ли полицейских участков, то ли баз и блокпостов ОМОНа; по крайней мере разбойничков ловить стало куда способней; институт первичных присяжных заседателей был представлен целовальниками. Казалось, что создаются некие земства и приближается мало-помалу час

П. Плешанов «Иван IV и протоспась Сильвестр», 1856

великих реформ Александра II, и не придется ждать до 1861 года. А почему бы и нет? Безродно-природные «почвенники» все время колют нам глаза Варфоломеевской ночью. Мол, у нас Иоанн Грозный, а в Западной Европе – Екатерина Медичи, Карл IX, истребление гугенотов, религиозные войны... Но конец XVI века во Франции – это великий реформатор Генрих IV, его вдохновитель Мишель Монтень, и сегодня актуальный философ-гуманист; это Нантский эдикт о свободе совести; это первая в Европе идея о социальных и экономических преобразованиях, потому что, снижая налоги и раздавая коронные земли, Генрих IV добился-таки своей заветной цели: «Чтобы у каждого крестьянина по воскресеньям была курица в горшке». А ведь концы царствований Иоанна IV и Генриха IV почти совпадают. Но мы и в тот самый первый раз не ухватили Запад за хвост, как не ухватили его в этот, самый последний; европейская электричка от нас сбежит впервые в 1564 году, когда Иван Грозный забьется в Александрову Слободу и предъявит «гражданскому обществу» Москвы и окрестностей свой ультиматум. Мы останемся ни с чем и поплетемся по шпалам в следующую, годуновскую эпоху, чтобы снова эту электричку упустить. И так будет всегда. Слово «всегда» понимаете ли?

Молодой Иоанн имел богатое и уже единое царство; абсолютную власть; умных советников из Избранной Рады; прелестную жену, младенца-сына; он даже снискал военную славу, завоевав Казань, и мог купаться в ее лучах и получать любые почести. У него был друг и наперсник, один из лучших полководцев и писателей эпохи – Андрей Курбский, который сидел вместе с ним за книгами, ходил на Казань, парился в баньке и бегал по девкам. Правда, прекрасная Анастасия умерла рано, но ведь фильм Эйзенштейна, художественно правдивый, был исторически лжив, и никакая «царская тетка» не травила ядом «царскую жену».

У писателя В. Короткевича есть рассказ о белорусской ладье Харона, о загробном царстве и о страшной каре, которой там подвергается царь Иван Васильевич. На вопрос героя, долго ли еще ему страдать, тамошний белорусский Вергилий отвечает, что кара будет длиться до тех пор, пока на земле у него остается хотя бы один поклонник. Не скоро же успокоится грешная душа царя Ивана, тем более что его «alter ego», Иосиф Виссарионович, все еще собирает обильную жатву обожателей.

Из всех историков, сколько-нибудь известных, только Алексей Константинович Толстой признается, что у него перо выпадало из рук от негодования не на самого царя, а на общество, которое его терпело безропотно (это пока он собирал материалы для романа «Князь Серебряный», откуда широкие массы не очень квалифицированных слушателей и читателей только и могли почерпнуть представления о зверствах эпохи; потом последовали постановка в Малом театре и довольно попсовая, но подробно-жуткая экранизация: князю Серебряному было суждено сыграть роль путеводителя по кругам ада, созданного Иваном IV). Такой же путеводитель, элементарный и четкий, сработал Солженицын с «Архипелагом Гулаг». А вот писатель Рыбаков со своими «Детьми Арбата» сделал «soft»-версию для слабонервных (не бог весть что, но лучше знать основные преступления века, чем бегать по неведению с портретами Сталина в руках).

Оба тирана, между прочим, на редкость идентичны, и даже играют одну и ту же роль: репетиторов новой исторической истины. И, судя по блестящему усвоению материала социумом, оба были педагогами высшей квалификации, заслуженными учителями «Московии» и «СССР». Иван III и Ленин создавали систему координат нового мира, новый «Ordnung», они были Демиургами, Творцами, разрушителями и истребителями своей прежней среды обитания: до изменения рельефа, до замены состава атмосферы, до срезания почвы, до скальной основы. Иван III создал режим автократии, стерев остатки милой, несколько бестолковой, но вольной Киевско-Новгородской Руси. Ленин каленым железом Гражданской войны и красного террора выжег Российскую империю: казенную, помпезную, анахроническую, но все-таки эволюционировавшую и пригодную для жизни. Оставалось разъяснить населению, что ничего другого на его веку не будет. Иначе переселенцы могли бы подумать, что это просто экстремальный тур, и начать роптать. Если ты хочешь сделать из людей гвозди, забивай их в землю по плечи, бей молотом перемен по голове.

Репрессии Ивана III были функциональны: он карал сепаратистов, ослушников, диссидентов. Новгородский простой народ он не тронул, отняв только вольность, которую тот не сумел оценить и защитить, которую он предал. Это была умеренность (по будущим стандартам России). Поэтому и оказались возможными кухонные посиделки Максима Грека и Ивана Берсеня, за которые последний поплатился жизнью. Иван же Васильевич, кроме чисто технических достижений (новые варианты и способы пыток, в частности, изобретение «огненного» состава, прожигавшего несчастную жертву насквозь и весьма похожего на напалм), сделал еще два политологических открытия. Первое открытие – это универсальная формула автократий, формула отношений государства и

подданных, пригодившаяся потом и бросившему реформирование Борису Годунову, и Петру I, и Анне Иоанновне, и Павлу I, и Николаю I, и всем без исключения советским генсекам, да и нынешняя вертикальная власть не без пользы употребляет элементы этой расхожей истины. Но патент – за Иваном Васильевичем. «Мы, Князь и Государь Всея Руси, в своих холопах вольны; вольны их казнить, вольны их и миловать же». Это формула произвола, который сегодня называется «беспредел». Государство – не что иное, как вотчина государя, его имение. Нет ни права, ни долга, ни публичной политики. Только холопы и их барин, который даже Богу не обязан отчетом. Абсолют.

Второе ноу-хау было обретено в Слободе. Царь вернулся и учредил опричнину, с одной стороны, свой КГБ, свою ВЧК, потому что опричники должны были разбираться с изменниками, на что они и носили у седла песью голову (государевы псы) и метелку (выметать крамолу). Заметьте, что у Сталина партия ассоциировалась тоже с орденом Меченосцев. Но опричнина была еще и отчуждением власти от «земщины» – всей остальной страны. Земщина была только питательной средой для опричнины, ее грабили, как хотели. Отныне и навеки российская власть будет иметь косвенное отношение к подданным, она будет чужая, «The Alien», сама по себе. Власть и народ (по идее ее делегирующий) расходятся и более уже не сойдутся. Учрежденная Сталиным в нищей стране система спецдач, спецбольниц, спецсанаториев, спецдомов на Набережной и спецраспределителей действовала до последних дней КПСС (и в случае необходимости обслужит любую партию власти, если опять понадобятся спецквир и спецколбаса). Это не называлось опричниной, но было ей.

Избыточность, нефункциональность, безумие репрессий и при Иоанне, и при Иосифе тоже очень хорошо помогли усваивать реалии новой жизни. Наглядность – золотое правило дидактики, как сказал Ян Амос Коменский. Убивали семьями, родами, поколениями. А так как у Ивана Грозного не было лагерей для ЧСИР (членов семейств изменников Родины), то приходилось уничтожать их на месте. Жен обычно топили в реке, а дети тоже не оставались мстить за родителей. В уже смиренном Новгороде царь свирепствовал десять дней, не разбирая вины и имен; по двенадцать часов подряд пытал и казнил простых жителей сотнями, тысячами. Это была даже не зачистка, а ликвидация. Семь дней потом широкий Волхов тек кровью, и из него нельзя было воду пить. Тот же разгром ждал Тверь. Убивали и грабили, грабили и убивали.

Царь вел себя хуже «языческого царя» Навуходоносо-ра. И он, и Сталин были по стилю завоевателями, поэтому они и искали врагов вокруг себя до последнего вздоха. Когда Иван IV решил побаловать москвичей большим шоу – публичной мучительной казнью пятидесяти «врагов народа», он не нашел зрителей, потому что население все попряталось по погребам и чердакам. Москвичи решили, что их зовут на смерть, потому что царь решил покончить со столицей, как с Новгородом и Тверью. Пришлось опричникам от имени царя давать населению честное слово, что ничего им не будет: посмотрят на казнь и пойдут домой. Таковы были отношения между государем и народом. И, как это водится у всех «вертикальщиков», защитники они хреновые: у Ивана IV Хан сжег Москву, а

царь сбежал, спасая лично себя. К тому же царь сначала полез на «Германы», Польшу и Ливонию завоевывать, а потом с треском проиграл войну Стефану Баторию, которого поляки избрали на трон за военные и политические дарования. Хорошо еще, что Сильвестр и Адашев были сосланы сразу после возвращения из Слободы (по нашей шкале это был еще 1933 или 35 год, когда давали «детские сроки»). Они успели умереть в скитах и камерах. До пыточного следствия, до нечеловеческих казней. В отличие от великого полководца Михайлы Воротынского, гордости страны, не доехавшего до дальнего острога, погибшего по дороге от последствий пыток огнем.

А где было гражданское общество? Лучше не спрашивайте. На коленях, на карачках, у царских сапог, которые оно целовало 50 лет подряд, и так вошло во вкус, что уже не может обходиться без вкуса начальственных ботинок.

Сначала оно с воплями и слезами поперлось к Ивану в Слободу, дабы умолять его вернуться и не бросать народ, обещая за это не вступаться за всех, кого царь захочет казнить.

А потом, вспомним, как сталинский синклит ничтожеством, размазывая соплю по своим рылам, умолял его вернуться на престол в Кремль, откуда он сбежал в Кунцево сразу после нападения на СССР Девлет-Гирея XX века – Гитлера.

Со Сталиным этот инцидент произошел, так же как и с Иваном Грозным, дважды. Еще раз – во время похорон, и мне совсем не жалко тех «холопей», которые рыдали и давились за право приобщиться к гробу тирана.

Иван IV умер «при должности», в своей постели (как и «чудесный грузин»), и был оплакан. А великий историк Карамзин записал в своей истории, что «русские гибли, но сохранили для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная». Записано это в благополучные пушкинские времена! Но Иоанновы уроки пошли впрок. Навсегда. Произошла мутация, в России стали рождаться орки с нормальным телом, но с искаленной душой. Катастрофическая деградация страны в XVI веке стала необратимой. Отныне история России – история провалов ее вестернизации.

Но двое «выродков», то есть нормальных людей, неподвластных времени и окружению, встали у Истории на дороге. Митрополит Филипп Кольчев и бывший друг царя Андрей Курбский. Филипп Кольчев был некогда настоятелем на Соловках, он завел там образцовое хозяйство, парники, теплицы, библиотеки. Чистая славянская традиция, традиция гуманная и взыскующая к стандартам Киевской Руси. Он обличил царя прилюдно, в праздник, в Казанском соборе; отказал в благословении, назвал «сыродцем», «Навуходоносором», «язычником». Царь был жалок, был побежден. Даже он не мог

публично, на глазах у всех, казнить митрополита. Филиппу повезло: он дорого продал свою жизнь. Он выиграл свою личную честь и свое человеческое достоинство, а больше на Руси ничего выиграть нельзя.

Его казнят потом, когда трусливый клир низложит его и сошлет в монастырскую тюрьму. Тогда придет Малюта и тайно удавит, а официальная версия будет: угар. Но никто не поверит ей. Еще больший триумф будет ожидать Андрея Курбского, воеводу, интеллектуала, носителя скандинавской традиции. Он уйдет за флажки, хотя диссидентам положено ждать выстрела во время вечной охоты на свободную мысль. Ждать и «работать на благо». А он не стал. Под Дерптом он перешел к литовцам и сдал армию, и стал служить Речи Посполитой, то есть Западу. Мой предок, воевода Дерпта, Михаил Новодворский, слава Богу, на него не донес, но попытался остановить со шпагой в руках, и Курбский убил его на дуэли. Правильно сделал: не надо никого призывать оставаться в стойле. Так ли уж не прав был генерал Власов и его РОА (Российская Освободительная армия)? Надо ли служить тиранам и их рабам? Иван IV закроет границу и станет карать за эмиграцию смертью, но отныне на Руси возникнут два диссидентских течения. Одни праведники будут умирать за слово на месте, другие будут пересекать линии флажков и «клеветать на российскую действительность», как это делал Курбский, написавший на Западе первую подлинную историю России, историю преступлений, злодеяний, рабского молчания и государственного мучительства. Волки станут пробиваться в свободный мир, стремясь покинуть страну баранов, овчарок и пастухов. За флажки – можно и должно.

Волк не может, не должен иначе!

История пойдет своим чередом, и никто ее не остановит. И только волки научатся либо становиться у нее на пути и погибать под ее колесами, либо прыгать за флажки, и из-за флажков с горечью наблюдать за страстным романом дракона и его еды.

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

Я. Турлыгин. «Митрополит Филипп и Иоанн Грозный»

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАСКОЛ В ИСТОРИИ РОССИИ

С. Милорадович. «Суд над патриархом Никоном», 1855

Когда я готовил книгу «Грани русского раскола» (а мной двигал только один мотив: попытаться объяснить российскую историю не с точки зрения того, как нам объясняли многие десятилетия (с точки зрения борьбы классов, которая являлась двигателем истории), а попытаться найти какой-то иной подход, который поможет лучше описать многосложные явления в российской истории, которые были за эти столетия. Здесь я нашел такое звено, а именно – звено в религиозной плоскости. Это религиозный раскол. Я выскажу четыре основных тезиса, которые я в книге пытался представить, и начну как раз с главного, базисного, это самое главное обстоятельство, которое является фундаментом исследования.

Религиозный раскол в России и Европе

Почему явление религиозного раскола? Вся цивилизация европейская в полномасштабном смысле этого слова прошла через горнило религиозного раскола. И в Европе, и в России это явление было, с той лишь разницей, что в Европе это было чуть раньше, а в России – на сто лет попозже. Но события развивались одни и те же: произошел религиозный раскол и религиозная стычка между двумя частями общества, в Европе – между католиками и протестантами. Мы же понимаем, что в те времена никаких партий в современном понимании этого

слова не существовало, и поэтому роль партий играли как раз эти религиозные дела. Поэтому борьба католиков и протестантов – это явление не только религиозное, но и политическое, и так его и изучают в западной историографии уже много лет, что совершенно справедливо. Я попытался этот подход перенести на нашу историю. У нас были такие же события, такая же была кровавая резня, которая длилась примерно столько же по времени – это кровавая резня между сторонниками древнерусского обряда и приверженцами никоновских новинок. Между ними развернулась борьба, которая прошла через все общество, затронула все слои и в буквальном смысле этого слова разорвала всю социальную ткань российского общества XVII века. Очевидно, что это происходило в Европе и у нас с задержкой во времени, разницу во времени здесь нужно принимать во внимание.

Но самое главное, на что я хотел обратить внимание и что я считаю самым главным обстоятельством, которое легло в основу книги, и, на мой взгляд, определило ту российскую специфику, о которой не говорит только ленивый уже многие-многие десятилетия. Посмотрите, как завершились религиозные распри в Европе и как раскол завершился в России: в Европе окончание религиозных войн, если не углубляться слишком глубоко, произошло в 1648 году – Вестфальский мир, когда

провозгласили известный принцип устройства Европы «чья страна, того и вера». После этого была подведена окончательная черта этому кровавому явлению, это все ушло в историю. Если вы посмотрите на карту Европы XVII века, то там раздробленная Германия, но все основные государства уже есть, и произошло следующее после этих религиозных войн: католики и протестанты разошлись по своим конфессиональным квартирам, по своим конфессиональным государствам – «чья страна, того и вера».

В одном государственном образовании абсолютное преимущество католиков, в другом – протестантов, и если вы посмотрите на карту Европы, то это несложно обнаружить: Италия, Испания, Бавария, Австрия – это католики, а северные страны, северные княжества германские – это уже протестанты, Дания, Англия, Швеция – это все протестантские страны. То есть произошла, если так можно сказать (я применяю этот термин для удобства понимания), такая конфессиональная рассортировка в Европе: все разошлись, все осели в своих конфессиональных образованиях, и правящий класс и народ были одной веры. Это самое важное обстоятельство.

Это сыграло свою роль, поскольку, когда противники, столько лет между собой боровшись, уже разошлись, не видя друг друга, все успокоилось. И это создало почву для возникновения толерантности в полном смысле слова, я имею в виду какую-то либеральную идеологию. Все успокоилось: в нашем образовании все одни, в другом – все чужие, давайте как-то уживаться, и либеральные отношения у них появились.

Теперь – что произошло у нас. Закончилась религиозная резня – она была ничуть не менее кровавой, чем в Европе, длилась она всю вторую половину XVII века. Но как она закончилась? В отличие от того, что я говорил о Европе, где мы видим конфессиональную рассортировку между никонианами и приверженцами старорусско-

го обряда? Ее формально нет. Фактически возобладал принцип «чья сторона, того и вера», но совершенно по-другому возобладал: одни победили других, но остались жить вместе. Это очень важное обстоятельство, на которое нужно обратить внимание: двух России, России никонианской и России древнерусской, не возникло.

Одна сторона оказалась победителями (никониане), а староверы оказались побежденными, и проживание их вместе наложило определенный отпечаток: ни о какой терпимости или возникновении либеральной идеологии говорить не приходится. Если же образно сказать, то если одна компания с другой подралась, одна побилла другую, а потом они не разошлись по своим домам, а пошли опять жить в один дом, - понимаете, насколько их взаимоотношения будут трансформированы? Отсюда это своеобразие русского национального пути, здесь, на мой взгляд, и кроется этот ключ: когда между разными людьми, когда они живут вместе, бок о бок, локоть к локтю, есть все равно какая-то недоговоренность, скрытая вражда, прямые отношения неискренние.

Эта специфика наложила отпечаток на то, что называется социально-психологическим строем общества. В России из-за того, что так завершились наши религиозные войны, все получилось именно так, и это коренным образом отлично от всех европейских реалий, о которых я только что говорил. От разницы этих обстоятельств, от разницы конфессиональной рассортировки (в одном случае она есть, в другом она не осуществилась) происходят эти разные пути: европейская цивилизация стала формироваться на одних основах, а наша – на других, не совсем близких к европейским. Это, на мой взгляд, база, которая многое объясняет в этой специфике России. Это моя попытка объяснить, я не говорю, что это истина в последней инстанции, но как одну из версий объяснения русской самобытности я предлагаю ее в книге. Это первый базовый тезис о разнице развития Запада и России.

С. Милорадович. «Путешествие Аввакума по Сибири», 1898

В. Нестеров. «Аввакум Петрович»

Статистическое проклятье староверия

Почему этого не видно, почему раньше об этом не говорили? Здесь совершенно объективные причины – дело не в том, что кто-то был менее талантлив, многие талантливые люди занимались историей нашего раскола. Дело совершенно в другом: над нашим русским староверием висит некое проклятие технологического плана. Это проклятие связано с проблемой статистики – никакого другого смысла я здесь не вкладываю. Что я имею в виду: после того, как наши войны завершились, вся резня кровавая закончилась в конце XVII века, и Петр Первый уже отшлифовывал новое государство в никонианском облики, отшлифовывал новую административную вертикаль, тема староверия просто ушла. Она замаскалась, замылилась, и эта раздвоенность России (Россия одна, а раздвоенность ее была) ушла в тень – не в действительности, а в той статистике, которая была на тот момент.

Первая статистика староверия, о которой мы можем говорить, связана с Петром I, который провел первую, говоря нашим языком, перепись населения, где поставил цель выяснить число налогоплательщиков, он был озабочен именно этой стороной переписи. Там был такой обязательный вопрос: кто относит себя к старообрядцам? Это был первый вопрос, на который надо было

ответить в ходе первой всероссийской переписи. Какая была разница? Если ты называешь себя старообрядцем, то разница с православным никонианином была только в одном, по замыслу Петра I, – тогда ты платишь двойной налог. С каждого брали налог, но если ты себя объявил приверженцем староверия, то ты просто платишь двойной налог – и к тебе никаких претензий нет. Это была попытка легализации раскола после жестких и кровавых войн.

Случилось так, что раскольники, которых было очень много в стране (сколько – никто не знает и, думаю, никто никогда уже не выяснит), просто проигнорировали это предложение Петра I о легализации. Поэтому раскольниками себя объявило 2% населения от тех, кто участвовал в переписи – это мизер в пределах статистической погрешности. Тем более что церковь была настроена таким образом: мы проводим работу, мы их разубеждаем, мы им доказываем, что они не правы, мы их пытаемся вернуть в русло никонианской церкви, и плоды нашей работы таковы, что не предполагают увеличения числа раскольников. Поэтому вся статистика, которую вела духовная администрация на местах и в центре, потом уже Синод (с 1721 года) этим занимался, никогда не показывала роста староверия, поскольку не была в этом заинтересована. Им это было просто не нужно, потому что тогда возникли бы вопросы, чем они вообще занимаются. Это такая типичная бюрократическая ситуация.

Она сохранялась все время: первая перепись показала, что 2% населения относят себя к староверию, и последняя перепись, которая была в Российской империи в 1897 году, при Николае II, показала абсолютно те же 2%. Эти два пресловутых процента сопровождают историю старообрядчества на протяжении всего периода времени с Раскола и до 1917 года.

Если оперировать данными официальной статистики, то разговаривать просто не о чем, поскольку речь идет о какой-то статистической погрешности. Проблемы нет. О ней и не говорили, особо не вспоминали – самих староверов эта ситуация устраивала: зачем им лезть на рожон? Этот пресс они всегда ощущали над собой, и эта раздвоенность России всегда существовала, всегда чувствовалась. Я ее со своей стороны пытался понять очень трудным способом – это когда нужно работать исключительно с региональными материалами, с какими-то газетами, воспоминаниями о конкретных местностях. Когда их начинаешь собирать, это я по своему опыту уже знаю, то возникает картина, что по документам все православные; старообрядцев – 2%, 3%, где вообще 1%, где вообще никого. На самом деле те люди, которые знают реальную жизнь каких-то уездов и губерний, сообщают о том, что количество старообрядцев огромное. В цифрах это схватить нельзя, мы можем это только схватить по тем авторам, которые отразили это в своих мемуарах, заметках, краеведческих работах, статьях – такие статьи есть, их выуживать и вылавливать очень трудно, это очень трудоемкая работа. Поскольку я один всем этим занимался, то я сделал сколько мог, и по разным областям выясняется, что делалось это именно таким образом. Раздвоенность России существовала всегда, но ее никогда никто не рассматривал, все исследователи добросовестно оперировали этими 2%, а раз так, то и говорить было не о чем.

Была попытка все-таки выяснить, что же на самом деле. Этой попыткой занимались не только ученые и исследователи того времени, эту попытку масштабную предприняла власть в лице императора Николая I. Это очень важное обстоятельство: ни Екатерина II, ни Александр I не уделяли этой проблеме такого внимания, поскольку эти либеральные правители действовали в таком, как они говорили, просветительском ключе – не надо выпячивать какие-то религиозные разногласия, которые там где-то вроде существуют, давайте мы их сгладим, поэтому говорить о них мы остро не будем, а наоборот. Екатерина в русле этого даже пошла на такой шаг, что в 1782 году вообще отменила двойную уплату податей с тех, кто объявил себя раскольниками. Она была убеждена, что она следует европейской практике, что если она будет ей следовать, то все сгладится, и будет в конфессиональном плане однородный материал.

В Европе, куда она смотрела, так и было: здесь – однородный католический, там – однородный протестантский. А здесь – однородный православный. Но какого – никонианского или староверческого – разлива? Вот это была большая разница, а она решила, что это неважно, детали, на которых не стоит останавливаться, все равно все будет нормально – европейский опыт перед глазами, а она ему следовала. Александр I, как известно, следовал тому, чему следовала бабушка.

Николай I поначалу, когда ему досталось это хозяйство, тоже не проявлял интереса к этой проблеме, но потом проявил, ближе к концу своего царствования. Умер он, как известно, в 1855 году, у него царствование было долгое, тридцатилетнее; так вот, в конце царствования он очень сильно озаботился тем, что происходит на самом деле, поскольку были сигналы от МВД. Департамента полиции тогда не было, но МВД сигнализировало, что все не совсем так хорошо. Поводом, почему Николай решил заняться этой проблемой, была достаточно курьезная ситуация: он был очень озабочен революцион-

ным движением на Западе, которое в развитых странах набирало популярность под социалистическими и коммунистическими флагами – я имею в виду Сен-Симона, Фурье, Оуэна, у которых появлялись приверженцы уже в 30е годы XIX века во Франции, в Англии. Он боялся, что это будет у нас как-то проявляться, и не падет ли эта социалистическая пропаганда на какую-то почву у нас, что найдутся какие-то люди, которые готовы ее воспринять, поднять и устроить смуту в империи. То есть сугубо охранительные, конечно, цели были, у Николая I, они преувеличивали всегда.

Он решил выяснить, что здесь такое. А поскольку местной администрации, как гражданской, так и духовной, верить нельзя – они все рапортуют, что староверов меньше, а теперь – еще меньше, работаем мы прекрасно, все идет отлично, православие мы держим, чтим, – то тогда Николай I сделал разумную вещь в этой ситуации. Он решил сформировать три экспедиции в три губернии (Нижегородскую, Костромскую и Ярославскую) с одной целью: вы выезжаете туда на два с лишним года и выясняете, что там происходит на месте, в народных низах, сколько приверженцев староверия, и как это соотносится со статистикой, которая приходит с мест и откладывается у нас в центральном аппарате МВД.

Мы это хорошо знаем о Ярославле, потому что в ярославскую экспедицию попал Иван Сергеевич Аксаков, будучи чиновником МВД, ему было 27 лет. Он вошел в состав этой комиссии, если по-нашему говорить, и прожил два с лишним года в Ярославле, с 1849 по 1851 год, объездил всю Ярославскую губернию, все изучил. Вердикт всех этих комиссий – и Ярославской, и Нижегородской (а в Нижегородской работал еще один известный исторический персонаж – Мельников-Печерский, тоже молодой еще; он был из местных, но его туда взяли как знатока, он проявлял интерес всегда к староверию), и Костромской – все три комиссии доложили в Петербург, что ситуация такая: по их скромным прикидкам, старо-

П. Мясоедов. «Сожжение протопопа Аввакума», 1897

В. Суриков. «Боярыня Морозова», 1887

веров в 10-11 раз больше того количества, которое заявлено в официальных документах. Потом все трое независимо друг от друга сделали такое дополнение: это совершенно не отражает сути дела – староверов гораздо больше, чем в 10-11 раз, они сказали, что точно установить невозможно. Кстати, опубликована переписка Аксакова, когда он находился в Ярославле и писал своим родным, и там как раз делился своими впечатлениями от увиденного. У него был такой взгляд: определить невозможно, поскольку по документам все православные, начинаешь всех спрашивать, ездешь по уездам губернии – все православные, но через полгода поняли и начали выяснять, что они не то что никакие не православные, они все староверы, да к тому же еще и беспоповцы – то есть им абсолютно безразличны священники, церковь и все, что с этим связано. Поскольку беспоповство, как вы понимаете, отличается от поповства в староверии, потому что оно отказывается от иерархии: нет священников, нет иерархии, нет таинств, нет ничего.

Вот такие данные пришли в Петербург, их изучило МВД, передало Николаю I, и он понял, что ситуация очень серьезная, поскольку все эти документы, которые официально находились в МВД, вообще ничего не отражали. И эта цифра – 10-11 раз, которую я назвал, которая была в докладах этих комиссий представлена, – как-то укоренилась, поскольку она очень определенная, и все стали считать, что именно так все и обстоит. Поэтому вся общественность, когда говорила о староверии, добавляла: сколько у вас их там – значит, в 10-11 раз больше. Это стало таким общепризнанным местом, и когда в 1897 году перепись опять дала те же пресловутые 2%, о которых я уже говорил, то вся общественность, газета «Рус-

ские ведомости» и другие газеты того времени писали: 2% или 20%? То есть опять в 10 раз больше. Этот штамп остался благодаря усердию Николая и его чиновников.

Как я сказал, эти проверочные комиссии по выяснению численности были проведены в трех губерниях. Материала было достаточно, но самое главное – силами МВД было выяснено еще одно обстоятельство. Я перехожу к третьей своей позиции, о которой сегодня хотел сказать. Первая – это раскол и то, в чем специфика религиозного раскола на Западе и в России, базовая, я считаю, вторая – это проблема статистики, статистическое проклятие, которое много десятилетий не давало возможности изучать, поскольку отсылали к статистике и сразу тему закрывали. Я решил тему не закрывать, а наоборот, ее открыть. И вот здесь открылось важное обстоятельство. Я закончил на том, что сказал про эти комиссии Николая I. Так вот, они не прошли бесследно. Во-первых, МВД очень сильно работало по самому центру староверия, каковым в российском масштабе являлась, естественно, Москва. Здесь достаточно было чиновников, посылать было не надо, все-таки вторая столица, и выясняли, каков механизм вот этого староверия.

Экономика староверия

Я напомним, что староверие – это не просто религиозное течение. Так получилось в нашей истории, что староверие превратилось к правлению Николая I, к 1830 годам, в конфессионально-производственную корпорацию, потому что весь русский рынок осваивался именно староверами. Дворянство никогда не стремилось заниматься какими-то торгово-коммерческими делами внутреннего

характера: экспортные и импортные потоки – да, отношения с иностранными предпринимателями – абсолютно да, это была прерогатива дворянства, и они туда, кто хотели, шли. Снабжение внутреннего рынка какими-то товарами – это всегда у дворянства вызывало какое-то пренебрежение. Вспомните даже у Гончарова «Обломов»: его Штольц пытается заставить чем-нибудь заняться, а он кричит: «Ты хочешь из дворянина ремесленника сделать!». Здесь очень метко отражена психология дворянства, оно этим и занималось. Староверие нашло в этом очень хороший способ для поддержания своего существования, своей веры, своих единоверцев, и поэтому с периода Екатерины II, когда была объявлена свобода предпринимательства, когда любой, кто способен проявить инициативу и заниматься торговлей, мануфактурами какими-то, даже не только мелким ремесленничеством, а крупным, если есть деньги, какой-то капитал, то именно староверческие слои кинулись на внутренний рынок и принялись его интенсивно осваивать. Поэтому у нас на ресурсах внутри российского рынка выросла такая конфессионально-промышленная корпорация.

Она строилась по староверческим связям, которыми была опутана вся Россия и которые были понятны только им, членам этих староверческих согласий. Это была хорошая база, и на основе этого на внутреннем рынке появились очень крупные купеческие династии. Сначала это радовало всех, Александра I это радовало, Николая I это тоже сначала не огорчало, но в конце царствования его сильно это огорчило, особенно после этих комиссий, о которых я сказал.

Выяснилось, что происходит на этом рынке. И Екатерина I, и Александр I, и Николай I думали, что происходит капиталистическое развитие – а что, собственно, должно происходить? Мы к этому стремимся, пусть все занимаются, сейчас тут вырастет капитализм. Но получилось совсем иначе: уже Николай I к концу 1830-х и в 1840-х годов понял, что никакого капитализма не вырастает, а вырастает совсем другое. Он очень боялся, что будет какое-то влияние европейских социалистических деятелей на Россию, что это как-то здесь устроит смуту, но потом он быстро понял, что это не работает, что это здесь никому не нужно, а есть другое явление, о котором он даже не подозревал. Это все выяснилось силами чиновников МВД, все эти материалы есть, они все отложены в архиве, я их смотрел и в петербургском архиве РГИА, и в нашем ГАРФе, выяснял, что же происходит. Происходит очень интересное: до середины XIX века на внутреннем российском рынке рос не капитализм, а росло то, что, на самом деле, к капитализму в нашем понимании и даже в понимании той эпохи не имело отношения, совсем другие явления. Что сразу удивило полицию – то, что понятие первоначального накопления капитала там отсутствовало.

Мы помним по Марксу, что первоначальное накопление капитала есть, у него такие-то черты, мы это знаем; а здесь оно не то что было маленькое

– его не было вообще. Это очень поразило чиновников, которые этим занимались. Самый хрестоматийный пример – это Савва Морозов, который работал по найму за 5 рублей в год, а потом вдруг пришел и объявил, что он хочет вступить в третью гильдию купечества, в низшую, а для этого надо было объявить капитал в тысячу рублей; и он эти деньги принес. Это было совершенно непонятно – откуда у человека, который работает по найму за 5 рублей в год, тысяча рублей, которую он может выложить и сказать: я теперь буду купцом третьей гильдии, буду мануфактуру какую-то делать или торговлю расширять.

Савва Морозов – это пример хрестоматийный, но это по всей стране было: люди, которые были никем, в мгновение ока становились владельцами целых мануфактур, объявляли огромные капиталы. Никто не понимал, откуда это, поэтому всегда криминальный шлейф сопровождал все эти дела: это кто-то кого-то убил, кто-то клад нашел, бандиты – что-то такое, как это обычно бывает. Может быть, что-то в каких-то случаях и было, но магистральное понимание этой ситуации в другом: это общинный капитал.

Раскольничьи центры (Рогожское, Преображенское кладбище в Москве – самые крупные) были не только духовными и религиозными центрами, как считается, это были артерии распределения капитала, финансовые артерии старообрядческого мира. На общинные деньги основывались производства, какая-то коммерция, какая-то торговля, но цели у этого производства было не получение прибыли, как думаем мы. Цель была совершенно иная: обслуживать потребности своих единоверцев. А для того, чтобы это предприятие хорошо работало, туда раскольничьими советами и наставниками делегировался кто-то из тех, кто способен хорошо этим руководить, осуществлять коммерцию, торговлю или руководить конкретной фабрикой. То есть не получение прибыли этим человеком и членами его семьи самое важное.

Николай I думал, что все происходит по гражданскому праву (собственно, как оно иначе может происходить), но староверческая среда порождала совсем другой тип хозяйства, который очень сильно напоминает то, с чем мы столкнулись потом, после 1917 года, т. е. то, что мы называем советской властью. Я думаю, вы понимаете

«Тытка боярыни Морозовой». Неизвестный художник.

те, что советская власть и все социалистические мотивы были, конечно, навеяны не Сен-Симоном, Фурье и Марксом с Энгельсом, а сидели внутри Российской империи. Я всегда говорю, что Российская империя была беременна той моделью, которую потом мы назвали советской. Эта модель, как я сказал, не нацелена на получение прибыли, она нацелена на удовлетворение потребностей. Социальная функция – главная, а не коммерческая, и эти хозяйства между собой не конкурировали, а их отношения строились на солидарной основе: нужно помогать друг другу. Как в социалистической экономике предприятия не конкурируют друг с другом, так и там было нечто подобное.

Это важный момент, который меняет очень многое в понимании пути российской истории. Те реалии, которые власть в лице Екатерины II, Александра I и Николая I продвигала (свободное предпринимательство, утверждение капиталистических отношений и ценностей), порождали совсем другие. Это произошло из-за того, о чем я говорил: не произошло конфессиональной рассортировки, были угнетенные, дискриминированные, они получили шанс заниматься каким-то делом, и они начали им заниматься, чтобы выжить в чуждой для них никонианской среде. Совместное проживание отторгло капиталистические ценности, и если правительство пыталось их утвердить и Екатерина II и Александр I все делали, как в Европе, то здесь рождалось нечто совершенно другое. Они этого не понимали еще тогда, понял это в полном смысле Николай I. Когда он это понял, он решил: да нет, так дело не пойдет, с этим нужно что-то делать. И когда он выяснил, что количество староверов вообще непонятно какое, что сосчитать сложно, то тогда он решил: все, хватит, мы запускаем репрессивную машину.

Всю староверческую экономику, весь этот непонятный капитализм нужно разрушить и ввести его в нормальное гражданское правовое поле, чтобы он регулировался Сводом законов Российской империи. Поэтому

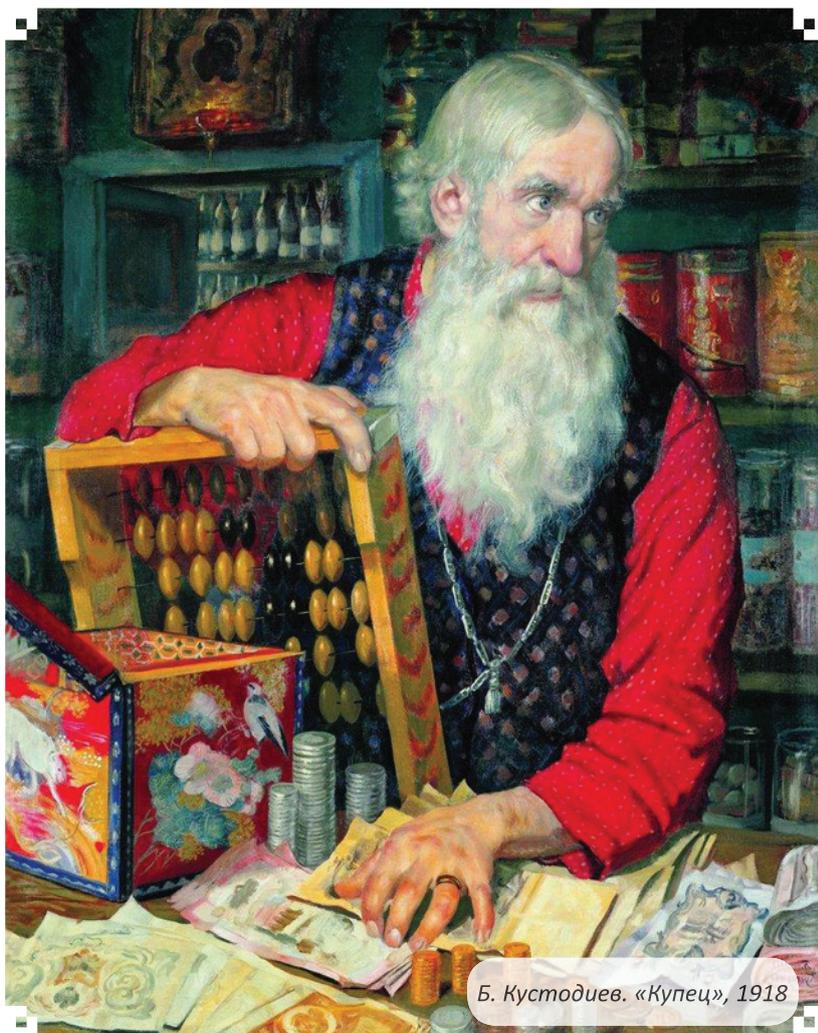
1853-1863 годы в историографии называются «мрачным десятилетием» для староверия.

Как он собирался осуществлять репрессивное давление на староверие? Началось все с того, что те, кто возглавлял староверческие предприятия, не являлись их владельцами, они являлись управленцами или, по нашему говоря, наемными менеджерами. Поэтому, если что-то не так, отошел от веры или еще какие-то негативные обстоятельства, то совет этих наставников мог сменить владельца, а это совершенно непонятно. Поэтому ученые фиксируют в купечестве первой половины XIX века движения, ротацию. Она была очень сильной, начиная с Екатерины II: были одни купцы, потом они целиком сменяются на других, не было еще такого устойчивого костяка, не было еще купеческих династий в том смысле, о котором мы дальше будем говорить, была большая циркуляция предпринимательских кадров на внутреннем рынке. Это было тоже непонятно, но Николай I понял, что это определяется не какими-то законными мерами, а какими-то иными мотивами непонятного характера, которые он считал, конечно, преступными.

В 1853 году в Москве один купец Федосеевского согласия умер, а его наследство ждал его племянник, но племянник отошел от веры староверческой, и поэтому совет наставников Преображенского кладбища решил, что наследнику ничего не надо, они быстро все переоформили, и наследство досталось кому-то другому, а наследник остался ни с чем. Наследник обиделся и пошел в полицию, заявил: что ж такое, я ждал столько лет, пока дядя болел, а теперь такое происходит. Это все легло на благодатную почву, дело сразу же поднялось до самого верха, до Николая I, и был дан сигнал, что все это Преображенское кладбище разогнать, всех сослать, арестовать. И тогда арестовали Гучкова, сослали его в Петрозаводск, сослали еще целый ряд наставников, Преображенское кладбище закрыли, останавливаться уже не хотели – все это перекинулось на Рогожское кладбище,

С. Серов. «Возвращение»

Б. Кустодиев. «Купец», 1918

там то же самое было: все закрыли, алтари запечатали. А всем предпринимателям и купцам сказали очень простую вещь: если вы хотите и дальше продолжать свою деятельность предпринимательскую, то вы должны принести справки, что вы все православные или единоверцы (это такая форма для староверов, которая утверждена Синодом, которая не пользовалась популярностью у старообрядцев никоим образом).

Наступил час X для староверия: нужно было уже определяться – или лишиться всего, или принимать эти правила игры, которые жестко обозначены властью, или делать вид, что эти правила игры приняты. Уж не знаю, насколько делали вид или не делали, но это все произошло: поток пошел какие-то справки приносить, а те, кто отказался справки приносить, переводились из своего купеческого состояния на временное право сроком на один год. А это очень нарушало все коммерческие дела, потому что через год у тебя все это могли отобрать, и кто с тобой будет работать, заключать какие-то договоры, вести какие-то коммерческие отношения, когда это все может прекратиться? Естественно, с коммерческой точки зрения это катастрофическое положение. Но кто-то и на временном праве остался, большая часть побежала переоформляться (не знаю, насколько это было искренне, скорее всего, конечно, нет). И привело это к одному очень серьезному обстоятельству для российской экономики: когда выяснилось, что те люди, которые на данный

момент, 1853-1855 год, начальные годы этого «мрачного десятилетия», были приставлены к определенным активам (фабрикам, торговым домам), - выяснилось, что их от этих активов отстранить нельзя, потому что власть стала очень жестко следить за этой циркуляцией.

Если ты хозяин, то ты должен все передавать по наследственному праву – никакие другие обстоятельства в расчет не принимаются, если ты этого не сделал, то у тебя все это отбирается. Поэтому все те, кто в данный момент был управленцами, уже никуда не могли деться. И второе: они очень быстро поняли, что это открывает очень хорошую возможность и теперь они будут зависимы не от единоверцев и каких-то советов, которые могут предъявить претензии в силу каких-то обстоятельств, а от имперского закона, который теперь уже на их стороне, и это намного приятнее.

Тут произошла трещина: вся староверческая модель солидарная, общинная, коллективистская треснула и стала сыпаться со стремительной силой. Шок был в староверческом мире огромный. В 60-70-е годы XIX века все уже прекрасно понимали, что произошло. Всех объявили предателями, там были очень сложные ситуации, у одного из детей Гучкова даже дочь заживо сожгли, были эксцессы очень сильные – ну, понятно, потрясение было огромное. Но мы все

эти потрясения прекрасно знаем, потому что советская историография их описала. 60-70-е годы, особенно середина 70-х годов, это рабочее движение, любимое детище советской историографии, о котором она говорила, что какие-то интеллигенты, народовольцы поднимают народ, указывают путь в будущее, они предшественники партии и т. д. Это все, конечно, полная чушь и не имеет никакого отношения к действительности. Все абсолютно рабочее движение обусловлено теми внутренними процессами, о которых я сейчас пытаюсь рассказать. И произошел разрыв: вся эта группа стала устойчивой, и именно с 60-х годов, что зафиксировано нашими учеными, которые всю эту статистику купеческую смотрели очень тщательно, с середины 1860-х годов прекращается, минимизируется ротация купеческих кадров. Если раньше циркуляция была очень большая и необъяснимая, то теперь она исчезает. Я объясняю это именно этими причинами: те, кто есть, те и остаются, остаются их дети. И именно 60-е годы – это основа формирования всех купеческих династий, которые дошли благополучно до октября 1917 года, это все берет свои корни именно там, в 60-х годах. Рабочее движение – это рабочее движение, оно было. Все это закончилось, все эти люди уже стали собственниками в прямом смысле этого слова, они приняли все эти правила капиталистической игры, уже ориентировались только на закон и на официальный рынок, уже пошла полноценная капиталистическая ориентация.

Противостояние Москвы и Петербурга

И вот тут – пункт четвертый, к которому я перехожу. Возникает такое явление в российской истории. Западные историографии говорят: начало всем известнейшим купеческим династиям положил не кто иной, как Николай I. В этом смысле – да, потому что он своей репрессивной политикой (а он человек был очень жесткий и решительный, как вы помните, долго не думал) очень сильно рубанул, все перерубил, все это разгромил, и это действительно привело к таким последствиям, которые остроумно замечены западными учеными. И вот на сцену российской истории вступает московская финансово-промышленная группа – еще крестьяне, которые вышли из крестьянской среды. Они совершенно не адаптированы к каким-то элитным делам официальным, потому что всегда черпали свои источники с внутреннего рынка, с подпиткой общинных капиталов, которые получали из раскольничьей кассы. Еще в конце XIX века дореволюционные исследователи говорили, что начало всем крупным московским купеческим состояниям положено из раскольничьей кассы. Все эти замечания справедливы, они меня наводили на мысль, что нужно идти и копать дальше по этой линии, чем я и занимался в своей книге.

И вот этот московский промышленный клан представлял из себя огромную силу. Какую – это очень быстро поняли, а именно в 1868 году, потому что в 1868 году правительство объявило конкурс на продажу Николаевской железной дороги между Петербургом и Москвой. Это самое прибыльное было, еще железных дорог было немного, и, естественно, это все должно было достаться определенному коммерческому обществу, где учредителями были французские капиталисты и аристократические семьи, приближенные к императорскому двору. Лоббировал их, естественно, министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн. И вот тут они столкнулись с тем, что вышла московская заявка коллективная, причем эта заявка поразила финансовой мощью. Московское купечество сказала: а вот мы хотим, чтобы нам досталась эта железная дорога, и мы для этого собираем капитал, и в чем была особенность: без гарантий. Это самое главное: нам не нужно никаких правительственных гарантий, это просто чистые деньги. Тут все опешили, Рейтерн тоже опешил, конечно, потому что здесь предполагалась гарантия на облигационный капитал, вся эта система была очень разработана, а тут – очень прямой, откровенный был заход. Кабинет министров, естественно, проголосовал за московскую заявку, поскольку она была в финансовом отношении настолько выигрышна, что любой, даже не искушенный в финансовых делах человек, отдал бы предпочтение ей. Министры были люди разумные, они сказали: ну да, что тут говорить. В итоге на заседание кабинета министров пришел Александр II, он имел право вето, и он сказал: нет, все будет по-другому, все получают те, кому это предназначалось.

Кто помогал московскому купечеству это все делать? У московского купечества, у этих вчерашних крестьян, появились союзники во власти. Союзников во власти, конечно, было немного, не каждый был готов с ними общаться. Но оказалось, что готова общаться некая часть элиты: это славянофилы, группа Каткова,

князь Мещерский Владимир Петрович, который был другом Александра III. Он и назвал этих людей «русской партией»: русской партией мы будем бороться за русские интересы, а эти ребята купеческие будут нашим экономическим отделом – они книжек писать не могут, зато дело делают хорошо, поэтому мы будем выражать их интересы. Потому что они отлично поняли, что огромный поток, как сейчас финансисты говорят, cash flow идет, и, конечно, приобщиться к этому желали все, кто хотел вообще связываться с этим.

Катков и Аксаков, например, очень тесно были связаны с этими купеческими кругами, Самарин – все абсолютно. Они работали в тех купеческих структурах и получали за это огромные деньги, они выражали интересы этого московского купеческого клана. Сформировалась полноценная финансово-промышленная группа, которая имеет опору в элите, в такой элите национально ориентированной, как они сами себя называли. Им противостояла совершенно другая группа – группа петербургская, которая формировалась совсем по-другому: это абсолютно аристократическая дворянская группа, которая начинала средний и крупный бизнес исключительно с помощью власти, с помощью казны, с помощью каких-то административных решений, административной поддержки. Они обладали административным ресурсом, они сами были тесно переплетены с этой властью родственно и всячески. Московская купеческая сила выросла на староверческом корню.

Очень важно понять, что это обстоятельство не играет большой роли для дальнейшего исследования, потому что да, они выросли на староверческом корню, но потом расцветка была очень разнообразная: кто-то старовером остался, кто-то стал единоверцем после репрессий Николая I, кто-то в православные перешел. Я не смотрю на это с точки зрения, практикующий это старообрядец или нет, или он практикующий единоверец или православный. Для меня это не важно в данном случае, для меня главное – понять, что даже несмотря на то, практикующий или не практикующий, у них была финансово-экономическая общность, были общие интересы, они их очень тесно спаивали. Даже такой известный представитель купечества, сыгравший большую роль на последнем этапе жизни империи, как Александр Иванович Коновалов, был официально православным, а дед его – старовер, и Мельников-Печерский в «В лесах и на горах» пишет о его дед в Костроме самые хорошие слова. То есть его дед был старовер, а он – уже нет, но что, из-за этого Коновалов-внук не участвовал в делах этого клана? Да он не просто участвовал, он был одним из главных действующих лиц, он работал вместе с Рябушинским, который был старовером, с Хлудовым, который был единоверцем, и со многими другими.

Самое главное обстоятельство – что московский промышленный клан был внебюрократического происхождения, это то, на чем я акцентирую внимание, а петербургский клан – продолжение чиновничьих коридоров. Я не говорю, что это плохо, просто это капитализм сверху – вот что такое петербургская буржуазная группа, с активным и широким привлечением

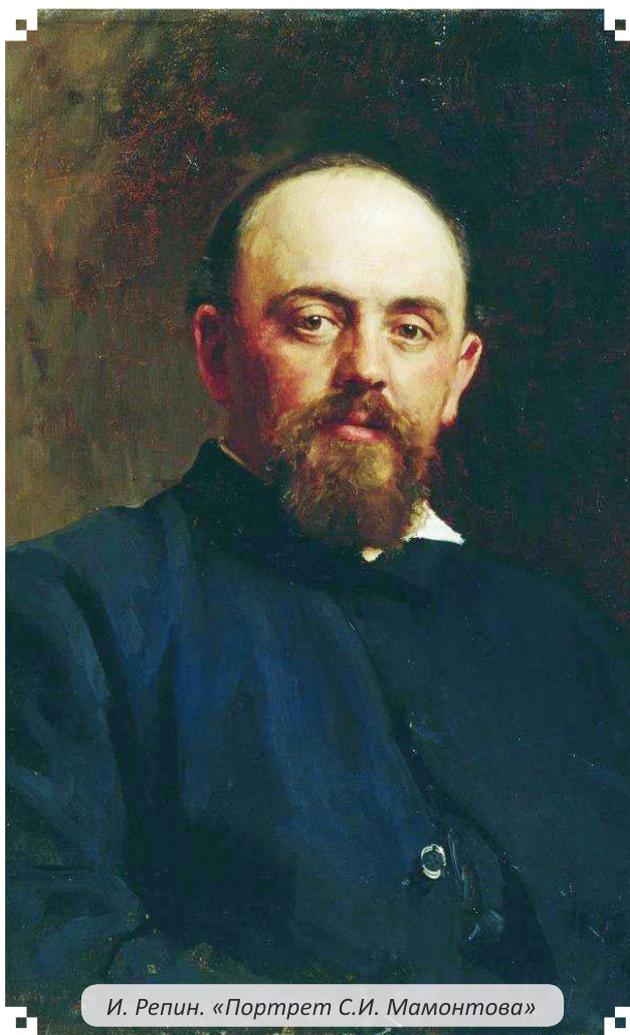
иностранный капитал. Она активно участвовал во всех делах придворного и околоправительственного кругов, контактировала со всеми с ними. Здесь – совсем другая картина, здесь капитализм снизу вырос, с этой конфессионально-промышленной корпорации, вырос, сформировался в силу всех этих метаморфоз николаевских, вышел на эту арену, нашел союз, нашупал опору в этой славянофильской среде, вышел и стал бороться за место под солнцем.

Началось столкновение двух кланов: петербургский считал, что они вообще-то хозяева экономики, но тут выросла эта группа и сказала: нет, вот мы – истинно русские люди, а вы непонятно кто, немцы-французы, иностранный капитал; а вот мы все здесь сами, мы на этой земле выросли, поэтому, образно говоря, контрольный пакет экономики должен принадлежать не вам, а нам.

Первое столкновение в 1868 году вокруг железной дороги (это крупнейшее дело было, газеты только и писали об этом) показало, что схватка началась. Александр II дистанцировался от клана московского купечества, но относился лояльно: в 1863 году он пошел им навстречу, снял все эти ограничения своего отца, смягчил (он тоже же был такой либеральный, Александр II), дал понять, что это надо ценить – те и ценили это, естественно. Он снял и временное право; Николай I запретил им государственные награды давать – Александр II сказал давать награды, пожалуйста. Но он знал границу, это четко видно по документам: когда кто-то из его приближенных пытался как-то лоббировать интересы каких-то конкретных староверческих дел, то он всегда в этому относился негативно. То есть можно сказать так: у Александра II такая была политика, что я вас всех люблю и уважаю, но приближаться ко мне не надо, все нормально, все хорошо, но не надо ко мне приближаться. Вот те ему кланялись издали.

Тут случился очень хороший поворот: Александр III вззошел на престол, и это совсем иное было. Александр III, еще будучи наследником, попал под воздействие всех этих людей, о которых я говорю. Мещерский был его другом, он организовал кружок, который посещали Самарин, Аксаков, Катков, Достоевский, Мельников-Печерский туда же приезжал и рассказывал о староверии будущему Александру III, там был и Победоносцев. Все эти рассказы о староверах ему не очень нравились, поскольку, понятно, он был человеком православным, ориентированным на господствующую Церковь, он не мог это воспринимать, и вся эта дружба его друзей по отстаиванию национальных интересов со староверами ему не нравилась, но они над ним посмеивались дружески и продолжали делать свое дело.

Этот кружок стал править бал при Александре III. Александр III сократил дистанцию, которую держал Александр II, он пошел в обнимку, сказал: да, это люди настоящие, тут происходит такое охлаждение с Германией, он говорит: эти немцы, как Катков говорил, всех их выставить надо, немцев отдали, на французскую биржу все перешли. Протекционистский тариф: все купеческая буржуазия требовала, чтобы был высокий тариф – сделали при Александре III самый высокий таможенный тариф в Европе, и делало его москов-

И. Репин. «Портрет С.И. Мамонтова»

ское купечество, Менделеев и министр финансов Вышнеградский, это хорошо известно. Все – наступила наконец-то эпоха расцвета староверия. Вся московская группа стала усиливаться огромными темпами, они поняли, что еще чуть-чуть – все, контрольный пакет экономики будет у них.

Александр III скоропостижно умер, не дожив до 50 лет чуть-чуть, на престол вступил Николай II. У него был министр финансов Витте, который достался от Александра III, тот говорил, чтобы он его сохранил. Витте, на самом деле, что самое интересное, был абсолютно черносотенный человек. Это удивительно для многих. Поскольку Витте – это питомец своего дяди, Ростислава Фадеева, который был идеологом русской группы, писал манифесты один за другим, строчил «тетради» – послания всякие националистически ориентированные. Витте печатался в газете «Русь» Аксакова, в «Московских ведомостях» Каткова, то есть это был свой человек. Московское купечество было радо, что Витте – министр финансов. Вышнеградский тогда заболел, у него случился инсульт, и он не мог уже работать, вынужден был оставить активную деятельность и вскоре умер. А Витте – достойный преемник из тех же сил, которые опекали московскую группу, никаких проблем не было. Но Витте очень сильно изменился к середине 1890-х годов, и он сделал страшную вещь для московской группы. Он объявил, что приоритет будет иной в экономике, а именно: ждать, пока лучшие

А. Левченков.

«Министр финансов граф Витте С. Ю.», 2008

люди страны, московское купечество, вырастут до серьезных масштабов долго, мы безнадежно отстанем от западных стран, поэтому мы для ускорения нашего развития, для нашей модернизации привлекаем иностранный капитал. Во второй половине 1890-х годов иностранный капитал просто хлынул сюда, в Россию, это был невиданный поток, такого массивного потока никогда раньше не было.

Это сознательно делалось и все это происходило не напрямую, естественно, а через группу петербургских банков. С конца XIX века петербургские банки резко усиливаются, резко вырываются вперед. Они стали обслуживать все инвестиционные потоки, их влияние в экономике стремительно возросло, они начинают устанавливать контроль не просто над какими-то предприятиями, а над многими отраслями промышленности. Тут московское купечество поняло, что конкурировать оно с ними в таких условиях не может. Петербургский бизнес и был всегда недругом, а теперь стал просто главным врагом. Правительство затащило сюда иностранный капитал, что проходит еще 20 лет – и мы не то что без контрольного пакета экономики, а жалкими миноритариями останемся, нас никто спрашивать ни о чем не будет.

Вся московская группа оказалась в очень сложной ситуации. Но это была очень верноподданническая группа – я вам говорил, что они общались со славянофилами, с Катковым рядом сидели; кто-то их пытался втянуть в революционные дела – да они и слышать не хотели ни

о каком Герцене с Огаревым, ни о каких газетах, ни о каких народниках, они их видеть в глаза не хотели никого. Если появлялся такой, то надо сдать его в полицию быстрее, пока не убежал. Это была группа, далекая от всех идей, кроме верноподданнических – промонархическая, прославянофильская полностью. А здесь с купеческой элитой случился переворот: они поняли, что больше эта идеология, которой они придерживались и думали, что поэтому лавры будут у них и все получится, теперь они поняли, что ничего не получится, если держаться той же идеологии верноподданнической – она не работает. С нами так поступили, нас просто сделали разменной монетой в своей игре – вот и все; мы думали, что они нам все, а в итоге что мы получили? Медленное умирание – вот что мы получили в итоге! Значит, что нужно сделать: нужно ограничить самодержавие и правящую бюрократию. Поэтому мы оставляем всех этих славянофилов, Шарапов (Катков и Аксаков, к счастью для них, умерли и не увидели это все, Шарапов еле-еле пережил и в 1908 году умер), всю эту публику отодвигаем от себя и кидаемся навстречу тем, кто продвигает либерально-конституционные ценности. С одной целью: нужна конституция, а не выражение верховной воли, а то мы уже видели, как он выражает свою верховную волю; этого нам не надо, поэтому надо это ограничить, мы тоже хотим влиять законодательно, а не верить на слово Витте и другим министрам из высшей бюрократии.

И эта вот правоверная славянофильская купеческая элита переходит на либерально-конституционные рельсы, и с этого времени начинается последний отрезок империи, последние 20 лет до 1917 года. Если раньше борьба носила экономический характер, то теперь она приобретает явный политический оттенок: они финансируют культурно-просветительскую инфраструктуру для распространения либеральных демократических ценностей. Это и МХАТ, который заказывал пьесы Горького, издательства Сытина и Сабашникова, Третьяковская галерея, частная опера Мамонтова – это все огромная дорогостоящая инфраструктура, нацеленная на то, чтобы распространять либерально-конституционную идеологию, в чем они были полностью заинтересованы. Они начинают контактировать со всеми революционными кружками, которые к этому времени как раз превращаются в партии. Логика была простая: профессора-то – это хорошо, если они будут в аудиториях доказывать необходимость конституции, но если за углом еще кто-то бомбу кинет, то это поубедительнее будет выглядеть. Поэтому они были такой связующей силой, которая работала по всему фронту оппозиционного движения, силой, которая и контактировала со всеми, и, главное, обладала финансовым ресурсом для реализации этих целей, поскольку не все дворяне были богатыми. В земстве, конечно, такие были, но никто не мог сравниться с крупнейшими фабрикантами центра России, которые, естественно, проживали все в Москве.

Накал этой борьбы привел к тому, что мы называем 1905 годом. У нас говорят, что это все была кропотливая работа партии большевиков, которая мужественно продвигала и готовила. Никакая партия большевиков, никакой Ленин никакого отношения к событиям 1905 года не имеют, это абсолютный факт. Более того: когда я смотрел

документы, то у меня сложилось впечатление, что они, поняв, что что-то назревает (они же все приехали сюда, включая Владимира Ильича), собирались развернуть действия в Петербурге и там даже съезд назначили, и туда съезжаться начали в начале декабря 1905 года – и Ленин там был, и Горький там был. Потом узнали с удивлением, что какие-то бои начинаются совсем в другом месте – в Москве, и все из Петербурга, включая Горького, сломя голову помчались в Москву, чтобы понять, что происходит, и включились в эту ситуацию. Потому что главной движущей силой были никакие не революционные партии тогда, главной движущей силой событий в Москве, включая вооруженные восстания, были те, кто с полным правом мог считаться хозяином города – это купеческая буржуазия.

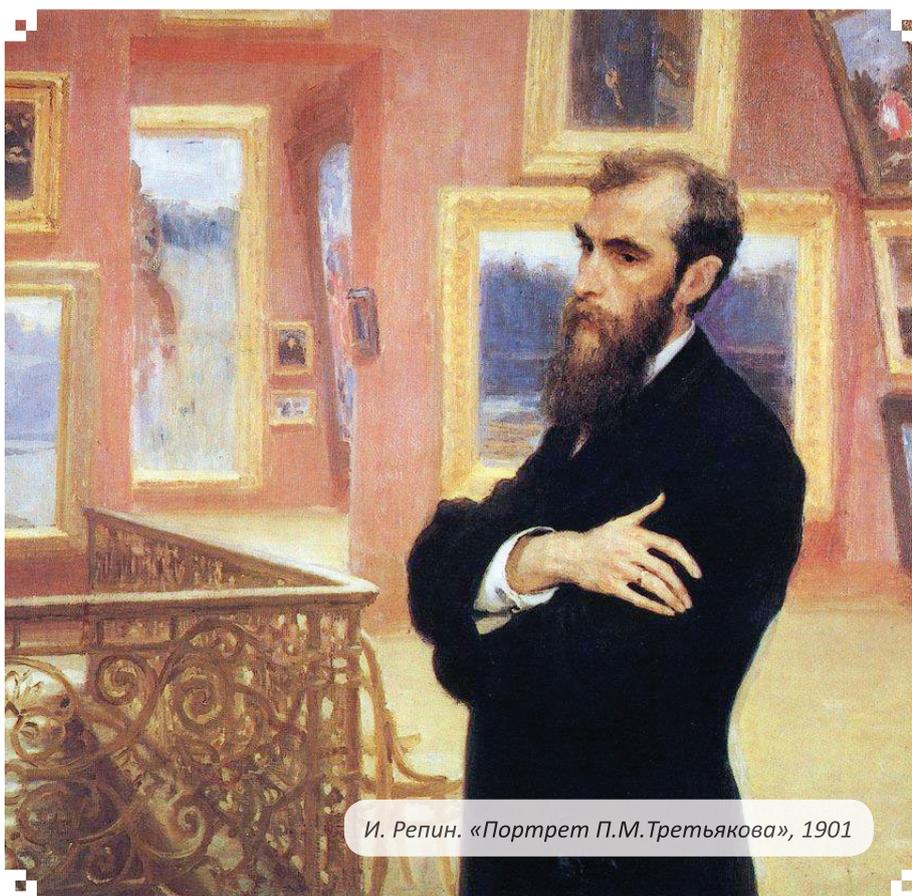
Создание Государственной Думы – это плод этих событий, Государственную Думу они пытались сделать, пробивали ее, пробили, сделали. Потом был период апробации, когда они думали, как будет работать новый политический формат, думский формат. Потом поняли, что формат этот не работает, и все началось по-новой и закончилось уже февралем 1917 года, когда высшая бюрократия была сметена. Причем царя как такового никто сметать не собирался, они просто хотели убрать Николая II с супругой и поставить Михаила Александровича или наследника и сделать нечто подобное конституционной монархии: царь есть, правит, но ничем не управляет, а управляем мы через Государственную Думу и другие политические и (в первую очередь) экономические механизмы. Поэтому главным бенефициаром всего этого революционного движения, как выяснилось в феврале 1917 года, и была купеческая буржуазия. Это был ее триумф, это видно по всей периодике абсолютно, открытым текстом – просто нужно было побольше посмотреть, зачерпнуть газет, и достаточно полная картина уже вырисовывалась.

Единственное только обстоятельство: если 1905 год они делали собственными силами, то к февралю у них появился один союзник. Это уникальное явление в российской истории: представитель высшей бюрократии оказался полным союзником купеческого клана. Это Александр Васильевич Кривошеин. Он имел важный пост – главный управляющий по землеустройству и земледелию, это министерский пост так назывался, сподвижник Столыпина, любимец императорской четы. Он в свое время женился на одной из родственниц Морозова и тем самым вошел в этот купеческий клан и стал там своим, а после того, как он поступил на госслужбу и стал продвигаться (а его патроном

был Иван Владимирович Горемыкин, министр МВД и премьер-министр), он стал просто находкой для московского купечества, поскольку впервые в их рядах появился человек хоть и не старообрядческого происхождения, но связанный с узами с ними, причем на самом Олимпе, любимец императорской четы, главный бюрократ, один из самых способных людей.

Вместе с ним они пытались сделать такой парламентский проект. С 1914 года они начали это делать, именно их усилиями был устранен министр финансов Коковцов, который, естественно, был на стороне петербургских банков, он по роду службы был связан только с ними, и Кривошеин пытался продавить этот парламентский проект. Парламентский проект был отвергнут Николаем II ссылкой, что война идет, не время. Это случилось в сентябре 1915 года. Кривошеин поднял московское купечество, те в него вложились и верили, что сейчас продадим, будет парламентский проект, уберем всех ненужных министров, будем с нашего позволения назначать тех, кого нужно. А потом, когда Кривошеин оступился и Николай II указал ему на дверь, они о нем быстро забыли и взяли прямой курс уже на откровенное расшатывание, чтобы в феврале решить уже этот вопрос хоть с Кривошеиным, хоть без. Решили без него, так получилось, и февраль подводит итог всему этому этапу, который связан с московской купеческой группой. Я попытался описать, откуда она взялась, как она формировалась, как это все происходило и в силу каких обстоятельств, как она боролась за место под солнцем, какие были трудности, и к чему это привело.

Александр ПЫЖИКОВ

И. Репин. «Портрет П.М.Третьякова», 1901

ДВА НАБЛЮДАТЕЛЯ: ГРИГОРИЙ КОТОШИХИН И ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

А. Янов. «Приказ в Москве»

Они не были похожи, русский Григорий Карпович Котошихин, родившийся в 1630 г. (или несколько позже), обезглавленный в Стокгольме в 1667 г., и хорват Юрий Крижанич, родившийся в 1618 г., католический священник, приехавший в 1659 г. в Москву, отправленный год спустя в ссылку в Сибирь (Тобольск), отпущенный из Московского государства в 1677 г., умерший в 1683 г. Они сходны тем, что написали ценнейшие свидетельства о московском государстве XVII в. Сходство и в том, что их сочинения были открыты через два столетия после написания – непочитанные современниками, они стали важным источником для потомков.

Жизнь Григория Котошихина не послужила материалом для увлекательнейшего исторического романа прежде всего, видимо, потому, что жанр этот был малопопулярен в русской литературе, но, возможно, и потому, что автор «О России в царствование Алексея Михайловича», беглец и изменник, казался персонажем отрицательным.

Писец, а потом подъячий в Посольском приказе, ведавшем иностранными делами государства, Григорий Котошихин делал скромную карьеру, участвовал в переговорах со шведами, которые привели к подписанию в 1661 г. Кардисского мира. В докладной записке царю о ходе переговоров, которую писал Котошихин, он допустил ошибку: следовало написать Великому Государю, а было написано – Великому. Слово «Государь» подъячий пропустил. Послам был сделан строгий выговор, а Котошихина били батогами. Впрочем, на дальнейшую службу это не

повлияло. Вместе с дипломатическими представителями Москвы Котошихин был в Дерпте, в Ревеле, затем послан гонцом в Стокгольм. В 1663 г., когда в Москве начались переговоры со шведами относительно денежных претензий, Григорий Котошихин был подкуплен шведским представителем Эберсом и передал ему тайные сведения о московских намерениях. Изменнику было заплачено 40 рублей (документ обнаружен в шведском архиве). Это была значительная сумма: жалование подъячего составляло 20 рублей в год, которые уплачивались в это время медными деньгами. Эберс заплатил серебром, а может быть, даже золотом.

Шпионская деятельность Григория Котошихина вскоре прервалась, ибо он был послан вести канцелярию в московскую армию, стоявшую под Смоленском. Вскоре командующий войском князь Черкасский был отозван, а назначенный на его место князь Долгорукий потребовал от Котошихина составить ложный донос на своего предшественника. Понимая, что согласие или отказ могут быть для него одинаково губительными, Котошихин летом 1664 г. бежит в Польшу. Он предлагает свои услуги польскому королю, но, не удовлетворенный условиями, перебирается в Стокгольм. В 1666 г. его зачисляют в штат государственного архива и предлагают написать то, что он знает о России, с жалованьем в 300 риксдалеров. Автор предисловия к первому шведскому изданию «О России Алексея Михайловича» пишет, что государственный канцлер граф Магнус Делагарди, «узнав острый ум

Котошихина и его особенную опытность в политике, дал ему средства и возможность закончить начатый труд». Котошихин написал свою работу за 8 месяцев, полагаясь только на свою память, почти без всяких пособий.

В ссоре с приревновавшим московского беглеца к своей жене хозяином дома, где поселился Котошихин, он смертельно ранил ревнивца. В ноябре 1667 г. Григорий Котошихин был обезглавлен, перейдя перед смертью в лютеранскую веру.

В 1837 г. профессор Гельсингфорского университета С.В. Соловьев нашел в Стокгольмском государственном архиве перевод работы Котошихина, а год спустя в библиотеке Упсальского университета – оригинал. Через три года, в 1840 г., книга была опубликована в России и преподнесена императору Николаю I. Она переиздавалась в XIX в. еще дважды (1859, 1884). В XX в. «О России Алексия Михайловича» (название дано первым публикатором) издавалась только один раз, в 1906 г.

Личность автора не менее интересна, чем его книга. Первым русским эмигрантом называют князя Андрея Курбского. Это не совсем справедливо, ибо бегство друга Ивана Грозного было выражением обиды феодала на сюзерена, проявлением своеволия князя, считавшего уход от московского великого князя своим правом. Бегство Григория Котошихина, мелкого чиновника посольского приказа, сына незначительного служилого человека, было бунтом рядового обитателя московского государства, холопа, которого за ошибку в царском титуле били батогами. Почти одновременно бежал в Польшу сын руководителя русской внешней политики – Воин Ордин-Нащокин. Огорченный отец ждал жестокой опалы, но царь, очень благосклонно относившийся к Афанасию Ордину-Нащокину, утешал отца, написав ему: «Он человек молодой... яко же и птица летает семя и овамо и полетав довольно, паки к гнезду своему прилетит». Царь Алексей оказался прав: Воин Ордин-Нащокин, «полетав» в Польшу и Францию, вернулся домой, где был наказан очень легко. Такого «либерального» отношения не мог ожидать подьячий, которого официально звали «Гришка Котошихин».

Московская «Краткая литературная энциклопедия» (КЛЭ), желая придать «вес» сочинению Котошихина, называет его «русский общественный деятель и писатель». В действительности автор «О России в царствование Алексия Михайловича» не был ни общественным деятелем, ни даже писателем в общепринятом смысле этого слова. Он был, по выражению Ал. Маркевича – автора единственной биографии Григория Котошихина, написанной в 1895 г., – «рядовым чиновником, хорошо изучившим канцелярское дело в своей специальной области и ловко разбиравшимся в окружающей его жизненной атмосфере». Очевидно, делает очень важный вывод Ал. Маркович, что «в служебных сферах Московского государства, и особенно в органах центрального управления, уже сформировался известный тип людей, очень ловких, наблюдательных, сведущих в своем деле, практических, хорошо знавших жизнь, дельцов на все руки, даже развитых для своего времени».

Это было новое поколение русских, выросшее после Смуты. Григорий Котошихин был его представителем, «заурядным чиновником», но очень незаурядным человеком. Автор предисловия к первому шведскому изда-

нию «России при Алексии Михайловиче», лично знавший Котошихина, говорит о его блестящих способностях, о том, что он был «человеком выдающимся», «ума несравненного». Его первый русский биограф подчеркивает иное качество, возможно, еще более редкое: «Котошихин легко может ошибиться, но не солгать».

Историки, использующие, начиная с XIX в., работу Григория Котошихина, находят в ней очень мало ошибок. Главная ценность сочинения первого русского эмигранта в том, что оно было первым. «До второй половины XVII в., – констатирует исследователь сказаний иностранцев о России, – мы не знаем ни одного русского произведения, которое рисовало бы нам общую картину состояния тогдашнего общества». До Григория Котошихина о России писали только иностранцы: отстраненность давала им возможность увидеть то, чего могли не видеть русские, но она же ограничивала понимание тех сторон жизни, которые были им незнакомы и чужды. Котошихин знает Московское государство изнутри и знает его великолепно. Самая обширная глава посвящена органам центрального управления – приказам, большое внимание уделено организации дипломатической службы, церемонии приема послов, военному делу, торговле, положению крестьян, царскому придворному хозяйству. Автор не забывает о частной жизни обитателей московского государства, описав праздники, свадебные обычаи, угощения и т.д. Слог Котошихина – официальный московский XVII в., отличающийся деловитостью, сухостью, точностью. Язык ясный, точный, непохожий на темпераментную, нередко выпендренную речь Аввакума. Автобиография неистового протопопа и спокойная реляция подьячего свидетельствуют о высоком уровне русского литературного языка, о наличии в середине XVII в. фундамента для будущей литературы. Сухой котошихинский стиль оживляется сарказмом, приоткрывающим характер московского человека, современника царя Алексея. В кратком историческом очерке, которым Котошихин предваряет описание Московии, он, например, замечает: «Когда у Грозного не было войны, он вместо того мучил подданных».

Григорий Котошихин составлял свое описание Московского государства по заказу шведов, противников Москвы, но нигде писатель не старается угодить заказчику. Например, он мало пишет о московском войске, что, казалось, должно было специально интересовать шведов. Котошихин стремится очень точно и правдиво представить состояние государства, которое он великолепно знает, потому что он там жил и потому что он оттуда бежал. Знакомство с немосковским миром, – Польшей, Ливонией, Швецией – дало эмигранту возможность по-настоящему увидеть московские порядки. Григорий Котошихин ничего не обобщает и очень сдержанно выражает свое отношение к описанному, но его рассказ не оставляет никакого сомнения в главном выводе писателя: Московское государство – неблагоустроено, отстало, причем не только в образовании, но и в нравах, по сравнению с западом.

Автор «Московского государства при Алексии Михайловиче» с удивлением, раздражением, возмущением описывает состояние родной страны, но все эти чувства вызваны тем, что он знает – есть другая жизнь, другие порядки и нравы.

Князь Андрей Курбский видел причины московских бед в самодержавной власти великого князя. Подьячий Григорий Котошихин видит источник бед московского государства в необразованности. Он рассказывает о том, что на заседании Боярской Думы «иные бояре, бради свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, а по великой породе, и многие из них грамоте не ученые...». Но одинаково скорбит писатель о том, что «Московского государства женский пол грамоте неученые...». Одну из основных причин необразованности Котошихин видел в замкнутости Москвы, в ее отчужденности от Европы. Пройдет четверть века, и многие из его критических замечаний лягут в основу изменений, потрясших Россию в эпоху реформ Петра I.

Сочинение Григория Котошихина было описанием Московского государства, завершавшего свою историю, ждавшего необходимых для дальнейшего существования перемен. Первая русская публикация книги вызывает оживленный интерес, описание Московского государства второй половины XVII в. становится предметом споров между западниками и славянофилами, двумя умственными течениями, совсем недавно возникшими в русском обществе. Для западников Котошихин был убедительнейшим аргументом в пользу реформ, осуществленных Петром. В. Белинский был очень доволен: «Читатели наши могли видеть верную картину общественного и семейного быта России... Сколько тут азиатского, варварского!... Сколько унижительных для человеческого достоинства обрядов... Все это было следствием изолированности от Европы исторического развития, следствием влияния татарщины». Западники объясняли бегство Григория невозможностью для развитого человека дышать московской атмосферой. Крайние славянофилы отвергали свидетельство Котошихина (не умея опровергнуть его документами), ибо он был враг народа. Историк Михаил Погодин, автор официальной теории народности, не отрицая справедливости показаний эмигранта, доказывавших необходимость петровских реформ, остро осуждал западничество Котошихина, восклицая: «Избави нас Бог от котошихинского прогресса!» В 1993 г. русский исследователь эмигрантской литературы, о которой стало можно говорить без ругательств, высоко оценивает свидетельство, несмотря на характер автора: «В далеком Стокгольме на шведские деньги создана острым и безнравственным перебежчиком Григорием Котошихиным талантливая книга о Московском государстве, луч реальной правды среди велеречивых легенд и этикетного официоза». Не прекращается спор о русском прошлом, и поэтому не перестает выплывать на поверхность правдивый рассказ о переломной эпохе, написанный свидетелем, которого д-р Йерне, шведский автор первой биографии Григория Котошихина, написанной в 1881 г., назвал человеком несравненных способностей.

Григорий Котошихин был основоположником критической литературы. Его современник Юрий Крижанич был прототипом иностранца, настолько зачарованного Россией, что в ней он находит воплощение особого пути развития. В последующие три столетия Россию будут навещать чужеземцы, которые в рассказах об увиденном выберут, часто не подозревая об этом, либо модель Котошихина, либо модель Крижанича.

Судьба Юрия Крижанича и его сочинений также могла бы дать пищу романисту. Крижанич родился в Хорватии в 1617 г., окончил в Вене курс католической духовной семинарии, в Риме был подготовлен для миссионерской деятельности среди православных сербов в пользу унии. В 1646 г. впервые приехал в Московию, где прожил четыре года, продолжая свою работу. В 1660 г. он снова приехал в Москву, скрыв свой католицизм и свой сан каноника, выдав себя за серба. В 1661 г. Юрий Крижанич по неизвестной причине был сослан в Тобольск, один из важнейших в то время русских центров в Сибири. Он прожил там более 15 лет, до смерти царя Алексея. Выпущенный из России, уехал в Польшу. После 1680 г. его следы теряются. Рукописи многочисленных сочинений, написанных в ссылке, неясным путем попали в Москву, где полтора столетия пылились на полках Синодальной библиотеки. Открытые историком П.А. Безсоновым работы Юрия Крижанича были опубликованы частично в 1859 г. как приложение к журналу «Русская беседа». Вызвав значительный интерес, мысли хорватского путешественника были вскоре снова забыты. Первое полное издание сочинений Крижанича было осуществлено в Москве в 1965 г. Публикация 1859 г. носила почти то же название, что и сочинение Котошихина («Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича»). Второе издание озаглавлено: «Политика», что хорошо отражает замысел автора, пользовавшегося в качестве образца «Политикой» Аристотеля и назвавшего сочинение «Беседы о правлении».

Историки спорят относительно распространенности мыслей Крижанича. Одни говорят, что его сочинения имелись у царя (первоначально покровителем славянского гостя был боярин Морозов), в Посольском приказе, в библиотеке В.В. Голицина, руководившего русской внешней политикой при Софье. Другие не находят этому доказательств. Историк А.Г. Брикнер назвал Крижанича «оратором без аудитории, проповедником без кафедры». П. Милюков замечает, что независимо от степени распространения и выполнимости «идеи и наблюдения Крижанича имеют для нас огромное значение, как более сознательное выражение того, что многими смутно думалось и чувствовалось на тогдашней Руси». Справедливость этого наблюдения подтверждается и тем, что «идеи и наблюдения» хорватского гостя остаются предметом острых споров в конце XX века. Утопия Юрия Крижанича, сформулировавшего светскую версию пророчества Филофея о Третьем Риме, продолжает оставаться источником вдохновения для идеологов русского мессианства.

Широкая образованность, значительно превышавшая московский уровень, отличное знание Запада, какого не могли иметь московские люди, но также место рождения – Хорватия, славянская страна – поле битвы турок и немцев, позволили Юрию Крижаничу увидеть, понять и сформулировать то, что русские чувствовали. Автор «Политики» рассказывает, что в 1658 г., оказавшись в Вене, он явился в гостиницу «Золотого быка», где остановился московский посланник, приехавший набирать иноземцев, желавших поступить на царскую службу. Юрий Крижанич вспоминал, что его возмутило неряшество и зловоние помещения, которое занимал посол. Но это не помешало ему предложить свою службу царю. В этом эпизоде весь

В. Рассохин. «Бани на Неглинной»

Крижанич: он прекрасно видел все недостатки русских и московского государства, но это не мешало ему поверить в историческую миссию России как центра, собирателя и покровителя славянских народов. Василий Ключевский говорит о парадоксе: Крижанич, хорват и католик, искал будущий славянский центр не в Вене, не в Праге, даже не в Варшаве, а в православной по вере и в татарской, по мнению Европы, Москве. Историк добавляет: «Над этим можно было смеяться в XVII в., можно, пожалуй, улыбаться и теперь; но между тогдашним и нашим временем были моменты, когда этого трудно было не ценить». Между второй половиной XIX в., когда Ключевский писал о Крижаниче, и концом XX в. было еще немало моментов, когда «славянская идея» служила русскому государству.

Юрий Крижанич открыл еще неосознанную в Москве славянскую миссию России. В его глазах эта миссия имела предназначением спасение славянских народов, а в первую очередь спасение русского народа, оказавшегося во второй половине XVII в. перед страшной опасностью быть зараженным чужеземным ядом.

Один из разделов «Политики» называется «О чужебности», которое автор определяет как «бешеную любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам». Крижанич констатирует: «Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ». «Наш народ» для Крижанича – славяне. Автор «Политики» принес русским национализм.

Источником могущественного идеологического воздействия формулы Филофея была ее простота: два Рима пали, третий – Москва – стоит, а четвертому не быть. Будущее не имело тайны, все было ясно. Простота и ясность были прежде всего связаны с тем, что «Москва сто-

ит», то есть не только существует, но и растет. Со времен Филофея, с начала XVI в. московское княжество, а затем московское царство не переставало «двигаться», распространяться, раздвигать свои границы все дальше и дальше. Московское государство называли «литургическим»: все члены общества служат государству, как жизнью, так и имуществом. Внешняя экспансия, бывшая основной целью княжества, а потом царства, приводила его в соприкосновение с противниками, чужеземцами. Влияние врагов, традиционных соперников бывает, как правило, очень сильным, в особенности если противник одерживает победы.

Татарское присутствие на Руси оказало сильнейшее влияние на все стороны средневековой русской жизни. Иностранцы, рассказывавшие о своем пребывании в Московском государстве в XVI и XVII вв., отмечали странную, по их понятиям, посадку русских всадников. Это была татарская посадка с поджатыми ногами. В свое время для борьбы с татарами, знавшими только лук да саблю, она считалась прогрессом военной техники. Когда появился другой враг, польско-литовская конница, вооруженная копьем, татарская посадка оказалась «отсталой»: русский кавалерист не выдерживал сильного удара копьем, вылетал из седла. Посадка изменилась.

Иностранцы с Запада начинают проникать в Московское княжество при Иване III, им покровительствует Иван IV. Смутное время открывает для чужеземцев настужь московскую Русь. По мере выхода из кризиса регламентируется число и положение иностранцев. В конце XVII в. в Москве, в немецкой слободе, квартале, отведенном чужеземцам, насчитывалось более 1000 «торговых людей». Проникший в это время в Москву иезуит (по закону проживание в Московском государстве иезуитов было строго запрещено) обнаружил, к своему изумлению, «почти все европейские народности», в том числе и католиков. Но большинство составляли «еретики-протестанты», прежде всего голландцы (их было более 300), а затем англичане.

Не менее важную роль, чем в торговле и промышленности, иностранцы играли в московских войсках. По списку 1696 г., число иностранцев – генералов и офицеров (до прапорщиков включительно) составляло 231, в пехоте – 723. Одних генералов и полковников императорский посол Мейерберг насчитал более 100 человек. В списке 1632 г. имелось только 105 иностранных офицеров. Но в это время войско иностранного строя (пехота и конница) насчитывало всего 6118 человек. В конце века численность войска возросла в 15 раз, соответственно увеличивалось число иностранных профессионалов, строивших в Москве армию европейского образца.

Численность, можно сказать многочисленность иностранцев в решающих областях жизни московского государства, проникновение западного влияния в культуру, заметного в изменении нравов и моды на одежду прежде всего в придворных кругах, отражали новые задачи, решение которых становилось все более неотложным. Нарастал конфликт между традиционной московской умственной структурой и необходимостью развития государства.

Одной из причин раскола было ощущение конфликта, страх перед чужеземным влиянием, угрожавшим чистоте православия. Восстание против исправления богослужебных книг было православной реакцией на возраставшую

Карта с изображением древнейших улиц Москвы (Сигизмундов план), 1640

роль чужеземцев. Максим Грек говорил о необходимости исправления переводов и не встречал сопротивления. Столетие спустя действия Никона раскололи церковь.

Юрий Крижанич сформулировал идею националистической реакции на чужеземное наступление. Ощущение «своего» и «чужого» было присуще русским, как и всем другим народам. Но в Московском государстве признаком различия была религиозная принадлежность. Для Крижанича не православие, но славянство было фактором, определявшим уникальность Руси. Юрий Крижанич приехал учителем национальных чувств и пророком страшной опасности, нависшей над Москвой. Страстные осуждения ужасных результатов ксеномании – чужебесия более трехсот лет спустя продолжают оставаться актуальными для русских идеологов крайнего национализма: «Все беды, которые мы терпим, – утверждал Крижанич, – происходят именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем». «Чужеземное красноречие, красота, ловкость, избалованность, любезность, роскошная жизнь и роскошные товары, словно некие сводники, лишают нас ума». «От кого, как не от чужеземцев, исходят голод, жажда, притеснения, частые мятежи и разорения и всякие беды, печали и неволи всего народа русского?».

Юрий Крижанич видит Россию стоящей на перекрестке. Перед ней две дороги: одна – в опасную даль новизны, другая – в густые потемки старины. «Есть два народа, искушающие Россию приманками противоположного характера, влекущих и разрывающих ее в противоположные стороны. Это – немцы и греки». Автор «Политики» полагает, что оба одинаково плохи, но опаснее для русских –

немцы. Ибо им принадлежит будущее, и бороться с ними можно только их же оружием – дальнейшим развитием собственной культуры.

Юрий Крижанич говорит о третьем пути между «греческой стариной» и «немецкой новизной». Для защиты национальной самобытности русских необходимы, по мнению Крижанича, строжайшие запретительные меры. Он предлагает выгнать из страны иностранных купцов и офицеров (полковников). В особом разделе книги «О гостогонстве» певец славянского королевства вспоминает о «славном спартанском законе – ксениласии, по-русски «гостогонстве» или «очищении народа и державы от дурного плебела».

Интерес «славянского королевства», о котором мечтает Юрий Крижанич, диктует ему проекты обустройства всех сторон жизни Московского государства, которое объединит славян. Для него духовное превосходство русской жизни несомненно. Европейцы «высшей задачей человека считают наслаждение», русские живут в христианской простоте: русский человек, кое-как выспавшись на лавке или на печи под собственным платьем вместо одеяла и на соломенной подстилке вместо тюфяка, спешит спозаранку на работу или на царскую службу. Иностранец нежится до полудня на пуховиках и перинах, и, едва встав с постели, тотчас принимается за вкусный завтрак.

Крижанич отлично видит недостатки русской жизни. Он замечает, в частности, что «нет нигде на свете такого мерзкого, отвратительного, страшного пьянства, как на Руси, а всему причиной кабаки». Предлагаемые им проекты улучшений должны, как он убежден, превратить Москву в могучий центр славянства.

Московская государственная система – самодержавие, или, как выражается Крижанич, «совершенное самовладство», представляется ему «наилучшим правлением». Именно самодержавие позволит устранить путем необходимых изменений то единое, что препятствует развитию Руси – незнание, недостаточный уровень культуры. Источник всех зол – «худое законоставие», плохие законы. Самодержавный царь может провести необходимые реформы, избавив тем самым Русь от всех зол. Русское «самовладство» кажется Крижаничу несравненно более человеческой системой правления, чем польская: «На Руси есть только один господин, который располагает жизнью и смертью подданных. А у поляков сколько властителей – столько королей и тиранов, сколько бояр – столько судей и палачей». Польское правление – самая худшая система: «Если бы кто-нибудь обошел кругом весь свет, чтобы отыскать наихудшее правление, или если бы кто-нибудь нарочно захотел выдумать наихудший способ правления, он не смог бы найти более подходящего способа, нежели тот, коим ныне правят в Польской земле». Главные, страшные опасности, которые, предупреждает Крижанич, грозят Москве: своеволие, чужебесие и чужевладство.

Проповедник «третьего пути», «середины», автор «Политики» резко осуждает «людодержство», тиранию, в которую «самовладство» может выродиться. Моделью «людодера», безжалостного тирана был для Крижанича Иван Грозный, которого он упрекал также и в том, что царь «хотел сделать из себя варяга, немца, римлянина, кого угодно, только не русского и не славянина». Самовладство царя включает в проекте Крижанича самоограничение: «Пусть царь даст людям всех сословий пристойную, умеренную, сообразную со всякой правдой свободу, чтобы на царских чиновников всегда была надета узда, чтобы они не могли исполнять своих худых намерений и раздражать людей до отчаяния». Самовладство без людодержства со свободами – «пристойными и умеренными», – возвещает систему просвещенного абсолютизма.

Внешнеполитическая программа Крижанича нацеливала Русь на юг. Не видя никакой необходимости в продвижении на восток и север – в Сибирь и Китай, он считал ненужной борьбу за Варяжское море (Балтика). Главную задачу Крижанич видел в завоевании Крыма, который будет производить вино, хлеб, масло, мед, годных к военному делу лошадей. Кроме того, Крым обладал выходом в Черное море. Для войны с татарами автор «Политики» предлагал пригласить поляков, а после завоевания Крыма рекомендовал изгнать из страны всех мусульман, отказавшихся принять крещение. Пришелец со стороны, Юрий Крижанич увидел, нередко в увеличительное стекло, многие важнейшие проблемы Московского государства и его жителей. Отсутствие закона о престолонаследии, введение которого он считал необходимым, вскоре подтвердило правоту хорватского каноника. Но главным в сочинениях Крижанича были не детали, а ощущение опасности неизбежного для Москвы выбора между востоком и западом. Непрочитанный в свое время, Юрий Крижанич внимательно читался в XIX–XX вв. У него черпали аргументы сторонники противоположных взглядов: западники опирались на него, настаивая на реформах, славянофилы находили у него похвалу самовладству. И те, и другие обращались к «Политике», рассуждая о русском

национализме, об отношении к Западу. Противоположные взгляды на наследие Крижанича двух историков XIX в. иллюстрируют его вклад в русскую политическую мысль и отношение к нему. Николай Костомаров отдает должное дальновидности Крижанича, увидавшего опасность, грозившую Руси со стороны немцев, а также в результате «обезьяннического перенимания приемов чуждой образованности». Костомаров пишет: «Русский человек не сделался менее невежествен, беден и угнетен оттого, что Россия наводнилась иноземцами, занимавшими государственные и служебные должности, академические кресла и профессорские кафедры, державшими в России ремесленные мастерские, фабрики, заводы и магазины с товарами. Курная изба крестьянина нимало не улучшилась, как равно и узкий горизонт крестьянских понятий и сведений не расширился оттого, что владелец сделался полурусским человеком, убирал свой дом на европейский образец, изыскался чисто по-немецки и по-французски и давал возможность иноземцам наживаться в русских столицах на счет крестьянского труда. Русский дух не приобрел способности самостоятельного творчества в области науки, литературы, искусств оттого, что в России были иноземцы и обыноземившиеся русские, писавшие на иноземных языках для иноземцев, а не для русских». Костомаров признает, что Юрий Крижанич впал в крайность, в нелепость, требуя принять против иноземцев жестокие ограничительные меры, но «он был прав в тех опасениях, которые привели его к этой нелепости».

Павел Милюков согласен с тем, что много из того, о чем предостерегал Крижанич в царствование Алексея, осуществилось: вся внешность европейской культуры была усвоена без всяких изменений, совершенно механически; сладкая еда, и мягкие постели, и изящная праздность высшего класса, и роскошь обстановки, костюма, жилья стали обыденными явлениями, Русь пережила даже чужевладство – на престоле сидела иностранка и женщина. И тем не менее, констатирует историк, денационализации России не произошло, она постепенно ассимилировала воспринятые механические элементы иноземных культур. Доза иноземного яда, которую получил русский организм, не отравила его, как боялся Крижанич. Эта доза, заключает Павел Милюков, была едва достаточной, «чтобы произвести действие целительной прививки».

Второе важнейшее, наряду с национальной идеей, открытие Юрия Крижанича: славянская идея никогда не стала ведущей в русской политической мысли, хотя в разное время пользовалась успехом и отражалась во внешней политике. Славянская идея, концепция «славянского царства» не получила того значения, о котором мечтал Крижанич, ибо вступала в противоречие с имперской идеей, ограничивала ее. Москва – Третий Рим – не могла довольствоваться только славянскими народами, она видела себя в центре православного мира. Православная империя не могла себя ограничивать славянством. Империя не могла наглухо загородиться от иностранных влияний. Противоречивый характер «Третьего Рима», вытекающий из открытий, сделанных Юрием Крижаничем, не перестает питать дискуссии, переходящие в непримиримые споры о характере Российской империи.

Михаил ГЕЛЛЕР

«РАСПРОСТРАНИВШИЙ ПЕРВЫЕ ЛУЧИ...»

Сегодня практически забыто имя выдающегося просветителя, книгоиздателя, основоположника отечественной журналистики, педагогики и археографии (т. е. научной публикации рукописных памятников), писателя-публициста, общественного деятеля Николая Ивановича Новикова (1744–1818). А ведь ещё А.С.Пушкин писал, что если «Екатерина любила просвещение», то Новиков – человек, «распространивший его первые лучи». «Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке!» – сетовал В.Г.Белинский. «Великим» почитал его, не раз обращаясь к его творчеству и деятельности, и А.И.Герцен.

Каждая третья книга, издававшаяся в нашей стране в конце XVIII века, выходила из типографии Новикова. Именно он, создав специальные переводческие семинарии, открыл нам произведения Шекспира, Сервантеса, Бомарше, Якоба Бёме и очень многих других зарубежных писателей, мыслителей, мистиков.

Н.И.Новиков был первым, кто перевёл на русский язык «Бхагавадгиту», первым стал издавать в России детский журнал – «Детское чтение для сердца и разума», а также периодическое научное издание «Санкт-Петербургские учёные ведомости». Новиков выпустил и «Древнюю российскую Вивлиофику», сохранившую для нас часть утраченных ныне в подлинниках важных исторических документов, и многотомную «Историю о странствиях вообще» Прево д'Экзиля с подробными географическими картами. В 70–80-е годы XVIII века он основал сельскохозяйственный журнал «Экономический магазин». Для российской глубинки он составил и напечатал серию книг «Городская и деревенская библиотека». Наконец, в 1777 году им был основан первый «мистико-философский» журнал «Утренний свет».

Без имени Н.И.Новикова невозможно представить и историю русского масонства XVIII – начала XIX веков, занимавшего немаловажное место в общественной и духовной жизни страны в тот период. Однако работа в ложах английской системы, господствовавшая тогда в России, его во многом не удовлетворяла. Поэтому для него и его единомышленников актуален был поиск «истинного масонства», которое бы вело «по стезям христианского нравоучения». Под «истинным масонством» он понимал «то, которое ведёт посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению». Это привело Новикова в конце концов к розенкрейцерскому движению, организации которого появились в России в 1782 году.

Все начинания просветителя проводились в жизнь при самой активной поддержке членов масонских лож. Училища, школы, приюты, больницы, педагогическая и духовная семинарии, типографии, аптеки, в которых практиковалась раздача лекарств бедным людям, – всё это делалось на средства, которые собирали среди членов лож.

Поиски «истинного христианства», которые были присущи Н.И.Новикову, а также таким известным русским масонам как И.В.Лопухин, С.И.Гамалея, И.П.Тургенев и

Д. Левицкий. «Портрет Н.И. Новикова»

другие, во многом можно определить как концепцию «о достоинстве христианства и недостоинстве христиан», получившую наиболее широкое распространение в России в начале XX века. Тогда это реформаторское движение стремилось соединить «истинное христианство» с традиционным, существовавшим в официальной церкви. Причём и представители этого реформаторства, и русские масоны XVIII века не порывали связи с православной церковью. Благодаря деятельности Новикова и его группы единомышленников рождалась новая форма взаимосвязи культуры и религии.

Активная издательская и филантропическая деятельность Новикова и его круга прекратилась в 1792 году. Прежде всего заявила к нему претензии (в 1784) комиссия народных училищ за перепечатку некоторых учебников, ею изданных. Новиков делал это по распоряжению московского главнокомандующего Чернышева и не для прибыли, а для того, чтобы в продаже было достаточно дешёвых учебных книг. Но Чернышев тем временем умер, и Новикову пришлось выдать комиссии вознаграждение.

В 1785 было повелено составить изданиям Новикова опись и передать их на рассмотрение московского архиепископа Платона, который должен был также испытать в вере самого Новикова. В своём донесении Платон разделил издания Новикова на три разряда: одни он считал весьма полезными при бедности нашей литературы; других, мистических, он, по его словам, не понимал; третьи, составленные французскими энциклопедистами, он считал зловерными. О вере Новикова Платон писал: «Молю всещедрого Бога, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков».

В 1790 в Москву назначен был главнокомандующим князь Прозоровский, человек невежественный, подозрительный, жестокий, выдвигавшийся угодничеством. Он посылал на Новикова доносы, вызвавшие отправление в Москву графа Безбородко для производства негласного дознания; но Безбородко не нашёл никаких поводов к преследованию Новикова. В апреле 1792 Прозоровскому послан был указ расследовать, не печатают ли Новиков, в противность закону, книг церковной печати. По приказу Прозоровского Новиков был арестован.

Ещё до окончания следствия императрица указом от 10 мая 1792 повелела тайно перевезти Новикова в Шлиссельбургскую крепость, где новые допросы делал ему Шешковский. Наконец, 1 августа 1792 императрица подписала указ о заключении Новикова в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Новиков обвинялся в «гнусном расколе», в корыстных обманах, в деятельности масонской (что не было запрещено ни раньше, ни после), в сношениях с герцогом брауншвейгским и другими иностранцами (сношения эти касались исключительно масонства и никакого политического значения не имели). Все эти обвинения указ относит не к одному Новикову, а ко всем его соучастникам-масонам; пострадал же один только Новиков, хотя он даже не считался главой московских масонов. Даже князь Прозоровский был поражён исходом дела Новикова: «Я не понимаю конца сего дела, – писал он Шешковскому, – как ближайшие сообщники, если он преступник, то и они преступники».

Ещё Карамзин, выразивший сочувствие к судьбе Новикова в своей «Оде к Милости», искал причины осуждения Новикова не в официально выставленных против него обвинениях и на первом месте поставил раздачу Новикова хлеба голодающим, которая казалась подозрительной, так как не знали источника затраченных им при этом средств. Всего вероятнее, что Новиков пострадал за свою слишком, по тогдашним понятиям, самостоятельную общественную деятельность. Четыре с половиной года провел Новиков в крепости, терпя крайнюю нужду в самом необходимом, даже в лекарствах, хотя заключение его самоотверженно разделял д-р Багрянский.

Император Павел I в первый же день своего царствования освободил Новикова. Новиков был заключён в крепость ещё в полном развитии его сил и энергии, а вышел оттуда «дряхл, стар, согбен». Он вынужден был отказаться от всякой общественной деятельности и до самой своей смерти прожил почти безвыездно в своём Авдотьино, заботясь о нуждах своих крестьян, об их просвещении и т. п. Вместе с ним туда переехал и его верный друг и сподвижник С.И.Гамалея.

Последние годы жизни они посвятили созданию пятидесятитомной Герметической библиотеки, переписывая и переводя для неё наиболее значимые сочинения европейских мистиков. Своей задачей они ставили сохранение для грядущих поколений этого важнейшего духовного наследия. Оба похоронены в усадьбе Авдотьино, где оставили о себе добрую память.

В крупнейших библиотеках нашей и других стран бережно хранятся томики журналов и книг по истории литературы и журналистики, этики и эстетики, философии и педагогики, искусствоведения и книгоиздательства, многие страницы которых посвящены Н.И.Новикову и его кругу, без которых невозможно представить себе развитие российской истории, культуры и общественной мысли. Однако эти издания востребованы в основном специалистами-исследователями, которые продолжают искать и находить всё новые штрихи биографии просветителей, замечать в произведениях последующих русских писателей и поэтов отголоски новиковских мыслей и идей. И именно им открывается широкая панорама взаимосвязей и преемственности творцов культуры разных поколений, приверженности их гностическому мироощущению.

Деятельность Новикова лежит в основе известных газет, журналов, альманахов Золотого века, сами же характерные для розенкрейцерства идеи символизма стали предметом обсуждения и основой художественного творчества, конечно, много позже – уже в Серебряном веке. Зато именно в Серебряном веке Россия с этими идеями вышла за свои пределы и внесла немалый вклад в мировую культуру.

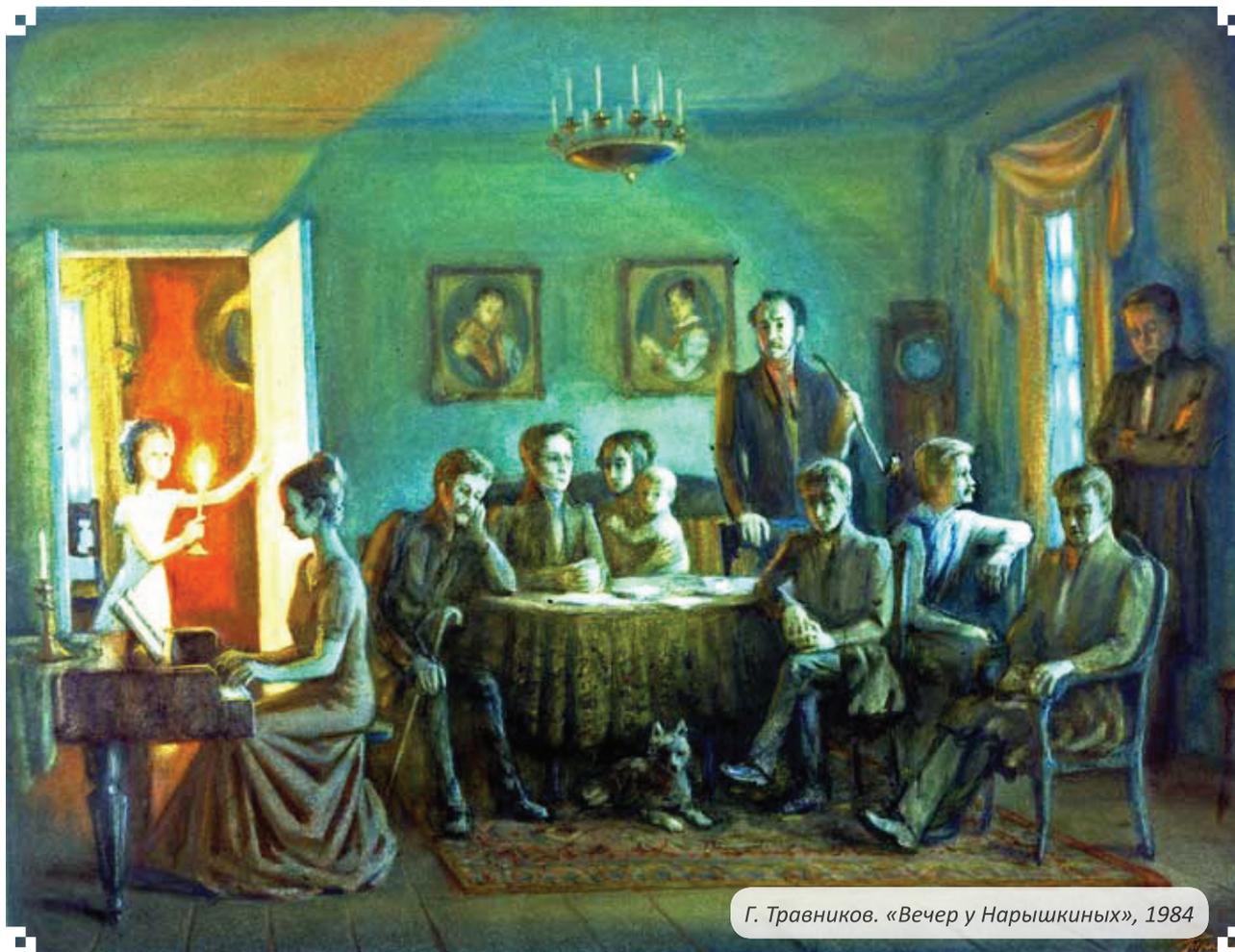
И как никогда, именно сегодня идеи Новикова стали созвучны миру, когда ещё не найден выход из кризисного тупика, и будущее логично не вытекает из настоящего. В такие времена нужен диалог с великими личностями, которые были в нашей истории.

Сергей БОРИСОВ, Наталья ТООТС

«ХРАНИТЬ ВСЕГДА БЕЗУКОРИЗНЕННУЮ СОВЕСТЬ...»

Ранний декабризм и масонство

Г. Травников. «Вечер у Нарышкиных», 1984

Организационной предпосылкой появления тайных политических организаций явилось масонство. Из шести инициаторов создания Союза Спасения двое – А.Н. Муравьев и М.И. Муравьев-Апостол – уже были масонами. Кн. С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев и С.И. Муравьев-Апостол вступили в ложу Трех Добродетелей, которая была инсталлирована 11 января 1816 г. Схема устройства и работы ложи являлась уже известной формой тайного общества, и нет ничего странного в том, что Союз Спасения своей технической организацией копировал масонские степени и ритуалы (закрывать собрания, система соподчинения, присяга и т.д.).

Вопрос о роли масонства в движении декабристов вполне закономерен. Тем более, что ведущий основатель Союза Спасения А.Н. Муравьев был видным масоном – его «Записки» доказывают нам, что до конца своих дней Муравьев остался верен нравственным идеалам ордена. К 1816 г. русское масонство разделилось на две ветви – союз ложи Астреи и союз Провинциальной ложи. В Астрее вводилась новая английская система трех степеней, очень простая по сравнению с прежде принятой в русском масонстве. А.Н.

Муравьев, как и подавляющее большинство будущих декабристов-масонов, остался в союзе Провинциальной ложи. Гроссмейстером этой ложи после генерал-майора А.А. Жеребцова в 1817 г. стал гр. Мих.Ю. Виельгорский, «образованный и чутко настроенный гуманист своего времени», виднейший царедворец эпохи Николая I. Современники очень уважительно отзывались о масонских достоинствах Виельгорского, считая его человеком, убежденным в своем ордене. Вторым мастером при нем стал С.С. Ланской (будущий министр внутренних дел). С этими двумя людьми А.Н. Муравьев состоял в тесных дружеских отношениях и переписке на протяжении всей жизни. Для нас несомненна нравственная глубина жизненных ориентиров Виельгорского и Ланского, одинаковая с А.Н. Муравьевым. Особенно тесной дружбой Муравьев был связан с С.С. Ланским, видя в нем и его супруге В.И. Ланской лиц, близких себе духовно.

Провинциальная ложа являлась последовательницей новиковской школы, и в ее традициях сохранялась приверженность христианскому мистицизму. К сожалению, в трудах историков масонства нет точного понимания ми-

стицизма. Увлечение мистицизмом трактуется чуть ли не как мракобесие, следствие моды и малообразованности. Между тем, масонский мистицизм эпохи А.Н. Муравьева – не что иное, как христианско-философское учение, особый путь к познанию Бога и осознанию себя в Боге. Невежеством является и то, когда пытаются противопоставлять христианство и мистицизм, делая из данного надуманного противостояния вывод о враждебности идеологии масонства учению традиционной Церкви. В христианской вере тоже есть глубочайшие традиции мистицизма, пренебрегать значением которых в отечественной культуре нельзя. Другое дело, что в начале XIX в. Православная Церковь, а тем более православная философия переживали тяжелейший кризис, результатом чего и являлась негативная реакция некоторых представителей тогдашней церковной иерархии, идущая часто от непонимания глубинных философских мотивов сути явления, на, в общем-то, верное по содержанию, учение масонского мистицизма. Этот поверхностный отзыв, к сожалению, часто берут на щит и мнимые «защитники» русской идеологии.

В широко известных воспоминаниях гр. В.А. Соллогуба дан неглубокий и сумбурный взгляд на воззрения гр. Михаила Виельгорского (тестя мемуариста), как предтечу «коммунизма», «либерализма» и «терроризма» – отнесем эти высказывания к числу курьезных и не заслуживающих серьезного внимания. Мих.Ю. Виельгорский и С.С. Ланской были убежденными сторонниками христианско-мистического учения и находились в постоянной переписке с А.П. Поздеевым, крупнейшим масоном-мистиком времен Екатерины. Для нас нет ничего удивительного в том, что одновременно с посещением ложи Елисаветы к добродетели А.Н. Муравьев стал задумываться об организации тайного политического общества. Нравственный строй жизни молодого человека не допускал в тот период возможности мирного сосуществования с политическим режимом в государстве. Идея Союза Спасения – это выбор совести, единственно возможный, согласующийся с правилами христианской и гражданской чести шаг, не сделать которого молодой Муравьев не мог.

Несомненная внешняя связь ложи Трех добродетелей и Союза Спасения позволила Н.М. Дружинину говорить о конспиративном процессе развертывания тайного общества в недрах масонской организации. Теория академика Дружинина обоснована и интересна, но, по нашему мнению, более близка к истине М.В. Нечкина, считавшая, что «Союз Спасения стал первенствовать в руководстве ложей». Хотя далее автор продолжает: «Однако отсюда никак не следует, что Союз Спасения на этом этапе слился с масонством; нет, он отчетливо отделял себя от него, пользуясь им лишь как средством конспирации». Нам представляется, что история существования ложи Трех Добродетелей и история Союза Спасения являются двумя параллельными процессами. Очевидно, члены первого тайного политического общества в самом начале его становления понимали как необходимость своего нравственного усовершенствования, так и необходимость соединения высоких нравственных принципов с политической деятельностью. Возможно, А.Н. Муравьев настаивал, чтобы все организаторы Союза вошли в ложу с целью духовного роста, но нельзя говорить о том, что он видел политическое общество именно в ее границах. Муравьев слишком серьезно относился к масонству, чтобы

Александр Муравьев

проводить в его рамках какие-либо организационно-политические эксперименты. Ясно, что члены Союза Спасения в самые первые месяцы его существования желали наполнить свою политическую деятельность нравственно-философским смыслом, – масонская цель усовершенствования себя стала органичной частью идеологии тайного общества (это подтверждает, в частности, само название организации). В Союзе Спасения не случайно появляется М.Н. Новиков, племянник знаменитого Новикова, опытный масон, привлеченный в общество для нравственного просвещения молодых товарищей. Только этим можно объяснить вхождение в узкий замкнутый круг офицерской молодежи чрезвычайно далекого от него человека: «Его штатская фигура среди военной молодежи резко бросается в глаза: в момент своего вступления в Союз Спасения он служил в департаменте министерства юстиции, ему было уже около 40 лет...»

Спустя много лет после описываемых событий кн. С.П. Трубецкой вспоминал: «Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем (масонстве – Е.Т.) какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в масоны..., доказывал, что общество только и может существовать посредством ложи». Слова «посредством» нельзя понимать буквально; здесь кн. Трубецкой имел в виду чисто умозрительный, мировоззренческий аспект, а не сам факт возможной формы существования общества. М.В. Нечкина признала самой точной характеристикой взаимоотношений ложи Трех добродетелей и Союза Спасения слова самого А.Н. Муравьева, отражающие его намерение «под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества». Однако Нечкина толкует это важное свидетельство в пользу своей «конспиративной» концепции как иден-

тичное «полному слиянию ложи с обществом»: «Частые встречи «бояр» – руководителей тайной организации действительно могли удобно прикрываться формой масонских заседаний... привлекаемые в ложу новые братья могли бы в подходящих случаях вербоваться в общество, и ложа оказалась бы подготовительной ступенью для отбора новых членов тайной организации...». Повторим, «полное слияние» (но не в прямом смысле, а в области нравственных идей!) – это замысел Александра Муравьева, его видение идеального тайного общества. Иными словами, нравственно общество должно было существовать только через ложу, безоговорочно приняв писанные нормы масонской морали, тем самым достигалась цель «обезопасить» членов Союза Спасения, но именно в плане их нравственно-политического бытия, вопрос о конкретно-организационной сфере деятельности общества здесь ставить неправомерно.

Есть еще одно важное свидетельство в пользу данного аргумента – предлагая Ф. Глинке вступить в Союз Спасения, не кто иной, как М.Н. Новиков определенно высказался, что «в масонстве только теории», и указал на «другое общество избранных молодых людей», подразумевая, конечно же, исключительно тайное политическое объединение. О каких «теориях» говорил Новиков, и что у них было общего с идеями «другого общества избранных»? Мы без особого труда можем выделить универсальные приоритеты «теории» на базе текстов масонских уставов. В свою очередь, из «Записок» кн. Трубецкого можно извлечь целый ряд постулатов, ставших идеологическими ориентирами при складывании первого декабристского общества. Здесь интересно подчеркнуть не только смысловые совпадения формулировок масонского устава и «Записок» Трубецкого, но и провести параллель с «правилами доброй жизни» Э. Сведенборга, которым впоследствии следовал А.Н. Муравьев.

«.. Молодые люди дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага своего народа. Они уверены были, что круг их ежедневно будет увеличиваться, что другие... пожелают оказать усердие и любовь к Отечеству не одним исполнением возложенных на них службою обязанностей, но и посвящением всех средств и способностей своих на содействие общему благу во всех его видах. От поступающих... требовалось: 1) строгое исполнение обязанностей по службе; 2) честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; 3) подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу; 4) разглашение похвальных дел и осуждение злоупотреблений лиц по их должностям».

«Все общественные обязанности должны ставиться выше частных, личных выгод. Это, прежде всего, обязывает нас верно и добросовестно служить нашему правительству и Отечеству... Кто свои личные выгоды предпочитает этим обязанностям, у того нет любви к Отечеству и в том недостает великодушия...».

«Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.

Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества».

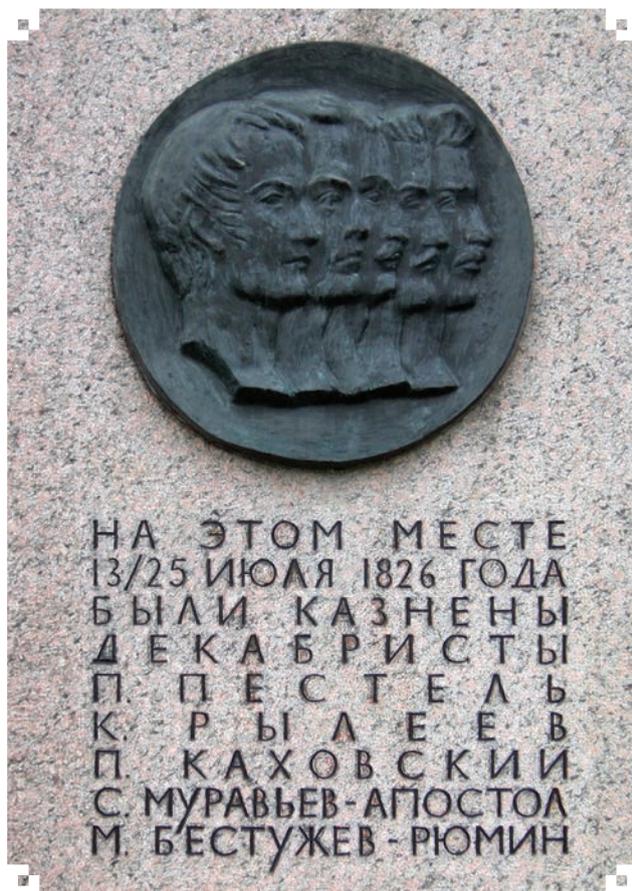
Итак, смысловые совпадения налицо. Действительно, в первом тайном обществе впервые пытались воплотить в жизнь благородные нравственные и гражданские принци-

пы, провозглашаемые масонством, т.е. дело должно было стать полностью адекватным слову, такова исходная суть традиций декабризма. И мы по косвенным данным вполне можем высказать предположение о том, что одним из носителей (а может быть и ведущим носителем, учитывая его роль при основании Союза Спасения) декабристской идеологии, как она изложена в «Записках» кн. Трубецкого, был именно А.Н. Муравьев. Немного забегаю вперед, подчеркнем, что учению Э. Сведенборга Муравьев сохранял приверженность до конца своей жизни. Данный факт невольно предваряет вывод о верности Муравьева гражданским и нравственным постулатам раннего декабризма, что, в свою очередь, делает бессмысленным представление о нем некоторых советских историков как о «раскаившемся» декабристе.

Возвращаясь к цитированным словам кн. С.П. Трубецкого (об утверждении Муравьева, что Союз Спасения может существовать только «посредством» ложи), можно заключить, что товарищи А.Н. Муравьева по организации достаточно сдержанно, а порой и критически, относились к идее нравственной жизни политического общества через масонскую ложу. Об этом же свидетельствует быстрый разрыв П.И. Пестеля с ложей Трех Добродетелей в начале 1817 г. Некоторые деятели Союза Спасения (например, М.И. Муравьев-Апостол) не постигли замысла А.Н. Муравьева и действительно, особенно по прошествии довольно значительного отрезка времени, полагали, что он в буквальном смысле хочет развернуть общество под эгидой ложи, о чем и заявляли на следствии. В частности, эти показания и вводили в заблуждение исследователей, не относившихся к подобным свидетельствам с должной долей критицизма. А между тем, слова Трубецкого и высказывания Муравьева-Апостола – совершенно разные вещи, несущие совершенно различный смысл – их авторы, в общем-то, противо-

Сергей Трубецкой

речат друг другу. На наш взгляд, очевидно: А.Н. Муравьев добивался, чтобы члены Союза Спасения одновременно с собраниями тайного общества посещали заседания ложи Трех Добродетелей. Вполне возможно, что и работу ложи он намеревался построить так, чтобы ее направление максимально соответствовало ориентирам желаемого нравственного усовершенствования членов тайного общества, наиболее полно отвечало оптимальным потребностям их духовного роста как политических деятелей. Наверняка

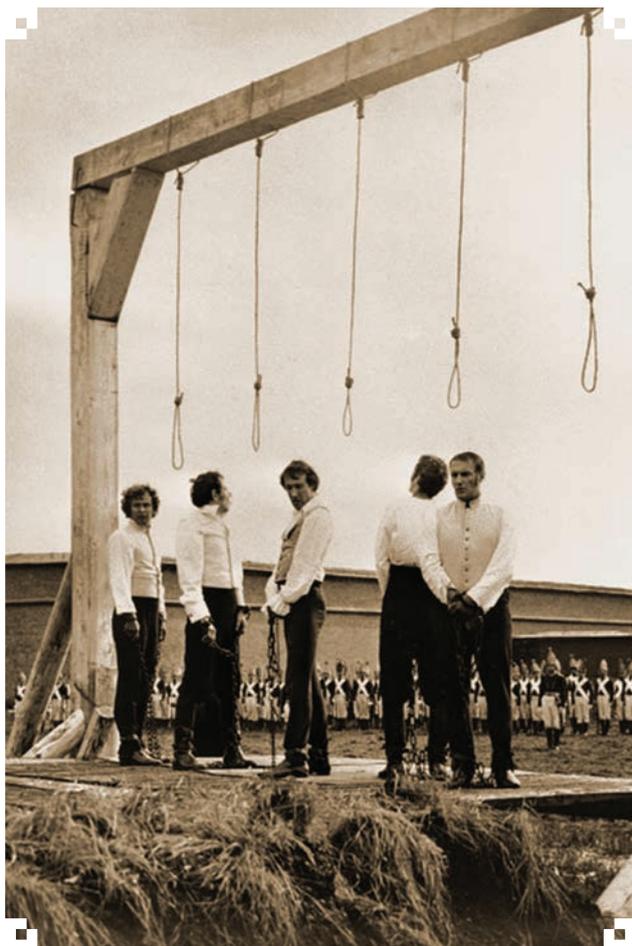
именно это обстоятельство и имел в виду М.И. Муравьев-Апостол; члены ложи Трех Добродетелей не хотели при некоторых «работах» видеть в своем кругу масонов из других лож. А.Н. Муравьев считал, что обыкновенный человек, не наделенный высокими принципами нравственности и силой духовности, не имеет права на государственно-политическую деятельность и, тем более, не имеет права стоять на вершине власти.

Нравственно-духовное и политическое: общее и частное

Итак, тайное общество было создано, но А.Н. Муравьев ни в коей мере не рассчитывал на быстрый ход его развития, справедливо полагая, что сначала члены Союза Спасения должны приложить определенные усилия по приведению в порядок своего духовного, внутреннего мира. Совещания тайного общества происходили достаточно часто, на них обсуждались важнейшие государственно-политические проблемы и противоречия. Думается, целью этих встреч являлись определение направления и способа деятельности Союза Спасения, что, в конечном итоге, должно было постепенно привести к выработке статута организации. Незыблемое решение о составлении законоположения общества было принято еще на самом первом его заседании. Все эти факты говорят о том, что в первой половине 1816г. общество находилось под полным контролем А.Н. Муравьева и развивалось в задуманном им направлении.

Теперь обратимся к расшифровке и характеристике названия первого тайного политического общества. М.В. Нечкина раскрывает смысл названия так: «Союз Спасения – чьего спасения?... Члены общества считали, что Россия стоит на краю гибели, ее нужно спасать...» С этим нельзя не согласиться, но М.В. Нечкиной дана лишь внешняя характеристика этимологии названия; внутренний, глубинный смысл, на наш взгляд, так и остался недоступным. В названии зашифрована не только политическая идея, в нем можно обнаружить и явное христианско-сакральное со-

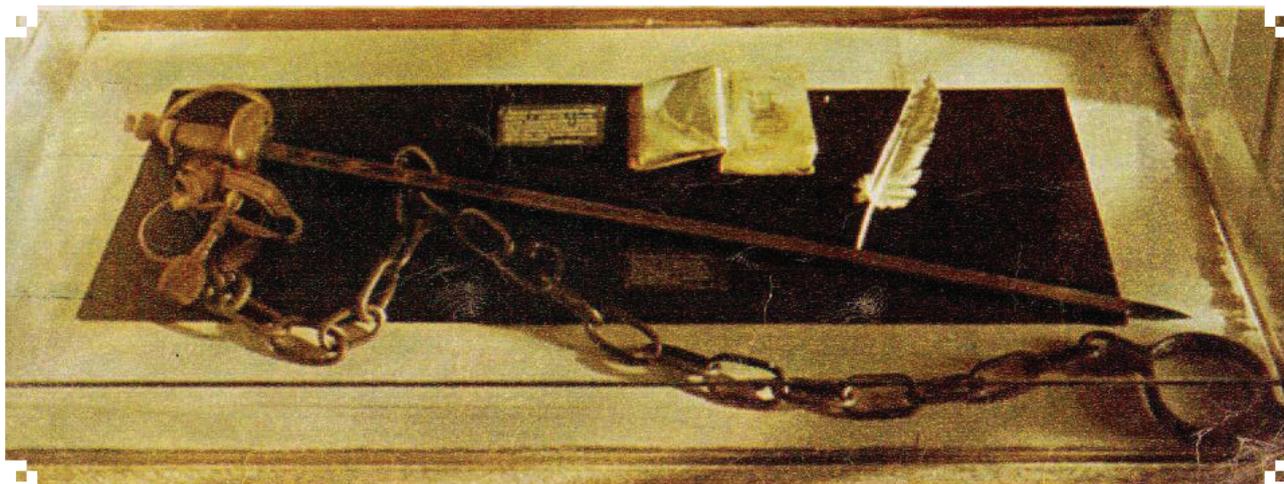

держание, показательное для редчайшей в истории попытки действенного соединения политических и нравственных принципов в освободительном движении. «Спасение» следует понимать как спасение христианское, т.е. спасение для вечной жизни. Инициатор создания Союза Спасения А.Н. Муравьев, человек глубокого религиозно-философского мировоззрения, мог вкладывать в название организации только такой смысл. Отсюда следует и цель (по замыслу Муравьева), с которой члены общества сплотились воедино – очистить свою совесть, чтобы достойно войти в Царство Божие. В таком повороте идеологии первого русского тайного общества нет ничего удивительного – оно создавалось во время активнейших религиозных исканий в России.

Наоборот, было бы странным, если бы в начальной стадии своего развития и, тем более, в момент зарождения движение декабристов оказалось бы лишенным какого-либо христианско-духовного содержания. В эпоху Библейского общества и Священного Союза любой значительный общественно-политический процесс не мог не иметь в качестве составляющего движущего компонента религиозно-идеологической основы.

Для христианина, если он стремится жить по совести, с точки зрения А.Н. Муравьева в 1816 г. было немислимым мириться и пассивно сосуществовать рядом со всем злом, которое он видел в земном Отечестве (подобии Отечества Небесного) – это означало бы соучастие в преступлении (грехе) разорения земного подобия Дома Отца и, в конечном итоге, привело бы человека, не заботящегося о состоянии своей души, к неизбежному и невозвратному падению, невозможности искупления личных грехов. Именно в этом смысле следует рассматривать часто встречающиеся в письмах А.Н. Муравьева рассуждения о «прямой пользе Отечества», «любви к родине», «разнообразии Отечества». Типичны для жизненной позиции А.Н. Муравьева и понятия о стойкой необходимости обязательного следования во всех обстоятельствах не только частной жизни, но и особенно на служебно-общественном поприще долгу «христианина и честного человека». Происходящее в государстве А.Н. Муравьев рассматривал и как преступление против христианства, поэтому в тот период и не находил иного для себя выхода, кроме как организации активного противостояния антихристианским силам (государственной власти), не желая совершить самый страшный грех предания веры. Такое спасение есть, прежде всего, спасение самого себя для вечной жизни, конечно же, неизбежно переплетенное с обязательной целью добиваться любой ценой благоденствия своего земного Отечества. Именно идея личного спасения, как важнейшего компонента идеологии тайного общества, и была закреплена в названии первой декабристской организации. Но, несколько забегаая вперед, отметим, что далеко не все члены тайного общества оказались способны до конца принять данную идеологию, а тем более найти в себе убеждение следовать ей в политической деятельности. Это обусловило неизбежность изменения внутреннего строя тайного общества и, в конечном итоге, отход самого А.Н. Муравьева от движения декабристов.

Екатерина ТУМАНИК

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II

Правление Александра II (1855-1881 гг.)

Правление Александра II стало периодом, который часто называют «эпохой реформ», уничтоживших феодальные пережитки, временем радикальных преобразований российского общества. В отличие от отца, его готовили к управлению государством. Император получил хорошее образование, а его учителями были В. Жуковский, М. Сперанский, Е. Канкрин, отмечавшие в наследнике такие качества, как доброжелательность, общительность, способности к наукам, но с другой стороны, склонность отступать перед трудностями. Александр II стал императором в 36 лет, с вполне сложившейся системой взглядов и имея опыт государственной деятельности. Вступив на престол, император вынужден был пойти по пути реформ.

Предпосылки реформ

Предпосылками реформ стала постоянная угроза крестьянских бунтов, политический и экономический кризис. Поражение в Крымской войне не только снизило до предела международный авторитет России, но и показало необходимость реформ в финансовой, военной, медицинской, образовательной сферах. Еще одной предпосылкой стало недовольство общества полицейским николаевским режимом и постоянная угроза социальных выступлений. В стране сложилась благоприятная для реформ ситуация – императора под-

держали сторонники реформ (П. Валуев, великий князь Константин Николаевич, Д. Милютин и др.); либералы и революционное движение были не организованы и не смогли предложить альтернативного плана реформ; противники реформ после поражения в Крымской войне не отваживались выступать против преобразований. Поэтому в 1856 г. Александр II выступил перед московским дворянством со знаменитой речью, в которой заявил, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу».

Отмена крепостного права

Важнейшим событием правления Александра II, за которое он получил имя «Освободитель», стала реформа 1861 г., отменившая крепостное право. Подготовка отмены крепостного права началась в январе 1857 г. с создания очередного Секретного комитета, полностью подчинявшегося императору. Уже к ноябрю был составлен рескрипт, объявлявший о начале отмены крепостного права и предписывавший создать в каждой губернии дворянские комитеты для разработки предложений. Это послужило началом широких обсуждений крестьянского вопроса в печати.

В феврале 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, который начал рассматривать составленные губернскими дворянскими комитетами проекты. В ходе обсуждений был разработан проект, по которому крестьянам предоставляется свобода, но без наделения землей. Это вызвало активизацию крестьянского движения в 1858 г. Правительство решило пересмотреть проект освобождения крестьян и провести реформу более радикально. С целью переработки проекта в феврале 1859 г. в Петербурге были учреждены Редакционные комиссии, в которые вошли преимущественно либералы, под руководством Н. Милютина. К осени 1859 г. ими был составлен проект «Положения о крестьянах».

19 февраля 1861 г. была проведена реформа, отменившая крепостное право. Александр II подписал «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», согласно которому крестьяне освобождались от личной зависимости. Крестьянская реформа состояла из нескольких частей: отменялась собственность помещиков на крестьян, которые теперь могли уходить на заработки в город или наниматься к помещику на работу. Помещик терял право наказывать крестьян, они становились юридическими лицами, т. е. могли покупать землю, недвижимость, заключать сделки, открывать предприятия. Однако крестьяне оставались прикрепленными к месту жительства, были связаны круговой порукой в уплате налогов, несли натуральные повинности.

Кроме того, крестьяне получали пашенные наделы по довольно сложной схеме, что тоже существенно ограничивало их передвижение. За два года должны

Б. Кустодиев. «Освобождение крестьян», 1907

думали» помещики. В ходе подавления этих волнений было убито более 300 человек. В 1861 г. было зарегистрировано более 1370 выступлений, позже волна выступлений пошла на убыль. В целом освобождение крестьян было прогрессивным шагом, уничтожившим феодальный пережиток – крепостное право, что привело к денежным вливаниям в сельское хозяйство, подорвало «натуральный» уклад хозяйств, способствовало развитию капитализма.

Реформы 60-х гг. XIX в.

Проведение крестьянской реформы потребовало изменений и в других областях жизни.

были быть составлены уставные грамоты – соглашения между помещиками и крестьянами, оговаривавшие условия выкупа. После этого в течение 49 лет крестьяне становились «временнообязанными» и должны были выплатить помещику выкуп. Лишь после этого наделы становились собственностью крестьян. Сумма выкупных платежей определялась размерами крестьянского оброка, т. е. выкупалась не личная зависимость крестьян и не земля, а повинности. Эта сумма, положенная в банк под 6% годовых, должна была приносить помещику ежегодный доход в размере оброчных платежей. Посредником между крестьянином и помещиком выступало государство, оно платило помещику при заключении выкупной сделки около 75% выкупной суммы. Крестьяне должны были ежегодно вносить государству 6% от этой суммы в течение 49 лет.

Дворовые люди объявлялись свободными без выкупа, но в течение двух лет должны были служить своим хозяевам или уплачивать оброк. Крепостные рабочие помещичьих и казенных фабрик и заводов переводились на оброк и получали право выкупа своих прежних наделов. Государственные крестьяне (кроме Сибири и Дальнего Востока), считавшиеся лично свободными, по «Положению» сохранили за собой находившиеся в их пользовании земли. Они могли продолжать платить оброчную подать государству либо заключить с казной выкупную сделку.

«Положение» делило губернии на три части (черноземные, нечерноземные и степные земли). Внутри губерний выделялись местности, которые и делились на участки между помещиками – владельцами земель и их крестьянами. Нормы дележа устанавливались так, что помещик мог выбирать самые лучшие участки в свою долю, в том числе вклинивая свои земли в середину крестьянских полей. Это привело к возникновению «чересполосицы». Реакция крестьян на реформу была разной. Так, например, в Казанской губернии начались волнения из-за распространения слухов о том, что царь даровал землю крестьянам бесплатно, а выкуп «при-

Реформа финансов. В 1860 г. был создан Государственный банк для проведения выкупных расчетов между помещиками и крестьянами. В 1862 г. единственным распорядителем казенных средств стало Министерство финансов, которое самостоятельно планировало государственный бюджет и совместно с Государственным советом утверждало сметы отдельных ведомств. Для контроля над средствами в 1864 г. был реформирован Государственный контроль, который теперь не зависел от администрации и осуществлял проверку правильности расходования бюджетных средств. В губерниях учреждались контрольные палаты, проверявшие финансовую отчетность по первичным документам, а не итоговые отчеты, как прежде. Прямые налоги частично заменялись косвенными.

Реформа местного самоуправления (земская реформа)

1 января 1864 г. были учреждены земства (всесословные органы в уездах и губерниях), в компетенцию которых входили: местное хозяйство, распределение государственных податей, устройство школ, больниц, приютов, содержание тюрем и путей сообщения. Внутри земства существовал распорядительный и исполнительный секторы. Распорядительные органы – «собрания гласных» (депутатов) – занимались хозяйственными вопросами и собирались один раз в год. Исполнительные органы – «земские управы» – занимались исполнением решений распорядительного сектора. Финансирование на выполнение постановлений было смешанным: 80% средств поступало от государства, остальное – за счет местных налогов (самофинансирование).

Выборы в земские распорядительные органы проводились на основе имущественного ценза, по куриям. Первая курия – депутаты от землевладельцев – состояла из владельцев земли (от 200 до 800 десятин) или недвижимости (стоимостью от 15 тыс. руб.) Вторая курия – депутаты от городов – объединяла собственников про-

мышленных и торговых заведений (годовой оборот не менее 6 тыс. руб.). Выборы по третьей курии депутаты от крестьян – бесцензовые, но многоступенчатые. Земства избирались на три года. Председателем земского собрания должен был быть предводитель дворянства.

В конце 70-х гг. земства были введены только в 35 из 59 российских губерний. В дальнейшем, на протяжении 1870-1880 гг. компетенция земств постепенно урезалась, а состав становился все более дворянским. Но, несмотря на множество недостатков, работа земств способствовала формированию гражданского сознания, решению части местных проблем образования и здравоохранения.

Городскую реформу начали разрабатывать в 1861 г. Ее проект, представленный в 1864 г., долго обсуждался и переделывался. 16 июня 1870 г. было утверждено «Городовое положение», по которому в городах создавались Городская дума (законодательный орган) и Городская управа (исполнительный орган) под председательством городского головы. Функции городского управления заключались в заботе о благоустройстве города, попечительстве торговли, устройстве больниц, школ и городском налогообложении.

Выборы в Городскую думу проводились по трем избирательным собраниям на основе имущественного ценза. В первое избирательное собрание входили только крупные налогоплательщики, вносящие треть городских налогов, во вторую – более мелкие, уплачивавшие другую треть, в третью – все остальные. Каждое собрание избирало представителей в Городскую думу. Городские думы находились под контролем правительственных чиновников. Городской голова (избирался Городской думой на 4 года) утверждался губернатором или министром внутренних дел, они же могли приостанавливать решения Городской думы.

Судебная реформа. 20 ноября 1864 г. была проведена судебная реформа. Она включала создание новых судебных уставов, вводивших общие судебные учреждения для лиц всех сословий, с общим порядком судопроизводства, гласность и состязательность судопроизводства, равную ответственность всех сословий перед законом, независимость суда от администрации. Страна была разделена на 108 судебных округов. Новая структура суда включала в себя: мировой суд, где разбирали уголовные и гражданские дела, ущерб по которым не превышал 500 руб. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, утверждались Сенатом; окружной суд, где разбирались серьезные гражданские иски и уголовные дела с участием присяжных заседателей. Сенат был высшей судебной и апелляционной инстанцией.

Предварительное расследование велось судебными исполнителями. Вводилась адвокатура. Эта система дополнялась волостными судами для крестьян, консисториями для духовенства, судом для военных, высших чиновников и др. Важнейшие политические преступления находились в ведении Верховного уголовного суда, который назначался императором в исключительных случаях. В 1863 г. был принят закон, отменивший телесные наказания по приговорам судов. От телесных наказаний полностью освобождались женщины. Однако сохранялись розги для крестьян (по приговорам волостных судов), для ссыльных, каторжных и штрафных солдат.

Реформа образования и печати была проведена в 1863-1865 гг. В 1863 г. издан новый университетский устав, предоставлявший университетам широкую свободу и самоуправление. Летом 1864 г. введен «Устав гимназий и прогимназий». Реформа народного просвещения провозглашала принцип общего и всеобщего образования. В 1865 г. согласно реформе печати была значительно смягчена цензура, обществу предоставили право обсуждения политических событий.

Военная реформа началась в 1857 г. с ликвидации системы военных поселений и сокращения срока службы нижних чинов (с 25 до 10 лет). В 60-е гг. было реорганизовано управление флотом и военно-морскими учебными заведениями, а в течение 12 лет осуществлялись преобразования в армии. В 1862 г. началась реформа военного управления. Страна была разделена на 15 военных округов с целью более оперативного руководства войсками. Были реорганизованы военное министерство и Главный штаб. В 1864-1867 гг. численность армии сократилась с 1132 тыс. чел. до 742 тыс. при сохранении военного потенциала.

В 1865 г. началась **военно-судебная реформа**. В 60-е гг. для оперативной переброски войск была построена железная дорога к западным и южным границам России, а в 1870 г. были созданы железнодорожные войска. В армии появились новые уставы. В ходе реформы военно-учебных заведений были организованы военные

К. Лебедев. «В земском собрании», 1907 г.

Г. Мясоедов. «Земство обедает», 1872

(Герцеговина, Босния, Болгария), пыталась вынудить Турцию дать этим народам конституцию. В июле 1876 г. Сербия и Черногория объявили Турции войну, что вызвало в России подъем панславизма (идеи политического объединения всех славян). В апреле 1877 г. Россия решает воспользоваться волнениями на Балканах, чтобы начать с Турцией войну. Исход русско-турецкой войны (1877-1878) решили победы русских войск в сражениях под Плевной и на Шипкинском перевале. В результате в феврале 1878 г. был заключен Сан-Стефанский мирный договор, по которому Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, Болгария становилась автономным княжеством под двухлетним протекторатом России. Кроме того, к России отходила Южная Бессарабия, а на Кавказе - Батум и Каре. Этот договор вызвал протесты ведущих европейских стран, которые тоже претендовали на эти территории. В июле 1878 г. был подписан Берлинский трактат, перечеркнувший Сан-Стефанский договор.

гимназии и юнкерские училища для всех сословий с двухгодичным сроком обучения. Была улучшена подготовка офицерского состава. 1 января 1874 г. издан «Устав о воинской повинности», по которому вместо рекрутского набора вводилась всеобщая воинская повинность. По достижении 21 года все мужское население должно было нести действительную службу. Все это позволило создать довольно сильную, подготовленную армию.

Дальнейшая реформационная деятельность была прервана 1 марта 1881 г. убийством Александра II в результате террористического акта.

Внешняя политика

Основными задачами внешней политики России в этот период было освобождение от условий Парижского мирного договора (1856), подписанного по итогам Крымской войны. Кроме того, важными направлениями оставались балканское, кавказское и среднеазиатское.

Летом 1870 г. российское правительство решило воспользоваться ослаблением Франции и разорвало кабальный Парижский договор. Пруссия поддержала Россию и в результате возник «Союз трех императоров» (Россия, Пруссия, Австрия).

Балканская проблема была связана с активизацией освободительных движений славянских народов, закабаленных Османской империей. Россия, претендовавшая на территории, охваченные восстаниями

жеством под двухлетним протекторатом России. Кроме того, к России отходила Южная Бессарабия, а на Кавказе - Батум и Каре. Этот договор вызвал протесты ведущих европейских стран, которые тоже претендовали на эти территории. В июле 1878 г. был подписан Берлинский трактат, перечеркнувший Сан-Стефанский договор.

На среднеазиатском направлении Россия действовала более решительно. В 60-х гг. XIX в. был захвачен Ташкент, в 1867 г. здесь создается Туркестанское генерал-губернаторство. В 1868 г. завоеван Бухарский эмират. В 1873 г. - Хивинское ханство, а в 1876 г. - Кокандское ханство. До 1864 г. продолжалась Кавказская война (1817-1864) в ходе которой были присоединены территории народов Дагестана, Чечни, Адыгеи.

Н. Касаткина. «В коридоре окружного суда», 1897

О СУДЬБЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

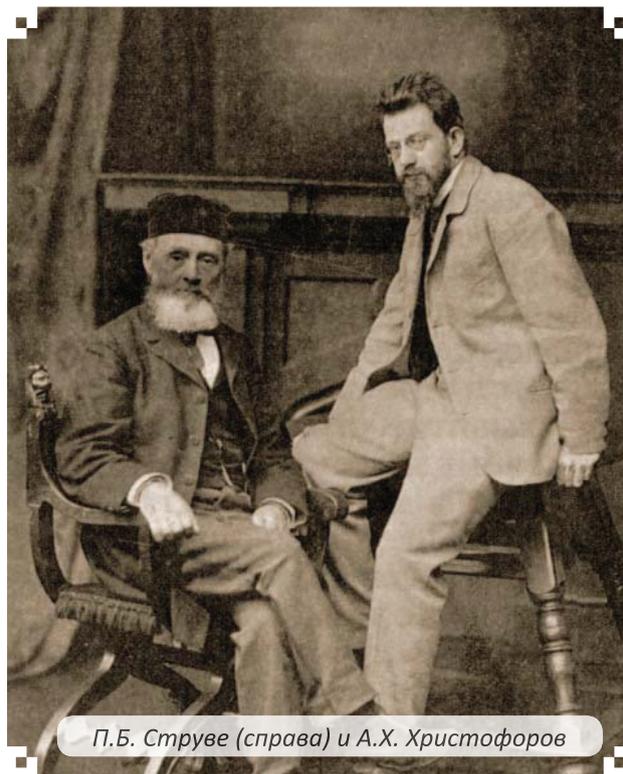
Возвращаясь к теме либерализма и к словам П.Б. Струве о демократии, остановлюсь вначале на мифах. Самый расхожий из них о том, что либерализм России чужд и никогда здесь не приживется. Мол, российский цивилизационный генотип его отвергает.

Родился этот миф, разумеется, не в нынешней администрации президента, а в охранительных головах еще два и даже три столетия назад. «Новой пугачевщиной», которую Россия, якобы, непременно получит из-за «прививки» западного либерализма, пугали еще Екатерину II и ее внука Александра I, которые начинали как либералы и, кстати, неплохо начинали. Этот же миф потом активно распространяли черносотенцы начала прошлого века, а вслед за ними и родственные им по духу непримиримости большевики. «Страшную угрозу» России озвучивали при этом в виде ультиматума: не хотите наступления либерального хаоса, держитесь крепче за нашу авторитарную власть, и будет вам всем стабильность. Это абсолютно антиисторическое построение.

Пример тому – начало XX столетия. В России назревает революция. С одной стороны – бомбометатели, террористы, будущие большевики. С другой – власть, готовая лишь к запретам, разгону протестующих, казням. И в это время мощной третьей силой выступает земское и городское самоуправление, развившееся в России после «александровских реформ» и уцелевшее несмотря на все попятные движения. В те годы, так называемые земцы-конституционалисты получили преобладание во многих региональных управах и даже выбирались городскими головами крупных центров: от Петра Яковлевича Ростовцева в Воронеже до Алексея Ивановича Макушина в Томске (впоследствии они станут известными кадетскими лидерами). Руководители местного самоуправления консолидировали тогда здоровые центристские силы общества (городские средние слои, студенчество), оттирая как реакционеров-охранителей, так и революционеров-нигилистов. Эта земская альтернатива, окончательно задвленная большевиками, не была в России реализована – к несчастью не только для конкретных либералов (их личная судьба была действительно, как правило, трагична), но и для страны в целом.

Второй миф – о том, что либералы не патриоты, что они, мол, «агенты» чьего-то «влияния». И это чушь полная. Как сказал в свое время либерал Петр Струве: «Либерализм – это и есть истинный патриотизм». Почему? Да потому, что по-настоящему любить можно только свою свободу, а не свободу своего барина. Ту свободу, которую ты готов осмысленно защищать.

У нас же по-прежнему, выражаясь словами Салтыкова-Щедрина, некоторые путают любовь к родине с любовью к «его превосходительству». Откровенная клевета на либералов – обвинение их в развале «исторической России» в начале 1917 года. Все наоборот: либералы в тогдашней 4-й Думе стали консолидаторами центристского блока; они же выступили инициаторами создания военно-промышленных комитетов, Земского союза, Союза городов – главных общественных организаций для помощи фронту в годы Первой мировой. «Историческую

П.Б. Струве (справа) и А.Х. Христофоров

власть» обрушила сама власть – своей некомпетентностью, корыстолюбием, неспособностью договариваться с обществом. Увы, так часто бывает в истории: «новое варварство» приходит сверху.

Российские же либералы видели социальное значение демократии в завоеваниях в области права, формировании предпосылок гражданского общества и политической культуры.

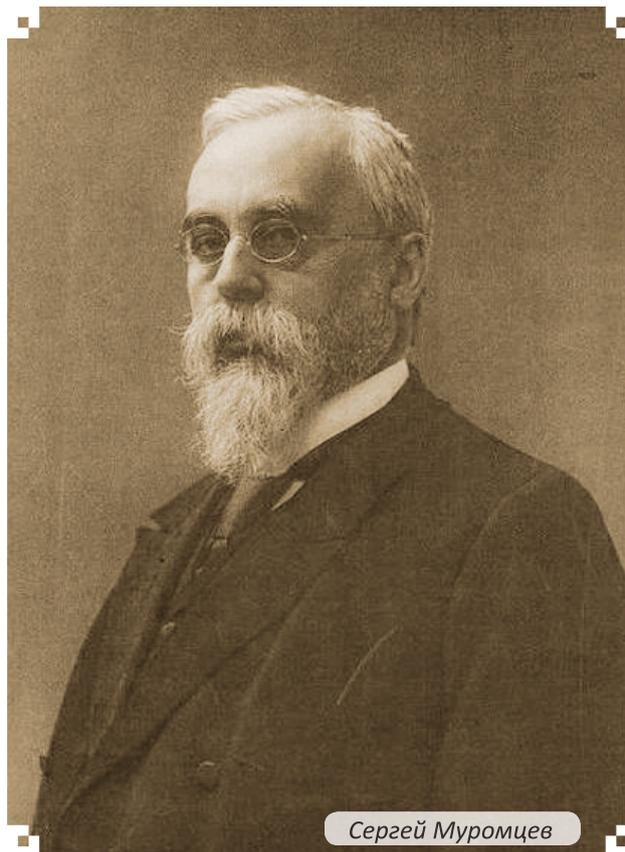
Третий миф – о том, что либералы – разрушители государственности. Ничего подобного! За разрушение государства выступают, как известно, анархисты, а либералы стоят за общественный контроль над государством. Конечно, бюрократии выгодно представлять угрозу своему всевластию в качестве угрозы общенациональной. А что означает либеральный контроль за бюрократией? Если мы «сбрасываемся» на собственное государство своими налогами, то мы вправе контролировать все расходы, предварительно обсуждая разумность тех или иных трат. И если нам, к примеру, нужна сильная армия, то это требует квалифицированного обсуждения с учетом всех обстоятельств и мнений, в том числе объективных, а не вымышленных «угроз» для страны. Так что нет ни одного антилиберального мифа, который выдерживал бы здравые аргументы.

Другое дело, что толковых адептов российского либерализма в настоящее время не так много. Да и те, что есть, как правило, в той или иной степени являются жертвами экономического детерминизма: главное, мол, правильно распределить собственность, а остальное образуется... Нам все некогда осознать, что настоящий либерализм – это не только и даже не столько экономическая теория. Мы имеем дело с очень серьезным социокультурным учением и комплексным цивилизационным проектом.

Частная собственность, на которую чуть ли не молят-ся некоторые «практики реформ», была еще в Древнем Шумере. Только либерализмом и демократией там и не пахло.

Либерализм зарождается как правовое учение, как уже было сказано в предыдущих письмах, в рамках христианской доктрины (ни одна другая религия не оказалась способной продуцировать идеи свободы и права). Потому что учение Христа – это, прежде всего учение об индивидуальной свободе. Именно так понимали дело классики либерализма: и Джон Локк в Англии, и его прямые ученики – отцы-основатели Американских Соединенных Штатов, и пастор Фридрих Науманн в Германии. Индивидуальная свобода, защищенная христианской традицией и обязательным для всех правом, становилась фундаментом того, на чем позже сформировалась либеральная философия собственности, основой которой является, в первую очередь, право на достойное проживание собственной жизни. К сожалению, в нашей либеральной среде издавна существует стойкое предубеждение к религиозной проблематике. Похоже, практика Православной церкви с ее покровительством крепостничеству, обскурантизму по отношению ко всякому прогрессу, лукавым заискиванием перед «царством Кесаря» и самыми одиозными его институтами надолго и всерьез отравила русские прогрессистские мозги. Современным русским либералам еще предстоит перечитать выдающиеся тексты отечественных либералов-христиан – Ивана Сергеевича Аксакова, Михаила Александровича Стаховича, Василия Адеревина Караулова, Петра Бернгардовича Струве. Кстати, именно этим сюжетам посвящена моя книга «Свобода и Вера. Христианский либерализм в русской политической культуре» (М.: ИФ РАН, 2011), написанная в соавторстве с профессором О.А. Жуковой.

В конце апреля 2012 года, в день очередного юбилея 1-й Госу дарственной думы, мы открыли во Владимире памятник князю Петру Дмитриевичу Долгорукову, крупнейшему русскому либералу, земцу, товарищу (заместителю) председателя 1-й Думы. В 1945 году он, старый эмигрант, был арестован советскими спецслужбами в Чехословакии и осужден за «контрреволюционную деятельность». Князь Петр Долгоруков умер в 1951 году 86-летним стариком в печально знаменитом Владимирском центре, так и не признав предъявленных обвинений. «Я являюсь сторонником правового демократического строя, осуществляемого при помощи народного представительства», – вот та правда о себе, которую он оставил в документах следствия. Меня с идеей этого памятника поддержали владимирские депутаты, историки-краеведы, местный «Мемориал». И нам удалось, несмотря на разные политические воззрения руководителей региона, поставить памятник Долгорукову. И такие знаковые события тоже становятся важной опорой для понимания и развития либеральных идей. Наш фонд «Русское либеральное наследие», объединивший усилия лучших историков отечественного либерализма, за 10 лет своего существования провел подобные мероприятия более чем в 40 регионах России. Всегда – с большой поддержкой местной общественности: люди признательны, когда им говорят правду, тем более долго скрываемую правду о настоящей, а не вымышленной истории их регионов.

Сергей Муромцев

Я уверен: необходимо воссоздать подлинную богатейшую родословную русского либерализма. В каждом российском регионе есть эти традиции, в каждом уездном городке было свое общественное самоуправление. И именно оно, составленное из людей выборных и авторитетных, «до копейки» считало расходы на дороги, школы, больницы и т. д. И выяснялось, что именно такая форма власти, а не бюрократическая вертикаль приносит успех. Вообще, история русского либерализма – это не только история драм и трагедий; это во многом и история успехов и достижений. Поговорите с региональными историками-краеведами, и они подтвердят: лучшее в региональных «историях» связано с именами местных свободолюбцев, у которых, правда, помимо либеральных мозгов были еще и чистые, чадолюбивые руки. Либеральная альтернатива могла стать основой общенационального успеха, если бы она не была беспощадно «сплюснута» в России между упертым охранительством и нигилистическим революционаризмом, между Сциллой неправовой власти и Харибдой неправовой анти-власти.

Разумеется, идея земства и в наши дни появлялась в умах некоторых энтузиастов. Но настоящего закона о местном самоуправлении пока как не было, так и нет. У нового земства нет финансового обеспечения. А главное, сама природа земства предполагает его развитие снизу вверх, а не наоборот. Властная вертикаль таким формам самоуправления только вредит, причем вредит сознательно – как опасному сопернику. Что сделал в свое время тот же князь Петр Долгоруков? Он же был из рода Рюриковичей! Но ему, выпускнику исторического факультета университета,

было не зазорно отправиться из московского княжеского особняка в Знаменском переулке на курские земли, в Судженский уезд. И там он начал, как говорится, вкалывать на земле. Стал блестящим специалистом аграрием, был избран председателем уездной, а затем губернской земской управы. Вошел в Союз земцев-конституционалистов, а уже оттуда – руководство кадетской партии и 1-й Думы. Кстати, его брат-близнец, князь Павел Дмитриевич Долгоруков (расстрелянный большевиками в Харькове в 1927 году) делал то же самое в Рязском уезде Московской губернии (там, на здании бывшей уездной управы, мы несколько лет назад установили ему мемориальную доску).

Граф Петр Александрович Гейден – выдающийся земец, работал в псковском земстве; князь Дмитрий Иванович Шаховской (тоже Рюрикович!) – в ярославском. Так русская аристократия (не только родовая, но и интеллектуальная) работала в русской глубинке. Они не были, как сейчас сказали бы, столичными тусовщиками. Это были политики «от земли». И только со временем, набравшись опыта и авторитета, они создали Партию конституционных демократов (другое название – Партия народной свободы), которая и выиграла относительно демократические выборы в первые две Государственные думы. Так спустя 30-40 лет земская реформа Александра II дала свои окончательные богатые плоды. Кто-то скажет: не слишком ли долго в России ждать такого «урожая»? Но на что у нас ушли почти 30 лет, если отмерять упущенные возможности от самого начала перестройки? Иногда слышишь: будь у нас реально работающий институт частной собственности, люди гораздо активнее отстаивали бы свои права на свободу и демократию.

Семен Франк

Но почему так трудно шло в России раскрепощение крестьян? Потому что русские крепостники тоже апеллировали... к идее частной собственности: земля, мол, наша, а частная собственность священна. И в итоге в 1861 году крестьян освободили, как правило, без земли. Но в то же время дали им возможность через рассрочку и кредит со временем эту землю выкупить. И миллионы людей это сделали. Так появились в России массовые слои, которые сумели оценить и свободу, и собственность. Эти две ценности не противоречат друг другу и органично сочетаются. Человек, который живет своим трудом (а это и квалифицированный наемный работник, и интеллектуал) всегда лучше готов отвечать за себя, охранять личную свободу и достоинство. Таких людей в начале XX века в России было немало. Когда в 1910 году в Москве хоронили Сергея Андреевича Муромцева, профессора-правоведа и бывшего председателя 1-й Думы, за его гробом, по подсчетам современников, шли 200 тысяч человек! Существует документальный фильм, из которого видно, что эти расчеты близки к истине. А власти думали, что Москва забыла своего бывшего депутата Муромцева: ведь возглавляемая им Дума была в 1906 году разогнана, за подписание антиправительственного Выборгского воззвания Муромцев отсидел три месяца в Таганской тюрьме (что резко приблизило его раннюю кончину) и был лишен права куда-либо избираться. Но оказалось, что в умах соотечественников он остался символом русского парламентаризма и подлинно народной власти. Величие и масштаб его похорон заставили тогда власти заявить о невозможности гарантировать общественный порядок. Но ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (член ЦК оппозиционной Кадетской партии, а впоследствии – министр народного просвещения Временного правительства) в ходе переговоров с императорским двором взял ответственность на себя: порядок в городе в день похорон Муромцева поддерживали студенты Московского университета! У студкома было только одно условие: если полиция не в состоянии выполнить свой общественный долг, то пусть и не маячит в форме на улицах, гражданское общество обойдется без нее. А вот другой пример великого либерала. Здание (ул. Волхонка, 14), в котором находится Институт философии РАН, – это бывшая городская усадьба князей Голицыных. Здесь в 1881 – 1886 годах снимал квартиру замечательный русский либерал, философ и правовед Борис Николаевич Чичерин. Известна такая история. В начале 1882 года тогдашний московский городской голова С.М. Третьяков ушел в отставку, и встал вопрос о преемнике. Группа московских предпринимателей явилась в особняк Голицыных и предложила баллотироваться Чичерину, не только известному теоретику-философу и юристу, но и многолетнему гласному (депутату) городской думы. Аргументация была такая. «Борис Николаевич, мы вас давно и хорошо знаем. Вы – либерал, а либералы, как известно, не воры». И Чичерин согласился. На посту московского городского головы он добился больших успехов: ему, например, мы обязаны московским («мытищинским») водопроводом. Пытались его строить и раньше – да деньги, отпущенные Думой, регулярно разворовывались. А либерал Чичерин справился.

Борис Чичерин

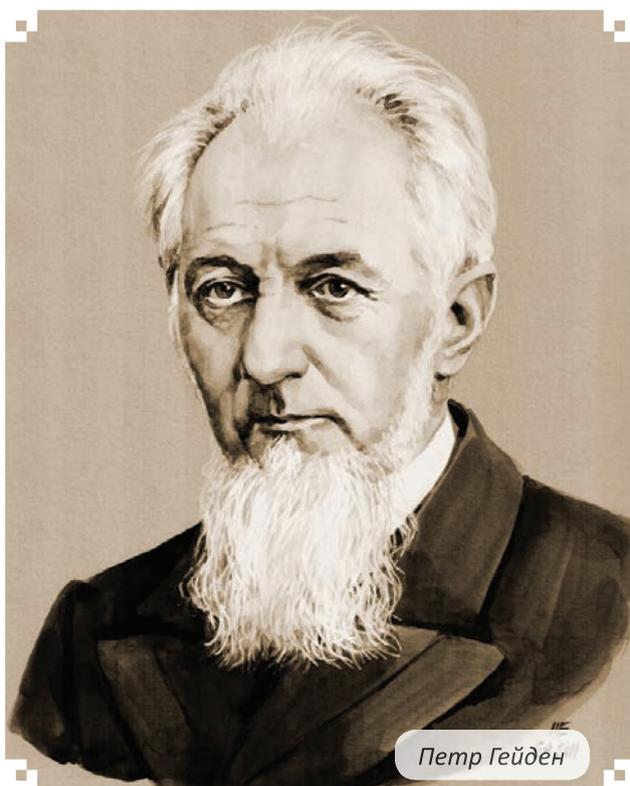
Кстати, замечательными московскими городскими головами были и другие либералы: от князя Владимира Черкасского до руководителей города предреволюционного времени: октябриста Николая Александровича Гучкова и кадета Михаила Васильевича Челнокова. Их объединяло главное – приоритет равного права для всех, строгое соблюдение закона, полная прозрачность городского бюджета и беспощадная борьба с коррупцией. Кстати, Борис Чичерин продержался тогда на своем посту недолго: во время коронации в Москве императора Александра III в мае 1883 года, выступая на торжественном обеде городских голов, он высказался за «единение всех земских сил для блага отечества» и выразил надежду, что власть признает необходимость сотрудничества с земством. Идея делиться властью с общественными силами пришлось, однако, не по нраву императорскому окружению: Чичерин был вынужден подать в отставку.

Какое «единение»? Кому и зачем свободы? Когда сидишь в должности, можно придумывать страшные сказки про либерализм или что-нибудь красивое про святость традиций, верность политике стабильности и т. д. Конечно, соотношение свободы и государственности определяется множеством самых разных факторов. И у каждого может быть свое представление о свободе...

Несколько лет назад мы выпустили книгу «Российский либерализм: идеи и люди». В ней представлены биографические эссе о 96 (!) крупнейших русских либералах, начиная со времен Екатерины II. Все эти люди были очень разные. И часто между собой ссорились. Но со временем, когда в дореволюционной России была разрешена политическая деятельность и стали организовываться политические партии, для свободно мыслящих людей открылась возможность объединяться, группироваться, блокироваться. Появились Конституционно-демократическая партия (левые либералы во главе с Павлом

Милоковым), «Союз 17 октября» (правые либералы во главе с Александром Гучковым) и небольшие партии «либерального центра» – Партия демократических реформ Максима Ковалевского, Партия мирного обновления графа Петра Гейдена и Михаила Стаховича. Все они имели свое представительство в Государственной думе и свои, кстати, очень популярные среди культурной публики печатные издания. Их идейная полемика была хотя временами и острой, но вполне осмысленной. Ведь это были все люди умные, фундаментально образованные, со сложившейся десятилетиями репутацией. Они прекрасно понимали: прежде чем предлагать всему обществу идеи либерализма и демократии, надо сначала свою внутрипартийную жизнь построить на этих принципах. И это им удавалось: внутри, например, Партии народной свободы (кадетской) имело место свободное обсуждение всех проблем – от идейных до кадровых. Это позволило этим людям, выброшенным впоследствии в эмиграцию, полностью сохранить свое не только политическое, но и высоконравственное лицо. Увы, многие русские либералы-политики были расстреляны на родине. До сих пор неизвестны места захоронения председателя Кадетской партии князя Павла Долгорукова, председателя 2-й Думы Федора Головина, выдающегося политика князя Дмитрия Шаховского и многих-многих других.

Существует мнение, что наш отечественный либерализм и западничество чуть ли не синонимы. А это далеко не так: Петр Великий или Павел I уж на что были «западниками» (копировали все подряд!), но они не были либералами. Так же неверно, на мой взгляд, и утверждение, что всякий славянофил – непременно противник либерализма. Опять же у входа в Институт философии РАН висит еще одна мемориальная доска, посвященная Ивану Сергеевичу Аксакову. Он тоже снимал здесь квартиру и умер в этом доме в 1886 году. А кто такой славяно-

Петр Гейден

фил, «почвенник», «самобытник» Иван Аксаков? Он был самым что ни на есть либералом, бесспорно, главным в свое время защитником свободы совести и свободы печати в России. Да, его аргументация в пользу свободы была весьма самобытной. Он, например, спрашивал: «А знаете почему Англия стала передовой страной в области свободы? Да потому, что она не стала никому подражать, а вытасила эту свободу из себя самой, из собственной истории, культуры, религии. Вот и Россия, чтобы стать свободной, не должна копировать ту же Англию, а идея свободы в русской культуре есть». Вот аксаковская оригинальная идея первоисточков свободы в раннем христианстве. «Бог» для него – это Слово. И те, кто покушается на свободное слово, кто покушается на «дары Божьи», – не христиане, а язычники, прячущиеся – все равно – под мундирами или рясами. Христианский либерал Аксаков говорил им: «Церковь немыслима, препоясанная мечом государственным – символом принуждения и насилия; ее единственный меч – слово Божие, предполагающее свободное убеждение и свободную совесть».

И, разумеется, императорская власть, да и доморощенные клерикалы тоже, очень боялись Ивана Аксакова – наверняка поболее, чем иных русских западников. Ибо он бил по русскому неправовому деспотизму, по русскому языческому клерикализму изнутри русской традиции – и тем был особо опасен. К сожалению, многие наши современники, гордо именующие себя «либералами», не в силах отличить свободолобца-славянофила Ивана Аксакова от, например, ретроградов Константина Леонтьева или Константина Победоносцева. И тем самым они извращают историю и обедняют себя.

Другая беда многих отечественных адептов (более на словах) либерализма от демократии в том, что у них принято считать, что победа демократии – это когда «демократы» приходят к власти. Но выяснилось, что в отсутствие либеральной культуры некоторые из этих

«победителей» сказались способны повести себя как классические русские «держиморды». Еще великий философ XX века Семен Людвигович Франк (которого я тоже с полным основанием включил в галерею русских либералов) заметил, что на всех крутых переломах русской истории к власти, к несчастью, приходит – под разными идейными личинами – один и тот же человеческий тип – непримиримый борец, не считающийся с жертвами и полагающий, что его, действующего, якобы, «от имени истории», эта история всегда оправдает. Франк приводил пример, который наблюдал лично: один и тот же человек, позавчера участвовавший в еврейских погромах, вчера, с объявлением войны Германии, уже громил зажиточных немцев, а сегодня – в дни большевистского переворота – с тем же азартом громит «буржуев». И, что интересно, всегда с немалой материальной выгодой для себя. Поэтому, продолжая логику С. Франка, антикоммунистическая революция вовсе не гарантирует приход к власти подлинных демократов и либералов. Это хорошо сказал Бунин о русских «переворотах»: «В следующий раз надо быть поосторожнее»...

И все-таки я уверен: спрос на общественную инициативу, на социальный договор, на власть закона и взаимную толерантность в сложной и многообразной по своему составу России сохраняется и даже нарастает. А значит, либеральный проект рано или поздно будет снова востребован. Я очень надеюсь в этом смысле на либеральное просвещение: пора вернуть людям их собственную историю. В том числе и историю отечественного просвещенного либерализма, то есть ту форму универсальности русской культуры, которую она приобрела в контексте европейского культурного предания. А люди сами разберутся: ведь презумпция человеческой разумности – один из постулатов либерализма.

Алексей КАРА-МУРЗА

О РУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ

Эта скандальная статья Горького вышла в 1922 году в Берлине. Ее не издавали в России ни до, ни после войны, ни в перестройку, – вообще никогда. Просто не издавали и все тут. Быть может, как раз потому, что именно в этом своем сочинении Буревестник говорит о сути революции откровеннее, чем где-либо еще, и чем это позволяли себе его товарищи-большевики. Он живописует варварство и отсталость крестьянской массы, подсказывая читателю, что искоренить это зло возможно только чрезвычайщиной. Создатель Челкаша и Клима убежден: «Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей».

«Интеллигенция и революция» – тема из разряда вечных. А вот крестьянство и революция – это то, о чем многое еще не сказано. И сетования Ленина на уозсть мысли «мелких хозяйчиков», и сочувственно-лирические суждения Солженицына о крестьянском «мире», «мироустройении» – лишь два идейных края, между которыми еще много невозделанной земли. Мысли титулованного «пролетарского классика» – лишь кое-что из непрочитанного. Или хорошо забытого.

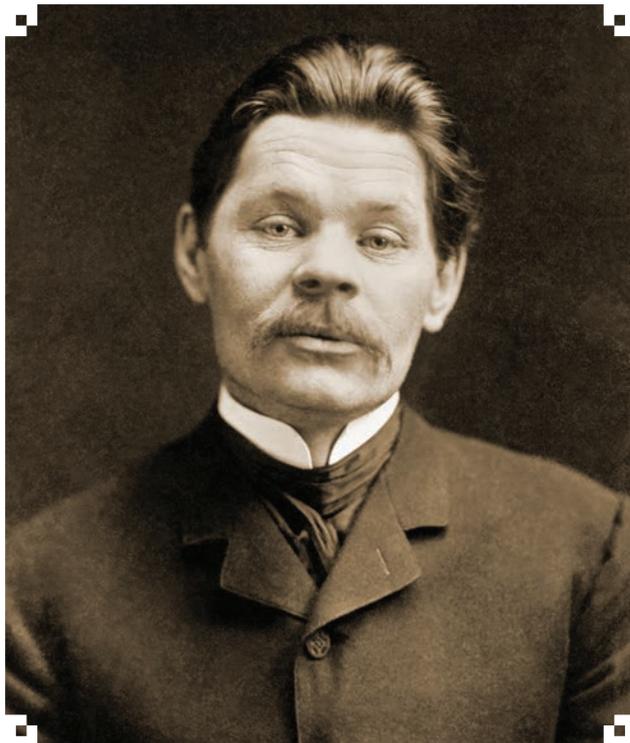
Текст статьи печатается полностью по изданию: Максим Горький. О русском крестьянстве. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

Люди, которых я привык уважать, спрашивают: что я думаю о России?

Мне очень тяжело все, что я думаю о моей стране, точнее говоря, о русском народе, о крестьянстве, большинстве его. Для меня было бы легче не отвечать на вопрос, но – я слишком много пережил и знаю для того, чтоб иметь право на молчание. Однако прошу понять, что я никого не осуждаю, не оправдываю, – я просто рассказываю, в какие формы сложилась масса моих впечатлений. Мнение не есть осуждение, и если мои мнения окажутся ошибочными, – это меня не огорчит.

В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей. Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытывавшего более грубый и длительный гнет рабства, чем другие народы Европы. Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, – о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого народ русский пытался организовать такое государство в форме казачества, Запорожской Сечи.

Еще до сего дня в темной душе русского сектанта не умерло представление о каком-то сказочном «Опосьском царстве», оно существует где-то «на краю земли», и в нем

люди живут безмятежно, не зная «антихристовой суеты», города, мучительно истязуемого судорогами творчества культуры. В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и боится «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует – во всяком случае, очень слабо развито – боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это – его ждет тяжелая и бесплодная борьба. Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое – деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды. Но чаще случается так, что новаторы, столкнувшись с неодолимым консерватизмом деревни, сами уходят из нее. Идти есть куда – всюду развернулась пустынная плоскость и соблазнительно манит вдаль.

Талантливый русский историк Костомаров говорит: «Оппозиция против государства существовала в народе, но, по причине слишком большого географического пространства, она выражалась бегством, удалением от тягостей, которые налагало государство на народ, а не деятельным противодействием, не борьбой». Со времени, к которому относится сказанное, население русской равнины увеличилось, «географическое пространство» сузилось, но – психология осталась и выражается в курьезном совете-поговорке: «От дела – не бегай, а дела – не делай».

Человек Запада еще в раннем детстве, только что встав на задние лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везувия, от великой работы Англии и до мощных Силезских фабрик – вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей, – воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные

силы природы разумным интересам человека. Земля – в руках человека, и человек, действительно, владыка ее. Это впечатление всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности как наследника чуждес, труда и творчества предков.

Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского человека. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания. Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него, и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества. Усадьбы помещиков? Но их мало, и в них живут враги. Города? Но они – далеко и не многим культурно значительнее деревни. Вокруг – бескрайняя равнина, а в центре ее – ничтожный, маленький человечек, брошенный на эту скучную землю для каторжного труда. И человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи! Историк русской культуры, характеризуя крестьянство, сказал о нем: «Множество суеверий и никаких идей».

Это печальное суждение подтверждается всем русским фольклором.

Спора нет – прекрасно летом «живое золото пышных нив», но осенью пред пахарем снова ободранная голая земля, и снова она требует каторжного труда. Потом наступает суровая, шестимесячная зима, земля одета ослепительно белым саваном, сердито и грозно воют вьюги, и человек задыхается от безделья и тоски в тесной, грязной избе. Из всего, что он делает, на земле остается только солома и крытая соломой изба – ее три раза в жизни каждого поколения истребляют пожары.

Технически примитивный труд деревни неимоверно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать». Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силой именно этого инстинкта.

Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен. Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему, как джинны восточных сказок царю Соломону. Он создал вокруг себя атмосферу разума – «вторую природу», он всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо говорит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия.

Будучи поработан властью государства, он остается внутренне свободен, – именно силой этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые. Человек деяния, он создал для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но – прекрасную своей полнотой. Он возбудитель всех социальных болезней, извращений

плоти и духа, творец лжи и социального лицемерия, но – это он создал микроскоп самокритики, который позволяет ему со страшной ясностью видеть все свои пороки и преступления, все вольные и невольные ошибки свои, малейшие движения своего всегда и навеки неудовлетворенного духа.

Великий грешник перед ближним и, может быть, еще больший перед самим собою, он – великомученик своих стремлений, которые, искажая, разрушая его, родят все новые и новые муки и радости бытия. Дух его, как проклятый Агасфер, идет в безграничье будущего, куда-то к сердцу космоса или в холодную пустоту вселенной, которую он – может быть – заполнит эманацией своей психофизической энергии, создав – со временем – нечто не доступное представлениям разума сегодня.

Инстинкту важны только утилитарные результаты развития культуры духа, только то, что увеличивает внешнее, материальное благополучие жизни, хотя бы это была явная и унижительная ложь.

Для интеллекта процесс творчества важен сам по себе; интеллект глуп, как солнце, он работает бескорыстно.

Был в России некто Иван Болотников, человек оригинальной судьбы: ребенком он попал в плен к татарам во время одного из их набегов на окраинные города Московского царства, юношей был продан в рабство туркам, – работал на турецких галерах, его выкупили из рабства венецианцы, и, прожив некоторое время в аристократической Республике Дожей, он возвратился в Россию.

Это было в 1606 году; московские бояре только что затравили талантливого царя Бориса Годунова и убили умного смельчака, загадочного юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына Ивана Грозного, занял Московский престол и, пытаясь перебороть азиатские нравы москвитян, говорил в лицо им:

«Вы считаете себя самым праведным народом в Мире, а вы – развратны, зловны, мало любите ближнего и не расположены делать добро».

Его убили, был выбран в цари хитрый, двоедушный Шуйский, князь Василий, явился второй самозванец, тоже выдававший себя за сына Грозного, и вот в России началась кровавая трагедия политического распада, известная в истории под именем Смуты. Иван Болотников пристал ко второму самозванцу, получил от него право команды небольшим отрядом сторонников самозванца и пошел с ними на Москву, проповедуя холопам и крестьянам:

«Бейте бояр, берите их жен и все достояние их. Бейте торговых и богатых людей, делите между собой их имущество».

Эта соблазнительная программа примитивного коммунизма привлекла к Болотникову десятки тысяч холопов, крестьян и бродяг, они неоднократно били войска царя Василия, вооруженные и организованные лучше их; они осадили Москву и с великим трудом были отброшены от нее войском бояр и торговых людей. В конце концов этот первый мощный бунт крестьян был залит потоками крови, Болотникова взяли в плен, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось в памяти крестьянства, его жизнь и деятельность не оставила по себе ни песен, ни легенд. И вообще в устном творчестве русского крестьянства нет ни слова о десятилетней эпохе – 1602-

1603 г. – кровавой смуты, о которой историк говорит как о «школе своевольтва, безначалия, политического неразумия, двоедушия, обмана, легкомыслия и мелкого эгоизма, не способного оценить общих нужд». Но все это не оставило никаких следов ни в быте, ни в памяти русского крестьянства.

В легендах Италии сохранилась память о фра Дольчино, чехи помнят Яна Жижку, так же как крестьяне Германии Томаса Мюнцера, Флориана Гейера, а французы – героев и мучеников Жакерии и англичане имя Уота Тейлора, – обо всех этих людях в народе остались песни, легенды, рассказы. Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести.

Через 50 лет после Болотникова донской казак Степан Разин поднял крестьянство почти всего Поволжья и двинулся с ним на Москву, возбужденный той же идеей политического и экономического равенства. Почти три года его шайки грабили и резали бояр и купцов, он выдерживал правильные сражения с войсками царя Алексея Романова, его бунт грозил поднять всю деревенскую Русь. Его разбили, потом четвертовали. В народной памяти о нем осталось две-три песни, но чисто народное происхождение их сомнительно, смысл же был не понятен крестьянству уже в начале XIX века.

Не менее мощным и широким по размаху был бунт, поднятый при Екатерине Великой уральским казаком Пугачевым, – «эта последняя попытка борьбы казачества с режимом государства», как определил этот бунт историк С. Ф. Платонов. О Пугачеве тоже не осталось ярких воспоминаний в крестьянстве, как и о всех других, менее значительных, политических достижениях русского народа.

О них можно сказать буквально то же, что сказано историком о грозной эпохе Смуты:

«Все эти восстания ничего не изменили, ничего не внесли нового в механизм государства, в строй понятий, в нравы и стремления...»

К этому суждению уместно прибавить вывод одного иностранца, внимательно наблюдавшего русский народ. «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже как будто не хочет знать его». Великий князь Сергей Романов рассказал мне, что в 1913 году, когда праздновалось трехсотлетие династии Романовых и царь Николай был в Костроме, – Николай Михайлович – тоже великий князь, талантливый автор целого ряда солидных исторических трудов, – сказал царю, указывая на многотысячную толпу крестьян:

«А ведь они совершенно такие же, какими были в XVII веке, выбирая на царство Михаила, такие же; это – плохо, как ты думаешь?»

Царь промолчал. Говорят, он всегда молчал в ответ на серьезные вопросы. Это – своего рода мудрость, если не является хитростью или – не вызвано страхом.

Жестокость – вот что всю жизнь изумляло и мучило меня. В чем, где корни человеческой жестокости? Я много думал над этим и – ничего не понял, не понимаю.

Давно когда-то я прочитал книгу под зловещим заглавием: «Прогресс как эволюция жестокости».

Автор, искусно подобрав факты, доказывал, что с развитием прогресса люди все более сладострастно мучают друг друга и физически, и духовно. Я читал эту книгу с гневом, не верил ей и скоро забыл ее парадоксы.

Но теперь, после ужасающего безумия европейской войны и кровавых событий революции, – теперь эти едкие парадоксы все чаще вспоминаются мне. Но – я должен заметить, что в русской жестокости эволюции, кажется, нет, формы ее как будто не изменяются.

Летописец начала XVII века рассказывает, что в его время так мучили: «насыпали в рот порошу и зажигали его, а иным набивали порох снизу, женщинам прорезывали груди и, продев в раны веревки, вешали на этих веревках».

В 18-м и 19-м годах то же самое делали на Дону и на Урале: вставив человеку – снизу – динамитный патрон, взрывали его.

Я думаю, что русскому народу исключительно – так же исключительно, как англичанину чувство юмора – свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни.

В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное. Это свойство едва ли можно объяснить словами «психоз», «садизм», словами, которые, в сущности, и вообще ничего не объясняют. Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах, где питание народа обильнее и разнообразнее.

Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, – любимое чтение грамотеев в глухих деревнях.

Если б факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц – о них можно было не говорить, в этом случае они – материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека.

В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда – вниз головой – пленных красноармейцев, оставляя ноги их – до колен – на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землею, следя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливее, живучее, кто задохнется позднее других.

Забайкальские казаки учили рубке молодежь свою на пленных.

В Тамбовской губернии пригвождали железнодорожными костылями в левую руку и в левую ногу к деревьям на высоте метра над землею и наблюдали, как эти – нарочно неправильно распяты люди – мучаются.

Вскрыв пленному живот, вынимали тонкую кишку и, прибив ее гвоздем к дереву или столбу телеграфа, гоняли человека ударами вокруг дерева, глядя, как из раны выматывается кишка. Раздев пленного офицера донага, сдирали с плеч его куски кожи, в форме погон, а на место звездочек вбивали гвозди; сдирали кожу по линиям портупей и лампасов – эта операция называлась «одеть по форме». Она, несомненно, требовала немало времени и большого искусства.

Творилось еще много подобных гадостей, отвращение не позволяет увеличивать количество описаний этих кровавых забав. Кто более жесток: белые или красные? Вероятно – одинаково, ведь и те, и другие – русские. Впрочем, на вопрос о степенях жестокости весьма определенно отвечает история: наиболее жесток – наиболее активный...

Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов:

«Бей жену обухом, припади да понюхай – дышит? – морочит, еще хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее».

Сотни таких афоризмов, – в них заключена веками нажитая мудрость народа, – обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети.

Детей бьют тоже очень усердно. Желая ознакомиться с характером преступности населения губерний Московского округа, я просмотрел «Отчеты Московской судебной палаты» за десять лет – 1900-1910 гг. – и был подавлен количеством истязаний детей, а также и других форм преступлений против малолетних. Вообще в России очень любят бить, все равно – кого. «Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут».

Есть даже поговорки, которые считают драку необходимым условием полноты жизни. «Эх, жить весело, да – бить некого». Я спрашивал активных участников гражданской войны: не чувствуют ли они некоторой неловкости, убивая друг друга?

Нет, не чувствуют.

«У него – ружье, у меня – ружье, значит – мы равные; ничего, побьем друг друга – земля освободится».

Однажды я получил на этот вопрос ответ крайне оригинальный, мне дал его солдат европейской войны, ныне он командует значительным отрядом Красной армии.

– Внутренняя война – это ничего! А вот междоусобная, против чужих, – трудное дело для души. Я вам, товарищ, прямо скажу: русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство у нас плохое; ну, сожгут деревню, – чего она стоит! Она и сама сгорела бы в свой срок. И вообще, это наше внутреннее дело, вроде маневров, для науки, так сказать. А вот когда я в начале той войны попал в Пруссию – Боже, до чего жалко было мне тамошний народ, деревни ихние, города и вообще хозяйство! Какое величественное хозяйство разорили мы по неизвестной причине. Тошнота!.. Когда меня ранили, так я почти рад был, – до того тяжело смотреть на безобразие жизни. Потом – попал я на Кавказ к Юденичу, там турки и другие черномазые личности. Беднейший народ, добряки, улыбаются, знаете, – неизвестно почему. Его бьют, а он улыбается. Тоже – жалко, ведь и у них, у каждого есть свое занятие, своя привязка к жизни...

Это говорил человек, по-своему гуманный, он хорошо относится к своим солдатам, они, видимо, уважают и даже любят его, и он любит свое военное дело. Я попробовал рассказать ему кое-что о России, о ее значении в мире, — он слушал меня задумчиво, покуривая папиросу, потом глаза у него стали скучные, вздохнув, он сказал:

— Да, конечно, держава была специальная, даже все необыкновенная, ну а теперь, по-моему, окончательно пала в негодяйство!

Мне кажется, что война создала немало людей, подобных ему, и что начальники бесчисленных и бессмысленных банд — люди этой психологии. Говоря о жестокости, трудно забыть о характере еврейских погромов в России. Тот факт, что погромы евреев разрешались имевшими власть злыми идиотами, — никого и ничего не оправдывает. Разрешая бить и грабить евреев, идиоты не внушали сотням погромщиков: отрезайте еврейкам груди, бейте их детей, вбивайте гвозди в черепа евреев, — все эти кровавые мерзости надо рассматривать как «проявление личной инициативы масс».

Но где же, наконец, тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни. Он знает, что «мужик не глуп, да — мир дурак» и что «мир силен, как вода, да глуп, как свинья».

Он говорит: «Не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих — чужие бояться будут».

О правде он не очень высокого мнения: «Правдой сыт не будешь». «Что в том, что ложь, коли сыто живешь». «Правдивый, как дурак, так же вреден».

Чувствуя себя человеком, способным на всякий труд, он говорит: «Бей русского, — часы сделает». А бить надо потому, что «каждый день есть не лень, а работать неохота».

Таких и подобных афоризмов у него тысячи, он ловко умеет пользоваться ими, с детства он слышит их и с детства убеждается, как много заключено в них резкой правды и печали, как много насмешки над собою и озлобления против людей. Люди — особенно люди города — очень мешают ему жить, он считает их лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его, на земле, которую он мистически любит, непоколебимо верит и чувствует, что с этой землей он крепко спаян плотью своей, что она его кровная собственность, разбойнически отнятая у него. Он задолго раньше лорда Байрона знал, что «пот крестьянина стоит усадьбы помещика». Литература народолюбцев служила целям политической агитации и поэтому идеализировала мужика. Но уже в конце XIX столетия отношение литературы к деревне и крестьянину начало решительно изменяться, стало менее жалостливое и более правдивое. Начало новому взгляду на крестьянство положил Антон Чехов рассказами «В овраге» и «Мужики».

В первых годах XX столетия являются рассказы лучшего из современных русских художников слова, Ивана Бунина; его «Ночной разговор» и другая, превосходная по красоте языка и суровой правдивости повесть «Деревня» утвердили новое, критическое отношение к русскому крестьянству.

О Бунине в России говорят, что «он, как дворянин, относится к мужику пристрастно и даже враждебно». Разумеется, это неверно — Бунин прекрасный художник и только. Но в русской литературе текущего века есть более резкие и печальные свидетельства о жуткой деревенской темноте — это «Юность», поверьте, написанная талантливым крестьянином Орловской губернии Иваном Волиным, это рассказы московского крестьянина Семена Подъячева, а также рассказы сибирского крестьянина Всеволода Иванова, молодого писателя исключительной яркости и силы.

Этих людей едва ли можно заподозрить в предвзятом и враждебном отношении к среде, родной им по плоти и крови, — к среде, связь с которой ими еще не порвана. Им более, чем кому-либо иному, известна и понятна жизнь крестьянства — горе и грубые радости деревни, слепота разума и жестокость чувства.

В заключение этого невеселого очерка я приведу рассказ одного из участников научной экспедиции, работавшей на Урале в 1921 году. Крестьянин обратился к членам экспедиции с таким вопросом:

— Вы люди ученые, скажите, как мне быть. Зарезал у меня башкир корову, я башкира, к о н е ч н о, убил, а после того сам свел корову у его семьи, так вот: будет мне за корову наказание?

Когда его спросили: а за убийство человека разве он не ждет наказания, — мужик спокойно ответил:

— Это — ничего, человек теперь дешев.

Характерно здесь слово «конечно», оно свидетельствует, что убийство стало делом простым, обычным. Это – отражение гражданской войны и бандитизма.

А вот это образец того, как – иногда – воспринимаются новые для деревенского разума идеи.

Сельский учитель, сын крестьянина, пишет мне: «Так как знаменитый ученый Дарвин установил научно необходимость беспощадной борьбы за существование и ничего не имеет против уничтожения слабых и бесполезных людей, а в древнее время стариков отвозили в овраги на смерть от голода или, посадив на дерево, стряхивали оттуда, чтобы они расшиблись, – то, протестуя против такой жестокости, я предлагаю уничтожать бесполезных людей мерами более сострадательного характера. Например – окормлять их чем-нибудь вкусным и так далее. Эти меры смягчали бы повсеместную борьбу за существование, то есть приемы ее. Так же следует поступить со слабоумными идиотами, с сумасшедшими и преступниками от природы, а может быть, и с неизлечимо больными, горбатыми, слепыми и проч. Такое законодательство, конечно, не понравится нашей ноющей интеллигенции, но пора уже перестать считаться с ее консервативной и контрреволюционной идеологией. Содержание бесполезных людей обходится народу слишком дорого, и эту статью расхода нужно сократить до нуля».

Много сейчас в России пишется таких и подобных проектов, писем, докладов, – очень они удручают, но и они, невзирая на их уродство, заставляют чувствовать, что мысль деревни пробуждена и хотя работает неумело, однако работает в направлении, совершенно новом для нее: деревня пытается мыслить о государстве в его целом.

Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа. Я думаю, что человек безграмотный и не привыкший мыслить не может быть истинным теистом или атеистом и что путь к твердой, глубокой вере лежит через пустыню неверия.

Беседуя с верующими крестьянами, присматриваясь к жизни различных сект, я видел прежде всего органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе, наблюдал умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества.

В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и – всего меньше – к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни. В этом отрицании я не могу уловить какой-либо оригинальной идеи, признаков творческой мысли, искания новых путей духа. Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связей и значений которых мысль, развитая слабо, не может понять.

Мне кажется, что революция вполне определенно доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России. Я не считаю значительными факты устройства в сельских церквях театров и клубов, хотя это делалось – иногда – не потому, что не было помещения, более удобного для театра, а – с явной целью демонстрировать свободомыслие. Наблюдалось и более грубое кощунственное отношение ко храму, – его можно объяснить

враждой к «попам», желанием оскорбить священника, а порою дерзким и наивным любопытством юности: что со мною будет, если я оскорблю вот это, всеми чтимое?

Несравненно значительнее такие факты: разрушение глубоко чтимых народом монастырей – древней Киево-Печерской лавры и сыгравшего огромную историческую и религиозную роль Троице-Сергиевского монастыря – не вызвало в крестьянстве ни протестов, ни волнения, – чего уверенно ждали некоторые политики. Как будто эти центры религиозной жизни вдруг утратили свою магическую силу, привлекавшую верующих со всех концов обширной русской земли. А ведь сотни тысяч пудов хлеба, спрятанного от голодной Москвы и Петербурга, деревня защищала с оружием в руках, не щадя своей жизни.

Когда провинциальные советы вскрывали «нетленные», высоко чтимые народом мощи, – народ отнесся и к этим актам совершенно равнодушно, с молчаливым, тупым любопытством. Вскрытие мощей производилось крайне бестактно и часто в очень грубых формах – с активным участием инородцев, иноверцев, с грубым издевательством над чувствами верующих в святость и чудотворную силу мощей. Но – и это не возбудило протестов со стороны людей, которые еще вчера преклонялись перед гробницами «чудотворцев». Я опросил не один десяток очевидцев и участников разоблачения церковного обмана: что чувствовали они, когда перед глазами вместо нетленного и благоухающего тела являлась грубо сделанная кукла или открывались полуистлевшие кости? Одни говорили, что совершилось чудо: святые тела, зная о поругании, затеянном неверами, покинули гробницы свои и скрылись. Другие утверждали, что обман был устроен монахами лишь тогда, когда им стало известно о намерении властей уничтожить мощи: «Они вынули настоящие нетленные мощи и заменили их чучелами».

Так говорят почти одни только представители старой, безграмотной деревни. Более молодые и грамотные крестьяне признают, конечно, что обман был, и говорят:

– Это хорошо сделано, – одним обманом меньше.

Но затем у них являются такие мысли, – я воспроизвожу их буквально, как они записаны мною.

– Теперь, когда монастырские фокусы открыты, – докторов надо пощупать и разных ученых – их дела открыть народу.

Нужно было долго убеждать моего собеседника, чтобы он объяснил смысл своих слов. Несколько смущаясь, он сказал:

– Конечно, вы не верите в это... А говорят, что теперь можно отравить ветер ядом и – конец всему живущему, и человеку, и скоту. Теперь – все озлобились, жалости ни в ком нет...

Другой крестьянин, член уездного совета, называющий себя коммунистом, еще более углубил эту тревожную мысль.

– Нам никаких чудес не надо. Мы желаем жить при ясном свете, без опасений, без страха. А чудес затеяно – много. Решили провести электрический свет по деревням, говорят: пожаров меньше будет. Это – хорошо, дай Бог! Только как бы ошибок не делали, поверните какой-нибудь винтик не в ту сторону и – вся деревня вспыхнула огнем. Видите, чего опасно? К этому скажу: городской народ – хитер, а деревня дура, обмануть ее легко. А тут – затеяно

большое дело. Солдаты сказывали, что на войне и электрическим светом целые полки убивали.

Я постарался рассеять страх Калибана – и услышал от него разумные слова:

– Один все знает, а другой – ничего; в этом и начало всякого горя. Как я могу врать, ежели ничего не знаю?

Жалобы деревни на свою темноту раздаются все чаще, звучат все более тревожно. Сибиряк, энергичный парень, организатор партизанского отряда в тылу Колчака, угрюмо говорит:

– Не готов наш народ для событий. Шатается туда и сюда, слеп разумом. Разбили мы отряд колчаковцев, три пулемета отняли, пушечку, обозишко небольшой, людей перебили с полсотни у них, сами потеряли семьдесят одного, сидим, отдыхаем, вдруг ребята мои спрашивают меня: а что, не у Колчака ли правда-то? Не против ли себя идем? Да и сам я иной день как баран живу – ничего не понимаю. Распря везде! Все против всех. И себе верить боязно.

Немало бесед вел я с крестьянами на разные темы и, в общем, они вызвали у меня тяжелое впечатление: люди много видят, но – до отчаяния мало понимают. В частности, беседы о мощах показали мне, что вскрытый обман церкви усилил подозрительное и недоверчивое отношение деревни к городу. Не к духовенству, не к власти, а именно к городу как сложной организации хитрых людей, которые живут трудом и хлебом деревни, делают множество бесполезных крестьянину вещей, всячески стремятся обмануть его и ловко обманывают.

Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города. Интеллигент почти неизбежно подвергался моральному истязанию. Например: установив после долгого спора точные условия обмена, мужик или баба равнодушно говорили человеку, у которого дома дети в цинге:

– Нет, иди с Богом. Раздумали мы, не дадим картофеля...

Когда человек говорил, что слишком долго приходится ждать, он получал в ответ злопамятные слова:

– Мы – бывало, ваших милостей еще больше ждали.

Да, чем другим, а великодушием русский крестьянин не отличается. Про него можно сказать, что он не злопамятен: он не помнит зла, творимого им самим, да, кстати, не помнит и добра, содеянного в его пользу другим.

Но необходимо отметить, что унижение хитроумного горожанина перед деревней имело для нее очень серьезное и поучительное значение: деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города.

В России – небывалый, ужасающий голод, он убивает десятки тысяч людей, убьет миллионы. Эта драма возбуждает сострадание даже у людей, относящихся враждебно к России, стране, где, по словам одной американки, «всегда холера или революция». Как относится к этой драме русский, сравнительно пока еще сытый, крестьянин?

– «Не плачут в Рязани о Псковском неурожае», – отвечает он на этот вопрос старинной пословицей.

– «Люди мрут – нам дороги трут», – сказал мне старик новгородец, а его сын, красавец, курсант военной школы, развил мысль отца так:

– Несчастье – большое, и народу вымрет – много. Но

– кто вымрет? Слабые, трепанные жизнью; тем, кто жив останется, в пять раз легче будет.

Вот голос подлинного русского крестьянина, которому принадлежит будущее. Человек этого типа рассуждает спокойно и весьма цинично, он чувствует свою силу, свое значение.

– Мужик как лес: его и жгут, и рубят, а он самосевом растет да растет, – говорил мне крестьянин, приехавший в сентябре из Воронежа в Москву за книгами по вопросам сельского хозяйства. – У нас не заметно, чтоб война убавила народу. А теперь вот, говорят, миллионы вымрут, – конечно, заметно станет. Ты считай хоть по две десятины на покойника – сколько освободится земли? То-то. Тогда мы такую работу покажем – весь свет ахнет. Мужик работать умеет, только дай ему – на чем. Он забастовок не устраивает, – этого земля не позволяет ему!

В общем, сытное и полусытное крестьянство относится к трагедии голода спокойно, как издревле привыкло относиться к стихийным бедствиям. А в будущее крестьянин смотрит все более уверенно, и в тоне, которым он начинает говорить, чувствуется человек, сознающий себя единственным и действительным хозяином русской земли.

Какие же выводы делаю я?

Прежде всего: не следует принимать ненависть к подлости и глупости за недостаток дружеского внимания к человеку, хотя подлость и глупость не существуют вне человека. Я очертил – так, как я ее понимаю, – среду, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции. Это – среда полудиких людей.

Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа.

Когда в «зверствах» обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, – я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или – у людей честных – как добросовестное заблуждение.

Напомню, что всегда и всюду особенно злые, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побежденных. Из этого отнюдь не следует, что я считаю священной и неоспоримой правду победителей. Нет, я просто хочу сказать то, что хорошо знаю и что – в мягкой форме – можно выразить словами печальной, но истинной правды: какими бы идеями ни руководились люди, – в своей практической деятельности они все еще остаются зверями. И часто – бешеными, причем иногда бешенство объяснимо страхом. Обвинения в эгоистическом своекорыстии, честолюбии и бесчестности я считаю вообще не применимыми ни к одной из групп русской интеллигенции – неосновательность этих обвинений прекрасно знают все те, кто ими оперирует.

Не отрицаю, что политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, но это потому, что характер деятельности неуклонно обязывает их руководствоваться иезуитским принципом «цель оправдывает средство».

Но люди искренно любящие и фанатики идеи нередко сознательно искажают душу свою ради блага других. Это особенно приложимо к большинству русской активной интеллигенции – она всегда подчиняла вопрос качества жизни интересам и потребностям количества первобытных людей.

Тех, кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», — с моей точки зрения, они — скорее жертвы.

Я говорю это, исходя из крепко сложившегося убеждения, что вся русская интеллигенция, мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, — вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой. Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробужден революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно.

Он, конечно, не скажет этого, ибо ему еще не ясно решающее значение интеллектуального труда.

Почти весь запас интеллектуальной энергии, накопленной Россией в XIX веке, израсходован революцией, растворился в крестьянской массе. Интеллигент, производитель духовного хлеба, рабочий, творец механизма городской культуры, постепенно и с быстротой, все возрастающей, поглощается крестьянством, и оно жадно впитывает все полезное ему, что создано за эти четыре года бешеной работы.

Теперь можно с уверенностью сказать, что, ценою гибели интеллигенции и рабочего класса, русское крестьянство ожило.

Да, это стоило мужику дорого, и он еще не все заплатил, трагедия не кончена. Но революция, совершенная ничтожной — количественно — группой интеллигенции, во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих, эта революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может вернуться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египет-

ского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей.

На мой взгляд, это будет не очень «милый и симпатичный русский народ», но это будет — наконец — деловой народ, недоверчивый и равнодушный ко всему, что не имеет прямого отношения к его потребностям.

Он не скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи, но, вероятно, он даст денег на опыты Штейнаха и, несомненно, очень скоро усвоит значение электрификации, ценность ученого агронома, полезность трактора, необходимость иметь в каждом селе хорошего доктора и пользу шоссе.

У него разовьется хорошая историческая память и, памятуя свое недавнее мучительное прошлое, он — на первой поре строительства новой жизни — станет относиться довольно недоверчиво, если не прямо враждебно, к интеллигенту и рабочему, возбудителям различных беспорядков и мятежей.

И город, неугасимый костер требовательной, все исследующей мысли, источник раздражающих, не всегда понятных явлений и событий, не скоро заслужит справедливую оценку со стороны этого человека, не скоро будет понят им, как мастерская, где непрерывно вырабатываются новые идеи, машины, вещи, назначение которых — облегчить и украсить жизнь народа.

Вот схема моих впечатлений и мыслей о русском народе.

Максим ГОРЬКИЙ

ИЗГНАННЫЕ МЫСЛИ

Пятнадцать тезисов о печальном событии русской философии, культуре в изгнании и европейском будущем России

Известно, что «Философских пароходов» было два: сначала «Обербургомистр Хакен» в конце сентября 1922 года увез из Кронштадта в Германию Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, И.А.Ильина, Б.П.Вышеславцева. А в середине ноября «Пруссия» отправила в эмиграцию Н.О.Лосского, Л.П.Карсавина и др. Философов-диссидентов выслали из Советской России и иными способами: С.Н.Булгаков отправился в изгнание пароходом из Крыма; Ф.А.Степун, П.А.Сорокин – поездами из Москвы. Так что «философский пароход» – понятие собирательное и условное, тем более, что количественно в составе вынужденных эмигрантов большинство составляли врачи, экономисты, агрономы – общим числом до 300 человек с семьями. Ленин сказал об этой части русской интеллигенции: «Они морочат нам голову». А Троцкий высказался более определенно: «Расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно...»

Интеллектуальный костяк этой части русской эмиграции – Бердяев, Франк, Булгаков – авторы знаменитого сборника «Вехи».

В 1918 году они же составили антибольшевистский сборник «Из глубины» (его главный вдохновитель, активный участник Белой борьбы Петр Струве, оказался в эмиграции раньше). Эти люди были элитой русской философии, концентратом русской культурной традиции. Все они дружили между собой, проделали схожий интеллектуальный путь. Начинали как радикальные фигуры, близкие к марксизму, но в начале XX века пересмотрели свои ценности и перешли на позиции философского идеализма.

«Веховцы», изгнанные из России, – это христианские православные либералы. То есть люди, которые считали,

что изменить Россию можно не столько за счет социальных потрясений, сколько за счет внутреннего совершенствования человека. Христианство – это единственная мировая религия, которая позволяет идее свободы получить институциональное оформление. Христос пошел на Голгофу за индивидуальную человеческую свободу. Христиане постулировали, что каждый человек со своей свободной волей может преодолеть свой собственный грех.

Христианский либерализм зародился в России в XIX веке в рамках славянофильской традиции.

Первый из наших христианских либералов – Иван Аксаков. У него была очень простая логика: Бог – это слово, следовательно, тот, кто посягает на свободу слова, посягает на Бога. Через интеллектуальное наследие «философского парохода» Россия возвращается к традиции классического европейского либерализма. Только связка с религиозными, метафизическими смыслами позволит построить в России по-настоящему свободное общество. Струве, Франк, Степун – три фигуры великих русских христианских либералов. Когда мы ищем ценности для современной России, речь должна идти о попытке вернуться на русском материале к ценностям классического либерализма, как они были сформулированы у английского философа Джона Локка и у американских отцов-основателей. Именно такой либерализм смог бы выступить для нас в качестве онтологической основы существования демократии в России. В этом смысле настоящих, глубоких либералов в России сейчас крайне мало. Нынешние так называемые либералы не интересуются классической традицией либерализма, не интересуются и своими предшественниками в России. Так почему же мы

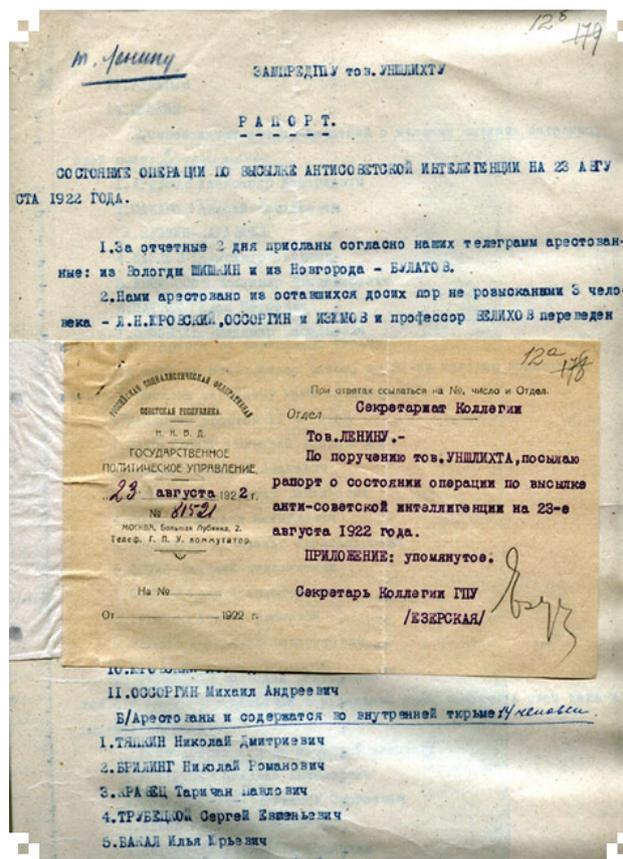
думаем, что они либералы? Просто потому, что они надели майку с такой надписью?

В центре мировоззрения пассажиров «Философского парохода» находилась культура, а не экономика. Очень многие поэтому говорили, что «философский пароход» увез с собой Россию. И если Россия – это русская культура, то Россия в 1922 году окончательно переехала в Европу. И под советской властью осталась голая территория с бродящими по ней чекистами и их жертвами. Такие случаи известны в мировой истории. Похожие вещи случались во времена Реформации, во времена преследования гугенотов во Франции. Когда интеллигентные люди бегут, они увозят с собой свою культуру. Роман Гуль, историограф русской эмиграции, пишет работу с таким названием: «Я унес с собой Россию». «Философский пароход» – это географическое перемещение русской культуры. *1922 год не был пиком террора в Советской России.* Это не апогей репрессивного коммунистического режима. Можно утверждать даже, что это была политическая оттепель. Развивается НЭП. Власть не консолидирована. Внутри нее идет борьба между двумя большими группами. С одной стороны, это радикалы во главе с Троцким. Они выступают за продолжение мировой революции. НЭП для них – это маленькая передышка перед новым наступлением и полной зачисткой российского социального пространства. С другой стороны – это люди, которых затем назвали «правыми уклонистами». Они рассматривают НЭП как принципиальный поворот к буржуазным отношениям. Экспессы революции, с их точки зрения, уже закончились. Большевистская «якобинская» диктатура самоликвидировалась, и теперь на очереди реставрация более свободных социальных отношений. «Правые» считают: частная собственность теперь надолго, культурный плюрализм тоже надолго. **«Философский пароход» выступает как результирующая этих двух тенденций в большевистской политике.**

Будь Троцкий и другие леваки полновесными хозяевами ситуации, они бы приказали расстрелять «буржуазных философов». Те стали уж очень сильно досажать советской власти. Ведь к 1922 году были разрешены некоторые печатные издания, можно было публично выступать, читать лекции. Оттепель идет не только в экономических отношениях, но и в гуманитарной сфере. И философы активно выступали. Например, тогда был издан знаменитый сборник, посвященный «Закату Европы» Шпенглера, в котором приняли участие Федор Степун, Николай Бердяев, Семен Франк. Рассказывали, что Ленин был возмущен: «Что эти философы себе позволяют!» Все это стало непосредственным поводом к высылке инакомыслящих.

Если бы в Советской России победили правые, страна встала бы на путь цивилизованного развития и изгнанники могли бы вернуться.

Судя по всему, этих настроений придерживался тогда, например, Георгий Пятаков, заместитель председателя Госплана, потом зампред Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). Высланный в эмиграцию социолог Питирим Сорокин вспоминал, что Пятаков, с которым они когда-то вместе учились, при личной встрече перед отъездом говорил ему: «Сейчас вы уедете, а лет через пять, когда в России все наладится, вернетесь...» Большевики очень любили тогда проводить параллели с Великой французской революцией. «Что случилось с Робеспьером, лидером якобинцев?» – задавался вопросом Пятаков (расстрелянный, как известно,

в 1937 году) и другие «правые». Робеспьера самого гильотинировали контрреволюционеры. Но русские якобинцы не хотели идти на гильотину, поэтому некоторые из них сами хотели возглавить контрреволюцию. Есть данные, что слово «самотермидоризация» употреблял Ленин.

Насильственная высылка за границу – не изолированная вещь, но один из ручейков русской культурной эмиграции.

Многие представители русской культурной элиты покидали страну иными путями. Например, так: человек подает заявку для выезда якобы на лечение и выезжает со всей семьей либо оформляет заграникомандировку для работы в западных учреждениях и библиотеках. Так по протекции наркома Луначарского (не до конца потерявшего связи в интеллигентских кругах) якобы в командировку или для лечения из России выехали Борис Зайцев, Павел Муратов, другие крупные деятели Серебряного века. Общая идея была та же: скоро здесь будет решающая схватка между правыми и левыми, надо уехать, чтобы не стать жертвой террора. Но, как известно, в России победили левые радикалы во главе со Сталиным: разгромив сначала троцкистско-зиновьевскую оппозицию, он, фактически взяв себе их риторику, обрушился на «правых».

Первым приютом для большинства эмигрантов стала Германия.

«Философские пароходы» шли до немецкого Штеттина (сегодня это польский город). Новые изгнанники ждали, что представители эмиграции, которые уехали раньше, придут их встречать. Но никто не пришел. У Бердяева, который только что в море спорил о том, какое заявление перед русскими эмигрантами нужно сделать, обострился нервный тик.

Д. Белюкин. «Белая Россия. Исход», 1994

Философам и их семьям пришлось идти пешком до вокзала. Они наняли фуры, загрузили их вещами и брели вдоль центральной улицы города. Несколько десятков человек с детьми. Немцы смотрели на них, как на сумасшедших. Русские тоже смотрели на немцев и не могли понять, чем те занимаются. В системе шлюзов спустили воду, и немцы в белых панталонах драили дно каналов. В России такого не увидишь! Две цивилизации не могли понять друг друга.

То, что Россия отторгает свою интеллигенцию, имеет, конечно, более глубинный смысл, чем политический спор «троцкистов» и «пятаковцев».

«Горе от ума» – это классическая русская тема. Интеллигенция существует в России отдельно, власть отдельно. В итоге деградируют обе: и власть, оторванная от культуры и интеллекта, и интеллигенция, оторванная от государственных дел. Это была главная тема для рассуждений крупнейших русских мыслителей, оказавшихся в эмиграции и анализировавших причины русской катастрофы: Струве, Степуна, Георгия Федотова...

Россия не может быть единой в качестве идеологического монолита.

Россия – страна миров, страна диалога этих миров. Если есть такой диалог, значит, можно говорить о единстве. Это в свое время сформулировал Герцен: головы смотрят в разные стороны, а сердце бьется одно. Герцен действительно создал альтернативную Россию. Его «Полярную звезду» и «Колокол» читали даже на самых верхах. Попытка монополизировать в России власть приводит здесь к тому, что какие-то силы, группы людей не согласны с этим. Они либо уходят во внутреннюю эмиграцию, либо покидают страну. Они творят русскую культуру

отдельно от России. Проблема сегодняшней России заключается в том, чтобы объединить почвенную культуру, оставшуюся под большевиками, и зарубежную русскую культурную традицию. Сейчас у нас есть уникальный шанс сделать это. Но разве это по-настоящему кто-то пытается делать?

Идея русского либерализма состоит в том, чтобы создать внутри страны пространство для диалога, построить здесь свою Европу, а не бежать из страны.

Я выступаю за эту единую Россию. А те, кто пытается монополизировать страну, заявить, что Россия может принадлежать только им, провоцируют дальнейшие расколы. Политическая и культурная задача подлинного либерала в России заключается в том, чтобы вернуть страну гражданскому обществу, отобрав ее у коррумпированных чиновников и спецслужб. Это называется либеральным консенсусом. Ты можешь быть правым или левым, но ты находишься здесь и споришь за Россию, имеешь достойное представительство в парламенте, прессе и литературе. Западники и славянофилы – это модель такого консенсуса. Удивительно, что это существовало еще в николаевскую эпоху, но не сейчас. Голос России слышен лишь в симфоническом звучании других культур. Россия – часть европейской культуры. Лишь в европейском концерте понятно, как звучит наш собственный голос. Тут нужно согласиться с еще одним русским эмигрантом – Владимиром Вейдле: в Европе Россия не теряет, но обретает свою самобытность. Наша задача сейчас – вернуться в Европу.

1991 год был антикоммунистической революцией, в которой были зачатки демократических преобразований.

Однако разрушение доминировало в ней над созиданием. Мы приняли антикоммунизм за демократию. Все, кому не нравился коммунизм, сначала сплотились. Ведь при коммунистах в одном мешке зажаты были все: и Русская православная церковь, и диссидентское движение. Но когда дело дошло до строительства, оказалось, что люди к нему не готовы. Ни в кадровом смысле, ни в интеллектуальном. Федора Степуна однажды спросили, какой политический режим представляется ему наилучшим. И он ответил: «Я знаю, что есть режим, который может быть хуже, чем коммунизм. Это будут развалины коммунизма». В коммунизме была хоть какая-то логика, целостность. Когда все развалилось, ничего толком сделать нельзя, потому что те глыбы – уже в виде руин – давят по-прежнему. По Степуну мы до сих пор живем на развалинах коммунизма. Поэтому так тяжело.

Из нашей ситуации есть выход.

Другие страны, и западные, и восточные, показали, каким он может быть. Китай и Чехия едины в выборе лечения. Это раскрепощение общества – создание условий для развития социальных групп, способных прожить не на податки патерналистской власти. И одновременно наведение порядка в государственном аппарате – наиболее анархической, бесконтрольной и коррумпированной части общества. У нас пока все наоборот: общество зажато и подвергается постоянному дерганью и неправомерному контролю. И – полный бардак и безответственность в государственном аппарате.

Алексей КАРА-МУРЗА

ДНИ ТУРБИНЫХ

Никого не спросить, отчего, почему
Грянет в небе за выстрелом выстрел.
Это прежняя жизнь убегает во тьму
Так обыденно, страшно и быстро.

А в турбинской гостиной забытый уют,
И сервиз в золотистой каемке...
И, назло канонаде опять запоют
Там про дачников, дачниц и съемки.

И, конечно, нельзя никому умирать,
Хоть торопится горестный вестник,
И пока не приходят еще отбирать
Ни посуду, ни жизни, ни песни...

Все, что будет потом, это будет потом,
Но уже не боюсь ощущать я,
Как теряет тепло мой безропотный дом,
Как ветшают слова и объятья.

Все, что будет потом - в тараканьем бегу
По планете, к себе, от себя ли...
Все, что в кремковых шторах на том берегу
Так бессмысленно мы потеряли...

Сколько мыкаться нам по далеким морям,
Сколько встреч берегами чужими,
Золотая Елена уйдет в лагеря,
Не склонив головы перед ними...

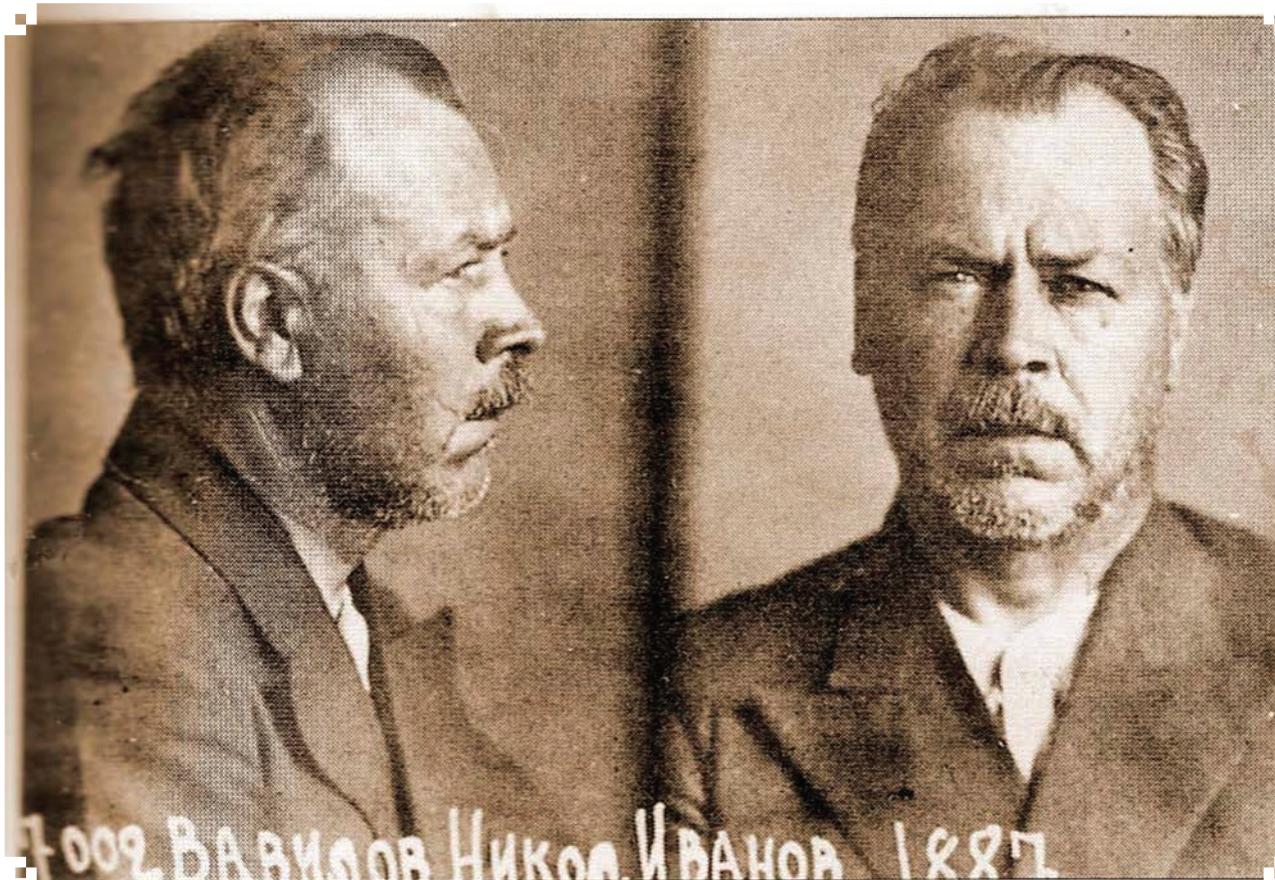
Сколько гордых и сильных на том рубеже
Изломает лихой непогодой...
Сколько светлых умов из России уже
Философские ждут пароходы...

И последний куплет отпоют юнкера -
Эпитафию бывшей отчизне,
А в театре потом будет хлопать тиран
Нашей пьесе загубленных жизней...

...Здравствуйте, дачники,
здравствуйте, дачницы,
съемки у нас уж давно начались...

Нателла БОЛТЯНСКАЯ

КРУГИ АДА НИКОЛАЯ ВАВИЛОВА. КАК УБИВАЛИ ГЕНИЯ И ЕГО ШКОЛУ

Академик Н.И. Вавилов (1887–1943) был гением. Это показала вся его жизнь, пятьсот ярких и талантливейших книг и статей, плодотворная организационная деятельность, эпохальные открытия в области происхождения растительного мира. Как организатор научного дела в нашей стране он добился того, что наши генетики и представители сельскохозяйственных наук в 20–30-х годах не уступали зарубежным коллегам, а во многом даже превосходили их. Его учитель почвовед академик Д.И. Прянишников заявлял: «Николай Иванович – гений, и мы не сознаем этого только потому, что он наш современник». Нобелевский лауреат американский генетик Г.Дж. Меллер писал: «Эта яркая, привлекательная и общительная личность как бы вливалась в окружающих свою страсть к неутомимому труду, к свершениям и радостному сотрудничеству».

В 20-х годах ничто, казалось, не предвещало грядущей трагедии. Видные представители октябрьской элиты, при всем негативе, который был присущ многим из них, обращали внимание на развитие науки, просвещения и культуры, поощряли талантливых исследователей и одобрительно отнеслись к работе Николая Ивановича, который прославился уже в начале 20-х годов открытиями в области генетики растений, в исследовании их жизненного цикла. В это время он часто возглавлял научные экспедиции по России и другим странам, в 1926 г. был награжден Ленинской премией, в январе 1929 г. стал академиком, к концу 20-х годов признанным лидером сельскохозяйственных

наук, и уже был известен не только на родине, но и в Западной Европе и США.

Недавно удалось установить, что первая встреча Вавилова со Сталиным состоялась не в 30-е годы, как считалось раньше, а 15 марта 1929 г. на одном из совещаний руководителей всесоюзного селекционного дела. Вавилов выступал с основным докладом, где говорил о трудностях, с которыми сталкиваются селекционеры. Судя по репликам Сталина, он был недоволен его реалистичной оценкой ситуации, без всяких оснований говорил о «безалаберности» ученых, о том, что они закупают на государственные средства не научные издания, а «макулатуру» («Природа», 2009, № 12). К Вавилову он относился уже тогда с недоверием: независимо мыслящий популярный ученый демократических убеждений, поддерживающий тесные контакты с зарубежными коллегами и часто бывавший за границей, отец – бывший капиталист, эмигрировавший после октября 1917 г. в Болгарию. И когда генсек стал подчинять себе научные дисциплины, выдвигая на передний план преданных ему бездарных карьеристов и вытесняя из науки, в том числе с помощью репрессий, настоящих ученых, он обратил особое внимание на Николая Вавилова. Такой подход к науке оказал и оказывает пагубное воздействие на ее развитие. Он привел к появлению большого числа мнимых ученых с острыми локтями, готовых по приказу начальства травить, выталкивать на обочину талантливых исследователей.

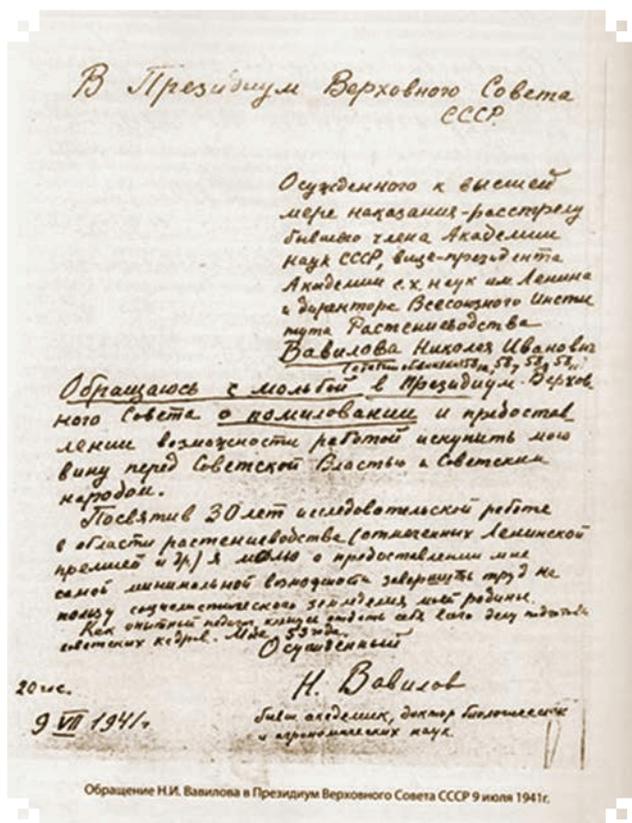
После насильственной коллективизации Сталину нужно было в мгновение ока добиться впечатляющих результатов в сельском хозяйстве. От Вавилова подобного чуда ожидать не приходилось. Он исходил из научных принципов, требующих средств и времени для выведения новых сортов. Но Сталин нашел «чудотворца», который без особых затрат обещал с помощью яровизации и других фокусов собрать через год-два сказочные урожаи. Таким человеком стал украинский агроном Т.Д. Лысенко. Два утописта и мошенника быстро спелись. Сталин стал выдвигать на передний план своего протеже, который стал в 1935 г. президентом ВАСХНИЛ, в 1939 г. академиком, занял видное место в советской номенклатуре. Чтобы продержаться на этой высоте, Лысенко нужно было и дальше вводить в заблуждение Сталина, с помощью новых фантастических планов скрывать свои прежние провалы и развернуть при поддержке НКВД отчаянную борьбу против своих оппонентов, которые могли разоблачить его обман.

Академик Вавилов вначале не придавал значения продвижению Лысенко по ступеням служебной лестницы, даже похваливал его. Но в 1937–1939 годах, по мере того, как проявлялся крах всех начинаний этого агронома, и он начал расправляться с талантливыми биологами и селекционерами, даже ставить под сомнение генетику как науку, Николай Иванович начал все энергичней выступать против лысенковщины, раскрывая ее ненаучный и ретроградный характер. С этого времени Лысенко настроился на уничтожение Вавилова. Первый донос с благословения Лысенко был отправлен Молотову уже 7 июня 1939 г. И.И. Презентом. Приведя критическую оценку западными учеными отношения к генетике в СССР, он писал: «Этому хору капиталистических шавок от генетики в последнее время начали подпевать и наши отечественные морганисты. Вавилов в ряде публичных выступлений заявляет, что «мы пойдем на костер», изображая дело так, будто бы в нашей стране возрождены времена Галилея» («Вестник РАН».

2003. № 12). Последовали жалобы Лысенко на Вавилова в НКВД, его злобные выпады против Николая Ивановича, которые подталкивали генсека к аресту Вавилова. В начале 1940 г. Сталин дал чекистам «добро» на этот шаг.

К этому времени уже шла мировая война, и можно было не опасаться взрыва возмущения в США, Франции и Великобритании, где ученый был особенно популярен. И Сталин решил, что пришло время очистить путь к штурвалу сельскохозяйственных наук своему любимцу. Чтобы не привлекать внимания, Вавилова арестовали не в Москве, а в Западной Украине во время научной экспедиции. 6 августа 1940 г. днем к студенческому общежитию в Черновцах, в котором проживали ее участники, подъехала черная «эмка» и два сотрудника НКВД пригласили в машину Николая Ивановича, якобы, для срочных переговоров с Москвой. В полночь машина вернулась без него за его вещами. Когда они были собраны, один из его учеников Ф.Х. Бахтеев выразил желание поехать проститься с Николаем Ивановичем, который, по словам чекистов, ждал их на аэродроме. Он вспоминал: «Я потянул к себе заднюю дверцу автомашины и занес, было, ногу, чтобы сесть, мой собеседник наотмашь ударил меня, я упал. Последовал резкий приказ шоферу: «Поехали». С шумом захлопнулась дверца, и машина скрылась в темноте. Только теперь, до беспомысленности потрясенные, мы, наконец, поняли: с Николаем Ивановичем случилось несчастье». Известно, что последовало затем: Николая Ивановича доставили 10 августа 1940 г. поездом через Киев в Москву на Лубянку. Его обвинили в «измене родине», «вредительстве», в «диверсии», «участии в контрреволюционной организации». Начались бесконечные допросы следователя А.Г. Хвата, а также двух

Обращение Н.И. Вавилова в Президиум Верховного Совета СССР 9 июля 1941г.

«забойщиков», применявших зверские методы допросов – Шварцмана и Албогачиева. Согласно опубликованному списку допросов, всего их было проведено примерно 230 в течение около 1000 часов (по другим сведениям их было 400, и они продолжались 1700 часов). 9 июля 1941 г. Николай Иванович был приговорен к расстрелу, а 16 июля Президиум Верховного Совета СССР, в присутствии Сталина, отклонил ходатайство Вавилова о помиловании.

Генсек жаждал крови. Но расстрелять ученого он так и не решился. Уже шла Великая Отечественная война, США и Великобритания превращались в наших союзников. Но и освободить Вавилова Сталин не собирался. Он решил просто уморить ученого, как это часто делалось в фашист-

ских тюрьмах. 26 января 1943 г. великий ученый умер в Саратовской тюрьме НКВД № 1 от истощения.

Следственное дело Н.И. Вавилова показывает, что по окончании следствия были сожжены его научные работы и материалы. Исчезла рукопись книги «История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)», написанная им в перерыве между допросами, а 29 июня 1941 г. были уничтожены как «не имеющих ценности» многочисленные научные рукописи. Мне известны и другие примеры подобного варварства по отношению к другим репрессированным ученым, чьи рукописи и документы были сожжены. Сталин вел себя как фашистские молодчики, которые в Германии сжигали на городских площадях книги неугодных им авторов.

И еще одно. Лысенко утверждал, что он не имел никакого отношения к убийству Вавилова. Уже упоминалась его подстрекательская роль накануне ареста ученого. И в ходе следствия он также не бездействовал, а в мае 1941 г. принял активное участие в создании инициированной НКВД «экспертной комиссии для документации вредительской работы» Н.И. Вавилова.

Убийство академика Н.И. Вавилова – одно из самых варварских злодеяний Сталина, направленных против гениального человека, который вывел наши сельскохозяйственные науки на новые научные рубежи, создал предпосылки для успешного развития сельского хозяйства и генетики в нашей стране. Нельзя даже представить, какой вред был нанесен науке, экономике, сельскому хозяйству Советского Союза этим злодейством. Не потому ли Советский Союз оказался в тупике и, в конце концов, погиб, что, уничтожая ярких представителей интеллигенции, корифеев общественных и естественных наук, Сталин лишил страну жизненных сил и интеллектуальной составляющей, и она бесславно погибла, исчезла как субъект истории человечества. Есть даты, которые необходимо помнить. Они помогают понять истоки наших бед и предостерегают нас от повторения ошибок и трагедий. Одной из таких дат является 6 августа 1940 г., когда был арестован академик Николай Иванович Вавилов.

Яков РОКИТЯНСКИЙ

Трофим Лысенко громит советскую генетику

НОВОЧЕРКАССКАЯ ГОЛГОФА

Полвека назад в столице донского казачества произошли события, ныне известные как «Новочеркасский расстрел». Это стало фактическим окончанием «хрущевской оттепели» и началом длительной эпохи застоя как в экономике, так и в государственном мышлении страны.

Оттепель на айсберге

Объявленная в 1959 году семилетка успешно проваливалась под давлением гигантских расходов на оборону и космос. С 1961 года падение темпов экономики и ползучий рост цен на товары народного потребления стали уже заметным явлением.

Государство тратило на фантастические планы фантастические средства, отдачи от которых в обозримом будущем не предвиделось. Строительство Братской ГЭС обошлось в 15 млрд рублей, но потребителей ее энергии пока еще не существовало. В освоение целины было вложено 44 млрд рублей, но при этом не удалось не только выполнить продовольственные задачи, но и накормить и обустроить самих целинников. Зато эрозия почвы при непродуманном землепользовании на целине привела к уничтожению плодородного слоя целинных земель и их опустыниванию, что потом потребовало дополнительных источников воды.

Проект переброски стока вод северных рек (Оби и Иртыша) по каналам в Среднюю Азию оценивался в 32,8 млрд рублей, но при колоссальных затратах экономический эффект от этого был неясен, зато экологическая катастрофа предполагалась неминуемой. Волонтеристское

насаживание «царицы полей» обернулось снижением посевов пшеницы, истощением почвы и последующими закупками зерна за границей.

Финансовая реформа 1961 года привела не столько к снижению денежной массы, сколько к ажиотажному росту цен на спички, иголки, конверты и прочее.

Глупое наступление на личные подсобные хозяйства привели лишь к тому, что хозяева стали спиливать фруктовые деревья, резать скот и бросать огороды, что вызвало резкое обострение продовольственной проблемы в стране. И как следствие этого – рост цен на продукты питания.

С другой стороны, развенчание «культа личности» Сталина и робкие демократические веяния в культуре сделали население более «думающим» и критически настроенным. Способным уже не подавлять недовольство внутри себя и не выпускать пар в «разговорах на кухне», а высказывать его если и не громко, то хотя бы вслух.

В то же время методы руководства страной мало изменились со времен вождя и учителя. По-прежнему «стучать башмаком по трибуне» оставалось более доходчивым, чем объяснять населению свою правоту в дискуссиях и обсуждениях. А в «общении с народом» преобладал властный окрик и партийный кулак.

Перемен требуют наши сердца

Неудивительно, что «в верхах» к тому времени не поняли, что ситуация изменилась, и народ стал уже совсем другой. 8 лет без «Хозяина» хватило для рождения нового поколения людей и изменения в психологии обычного советского человека. У него вдруг обнаружился язык не только для того, чтобы им славословить, голова – не только для того, чтобы носить на ней пролетарскую кепку, а руки – не только для того, чтобы отбивать овации любимым вождям.

Гегемон, для которого собственно и была задумана «диктатура пролетариата» захотел жить в нормальных условиях и хотя бы изредка наесться досыта. При этом он был не прочь и занять «голос», чтобы быть услышанным и понятным горячо любимой партией и правительством. Раз государство у нас рабоче-крестьянское, то извольте выдать рабочему и крестьянину то, что ему положено по самой демократической в мире сталинской Конституции. Поэтому свой голос пролетариат теперь попытался было донести до вождей в единственной, знакомой ему по фильмам и революционным книгам форме.

Массовые беспорядки периодически возникали в различных уголках огромной страны – в Прибалтике, Грузии, Казахстане, даже в Чечено-Ингушетии, где были отмечены массовые волнения русского населения, чьи права ущемлялись возвращавшимся в республику вайнахами. Кое-где они принимали политический подтекст, но, как правило, выражали недовольство экономическими реформами правительства и его главного лица. При этом

«центр недовольства» все больше и больше смещался на Юг (Северный Кавказ, Закавказье, аграрные края и области).

В январе 1961 года вспыхнули стихийные волнения в Краснодаре. На колхозном рынке военным патрулем был задержан солдат, пытавшийся продать украденные на складе сапоги и шапку, чтобы элементарно поесть. Мгновенно вокруг инцидента возникла толпа, сочувствующая «голодному солдату» и обвиняющая в его проблеме «кукурузного Хруща». Попытка вывести задержанного закончилась потасовкой с последующей осадой военной комендатурой, стрельбой, жертвами, демонстрацией по центральной улице Красной с окровавленной одеждой к зданию крайкома КПСС и его погромом.

Тогда все закончилось минимальными жертвами (один погибший, 39 раненых), арестами зачинщиков и несколькими «расстрельными» приговорами.

Однако через полтора года подобные же события вылились в целое восстание.

Пирожки с ливером

Флагман отечественного локомотивостроения Новочеркасский электровозостроительный завод был предприятием особым. Не только крупнейшим в столице донского казачества, но и самым передовым по технологиям и квалифицированным специалистам. Равно как и по сплоченности трудового коллектива, заработная плата которого зависела от совокупной работы всех участков огромного завода. При этом значительная часть рабочих (в лучшие годы на НЭВЗе трудились до 15 тысяч рабочих) были местными и ютились семьями либо в бараках, либо снимали квартиры за 30-50 рублей в месяц, что было очень дорого по тем временам. Каждый правительственный эксперимент с повышением цен на продукты питания бил уже не столько по желудку рабочих, сколько по их доверию к любимым руководителям, обещавшим к 1980 году «нынешнему поколению советских людей» жить при «коммунизме».

Поэтому заявленное в конце мая 1962 года очередное повышение розничных цен на мясо и мясные продукты в среднем на 30% и на масло – на 25% вызвало резкое неприятие среди рабочих. Возможно, и обошлось бы просто матами в адрес правительства. Но параллельно на самом заводе подняли нормы выработки, при этом срезав на треть расценки даже для работающих в «горячих цехах». А это уже был совсем перебор.

В 10.00 формовщики сталелитейного («горячего») цеха после бурного утреннего обсуждения такого «подарка от

партии» к началу лета бросили свой скорбный труд и направились за правдой к зданию заводоуправления. Пусть объяснят, чем вызван такой перекоп в системе оплаты труда самому передовому отряду пролетариата. К ним присоединились работяги из других цехов.

И опять же могло обойтись скандалом, перебранкой с руководством, добрым матюгом и уходом по рабочим местам. Но вмешалась обычная человеческая глупость, замешанная на эмоциях. По свидетельству бригадира цеха Николая Артемова, вышедший пообщаться с трудящимися директор завода Борис Курочкин, будучи не в настроении, быстро утомился от перепалки и на простой вопрос «Как теперь при таких расценках сводить концы с концами? Дети давно не видели ни молока, ни мяса» в сердцах ткнул в сторону тетки с корзиной пирожков: «Ничего, на пирожках с ливером перебьетесь».

Когда-то французская королева Мария-Антуанетта на недоуменный вопрос «Чего им надо, этим бунтующим парижанам?» получила ответ – «У них нет хлеба». На что чисто наивно по-монаршьи бросила: «Ну, тогда пусть едят пирожные». Директор Курочкин, не понимая этого, повторил «подвиг» королевы. Та своей глупостью весьма поспособствовала революции, этот вызвал такой взрыв негодования среди трудяг, что работу бросил весь завод. Наиболее отчаянные бросились в компрессорную, дали пинка сторожу, включили заводской гудок. Обеспокоенные толпы через проходную начали стекаться в сквер перед заводоуправлением. Токарь Черных вынес плакат «Мяса, молока, повышения зарплаты!».

Напряжение росло, кровь играла, русский бунт загулял по жилам. Группа рабочих соорудила баррикаду на близлежащих железнодорожных путях, остановили пассажирский поезд «Саратов-Ростов». Кто-то размашисто написал мелом на тендере паровоза: «Хрущева на мясо!». Толпа оттеснила машиниста, и из его будки начала подавать паровозные гудки, скликая народ. Среди тысяч со-

бравшихся рабочих и любопытных то и дело вспыхивали скандалы и потасовки. По свидетельству очевидцев, масла в огонь подливали вопли «бей всех, кто в чистом», «бей очкариков». Главный инженер завода Сергей Елкин (заслуженный участник войны, артиллерист) попытался было забраться в будку машиниста и прекратить гудки, но его стащили оттуда и накомстыляли.

Казалось бы, ситуацию должно разрядить появление перед митингующими первых лиц партии, которым по идее и надо было бы успокоить и обнадежить народ.

Но ведь в те времена давно уже привыкли с народом не общаться, а им понукать и прищпоривать. «Время маузера» сначала сменилось на «время гильотины», а затем на «время разоблачения». Времени же «общения» в СССР тогда так и не настало.

Городские партактивисты жалась в заводоуправлении, не рискуя выйти к пролетариату без дозволения большого начальства. Оно же появилось лишь в 16.00.

Глава обкома партии 50-летний зоотехник Александр Басов больше был привычен общаться с крупным рогатым скотом. Вместо успокоения разбушевавшегося гегемона, он начал жаловаться на свое трудное детство и в который раз по мегафону с балкона директорского этажа зачитывать Постановление ЦК КПСС о повышении цен.

«Стал на свою трудную жизнь жаловаться, – вспоминает Сергей Елкин, – а сам-то дядя солидный, холеный».

В ответ понесли свист и улюлюканье. А когда к блеянию предыдущего оратора попытался что-то добавить любитель пирожков Курочкин, в ответ уже полетели камни, пустые бутылки и палки. Толпа разошлась не на шутку. Рабочие

хлынули в здание заводоуправления и, желая набить морду первому попавшемуся функционеру, начали крушить все подряд (ну и мародерствовать, как же без этого).

Высокое начальство забаррикадировалось от своего народа в кабинете на четвертом этаже. Басов истерически зывал по телефону к командованию СКВО с просьбой прислать солдат его выручать.

Тем временем о ситуации было доложено Хрущеву, чей изорванный портрет топтали тысячи ног на площади перед заводоуправлением. Он срочно прислал в Ростов половину Президиума ЦК КПСС – Анастаса Микояна (свою правую руку), Фрла Козлова (Хрущев называл его своим «преемником» на посту первого секретаря ЦК КПСС), Александра Шелепина («Железный Шурик» – будущий глава КГБ), Андрея Кириленко, Леонида Ильичева (секретари ЦК), Дмитрия Полянского (предсовмина РСФСР) и других официальных лиц. Будучи первым заместителем председателя Совета Министров СССР Микоян все же утверждал, что на правах «преемника» этой «делегацией» руководил Козлов, а посему на нем и лежала вся ответ-

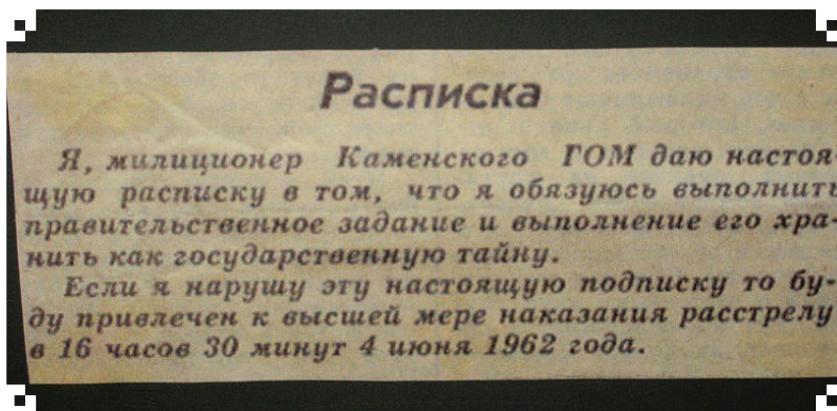
ственность за последствия. Обосновались в горькоме партии, располагавшемся в старом атаманском дворце.

На вопли о помощи Басова к НЭВЗу прибыл отряд милиции (200 человек без оружия), который тут же затерялся в разгоряченной толпе, попросту не заметившей служителей порядка. Их слабые попытки оттеснить от здания митингующих закончились тем, что о стражей закона разбились несколько лавок, и они уехали. Прибывшие пять грузовиков с солдатами 89-й дивизии внутренних войск (без оружия) и три БТР постигла та же участь – под хохот толпы и стук дубинами по броне они убыли восвояси. Машину с радиостанцией перевернули. Для освобождения Басова пришлось проводить целую спецоперацию. Взвод десантников под командованием майора Геннадия Журавеля переодели в замасленные спецовки, доставили к месту событий. Ближе к ночи героя дня вытащили через окно на улицу и тайком перевезли в горьком партии.

Собравшиеся чувствовали себя победителями, но спустившаяся ночь прервала акцию. Договорились наутро идти со знаменами к зданию горькома партии и требовать справедливости там. Идея была простая – довести свои нужды до сведения руководства государства. Достучаться до «Хруща».

«Черт его знает, что он может выкинуть»

В Кремле Хрущев, которого информировали о событиях в Новочеркасске в максимально черных тонах (демонический Фрол Козлов постепенно подкапывался под «шефа») рвал и метал. Требовал «восстановить социалистическую законность». Как это сделать, никто не мог понять из матов

главы партии. В свое время выдвиженец Хрущева в министры иностранных дел Дмитрий Шепилов («и примкнувший к ним») говорил о своем боссе: «Черт его знает, что он может выкинуть». Хода мыслей главного коммуниста планеты не знал никто, поэтому на всякий случай решили принимать меры покруче.

Ночью милицией были задержаны несколько десятков зачинщиков беспорядков (переодетые агенты КГБ в толпе фиксировали «крикунов»). Было приказано двинуть 18-ю танковую дивизию. Ночью под усиленную охрану были взяты почта, телеграф, радиоузел, горисполком и горком партии, отдел милиции, КГБ и Государственный банк, из которого были вывезены все деньги и ценности. Несколько танков были введены на территорию НЭВЗа.

Министр обороны маршал Родион Малиновский дал конкретные распоряжения командующему СКВО генералу армии Иссе Плиеву: «Соединения поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Докладать!».

Плиев знал, что в армии нельзя спешить выполнять приказ, ибо за ним может последовать другой, его отменяющий. Поэтому перевалил ответственность на своего первого заместителя генерал-лейтенанта Матвея Шапошников, который находился в Новочеркасске. Тот же был куда умней своих начальников.

«С самого начала я был против того, чтобы войска нашего округа, да еще с оружием и боеприпасами, противопоставлять рабочим завода и толпе горожан, – вспоминал потом Шапошников, – я принял решение и приказал своим частям: автоматы и карабины разрядить, боеприпасы сдать под ответственность командиров рот, боеприпасы без моей команды не выдавать».

Тем временем с утра толпа вновь стала собираться у НЭВЗа. Прибывшие танки (без боекомплекта) вызвали раздражение, и рабочие, насмотревшись фильмов про войну, начали запрыгивать на броню и своей одеждой закрывать смотровые щели. Один такой «ослепленный» танк сбил две опоры линии электропередач, провода законтачили, и на всю округа раздалась звуки, похожие на взрывы. Это еще

больше подстегнуло жителей, посчитавших «взрывы» сигналом к выступлению.

Теперь к ним примкнули рабочие электродного завода, «Нефтемаша», ЖБИ и других предприятий города. Они вновь перекрыли железную дорогу, остановив другой поезд «Москва-Баку», с которого опять донесся призывный гудок.

Толпа с пением революционных песен, красными знаменами и портретами Ленина двинулась к зданию горкома. Атрибутика очень напоминала демонстрацию 9 января 1905 года в то самое «Кровавое воскресенье».

Дорога шла по мосту через реку Тузлов, где военными было установлено заграждение. Огромная толпа просто обошла затор вброд (река по колено глубиной) и перелезла через броню. Никто не препятствовал. Один

из офицеров попытался было помешать, но тут же получил удар пролетарского кулака в челюсть и был сброшен с моста в речку. Безучастные курсанты стыдливо отвернулись.

Плиев орал по радиации Шапошникову:

– Задержать, не пропускать!

– Голова колонны уже прошла мост через реку Тузлов; да и сил у меня не хватит, чтобы задержать столь многомощную колонну.

– Высылаю в ваше распоряжение танки, – Плиев уже терял голову.

– Я не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать танками, – участник Курской битвы, Герой Советского Союза, командир 2-й гвардейской танковой армии Матвей Шапошников прекрасно знал, что такое человек и броня. Начальства он не боялся, совести не терял.

Узнавший о том, что толпа прошла заслон и направляется к горкому, Козлов бросился звонить Хрущеву. О чем был их разговор, сегодня уже невозможно установить. В любом случае при виде подходящих к зданию толп партийные бонзы бодро выпорхнули через черных ход и сбежали от народа в 1-й военный городок Новочеркаска. Солдатам внутренних войск было срочно приказано выдать боекомплект.

Расстреляны по приговору суда:

Владимир ШУБАЕВ

Сергей СОТНИКОВ

Михаил КУЗНЕЦОВ

Борис МОКРОУСОВ

Владимир ЧЕРЕПАНОВ

Андрей КОРЖАК

Александр ЗАЙЦЕВ

*Матвей Шапошников:
генерал, который не стрелял*

«Патронов не жалеть!»

Собравшаяся в сквере перед «атаманским» горкомом толпа требовала, чтобы к ней вышли чиновники и выслушали народ. Оставшиеся «дежурными» председатель горисполкома Замула и городской прокурор Проценко в очередной раз попытались утихомирить людей, но рабочие знали, что в город приехали «звезды первой величины» и требовали к себе их. «Звезды» же давно отдали соответствующие распоряжения и с трепетом ждали развязки.

Разгоряченная толпа ринулась на штурм горкома и устроила в нем то же самое, что и в заводууправлении. Стой лишь разницей, что после погрома на балкон вывесили портрет Ленина и красные флаги, продолжив митинг.

Тем временем на площадь прибыло подразделение начальника Новочеркасского гарнизона генерал-майора Иван Олешко (сам танкист-фронтовик) с 50 бойцами внутренних войск (уже с боекомплектом). Подошли курсанты артшколы, танкисты 406-го и 140-го полков. К городу уже подтягивались подразделения внутренних войск из Каменска, Грозного, Ростова. Потом говорили, что на площади были главным образом солдаты неславянской национальности. Маловероятно, ибо в той суматохе и неразберихе кто бы там успел «сортировать» солдат-срочников на «наших» и «ненаших».

Скорее всего были те из ВВ, кто просто попался под руку командованию.

Митингующим сообщили, что в здании горотдела милиции находятся их задержанные товарищи, и часть толпы устремилась их освободить. Они не знали, что зачинщиков митингов еще утром отправили в Батайскую тюрьму (что, собственно, спасло их от расстрельного приговора).

Здание охраняли 86 солдат внутренних войск под командованием подполковника Николая Малюгина, которому была команда «действовать по обстановке» (никто не хотел на себя брать ответственность за открытие огня, поэтому по традиции пользовались столь обтекаемыми формулировками). Ворвавшиеся в милицию люди, явно не из робкого десятка, бросились взламывать решетки. Произошла свалка, в ходе которой у одного солдата вырвали автомат (тот успел отстегнуть у него снаряженный магазин с патронами). Другой рядовой этого не заметил и открыл стрельбу на поражение. Так в городе пролилась первая кровь (позже выяснилось, что у горотдела было пятеро убитых).

Услышав пальбу у горисполкома (расположены неподалеку) солдатам была дана команда открыть предупредительный огонь. Пальнули поверх толпы.

Дело в том, что сквер у горкома густо высажен деревьями. А для новочеркасцев подобное зрелище было в диковинку, поэтому деревья были так же густо усеяны пацанвой. Среди них мешком висел на клене и 12-летний Александр Лебедь, будущий генерал и секретарь Совета безопасности России. Некоторые из сидевших на деревьях и попали под шальные пули.

Послышались крики из толпы: «Не бойтесь, стреляют холостыми!». Но у солдат уже был иной приказ. Повторный залп был на поражение. Стреляли кучно, в толпе промахов не бывает. Свидетели утверждали, что в людей стреляли снайперы, расположившиеся на крышах соседних домов, ибо большая часть погибших была именно со стороны прилегавшего к горкому зданию. Теперь уж это невозможно определить. Председатель КГБ Владимир Семичастный докладывал: «В Новочеркасске убиты и умерли от ран в больницах 22 человека. 87 человек посетили больницы города в связи с ранениями и травмами, полученными ими во время беспорядков. Подавляющее большинство этих лиц – молодежь в возрасте 18 - 25 лет».

Толпа в ужасе хлынула из сквера, давя друг друга. Сломали старинную чугунную изгородь и бросились врассыпную по улицам города. Вслед неслись залпы, как в старых фильмах про «Кровавое воскресенье». Патронов не жалели. Шальные пули убивали даже тех, кто на площадь не выходил (парикмахершу Антонину Грибову на рабочем месте в салоне, ветеран войны Александр Дьяконов убит на выходе из магазина).

«Жулиганы и бандиты»

Официальное число погибших определено в 22 человека. Но из-за того, что Козлов распорядился тел родным не выдавать и хоронить тайно, молва несла слухи о «самосвалах с погибшими, захороненными в близлежащих лесополосах». Ночью в городе патрульными были застрелены еще двое при невыясненных обстоятельствах. Заметим, что расстрел не охладил новочеркасцев, а лишь обозлил. И 3 июня нестройные толпы собирались на центральной площади, выкрикивая проклятия в адрес властей, бросаясь камнями в солдат и ужасаясь так и не смытым лужам крови. Кричали женщины, у которых погибли родственники. У здания милиции толпа по-прежнему требовала освободить арестованных (240 человек). По радио передавали записанное на пленку обращение Микояна о введении в городе комендантского часа.

«Некоторые рабочие говорили: «Мы терпели бедствия, но хотя бы нас подготовили заранее, месяца за 3 до повышения цен», – вешал он. – На этот счет могу сказать, что если заготовительные и продажные цены поднять и объявить об этом заранее, то будет спекуляция и беспорядки в магазинах. Все захотят до этого дня раскупить все в магазинах. И в колхозах при сдаче мяса ждали бы повышения цен. Вот почему это вынужденная мера. Временная мера». Неистовый Козлов был более категоричен: «Большинство рабочих Новочеркаска, служащие, студенты и преподаватели также правильно поняли политику нашей партии, и только некоторая часть рабочих завода Буденного не разобралась в сущности проводимых мероприятий и поддалась на удочку нечестных элементов... Отдельные люди, потерявшие контроль над своими поступками и действиями, создали обстановку произвола и беззакония, когда власти вынуждены были ввести в город воинские части, ввести комендантский час. Как можно в наших условиях подлинно народной социалистической демократии, когда так велика роль всех общественных организаций рабочего класса, путем выкриков, анархических действий говорить о важных «политических вопросах»?». По его утверждению, беспорядки в Новочеркасске затеяли «хулиганствующие элементы», а стрельба у горкома началась из-за просьбы 9 представителей митингующих о наведении порядка в городе. Кровь с площади долго пытались смыть. Сначала пожарной машиной, потом специальными щетками. В итоге заасфальтировали толстым слоем. Перед судом по обвинению в «бандитизме», организации «массовых беспорядков» и даже попытке свержения Советской власти предстали 112 человек. Семеро из «зачинщиков» – Александр Зайцев (бригадир совхоза), Андрей Коркач, Михаил Кузнецов (рабочие электродного завода), Борис Мокроусов (обрубщик станкозавода), Сергей Сотни-

ков (токарь НЭВЗа), Владимир Черепанов (слесарь завода «Гормаш»), Владимир Шуваев (повар школы-интернат) приговорены к смертной казни и расстреляны. Еще 105 человек получили сроки заключения от 10 до 15 лет с отбыванием в колонии строгого режима. Кинули горожанам и «пряник». По утверждению доцента Новочеркасского политехнического института Льва Фесенко, сразу после трагических событий в городе магазины заполнились продуктами по самым низким ценам. Появилось и масло, и мясо, и молоко. Было объявлено о том, что с работы сняты сам первый секретарь Ростовского обкома КПСС Александр Басов, первый секретарь Новочеркасского горкома Тимофей Логинов, директор НЭВЗа Борис Курочкин. Командующий СКВО генерал-полковник Исса Плиев срочно отбыл на Кубу в качестве советника. Туда же отправился советником по животноводству Александр Басов. «Кузькину мать» все виновные выгребли по полной.

Сам Козлов уже через несколько лет был уличен в злоупотреблении служебным положением и отхватил инсульт. Хрущев по этому поводу якобы сказал: «Если оклемается, исключим из партии и будем судить. Если умрет – похороним на Красной площади». Генерала Шапошникова уже после снятия Хрущева потихоньку отправили в отставку. По существу, расстрелом демонстрации в Новочеркасске проблема так и не была решена. Недовольство загнали вовнутрь и лишь озлобили население. Сам же первое лицо государства, с которым связывали решение о «крутых мерах», вероятно, понял, что таким образом он лишь выстрелил в себя. Хотя ему было не до этого – в мире уже вовсю разворачивался «кубинский кризис», выстрелы которого могли стать последними не только для Новочеркаска, но и для всего человечества.

Сергей КИСИН

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР

Это движение называли по-разному: «демократическое», «либеральное», «гражданского сопротивления», пока, наконец, не утвердилось за ним название «движение за права человека» или короче – «правозащитное движение». Это название наиболее близко к сути: защита прав личности и требования соблюдения законов – основа этого движения и его отличительный признак.

У нас есть давняя традиция сострадания «маленькому человеку» – ее создала великая русская литература. Однако «законнический» контекст правозащитного движения оригинален. Не потому, что прежде этого вовсе не было в русской истории – была партия конституционных демократов (кадеты), и она тоже родилась не на пустом месте. Но традицию эту в советский период выкорчевали так основательно, что можно смело утверждать: зачинатели правозащитного движения мало что знали о ней и не ею вдохновлялись.

Как не было у правозащитников прямой преемственности с либерально-демократической традицией в русской истории, так не было и заимствований идей международного движения за права человека – опять-таки по причине плохой о нем осведомленности при зарождении правозащитного движения в СССР. Правозащитное движение родилось главным образом из опыта людей, проживших жизнь в условиях беззаконий, жестокости и попрания личности в «интересах коллектива», или ради «светлого будущего всего человечества». Отказ от такого «коллективного» подхода означал отрицание основ официальной идеологии, защищаемой всей мощью советского государства. Требование соблюдения законности в советских условиях является революционным, так как это, по существу, требование к советскому государству перестать быть тоталитарным, стать демократическим. Соблюдение этого требования означало бы изменение характера власти, изменение всего жизненного строя. Между тем правозащитники принципиально отвергают насилие для осуществления какой бы то ни было цели, осуждают его и никогда к нему не прибегают. Каким же способом они действуют? – По словам одного из них, Андрея Амальрика, они «... сделали гениально простую вещь – в несвободной стране стали вести себя как свободные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию».

По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным. Видимая со стороны история правозащитного движения состоит из непрерывной цепи судов, помещений в психбольницы, насильственных выталкиваний в эмиграцию, увольнений с работы и т.п. В условиях тоталитарного режима открытость независимой общественной позиции при полной беззащитности от преследований грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие открытости показало себя неожиданно эффективным – его призыв был услышан и внутри страны и за ее пределами, мир не только получил богатую информацию, но и поверил в свидетельство

правозащитников. Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои; его лозунги восприняли многие национальные и религиозные движения, гораздо более массовые, чем правозащитное; оно определило характер и методы зарождающегося движения за социально-экономические права.

Московское ядро правозащитного движения стало связующим звеном между этими движениями, прежде едва знавшими о существовании других; именно правозащитная платформа стала общей для этих движений и создала почву для их объединения. Это оказалось возможным лишь для правозащитного движения благодаря плюралистичности его идеологии, в то же время ее всеобщности, объемлющей сложность переплетения национальных, религиозных, социальных, культурных, а иной раз и личных проблем в советском обществе.

Другое колоссальное достижение правозащитного движения – его выход из изоляции внутри страны на международную арену. Правозащитное движение влилось

Андрей Синявский и Юлий Даниэль.
Плакаты, вырванные из рук демонстрантов.

Начало (1953-1964 гг.)

Днем рождения правозащитного движения можно считать 5 декабря 1965 г., когда в Москве на Пушкинской площади состоялась первая демонстрация под правозащитными лозунгами. Разумеется, событие это имело предысторию. В советских условиях период утробного вызревания открытого общественного движения растянулся на целое десятилетие. Не могло быть иначе в обществе, которое четверть века подвергалось невиданному в истории давлению со стороны государства.

Тотальный террор прекратился после смерти Сталина. Стали массами возвращаться из лагерей осужденные по политическим статьям. Но общество оставалось в полуобморочном, шоковом состоянии. Осмысление пережитого происходило подспудно, лишь изредка прорываясь слабым всплеском на поверхность официальной литературы или прессы. Медленность оживания объясняется прежде всего вынужденной скрытостью этого процесса, а скрытость – не только страхом и даже не в первую очередь страхом. Главным тормозом самопознания общества оказалась его лишенность знания о самом себе, поскольку средства обмена идеями и информацией были полностью монополизированы государством.

В деталях отработанная система контроля охватывала и прессу, и литературу (художественную и научную, не только современную, но и переиздания, и переводы), и кинематограф, и театр, и живопись (от станковой до этикеток на спичечных коробках), и радио (не только политические передачи, но все, вплоть до музыкальных), и систему обучения (от яслей до докторантуры).

Тотальность идеологического контроля создала невиданные возможности для дезинформации и манипулирования общественным мнением. В результате общество огромной страны утратило реальное представление о своем прошлом и настоящем, его заменили мифы, разработанные официальными идеологами.

История была переписана заново. Перестали существовать целые пласты фактов и идей, имена, направления мысли, исчезли из памяти политические программы, кроме официальной.

Были забыты даже самые проблемы, прежде волновавшие умы наших соотечественников. Оставались неизвестными духовные искания современного мира за советскими границами, потому что «железный занавес» отгораживал Советский Союз от остального мира и его культуры на протяжении жизни по крайней мере двух поколений.

Сведения каждого человека о реальной жизни ограничивались собственными наблюдениями: его знания о процессах, происходивших в обществе, были замкнуты в кружке людей, непосредственно ему знакомых. Общество атомизировалось. В некоторых его атомах делались попытки осмысления новой социально-экономической системы, новой морали, нового типа человека. Но и эти ограничительные результаты умственной и духовной работы одиночек и группочек оставались достоянием лишь той крохотной ячейки общности человеческого общества, внутри которой они были выработаны:

в международное движение за права человека. Распространение информации о положении с правами человека в СССР способствовало разрушению на Западе мифа о «советской демократии», довольно успешно внедрявшегося советской пропагандой на протяжении десятилетий. Открытые протесты правозащитников против нарушений прав человека в СССР привели к включению в арсенал западной общественности и дипломатии свободных стран в их отношениях с СССР требований соблюдения прав человека.

К началу 80-х годов стало очевидным, что требования правозащитников «преждевременны» в том смысле, что власти бесконечно далеки от осознания жизненных потребностей общества, породивших правозащитное движение. Поскольку мирным путем, единственно признаваемым правозащитниками, эти проблемы можно решить только в сотрудничестве с властями, их отказ от диалога вызвал в начале 80-х годов кризис правозащитного движения, усугубившийся из-за резкого усиления репрессий – активность его снизилась, число деятельных участников, возможно, уменьшилось. Однако это не кризис цели, которая не обесценена в глазах участников движения и далеко за его пределами, и не кризис методов. Преподанный правозащитниками пример «непротивозаконного свободомыслия» (выражение В. Чалидзе), их жертвенная верность своему идеалу оздоровили нравственный климат советского общества, помогли выбиться из безвестности национальным и религиозным движениям, проложили дорогу независимой политической мысли.

Я постараюсь обозначить основные этапы правозащитного движения, показать, как оно функционирует, и каковы его масштабы и перспективы.

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
(Осип Мандельштам)*

Именно монополия правящей партии на распространение идей и информации обусловила огромную взрывную силу XX съезда КПСС, который санкционировал изменение картины мира, десятилетиями преподносимой советским гражданам. Сталин, которого десятилетиями обожествляли, предстал перед всеми коварным и кровавым преступником. Саморазоблачения партийной верхушки стали первоотчетником для духовного раскрепощения общества. Однако я согласна с В. Буковским в том, что Хрущев не был демиургом этого процесса, а скорее сам оказался захваченным массовым, хоть и подспудным стремлением вырваться из призрачного неисторического мира в мир реальный.

XX съезд лишь слегка приоткрыл завесу в область запретного знания. Партия полностью сохранила контроль над распространением идей и информации. Официальная установка предусматривала критику «культ личности» Сталина (как на официальном языке назывались все ужасы сталинской эпохи), но исключала критику партии, в течение десятилетий проводившей этот «культ», и социально-экономической системы, сделавшей его возможным. Критика была строго ограничена сталинским периодом, и не допускалось ее распространение на послесталинское время, т.е. на текущий момент. Поэтому осмысление общего опыта сосредоточилось на художественной литературе и публицистике, обращенной в прошлое.

На авансцену выдвинулись в те годы писатели и литературные критики. Событиями огромной политической важности стали роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», повесть И. Эренбурга «Оттепель», очерки В.

Овечкина о сельской жизни, альманахи «Литературная Москва» и «Тарусские странички», но более всего – ежемесячный литературно-публицистический журнал «Новый мир». Главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский собрал вокруг журнала все талантливое и честное, что было в русской литературе. «Новый мир» способствовал не только распространению идей либерализма, но и сплочению его приверженцев: опознавательным знаком единомышленников стал «торчащий из кармана» очередной выпуск «Нового мира». Высшим достижением А. Твардовского было добытое им с огромным трудом разрешение на публикацию повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.). Однако уже в феврале 1970 г. Твардовский был отстранен от руководства «Новым миром», и журнал зачах. Расправа с «Новым миром» произошла в общем русле ужесточения цензуры и вообще контроля над обществом. Но общество не погрузилось в прежнюю духовную и умственную прострацию. Краткосрочного ослабления давления и расширения пределов дозволенного знания оказалось достаточным для необратимых изменений в умах людей и общественной жизни. За эти годы произошло частичное сгруппирование атомов, на которые прежде распадалось общество. Эта консолидация породила демократические устремления на правовой основе в Москве, на Украине, среди депортированных народов (крымских татар, месхов, немцев и др.), привело в движение протестантские общины по всей стране (см. соответствующие главы). Эти общности были разрознены, но цементирование каждой из них сделалось возможным с помощью счастливо найденного способа неподконтрольного распространения идей и информации, теперь известного под названием «Самиздат»: «сам сочиняю, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за это».

Процесс Юлия Даниэля и Андрея Синяевского

Супруги Лариса Богораз и Анатолий Марченко

Рождение самиздата

В России почти всегда существовала более или менее жесткая цензура, и поэтому со времен Радищева запрещенные к публикации произведения ходили по рукам в списках. Но они лишь дополняли литературу и публицистику. Как массовое явление, как основное средство самопознания и самовыражения общества самиздат – явление уникальное. Оно характерно для постсталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой. Механизм самиздата таков: автор отпечатывает свое произведение наиболее доступным частному лицу в советских условиях способом – на пишущей машинке – в нескольких экземплярах и раздает копии своим знакомым. Если кому-то из них прочитанное покажется интересным, он делает копии с доставшегося ему экземпляра и раздает их своим знакомым и т.д. Чем больший успех имеет произведение, тем быстрее и шире происходит его распространение. Конечно, самиздат чрезвычайно нерентабелен в смысле затрат труда и времени, но он нашел талантливых авторов, энергичных и бесстрашных распространителей, у него не переводятся читатели и техническая база его совершенствуется, потому что он оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации. Люди, изголодавшиеся по правдивой картине мира и несфальсифицированному знанию, готовы ради этих благ жертвовать своим временем, трудом и даже терпеть преследования. Начался самиздат со стихов – возможно, из-за легкости перепечатывания их благодаря небольшому объему, легкости запоминания, а может быть, были тому и глубинные причины: духовное раскрепощение началось с области простых человеческих чувств.

В конце 50-х – начале 60-х годов в самиздате циркулировали и эссе, и рассказы, и статьи, но господствовали там стихи. Москва и Ленинград были буквально захлестнуты списками стихов запрещенных, забытых, репрессированных поэтов предреволюционного и советского времени – Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Гумилева, Цветаевой и еще многих, сохраненных памятью людей старшего поколения. Жадно читали и поэтов-современников. Огромной популярностью пользовались и некоторые официально дозволенные (Евтушенко, Мартынов), но благодаря самиздату знали и не печатаемых государственными издательствами – Иосифа Бродского, Наума Коржавина и многих-многих других.

Владимир Буковский пишет о том времени, что по всей Москве в учреждениях и конторах машинки были загружены до предела: все кто мог перепечатывал для себя и для друзей – стихи, стихи, стихи... Создалась молодежная среда, паролем которой было знание стихов Пастернака, Мандельштама, Гумилева. Страсть к стихам, вспыхнувшая в конце 50-х годов, породила впервые в советской столице не запланированные официально сходки под открытым небом. Получилось это спонтанно.

29 июня 1958 г. в Москве открыли памятник поэту Владимиру Маяковскому на площади его имени. На официальной церемонии официальные поэты читали стихи. А когда официальная часть закончилась, стали читать стихи желающие из публики. Незапланированный вечер поэзии многим понравился, и договорились встретиться здесь же, у памятника, снова. Чтения стали происходить чуть ли не каждый вечер. Большинство участников составляли студенты. Наряду с разрешенными читали стихи забытых и репрессированных поэтов, а также свои собственные. Иногда возникали литературные дискуссии.

Власти сначала не препятствовали этим сходам. В «Московском комсомольце» от 13 августа 1958 г. даже появилась одобрительная статья с указанием места и времени встреч, но вскоре эти собрания были прикрыты. Однако в сентябре 1960-го их возобновила группа студентов. Прослышав об этом, стали приходить участники прежних встреч у памятника. На этот раз чтения происходили по субботним и воскресным вечерам. Собиралось по несколько сот человек. Люди были самые разные. Некоторых действительно интересовало лишь искусство, они горячо настаивали на праве искусства оставаться «чистым от политики», что парадоксально приводило их в самую гущу общественной борьбы того времени. Но для многих участников сходов они были привлекательны именно своим общественным звучанием.

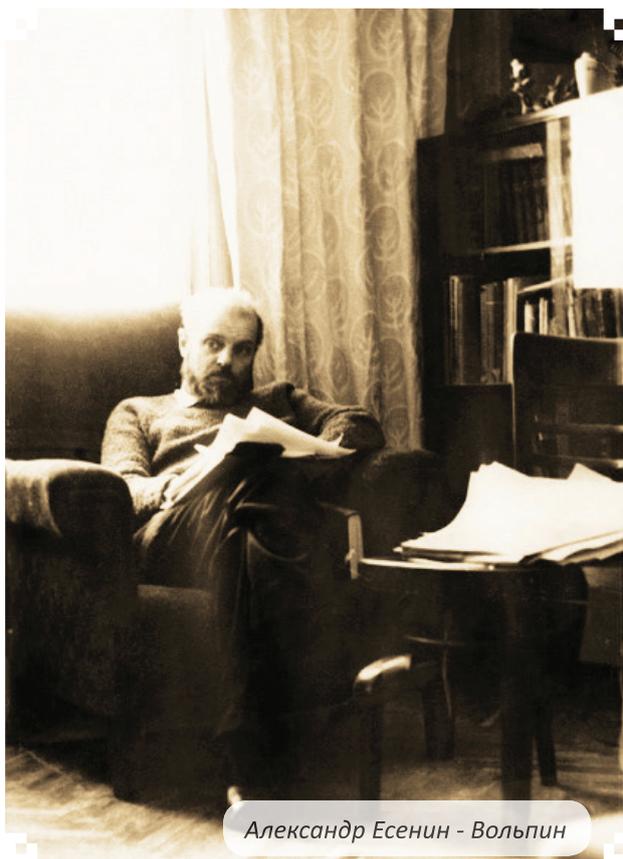
Власти стали мешать встречам. Дружинники задерживали чтецов, записывали их фамилии и сообщали в институты. Обычной мерой наказания было исключение с «волчьим билетом». Периодически проводились обыски у активистов чтений, у них выгребали машинописные листки со стихами и прочий самиздат. На площади Маяковского провоцировались драки, иногда памятник оцепляли и не подпускали к нему в обычное для встреч время.

Об участниках встреч на площади Маяковского появилось несколько статей в московских газетах. Их всячески поносили за «безыдейность», за то, что они бездельники, нигде не работают. Это последнее соответствовало действительности: студентов, выгнанных из институтов за посещение этих сходов, никуда не брали на работу. Вынужденно незанятая жизнь исключенных студентов и выгнанных с работы располагала к бессмысленной трате времени; грешила эта среда и пьянством, и сквернословием, и вообще свободой нравов. В этой молодежной среде в середине 60-х годов зародилось первое неофициальное литературное объединение, отражавшее все ее достоинства и недостатки. Эта литературная группа назвала себя «СМОГ», что расшифровывалось двояко: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или (чаще) «Самое Молодое Общество Гениев». Наиболее близкими смогистам в русском искусстве были авангардисты начала нашего века, искания которых насильственно оборвали в конце 20-х годов.

В самиздатскую деятельность вовлеклись люди всех возрастов, всех поколений. Характерное для самиздата явление – не только юный смогист, но и старушка-пенсионерка, стучащая на машинке у себя в комнате. Среди людей зрелого возраста наряду со стихами стали ходить мемуары, которые особенно часто писали бывшие лагерники. По словам Хрущева, редакции официальных журналов получили более 10 тысяч воспоминаний на лагерные темы.

«Взрослый» самиздат довольно быстро политизировался. Рой Медведев с 1964 г. по 1970 г. ежемесячно издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием «Политический дневник».

В первые выпуски «Политического дневника» вошли материалы о смещении Хрущева и о попытках нового руководства реабилитировать Сталина. Постепенно выкристаллизовались такие постоянные разделы: «Обзор главных событий за месяц»; «Письма, статьи и рукописи»; «Из литературной жизни»; «Из прошлого»; «Заметки на экономические темы» и «Национальные проблемы».

Александр Есенин - Вольпин

При Сталине, когда доноительство было нормой, деловое общение между людьми сократилось до минимума. В Москве почти не было домов, куда были бы вхожи многие. Как правило, тесно общались между собой по двести семьи. Когда же ужас беспричинных арестов миновал, люди кинулись друг к другу, испытывая наслаждение от самого факта пребывания вместе. Обычная московская компания того времени насчитывала человек 40-50 «близких друзей». Конечно, она делилась на более тесные ячейки, но все причастные к компании виделись регулярно на вечеринках, которые происходили по малейшему поводу и без повода, все все знали друг о друге. Каждая компания соприкасалась с несколькими такими же, и связи тянулись в Ленинград, Киев, Новосибирск и другие города.

Разумеется, собирались за столом, и пили не только квас. В этих компаниях завязывались романы, возникали и рушились семьи. Пели, танцевали, слушали музыку и песни. Именно в эти годы появились в продаже магнитофоны, и стоили они не так уж дорого. Это способствовало вихревому распространению по стране песен Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, а несколько позже – Александра Галича. Во многих компаниях был «свой» певец, певший под гитару их песни, и свои собственные, а также – лагерные, которые после массового возвращения из лагерей запела вся страна. Эти песни – современный фольклор, как и анекдоты. Любое событие порождает лавину анекдотов. Обмен ими – любимое времяпрепровождение советских людей всех слоев общества. Это не просто способ пошутить, это основная возможность сформулировать и передать другим свои политические оценки и жизненные наблюдения.

Ходил тогда в Москве анекдот о телефонном разговоре приятелей, обменивающихся самиздатом:

Юрий Галанков

– Ты уже съел пирог, который тебе вчера дала моя жена?
 – Съел.
 – И жена твоя съела?
 – Да.
 – Ну, тогда передай его Мише – он тоже хочет его попробовать.

Первые правозащитные выступления (1965-1968 гг.)

Осенью 1965 г. были арестованы московские писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Они повторили попытку Пастернака – опубликовали свои произведения за рубежом. Однако, наученные опытом Пастернака, подвергнутого дикой травле, они сделали это тайно, под псевдонимами (Абрам Терц и Николай Аржак).

Арест произошел менее чем через год после «дворцового переворота», устранившего Хрущева. Это был первый арест, о котором сообщили зарубежные радиостанции, работавшие на Советский Союз (Даниэля при этом назвали Даниэло). Время от времени эти же радиостанции сообщали о возмущении на Западе: произведения Абрама Терца и Николая Аржака были переведены на европейские языки и имели успех.

Сообщение по зарубежному радио сделало арест писателей довольно широко известным, и он встревожил всех как-то причастных к самиздату.

Арест писателей был воспринят как пролог к зловещим переменам.

Видимо, этим арестом новое советское руководство объявляло войну самиздату – его авторам, распространи-

телям и читателям. Не только друзья и знакомые арестованных, но и вовсе незнакомые люди горячо обсуждали, во что это выльется. Расправятся ли с арестованными втихую, или устроят «показательный» процесс по образцу сталинских? Тогда от подсудимых какими-то неясными путями добивались, чтобы они возводили на себя чудовищные поклепы и даже просили судить их «без снисхождения». Останутся ли власти на этом аресте или за ним последуют другие? Каков будет приговор? – Никто не знал этого, и суждения высказывались самые разные, вплоть до предсказаний расстрела.

В этой обстановке тревоги и неопределенности 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве произошла первая за время существования советской власти демонстрация под правозащитными лозунгами.

За несколько дней до 5 декабря, который отмечался как день советской конституции, в Московском университете и нескольких гуманитарных институтах были разбросаны листовки с «Гражданским обращением», отпечатанные обычным самиздатским способом – на пишущей машинке:

«Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А. Синявский и Ю. Даниэль. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония, и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Навероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственное преступление.

В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола.

У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это – «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг: «Тре-бу-ем глас-нос-ти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно, являются при этом вредными, а, возможно, и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга.

Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись – следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения».

Автором обращения и инициатором демонстрации был Александр Есенин-Вольпин, человек во многих отношениях замечательный. Сын Сергея Есенина, математик и поэт, он дважды подвергался заключению в психиатрические больницы: в 1949 г., в 25-летнем возрасте за «антисоветские стихи», и уже после смерти Сталина, в 1959 г., за то, что передал за границу сборник своих стихов и свой «Свободный философский трактат».

Александр Вольпин задолго до описываемых событий стал пионером правового просвещения. Он разъяснял всем желавшим его слушать простую, но непривычную для советских людей мысль: что законы следует понимать

так, как они написаны, а не так, как их трактует начальство, и требовать их буквального выполнения. Любимой идеей Вольпина была необходимость гласности процессуальных действий, что и отразилось в Гражданском обращении.

По оценке Буковского (со слов его приятеля, побывавшего на демонстрации), к памятнику Пушкину в назначенное время пришло около 200 человек. Но я была на площади и думаю, что демонстрантов было гораздо меньше, однако туда нагнали кагебистов в штатском и дружинников, и трудно было понять, кто есть кто. К тому же большинство находившихся на площади «своих» участия в демонстрации, как и я, не принимали, а лишь наблюдали за ней со стороны.

Вольпин и несколько человек рядом с ним развернули небольшие плакаты, но их быстро выхватили натренированные руки, и даже стоявшие рядом не успели прочесть, что было на плакатах. Потом стало известно, что надписи гласили: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте советскую конституцию!».

Задержали человек 20. Их заталкивали в легковые машины. Сцену хорошо было видно из-за

вспышек фотоаппаратов западных корреспондентов, они узнали о демонстрации и пришли посмотреть на столь необычное в советской столице зрелище.

Задержанных отпустили через несколько часов. В большинстве это были студенты. Все они и замеченные на площади в тот вечер были исключены из институтов – примерно человек 40. Суд над Синявским и Даниэлем был объявлен открытым – возможно, из-за огласки за рубежом и этой демонстрации пришлось его сделать таким. Правда, открытость суда была своеобразной: вход в здание суда охранялся милиционерами, пропускали внутрь лишь отобранных кагебистами людей, по специальным пропускам. С тех пор «открытые» суды по политическим мотивам за редким исключением проходят так же. Из близких подсудимым людей только жены получили доступ в зал. Все четыре дня, пока длился суд, стояли сильные морозы. Друзья подсудимых, корреспонденты западных газет и кагебисты – все толпились в довольно тесном дворе, стучали ногой об ногу и прыгали, чтобы согреться. Все эти группы держались особняком, не смешиваясь.

Совместное стояние у суда пробило первую брешь в отчужденном отношении будущих правозащитников к «корамам», как стали называть в Москве корреспондентов свободной прессы. До тех пор не более двух-трех москвичей, если не считать должностных лиц, поддерживали с

«корами» хотя бы эпизодическое общение. Первым деловую связь с «корами» установил Андрей Амальрик, но случилось это почти год спустя после суда над Синявским и Даниэлем. Тогда же, у суда, все настороженно замолкали, если кто-то из «коров» приближался. Корреспонденты тоже сторонились собравшихся – возможно, не умея отличить сочувствующих подсудимым от стукачей, а, возможно, чувствуя такое же опасливое отчуждение от «этих советских». Однако, когда из зала суда выходила публика – на обеденный перерыв или по окончании заседания, все бросались к женам подсудимых. Они тут же, во дворе, рассказывали друзьям, что происходит внутри, и слушали их не только близкие, но и корреспонденты, и кагебисты. И

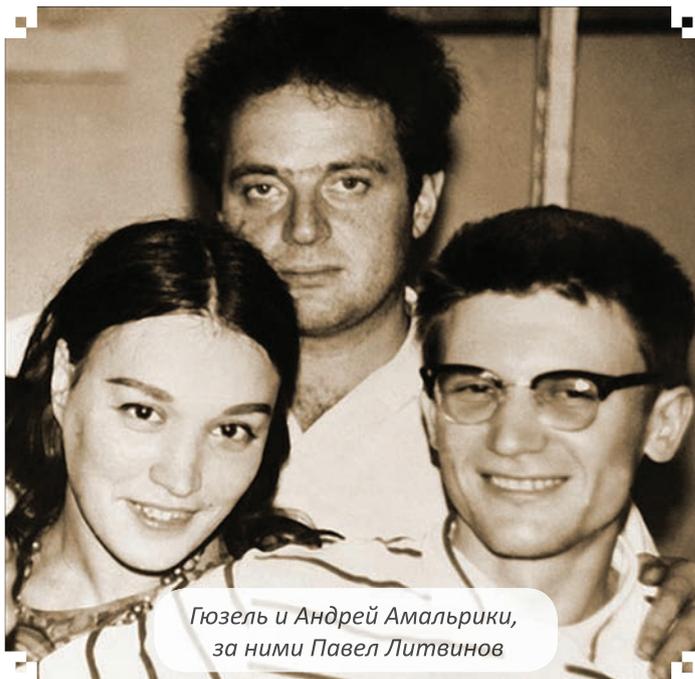
каждый вечер по зарубежному радио шли сообщения о суде и комментарии «морозостойчивой прессы», самоотверженно дежурившей у суда. Благодаря этому узнали о суде и связанных с ним событиях не только на Западе, но и в СССР – даже там, куда самиздат не проникал и слова такого до тех пор не слышали. Так будущие правозащитники открыли доступный им очень мощный источник распространения своих идей и информации.

Суд завершился суровыми приговорами: 7 лет лагеря строгого режима Синявскому и 5 – Даниэлю. Но подсудимые и их доброжелатели чувствовали себя победителями. Осужденные не

калялись и не осуждали свою «преступную» деятельность, а отстаивали право поступать так, как они поступили. Не зная наперед, какая расправа их ждет, они оспаривали правомочность суда, выступая с позиций, прежде неведомых советскому обществу, а именно: требуя соблюдения конституционных прав, свободы творчества и уважения к личности.

Суд над Синявским и Даниэлем помог сделать важное открытие: что власти отказались от бессудных расправ, от пыток и избиений во время следствия, от приписывания прямых террористических намерений тем, кого они обвиняли в «антисоветской агитации», и, следовательно, от смертных приговоров за словесный «антисоветизм». Это было существенным снижением давления на общество по сравнению со сталинским временем. Однако прочтение законов властями по-прежнему определялось принципом «кто не с нами – тот против нас».

И еще одно важное следствие этого суда: в самиздате появилась Белая книга, включавшая запись судебного заседания, газетные статьи о «деле» писателей и – письма в их защиту. Кампанию писем начали жены арестованных. В декабре 1965 г. жена Даниэля Лариса Богораз написала письмо генеральному прокурору – протест против ареста за художественное творчество и незаконных приемов следствия.

*Гюзель и Андрей Амальрики,
за ними Павел Литвинов*

Слева направо: С. Ковалев, Т. Ходорович, Т. Великанова, Г. Подъяпольский, А. Краснов-Левитин

«Старший следователь подполковник Г.П. Кантов утверждает в беседах со мной и во время допросов, что мой муж виновен и понесет наказание... Такая предрешенность дела в процессе следствия заставляет меня сомневаться в объективности ведения дела...

Следователь позволил себе косвенные угрозы: если я буду плохо себя вести («вы понимаете, о чем я говорю», — хотя я абсолютно не понимаю, о чем идет речь), у меня могут быть неприятности по службе, «когда там узнают». Что узнают? Что мой муж под следствием? Но он ведь еще не признан виновным. А если и был бы признан, какие у меня могут быть неприятности и почему? Неужели мы возвращаемся к временам репрессий против семей осужденных, обвиняемых, подозреваемых людей?... Я... требую соблюдения норм человечности и законности».

За прошедшие с тех пор годы таких писем написано несчетное число, но в 1965 г. такой тон и аргументы были новаторскими.

Лариса Богораз оказала огромное влияние на развитие событий в тот начальный период. Она стала притягательным центром для людей, сочувствовавших арестованным. Ее органичное правосознание и спокойное бесстрашие заражали, ее позиция служила примером. От Богораз и ее друзей эти новые идеи как круги по воде расходились по Москве, сказались на содержании и тоне других писем в защиту Синявского и Даниэля.

В 1958 г., во время травли Бориса Пастернака за опубликование за границей «Доктора Живаго», в самиздате ходила стенограмма собрания в Союзе писателей, где его коллеги «осудили» его. Тогда многие сочувствовали писателю и выражали свое сочувствие вслух. Очень может быть, кто-то и писал о своем возмущении травлей, но эти письма прочли лишь чиновники, которым они были адресованы.

Так что усилия в защиту Пастернака остались неизвестными. Это можно сказать и о письмах по «делу» поэта Бродского, осужденного в Ленинграде в 1964 г. на 5 лет ссылки якобы за тунеядство: эти письма тоже не распространялись через самиздат.

Писавшие письма в защиту Синявского и Даниэля не

рассчитывали, что власти прислушаются к их аргументам и откажутся от суда. Целью этих писем было заявить о неприятии официальной точки зрения на этот судебный процесс и на проблему взаимоотношений личности и государства. Эти письма были рассчитаны скорее не на чиновников, которым они были адресованы, а на читателей самиздата. Эти письма, как и вся Белая книга, сыграли огромную роль в формировании нарождавшегося независимого общественного мнения, в распространении правосознания.

Суд над писателями был не единственным признаком курса нового советского руковод-

ства на ресталинизацию.

В печати все чаще стали появляться произведения, оправдывавшие и возвеличивавшие Сталина, а антисталинские высказывания не пропускались. Усилилось давление цензуры, ослабленное после XX съезда. Эти тревожные симптомы вызывали многочисленные протесты, индивидуальные и коллективные. В них приняли участие и рядовые граждане и известные писатели, ученые и пр. Каждый такой протест становился событием общественной жизни: письма Лидии Чуковской (апрель 1966 и февраль 1968 г.), обращение А. Солженицына к IV съезду писателей (май 1967 г.) и отклики на это письмо более 80 писателей; письма Льва Копелева (декабрь 1967 г.) и Г. Свирского (январь 1968 г.); письмо в ЦК 43 детей коммунистов, репрессированных в сталинские времена (сентябрь 1967 г.); письма Роя Медведева и Петра Якира в журнал «Коммунист» с перечнем преступлений Сталина; письмо советским руководителям Андрея Сахарова, Валентина Турчина и Роя Медведева о необходимости демократизации советской системы и др.

В начале 1968 г. письма с протестами против ресталинизации дополнились письмами против судебной расправы с молодыми самиздатчиками (Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Алексей Добровольский, Вера Лашкова). Все четверо были студентами-вечерниками, и зарабатывали на жизнь неквалифицированным трудом; кроме Лашковой, остальные пережили исключения из институтов, а Гинзбург и Добровольский даже отбыли лагерные сроки по политическим причинам.

«Процесс четырех» был непосредственно связан с делом Синявского и Даниэля: Александр Гинзбург и Юрий Галансков обвинялись в составлении и передаче на Запад Белой книги. Юрий Галансков, кроме того, обвинялся в составлении самиздатского литературно-публицистического сборника «Феникс-66», а Лашкова и Добровольский — в содействии Галанскову и Гинзбургу.

Таким образом, преобладающей формой протеста в 1968 г. стали письма в советские инстанции. Участие в петиционной кампании приняли представители всех слоев интеллигенции, вплоть до самых привилегированных.

Амальрик заметил по этому поводу, что обращение с петициями характерно для авторитарных обществ. Он напоминает, что с петиций к королю начиналась французская революция 1830 г. и движение, свергшее эфиопскую монархию в 1975 г. Можно добавить, что и в России в последние десятилетия царской власти были распространены петиции. Так что возникновение кампании петиций в СССР как бы свидетельствовало, что советское государство после смерти Сталина из тоталитарного стало превращаться в авторитарное. Эти петиции и выступления против ресталинизации затормозили ее наступление. Не будь их, этот процесс был бы куда более быстрым и крутым. Но непосредственного успеха подписантская кампания 1968 г. не имела: Гинзбург был осужден на 5 лет лагеря, Галансков – на 7 (в 1972 г. он умер в заключении после неудачной операции язвы желудка), а над «подписантами» была устроена массовая расправа.

За редким исключением, члены партии были изгнаны из партии, что автоматически вело к увольнению с работы. Многих беспартийных тоже уволили или перевели на более низкие должности; студентов исключали из институтов; художников и писателей – из творческих союзов, их перестали публиковать (выставлять); ученые, ожидавшие защиты диссертации, не смогли их защитить и т.д. Эти люди, до тех пор благополучные, оказались изгоями.

При зарождении «петиционной кампании» исключительно важным было обращение протеста именно к властям. Это было революционным шагом по сравнению с десятилетиями, когда критика властей была лишь для разговоров с друзьями, а в официальных выступлениях те же люди не решались ее высказать, повторяли казенные штампы. Одновременная передача в самиздат критических писем, адресованных в официальные инстанции, служила примером, помогала формированию нарождавшегося общественного мнения.

Среди писем по поводу «процесса четырех» выделялось обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова – оно было адресовано не в советские официальные инстанции, а «мировой общественности» – не только к советским гражданам, но и к Западу. Это было преодолением общего комплекса против «вынесения сора из избы». Авторы письма призывали требовать освобождения подсудимых из-под стражи и назначения повторного судебного разбирательства в присутствии международных наблюдателей.

Письмо Богораз и Литвинова дало резонанс на Западе: его поместили многие газеты; лондонская «Таймс» опубликовала о нем передовую; зарубежные радиостанции, работающие на СССР, многократно передавали его полный текст, что сделало известным это обращение в СССР и вызвало поток писем к авторам – и сочувственных и ругательных.

В перипетиях 1966-1968 гг. сформировался круг правозащитников. «Отбор» происходил не по признаку сочувствия либеральным идеям (сочувствие это, в Москве во всяком случае, было весьма широким), а по признаку готовности к открытому отстаиванию этой позиции от попыток реставрации «сверху».

Первым туром «отбора» было участие в петиционной кампании. В советских условиях это серьезная проверка на гражданственность. Однако нельзя ставить знак равенства между участниками эпистолярной кампании 1968 г. в

поддержку «курса XX съезда» и правозащитниками. Значительная часть «подписантов» 1968 г. действовала с той или иной степенью надежды, что советские руководители примут в расчет открыто высказанное общественное мнение, и если не прекратят, то уменьшат напор на общество. Власти ответили репрессиями.

К чести «подписантов», всего несколько человек согласились на «признание ошибок» и самоосуждение, хотя оно выжималось под угрозой утраты жизненных позиций.

Однако репрессии, начавшиеся весной 1968 г., и особенно советское вторжение в Чехословакию несколько месяцев спустя, ясно показали не только опасность, но и бесперспективность открытых обращений с гражданскими требованиями. Стало очевидно, что советский строй не превратился в авторитарный, он остался тоталитарным, и противостояние ему не принесет быстрого успеха.

Убедившись в этом, большинство «подписантов» отказались от открытой борьбы, вернулись в прежнюю жизненную колею, ограничившись пассивным осуждением поворота властей к сталинизму. Среди прочих прекратили попытки повлиять на власть почти все наиболее видные и поэтому наименее уязвимые участники петиционной кампании 1968 г., имена которых придали ей особую значимость.

Лишь небольшая часть «подписантов» не пожелала расстаться с внутренней свободой, обретенной в открытых гражданских выступлениях. Пережитое духовное очищение сделало для них невозможным возвращение к двоемыслию, неизбежному при участии в советской официальной жизни. Эти немногие остались на позициях открытого противостояния, хотя они не питали надежды на успех в близком будущем. Обязательная плата за такую гражданскую позицию – изгойство, а возможно, и лагерный срок. События 1966-1968 гг. помогли людям, готовым к таким испытаниям, найти друг друга. Свойственная всем им гражданственность, общность нравственных понятий и общее изгойство сплотили их. Это содружество на первых порах и составило правозащитное движение, а впоследствии, при его расширении, оказалось его ядром.

Вступление в правозащитное движение не обставлено никакими формальностями – это акт самосознания. Однако очищение от двоемыслия и испытание готовности к неизбежному для правозащитника жизненным осложнениям чаще всего начинается с открытого протеста против беззакония. Поэтому я полагаю правозащитником каждого, хотя бы однажды заявившего такой протест. Самым распространенным способом его до сих пор остается подпись под правозащитным документом.

Правозащитные ассоциации и борьба с правозащитниками

В начальной стадии правозащитного движения не заходило и речи о создании какой-либо организации. Большинство правозащитников было против организационных затей. Возможно, сказывалась общая усталость от насильственного затягивания во всяческие организации, которое все пережили в той или иной мере как члены советского общества, отталкивание от «демократического централизма» правящей партии и вообще советского культа «коллектива». Всем вошедшим в братское содружество

Борис Немцов в гостях у Андрея Сахарова и Елены Боннэр. Горький.

правозащитников оно было дорого именно добровольностью, самостоятельностью каждого в определении своих функций в общем деле, свободой выбора непосредственных партнеров. Соображения о чреватости эксперимента с организацией арестом какое-то время останавливали и ее сторонников. Однако в 1969 г. все-таки появилась на свет первая правозащитная ассоциация. Она выросла непосредственно из самой распространенной формы совместных выступлений правозащитников – коллективных писем.

28 мая 15 активных «подписантов» отправили письмо с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе. Это письмо отличалось от прежних адресатом – в Организацию Объединенных Наций. Авторы письма так объясняли это:

«Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направленные в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась».

Они просили ООН «защитить попираемые в Советском Союзе человеческие права».

Важным отличием этого свидетельства об отсутствии гражданских прав в СССР от предшествующих была не только его отсылка на Запад, но и в том, что подписавшие это письмо называли себя «Инициативной группой защиты прав человека в СССР». Большинство среди них составили москвичи, но несколько человек было из других городов. Инициативная группа писала о «... нарушении одного из самых основных прав человека – права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными способами».

В письме перечислялись известные правозащитникам политические процессы, начиная с суда над Синявским и Даниэлем, указывалось на «... особо бесчеловечную форму преследований – помещение в психбольницу нормальных людей за политические убеждения».

С появлением названия «Инициативная группа» еще не решился вопрос о том, является ли группа разовым объединением, связанным лишь с данным сообщением в ООН, или она продолжит свою деятельность. Но менее чем через месяц возникла нужда в дополнении к первому письму из-за новых преследований за убеждения: речь шла об осуждении на второй срок находившегося в лагере Анатолия Марченко, автора книги «Мои показания». Это письмо имело подпись: «Инициативная группа» без указания фамилий ее членов. Таким образом Группа стала постоянно действующей.

Оба заявления остались без какого-либо ответа из ООН, и третье, адресованное тогдашнему генеральному секретарю ООН У. Тану, сообщало о начавшихся преследованиях членов Инициативной группы. Владимир Борисов был помещен в психбольницу, Мустафа Джемилев и Левитин-Краснов арестованы.

«Молчание международных правовых организаций развязывает руки вдохновителям дальнейших репрессий», – писали в следующих письмах в ООН члены Инициативной группы. Это заявление тоже осталось без ответа, как и последующие, в том числе заявление со списком 63 узников совести, отправленных в течение 1969 г. в лагеря и психиатрические больницы.

Опыт Инициативной группы убедил в ценности включения в структуру правозащитного движения открытых ассоциаций. Начался поиск наиболее конструктивных и безопасных их вариантов.

В ноябре 1970 г. в Москве был создан Комитет прав человека в СССР. Инициатором этой ассоциации был Валерий Чалидзе. Кроме него, членами-основателями Комитета были Андрей Твердохлебов и академик Андрей Сахаров, все трое – физики. Позже к ним присоединился Игорь Шафаревич, математик, член-корреспондент Академии наук. Экспертами Комитета стали Александр Вольпин и Борис Цукерман, корреспондентами – Александр Солженицын и Александр Галич.

Предполагалось, что научная или литературная известность части членов Комитета, а также искушенность в вопросах права другой их части послужат заслоном от репрессий.

В учредительном заявлении указывались цели Комитета: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности пропаганда международных и советских документов по правам человека.

Органы власти, увы, не консультировались с членами Комитета, так что его деятельность свелась к изучению состояния этих прав в советской практике и к теоретической разработке проблем прав человека в советском законодательстве. И то и другое было первым шагом на этом пути, так как ни советские правовики, ни правозащитники этими проблемами в теоретическом аспекте не занимались. Просветительская деятельность Комитета тоже была очень необходима, прежде всего участникам правозащитного движения, которые при всем своем одушевлении идеями права в подавляющем большинстве не обладали ни опытом, ни достаточными знаниями в этой области, ни даже достаточно развитым правосознанием. Комитет прав человека был первым прецедентом независимой общественной ассоциации с разработанным регламентом и правилами членства. Этот эксперимент явочным порядком утверждал право на независимые ассоциации, подавая пример такого объединения на строго законном основании. Комитет прав человека был основан как ассоциация авторов, что, согласно советским законам, не требовало не только разрешения властей, но даже регистрации.

Наступление, предпринятое на правозащитное движение в 1972-1973 гг., имело целью разрушение механизма неподконтрольного распространения идей и информации. Видимую часть этого механизма удалось разрушить почти полностью: было устранено большинство ведущих деятелей правозащитного движения, была прервана работа правозащитных ассоциаций, прекратилась «Хроника текущих событий».

Перемещение большей части правозащитников в места заключения сказалось на атмосфере в политических лагерях. Правозащитники и там требовали соблюдения законности, протестовали против самодурства начальства и жестокости. Наравне с ними стали выступать и участники национальных движений, и другие политзаключенные. Создалось парадоксальное положение: в годы, когда на воле правозащитное движение переживало кризис, в политлагерях оно, напротив, бурно усилилось. Оттуда в разные инстанции шел поток жалоб на жилищные условия, на медицинское обслуживание, на грубость и самоу-

правство начальства и т.д. Эти жалобы попадали не только в инстанции, куда были адресованы, но и в самиздат, а оттуда – на Запад. Зарубежное радио, по свидетельству Буковского, отбывавшего тогда срок, слушали и надзиратели и их начальники. Они знали: стало известно на Западе о безобразиях в их лагере – жди обследования «сверху», будут неприятности. Иной раз заключенные именно от надзирателей или от obsługi тюрьмы узнавали об очередной радиопередаче об их собственном положении. Это придавало им силы. Обычными стали прежде чрезвычайно редкие выступления политзаключенных не только на лагерные, но и на общеполитические темы. Отмечу, посвященные национальным проблемам в Советском Союзе – такие заявления подчеркнуто совместно делали активисты разных национальных движений и русские.

Оставшиеся на воле правозащитники напрягали все возможности для помощи политзаключенным, среди которых теперь оказались многие их друзья. В кризисные 1972-1973 гг. система помощи политзаключенным продолжала функционировать и совершенствоваться, в нее вовлекались все новые люди. По инициативе Андрея Твердохлебова состоялось объявление Группы-73 – благотворительной организации для помощи детям политзаключенных, но это был скорее символический жест, подчеркивающий полную законность такого рода деятельности. Практически помощь шла не через Группу. Люди, осуществлявшие эту помощь, не были связаны формальными узами, они не объявляли себя организацией и не публиковали своих имен.

Александр Солженицын

Анатолий Найман и Наталья Горбаневская

Избегали огласки и жертвователи средств на политзаключенных. Редким исключением было открытое жертвование на помощь детям политзаключенных, сделанное женой Сахарова Еленой Боннэр: она основала соответствующий фонд, отдав в него полученную Сахаровым премию Чино дель Дука.

Продолжалась напряженная работа и в другой «невидимой» сфере – в самиздате. Многочисленные изъятия на обысках 1972-1974 гг. не отразились существенно на объеме бесконтрольно циркулирующей литературы. Прекратить самиздат оказалось невыполнимой задачей. Изъятие, за исключением устаревших и малоценных материалов, было восполнено по сохранившимся копиям и продолжались новые поступления.

Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, – «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына – появилась в разгар наступления КГБ против самиздата, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

КГБ проведал о существовании «Архипелага» и поставил цель захватить рукопись. В августе 1973 г. ленинградские кагебисты 5 дней допрашивали на этот предмет 70-летнюю Елизавету Воронянскую. Несчастливая женщина не выдержала напора – выдала, где хранился «Архипелаг ГУЛаг» и, вернувшись домой, покончила с собой. Но экземпляр, выданный Воронянской, был не единственным. Его копия уже была переправлена на Запад, где хранилась в ожидании распоряжений автора. Поскольку существование этой рукописи перестало быть тайной от КГБ, Солженицын решил не откладывать более ее публикацию. В декабре 1973 г. «Архипелаг ГУЛаг» вышел в Париже в издательстве ИМКА-Пресс. Главы «Архипелага» передавали зарубежные радиостанции, работающие на Советский Союз. Эти передачи глушили, но все-таки миллионы людей в короткий срок ознакомились с этой книгой – не только диссиденты, но и «работяги» стайками собирались вокруг приемников и слушали страшную правду о недавнем прошлом своей страны, раскрывавшем глаза и на ее настоящее.

Оценивая воздействие «Архипелага», советский историк Рой Медведев написал:

«Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе».

«Архипелаг ГУЛаг» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, поднятых правозащитниками, – к политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных. К газетной травле Сахарова прибавилась столь же яростная травля Солженицына. На этот раз травлей не ограничились. Солженицын был арестован, лишен советского гражданства и 13 февраля 1974 г. выслан на Запад. За 15 лет до этих событий Борис Пастернак первым пришел к Нобелевской премии по литературе через неподвластные партийно-государственному контролю каналы: самиздат – тамиздат. Советская пресса, называвшая автора «Доктора Живаго» предателем родины и народа, через 15 лет не менее злобно набросилась на другого Нобелевского лауреата от самиздата – автора «Архипелага ГУЛага» (Солженицын получил Нобелевскую премию по литературе в 1972 г.). Однако ни тот, ни другой не попали в лагерь за опубликование своих произведений, как это случилось с Синявским и Даниэлем. Объяснение этому кроется не только в охранительной силе Нобелевской премии. Травля Солженицына за «Архипелаг ГУЛаг» сопровождалась преследованиями целого ряда писателей, выступавших в самиздате и тамиздате, и они тоже сохранили свободу, большинство их было наказано лишь исключением из Союза советских писателей. В 1973-1974 гг. это произошло с Владимиром Максимовым, Львом Копелевым, Александром Галичем, Лидией Чуковской и Владимиром Войновичем. Конечно, в 70-е годы публикующиеся явочным порядком не были полностью застрахованы от лагерного срока. Андрей Амальрик был арестован в мае 1969 г. и осужден в 1970-м за открытые письма и за футурологическое эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», а в конце лагерного срока он получил еще три года ссылки «просто так», – видимо, трехлетний лагерный срок казался недостаточной карой за такую публицистику. Ленинградский писатель Михаил Хейфец в апреле 1974 г. был арестован за предисловие к самиздатскому сборнику стихов Бродского, даже неопубликованное (на обыске изъяли черновик) и получил 4-летний лагерный срок. Однако в 70-е годы такие расправы стали исключением. Политический скандал, вызванный судом над Синявским и Даниэлем, вынудил искать другие пути борьбы с авторами самиздата и тамиздата. Исключения из Союза писателей оказались такими же неэффективными, как и аресты. Исключение означало утрату возможности публиковаться на родине. Но в 70-е годы это уже не грозило безнадежной немотой, не означало конец писательства, а лишь окончательно переводило автора в лоно самиздата.

Когда в августе 1973 г., еще до выхода в свет «Архипелага ГУЛаг», радиостанция «Немецкая волна» объявила, что будет передавать главы из этой книги, началось глушение. Но в сентябре оно было прекращено – видимо, по соглашению с соответствующими правительствами, так как сопровождалось самоограничением радиостанций в тематике, неприятной для советских властей. Это самоограничение сохранилось в течение нескольких лет «разрядки» – до нового глушения.

Тогда же, в 1973-1974 гг., активизировались усилия КГБ по пресечению каналов передачи рукописей за рубеж. Убедившись в сложности преследований за это авторов, попытались пресечь превращение самиздата в тамиздат преследованиями людей, выполнявших передаточные функции.

Летом 1973 г. эти усилия сконцентрировались на деле о передаче на Запад дневников Эдуарда Кузнецова – узника лагеря строгого режима.

По этому делу были арестованы Габриэль Суперфин и Виктор Хаустов.

Тогда же, в сентябре 1973 г., выступила с открытым заявлением жена Сахарова Елена Боннэр. Она утверждала, что дневники Кузнецова передала именно она. Похоже, люди, едва знакомые или вовсе не знакомые друг с другом, оспаривали это деяние у других, и каждый брал его на себя вместе с грозившим за это многолетним заключением. Среди возможных жертв КГБ решил ограничиться уже находившимся под арестом Суперфином и Хаустовым, чтобы политический скандал с дневниками Кузнецова не разросся до размеров дела Синявского и Даниэля и не привлек бы к «Дневникам», уже все равно опубликованным на Западе, внимания всей массы читателей «Архипелага».

Тяжелый удар нравственной привлекательности социализма нанесло советское вторжение в Чехословакию. Оно разрушило надежды на возможность сдвига советского руководства в сторону демократизации. Одновременно с вторжением в Чехословакию резко обозначилась тенденция советских руководителей на ресталинизацию, была окончательно отброшена затеянная было экономическая реформа, натолкнувшаяся на нежелание советской бюрократии поступиться хотя бы частично своим всевластием для блага страны. Крах надежд на демократизацию у многих породил неверие в самую возможность «очеловечивания» социализма. Помыслы обратились к другим социальным системам, прежде всего к западному свободному миру. Первым «западником» в самиздате стал А.Д. Сахаров.

В июне 1968 г. появились его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

А.Д. Сахаров – выдающийся физик, участвовавший в создании советской водородной бомбы, академик, лауреат государственных премий, трижды награжденный самым почетным в СССР званием героя социалистического труда. Он принадлежал к самой верхушке советской научной элиты, был тесно связан с правительственными и высшими военными кругами. Гуманитарная деятельность Сахарова началась с борьбы против испытаний ядерного оружия, отравляющих окружающую среду и опасных для здоровья людей. Обращения Сахарова к руководителям советского государства и высшим военным чинам принесли ощутимый результат: в 1962 г. между СССР и США было заключено соглашение о переносе всех испытаний ядерного оружия под землю – при этом не возникает опасной для всего живого радиации.

Первые публичные выступления Сахарова относятся к 1966 г., когда он подписал коллективный протест против возрождения сталинизма и присоединился к молчаливой демонстрации солидарности с жертвами беззаконий (5 декабря на Пушкинской площади). Однако большинство читателей узнали о Сахарове в связи с его «Размышлениями...».

Автор выходил из обычного круга тем, обсуждаемых инакомыслящими; он мыслил не в масштабах страны, как они, а в масштабах всего мира. Вынесенные в заглавие «прогресс» и «мирное сосуществование» были глобальными проблемами, «интеллектуальную свободу» он тоже рассматривал не только применительно к СССР, но как «гражданин мира».

«Размышления...» были пронизаны убеждением, что в нынешний век ни одна страна не может решить своих проблем в отрыве от общечеловеческих; с другой стороны, общие проблемы – сохранение мира и процветание человечества на нашей планете могут быть решены лишь общими усилиями всех стран; обязательным условием благополучного развития является интеллектуальная свобода – тоже необходимая в масштабах всего мира.

В начале 70-х годов определилось еще одно направление общественной мысли – «неославянофильское», или «почвенническое». В сентябре 1973 г. А. Солженицын написал свое «Письмо вождям Советского Союза» и тогда же отправил его адресатам. Но не дождался ответа.

В самиздате это письмо появилось, согласно воле автора, в марте 1974 г., сразу после высылки его из СССР. Оказалось, что и идеи «Письма вождям» имеют сторонников. Оно сразу же стало программным для складывавшегося в то время русского национально-религиозного направления (об этом направлении и его идеологии см. отдельную главу). В дискуссии, вызванной «Письмом вождям» (которое содержит скрытую полемику с сахаровскими «Размышлениями...»), произошло размежевание между последователями этого направления и сторонниками превращения советского общества в демократическое и правовое. Большинство активистов правозащитного движения оказалось среди этих последних. Основные расхож-

Корреспондент в гостях у Валерии Новодворской

дения с Солженицыным и его последователями сформулировал опять-таки Сахаров в ответе на «Письмо вождям Советского Союза»:

«Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не дозрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития...»

На призыв Солженицына к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества: «Я... возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада... Я глубоко убежден,... что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе..... только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции».

Сахаров утверждал, что «...националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам... В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными». Однако теоретическое размежевание по вопросу о желательном будущем для СССР не привело к отходу сторонников национально-«почвенного» направления от правозащитной работы, поскольку сам по себе приоритет национального или религиозного факторов не нарушает правозащитной концепции – она к этим проблемам нейтральна. Отказ Солженицына и его сторонников от сотрудничества с правозащитниками произошел позднее, после 1978 г., по чисто политическим соображениям, когда для них было решено, что русское государство в будущем должно быть не правовым, а авторитарным.

Хельсинкский период (1976-1981 гг.)

12 мая 1976 г. на пресс-конференции, созванной Сахаровым, профессор Юрий Орлов объявил о создании Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или, как ее стали называть, – Московской Хельсинкской Группы). Появление МХГ и волна поддержки ее в СССР и на Западе несли правозащитное движение в новый период, который можно назвать «хельсинкским». Этот взлет был достигнут 10-летней жертвенной работой правозащитников, не прекращавшейся и в самое тяжелое время. Но для сторонней публики он был сюрпризом. Из-за репрессий открытые выступления правозащитников в предшествовавшие годы были редки и они привлекали меньше внимания. Описанные выше события 1974-1976 гг. задним числом можно уверенно охарактеризовать как признаки подъема правозащитного движения, тогда же он был замечен лишь причастным к нему.

Алик Гинзбург

Видимо, и руководство КГБ полагало, что с правозащитным движением покончено, что оно более не сможет проявиться. Во всяком случае, так скорее всего было доложено вершителям советской внешней политики; иначе нельзя объяснить, почему в августе 1975 г. они предприняли столь необычный шаг – опубликовали в газетах полный текст Заключительного Акта Хельсинкских соглашений, включая гуманитарные статьи – видимо, полагали, что некому уже выступить с критикой несоблюдения этих статей. До тех пор обязательства СССР по правам человека внутри страны тщательно замалчивались. Соответствующие документы публиковались лишь в специальных изданиях, очень ограниченно пользования. Возможно, в данном случае сказалось желание советских лидеров похвастать перед народом своим политическим успехом в Хельсинки. Они много лет добивались такого совещания и были в восторге от его результатов. СССР получил по Заключительному Акту существенные выгоды – прежде всего, признание послевоенных границ в Европе – всего-навсего под посулы соблюдать права человека. Западные партнеры Советского Союза не рассчитывали ни на какие существенные перемены во внутренней советской политике. Тем более не думали об этом советские руководители. Их расчет был: представить Западу существующее положение как благополучное при некотором «выпускинии пара» в наиболее чувствительных для Запада пунктах (еврейская и немецкая эмиграция, расширение туризма и т.п.). На Западе общим мнением о гуманитарных статьях Заключительного Акта было, что это ничего не значащий совместный реверанс подписавших его правительств перед общественным мнением демократических стран.

Но советские граждане, прочтя текст Заключительного Акта в газетах, испытали потрясение именно от гуманитарных статей – потому, что впервые узнали о такого рода международных обязательствах своего правительства. Они стали ссылаться на Хельсинкские соглашения при обращениях к официальным лицам, если те отказывали в удовлетворении какого-либо права просителя, подтвержденного в Заключительном Акте.

Большинство правозащитников в оценке Заключительного Акта стояли ближе к западным комментаторам, чем к своим неискушенным в вопросах прав человека соотечественникам. Правозащитники видели в Заключительном Акте шаг назад по сравнению с Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами о правах и другими конвенциями. Но нашлись среди них люди, усмотревшие в этом документе новаторский смысл. Прежде всего это относится к профессору Юрию Орлову.

Его многолетние раздумья были посвящены поиску путей диалога о кардинальных проблемах страны между властями и обществом. В таком диалоге он видел единственный путь к либерализации режима, без которой не выйти из экономического, политического и морального кризиса советской системы. Попытки прямого обращения к властям Орлов испробовал дважды – в 1956 и в 1973 г., когда он, вернувшись в Москву после 15-летней работы в Армении (где он стал членом-корреспондентом Академии наук), отправил письмо Брежневу. Письмо осталось без

ответа, а Орлов снова стал безработным. Этот личный опыт, как и известные Орлову безуспешные обращения Сахарова, Турчина и Медведева, Солженицына и др. в 1970-е годы заставляли искать посредников, которые могли бы склонить советских правителей прислушаться к голосам своих граждан.

Помощь с Запада с самого начала строилась, главным образом, по корпоративному признаку: писатели помогали писателям, ученые – ученым, зарубежные национальные организации – людям своей национальности, религиозные организации – своим единоверцам, только Международная Амнистия заботилась обо всех узниках совести. Но и эта поддержка ограничивалась хлопотами об участии людей, пострадавших от преследований. Никто не обращался с Запада к советским руководителям с требованием соблюдения прав граждан и законности. Между тем Запад кровно был в этом заинтересован – ради собственной безопасности. Прочной гарантии такой безопасности можно ждать лишь

от открытого общества, где власти находятся под постоянным и действенным контролем общественности. Это возможно лишь при действительном соблюдении прав граждан со стороны властей. Но правительства демократических стран не проявляли интереса к положению с правами человека в СССР. Советский Союз ратифицировал Всеобщую декларацию прав человека ООН, международные пакты о политических и экономических правах. Однако ни разу соответствующие международные организации не попытались проверить, выполняет ли Советский Союз свои обязательства и призвать к их выполнению. В частности, Инициативная группа по защите прав человека в СССР, неоднократно обращавшаяся в ООН, ни разу не получила никакого ответа.

В учредительном заявлении МХГ значилось, что она ограничивает свою деятельность гуманитарными статьями Заключительного Акта. Группа заявила, что она будет принимать от граждан информацию о наруше-

ниях этих статей, составлять на этой основе документы и знакомить с ними общественность и правительства стран, подписавших Заключительный Акт.

Под учредительным документом МХГ подписались 11 человек (Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Виталий Рубин и Анатолий Щаранский). Большинство основателей группы были давними участниками правозащитного движения. Рубин и Щаранский – активистами еврейского движения за выезд в Израиль. (МХГ – первая правозащитная группа, в которую вошли еврей-отказники).

В хельсинкский период правозащитное движение выдвинулось в сложном конгломерате оппозиционных сил, заинтересованных в демократизации советского общества на роль их собирателя, объединителя. Хотя его ведущие деятели вовсе на это не претендовали, другие движения стихийно сгруппировались именно

вокруг правозащитных открытых ассоциаций на общей идеологической основе, которой стало требование соблюдения гражданских прав. Но хельсинкский период продемонстрировал также, что стихийно сформировавшиеся организационные формы работы правозащитников, хорошо приспособленные для выживания движения в периоды усиления репрессий, недостаточны для успешного осуществления его объединительной роли в период активизации независимой общественной жизни. Кустарность организационных форм правозащитного движения может стать тормозом общего успеха при наступлении нового периода такой активизации.

Установка на объединительную роль правозащитного движения в благоприятный для инакомыслящих период в будущем требовала соответствующей корректировки идеологии, ее конкретизации и в то же время расширения: разработки подхода к национальным проблемам, большего внимания к экономическим проблемам советского общества и т.д.

Здесь нова сама постановка вопроса.

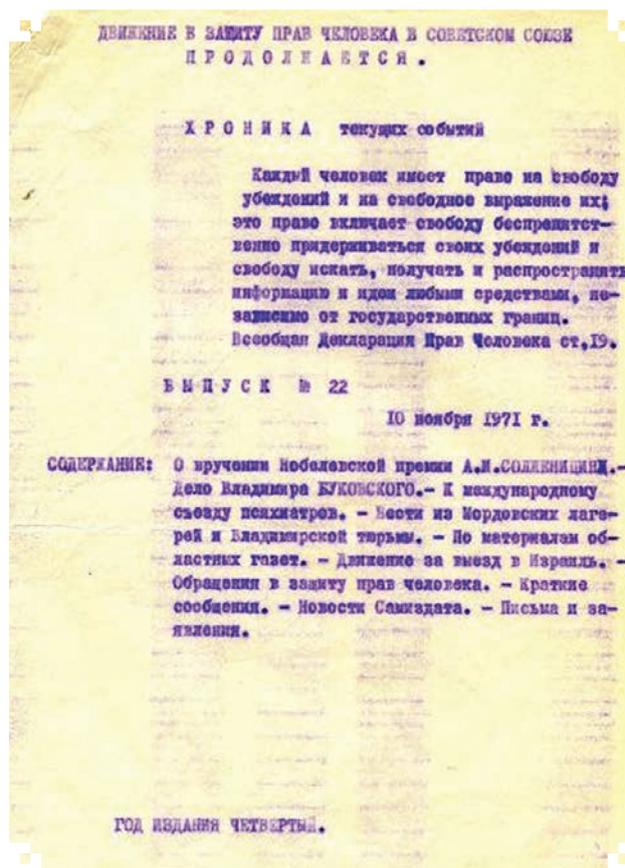
Зачинатели правозащитного движения постоянно подчеркивали, что оно – «вне политики», что их цель – не какой-то результат в будущем, а лишь продиктованное возмущенным нравственным чувством нарушение рабьего молчания сейчас, по каждому случаю попрания человеческих прав и достоинства человека, несмотря на отсутствие надежды на преодоление зла в данном конкретном деле и безотносительно к тому, возможен ли успех в будущем.

Но ветеранов-правозащитников стараниями КГБ почти не осталось на свободе, а новые люди по-иному отнеслись к доставшемуся им наследию.

Правозащитное движение в начале 80-х годов изменилось не только в персональном плане, но и по социальному составу. Его зачинатели в подавляющем большинстве принадлежали к московской творческой и гуманитарной интеллигенции. Постепенно к ним примыкали техническая интеллигенция и рабочие. В хельсинкский период новый приток дала в основном техническая интеллигенция, «белые» и «синие» воротнички. Эти прослойки заметно увеличились даже среди московских правозащитников, а в провинции с самого начала правозащитники были из этих социальных страт. Увеличение доли активистов из провинции в общем составе правозащитников соответственно повлияло на их социальный состав. В этом же направлении работало сближение правозащитного движения с другими движениями инакомыслящих и переход некоторой их части в правозащитное движение – большинство их участников тоже принадлежали к этим трем стратам.

Начиная с 1976 г. среди арестованных по политическим мотивам более 40% приходилось на рабочих, а вместе с технической интеллигенцией и «белыми воротничками» они составляли внушительное большинство.

Однако представляли правозащитное движение перед соотечественниками и перед Западом по-прежнему выходцы из московской интеллигенции, по ним судили о правозащит-

ном движении и внутри страны, и вне ее. Эти люди создали правозащитному движению его престиж, выделили его среди остальных, так что зачастую происходило смешение терминов, и правозащитниками называли всех инакомыслящих в СССР, представляя их себе такими же, какими были наиболее известные правозащитники. Начиная с 1981-1982 гг. почти полностью сменились и они, это было уже новое поколение участников движения. Эти новые люди, в большинстве, не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Новые люди хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы, они искали пути его достижения.

Людмила Алексеева и Кронид Любарский, 1978 г.

Это привело к изменению духа движения, его начальных импульсов, его установок. Возможно, в будущем это будет способствовать преодолению слабых сторон движения, поможет его практическим успехам, но в начале 80-х годов изменение первоначального состава больше ощущалось в понижении нравственного и интеллектуального уровня правозащитного движения.

Неизбежным последствием расправы с открытыми ассоциациями было оживление надежд на подполье, особенно среди молодежи. Видимо, подпольные группы возникли в начале 80-х годов в провинции и даже в Москве, где их не было более 15 лет. О нынешних подпольщиках свидетельствуют листовки и надписи, появляющиеся время от времени. Так, в сентябре 1981 г. в Новочеркасске распространялись листовки с призывом «... потребовать от нашего правительства не вмешиваться во внутренние дела других государств», а в годовщину Октябрьской революции в том же 1981 г. в Москве на улице Жуковского появились надписи: «Свободу Польше и Афганистану!» и лозунги против всевластия КПСС.

С тенденцией к уходу в подполье и к анонимности сосуществовало неуничтожимое стремление к открытым формам общественной активности, рвущейся наружу, постоянно заталкиваемой внутрь усилиями карательных служб, и, все-таки, не прекращающееся.

* * *

Именно из-за беспримерного для послесталинского времени размаха репрессий в 1980-е годы можно утверждать, что власти оказались бессильны справиться с инакомыслием, вернуть общество в «додиссидентское»

состояние. Репрессиями была снята видимая часть цепочки – открытые общественные ассоциации, но скрытые звенья сохранились и функционируют (сбор и распространение информации о положении с правами человека в СССР, самиздат, помощь политзаключенным и другим жертвам репрессий), и в эту деятельность, наряду с прежними, втягиваются новые люди. Это означает, что при малейшем ослаблении давления вновь появятся и открытые формы инакомыслия – возможно, в каком-то новом организационном виде, более зрелые, более разработанные на основании прежнего опыта – подспудная работа мысли, обмен идеями и информацией, ставший возможным благодаря самиздату, не проходит бесследно.

А.Д. Сахаров в статье «Тревожное время», написанной уже в горьковском заточении (июль 1980 г.), писал:

«Лозунг «Народ и партия – едины» – не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффективный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ними моральная сила и логика исторического развития... Их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания».

Людмила АЛЕКСЕЕВА

(по материалам монографии
«История инакомыслия в СССР»)

ЕСТЬ ЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО?

В последние годы словосочетание «гражданское общество» часто употребляют власти предрезающие. Более того, не первый год уже действует Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Однако подавляющая часть россиян не знает, что живет в гражданском обществе, да и не понимает, что это такое.

Вечная проблема общества – с властью. Ибо природа ее двойственна: с одной стороны, государство не может существовать без власти, и в этом плане власть – «слуга общества». Но с другой стороны всякая власть стремится к абсолютизации. И если этой тенденции ничего не противостоит, общество становится слугой власти.

По этому поводу известный государственный деятель С.Ю. Витте (1849-1915) еще в 1899 году, в бытность министром финансов, писал: «Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к

нашему управлению, и потому, что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами».

Чтобы противостоять власти, граждане должны уметь самоорганизовываться для защиты своих интересов. Человек – ступок интересов. Разнообразных и единовременных. В демократически развитых странах, которые не менее успешны и в экономике, различные интересы отстаиваются через всевозможные самоорганизующиеся структуры на всех направлениях и уровнях – от советов кварталов в районах коттеджей до политических партий, представляющих самые широкие интересы, которые увязывают будущее благосостояние с политическими программами.

Свобода не является у нас общепризнанной ценностью. Между тем, это основополагающее понятие, связанное с гражданским обществом. «Людей, познавших вкус свободы и ощутивших собственные права, не просто убедить мириться с посягательствами на то и другое...», – сказал Адам Фергюсон. И еще: «В условиях действия свободной конституции, при которой каждый индивид занимает определенное положение, пользуется определенными привилегиями и имеет представление о своих личных правах, члены сообщества являются друг для друга объектами внимания и уважения;

решение проблем гражданского общества предполагает не только использование власти, но и талантов, мудрости, силы убеждения. Но при деспотическом правлении высшая доблесть состоит в том, чтобы править исключительно посредством приказов, отвергая все способы, кроме принудительных. Поэтому вследствие этой политики постепенно становятся невостребованными способности человека к пониманию и чувствованию, равно как и его воображение; и так же гладко и постепенно, как происходило ранее накопление достижений человечества, действовавшего в обществе на принципах свободы, происходит вырождение его под влиянием вышеописанных злоключений».

Обе цитаты позаимствованы из книги Фергюсона «Опыт истории гражданского общества», вышедшей в свет еще в 1767 году. Адам Фергюсон (1723 – 1816) принадлежит к блестящей плеяде шотландских мыслителей эпохи Просвещения. Так случилось, что в 1707 году отсталая Шотландия, после заключения государственной унии с давней соседкой и соперницей Англией, лишилась национального парламента, однако взамен получила не только представительство в Палате лордов и Палате общин, но и смогла воспользоваться преимуществами самого передового на тот момент общества. Шотландцы оказались удивительно восприимчивы к социальным и экономическим свободам, совершив кардинальный сдвиг в своей культуре, что за очень короткий срок не только подняло на высокий уровень промышленность и сельское хозяйство, но и породило выдающихся философов, Адама Смита и Дэвида Юма в том числе. Так что рассуждения Фергюсона об истории гражданского общества – это не только опыт Древней Греции и Рима, это опыт Англии, опередившей другие страны Западной Европы в деле становления реального гражданского общества, и это успешный шестидесятилетний, к моменту написания книги, опыт Шотландии.

Но вернемся к свободе. Тот, кто привык пользоваться своими правами или хотя бы стремится к этому, высоко ценит и свободу. Ибо свои права возможно осуществить только в условиях свободы. Но в России даже в XX веке основная масса населения была бесправна, именно по этой причине свобода не является у нас особой ценностью. Так, по результатам ежегодного опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 году, 72% граждан России готовы принять «некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод», если это потребуется для поддержания порядка. Причем под порядком россияне понимают прежде всего политическую и экономическую стабильность. И лишь для 16% опрошенных демократия важнее даже в тех случаях, когда «соблюдение ее принципов предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам». В массовом сознании россиян отсутствует понимание того, что прав и свобод «нужно добиваться, отстаивать их и защищать каждый день», отметил директор «Левада-Центра» Лев Гудков, представляя результаты опроса. В России никогда не было развитых институтов права, но в последнее десятилетие ситуация только ухудшилась. Согласно исследованию, проведенному Левада-Центром, 71% респондентов признали, что не чувствуют себя защищенными от возможного произвола со стороны государственных структур (чиновников, милиции, ГИБДД, налоговиков, судов и т.д.), а 61% опрошенных высказали уверенность, что не смогут отстоять в России свои права, если они будут нарушены.

Осознание большинством граждан свободы и прав человека фундаментальными ценностями составляет основу гражданского общества. Это подразумевает непрерывный контроль граждан за властью на всех ее уровнях через многочисленные формы самоорганизации, через эффективно действующие общественные структуры. Фактически гражданское общество – это стиль жизни и стиль мышления подавляющей части населения той или иной страны.

Умение жителей Западной Европы и Северной Америки самоорганизовываться и их высокая правовая культура привели к созданию развитой системы институтов гражданского общества. Прежде всего это профсоюзы, защищающие интересы наемных работников, – они существуют во всех сферах деятельности. Это политические партии, представляющие самые широкие политические интересы, которые увязывают идеологические предпочтения с решением основных проблем, стоящих перед страной. Это корпоративные общественные объединения (союзы учителей, адвокатов, производителей молочной продукции, автопроизводителей и т.д.), задача которых – защита интересов тех, кто работает в данной отрасли. Это экологические организации. Это многочисленные женские, молодежные, ветеранские организации. Это значительное число благотворительных организаций. Причем, все они работают исключительно благодаря взносам и пожертвованиям их членов, а значит, эффективны и приносят реальную пользу гражданам, стране.

Интересы граждан, как жителей данного дома, улицы, квартала, города призваны защищать местное самоуправление и самоорганизация граждан по месту жительства. В многоэтажных зданиях существуют домовые советы, в районах коттеджей – советы квартала. Причем, жители сами создают их, понимая, что сообща проще добиваться решения местных проблем. Через советы осуществляется контроль за местными органами власти. Власть открыта и доступна для жителей, полностью им подотчетна, все ключевые вопросы решаются непременно с участием жителей – через проведение местных референдумов. При малейшем недовольстве власть будет попросту переизбрана: в США, например, на местных выборах явка зачастую выше, чем на федеральных.

Наличие в странах Западной Европы и Северной Америки независимых от власти СМИ смешно подвергать сомнению. Это надежный канал информирования граждан о возможных противозаконных действиях руководителей всех уровней, от местного до высших должностных лиц.

Существует ли гражданское общество в современной России? Если иметь в виду наше отношение к таким ценностям, как свобода, права человека, если учитывать неумение большинства наших соотечественников самоорганизовываться для цивилизованной защиты своих интересов, то следует дать отрицательный ответ. Стиль жизни и стиль мышления подавляющей части россиян далеки от тех, что присущи членам гражданского общества.

А какова ситуация с институтами гражданского общества? Начнем с общественных организаций. Низкая культура самоорганизации приводит к тому, что в России нет важнейших для обеспечения нормальной жизни страны общественных структур. Прежде всего, нет реально действующих массовых профсоюзов. Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР), которая является преемницей советских профсоюзов не только по истории возникновения, но и по духу, по многим вопросам занимает сторону власти. По-

настоящему независимые от власти профсоюзы, активно отстаивающие интересы шахтеров, докеров, авиадиспетчеров, летного состава гражданской авиации возникли в начале 90-х годов. Однако стараниями власти им не дали превратиться в реальную силу. Нынешние их последователи малочисленны и не способны защищать интересы наемных работников какой-либо отрасли – их влияние распространяется на одно или несколько предприятий.

Не хватает корпоративных организаций. Многие отрасли экономики создали свои общественные структуры: действуют Ассоциация банков России, Российский союз строителей, Союз нефтегазопромышленников России, Союз машиностроителей России, Объединение автопроизводителей России и так далее. Но это специфические образования – их членами являются предприятия, фирмы. А вот организации с индивидуальным членством, защищающие интересы массовых профессий, например, Союз учителей, Союз врачей или Союз инженеров, не играют заметной роли в масштабах страны.

К немногим видам успешно действующих общественных объединений следует отнести правозащитные, экологические и благотворительные организации. Среди правозащитных организаций – движение «За права человека», общество «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, Союз комитетов солдатских матерей России, комитет «Гражданское содействие», Информационно-аналитический центр «СОВА». Среди экологических – отделения международных организаций «Гринпис», Всемирный фонд охраны дикой природы, Международный фонд защиты животных. Благотворительные организации стараются помогать бездомным, малообеспеченным семьям. Деятельность всех этих организаций крайне полезна. Вместе с тем, число граждан, входящих в правозащитные, экологические и благотворительные организации, не столь уж и велико в масштабах России. Да, наши граждане объединяются, когда возникает непосредственная угроза их интересам, например, в виде точечной застройки, или уничтожения Химкинского леса, или загрязнения Байкала. Высокую активность проявляли обманутые дольщики. Но за рамками открыто попираемых прав граждан самоорганизации фактически нет. Угрозы более опосредованные, связанные с несовершенством политической и социальной системы, большей частью гражданами не воспринимаются. В общественных организациях участвует незначительная часть населения. Даже массовые выступления начала 2005 года, связанные с монетизацией льгот, не привели к самоорганизации, к возникновению устойчивых общественных структур. Основная часть общества атомизирована. Согласно результатам исследования ВЦИОМа, наименее важной из свобод для россиян является свобода объединений и союзов – она значима только для 5% опрошенных. Эту ситуацию нельзя считать нормальной.

Сейчас в России нет настоящих политических партий, хотя бурный процесс образования российских партий начался в 1990 году. Тогда возникли Демократическая партия России, Социал-демократическая партия России, Консервативная партия России и др., а также широкое политическое движение «Демократическая Россия», в которое в качестве коллективных членов вошли многие другие партии и которое с осени 1990-го по лето 1991-го собирало на Манежной площади по несколько сотен тысяч манифестантов, а в августе 91-го организовало оборону Белого дома.

В середине 90-х число политических организаций превышало две сотни, из них около пятидесяти были партиями, хотя политические движения и партии мало чем отличались друг от друга. Серьезные изменения в политической системе России начались после принятия летом 2001 года закона «О политических партиях», который запретил непосредственное участие в выборах любым общественным объединениям, кроме политических партий. За короткий срок стараниями властей число официально зарегистрированных политических партий снизилось с 38 до 14, а потом до семи. Из зарегистрированных ныне организаций наиболее подходит под определение партии КПРФ, которая соединяет массовость с четкой идеологической основой. Наиболее массовая партия «Единая Россия» выстроена исключительно вокруг властной вертикали и не имеет какой-то конкретной идеологии. Запасной партией власти воспринимается «Справедливая Россия». В то же время умеренно либеральное «Правое дело» и тяготеющее к социал-демократии «Яблоко» не пользуются заметной поддержкой в обществе и, как следствие, не представлены в Государственной думе и в большинстве представительных органов субъектов Федерации.

Если говорить о СМИ как институте гражданского общества, то стоит начать с самого массового СМИ – с телевидения. В настоящее время в России практически нет независимых от власти телевизионных каналов как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Существует некоторое число независимых радиостанций. Есть независимые периодические печатные издания, но число их невелико. Относительно свободным остается пространство интернета, однако правоохранительные органы постоянно вмешиваются в деятельность интернет-сообщества, если чиновники чувствуют для себя угрозу. То есть в целом положение с институтами гражданского общества в России неблагоприятно. Можно говорить лишь об отдельных ростках гражданского общества.

Между тем, речь идет вовсе не об альтруизме: рано или поздно усилия, прилагаемые отдельным членом гражданского общества, оборачиваются пользой для него и его близких. Гражданское общество требует постоянного участия всех его членов, но оно и «работает» на всех. Оно опирается на таланты, мудрость, силу убеждения его членов, побуждает к общественно полезному творчеству. Тут стоит привести еще одно высказывание Фергюсона: «Ни в чем, как в ведении дел гражданского общества, не находит человек столь широкого применения своим талантам и столь подходящего объекта для изъяснения своих лучших чувств». Во все не случайно то, что наиболее развитыми в экономическом плане являются страны, в которых давно существует гражданское общество.

Главный вывод: надо учить жителей России ценить свободу, знать и уметь отстаивать свои права, учиться действовать сообща и не считать зазорным тратить время и энергию на решение общих проблем. Когда это станет неотъемлемой составляющей жизни основной части населения страны, тогда и появится наконец у нас гражданское общество.

Игорь ХАРИЧЕВ

Experto Credite

«Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами».

Сергей Витте, 1899 г.

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО

Евгений Гонтмахер

Всякий раз, когда я слышу российский гимн, мне вспоминается уже крылатая фраза Владимира Путина, который, отвечая первому президенту Борису Ельцину, выразившему недоумение возвращением михалковско-александровско-сталинского творения, допустил, что «мы с народом ошибаемся». Но, добавил он, надо идти навстречу большинству, которое этого возвращения хочет, – и решение было принято.

С тех пор прошло уже 14 лет, а вопрос взаимоотношений народа и его предводителей еще более актуализировался. Я бы его переформатировал так: должен ли человек, которому страна делегировала верховную власть, идти на поводу у общества, как это произошло с гимном? А в последнее время ссылаться на «глас народа», фактически предлагая Госдуме принимать законы в режиме «взбесившегося принтера»?

Сторонники примитивно понимаемой демократии, конечно, должны ответить на эти вопросы утвердительно. Вспоминаются времена новгородского вече, когда решения принимались в пользу тех, кто громче кричал.

Но есть противоположная позиция: слепо идти за народным волеизъявлением – это дешевый популизм, который, как считают сторонники такого подхода, довел Европу до нынешнего кризиса. Самый характерный пример – Греция. Поэтому надо перейти к той или иной форме цензовой демократии. Например, участвовать в выборах могут только люди, имеющие доходы, превышающие некий минимум.

Мне не нравятся оба эти подхода. В первом случае получается, что лидер должен для начала безвольно плестись в хвосте большинства, которое, как известно, иногда бывает и «агрессивно-послушным», а избравшись при помощи разнообразных манипуляций, стать небожителем. Характерный пример – Венесуэла, Боливия, Аргентина в Латинской Америке, Зимбабве, Заир в Африке.

К чему это приводит народ – известно: равенство в нищете для большинства, густо сдобренное пропагандой геббельсовского типа, а в некоторых, особенно запущенных случаях – к террору против инакомыслящих.

К чему это приводит лидера? Почитайте «Осень патриарха» Габриэля Гарсиа Маркеса.

К чему это приводит страну? К состоянию, когда государство просто разваливается и наступает период failed-state (Сомали, Йемен, Афганистан, Гаити).

Цензовая «демократия» меня также не устраивает. Ведь речь идет о фактическом престолонаследии, когда преемника выбирает узкий слой правящей элиты или даже сам лидер единолично. А потом это оформляется на всеобщих выборах, к чистоте проведения которых имеются вопросы. С элементами такого подхода мы столкнулись даже в новейшей России. Вспомним, как появился на сцене Владимир Путин, а затем и Дмитрий Медведев.

А уж на региональном и муниципальном уровне в России налицо все признаки цензовой «демократии». Это происходит путем снижения явки под прикрытием пропаганды о том, дескать, от вас, дорогие граждане, ничего не зависит. И данная тактика срывается. По данным недавнего

опроса Левада-центра, всего 1% россиян активно интересуются политической жизнью страны. Почти 70% не проявляют интереса к политической повестке. Посмотрите на явку на мэрские выборы в крупных городах – даже в Москве с ее вроде бы политизированным населением она составила в этом году всего 32%, в Красноярске в прошлом году – 20%, а в Омске – 17%.

Какой же искомый (по крайней мере, для меня) тип лидера? Не отрывающийся от народа, но в то же время пытающийся данной ему властью убедить колеблющееся, склонное к дешевому популизму большинство в своей внешне не очень выигрышной правоте. Это человек, который стратегию не подменяет тактикой, а пытается их сочетать.

Да, это тяжелый вариант для любого политика, который проходит горнило выборов. Ведь каждому из них хочется понравиться людям и переизбраться. Но, с другой стороны, тут возникает противоречие между сиюминутным популизмом и тем, что иногда надо думать на срок больший, чем избирательный цикл. Решить такое противоречие можно зачастую очень тяжелой ценой. Например, Егор Гайдар прекрасно осознавал, что его короткая миссия в правительстве самоубийственна для него как политика. А совсем недавно премьером переживающей экономической кризис Италии стал профессор Марио Монти, который, запустив непопулярные социальные реформы, знал заранее, что ему придется уйти. Он продержался на своем посту менее двух лет.

Единственный вариант, при котором политик благополучно выживает, принимая такие решения, — обладание огромным кредитом доверия со стороны наиболее активной части общества (а это, как правило, меньшинство) в сочетании с выжидательной позицией «агрессивно-послушного» большинства. Именно в такой ситуации оказался Борис Ельцин в конце 80-х — начале 90-х. Несмотря на кризис октября 1993 года, драматический ход президентских выборов 1996 года и даже дефолт 1998 года, общество не приступило к конкретным действиям по организации его отставки. Даже депутатский демарш с его импичментом не оказался резонансным событием. Да и уход с поста первого президента был его личным решением и оказался сюрпризом для всех.

Аналогичный пример — Нельсон Мандела, не допустивший межрасовых столкновений в Южной Африке, освобожденной от апартеида. Кстати, и он добровольно покинул свой президентский пост.

А что у нас произошло после возврата старого «доброего» советского гимна — с точки зрения движения к тому типу желаемого лидерства, о котором я выше сказал?

Сначала ничего. Так уж совпало: когда Владимир Путин стал президентом, цены на нефть и газ резко пошли вверх. Появились шальные деньги, часть которых пошла на латание социальных дыр, доставшихся ему в наследство от «лихих» 90-х. Рейтинг лидера также резко пошел ввысь. Сейчас мне кажется, что Владимир Путин, если бы он знал в 2001 году о грядущем длинном нефтегазовом изобилии, возможно, не делал бы таких резких движений и с возвращением с советской символики. «Агрессивно-послушное» большинство принадлежало бы ему и без этого.

Кстати, обратим внимание на то, что путинское заигрывание с большинством затем стало использоваться им только тогда, когда он считал ситуацию в стране предкризисной.

Вспомним, например, фактическую отмену выборов губернаторов сразу после бесланской трагедии. Вроде бы эти два события никак не связаны между собой. Но на самом деле такая связь есть: огромное количество жертв, которых можно было избежать, вкупе с практически online-трансляцией событий в СМИ создали ощущение надвигающегося внутривластного кризиса. И президент решил, что возврат к назначению глав регионов соответствует настроением большинства, уставшего от суеты выборов и недовольного губернаторами.

Тогда же очень тонко им было вброшено в обиход выражение «лихие 90-е», которые состоялись благодаря «либералам», что вызвало позитивный рефлекс у того же большинства, действительно пострадавшего в тот период и лихорадочно ищущего конкретных виновников произошедшего.

Но в конце 2007 года Владимир Путин сделал то, чего верное ему большинство не ожидало: передал президентский пост Дмитрию Медведеву, риторика и образ которого были симпатичны как раз «либеральному» меньшинству. Тут и «свобода лучше, чем несвобода», и неразлучное партнерство с айпэдом.

Почему же тогда, в 2011 году, произошла знаменитая «рокировка»? Владимир Путин решил, что дальнейшее заигрывание с «креативным классом» может закончиться переходом от слов к делу: Дмитрий Медведев невольно сорвет резьбу, и бурлящий поток событий унесет в небытие всю правящую элиту. Кстати, считаю, что эти опасения были не напрасны: события декабря 2011 — зимы 2012 г. показали, что шанс на либерализацию системы в случае избрания Медведева на второй срок был.

И тут снова была вброшена идея опоры на большинство, которое надо было, естественно, погладить по шерстке. Тут же из небытия появились персонажи типа брызгающего слюной борца за старое «доброе» время Кургуниана, нутряного заводского работяги Трапезникова, представителя советской военно-промышленной интеллигенции Холманских. Ну а потом вовсю заработал думский «взбесившийся принтер».

Но все это не помогло Владимиру Путину развернуть ситуацию в самом главном, что его сейчас беспокоит, — в экономике. Следование в фарватере «агрессивно-послушного» большинства, более того — пропагандистский разогрев его не самых лучших инстинктов уже не дает главного, в чем нуждается власть: свободного финансового ресурса для регулярного подкармливания электората, который должен переизбрать Путина на четвертый президентский срок в 2018 году. А тут еще братские народы припали к материнской груди России...

Поэтому впереди всех нас ждут четыре года верховных экспромтов и метаний в самом широком диапазоне — от еще большей державно осененной дремучести для большинства до попыток сымитировать оттепель для меньшинства. По этому поводу вспоминаются слова лауреата Сталинской премии, поэта Льва Ошанина, из «Песни о тревожной молодости»:

*Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот!*

ПЕЙЗАЖ МЕЖДУ БИТВАМИ

Леонид Гозман

В период обострившегося общественного противостояния востребованными становятся наиболее простые объяснения действий оппонентов. Путин в глазах несогласных с его действиями потерял адекватность, не понимает, что делает. Для сторонников противоположных политических взглядов Обама – и так-то небольшого ума мужчина – демонстрирует полную некомпетентность, не понимая, что его санкции лишь укрепляют единство России и никак не могут повлиять на ее политику на украинском направлении. В общем, куда ни глянь, везде сумасшедшие и недоумки.

Простые объяснения хороши всем, кроме одного: они ничего не объясняют и никак не помогают ни понять ситуацию, ни предсказать ее развитие. Попробуем найти логику в действиях обоих лидеров вне зависимости от того, нравятся ли нам их политика.

Логика Путина

За присоединение Крыма – депрессивной территории с разрушенной инфраструктурой и высокой криминализацией – он заплатил непомерную цену. Это и огромные текущие расходы, и долгосрочные экономические последствия, и подорванная система безопасности, и многое другое. Разве не является это свидетельством неадекватности? Да, но это только если считать, что он «купил» именно Крым. Мне же кажется, что он решал совсем другие задачи и с этой точки зрения действовал вполне логично.

Во-первых, перед ним стояла проблема восстановления собственной легитимности. Она никогда не основывалась на результатах выборов, которые были лишь более или менее убедительным юридическим обоснованием его власти. А сама власть основывалась на его личной харизме. В первые годы своего правления он был истинно народным президентом, выражая, как и положено лидеру, чаяния своего народа. Знаменитая фраза «В сортире замочим» была не столько программой действий, сколько выражением национальной идеи.

А потом с харизмой что-то случилось: «она разлюбилась». Так бывает и в отношениях между обычными людьми, и в отношениях лидера с народом. Сначала его высказывания стали вызывать меньший восторг, а потом и меньший интерес. А там и вовсе иронию. Найденные на дне морском амфоры вызывали улыбку, полет со стерхами – откровенный смех. Путин перестал чувствовать страну – он ведь верил, что реакцией на тот же полет или поездку на желтой «Калине» будет одобрение, а не насмешки. Самому ему все стало, думаю, ясно в тот тяжелый для него день в «Олимпийском», когда его, вышедшего поздравить зрителей с победой нашего бойца, публика неожиданно освисчала.

Для Обамы или Меркель это было бы просто неприятным эпизодом, испортившим настроение на остаток дня. Для Путина это были шаги Командора. Без харизмы никакое чуровское волшебство работать не будет. Более того, при, мягко говоря, сомнениях в честности выборов отсутствие харизмы означает, что власть может рухнуть в любой момент.

Забота о рейтинге, кажущаяся бессмысленной столь задолго до выборов, в этой ситуации приобретает огромный смысл. Именно ради рейтинга, ради восстановления харизмы началась охота на предварительно сконструированных внутренних врагов – гомосексуалистов и агентов, врагов веры и вообще «чужих». Результат, безусловно, был, но, по-видимому, недостаточный. А вот Крым в этом смысле оказался золотой жилой. Путин точно почувствовал, что возвращение Крыма, потеря которого большинством воспринималась как несправедливая, способно вызвать у граждан страны прилив национальной гордости, вернуть им то, что в психотерапии называется *successful identity*: успешную идентичность. И страна, впервые за 23 года почувствовавшая себя великой (пусть и по неадекватным основаниям), ответила безумным ростом рейтинга президента. Теперь и рядовым гражданам, и, что, наверное, не менее важно, его ближайшему окружению ясно, почему президент именно он. Потому что он – Путин.

Вторая задача носит уже не политический, а экзистенциальный характер. После 14 лет пребывания у власти любой лидер не может не задумываться о своем месте в истории. (Ограничение срока пребывания на по-

сту не дает времени озаботиться этим столь серьезно.) Судя по мировоззренческим высказываниям Владимира Владимировича, судя по тому, кого и как он цитирует, наиболее близкой и желаемой для него является позиция «собирателя русских земель». Он, конечно, не восстановит империю в ее прежних границах, но территории, которые в сознании людей являются исконно русскими, успешно включает в орбиту российского влияния, а в случае Крыма даже и прямо присоединяет. И не случайна его борьба за единый учебник истории – он думает о том, что будут рассказывать о нем школьникам второй половины XXI в.

И наконец, он решал еще одну, чисто ситуативную задачу: ответить на оскорбление, на попытку игнорировать Россию. Весь процесс сближения Украины и ЕС шел не столько против России – на это он бы реагировал просто ответными шагами, – сколько так, будто бы России вообще не существует, будто бы Украина на востоке граничит с Японией. И когда Путин предложил трехсторонние переговоры в формате Украина – ЕС – Россия, ему даже и не слишком вежливо ответили, что вас, мол, здесь не стояло. Юридически действительно не стояло, а вот «по жизни», как показывают дальнейшие события, лучше было бы договориться или, по крайней мере, разговаривать. Уверен, что фактор обиды – за себя и за страну – сыграл огромную роль в тех решениях, которые Путин принял и принимает. Надо признать, что и эту задачу – во всяком случае, в краткосрочной перспективе – он успешно решил: с Россией считаются, хотя и выражается это в действиях, которые вряд ли пойдут нам на пользу.

Логика Запада

Тот факт, что изменение политики под влиянием открыто объявленных санкций означает неприемлемую для российского руководства потерю лица, очевиден любому нормальному человеку. Из этого многие делают вывод о неадекватности (глупости и далее по списку) тех, кто эти санкции объявляет.

Но, как и в случае с Путиным, это верно, только если считать, что санкции вводятся действительно с теми целями, о которых говорят западные лидеры. Но если предположить, что истинные цели санкций не имеют ничего общего с «наказанием за агрессию» или «защитой свободы» (я, например, не верю в моральные основания большой политики – в конце концов, Обама и Меркель отвечают за свои страны, а не за Украину), тогда все становится на свои места. Подлинная цель санкций – как объявленных, так и необъявленных – обеспечение собственной безопасности. Наша страна совершила ряд шагов, имеющих весьма долгосрочные последствия. Нанесен сокрушительный удар по системе нераспространения ядерного оружия и вообще по всей системе международной безопасности. Из этого на Западе делается вывод – сужу не только по официальным заявлениям, но и по моим личным контактам с европейскими и американскими политиками: Россия для них больше не является потенциальным партнером, а вновь становится непредсказуемой потенциальной угрозой. Никто, разумеется, без крайней необходимости воевать

не собирается, как и прекращать сотрудничество в тех сферах, в которых очевидна взаимная заинтересованность. Однако знаменитое сдерживание выглядит в этой ситуации уже не данью идеологическим стереотипам, а императивом. А значит, надо поддерживать градиент в качестве оружия (запреты на продажи в оборонной сфере и в IT), обеспечить, пусть и не сразу, энергонезависимость Европы, что будет серьезнейшим ударом по нашей экономике. С этой точки зрения точечные санкции против тех, кто считается ближним кругом Путина, тоже выглядят более чем осмысленными. Ведь впервые за все годы правления Путин совершил шаги, которые выгодны ему, но крайне невыгодны его окружению. На Западе, куда они, судя по их заявлениям по ТВ, вовсе и не собирались, находятся их семьи, недвижимость, счета. Могут ведь и найти! С Западом у многих из них связаны планы на будущее: замок в Испании, пара миллиардов – что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость? А сейчас самолет стоит, а лететь некуда. Вряд ли это приведет к дворцовому перевороту, но в целом ситуация внутри наших элит становится более напряженной – это то ружье, которое рано или поздно выстрелит.

Санкции можно и отменить, обменяв их на что-то сегодня более важное. Наши дипломаты, конечно, будут работать над этим. А вот чего нельзя отменить, что не зависит ни от Обамы, ни от Кэмерона – это потеря доверия. Долгосрочные инвестиционные проекты в России, долгосрочные кредиты – все это теперь как минимум под вопросом. Если страна дезавуирует свою подпись под международными соглашениями, стоит ли с ней иметь дело? Решения по этим вопросам принимают тысячи бизнесменов и банкиров, отвечающих лишь перед собой и своими акционерами. Здесь политические лидеры Запада лишь запустили процесс, остановить его им будет весьма затруднительно, даже если и захотят.

Можно, конечно, тешить себя разговорами о слабости и неадекватности Запада, но удар, причем очень болезненный, уже нанесен.

Выводы

После 18 марта мир вступил в новую фазу развития. Это игра с ненулевой суммой, причем такая, в которой проигрывают все, а выигрышной стратегии пока не видно. Западу совершенно невыгодно увеличивать военные расходы, вновь учиться жить в мире, где, кроме разнообразных сумасшедших сегодня и Китая завтра, источником угрозы становится еще и Россия. А в их политической системе надо еще постоянно объясняться с избирателями, противостоять политическим конкурентам, сдерживать собственных радикалов. В общем, никакой выгоды для них во всем случившемся нет.

Но долго- и даже среднесрочные последствия для нас куда более разрушительны. О них уже много написано, не буду повторяться. Это как и в куда более невинных играх, в картах например: бывает проигрыш чуть-чуть, а бывает и такой, что имение с молотка. Боюсь, это наш случай.

Наш президент сделал все правильно с точки зрения достижения тех целей, которые он перед собой поставил. Нужны ли были эти цели стране?

ДОКТРИНА ПУТИНА

Леон Арон

Владимир Путин поставил перед российской внешней политикой новую цель: восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные в 1991 году.

Многое в российской внешней политике сегодня основано на консенсусе, сложившемся в начале 1990-х годов. Этот консенсус, появившийся на развалинах СССР после его распада, объединяет весь политический спектр – от прозападных либералов до сторонников левых взглядов и националистов. Он зиждется на трех геостратегических императивах, гласящих, что Россия должна оставаться ядерной сверхдержавой, великой державой во всей своей многогранной международной деятельности и гегемоном в своем регионе, то есть, политическим, военным и экономическим лидером. Этим консенсусом проводится черта, отступить за которую Россия не может, ибо в этом случае она поступится своим чувством гордости и даже национальным самосознанием. Такая точка зрения оказалась удивительно стойкой, пережив после революционные пертурбации и смены политических режимов от Бориса Ельцина до Владимира Путина.

После избрания на пост президента в 2000 году Путин добавил к этой повестке новую всеобъемлющую цель: восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные советским государством в 1991 году. Официально Путин не заявлял об этом ни разу,

однако он идет к этой цели с такой решимостью, настойчивостью и последовательностью, что ее можно вполне заслуженно назвать доктриной Путина. На внутреннем фронте эта доктрина вдохновила правящий режим на новый захват командных высот в экономике (прежде всего, в нефтяном и газовом секторе) и на утверждение своей власти над национальной политикой, судебной системой и общенациональными телеканалами, откуда подавляющее большинство россиян черпает информацию. Во внешней политике и в политике безопасности этой доктриной по-новому трактуется российская триада геостратегии, и это заставляет Москву проводить такую политику намного более активно и напористо, чем предполагалось изначально. Хотя президент США Барак Обама в последнее время сигнализирует о том, что намерен возродить «перезагрузку» с Россией, Вашингтону лучше всего сделать стратегическую паузу, перейдя на пониженную передачу в двусторонних отношениях. Это станет отражением усиливающегося несоответствия ценностей и целей двух стран, однако поможет сохранить откровенный диалог и даже сотрудничество в некоторых избранных областях.

Доктрина Путина на практике

Первый императив во внешнеполитическом консенсусе России – это сохранение позиций страны как ядерной сверхдержавы. Важностью сохранения паритета России с другой ядерной сверхдержавой, Соединенными Штатами, объясняется стремление Москвы участвовать в переговорах с Вашингтоном по вопросам контроля стратегических вооружений. В то же время, настойчивой борьбой Путина за достижение этой цели объясняется та сила и неистовство, с которым Москва выступает против любых действий, способных ослабить этот стратегический паритет, например, против создания системы противоракетной обороны НАТО в Европе. Поэтому вряд ли может вызывать удивление то, что Москва пропускает мимо ушей любые заявления американских и натовских руководителей, утверждающих, что ПРО не представляет угрозы для российских сил ядерного сдерживания. Как заявил Путин в своей речи в российском Министерстве иностранных дел в июле прошлого года, противоракетный щит якобы «нарушает стратегический баланс» – то есть, ослабляет статус России как ядерной сверхдержавы.

Вторичной, но символически важной (не говоря уже о финансовой выгоде) основой статуса России как ядерной сверхдержавы является ее экспорт ядерных технологий. Государственная корпорация атомной энергетики «Росатом» деятельно продает такие технологии и технику. В настоящее время у нее есть контракты на поставку ядерных реакторов в Китай, Турцию, Индию, Беларусь и Бангладеш. Иран является для нее особенно привлекатель-

внешней политики». Несмотря на отсутствие энтузиазма и стремления к сотрудничеству у бывших советских республик, ставших независимыми государствами, такие усилия привели к созданию Организации Договора о коллективной безопасности (это военный альянс, в состав которого входят Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан), а также Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, который к 2015 году должен превратиться в Евразийский союз. За реализацию такого проекта часто

и очень настойчиво выступает Путин.

ным покупателем. Россия, невзирая на противодействие со стороны США, помогла Ирану в строительстве Бушерской атомной электростанции стоимостью 1 миллиард долларов. Бушерский проект демонстрирует не только технико-технологические возможности России в сфере атомной энергетики, но и готовность Москвы проводить свою политику, несмотря на сопротивление Вашингтона.

Такая глухота по отношению к пожеланиям США является центральным моментом в путинском толковании второй цели российского внешнеполитического консенсуса, заключающейся в поддержке статуса России как великой державы. В этой связи Москва активно обхаживает бывших советских вассалов на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке. Показателем такой политики стали меры по модернизации в 2009 году пункта базирования и ремонта кораблей российского ВМФ в сирийском городе Тартусе, а также путинский визит на Кубу в декабре 2000 года, ставший первым визитом российского/советского лидера со времен поездки туда Леонида Брежнева в 1974 году. Более того, Москва все чаще использует Совет Безопасности ООН для ослабления или блокирования американских инициатив. В 1990-е годы Россия два раза воспользовалась своим правом вето в СБ ООН, а в период с 2000 по 2012 год она применяла вето восемь раз. Третья составляющая внешнеполитического консенсуса – это региональная гегемония. Для достижения этой цели Москва стремится к новой политической, экономической, военной и культурной интеграции стран бывшего советского блока под руководством России. В своей речи в российском МИДе Путин вновь подтвердил эту задачу, назвав углубление интеграции на постсоветском пространстве «центральной задачей нашей

и очень настойчиво выступает Путин.

Согласно доктрине Путина, стремление к региональной гегемонии приобрело новое измерение. Речь идет о попытке «финляндизации» постсоветских государств, напоминающей советские времена, когда Москва в период холодной войны контролировала внешнюю политику Финляндии. В рамках такой схемы Москва позволяет своим соседям самостоятельно выбирать свои внутриполитические и экономические системы, однако сохраняет за собой последнее слово в вопросах их внешней ориентации. Соответственно, Кремль занимает очень жесткую позицию в отношении тех бывших советских республик, которые стремятся переориентировать свою внешнюю политику. В случае с Грузией, которая открыто стремилась стать членом НАТО, Россия даже вступила в войну в попытке унижить и сместить режим президента Михаила Саакашвили. Аналогичным образом Москва пыталась дестабилизировать украинское правительство Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко, которые стремились к вступлению в Евросоюз, а со временем и в НАТО.

Еще одна центральная основа путинской доктрины это достижение неоспоримого военного превосходства России в окружающем ее географическом пространстве. Именно этим объясняется устойчивый рост оборонного бюджета страны за годы нахождения Путина у власти. Если в 2000 году военные расходы России составляли оценочно 29 миллиардов долларов, то в 2011 году они выросли до 64 миллиардов (это цифры в долларовых ценах по состоянию на 2010 год). Даже в сегодняшней непростой экономической ситуации Москва продолжает увеличивать военные ассигнования такими темпами, которые существенно превосходят рост расходов на другие внутренние программы, включая образование и здравоохранение. Во время своей президентской кампании в феврале 2012 года Путин пообещал проводить «всестороннее и систематическое перевооружение» российской армии и «модернизацию военно-промышленного комплекса» с выделением на эти проекты 23 триллионов рублей (770 миллиардов долларов) в течение следующих десяти лет.

Крепость в осаде

Поскольку основополагающей целью в доктрине Путина является восстановление государственного контроля над политикой и экономикой, это неизбежно ведет к авторитаризму. Возрождение авторитаризма столь же неизбежно заставляет Кремль искать поддержку собственной легитимности за пределами разрушенных демократических институтов. В результате режим все чаще говорит о мнимых внешних угрозах. Единственная реальная защита от этих опасностей для россиян, утверждает Путин, состоит в мужественном руководстве нынешнего режима. Такой способ создания легитимности можно назвать стратегией осажденной крепости.

В 2004 году, спустя несколько недель после того, как чеченские экстремисты захватили заложников в североосетинской школе, заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков изложил концепцию России как осажденной крепости. По мнению Суркова, анонимные иностранные злоумышленники, жадные до природных ресурсов страны, плетут заговоры с целью «уничтожения России и заполнения ее огромного

пространства многочисленными слабыми псевдогосударствами». Далее Сурков отметил, что в этой осажденной, по сути дела, стране иностранным заговорщикам помогает «пятая колонна» предателей, «левых и правых радикалов», у которых «общие зарубежные спонсоры». Он заявил, что этих изменников объединяет «ненависть к тому, что они называют путинской Россией, но на самом деле, это ненависть к самой России». С тех пор неизменными темами государственной пропаганды стали три сурковских постулата: непрекращающиеся попытки поработить или уничтожить российское государство; антиправительственная оппозиция как орудие в руках тех, кто стоит за этими заговорами; и приравнение нынешнего государства к российской нации.

Естественно, тема осажденной крепости выходит на первый план и высвечивается со всей возможной яркостью и интенсивностью каждый раз, когда режиму необходимо подтвердить и укрепить свою легитимность. А угроза со стороны США всегда находится в центре внимания.

Тем не менее, в начале первого срока Обамы американские и российские интересы совпадали достаточно часто и существенно для того, чтобы обе страны попытались найти компромисс по некоторым вызывавшим противоречия вопросам. Когда Вашингтон и Москва в марте 2009 года запустили в действие свою «перезагрузку», возник целый ряд совместных усилий. Среди них Северная распределительная сеть (Northern Distribution Network) (серия договоренностей в сфере логистики, позволяющая перебрасывать натовскую технику и личный состав через российскую территорию в Афганистан); отказ Вашингтона от размещения ракет-перехватчиков и радиолокационной станции в Польше и Чехии; подписание договора СНВ-3, а также голосование России в июне 2010 года в Совете Безопасности ООН за резолюцию 1929 о введении санкций против Ирана.

Но к концу 2011 года пути Вашингтона и Москвы начали расходиться, поскольку меняющаяся геополитическая обстановка породила нарастающие различия между целями и определяющими ценностями двух стран в ключевых областях политики. Что касается ядерной повестки, то европейская система противоракетной обороны, похоже, превратилась в непреодолимое препятствие, мешающее России сотрудничать по другим соглашениям из области сокращения стратегических вооружений. Москва пригрозила выйти из договора СНВ-3, а в октябре 2012 года объявила об отказе от участия в программе совместного уменьшения угрозы (программа Нанна-Лугара), которая длится 20 лет, и в рамках которой Соединенные Штаты потратили более 7 миллиардов долларов на деактивацию российских стратегических боезарядов. Между тем выигрышная позиция Вашингтона в этом новом геополитическом контексте снижает значимость России для ключевых интересов США. В Афганистане быстрое сокращение американской группировки существенно снизит потребность в Северной распределительной сети после 2014 года. Что касается Ирана, то Москва перестала поддерживать даже те санкции в их ослаблен-

ной версии, за которые она ранее голосовала в СБ ООН. Безусловно, Сирия стала самым мощным проявлением расхождений в целях и направляющих ценностях между Соединенными Штатами и Россией. Москва трижды накладывала вето на поддержанные США резолюции Совета Безопасности с требованием ввести санкции против режима Башара Асада.

Внутренняя политика также становится осложняющим фактором. В России родилось и окрепло антипутинское демократическое движение, которое возглавил средний класс. Реакционные репрессии режима против этого движения поставили друг против друга два важных императива во внешней политике США и России. С одной стороны, это американская поддержка демократического самоуправления, а с другой – зацикленность путинской доктрины на сохранении жесткого контроля государства над политикой страны. Тем временем, американский конгресс в декабре 2012 года принял «закон Магнитского», запрещающий въезд в США тем российским чиновникам, которые причастны к нарушениям прав человека и замешаны в коррупции, а также заморозивший их активы в Америке. Москва в ответ запретила американским семьям усыновлять детей из России, хотя многие из них больны или являются инвалидами.

Пора сделать паузу

Расхождение в ключевых внешнеполитических целях между США и Россией оставило Белый дом с двумя стратегическими вариантами на руках. Первый вариант: попытаться возродить «перезагрузку».

Но у американской политики есть и второй вариант,

который может оказаться целесообразнее и предпочтительнее. Речь идет о стратегической паузе. В отношениях между странами, как и в отношениях между людьми, такая пауза дает необходимое время для определения приоритетов и оценки тех издержек, на которые готова пойти каждая из сторон ради достижения этих целей. Сейчас Соединенным Штатам – как их лидерам, так и обществу – самое время заняться такими дебатами. Пауза в сотрудничестве отнюдь не означает бездействие и молчание сторон. Поскольку администрация Обамы сегодня размышляет над тем, что делать с самыми неотложными и вызывающими многочисленные разногласия проблемами в российско-американских отношениях, такими как система противоракетной обороны в Европе, противодействие США усилению авторитаризма и репрессий в России, а также московская политика «финляндизации» соседей, линии коммуникаций должны быть открыты для откровенного диалога.

В конечном итоге решающую роль в формировании будущего российско-американских отношений сыграет народ России. А успех его демократических позывов сегодня кажется намного вероятнее, чем в любой другой момент времени с 1991 года. Возникновение свободной, демократической, стабильной и процветающей России чрезвычайно выгодно Соединенным Штатам, и поэтому содействие такому процессу должно стать ключевым приоритетом для американской политики. В предстоящие годы задача будет заключаться в поиске золотой середины между высокомерными представлениями о том, будто Вашингтон способен формировать и направлять внутреннюю эволюцию в России, и безрассудным полным самоустранением.

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

Лилия Шевцова

Россия не обязательно должна повторить тот путь к свободному обществу, по которому шли другие страны. Надеяться на автоматизм предыдущей логики не следует. Так, скажем, уже ясно, что испанская трансформация «сверху», которая стала моделью для выхода из единовластия в Латинской Америке и некоторых странах Восточной Европы, в России невозможна, в первую очередь, в силу дискредитации российского правящего класса и идеи модернизации «сверху». В мире не было прецедента трансформации полураспавшейся ядерной державы, начинающей возвращаться к роли «уникальной цивилизации». Что означает готовность правящей команды сдерживать перемены любой ценой. Ни у одного авторитарного режима в предыдущие полвека не было возможности столь активно использовать внешнюю политику как компенсатор сужения внутренних ресурсов в целях защиты статус-кво. Причем, речь идет о вовлечении Запада в процесс поддержки этого статус-кво! Так что России придется искать свой выход из цивилизационного тупика, в который мы продолжаем настойчиво углубляться.

И все же существуют проверенные мировой практикой предпосылки и механизмы трансформации, которые нам стоит учитывать. И которые в той или иной мере, видимо, будут работать и в России. Во всяком случае, их учет сократит время и муки наших экспериментов.

Так что же из мирового опыта нам может пригодиться? Вот первая аксиома движения к свободе, подтвержденная в самых разных обществах. Мотором и движущей силой трансформации всегда и везде были интеллектуалы. Именно они формировали идеи, тактику и стратегию. Они придавали эмоции и страсть общественному протесту. Они несли эти идеи в другие социальные слои. Если интеллектуалы спят, а тем более служат режиму, если они не готовы строить оппозиционные структуры и идти «в народ» – можно забыть о переменах. Российский опыт, думаю, подтверждает эту аксиому.

С интеллектуальным и стратегическим ядром протеста ясно. Но какой слой общества может стать социальной основой демократического движения? Такой силой становились самые разные социальные группы – от молодого офицерства и студенчества до мелкого бизнеса, средних городских слоев и религиозных групп, оформленных вокруг отдельных церквей. Кстати, о роли церкви в протестном движении. Это особая тема и, надеюсь, мы ее поднимем. Не было ни одной успешной демократической трансформации нового времени, где бы церковь не играла важной, а порой и решающей роли. Так как протестантские страны в большинстве случаев уже были демократиями, революционную роль пришлось играть католической церкви. Уже в конце 60-х гг. от института, поддерживающего государство (правда, не везде), католическая церковь перешла к деятельности по поддержке свободного общества, в некоторых странах став решающим фактором выхода из авторитаризма и диктатуры.

Что было самым эффективным способом борьбы с авторитаризмом? Во-первых, признание его нелегитимности широкими слоями общества, и во-вторых, приверженность оппозиции принципу ненасилия. Введение в протестный «обиход» этих двух принципов стало гарантией всех демократических трансформаций 20-го века. Не менее существенным является принятие оппозицией и протестной частью общества еще одного правила: свободные выборы на основе новых конституционных правил игры, которые обеспечивают политическую конкуренцию и сменяемость власти. В тех или иных странах конкретные механизмы освобождения от единовластия могли варьироваться. Но приведенные выше принципы были основополагающими.

А теперь о том, как тактически действовала оппозиция в тех странах, где произошла успешная мирная трансформация. На что она обращала внимание в своих конкретных действиях? Прежде всего, на формирование общедемократического фронта, т.е. объединение всех политических сил, которые были готовы признать идею правового государства и политической конкуренции. «Фронт» мог иметь разные формы – речь идет о горизонтальных, зонтичных механизмах взаимодействия демократических сил, которые на время откладывали свои противоречия по социально-экономическим вопросам. На этапе выхода идея свободы всегда была первейшей задачей. Без этого исходного начала нельзя было сделать следующий шаг.

Одновременно оппозиция искала недовольных внутри власти и прежде всего среди военных. Все, что было нужно – чтобы военные и полиция просто не защищали режим и оставались в казармах. Но успех такого поиска всегда зависел от того, насколько влиятельной была оппозиция и какую поддержку она имела в обществе.

Везде (как и у нас) спорным вопросом был вопрос о том, какое средство борьбы с режимом предпочтительнее – участие в протестных акциях либо в легальной политической деятельности и прежде всего в выборах. Мировой опыт говорит о любопытной тенденции. Если правящие режимы были еще устойчивы, то участие оппозиции в выборах завершалось тем, что власть ее переигрывала, используя ее для собственной легитимации. Поэтому на этом этапе оппозиция предпочитала бойкотировать выборы, как это было в Польше, Южной Африке, на Филиппинах, в Пакистане, Никарагуа. Но по мере ослабления режимов и их возможностей контролировать результаты выборов оппозиция начинала принимать участие в выборах, и это участие в ряде случаев стало решающим для мирного ухода авторитаризма.

Оппозиционеры спорили и о том, как часто и с какими лозунгами выходить на протестные акции (марши, демонстрации и митинги – универсальная форма протеста). Скажем, в 1989г. в некоторых городах ГДР мирные митинги проходили каждую неделю. В Чили оппозиция устраивала ежемесячные протесты. В других странах митинги и марши устраивались по определенному поводу – годовщина сопротивления либо протест против очередного насилия власти. Протестные акции преследовали несколько целей: сделать процесс выхода людей на улицу общественным ритуалом, отучить общество от страха перед властью и от мобилизовать протестное меньшинство, готовое к сопротивлению. Впрочем, нигде так и не была решена задача предотвращения насилия – как со стороны полиции, так и со стороны радикальной части оппозиции.

Мировой опыт говорит и о том, что для того чтобы протестная волна не привела к появлению еще более репрессивного режима, оппозиция с самого начала должна размышлять о том, как консолидировать демократию, т.е. как

создать новые правила игры, которые бы воспрепятствовали реставрации персоналистской власти. И здесь в центре ожесточенных споров стоит вопрос: как сохранить государственную преемственность, избежать правового вакуума и перейти к новому порядку без насилия? Там, где этот процесс прошел относительно мирно, оппозиции удалось использовать потерявший легитимность старый парламент для формирования легитимности новой системы. Так в Испании и Польше прежние парламенты одобрили

законы, которые позволили провести свободные выборы и избрать новый парламент (а в Польше даже частично изменить старую Конституцию). Использовать старые правила игры и авторитарный конституционный механизм для того, чтобы перейти к демократии – это высший политический пилотаж. Да, у многих оппозиционеров этот способ прощания с прошлым вызывал отторжение, им хотелось вообще начать с чистого листа. Но как оказалось в дальнейшем, легитимация нового через использование нелегитимного старого (в Испании это был франкистский механизм власти) – спорный, но в то же время щадящий способ выхода из прошлого. Sic: везде основой новой системы было принятие новой Конституции, которая подводила итог прошлому и создавала гарантии нового политического порядка.

Наконец, контакты оппозиции с мировым общественным мнением, с мировой прессой и с зарубежными правозащитными организациями были способом международной легитимации ее борьбы с авторитаризмом. В ряде стран именно мировая легитимация протеста помогла избавиться от авторитарных лидеров и диктаторов (которым было предоставлено убежище в других странах).

Проблемы, с которыми сталкивается наша оппозиция, существовали во всех других странах, которые уже нашли выход из авторитарного тупика (теперь у них есть свои проблемы, но это уже другие проблемы). Так везде внутри оппозиции шла борьба умеренных и радикалов. Везде происходила дискуссия о возможности и пределах сотрудничества с представителями власти либо о необходимости их отторжения. Везде шел спор о тактических средствах борьбы с режимом и возможности (и целесообразности) участия в выборах, контролируемых властью. Везде шел поиск источников финансирования протестной деятельности. Везде существовала угроза неконтролируемого насилия по вине и власти, и оппозиционеров-радикалов. Везде была угроза перехвата лозунгов оппозиции представителями власти в целях их внутренних разборок. Но ведь в итоге общество и оппозиция во многих странах все же сформировали альтернативу единовластию! Нет никаких доказательств того, что мы окажемся менее способными, чем другие.

БЕЛОВЕЖСКИЙ СИНДРОМ

Андрей Зубов

Ныне, на мой взгляд, один из поворотных моментов всей истории нашей страны – не только послекоммунистической России. Конечно, после 1991 года ничего аналогичного марту 2014-го в истории России не было. Сейчас решается, куда мы пойдём. Пойдём ли мы в сторону создания нового тоталитарного государства, совсем не советского, а иного, то есть мы не пойдём назад, а пойдём вперед, но в своеобразном направлении. Или мы, переболев и преодолев нынешний кризис, как это часто бывает в болезни, построим все же ту Россию, которой не боятся, но любят и уважают, Россию, в которой приятно жить, а не ту, из которой хочется уезжать. Мы сейчас находимся в этой точке. И каждый из нас и как гражданин, и как профессионал должен, думаю, сделать этот выбор сам: в какой России он хочет жить? И приложить все силы к тому, чтобы свой выбор осуществить.

В истории массового политического сознания есть понятие «Версальского синдрома». Версальский синдром – это болезненное состояние умов народов, потерпевших поражение в Первой мировой войне. То состояние умов, которое привело к приходу нацистов к власти в Германии, к успешному присоединению к Рейху Австрии и к началу самой страшной за всю историю человечества войны.

На самом деле, в XX веке было несколько подобных синдромов массовой психопатологии. Хотя бы беглый обзор их поможет пониманию того, что мы имеем сейчас в России. Ныне мы сталкиваемся с обезумливанием значительной части нашего народа. На днях мне рассказали анекдот: «Все наше общество распалось на две части: на колонну номер пять и палату номер шесть». Те наши граждане, которые оказались по этому анекдоту в «палате номер шесть», они такие же наши люди, многие из них – достойные и умные, но только что-то очень сильно сдвинуло их сознание. И сдвиг этот, по аналогии с Версальским, я именую Беловежским синдромом.

Кстати говоря, о цифрах. В значительной степени это – социологические данные, которые мне любезно предоставил Левада-центр и лично Лев Дмитриевич Гудков. Я ему бесконечно благодарен. Там есть, в частности, данные опроса, который проводился 18 марта 2014 года. И, кстати говоря, одна цифра прямо сейчас по этому опросу 18 марта, очень важная цифра, которая объясняет многое и которая говорит: вот что такое Беловежский синдром в самом общем смысле. 43,1% опрошенных респондентов считают, что русским в Украине реально угрожают фашисты и националисты, и только ввод наших войск в Украину спасет их от насилия. 28,1% считают, что проблемы русского населения есть, но их надо решать мирным путем. И 13,4% считают, что вообще никаких особых проблем у русских в Украине нет, а есть проблемы у режима, правящего в России, и эти проблемы режим пытается решить через кризис, который он создает в отношениях с Украиной. Вот, собственно говоря, данные на 18 марта.

Примерно так же было в Германии 1935 года. У нас есть

одна цифра по Германии надежная, это результаты плебисцита в Сааре 1935 года. Дело в том, что Саар был занят после Версальского мира Францией, но в правовом смысле оставался частью Германии. И в январе 1935-го предложили решить, с кем хочет быть Саар. Напомню, Саар – это крайний западный горнорудный небольшой район Германии. Был поставлен вопрос: «Хотите ли вы присоединиться к Франции, или вы хотите присоединиться к Германии». К нацистской Германии, но тогда еще только начавшей показывать свое нацистское лицо. Хотя Германия уже была однопартийной, со свирепой цензурой. За полгода до плебисцита в Сааре без суда и следствия были убиты многие политические противники Гитлера (так называемая «Ночь длинных ножей»). Но еще не были приняты, скажем, Нюрнбергские арийские законы (сентябрь 1935 года). Так вот, в Сааре при французских войсках без наличия вермахта 13 января 1935-го. 90,4% населения проголосовало за присоединение к нацистской Германии.

Что же такое национальный психоз, который овладевает временами тем или иным обществом по той или иной причине?

В последнее время, в особенности в связи с тем, что мы находимся на пороге одной очень печальной, но тем не менее очень важной даты – 100-летия начала Первой

мировой войны, многие говорят о том, что то, что происходит сейчас с Украиной, похоже на то, что происходило в России, да и в Европе накануне Первой мировой войны. Я смело скажу, что в очень малой степени похоже. Хотя проявления психоза, безусловно, были, но причины их мотивации совершенно другие.

Тогда Россия испытывала чувства, которые испытывает подросток, когда он вдруг становится взрослым: он чувствует полноту сил и не знает, куда их деть. Он еще мало образован (две трети мужского населения России в 1914 году неграмотны), плохо понимает международную реальность, но он чувствует растущую мощь. Люди того времени говорили, что Россия: «Не просто быстро развивалась, она лихорадочно быстро развивалась». Вот эта лихорадочность быстрого развития, когда люди не успевали отдавать себе отчет, не успевали привыкать к меняющимся обстоятельствам, – это и есть особенность последнего предвоенного десятилетия. Тогда не успевали привыкнуть и к парламентаризму, и к невероятным темпам промышленного развития, и к новинкам технологий. Не забудем, что тогдашняя Россия стала строить самые сложные самолеты, которые вообще тогда делались в мире, – самолеты Сикорского, в первую очередь «Илья Муромец»; мощнейшие, по оценке британского адмиралтейства, линейные крейсера (которые так и не были достроены, не успели: война началась) типа «Измаил». По тем временам это были сложнейшие технические проекты, как сейчас какие-нибудь космические.

В России был огромный массив необразованного, еще и архаичного по своим представлениям населения, но при этом новейшие экономические проекты. Вот эта Россия с растущим новым классом совершенно европейских, прекрасно образованных молодых людей, которые к тому времени составляли 15–18% населения, – вот это была реальность того 14-го года.

Когда встал впрямую вопрос о войне, в России победило чувство мощного растущего организма, чувство подосознательной силы при отсутствии сознательной осторожности. Слова П.А. Столыпина о том, что России нужно 20 лет без войны (и это совершенно верные были слова), чтобы построить действительно современное общество, – почти никто не вспоминал. Осторожные слова С.Ю. Витте, в 1914 году сказанные, что, если Россия войдет в войну, эта война закончится революцией, – тоже никто не услышал. Все думали, что война закончится быстро: у нас такие силы, мы их шапками закидаем! Вот это синдром 1914-го.

Я читаю стенограмму думского заседания 26 июля 1914 года, первого после объявления войны заседания Государственной думы, спешно созданного. Там выступают министры, выступают представители всех политических партий, представленных в Думе, представители основных национальностей: и литовцы, и немцы, и евреи, и поляки, и депутаты от мусульман, – и все они в один голос говорят, что они едины с Россией, и всюду сквозит новая националистическая идея. Идея, которая до этого владела только достаточно маргинальным правым сектором русского общества: «Славянство победит тевтонство». Геополитическая национальная идея: мир будет миром доминирующего славянства, «все мы сплотимся (и искренне в это верили почти все) вокруг державного главнокомандующего, вокруг монарха, мы победим тевтонов, австрийцев,

немцев, мы с нашими союзниками создадим новый мир, в котором не будет войны». Вот такое ощущение себя без глубокого понимания, что мы есть на самом деле. Что на самом деле Россия не может воевать, Россия не выдержит войны, потому что общество не готово к войне. Люди понимающие, не только Витте и погибший к тому времени Столыпин, но и военные специалисты, знали, что в России идет перевооружение армии и осуществляется большая военная программа. Эта военная программа, в которую включена масса вещей: строительство приграничных железных дорог, оружейных заводов, – завершится к 1918 году. До 1918 года Россия заведомо слабее центральных держав.

Это прекрасно знают в Берлине и в Вене и поэтому говорят, что мы или сейчас начнем войну, или мы ее уже не сможем начать, и наша задача: «Drang nach Osten», создание новой геополитической реальности (тогда же все бредили геополитикой!), не будет осуществлена никогда. В Германии был совершенно другой тогда менталитет, чем в России. В России – это стихийная юная сила, в Германии – аккуратный взрослый интеллектуальный расчет. Расчет, который реализовался (простите за игру слов) в отшлифованном до блеска «плане Шлиффена».

«План Шлиффена» предполагал, что вести войну на два фронта (а Англия и Франция – союзники России) для Германии невозможно, но другого варианта нет. Не удалось оторвать Россию от Франции – значит, надо вести войну на два фронта. Как быть? Весь расчет на то, что Россия еще не в 1918-м, а в 1914 году. Надо всеми силами ударить на Запад, разгромить Францию, в течение тех трех недель, за которые будет мобилизовываться не имеющая густой сети железных дорог, других инфраструктурных преимуществ, медленная гужевая русская армия. За эти три недели капитулирует Франция. Англия не вступает в войну или, по

крайней мере, не высаживается на континент, с ней будет чисто морская война, а может, она вообще потом откажется от войны, когда Франция капитулирует. И тогда все силы бросаются на Россию. Россия разбивается очень быстро после этого, и Германия в течение нескольких месяцев становится владычицей мира. Вот, собственно, «план Шлиффена». Немцы рассчитали всё – до расписания поездов, до количества полков и дивизий повсюду.

Что получилось? Ничего не получилось. Как это всегда и бывает. Ни у кого ничего не получилось.

Германия не смогла вывести Францию из войны, Франция не капитулировала, войска немецкие были остановлены. Англию не удалось не пустить на континент, она активно включилась в войну после того, как Германия вероломно напала на нейтральную Бельгию. В итоге, когда провалилась первая часть «плана Шлиффена», судорожно решили в 1915 году делать все наоборот. Было решено вывести Россию из войны в 1915 году, а потом всеми силами броситься на англо-французов. Началось большое немецкое наступление в России. Вы знаете, оно потом тоже провалилось. Да, русских потеснили, да, русские отдали Польшу и Литву, но дальше немцы продвинуться не могли, Русская армия не была разбита. Войну пришлось вести на два фронта. К концу 1915 года стало ясно, что Германия войну проиграла.

А Россия не ошиблась в своем ресурсе экономическом. В России не были введены карточки ни на что во время Первой мировой войны, кроме сахара. А на сахар были введены карточки по одной простой причине: был сухой закон, началось самогонование, понятно, что сахар надо было ограничить, чтобы не варили самогон. Россия сорвалась на другом. На неготовности психической. Технически, аграрно Россия была готова вести войну, и, оказалось, даже лучше, чем думали военные специалисты. И бесконечно лучше, чем во время Второй мировой войны, когда отступали до Москвы и Царицына на Волге. Но психически

войну оказалось невозможно вести: народ сломался. Как молодой организм, который чувствует в себе силы, когда он сталкивается с тяжелым испытанием, – то не выдерживает. Вот ситуация Первой мировой войны.

Теперь мы обратимся лицом к Германии и к самому Версальскому синдрому. Немцы всё продумали до мелочей и тем не менее с треском проиграли войну в 1918 году. Даже то, что они последними, самыми хитроумными и нравственно абсолютно безобразными действиями смогли привести к власти большевиков в России и вывести Россию из войны и наконец-то избавиться от кошмара войны на два фронта, – им не помогло. Они были разгромлены в июле 1918 года на Марне. В Компьенском лесу было подписано перемирие, потом – мирный договор в Версале. Потеря территорий, потеря колоний. Нищета послевоенная, для немцев невероятная. А потом нищета усугубилась мировым кризисом. Слабое правительство, в котором присутствовали этнические евреи. И вот начинается болезненное брожение немецкого сознания: «Мы не могли проиграть эту войну! Немцы вообще не могут проигрывать. Мы все рассчитали до мелочей. Если мы проиграли войну, если мы капитулировали, если наши армии не смогли победить, то это потому, что нам был нанесен удар кинжалом в спину». Этот «удар кинжалом в спину» нанесла «пятая колонна». Не русские, не англичане, не французы. Они – внешние враги. С ними мы справились бы. Ну кто такие русские?! Англичане, французы сражались получше, но мы же их знаем, мы же их били, французов, во время франко-прусской войны. Мы же имели наш Седан, и Наполеон III был разбит. Нам не удалось их сейчас разбить потому, что у нас был внутренний враг. Этот враг – «пятая колонна», национал-предатели, которые были против нашей победы, а мы считали их частью немецкого народа. Кто эти люди? Это социалисты, это евреи.

Евреи честно сражались и в русской армии, и в немецкой армии всю войну, и ни у кого никаких мыслей не воз-

никало, что они – национал-предатели. Но тут такие мысли возникли. А коли мы проиграли не потому, что мы слабы, и тем более не потому, что мы затеяли несправедливую войну, а потому, что это постарались «национал-предатели», – соответственно мы должны разделаться с ними, объединить весь немецкий народ в одно целое и показать всему миру, что такое Германия. Отсюда – «Main Kampf». Отсюда – реванш. Отсюда – Вторая мировая война.

Это сознание несправедливости национального унижения еще множилось на то, что демократические, «плутократические» круги Запада (как говорил Гитлер, так говорили и сторонники консервативной революции в Германии) сосут все соки из Германии, обогащаются за счет немецкого народа, который они же коварно ударом в спину поставили на колени, обманули в 1918 году. Это был, конечно, бред. И знающие военные специалисты прекрасно понимали, что Германия проиграла совершенно реально, неправильно рассчитав свои силы, неправильно рассчитав политику западных своих противников, да и России. Но это знали немногие. Отсюда – идея военного реванша. То есть выиграть новую войну. Не просто восстановить страну, не просто объединить германоязычные земли, которые «страдают» под гнетом этого низменного славянства или французов (Эльзас, Судеты, Силезия), вновь их вернуть в Рейх, сделать их счастливыми, но и доказать всем, что Германия правит миром, а не стала страной второго сорта.

Отсюда – вся политика Гитлера на собирание земель. Это не потому, что немцам реально жилось плохо в Эльзасе или в Судетах. Никаких притеснений не было ни там, ни тем более в «вольном городе» Данциге и в области Мемеля (Мемельгебит) Клайпеде, у которой была даже автономия, свой сеймик. Но это была идея восстановления незаконно отторгнутого – «Нас обманули, мы должны восстановить справедливость». Поскольку нас обманули в горячей войне, в кровавой войне, мы не боимся войны. Мы в новой войне докажем, кто из нас первый. Поэтому, хотя

начальные действия по объединению германского народа обошлись без крови и даже шли на ура при поддержке подавляющего большинства, – германский народ был готов к войне, ждал войны и радовался будущей войне как возможности победы.

Версальский синдром, вне всякого сомнения, привел к власти Гитлера. И очень похожий синдром наблюдался в Италии. Италия была среди стран победительниц и даже немало получила от войны от Австрии: Тироль, северную часть Венецианской области, Триест, побережье Адриатики. Но лучше жить от этого итальянцы не стали. Эмиграция из Италии как была колоссальной, так и осталась. И Муссолини говорит: «Нас обманули! Мы клали наши жизни вместе с Англией и Францией за победу, и посмотрите, как живут Англия и Франция, и как мы живем!». «Италия – пролетарий Европы» – вот одна из идей Муссолини. То есть не пролетариат против буржуазии в каждой стране, а страна-пролетарий – против стран-буржуа. Естественно, союзник – это Германия, которая также страдает. Это начало антикоминтерновского пакта, начало соединения, того, что позже назовут «Державы оси». Я подчеркиваю, что это не слова только Муссолини. Хотя Муссолини и Джованни Джентили сформулировали это. Эти люди, как и Гитлер в Германии, гениально услышали и артикулировали состояние души германского и итальянского народов, их большей части. И преступление интеллектуалов Италии и Германии состояло в том, что они были так или иначе увлечены теми же самыми идеями.

Что касается Советского Союза и начала Второй мировой войны, то надо отметить, что тогда был очень сложный ментальный синдром в русском обществе по той простой причине, что все переживания, связанные с Первой мировой войной, с выходом из войны, позорным Брестским миром, – все они были смазаны и забыты из-за пятилетней Гражданской войны, коллективизации, голодоморов, Красного и Большого террора и невероятного оболвани-

вания людей при практически непроницаемом «железном занавесе». Поэтому это был совершенно другой тип общества, которое распалось на две части. Часть населения – очень большая – была полностью под властью советской пропаганды и была уверена, что «Красная армия всех сильнее». И когда началась война в 1941 году, многие молодые люди, и даже люди средних лет, шли записываться добровольцами, боясь, что не успеют к «пиру победителей», что победят без них.

И вторая, большая, часть общества ненавидела большевиков. Сейчас опубликованы воспоминания этих стариков, которые пишут, что они ни за что не хотели идти на фронт не потому, что боялись, а потому, что не хотели умирать за Сталина. Они мечтали о том, что придут немцы и их освободят от отвратительного большевизма. Они помнили Германию Первой мировой войны, которая пришла в Киев и Ростов и навела там порядок после полного кошмара Красного террора. Люди этой половины ждали помощи от Германии. Трагедия заключалась в том, что даже евреи Украины и Белоруссии не верили в то, что Гитлер мечтает об уничтожении еврейства. Плохо знали о Нюрнбергских законах и о «хрустальной ночи», тем более что, когда Германия стала союзником СССР в 1939 году, об этом вообще перестали говорить. Очень многие русские евреи тоже ненавидели советскую власть, за 20 лет ее накушались вполне. А когда немцы пришли в 1918 году, был хоть один еврейский погром? Не было. Были еврейские погромы, которые петлюровцы делали. Были погромы от рук солдат Белой армии. Были «буденновские» погромы. Но уж от немцев – никогда не было. Поэтому ждали совершенно спокойно. И дождались. Вот такой был синдром в начале Второй мировой войны.

А после Второй мировой войны в российском обществе сформировалось четкое сознание: пусть что угодно – лишь бы не было войны. Война – самое страшное. Голод, холод, нищета, даже репрессии – все это плохо, но только бы не было войны! Интересно, что не было и сильного антиамериканизма. С «оттепелью» рухнули все сталинские стереотипы и были осмеяны. Хрущев ездил в Соединенные Штаты, Ван Клиберна выступал в России. Джон Кеннеди стал кумиром русского общества. Люди, более образованные, зачитывались Хемингуэем и Стейнбеком. И не было ощущения, что Америка враг. Что надо по ней так «вдарить», чтобы только пепел остался. Тот самый пепел, про который сказал недавно один журналист.

Кстати говоря, насчет пепла и журналиста. Никогда в советское время после Сталина такой фразеологии в политическом языке не было. Всегда ядерная война воспринималась как кошмар. Единственный принцип был – не допустить ядерную войну. Говорить о том, что «мы превратим Америку в пепел», – это был недопустимый вариант. Самое большее, о чем говорили, что мы нанесем ответный термоядерный удар, но никогда не первый. Вот это была установка, которую господин Киселев первым позволил себе изменить со времен дремуче советских.

Вот приходит 1991 год. И неожиданно происходит за считанные месяцы распад Советского Союза. Жили в огромной стране, которая противостояла со своими сателлитами всему миру. И вдруг – нет этой страны. Это слабое, уязвимое, голодное общество, которое живет на то, что называлось в то время, может, кто-то еще помнит это слово, «гумпо» – гуманитарная помощь. Все тащили какие-то коробки, получали какие-то банки с западногерманской тушенкой из военных складов 20-летней давности. И все страшно

удивлялись: «Что произошло?!» Как могла страна, о которой говорили все, что мы самые сильные, самые мощные, ну уж, по крайней мере, мы такие же, как Америка, в военном отношении, мы контролировали огромную часть суши от Мозамбика до Кубы и Тихий океан, — как могла она рухнуть в один момент?! Это не может быть из-за того, что коммунизм плох, из-за того, что наша военная и экономическая система никуда не годна. Идеология работала до последнего, и люди не понимали, какие процессы происходят в СССР, не знали о решительном падении нефтяных цен. Знали очень немногие. А в основном, все объясняли всё просто: заговор и предательство. Заговор, естественно, врагов. Кто враги? Соединенные Штаты, НАТО. Предательство чье? Запросто — Михаила Сергеевича Горбачева, который просто продал Россию ни за понюх табаку! Вот этот синдром был очень крепок в русском обществе.

Распад СССР был столь стремителен и столь неожидан, что мало было людей, которые к нему отнеслись нормально. Я впервые признаюсь, что тогда, в декабре 1991 года, лично написал письмо Горбачеву, убеждая его (хотя, я думаю, что письмо не дошло), что есть все внутренние механизмы сохранения страны, перевода на демократические рельсы и так далее. Об этом я написал еще раньше с двумя моими коллегами большую статью в одном из наших теоретических журналов. Помню, когда она вышла в 1989 году, мне главный редактор сказал: «Теперь вас или посадят, или вознесут». Не сделали ни того, ни другого. Просто не заметили. Это была большая статья, в которой мы объясняли, как перевести Советский Союз на демократические рельсы, не разрушая его. Не знаю, что это было, может, химера, но тогда все думали в ином направлении. Не о том, что всё развалится. Я знаю, что для того же Михаила Сергеевича было неожиданностью, трагедией и сюрпризом, что Украина голосовала за выход из СССР на референдуме 1 декабря 1991 года, который проводил Кравчук (из 84% избирателей, явившихся на референдум, 90,3% высказались за независимость).

Даже в Крыму 56% голосовали за отделение от СССР. Это было невероятно. Но при этом работало советское сознание послушности, и тот же Верховный Совет Российской Федерации проголосовал почти единогласно за Беловежские соглашения (против — всего 6 человек).

Но в сознании людей осталась глубокая травма: «Это не на самом деле, не потому, что советское — плохо, это предательство». Когда проводились опросы и задавался вопрос о том, что случилось в Беловежской пуще: был ли распад страны неизбежным, или его можно было избежать, то в 2003 году считали это неизбежным 26%, в 2013 году — 29%. То, что распада можно было избежать, считали 62% в 2003 году и 53% — в 2013-м. А на «психологический» вопрос: «Сожалеете ли вы о распаде СССР?» — «да» в 2000 году ответили 75%, в 2013-м — 57%; «нет» — 19% в 2000 году, 30% в 2013-м. Эта динамика объясняется просто — изменением возрастного состава населения. То есть молодежи, которая не помнит Советского Союза, естественно, все равно: был Советский Союз — не было Советского Союза. Но даже среди молодых достаточно большая часть, со слов отцов, испытывает ностальгию по великой стране. И в связи с этим существенной особенностью сознания является то, в каких границах хотят сейчас видеть будущую Россию ее граждане.

Вот новейший опрос от 18 марта 2014 года. Уже занят Крым. Уже российские войска в большом количестве стоят по всей линии общей границы с Украиной. «Нынешней» границы, обратите внимание! Можете себе представить, что сейчас во Франции меньшинство населения хочет видеть Францию в нынешних границах, а большинство — в каких-то других? Или Германия. Что будет с мировым сообществом, если окажется, что две трети немцев хотят видеть Германию совсем в других границах, чем те, в которых она находится сейчас?

В нынешних границах 18 марта 2014 года хотели видеть Россию 32% ее граждан. В границах Российской Федерации плюс несколько республик СССР (варьировалось — только Белоруссия; Украина и Белоруссия; Украина, Белоруссия и Казахстан; весь СССР без Прибалтики) — 41%, и еще 17% — в границах СССР, включая Прибалтику. Если мы суммируем две последние цифры — 58% граждан России хотят видеть Россию в больших границах, чем те, в которых она сейчас находится. Как вы понимаете, талантливые политики артикулируют то, что хочет общество.

Из года в год Левада-центр проводит опрос о том, какие приоритеты вы видите перед Россией? И из этих опросов видно, что постоянно усиливается, почти без спадов, убеждение, что одна из важнейших задач главы государства и вообще политики России — это превращение нашей страны в великую державу. Которую уважали бы во всем мире. Слово «уважали» само по себе неплохо, но, к сожалению, у нас, в России: «Если боятся, значит, уважают». Поэтому здесь уважение смещено в направлении страха. Россию должны бояться, тогда и будут уважать.

Это — открытый опрос, в котором можно на несколько вопросов отвечать положительно, и больше всего положительных ответов касаются социальной справедливости. За то, чтобы в стране была установлена социальная справедливость, в январе 2012 года, например, выступали 77,6% наших граждан. Вернуть статус великой державы хотели 57,1%. А вот закон и порядок (что естественно для любого человека, особенно в стране с таким отсутствием закона и порядка) стремятся восстановить только 51,5%. А, скажем, интегрировать Россию в Европу хотят всего 5%.

Мы видим, что идея великой державы соединена с идеей социальной справедливости. Вспомним, что и фашизм Муссолини, и национал-социализм Гитлера — это социалистические идеологии. Только это национал-социалистические идеологии, в отличие от интернационал-социализма — которым по букве был советский коммунизм. Но, по сути, при Сталине с середины 1930-х годов в СССР был уже национал-социализм, и Муссолини говорил: «Нет у меня лучшего ученика, чем Сталин, а Гитлер — он имитатор». И Италия, и Германия были национал-социалистическими странами. Следовательно, идея социальной справедливости там очень громко звучала и даже реализовывалась, накрепко соединяясь с великодержавием. И у нас этот запрос на соединение социальной справедливости с великодержавием господствует в обществе. Итак, мы говорим о русском латентном национал-социализме. «Как вы думаете, — задает Левада-центр вопрос, — «Россия для русских» — это хороший лозунг или это плохой лозунг, напоминающий фашизм?» И вот динамика. «Хороший лозунг, безусловно, или в разумных пределах» (там два варианта ответа, но я их суммирую для простоты): 1998 год — 43%,

2008-й – 54%, 2013-й – 66%. «Плохой лозунг, напоминает фашизм»: 1998 год – 30%, 2008-й – 32%, 2013-й – 19%. Итак, русский фашизм – это реальность совсем не маргинального порядка. Уже в 2013 году эксклюзивный национализм исповедовали 2/3 россиян. Сейчас наверняка исповедуют еще больше. Плохим этот лозунг ныне считают менее одной пятой респондентов.

При этом желающих жить «как на Западе» – сравнительно много, но, несмотря на то что между крайними замерами 15 лет, за которые русские намного лучше познакомились с внешним миром, эта группа не увеличивается. «На что вы хотите, чтобы походила Россия в будущем?» – спрашивают респондентов. «На Запад. Богатая демократическая страна с рыночной экономикой, как западные страны, но со своими естественными особенностями»: 1999 год – 35%, 2008-й – 32%, 2013-й – 33%. Стабильно 1/3 населения.

Иное – «назад в СССР». «Мы хотим, чтобы наша страна была как СССР»: 1999 год – 15%, 2008-й – 17%, 2013-й – 24%. От СССР во времени мы уходим все дальше и дальше. Люди, которые там жили во взрослом возрасте, постепенно умирают. Люди, которые не помнят, что такое СССР, или помнят его в самый последний момент, в годы Перестройки, – сейчас доминируют в населении России. А симпатии к СССР растут. Но это симпатии совсем не к интернационализму, не к постепенному отмиранию государства, чему нас учили на уроках истмата. Нет. Это – совершенно другой СССР, это СССР как великая держава и как держава социальной справедливости. То есть как раз то самое, что предлагали два известных государственных идеолога Европы 1920–1930-х годов – Муссолини и Гитлер. Есть еще особый путь, о котором так любят говорить в России политики определенного толка. Особый путь был популярен. В

1999 году хотели, чтобы Россия шла по особому пути, 45% (то есть больше, чем на Запад, и больше, чем в СССР), в 2008 году – 39%, а в 2013-м – 33%. Особый путь теряет привлекательность, должно быть потому, что всё четче русское общество распадается надвое: одни хотят видеть Россию западной демократической страной, с определенной собственной спецификой, другие – национал-социалистической страной авторитарного типа.

Примечательно, что советское время – как привлекательное для жизни – оценивали в 2013 году положительно сравнительно немногие: 27%. Запад – как привлекательный для жизни – намного больше: 40%. При этом такая знаковая фигура, как Сталин, хотя историю его правления освещает множество книг и все злодеяния его известны, получает все больше положительных оценок: в 2013 году 49% относились к Сталину положительно и только 32% – отрицательно. Причина, думаю, совсем не в любви к сталинскому живодерству, а в том, что он, как полагают многие, «сделал нашу страну великой». Характерны ответы на вопрос: «Что бы вы предпочли: страну великую, но со скромным уровнем жизни населения, или страну сравнительно слабую, но процветающую экономически?» 2006 год: «процветающую экономически» – 62%, «великую державу» – 36%. 2011 год: «процветающую экономически» – 53%, «великую державу» – 42%. Март 2014 года: за «процветающую экономически» – 47%, за «великую державу» – 48%. Впервые в этом марте в России в ответах респондентов доля «великодержавников» превысила долю мечтающих о личном благополучии. Многие готовы есть сухари, как они говорят, но жить в великой стране. Такова динамика. Но, в отличие от Версальского синдрома Германии, в России есть одна ограничительная точка. Это – страх войны. Советский Союз распался без большой крови. Если

«удар в спину» и был, то тихий и бескровный. Скорее нок под зад. И поэтому реванша в прямом смысле этого слова, новой войны, которая бы доказала, какие мы, русские, молодцы, – не хотят в России.

В 2011 году (опроса, более нового, нет) с утверждением «боюсь войны или очень боюсь войны» согласились 67,7%; «не боюсь войны или почти не боюсь войны» – 20,6%. «Иногда нужна война для того, чтобы отстаить наши интересы» (это уже март 2014 года) – 21,8%; «никогда не нужна война для отстаивания интересов» – 66,6%.

Вот вопрос, связанный с Украиной: «Чтобы защитить русское население, можно ввести войска» – 43,1% «за». «Никогда нельзя вводить войска, даже если надо защитить русское население» – 41,5%. Пополам. А речь еще только о вводе войск, не о войне.

Тех, кто считал, что в Украине может быть кровопролитная война, – очень немного, 14,3%. Войны боятся, ее не хотят. Это, кстати, прекрасно понимали в Киеве. И поэтому проводили лихорадочные военные приготовления, просто для того, чтобы показать: если вторгнетесь – будет война. И это действовало отрезвляюще. Потому, что можно скрывать военные приготовления, но нельзя скрыть поступающие гробы (хотя, бывает, и стараются). Дай Бог, этого никогда не будет.

Итак, первое огромное отличие от Германии 1933 года – отторжение войны. И, видимо, это не преодолеть никаким восстановлением сдачи норм ГТО и никакими парадами Победы. Это – следствие войны 1941–1945 годов и плюс – афганская и чеченская. Отвращение к войне утвердилось на психогенетическом уровне в нашем народе. Генетика отвращения к войне – очень серьезная вещь. Ведь именно это привело к тому, что Франция потерпела поражение за 5 недель в 1940 году. Потому, что после Первой мировой, с невероятными жертвами среди французов, никто не хотел снова воевать, и многие предпочли просто сдаться. Поэтому и была «странная война» в 1939–1940 годах: англичане и французы воевать не хотели. И у нас сейчас – и в России, и в Украине – пацифистский синдром очень силен.

Есть еще одно различие между Германией и Россией. Дело в том, что в отличие от 1914-го, когда Россия ощущала невероятный избыток сил, сейчас она ощущает большой упадок сил. Германия 1933 года, несмотря на все военные потери, чувствовала себя мощной растущей экономикой и мощной военной силой с прусским офицерским корпусом. Избрание маршала Гинденбурга рейхспрезидентом – это символ, воплощение чувства немцев, что мы – это та Германия. Избрание Гитлера рейхсканцлером понималось как восстановление Германской империи после позора Веймара. Ведь для Imperia restituta все было: квалифицированные рабочие и трудолюбивое крестьянство, аристократия (не всем она нравилась, но она была), генералитет, квалифицированное гражданское чиновничество. Один из первых законов Гитлера – закон о чиновничестве, восстановление его профессионального достоинства.

В России ничего этого нет. Наше национальное самощущение – это скорее не ощущение молодого растущего организма и не ощущение пусть пережившего тяжелую травму мужчины, который желает и может опять накачать мышцы и стать сильным, а ощущение глубоко больного человека, который в сновидении, в мечтании только представляет себя великим. Он еще далеко не выздоровел,

и сама возможность его выздоровления пока проблематична. Политик всегда реагирует на запрос общества. Пусть даже этот запрос будет болезненным, вредным для самого общества. Помните, как пытался усилить свою популярность аргентинский диктатор Леопольдо Гальтиери, который решил ради подъема собственной популярности осуществить «бросок на Мальвины»? Давно мечтал аргентинский народ вернуть Фолклендские (Мальвинские) острова, которые британцы занимали и считали своей колонией. В 1982 году генерал Гальтиери решил: надо острова взять и вернуть – и народ Аргентины будет мой еще на десяток лет. Но он не рассчитал. Англия Маргарет Тэтчер не испугалась войны. Аргентинцев разбили. 900 аргентинских военных погибли, много тысяч попали в плен. Что произошло дальше? Не прошло и трех месяцев, как от этого режима ничего не осталось, он был свергнут.

Саддам Хусейн знал, что после войны с Ираном образовались огромные долги перед Саудовской Аравией, перед Кувейтом, платить нечем, жизнь народа становится все хуже. И тут прекрасная идея: вместо того, чтобы отдавать долги, лучше взять и захватить Кувейт. Идеология тут же под боком – антиколониальная война. Когда-то англичане от Ирака отторгли Кувейт, теперь его надо вернуть. Но, опять же, расчет был неверен. Рассчитывали на то, что мировое сообщество вялоотреагирует на аннексию, а оноотреагировало, как известно, не вяло, а «Бурей в пустыне». Я уверен, что поражение в Кувейте стало началом конца режима Саддама Хусейна.

Поэтому очень важно понять: действительно ли стремления народа России воссоздать СССР, на которые поставил г-н Путин, так же принципиальны, как чувство защиты родины во время внешней агрессии 1812-го или 1941 года, – или эти стремления иллюзорны и, если угодно, фантомны? На фантомных представлениях хорошо можно сыграть и быстро набрать огромный политический капитал. Беда заключается в том, что этот капитал рассеивается вместе

с пробуждением. Под ним нет основы – это мираж. Сила России была реальностью в 1914 году, а миражом была подготовленность России к борьбе с тевтонством. И поэтому вместо великой победы – великий позор и революция.

Германия была неплохо подготовлена технически к войне в 1939 году. Мощнейшие технологии, самые новые виды оружия, прекрасная армия – все было. И нацистам удалось за какие-то 5-6 лет создать абсолютно монолитное общество, в котором те немногие, кто был против, или давно уже сидели в Дахау, или эмигрировали, или молчали. Гитлер был в этом смысле умнее Сталина: он позволял людям заниматься своим делом, если они не осуждают режим. Просто не говорить. А Сталин требовал обязательного восхваления режима.

Сейчас здесь, в России, власть раскручивает Беловежский синдром – империя, социальная справедливость, великая держава, объединение распавшейся страны, да еще и тень великого Сталина. И при этом никакого социализма советского типа, социализма-интернационализма. Кто вспоминает сейчас в Кремле о пролетариях всех стран, которые должны соединиться? Ни единый человек. Кто в Кремле вспоминает о том, что по мере строительства коммунизма государство будет отмирать? Ни один человек. Все говорят о величии государства. Кто говорит о слиянии народов в единый интернациональный советский народ? Никто. Говорят об объединении русского народа. То есть вся фразеология совсем не советская, фразеология других тоталитарных режимов, с которыми мы воевали, а не того, который был у нас. Это совершенно очевидно и, надо сказать, совершенно не случайно, потому что кто любимый философ нашего главного кремлевского теоретика (я имею в виду Суркова)? Иван Ильин. Не знаю, уж сам ли читал или вписывали, но г-н Путин тоже часто использует Ильина. Иван Ильин очень не любил немецкий нацизм за

его расовую политику, сталинский коммунизм он ненавидел всеми фибрами своей души, но очень ценил корпоративное государство фашистского типа. Он считал его одним из наиболее положительных вариантов выхода России из коммунизма. В начале 1950-х Иван Ильин во многом пересмотрел свои прошлые взгляды и стал сторонником многопартийной демократии и прав человека, хотя и этатистский идеал полностью не оставил. Но в Кремле предпочитают цитировать Ильина довоенной и военной поры, когда он, живя в Швейцарии, был апологетом фашизма.

Так что все это неслучайные совпадения. Но, как бы там ни было, опора на Беловежский синдром постсоветских русских людей в условиях разрушенной армии, бедного общества и довольно собранного и не расколотого мирового сообщества (голосование в ООН по поводу Крыма вспомните) – все это делает разыгрывание Беловежского синдрома опорой на фантом, на фата-моргану. И вопрос в том, сколь болезненно будет пробуждение.

Есть хороший прием: если вы видите, что друг бредит во сне, его ни в коем случае не надо будить резко, надо ему тихо начинать говорить что-то приятное, тогда сменится сновидение, и он проснется в хорошем настроении. Вот именно этим должны сейчас заниматься мы в отношении нашего больного общества – бред собирания империи следует подменить концентрацией сил народа на настоящем живом деле – деле всестороннего обустройства той страны, которую сохранил нам Бог и которую ныне мы именуем Российской Федерацией. Страны, кстати, далеко не маленькой и обустроенной ныне весьма неважно. Не разбазаривать последние народные силы вовне, но концентрировать их внутри, – думаю, что именно в этом наша задача, наша цель и средство нашего исцеления и от социальной астении, и от мании величия.

ЗАЧЕМ НУЖНА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Сергей Караганов

Во время дискуссии на прошлогодней юбилейной – двадцатилетней – Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) ее некоторые российские участники высказались за то, чтобы члены организации занялись бы определением российской идентичности. Значительной части своповцев, справедливо причисляющих себя к просвещенной части российской элиты, идея показалась дурным тоном. Ведь до сих пор поисками идентичности занимались самые кондовые и консервативные российские интеллектуалы.

Но проблема определения того, кто мы, с какой своей историей мы себя ассоциируем, являемся ли мы самостоятельной, но периферийной частью Европы и хотим ли ей быть, стоит. Как стоит и вопрос о нашей связи с нашей собственной культурой. Великая литература XIX – начала XX века, крупнейший вклад России в мировую цивилизацию, стала выходить из российского общественного оборота. Большинство даже думающих людей не ощущает связей нашей культуры с античной. А ведь в последней заложен генетический код нашей цивилизации, собственной культуры, в том числе поведенческие модели, воспроизведенные и развитые в христианстве. А как мы можем понять величайшего русского писателя Пушкина, не понимая, что он вырос на античной истории и культуре?

Еще более остро стоит вопрос о том, какими мы хотим быть и куда мы (большинство российской элиты, населения) хотим идти. Один из популярнейших ответов известен: мы слишком разные, и не договоримся. И разве можно договориться с «ними»? Болотниками? Коррупцированными авторитаристами? Националистами? Если такой ответ останется преобладающим, и элиты не найдут в себе мозгов и чувства самосохранения, чтобы начать договариваться на основе какой-то общей программы, наше обычно малопредсказуемое будущее станет предсказуемым. Мы станем нацией самоубийц, обрекающих себя и свою страну на застой, деградацию и новый развал.

Конечно, главная проблема современной российской идентичности или ее отсутствия – трагическая российская история XX века, когда над народом был совершен безбожный эксперимент, а большинство ему не воспротивилось. Когда уничтожались вера, совесть, честь, человеческое достоинство, чувство сопричастности с великой историей и его носители – священнослужители, аристократия, интеллигенция, трудовое крестьянство. По сути все лучшее и лучшие.

Советский Союз создал свою идентичность. В ней было и немало хорошего. Но он развалился. Социалистическая экономика советского образца оказалась неработоспособной.

После развала нужно было выживать. Выжили чудом. Не устану повторять: единственно «правильным» политологическим объяснением того, что мы не сорвались в

новую кровавую гражданскую войну и не совершили в прошлое двадцатилетие окончательного национального самоубийства, является, с моей точки зрения, то, что Всевышний простил народу страшный грех коммунизма.

Выживание не предрасполагало к творческим поискам новой идеологии нации. Тем более что само слово «идеология» вызывало тяжелую оскомину после семидесяти лет коммунизма. Было как бы решено, что само общество, народ родит себе новую идентичность и новую идеологию. Не получилось. С советской идентичностью с грехом пополам расстались. А нового, кроме единственной на сегодня национальной идеи – памяти о Великой Отечественной войне – не создали.

И до сих пор ни общество, ни власть, ни интеллектуальная элита не нашли идей, объединяющих страну, движущих ее вперед. Была успешная реставрация государства, которая была дополнена идеей «вставания с колен» и идиотизмом «великой энергетической державы». Затем все увлеченно заговорили о модернизации, не вкладывая в образование и людей и предпочитая не замечать ускоряющейся демодернизации страны.

Отсутствие сформулированной национальной идеи, основанной на идентичности, устремленной вперед и разделяемой большинством элиты, выгодно части этой элиты, предпочитающей воровать, и не связывающей себя с бу-

душим страны или не способной думать о нем. Но экономический рост затихает. Общественное недовольство подспудно растет, элиты разделены, часть их просто уезжает или вывозит деньги и детей.

В недавней истории уже был очень похожий период – рубеж 1970-1980-х гг. Правящая элита благоденствовала, интеллигенция тихо ненавидела власть, но жила по советским меркам комфортно. Часть недовольных (евреи) уезжали. Народ безмолвствовал. И никто уже ни во что не верил. Все надо всем издевались. Советская идентичность умирала. Затем посыпались нефтяные цены, и страна развалилась.

Кое-какие дебаты в стране все-таки ведутся. Но они разнонаправлены, и их сторонники не хотят вести диалог.

«Соборники» верят в особую русскую духовность, коллективизм. Запад – враг, Россия – наследница Византии. Во внешнеполитическом отношении – ориентация на всех противников Запада, в том числе на ислам и мусульман-

ские государства. До начала 2000-х – еще и на Китай (в этой группе были сильны коммунисты). Но теперь боятся и его.

На смену уже совсем оторванных от жизни «соборников» идут идеологи «русской доктрины». Они опираются на традиционные православные ценности, но в модернизированном варианте с упором на успех в жизни земной и на умеренный национализм. «Особый коллективизм» русских обосновано отвергается. «Русскую доктрину» поддерживает, видимо, нынешнее относительно модернистское руководство РПЦ.

Сторонники и «соборности», и «русской доктрины» не жалуют европейский период русского развития. Но вторые приемлют Россию со всей ее историей. Если первые почти одно-

значно позитивно относятся к советскому, «сталинскому» периоду русской истории, то вторые более осторожны. Первые представляют просто неконкурентоспособные круги российского общества, вторые ориентируются на мелкую и среднюю национальную буржуазию. Эта школа, видимо, имеет будущее, хотя в ней немало устремленности в никогда не существовавшее далекое прошлое.

Растут ультра национализм и ксенофобия. Они мало представлены в формальной интеллектуальной сфере, но мощно присутствуют в блогосфере и общественном сознании. Лозунг – «Россия для русских», неприятие не только Запада, но и всего внешнего мира. Среди россиян, придерживающихся этих взглядов, особенно сильны настроения против «кавказцев», выходцев из Азии. Заметен и антисемитизм, ушедший из риторики националистов, в той или иной степени ориентирующихся на власть.

Пытается возрождаться неоимперская (она же не-советская) школа. Ее главный тезис: Россия не может существовать без империи. Смысл существования – в восстановлении бывшего Советского Союза, в том числе и с опорой на военную силу. Вокруг враги, война неизбежна, к ней нужно готовиться. Все силы на оборону, развитие армии и ОПК. Требуется огосударствление всей крупной частной собственности. Т.е. по сути, предлагается вернуться на путь военно-экономической мобилизации, который уже раз погубил страну (СССР). С этой школой власть заигрывает, но она малоперспективна, слишком очевидно нереалистична.

Все более явно растет популярность левых идей. Причина очевидна – нелегитимность крупной собственности из-за приватизации без права, несправедливость социальной и политической систем, слабость социальных лифтов для активной части населения. Отсутствие понятной и приемлемой для большинства стратегии развития.

«Новая левая» концепция еще не оформилась в самостоятельное течение, находится в тени «старых левых» – коммунистов. Ее мощно подавляют, но у нее, видимо, есть сильные перспективы. Три четверти российских граждан – за национализацию крупной частной собственности. При этом, что такое «крупная» – сформулировать никто не может. По опыту знаем: вся, что крупнее моей. Т.е. при полностью демократических выборах мы можем получить новую социалистическую революцию.

Либерально-западническое крыло политиков и интеллектуалов, не готовых к жесткой оппозиции, предлагает мечты о том, какой бы хотелось видеть Россию, и критикует власть за авторитаризм. Однако не обращает внимания на реальное состояние страны и народа, ориентируется на недостижимый идеал и только на продвинутое меньшинство.

Как и прежде, предлагается равнение на Европу. Но та потеряла часть привлекательности, находится в поиске самой себя. И теперь неясно, на какую Европу ориентироваться. Нынешнюю, отходящую от христианства в сторону политкорректных ценностей тотального равноправия и общества потребления? Или ту, что была раньше, – с динамичной социальной рыночной экономикой, элитистской демократией и без диктата меньшинств? Или на ту, что появится после глубокой адаптации в результате нынешнего системного кризиса?

Правое большинство «креативной» оппозиции предлагает только всеобщую демократию и почти тотальное отторжение власти, любых ее инициатив и бойкот тех, кто из соображений выгоды или разума готов к сотрудничеству с ней. Пока эта фронда, несмотря на высокое качество и уровень образования участвующих в ней людей, не предлагает никакой альтернативы политике властей или ее отсутствию. Поэтому и проседает. Правящие же верхи не предлагают ни очевидной стратегии развития, ни внятного идеологического проекта. Главное, хотя и несформулированное в официальной политике – умелое поддержание раскола элит и общества, их пропагандистское отвлечение от действительно важных проблем. Одновременно усиливаются элементы реакции и пока точечные, но все более расширяющиеся репрессии. Особую тревогу вызывает то, что, стремясь ограничить оставшееся от 1990-х гг. внешнее влияние на внутреннюю ситуацию, власть де-факто давит один из важнейших источников развития, – самостоятельные общественные организации граждан (СОГ), которые иначе еще называются НПО или НКО.

И все эти направления мысли пронизывает тотальный пессимизм.

Так что национальная идея нужна, нужна выработка в себе и восстановление духовной связи со своей страной. Необходимо преодолевать «хаос в головах» и самоедское недоверие, выработать в себе идентичность, устремленную в будущее, но основанную на реалистическом понимании своих слабостей и сильных сторон, своих корней.

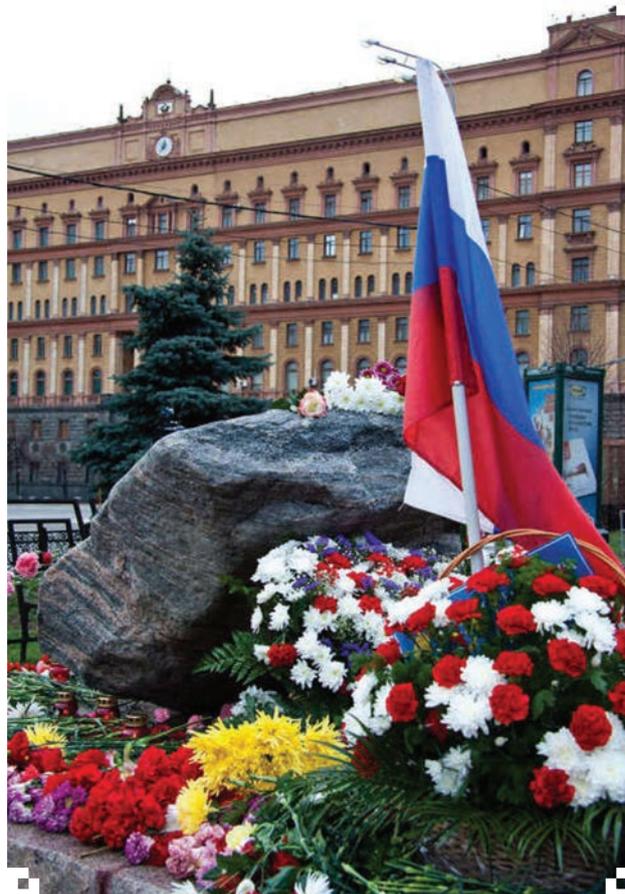
Толчок этим поискам и призваны дать дебаты на юбилейной сессии Валдайского клуба, который в десятый раз

На месте массовых захоронений под Воронежем

организуется РИА «Новости» и СВОП. Спорить будут в основном россияне. Иностранцы оценят реалистичность и уровень российских споров и поделятся своим опытом и проблемами. Ведь кризис, хотя и свой, идентичности испытывают почти все – и китайцы, и европейцы, и даже американцы.

Но для России проблема стоит гораздо острее – без понимания, кто мы и куда мы хотим идти, мы в лучшем случае обречены на уже начавшееся ослабление своих позиций в мире. А в худшем – выглядящем все более реалистичным – на повторение уже не рубежа 1970-1980х гг., а рубежа 1980-1990-х гг.

ОПРИЧНИНА ВМЕСТО ЭЛИТЫ

Александр Архангельский

Начиналось все, конечно, несерьезно. Как положено в таких делах. С карамазовской игры словами.

В первой половине нулевых богатые друзья публициста Леонтьева открыли под его имя московский ресторан. Под светлым добрым именем «Опричник». А гости вроде нынешних руководителей донбасского восстания Гиркина/Стрелкова и Бородая в этот ресторан наведывались. Чуть позже в администрации президента и правительстве был распространен «Проект Россия»: книга без имени автора и без указания издательства; метафора опричнины как современной политической модели тут проходила фоном, без детализации. Зато в полуромане бизнесмена Михаила Юрьева «Третья империя», о России образца 2054 года, поглотившей Европу, опричный мир был описан детально, с восторгом. (Кстати, Юрьева называют как среди тайных владельцев ресторана, так и среди заказчиков, они же исполнители «Проекта».) В ответ на «Третью империю» Владимир Сорокин сочинил свой «День опричника» и конвертировал беспечное слововерчение в политическую антиутопию.

До поры до времени все оставалось в аккуратных рамках; вы нам словесную угрозу, мы вам пламенное предупреждение. Никому же в голову не приходило, что в десятые годы XXI века можно будет поиграть в эпоху Грозного всерьез? Как в начале 80-х годов века 20-го, слушая громокипящие лекции Льва Николаевича Гумилева в Институте психологии о пассионарности, Великой

Степи и особых задачах Руси или читая робкие прогумилевские статьи философа Юрия Бородая, невозможно было и подумать о реальных исторических последствиях. О том, что из семейства младогумилевца Бородая выйдет твердокаменный борец за воплощение утопии, а в игрушечном обществе мужчинок-реконструкторов сформируется бесстрашный Гиркин. Который, прочитав роман «Доктор Живаго», повторит путь Патули Антипова. И как тот переименовался в Стрельникова, так этот станет Стрелковым. Тем более нельзя было предвидеть казус Приднестровья, который даст молодым интеллигентам, игравшим в литературные утопии, шанс обучиться военному делу, стать истинными партизанами. И опыт года 93-го, объединивший их надолго, если не навсегда. И Сербия с боснийскими чистками и американскими бомбардировками, которая довершит процесс воспитания.

Началось с литературщины, закончилось реальными боями. Так случилось и с темой опричнины. Примерно года с 2003-го (уж не знаю, по плану или нутряно, стихийно) политическая жизнь России стала строиться по некоей псевдоисторической модели; назовем ее «хороший Николай». То есть царственным ориентиром был Николай Павлович – после подавления Сенатской площади, но до наступления мрачного семилетия. Так, чтобы все было строго, во фронт, но победительно и без чрезмерного давления в системе. С оттяжкой. Правда, в 2008-м создатели этой модели вынужденно взяли паузу; тут же, разумеется, пошли разговоры про царя Ивана Грозного и назначенного им Симеона Бекбулатовича. Но сравнение с эпохой Грозного так и не получило массового распространения; как создатели «Опричника» ничего не имели в виду, кроме бизнеса и шуток юмора для ради смеху, так и либеральное злословие ограничивалось сатирической задачей. Высмеяли ситуацию, припечатали Дмитрия Анатольевича, дальше пошли.

Через четыре года прежний царь вернулся, а с ним возвратился николаевский флер; Поклонная гора и Манежная площадь – это вам не Александровская слобода. Правда, замечалось в политическом поведении старого нового лидера нечто непривычное, не связанное с образом «хорошего Николая». Он все реже опирался на системное начальство, на аппаратную структуру, на послушное партийное большинство, даже на товарищей из кооператива «Озеро». И все чаще демонстрировал, что никакой элиты нет вообще. Есть только лидер – и его народ. Олицетворяемый Народным фронтом, а не «Единой Россией», которую оставили в нагрузку младшему партнеру. Провода были вырваны из приборной доски и закорочены напрямую. Я и он. Без посредников. Иногда демонстрация прямого контакта принимала комические формы; вспомним про Уралвагонзавод и про «ребят» и «мужиков», делегированных из цехов в полпреды. Но это был эксцесс, чересчур символический жест. А в це-

лом новая модель не отрицала старой, она ее спокойно, незаметно вытесняла. Элемент за элементом, блок за блоком. Не спеша.

Первым, кто ощутил предвестие структурных перемен, кто испытал их на собственной шкуре, были люди в погонах. Года два с половиной назад чекистам запретили выезд за границу – за исключением служебных командировок. Ближайшей причиной называли неудачную вербовку одного из зампредов ФСБ. Но, видимо, это был только лишь повод. Примерно через полгода была дана негласная команда чиновникам высшего ранга забирать счета из-за границы и возвращать в родные банки. Потом последовал запрет на покупку домиков у моря – для депутатов, министров и прочих. Зазвучала формула «национализация элит». И многие сочли, что это первый шаг к закрытию границ. А уж когда случилась крымская история и начались ритуальные санкции, заговорили о давно продуманном и лишь теперь осуществленном плане. Тем более что и закон об иностранных агентах, и «закон Димы Яковлева», и новые правила регистрации второго гражданства и вида на жительство, и даже милостивая высылка Ходорковского – ложатся в политическую матрицу полузакрытия.

Конечно же, одно другому не мешает; есть желание полузакрыть границы, взять ситуацию на западном участке фронта под контроль, а затем через Великую Степь поскать навстречу вечному Китаю. Но истинный смысл воплощаемого плана, как мне кажется, совсем в другом. И цель его совсем не занавес, хотя бы и полупрозрачный. Полупрозрачный занавес – всего лишь средство, а цель заключена в строительстве другой модели. Не «хорошего Николая», а «улучшенного Грозного». Не в смысле Грозного – Кадырова, а в смысле Грозного – Царя.

В рамках этой модели все подчинено железной логике. Есть Государь, вознесенный над миром, Бич Божий. Справедливый, жесткий, умеющий изредка миловать, но пробивать на жалость не пытайтесь. Обращенный ко всем, кто готов.

По правую руку от него – нет, не элиты. То есть не бояре, пускай зависимые от царя, но опирающиеся на родовитость и богатство. А опричники. У которых отобраны многие привычные права, доступные обычным людям. Например, право свободного перемещения по миру. Или обладания заветным домиком у моря (если это, конечно, не Ялта). Но которым отдана свобода выполнять решения. Не потому, что знатный род, не потому, что имеются деньги. А потому, что – опричь.

Сюда же, в зону опричнины, попадают и российские сироты. Потому что эти дети – государевы. Им на Западе нечего делать, как

нечего делать чекистам, полицейерам, прокурорам и судейским. Вот тем, которые по леву руку, в земщине, тем можно. Как минимум – пока. Они не государевы, они под государством; почувствуйте разницу. Земских тоже будут ограничивать, причем системно, но гораздо мягче и разборчивей. Даже тех, кого считают национал-предателями и «пятой колонной», то есть меньшинство от меньшинства. Хочешь быть общественной организацией, получать иностранные гранты? Давай. Но сам нашей себе на рукав особый знак. Это унизительно, но не страшно. Посмотри, со своих мы спрашиваем много строже (правда, и спасаем, в случае чего). Хочешь иметь второй паспорт или вид на жительство? Вперед. Но самостоятельно явись и доложись по форме. И не спрашивай, при чем тут ВНЖ, который не влечет за собою никаких политических следствий, не предполагает клятв на верность государству и голосования на выборах, а только трудовые и житейские отношения. Не спрашивай и продолжай разъезжать. А если будет сочтено, что это вредно, мы найдем способ остановить тебя на границе. Но только если будет сочтено. А так вперед и с песней.

Тем более что основная земщина не состоит из мелких бунтарей и славного студенческого хипстерства; большинство сегодня со своим царем. А если что-то вдруг пойдет не так и завышенные ожидания не оправдаются (например, приходится сдавать Донбасс), опричные земским предложат веселый сюжет. Одним – поспорить о Сталинграде и Царицыне, другим – о Петербурге с Лениным в придачу, третьим, если это им неинтересно, подбросят нереализуемый законопроект о запрете продавать женщинам до 40 то ли алкоголь, то ли сигареты; понадобится, вспомнят о запросе прокуратуры про депутата Митрофанова и лишат его неприкосновенности. Причем, и это нужно подчеркнуть особо, никто не может и не должен знать, а что опричные об этом думают на самом деле и возможно ли в принципе подобное переименование. Потому что все решения про земщину – возможны. Все. И ни одно заранее не сформулировано.

В том и заключается принципиальное различие между положением опричных и земских, что у первых правила суровы, но они есть. Это нельзя. А это можно. И если можно, то никто не скажет «нет». У земских все гораздо ласковей, но правила плывут. Сегодня да, а завтра может быть, а послезавтра вам никто не обещал. И еще одно отличие – в месте и роли. Есть тысячи дел и проектов, которые могут быть реализованы лишь в государственном поле; от школьных до университетских, от музейных до библиотечных, про военные и политические не говорю. Тот, кто не пойдет в опричину, получит некоторую умеренную вольницу: в том, что касается личных дел. Но никогда не реализует серьезные замыслы, если они у него есть.

И наконец, за спиной Грозного царя – опасный Запад. На этом Западе нет опричных и земских; есть враги и есть прикормленные (а иногда и бескорыстные) союзники. Но там обязательно должен иметься свой Курбский. Не важно, какой, как зовут. Главное, чтобы слова произносил. Пока был жив Березовский, он считался этим самым Курбским. Не стало Березовского, отпущен Ходорковский, с жестким, связанным условием – не жить в России.

Конечно, я слегка утрирую; все куда сложнее и объемнее, есть и будут зоны перехода из земщины в опричину (но не обратно; обратно только через суд, позор и обнуление – о чем говорит нам обоюдоострый пример Сердюкова с Митрофановым). Однако ясно, что процесс идет, и в однозначно заданном направлении. Причем в опричники так просто не берут. Даже если ты славишь опричину сердцем. Меня трудно заподозрить в политических симпатиях к Чалому; взгляды его – диковатая смесь все того же недопереваренного Гумилева с недодуманным Иваном Ильиным. Но совершенно очевидно, что не человек жуликоватой внешности, не будем показывать пальцем, а именно Чалый был настоящим крымским харизматиком и лидером, ставящим свою судьбу на кон. Не потому, что выгодно, а потому, что правильно. Не потому, что посадят на обильные потоки, а потому, что правда – здесь. Так он ее понимает. Но именно Чалый был первым отставлен от власти; он – типовая земщина, он носит бороду и ходит на приемы в свитерах. В отличие от человека узнаваемо жуликоватой внешности; этот по рождению опричник, ему и песью голову на «бентли».

И Гиркин с Бородаем, если не погибнут, после поражения и возвращения на Родину пойдут себе на все четыре стороны, им песья голова с метлой не полагается. Может быть, и слава богу, но не в этом дело. Дело в том, что даже Дугин и Проханов – не опричники. А только временно приближенное земство. Первый может сколь угодно агитировать за евразийство, а второй участвовать в писании речей про «пятую колонну»; это не пропуск в опричину. Вот тебе медаль, сынок. Ступай.

В опричину берут лишь тех, кто ни на что не претендует. Для кого нет собственных мечтаний, только воля государя, изменчивая, как Божья гроза. А те, кто слишком близко принимает к сердцу даже эту волю, на роль человека с метлой не годятся.

Как долго продержится эта модель? До какой черты опричные готовы одобрять ограничения? Не знаю, мне их внутренний мир недоступен. Как будет вести себя земщина? Пока она в целом довольна; комплексу утрат противопоставлен фактор Крыма, экономические следствия не начались, а начнутся, так можно что-нибудь еще придумать. Например, велеть опричным всерьез поработать с «колонной», проредить ее и без того неплотные ряды. Что же до задавленного меньшинства, то ему уже даны фельдфебели в Вольтеры, Минкульт резвится на цензурном поле, депутат Яровая учит нас, какими должны быть учебники по литературе, аккуратно подвешен вопрос о Фейсбуке.

Вообще-то можно жить без поездок за границу. И без Фейсбука очень можно жить. И втихаря переиграть идиотскую мечту о едином учебнике – тоже можно. Но невозможно после долгих лет свободы вернуться в государство, которое по произволу может запретить и выезд, и соцсети, и разнообразие учебников. Тут ключевое слово – произвол, а не поездки и не интернет. Но другой опричная система не бывает. А начиналось все с игривых слов...

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ШАГ К УЗАКОНЕННОМУ БЕСПРАВИЮ

Кирилл Рогов

Совершенно очевидно, что сегодня Россия находится на одной из самых драматичных развилок своей постсоветской истории. Наиболее ярким отражением этого стал так называемый закон об «иностранных агентах».

Центральная идея закона построена на смешении и подмене понятий. Под «политической деятельностью» в законодательстве многих стран, и в российском в том числе, понимается деятельность, направленная на получение выборных должностей в органах власти или содействие кому-то в получении таких должностей, т. е., попросту говоря, участие в деятельности политических партий и предвыборных кампаниях (см. закон о статусе судей РФ, американский Hatch Act и проч.). Однако закон об иностранных агентах примешивает к этому традиционному значению еще одно, которое он определяет как участие «в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях».

Отметим, прежде всего, вопиющую юридическую безграмотность допущенной тавтологии: признаком «политической деятельности» объявлено участие в «политических акциях». А в целом здесь дано определение не политической, а общественной публичной деятельности вообще. Ибо общественная деятельность в большинстве случаев направлена на изменение проводимой государственной политики и формирование соответствующего общественного мнения. Она не связана с претензиями на получение властных полномочий, а потому ее легитимность опирается на конституционное право свободы мнения и высказывания.

Абсурдность совершенной подмены (общественная деятельность приравнена к политической) ясна уже из следующего абзаца закона об «иностранных агентах»: «К политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта и проч.».

Вдумаемся, почему в законе появилось анекдотическое определение, специально устанавливающее, что деятельность в области науки, искусства, здравоохранения и пропаганды физкультуры не является политической? Это произошло именно потому, что формулировки предыдущего абзаца позволяют интерпретировать эти виды деятельности как политические.

Зачем же понадобилось сначала расширить толкование понятия «политическая» до безбрежных пределов, а затем путем перечисления исключать из него различные виды общественной деятельности? Ответ очевиден: такая конструкция позволила приравнять к политической деятель-

ности деятельность правозащитную. Именно это и есть цель юридически несостоятельных и, по сути, абсурдных пируэтов новейшего законотворчества.

Оговоримся, что обычные в этом месте ссылки на американский закон FARA совершенно несостоятельны, как уже не раз было отмечено. Формулировки закона в редакции 1938 г. действительно были расплывчатыми. Именно поэтому в 1966 г. были приняты поправки, призванные разграничить лоббистскую деятельность в интересах иностранного юридического лица и деятельность в общественных интересах. После чего предметом регулирования FARA стала узкая сфера профессиональных лоббистских организаций, занимающихся продвижением в органах власти США интересов различных иностранных организаций и правительств, а не общественные организации, действующие в интересах граждан.

Итак, закон сначала фальсифицирует понятие «политическая деятельность», а затем связывает его с другим понятием — «иностранный агент», которое в русском языке (о чем тоже не раз было сказано) имеет устойчивые ассоциации и восходит к временам тоталитарной диктатуры, где оно использовалось для оправдания политических расправ — расправ с несогласными и неугодными, которые объявлялись «иностранными агентами», «наймитами» и «шпионами», что позволяло криминализовать (объявить вне закона) их политические, идейные или религиозные убеждения.

Использование политического ярлыка в качестве юридического термина — это крайне опасный прецедент, это новый принципиальный шаг к деградации права как такового, превращению его в узаконенное бесправие. Именно на такой подмене юридических понятий политическими ярлыками строилось «право» в тоталитарных обществах, где оно служило оправданием политического террора. Эта подмена позволяет рассматривать данный «закон» в качестве прямого реликта тоталитаризма и сталинизма, попытки возрождения их практик.

То обстоятельство, что закон об иностранных агентах имеет своей целью приравнять правозащитную деятельность к политической, ограничить возможности правозащитной деятельности, монополизировать источники ее финансирования, некорректность и абсурдность его формулировок, использование в законе политических ярлыков под видом юридических терминов позволяют утверждать, что сам закон является не юридическим, а сугубо политическим документом.

Это попытка политизировать законодательство, приспособить его к нуждам определенной политической группы.

Тот факт, что первыми мишенями закона стали ассоциация «Голос», ставящая своей целью защиту избирательных прав граждан, «Мемориал», главной целью которого является сохранение памяти о жертвах сталинских репрессий и де-сталинизация общественной жизни, российское отделение Transparency International, международной организации, действующей в большинстве стран мира и ставящей своей целью борьбу с коррупцией, наконец, «Левада-центр», старейшая и одна из наиболее авторитетных российских социологических служб, вполне ясно указывает на круг политических целей, которые преследует так называемый закон.

Надо отдавать себе отчет в реальном смысле этого акта: он призван ограничить возможности граждан по защите своих прав. Он направлен на то, чтобы поставить возможности по

защите гражданами своих прав под контроль самих государственных органов. И в этом он противоречит основам конституционного строя и здравому смыслу.

Сложившийся в России в последние 10 лет режим — это режим авторитарный, в том смысле, что власть не избирается на свободных и конкурентных выборах. Ограничивая права граждан на полноценное политическое участие, ограничивая их политическое равноправие, этот режим, однако, не посягал на само право граждан защищать свои права. Эти права не были защищены и обеспечены государством, однако их защита самими гражданами не была криминализована.

Закон об иностранных агентах обозначает новый принципиальный шаг в деградации политического режима — его трансформацию в политическую диктатуру. Именно диктаторские режимы заинтересованы в приравнивании правозащитной деятельности к политической, потому что их существование неотделимо от систематического нарушения прав граждан и преследования тех, кто пытается эти права защитить.

Так называемый закон об иностранных агентах — это первая попытка на законодательном уровне ограничить автономию общества и автономию личности, основанную на представлении о неотчуждаемости базовых прав человека. За первым шагом неизбежно последуют следующие. Если ассоциацию «Голос» можно объявить иностранным агентом на основании полученной (и не принятой) премии (причем сам факт наличия премии является единственным и достаточным доказательством), то почему нельзя объявить иностранным агентом любого гражданина, имеющего те или иные связи с зарубежными организациями, недвижимостью, гражданство, родственников и проч. И многие законодательные и подзаконные инициативы последнего времени обозначают движение по этому пути. Стоит осознать серьезность брошенного стране вызова.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ВОЗВРАТА В ПРОШЛОЕ

Александр Рубцов

«Что-то воздух какой-то кривой / Так вот выйдешь в одном направлении / А уходишь в другом направлении...» – сказал поэт Дмитрий Александрович Пригов.

Российская политика шокирует прогрессивную общественность новым открытием обратимости политического времени. Страна разворачивается вспять, гальванизируя идеи, представления, отношения и способы общественной жизни, казалось навсегда оставшиеся в советском прошлом. Попробуем разобраться: есть ли будущее у демаршей в прошлое вообще и у этого нашего демарша в частности?

Феноменология регресса

Такой зачин может быть заранее воспринят как крамольный: в постсоветском человеке близко не изжит истматовский прогрессизм, хотя и лишенный безоглядного исторического оптимизма. В этой логике всякое «вперед» однозначно позитивно, а всякое «назад» – наоборот. Слово «регресс» здесь ругательное, даже для консерваторов.

Однако зачем пенять на зеркало, если именно в этих тонах нынешний режим заказывает себе идеологический автопортрет? После «яркого» эпизода, когда о преодолении отставания, о модернизации, смене вектора и прорыве в будущее в нынешнем «политбюро» говорили едва ли не чаще, чем в СССР, эта риторика сейчас вдруг оказалась практически изгнана из идеологического обихода. Когда начинают говорить об идентичности и скрепах, всегда подразумевают, что все это надо восстанавливать, причем не откуда-нибудь, а

именно из славного прошлого. Традиционализм как официальная идеология автоматически оборачивается антипрогрессизмом. А зря. Страны, на полном ходу врывавшиеся в современный мир, не теряя связи с традицией, все же были более озабочены обеспечением броска, нежели идентичностью и кодами, которые от избыточной культивации только хиреют. Когда говорят: «Давайте веселиться!» – веселье, как правило, прекращается.

Отдельная благодарность адептам антизападничества и антиевропеизма – идейных течений, которые по определению (и вполне заслуженно) воспринимаются как антипрогрессистские, как идеология исторического реверса. Со всеми вытекающими.

И наконец, множество точечных символических действий власти – например, в направлении ползучей рестализации: заходы на обратное переименование Волгограда, блокирование проекта «Последний адрес», посвященного памяти жертв репрессий, и проч. На очереди единый учебник, а там Набережные Челны, Рыбинск, Ижевск?

Все это и многое другое прямо указывает на разворот, причем уже не стыдливый, не прикрываемый прогрессистской риторикой, а демонстративный, идеологически оформляемый. Зачем это нужно нынешней власти – вопрос отдельный, но приходится признать, что в историю метаний отечественной идеологии эти годы войдут как эпизод явно-го и почти крутого реверса. Для этого все сделано нашими якобы традиционалистами, и это тем более пикантно в связи с проблемой будущего жизнеописания и своего места в «учебнике истории», явно занимающей нынешнее руководство. Ему это надо?

Традиционализм и конфронтация: разъединяющие скрепы

В этой связи интересно вспомнить, что идеология модернизации, смены вектора и проч. была недавно вполне консолидирующей. Никто не призывал законсервировать технологическое отставание, зависимость от импорта сырья, от экспорта товаров и технологий. Никакие моралисты не выступали против инноваций, РПЦ не третировала «экономику знания». Но главное, эта идеология более или менее интегрировала наиболее активный и образованный сегмент общества, даже ту его часть, которая была настроена критически, а то и вовсе враждебно к режиму. Иногда людям хватает, чтобы хоть что-то брезжило. Были предупреждения, что это обманка, но в целом идеологема срабатывала. Одни реагировали по схеме «я сам обманываться рад», другие, хотя и будучи консерваторами, брали под козырек, как и положено всякой охранительной лояльности.

Традиционализм в нынешнем его исполнении – лишний повод и инструмент идейного раскола общества. Он окончательно отрезает от власти большую часть активных, самостоятельных и образованных, переводя их в жесткую оппозицию. При этом традиционализм вряд ли всерьез

консолидирует остающихся лояльными. Их согласие с модернизаторами вчера, а сегодня с консерваторами в том же лице указывает скорее на пассивный конформизм. Традиционализм консолидирует не «моральное большинство», как принято считать, но агрессивное меньшинство в «болоте», вдруг почувствовавшее свой час, вылезшее из всех щелей серого небытия и бросившееся учить морали соотечественников и весь греховный мир. Поскреби нашего моралиста — и увидишь лузера.

Это соответствует политической модели, в которой власть ставит крест на отношениях с активным и критически настроенным меньшинством, перестает с ним заигрывать и даже хоть как-то на него оглядываться. При этом она делает все, что хочет, а отнюдь не только то, чего хочет «большинство», теперь уже вовсе не стесняясь дискредитации в глазах тех, кого Владислав Сурков под впечатлением от первых публичных протестов назвал «лучшей частью общества». Если большинство консолидировано пафосом «крымнашествия» (что, как известно, по действию ограничено во времени, как эффект шампанского), это не значит, что здесь срывается именно регрессивный традиционализм. Это идеология узкого слоя всплывающих со дна, символ веры морализирующей дикости. Даже когда с традиционализмом начинают заигрывать деятели культуры, все портят нескрываема конъюнктурность и желание, угадав госзаказ, забежать впереди паровоза. В итоге это портит образ правления и сейчас, и на будущее.

Стрелы времени в эпоху постмодерна

В физике все просто. Стрел времени три: термодинамическая (энтропия нарастает), космологическая (Вселенная расширяется) и психологическая (разбитые чашки не взлетают обратно на стол, и фаянсовые заводы продолжают работать). В философии истории сложнее.

Постмодерн отказался от идей направленного кумулятивного прогресса. Некоторый прогрессизм оставлен за наукой (и то уже далеко не линейный) и за «технической стороной техники» (контрольные показатели растут, но однозначность технического прогресса давно под вопросом). О прогрессе моральном, социальном, политическом и проч. говорить в приличном обществе теперь не принято.

Когда в России распрощались (как тогда казалось) с наиболее одиозными проявлениями тоталитаризма и посттоталитаризма, это было время не вполне обоснованной эйфории. В представлениях об историческом времени конкретные значения оказались вычищены, но сама формула осталась. Коммунизм не привел в светлое будущее, его убрали с пути, но путь в светлое будущее остался, хотя бы и в антикоммунистическое. Реакция наступила довольно быстро, отчасти и с ностальгией, но в целом это было недовольство неправильным движением в будущее, нежели готовность всерьез двинуть назад.

Теперь люди на своем опыте убеждаются в «исторической правоте» постмодерна: все слишком обратимо, «стрелы» нет, а если она и бывает, то быстро ломается. Это повод для фрустрации: дело уже не в том, что ненадежной оказалась десталинизация последних двух десятилетий. Теперь все позитивное, если и случится, будет воспринято как ненадежное и хрупкое. Складывающееся положение и вовсе вписывается в мрачную логику исторического пессимизма.

Знаю немало людей, более страдающих не от того, что происходит, а от перспективы «так и умереть во всем этом».

Однако график большой истории, при всех срывах и возвратах, все же дает некоторые основания для другой логики. Постмодерн отверг примитивный прогресс, но теперь уже и сам задержался на этом свете: все интереснее перспективы выхода из постмодернизма. И здесь вновь проступают контуры «стрелы» (или «оси») времени, но уже поверх разнонаправленных колебаний, в качестве общей результирующей.

В прошлом веке, в эпоху высокого модерна и «на пике прогресса», мир не раз срывался в дику архайку, какой к тому времени, казалось, уже давно не могло быть. После Второй мировой делалось все возможное, чтобы впредь такого не допустить, желательно в зародыше. С тех пор было немало свидетельств, что проект состоялся далеко не во всем. Однако одного только информационного и технического оснащения эмансипации личности достаточно, чтобы увидеть здесь и сильные факторы необратимости. Плюс глобализация. Развороты возможны, но уже куда более поверхностные, чем прежде. Во всяком случае, убедительной идеологии процветания традиционалистской России в модернизирующемся мире пока не видно. Если, конечно, без пиратской «сомализации».

Сейчас интересный момент. Попытка разворота покажет, насколько и какой глубины он вообще возможен, к чему это в современном мире приводит и как можно снова выходить на общую трассу с минимальными потерями для собственного лица и с нарастающим дефицитом времени.

Однако даже из самых общих соображений следует, что идейно-политические реверсы в истории редко бывают слишком затяжными, а тем более необратимыми. Идеологи нынешнего традиционализма выдвигают в защиту своей схемы все, кроме убедительных исторических аналогов успешного реверса в современном контексте. В этом новом стремительно меняющемся мире консервативная Россия будет «как кто»? Или это будет какое-то радикально новое геополитическое новообразование, распродающее свои недра и паразитирующее на чужих технологиях, пугливо затыкающее рты несогласным, но пытающееся учить морали едва ли не человечество? При том что собственный морализм не идет дальше разглядывания срамных деталей на деньгах, запрета на интимные кружева и лексическую основу родной идентичности. Плюс поход против балеток и кефов, по колдкам ничем не отличающихся от лаптей — символа нашего исторического плоскостопия.

Государственные идеологии часто ориентированы вовсе не на массу. «Самодержавие, православие, народность» — эта уваровская триада скорее обеспечивала кодекс служения в конструкции государства. Вряд ли сейчас такими идейными находками могут вдохновляться системные, работающие элиты, в частности верхушка аппарата и реальный (в том числе теневой) политический актив. Это все же люди с мозгами и вкусом. Считается, что и там многих шокируют некоторые экстремальные политические инициативы начальства, но срываются два фактора: «некуда деваться» и почти мистическая вера в способность лидера выходить из любых положений. Но это вера зыбкая, в таких ситуациях опаснее всего сигналы в духе «Акела промахнулся!». Но тогда тем более ни к чему связывать себя с самодеятельностью унылых чудиков, уже явно обозначившей большой идеологический промах.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ СВЕТЕ МАЙДАНА

Ольга Седакова

При свете Майдана российское общество (не власть, а общество) выглядит позорно. Слово жесткое, но мягче я не скажу. Это, естественно, мое личное мнение, и очень немногие в России со мной согласятся. Многих – и многих из тех, кого обыкновенно относят к интеллектуалам и «либералам», – оскорбит само название этих заметок: свет Майдана! Костры Майдана, чад Майдана, в лучшем случае, драма Майдана – это бы их устроило. То, что я знаю о Майдане, знаю от моих дорогих друзей, которые прожили эти месяцы на Майдане, знаю из прямых трансляций с места событий, знаю по откликам В.В.Сильвестрова (а чувству реальности великого художника я верю больше много другого), – все это заставляет меня говорить о свете Майдана. Я имею в виду, естественно, мирный и упорный в своей мирности Майдан, а не выходки маргиналов, на которые у нас обращено основное внимание.

Прежде всего, это свет преодоленного страха. О победе Майдана как о победе над страхом пишет К.Сигов. Когда я все это время читала ленту с размышлениями моих просвещенных соотечественников о событиях на Украине (их темы я в дальнейшем попробую перечислить) у меня почему-то вертелись в уме стихи Т.С.Элиота из «Четырех квартетов» – о «мудрости стариков». Я помнила эти стихи смутно:

*Do not let me hear
Of the wisdom of old men...*

Я поняла, почему это вспоминается, когда перечла все (дальше в моем переводе):

*Не говорите мне
О мудрости стариков – лучше об их дури,
Об их страхе перед страхом и яростью,
их страхе обладать,
Принадлежать другому, или другим, или Богу.*

Дело не в том, что наши комментаторы – старики, а в том, что единственная мудрость, из которой они исходят, – это мудрость страха. Событие преодоления страха – Майдан – видится глазами людей, не вышедших из состояния страха. Они видят не то, что есть, а то, что может за этим последовать (а хорошего, понятно, не следует).

Ж.Нива писал о Майдане как о возможности нового дыхания для Европы, которая, после двух травм двадцатого века, нацизма и коммунизма, живет компромиссом и уже не имеет идеалов. Он писал об этой возможности как о мало вероятной. Нового вдохновения противостояния злу он не ждет. Европа исходит из компромисса

как возможности в том числе и душевного мира. Страх любого энтузиазма слишком прочен. В России он еще крепче. Свет Майдана – это и свет надежды. Надежда на нечто другое, чем мы уже видели, представляется безумной. Вспоминаются прецеденты: за Февралем последует Октябрь (самый частый аргумент), иначе говоря, за идеалистическим этапом революции – диктатура и террор. И дальше – гражданская война, распад страны... Так, как бояться революции в России, наверное, нигде не бояться. И у нас есть основания предпочитать все, что угодно, войне и революции. Опыт поколений. Но надежда действует вопреки всем предысториям и основаниям. Такой надежды в России нет. Мы чувствуем себя в каком-то поезде, который летит, куда его направляют, не спрашивая нас, и всё это очевидно не в наших руках. Российское общество, пережившее свою снежную весну в 2011, подавлено, как никогда.

Свет Майдана – это и свет солидарности. О чудесных проявлениях этой солидарности мы читали вести с Майдана. Эта солидарность не знала ни сословных, ни национальных границ. В России опыта солидарности нет, и в прошлом почти не бывало. Как-то, семь лет назад, я писала об этом и не буду повторяться. С тех пор изменилось не многое, но изменилось: растут новые формы волонтерства, общих гуманитарных действий, прежде у нас неизвестные.

Свет Майдана – это и свет реабилитированной человечности. Российский интеллигент живет в атмосфере глобальной иронии, глубокого скептицизма и цинизма. Высокие, «пафосные» формы поведения и выражения заведомо не внушают ему доверия. Огромная площадь, которая с воодушевлением поет вместе национальный гимн, читает «Отче наш» – это не вмещается в представления о том, что «актуально» и «современно». Можно встретить реплики, где украинские события описываются как «архаичные» и «несовременные». Еще бы! Актуальное у нас – это злой гротеск и клоунада.

Еще один повторяющийся мотив у тех, кому не нравится Майдан, – сложность. Все не так просто, напоминают нам, абсолютного зла и абсолютного добра не существует... И те, и другие правы и неправы, главное – пусть живут дружно. Дружба с откровенными ворами? Что же, скажут мне, и те неизвестно что будут делать, когда дорвутся до власти. Эта позиция непроясняемой «сложности» подтверждается рассказами о том, что и

те делают нечто жестокое, и эти... приводятся факты, преимущественно о «тех». Моральный агностицизм – это наше наследство. До сих пор отказываются сказать определенно, «хорош» или «плох» сталинизм. Я ограничиваюсь обзором реакций интеллигентов. О тех, кто говорит о «еврофашизме», «бандеровцах» и т.п., не хочу говорить. Таких, боюсь, подавляющее большинство. Будем считать, что они жертвы официальной «информации». Вероятно, слушать одни и те же слова изо дня в день не проходит без последствий. «Информационная война» официальной пропагандой несомненно выиграна. Только на одном из этих общераспространенных мотивов я задержусь, потому что он посложнее, чем «фашизм» и «антисемитизм» Майдана. Это русофобия.

Выступления против собственных клептократов и практиков того стиля жизни, который условно назовем «сталинизмом» (то есть, государства, в котором власть ничем не ограничена, не отвечает перед собственным населением и не информирует его о своих предприятиях, а подданный должен быть ей «беззаветно предан») воспринимаются как «антирусские» акции. И это, к сожалению, не простой вопрос. Такой режим поддерживается из Москвы, к такому режиму – все более концентрированному – движется Россия. Окончательного разделения «русского» и «советского» у нас не произошло. Люди Майдана предприняли попытку расцезь «украинское» и «советское». Таких попыток, как мы видим из последних событий, не прощают.

УКРАИНА ВОШЛА В НАС

Владимир Сорокин

Украинская революция, которая состоялась в феврале на киевском Майдане Независимости, породила цепь необратимых событий не только для своей страны, но и мистически поспособствовала событию, которое еще более необратимо в своих последствиях: Россия забеременела Украиной. Сине-желтое семя Майдана, кроме взрывов свето-шумовых гранат, вспышек бутылок с зажигательной смесью и свиста снайперских пуль, совершило мужское деяние. Россия, сидящая перед раскаленным телевизором в течение этого горячего месяца, была оплодотворена. В огромном теле России зашевелилась новая жизнь: свободная Украина. Правители были охвачены ужасом, либералы завистью, националисты ненавистью.

Но такого быстрого развития событий не ожидал никто, ни Кремль, ни народ. Плод рос, каждый день он заполнял все больше медиа-пространства. Киевская революция околдовала Россию и напугала ее. Внутренняя жизнь материнского организма замерла, как это обычно бывает в таких случаях, и подчинилась большому физиологическому процессу. Что может противостоять беременности? Как говорят женщины в такой ситуации: моя жизнь разделилась на «до» и «сейчас».

События русской жизни, новости об экономике и преступлениях – все остановилось, как будто остановили фильм. Все многообразие российской жизни ушло на задний план и стало безнадежно прошлым. Будущее было только там, на Украине. Население цитировало украинские выражения и имена киевских политиков. Провинциальная Украина, о которой обычно снисходительно упоминали в путинской России, вдруг стала невероятно стильной и современной, а огромная Россия, наоборот, безнадежно отсталой, неуклюжей и провинциальной. Реакция общества был яростной: «Мы завидуем украинцам, они подают нам пример!», «Украинская революция это анти-русская провокация Запада!», «Это бомба, которая взорвет Россию!» ,«Украина стала нашим врагом!»

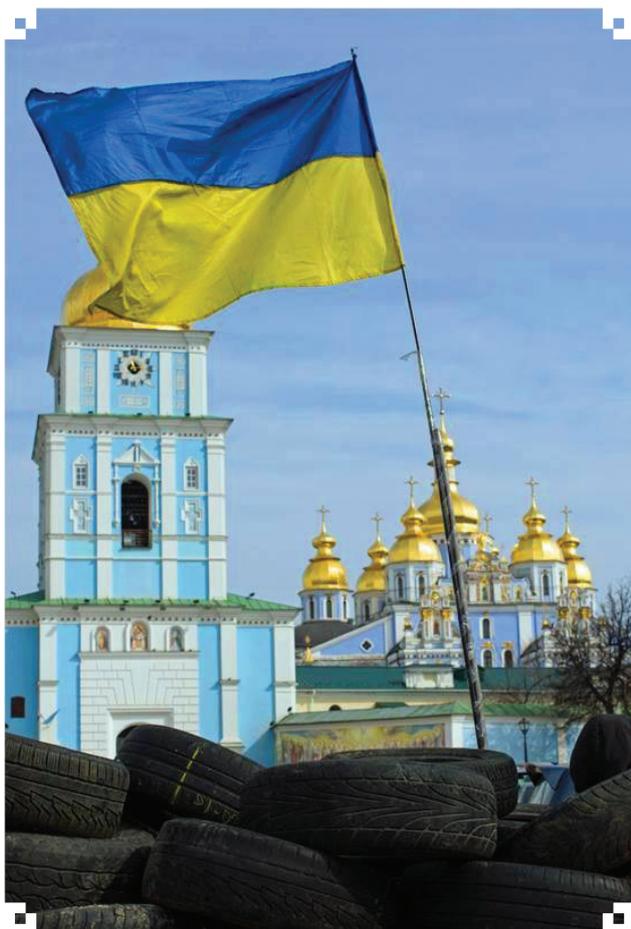
Плод рос и рос и заполнял все больше и больше места. Каждый день приносил что-то неожиданное. Материнский организм начало лихорадить. Озноб свалил общество. «Украины нет, не было и не будет! Это провинция Большой России», – кричали правые политики. «Украина является зеркалом для путинского режима», – ставили диагноз политологи и поправляли свои очки. «Пора эмигрировать в Украину», – бормотали демократы. «Мы должны защищать русских там!», – решили националисты и жали кулаки.

Известно, что беременные женщины иногда испытывают тягу к сырому мясу. И смотрите, откушен кусок живого мяса – Крым. Шлифованные постимперские зубы могут отгрызть кусок, но прожевать сил не хватает. Он застрял в горле России. Экономисты гарантируют – Крым в любом случае останется проблемным и дотаци-

онным регионом. Как это переварить? Сколько миллиардов надо ему каждый год? Сейчас это остров. Сделать его игорной зоной! Построить Большой Русский Мост китайскими руками? Заставить чиновников провести там свой отдых! Как Сталин завещал! Превратить Крым в военную базу! А как насчет нелояльных крымских татар? Опять депортировать? Кружится голова. Как можно вообще дальше жить, если внутри бодается украинский инопланетянин?

Наконец последовала реакция Кремля, мозга материнского организма. Она была твердой, как сталь: аборт! Избавиться от ненавистного, опасного, нежелательного ребенка! Аборт назвали «Русская Весна в Украине». Сепаратисты, диверсанты, партизаны, авантюристы и провокаторы должны это сделать. Операция началась на юго-востоке Украины без специальной дезинфекции и с помощью не особо новых, не особенно чистых хирургических инструментов. Роль анестезии выполнял телевизор. Русское телевидение перегрелось: «Мы должны защищать русско-говорящее население против фашистской хунты!», «Наши братья зовут нас на помощь!», «Донецк и Луганск – столицы русской цивилизации в Украине», «Мы должны бороться против украинских либерал-фашистов, как когда-то наши деды и отцы!», «У наших патриотов священная обязанность защищать русских в Украине!», «Америка хочет занять Украину с помощью либеральных фашистов Украины!»

Зазомбированное телевидением население побежало по улицам с распахнутыми в ужасе глазами. Везде ему мерещились украинские «либерал-фашисты», которые тянулись к российскому горлу. Но телеистерия породила также и шутки. В русскоговорящей Одессе две женщины, сидя в кафе: «Сара»,- говорит одна, -«мой Абрам больше не говорит по-русски принципиально». «Почему?» «Он боится, что русские придут, чтобы защитить его».

От зрелища невозможно оторваться. В то время, как телевидение накалялось, разогревались также и головы. Вопль русских политиков и государственных деятелей, дескать, надо быстро вторгнуться в Украину и занять Киев, стал обычным явлением. Но, несмотря на передозировку анестезии, похоже, что аборт не удался. Младенца из чрева не достать. Теперь каждый русский будет носить с собой Украину. Украину, которая действительно хочет стать свободной и независимой.

«Почему я должен начать каждый день с ново-

стей из этой Украины?» – негодует друг. «Каждый день она проникает к нам в глаза и уши!». «Я не могу поверить, что Россия и Украина фактически ведут войну друг против друга», – говорит другой, – «это напоминает страшный сон.» «Мы, русские, все сидим в огромном театре, где на сцене показывают пьесу «Украина». И невозможно уйти из театра!» – шутит горько третий.

Недавно показали восхитительный выпуск российских новостей в духе великого Гоголя: «8 июня в Петербурге на Невском проспекте был арестован высокопоставленный государственный чиновник в неприличном виде. Он был с портфелем, но без штанов. Как потом выяснилось, это был глава аппарата заместителя мэра. Его доставили в больницу, где он, по словам врачей, бормотал в бреду только одно слово: «Луганск».

Это будут трудные роды.

Итак, Украина вошла в нас, мы все носим ее: бездомные и олигархи, политологи и фермеры, домохозяйки и игроки. Когда Путин летел в далекую Бразилию, он нес Украину в себе. Она мешала ему смотреть футбольный матч. Верховному Главнокомандующему Донецкой Народной Республики, Стрелкову, она мешает восстанавливать Российскую империю. Оператору воздушной системы обороны «Бук» мешал самолет на украинском небе. Поэтому он выстрелил ракетой в самолет. Падение «Боинга 777» – это болевой спазм, который обещает страшные и необратимые последствия.

Россия беременна Украиной. Роды неизбежны. Все еще впереди: нарастающие боли, разрыв пуповины, первый крик новорожденного. Младенец получит хорошее имя: Прощание с Империей. Будет ли его детство счастливым? Никто не знает. Многие искренне хотят, чтобы он рос здоровым.

А как насчет матери? Ей предстоят тяжелые роды с осложнениями. Справится ли ее организм?

ИГРА СЛОВ: КАК СОЗДАВАЛИ ОППОЗИЦИЮ

Михаил Ямпольский

Меняем имена

Разнообразные символы множатся в российском пространстве. Это не только разные ленточки, но и всевозможные имена, как сказал бы Якобсон – означающие, лишенные означаемого: фашисты, бандеровцы, пятая колонна и т.д. Все, впрочем, знают, о чем я говорю, и могут легко продолжить этот список. Эти слова задействованы государственной пропагандистской машиной, и смысл их употребления ни для кого не секрет.

Есть, однако, странные манипуляции с именами, которые как будто поддаются интуитивной интерпретации, но смысл их до конца не понятен. Вот, например, недавняя эпопея с референдумом по поводу переименования Волгограда в Сталинград. Зачем это нужно Путину, которого и так каждый день сравнивают с Гитлером? Что ему захотелось прислониться и к Сталину? Для чего ворошить этот труп? Вот объяснение этой символической манипуляции, придуманное Глебом Павловским: «Проводя менее агрессивную линию в отношении Украины, взяв курс на дезэскалацию этого европейского конфликта, Путину приходится чем-то кормить ожидания нового крымского большинства, ориентированного на имперский дискурс, которое хочет побед и триумфов. Переименование Волгограда в Сталинград – компенсация за несостоявшуюся Новороссию». Честно говоря, я не очень понимаю, как такое переименование компенсирует дезэскалацию агрессии в отношении Украины (если таковая вообще имеет место).

Лев Рубинштейн связывает переименование с возвращением в хорошо знакомое прошлое и вполне уместно поминает возвращение к зимнему времени. «Ага, «а вернулись мы назад, а вернулись в Сталинград». Ну ладно, еще не вернулись. Только пока собираемся», – суммирует он происходящее. Верно, конечно, что главным идеологическим вектором развития России стало не движение вперед, а бег назад. Но почему это произошло? Что вдруг заставило власти решительно откатиться от будущего?

Любопытно, что горячка с именами городов охватывает не только Волгоград/Сталинград. Вот, например, Ксения Собчак сообщает в своем блоге, что у нее возникли сложности при смене ее российского паспорта: «...в российском у меня, видите ли, стоит «город рождения – Санкт-Петербург», а не «Ленинград». На мой вопрос, как же я до этого с 16 лет получала немыслимое количество загранпаспортов без всяких придинок, девушка в паспортном столе резонно ответила: «Сейчас времена изменились». Что правда, то правда. И вот я звоню своему секретарю, прошу помочь поменять российский паспорт. А потом сажусь и думаю. И даже не могу объяснить почему, но просто вдруг отчетливо понимаю, что я не хочу, чтобы в моем паспорте стоял «Ленинград». Не хочу, чтобы туда пусть косвенно, но проник надоевший с октябрьских времен «дедушка Ленин».

Топонимика вызывает довольно сильные эмоции у людей, которые придают ей почти магическое значение. Собчак не хочет в Ленинград, как будто изменение топонима в ее паспорте втягивает ее в иное пространство и время. Магия имени сегодня проявилась в анекдотической инициативе самопровозглашенного (а ныне, кажется, свергнутого) мэра Славянска Пономарева, который предложил переименовать Славянск в Путинск. Вот как мотивируется такое переименование: «Здесь далеко ходить не надо, стоит лишь вспомнить Сталинградскую битву, которая стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной. Тогда все понимали, что главнокомандующий Советской армией Сталин не позволит, чтобы город, названный его именем, был взят вражеской армией. Так же и здесь – стоит лишь правильно переименовать населенные пункты, и это повлияет не только на боевой дух ополченцев, но и на их поддержку со стороны Владимира Владимировича. Если раньше Путин публично дистанцировался от нашей борьбы, то теперь он это сделать не сможет, ведь это теперь непосредственно затрагивает его эго», – заявил на пресс-конференции Пономарев. Не знаю, можно ли верить этой информации. Но даже если это апокриф, он вполне вписывается в русло сегодняшних манипуляций с именами.

Изобретение ереси

Каков смысл всей этой причудливой и как будто бессодержательной семиотики? Мне кажется, она необходима для конструирования и одновременной изоляции так называемой оппозиции. Следует отчетливо понимать, что в момент первых массовых выступлений конца 2011-го – начала 2012 года никакой оппозиции не было, хотя о ней мгновенно заговорили. Была масса горожан, возмущенная фальсификацией выборов, а также некоторыми типичными чертами российской государственности – отсутствием правосудия, криминальностью власти и силовых структур, казнокрадством. Но это недовольство никак нельзя было назвать оппозицией. Дело в том, что в стране невозможно найти людей, которые бы убежденно выступали за фальсификации, криминал, воровство и правовой беспредел. Никакой оппозиции не было потому, что в требованиях протестующих вообще не было ничего, с чем могло бы не согласиться абсолютное большинство граждан. Практически все. Понятие оппозиции было, однако, мгновенно вброшено в сознание, и начались долгие и бессмысленные разговоры о том, например, что у нее нет лидера. Какой тут возможен лидер? Главная задача власти была представить массовый протест как выражение мнения меньшинства, которому был приклеен бессодержательный ярлык оппозиции. Но если придумана оппозиция, необходимо найти различие между выходящими на Болотную и мнимым большинством населения. Помните эти жалкие попытки организовать из бюджетников контрмитинги путинского «большинства»? И именно тут начинают играть свою роль символы и означающие. Именно с помощью имен производилась и производится символическая дифференциация оппозиции, которая думала то же самое, что все население страны, то есть ничем не отличалась от большинства. Чтобы мои доводы были нагляднее, я позволю себе обратиться к истории раннего христианства, которому мы обязаны риторикой и практикой такого символического расслоения общества.

Раннее христианство столкнулось с ситуацией борьбы за контроль над церковью разных христианских течений. При этом ясного способа выделения того или иного направления как единственно верного не было, как не было и унифицированной церковной институции. Именно ранние апологеты церкви придумали символическую операцию отделения правильных христиан от неправильных, которые получили наименование еретиков. Само понятие ереси было изобретено именно в этот период, потому что язычество с его религиозным синкретизмом не было с ним знакомо. В Греции было принято понятие *hairesis* – оно прикладывалось к некоей целостной доктрине, имевшей основателя и разделявших ее последователей. Понятие это не имело никакого негативного оттенка, который ему стали придавать церковные полемисты. Раннее христианство состояло из людей, веривших в Христа Спасителя, Божью благодать и иные фундаментальные догмы. Как было отличить правильных от неправильных? Изобретение ереси выполняло именно функцию дифференциации и заодно служило постепенному формированию церковной ортодоксии. Я думаю, и в России создание оппозиции одновременно служит формированию государственной ортодоксии, которой до этого не существовало.

Можно выделить несколько риторических приемов отделения ортодоксии от ереси, приемов, действующих и по сей день, в том числе и в России. Существенно, что вся эта риторика в значительной степени избегает доктринальных аргументов по существу. Так и в России невозможно критиковать недовольных за то, что им не нравятся фальсификации и произвол. Тертуллиан, сыгравший основополагающую роль в оформлении идеи ереси, предупреждал о необходимости избегать споров по существу и обсуждения с противниками Писания: «Стало быть, не следует взывать к Писанию; не следует состязаться там, где победы нет либо она сомнительна или же и то и другое неясно». Аргументы рекомендовалось искать исключительно в риторической плоскости.

Истинный христианин принадлежал к церкви, которая хранила традицию и была ее продолжателем, а еретик отклонялся от традиции, был от нее отчужден. Это отклонение от некоей догмы якобы неотвратимо выражалось и в сексуальных отклонениях, разврате. Зато принадлежность к традиции была гораздо более надежным критерием владения истиной, чем понимание Писания. Признаком ортодоксии стало признание незыблемости и преемственности церковной иерархии, основанной на догмате апостольской преемственности. Церковь прямо через апостолов восходит к Христу, от которого она черпает свой незыблемый авторитет. Дениз Бюэлл в своих новаторских исследованиях показала, до какой степени конструирование ересей активировало полемику в терминах генеалогии, чистоты линии и даже в терминах этноса и «расы» (genos).

Я полагаю, что и в сегодняшней России вся официальная риторика традиции, культурной и национальной генеалогии и непрерывности континуума российской государственности от Петра до Сталина и Путина вписывается в сходную риторическую схему и играет важную роль в конструировании мнимой оппозиции.

Иринея Лионский впервые сформулировал и принцип единого истока и общей генеалогии ереси. Ее прародителем был провозглашен Симон Самарянин, «от которого произошли все ереси» («Пять книг против ересей», I, 23). Он же утверждал, что еретики, как и язычники, посланы Сатане и в практике своей, конечно, развратны: «живут сладострастно, <...> любят прибегать к средствам, возбуждающим любовь и влечение...» С легкой руки Иринея связь ереси с дьяволом стала общим местом церковной идеологии. Признаюсь, что впервые идея этой статьи пришла мне на ум, когда я увидел, что Москву украшают рекламные щиты, на которых помещен фрагмент картины Юрия Данича «Бесы». Там группа московских интеллигентов изображена в виде демонов с копытами. В этот момент у меня возникло отчетливое ощущение, что я имею дело с наследием Иринея. Ощущение это укрепилось после того, как по телевизору показали сделанную Хотиненко экранизацию «Бесов» Достоевского с прямыми выпадами против оппозиции.

Создание генеалогий (в обоих случаях ложных) существенно. Оно не только позволяет отделить своих от чужих; генеалогии обеспечивают единство выстраиваемого социального поля. Совершенно разные люди объединяются в некое единое образование, называемое ересью или оппозицией. Так, у Данича на его картине общая категория «бесы» объединяет Акунина, Рубинштейна, Касьянова, Навального, Латынина и Новодворскую. У всех у них вместо пальцев – копыта, отсылающие к общей генеалогии, к одному демоническому «виду». Точно так же из совершенно разных учений ранние апологеты церкви склеивали некие «общие» движения, никогда не существовавшие в реальности. К ним относится, например, гностицизм, сфабрикованный церковными полемистами.

Ортодоксы в этой картине мира принадлежат к своей «расе», в то время как придуманные еретики – к радикально чужой. Ересь у церковных полемистов обыкновенно заносится «из-за бугра». Тертуллиан разворачивает ставшую неизменной оппозицию между Иерусалимом и Афинами, при этом еретические извращения учения приписываются влиянию Афин, то есть греческой философии. Он утверждал, что валентинианство – это христианство, испорченное влиянием Платона, Маркион впал в ересь под влиянием стоиков, Эпикура и Зенона, диалектика, которая, по мнению Тертуллиана, делает невозможным достижение истины, проникла в церковь благодаря тлетворному влиянию Аристотеля. В писаниях Тертуллиана постоянно звучит презрение к философскому умничанью, которому противопоставляется авторитет традиции:

«7. Умствования – главный источник ересей; христианину довольно одной веры.

8–11. Ереси не должны искать оправдания в словах “Ищите и найдете”; имеющему веру нет нужды искать чего-то другого. <...>

20–22. Истина принадлежит Христу, затем – апостольскому преданию.

23–25. Апостольское учение лишено противоречий; в нем явлена вся истина, полученная от Христа.

26–29. Церковь – единственная наследница истины и апостольского авторитета» («О прескрипции [против] еретиков»).

Стратегия придумывания ереси способствовала самоопределению церкви, обретению ею собственной идентичности, которая во многом формулировалась в полемике против тех, кому было присвоено имя еретиков.

Означающие

Удивительно, конечно, до какой степени живучими оказались риторические модели ранних церковных полемик. Российские власти действуют по прописям, опробованным когда-то Юстином Мучеником, Иринеем или Тертуллианом. Производство оппозиции из

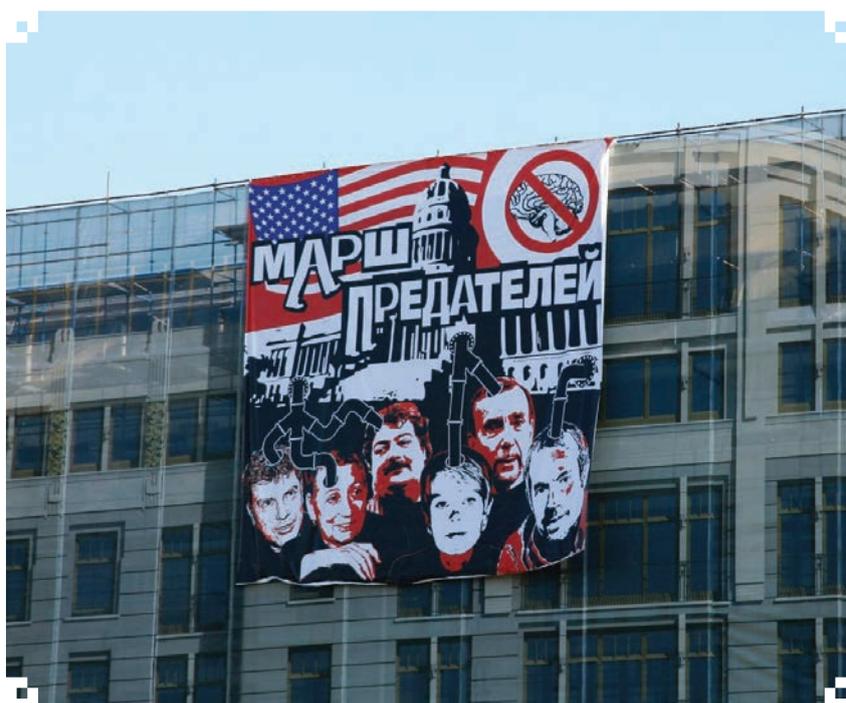

массового протеста осуществлялось с помощью вбрасывания в медиасферу неких пустых «означающих», которые помогали произвести дифференциацию там, где в реальности существовало единодушие. Я полагаю, что деятельность Думы в основном сводилась к производству такого рода одиозных знаков. Вспомним хотя бы гомофобский закон. В общество вбрасывается тема гомосексуализма, которая, казалось, давно утратила всякую актуальность. Преследование геев, естественно, вызывает негативную реакцию у значительной части интеллигенции, которая начинает маркироваться как гомосексуальная, «гейропейская», аморальная и проч. Россия в такой риторике становится автоматически защитником традиционных семейных ценностей. Происходит отделение своих от чужих, и происходит оно на поле, совершенно чуждом содержанию политических протестов. Дума постоянно производит одиозное и раздражающее здравомыслящих людей законодательство, которое работает на символическую изоляцию выдуманной оппозиции. Вспомним хотя бы пресловутый закон об НКО как иностранных агентах. Последний такой жест – агрессия против Украины и аннексия Крыма, символическое событие, наиболее успешно формирующее образ оппозиции как меньшинства, защищающего интересы НАТО и чужеродного народу. Каждый новый жест символической дифференциации усиливает ощущение некоего антинародного образования и одновременно сужает его рамки. Так

благодаря крымской эпопее произошел очередной виток разделения на своих и чужих, который начался еще с гомофобской кампании.

Конечно, игра этими означающими всегда разворачивается на грани абсурда. Например, запрет на ненормативную лексику, который должен представить оппозицию как защитников брани, уж точно никак не вписывается в сохранение русской национальной традиции, немислимой без матерка. Я полагаю, что и история с переименованием Волгограда – такой же провокационный символический жест. Он, несомненно, вызовет волну протестов, люди будут не без оснований утверждать, что речь идет о реставрации культа Сталина. Им ответят, что речь идет об увековечивании в имени величайшей победы русского народа в Отечественной войне и что их протест только подтверждает антинародную и антипатриотическую сущность оппозиции. Одновременно, как это все время и происходит, такого рода провокация неизбежно повлечет дальнейшее сползание в болото сталинизма. Символы формируют маркируемую ими реальность.

Вся эта многоэтапная символическая операция позволила власти представить недовольство населения фальсификациями и произволом как истерическое выступление «бесов» и национал-предателей против русской традиции и авторитета власти. Операция эта прошла довольно успешно. Но точно так же, как ранняя церковь обрела идентичность в процессе изготовления ересей, российская власть определила наконец собственное лицо, которого она не имела до начала манипуляций с означаемыми. В итоге на месте нейтральной вороватой бюрократической институции образовалась гомофобская, агрессивная, тупая и насквозь лживая харя нынешней российской власти. Власть, придумывая оппозицию, изваяла собственную рожу, напугавшую, кажется, весь мир. Ничего не поделаешь, за создание политических фикций приходится расплачиваться собственным лицом.

РАЗГОВОРЫ О СУДЬБАХ РОССИИ

Михаил Шишкин VS Борис Акунин

Два больших писателя переписываются о том, насколько нынешняя ситуация в России предопределена историей страны — а также о пропасти между двумя народами внутри одного и о том, как ее можно преодолеть.

Шишкин: Дорогой Гриша! Давай же объяснимся в любви к монструозному отечеству и зададим друг другу вопросы. Например, почему Бродский так и не вернулся в Россию? Или: не бегут ли и у тебя мурашки, когда читаешь в завещании Гоголя: «Соотечественники! Страшно!» Хотя, разумеется, все вопросы на свете — риторические. И тем не менее. Вот, например, задачка, задаваемая судьбой каждому, кого черт догадал родиться в России с умом и талантом. Дано: Россия — прекрасная страна для подлецов или для героических борцов с подлостью. Для «нормальной» достойной жизни эта империя не предусмотрена. Если ты по натуре своей не герой и не подлец, а хочешь только прожить жизнь достойно, зарабатывая честным трудом на семью, то у тебя все равно нет выбора: каждый день подталкивает тебя или к одним, или к другим. Не хочешь быть подлецом вместе со всеми — становишься трагическим борцом, готовым пожертвовать всем, в том числе и семьей, ради борьбы. Не хочешь быть героем и сгинуть в тюрьме или чтобы тебя забили насмерть в подъезде — пристраивайся к подлецам. Не задаю вопрос: как же так получилось? На него есть дюжины ответов — и про варягов, и про татар, и про географию с климатом, и про не очень удачно, по Чаадаеву, выбранное христианство, и так далее, и тому подобное. Уверен, что прочитаю обо всем этом в твоей «Истории российского государства», на которую сподвигли тебя исторические родные музы, бессмысленные и беспощадные. Задам вопрос вопросов: что делать? Что делать се-

годня, если, с одной стороны, не хочешь становиться частью криминальной структуры — а все государство и вся жизнь в России стала огромной криминальной структурой — и если, с другой стороны, не хочешь идти в революцию?

Акунин: Отличный вопрос. Давай про это. Не догоним, так хоть согреемся. Ответить на него гораздо труднее, чем на второй сакраментальный русский вопрос: кто виноват? Тут-то всем все абсолютно ясно. Нам — что виноват Путин. Им — что виноваты мы. На самом-то деле, как мне кажется, виновата давняя раздвоенность отечества, о которой ты, в частности, писал в недавней статье для The New Republic, объясняя азы российской истории американским читателям. В России живут бок о бок два отдельных, несколько не похожих народа, и народы эти с давних пор люто враждуют между собой. (Чтоб он провалился, византийский орел с двумя головами — шизофренический символ, выбранный Иоанном Третьим в качестве герба нашего государства.) Есть Мы и есть Они. У Нас свои герои: Чехов там, Манделштам, Пастернак, Сахаров. У Них — свои: Иван Грозный, Сталин, Дзержинский, теперь вот Путин. Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни. Нам не нравится в Них все: как Они выглядят, разговаривают, держатся, радуются и горюют, одеваются и раздеваются. Нас тошнит от их любимых певцов, фильмов и телепередач. Они платят Нам той же монетой, и еще с переплатой. Помимо Нас и Них есть просто люди, которые составляют большинство населения, — и Мы с Ними постоянно пытаемся перетянуть это ни рыба ни мясо на свою сторону, приобщить к своим ценностям. Вот что, по-твоему, делать с этой реальностью? Поубивать друг друга?

Шишкин: Мне кажется, ты не совсем там проводишь границу. Это я про Мы и Они. Большинство населения вовсе не между нами. Оно, увы, с Ними. Дело тут вот в чем. Мину под русский ковчег заложил Петр. Он, собственно, хотел лишь модернизировать армию для войны с Европой, воспользоваться ее же современными военными технологиями, и позвал с Запада *Gastarbeiter*, а приехали люди. Они привезли с собой слова. В словах затаились неизвестные дотопле в отечестве идеи: свобода, республика, парламент, права личности, человеческое достоинство. За несколько поколений слова сделали главную русскую революцию: превратили нацию в сиамских близнецов, тело одно, а головы больше не понимают друг друга. Современные технологии в любую эпоху требуют образования, образование неминуемо влечет за собой понятие о свободе личности. Так в России появилась интеллигенция, или назови нас как хочешь: креаклы, западники, очкарики, не имеет значения. С тех пор в России сосуществуют два народа, говорящих по-русски, но ментально друг другу про-

тивопоставленных. Одна голова напичкана европейским образованием, либеральными идеями и представлениями, что Россия принадлежит общечеловеческой цивилизации. Эта голова не хочет жить при патриархальной диктатуре, требует себе свобод, прав и уважения достоинства. У другой головы свой, все еще средневековый образ мира: святая Русь – это остров, окруженный океаном врагов, и только Отец в Кремле может спасти страну. Вот это Мы и Они. А правительство – это такой намордник. Он спасает нас от Пугачева, города и человека. Именно это имел в виду Пушкин под «единственным европейцем». В феврале 1917-го намордник сняли. Что получилось – расклебываем до сих пор. Это, кстати, главный аргумент тех, кто согласен с тем, что лучше терпеть намордник, чем беспредел на улицах. Страх. Страх перед сиаемским братаном. Мне кажется, этот страх и парализует «протестное» движение в России. Средство есть только одно, проверенное. Информация. Просвещение. Смягчение нравов. Свободное слово. Но именно информационный поток пытаются перекрыть, как течь в корабле. Прямо по методу Мюнхаузена – затыкая телепробоину попсой. Но я все-таки оптимист. Тогда, в 1917-м, первую попытку русской демократии сорвала война. Вторая, в начале 1990-х, была обречена, потому что рабы, на которых свалилась с неба воля, – никудышная опора для гражданского общества. Теперь, спустя двадцать лет, появился целый слой общества, готовый жить при демократии. И я верю, что свободная информация может менять людей, Их делать Нами. Так что у третьей попытки русской демократии есть хоть какие-то шансы. И тогда можно будет безбоязненно снять намордник. Или нет?

Акунин: У меня несколько иное впечатление от российского исторического процесса, и переломом я считаю не эпоху Петра, а эпоху Александра Первого, который отменил телесные наказания для дворянства и тем самым открыл ворота для развития ЧСД, чувства собственного достоинства. Метафора про тело и две головы мне нравится, но только я не думаю, что Их голове Тело внимает охотнее. Просто Они исторически старше Нас. Они были здесь всегда, сколько существует Россия. А Наши на протяжении первого тысячелетия Руси светились редко, и голос их был слаб. Некоторые – окольничий Адашев, Новиков, Радищев – пытались участвовать в тогдашней общественно-политической жизни, но сгорали как свечки. Потому что у власти всегда плотной кучей стояли Они и бдительно охраняли свои интересы. Сословием, а затем классом и позднее нацией внутри нации Мы стали только начиная с пушкинских времен. Два мощных стимулятора – любовь к образованию и развитие ЧСД – довольно быстро уравнивали Наши и Их силы, и с 14 декабря 1825 года две России находятся в состоянии вечной войны – обычно холодной, но иногда и настоящей. Было все: и террор с обеих сторон, и революции, и Гражданская война, и массовые репрессии. К власти приходили то приверженцы нашей России – и тогда происходили реформы, то сторонники той России – и тогда наступала реакция. Один раз, в очередной раз победив, Они попытались истребить Наших полностью и сделать Россию страной однородной, но на месте старого образованного класса вырос новый – и стал ненавидеть Их с прежней страстью. Главная проблема мне видится в том, что ненависть эта никуда не девается. Вот и сейчас она разгорается с новой силой. Власть у Них, они лишают Нас голоса, профессии, свободы. А Мы им грозим: погодите, мол, будет и на Нашей улице

праздник. Конечно, будет, куда он денется. Но вражда двух голов на этом не закончится. И на следующем этапе все отыграется обратно. Как этого избежать? Как примирить две головы или хотя бы приучить их не грызть друг друга? Вот о чем я в последнее время думаю. Ведь твоей «информационной свободой» Их, Тех, не переделаешь. Они располагают информацией не меньше, чем мы с тобой. Могут две российские головы договориться – или это утопия? Если могут, то как?

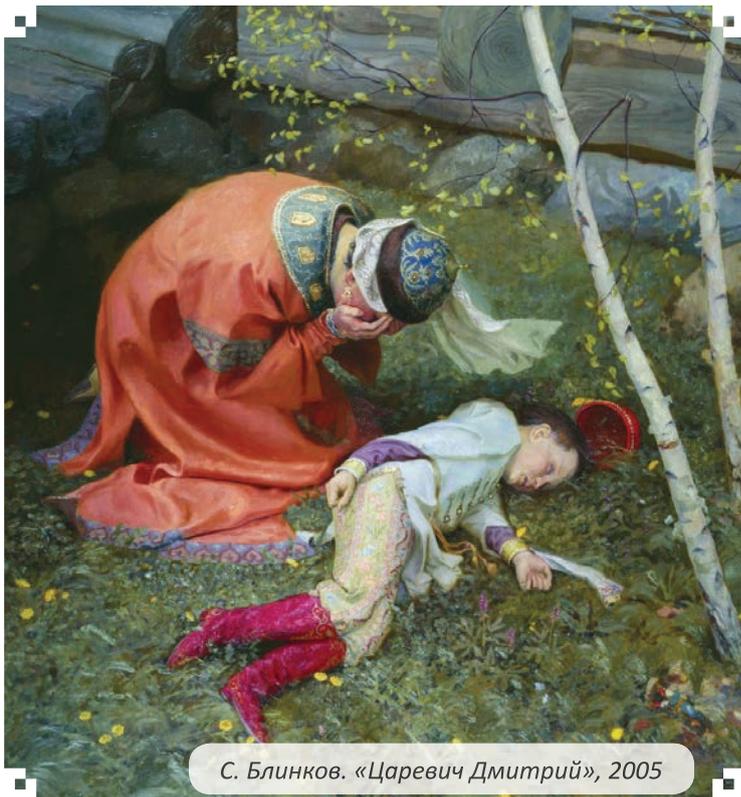
Шишкин: Кажется, в этом мы сходимся: нынешний намордник долго не продержится, ведь ни один Бокасса на свете еще не правил вечно – и вот тогда наступит момент истины. Если Их, Тех, не переделаешь, то на первых же свободных выборах они снова изберут себе новый намордник. И себе, и нам. А что касается информации, то тут как раз все наоборот. Они судят обо всем – в том числе и о нас – только по помоям из ящика. Согласен с тобой, в одночасье никакая информация большого результата не может дать. Но вот если в течение, предположим, года, та, вторая голова будет смотреть по телевизору не то, чем сейчас затыкают пробоину в трюме, а свободные дебаты свободных людей, то кто знает, может, что-то и изменится. И тогда станет возможен диалог. Раньше это называлось прекрасным словом «просвещение». Другого пути я не вижу. А вот сделать так, чтобы наперсточники, облепившие трон, пустили свободное слово в эфир, – это скорее пока утопия. Они ведь понимают только злобу, жестокость и силу. Благородство и порядочность для них – слабость лохов. Мы же через все это проходили. Они уступят только тем, кто злобнее, сильнее, подлее. То есть, чтобы победить их, нужно сперва стать ими. Хуже них. А Чехов супротив Дзержинского, давно известно, все равно, что плотник супротив столяра... Так что две российские головы договориться могли бы. Но им не дают те, кто больше всего этого боится, – временщики в Крем-

ле. Рано или поздно время их, конечно, кончится. Вот бы ускорить! Но как? Опять проклятые русские вопросы: как рубить головы дракону, чтобы при этом самому не становиться драконом? А мирный протест, хоть ты тресни, они не понимают. Мы не индусы супротив англичан. Ну так что, исчерпал себя мирный протест? Или он еще по-настоящему и не начинался?

Акунин: Нам с тобой видится анатомия российского общества несколько по-разному. Ты, по-моему, считаешь, что Они и Народ – это мейнстрим, а Мы – принесенная заморским ветром девиация. Может быть, в чаадаевские времена так и было. Но в современной России, по моему убеждению, Мы и Они – это именно две головы, каждая из которых пыгается убедить Тело (большинство населения) в своей правоте. Принципиальная разница моей и твоей позиций в том, что твоя изначально пессимистична, а моя допускает хеппи-энд. Но меня сейчас занимает другое. Вот ты говоришь: «наперсточники, облепившие трон», «рубить головы дракону», «они понимают только злобу, жестокость и силу». Это язык войны, все той же нескончаемой войны. Я и сам в ней активно участвовал. Например, придумал для двух «голов» красноречивые названия – «аристократия» (это Мы) и «арЕстократия» (это Они). То есть Они – плохие, а Мы приходим от слова «аристос», «лучшее». Но, знаешь, вся эта брань вдруг стала казаться мне контрпродуктивной. Во-первых, как-то неправильно самим объявлять себя «лучше» – это пускай потомки решают, кто был хороший, а кто плохой. Во-вторых, неправда, что в Их арсенале нет других средств, кроме запугивания и выкручивания рук. И вообще все не такое уж черно-белое. Среди наших попадаются, и в немалом количестве, люди низкие и продажные; среди них подчас встречаются люди убежденные и бескорыстные. Да, когда наверху Они, то правят жестко и по временам жестоко, но и Наши в статусе победителей тоже не Сахары Медовичи. Крови Наши проливали несравненно меньше (хотя в эпоху народовольцев с эсерами или в октябре 1993-го). Зато Мы добивали моральным втаптыванием врагов в грязь, а иногда и прямым электоральным жульничеством, как в 1996-м. (Ну да, по сравнению с чуровскими выборами чубайсовские кажутся милым детским поджухиванием, но ведь в стране впервые происходили демократические выборы президента – и вышла этакая пакость) Поразительно, что мне понадобилось прожить на свете больше полувека, чтобы вообще об этом задуматься. Мысль вроде бы простая, но я никак не могу уместить ее в голове. А что если не стремиться к окончательной победе над Ними? Что если научиться как-то терпеть друг друга? Я понимаю, что говорю вещи в условиях разгула реакции ужасно несвоевременные, поэтому во избежание недоразумений поясню. Речь не про нынешний момент, когда Они совершенно распоясались и любое движение с Нашей стороны в сторону компромисса будет воспринято обществом как капитуляция. Конечно, удар нужно держать и выдерживать. Выдержим. Видали Мы за двести лет атаки и посерьезней. Но когда Наша сила начнет прибывать, а Их сила убывать – не попробовать ли Нам, сторонникам прав личности, найти общий язык с Ними, сторонниками государственного принуждения? Ты считаешь, это утопия, иллюзия? Точек соприкосновения нет вовсе?

Шишкин: Терпеть? Опять терпеть? С кем искать точек соприкосновения? С властью? С бандитами? Это же одно и то же. Для того чтобы терпеть, нет больше исторического време-

ни. Людям, живущим в нечеловеческих условиях сейчас, не поможет хеппи-энд в далеком будущем. Ведь речь уже идет не о каком-то психологическом дискомфорте, а о вымирании в России человека как вида. Ведь в ГУЛАГ загнобили не только всех нас, но и саму природу. И если люди могут приспособиться к жизни в любой тюрьме, смирившись со своим рабством, то природа – нет. Она умирает и забирает нас с собой. Мы ведь выросли в стране, где ничто никому не принадлежало. Это была удивительная страна рабов, и те, кто нами правил, были лишь главными рабами. А у рабов, с давних времен известно, рабское отношение ко всему: «Nihil habeo, nihil curo». А теперь они украли природу и добывают ее. Страну сделали местом, непригодным для жизни. Жить в России опасно для здоровья. И тем более для здоровья детей. Они живут за счет варварского разграбления природы, потому что у них все еще рабские мозги и души, не знающие чувства ответственности за будущее. Чувство ответственности за окружающий мир невозможно без свободы, без возможности проявить инициативу. Это именно то, чего был лишен советский человек: любая инициатива снизу наказывалась сверху – и именно у этого разбитого корыта мы оказались вновь. Экологическая катастрофа, которая уже идет полным ходом в России, не может быть остановлена без сопротивления гражданского общества, но население огромной страны, по-прежнему отчужденное и от своей земли, и от местной власти, в массе своей не способно к активному противостоянию. Тревожные известия о гибели природы на Западе ведут к активному противодействию общественности, а в России лишь усиливают всеобщее чувство безнадежности. Люди по-прежнему ощущают себя бессильными и беспомощными перед всемогущим чиновником, который заботится только о своем кармане. Им остается только терпеть и вымирать. По-прежнему в стране правит психология рабов, по-прежнему в России не создана система общественного самоуправления, на котором зиждется вся западная цивилизация. Смертность взрослого населения России в XXI веке оказывается выше смертности в XIX веке. Из нынешнего поколения 16-летних юношей до 60 лет не доживет половина. Не водка убивает жителей России, но психическая угнетенность, в которую повержено население огромной страны, ощущение полного бесправия, беспомощности и безысходности перед безнаказанностью начальства, перед продажностью судов и органов правопорядка. Нищее население не допущено до пирога, а низкооплачиваемые работы уже заняты мигрантами. В самое ближайшее время мы увидим и уже видим, как власти путем провокаций будут переводить социальные конфликты в конфликты межэтнические. На это они мастера. Новые этнические погромы в России запланированы. «Патриотизм» – испытанный удобный способ держать рабов в повиновении. И власть будет делать все, чтобы не дать людям почувствовать себя свободными гражданами, осознающими свою ответственность за свою землю, за свою страну. По-прежнему государство в России – главный враг народа. Гражданское общество не может существовать без инициативы снизу, но именно это пресекается властями в России всеми возможными и невозможными способами. Ощущение, что от тебя ничего не зависит, что тебе не дадут никогда жить достойно, что ты ничего изменить не можешь, действует на психику населения очень депрессивно. Все хотят верить в хеппи-энд. Но как обеспечить достойное будущее своим детям в ближайшие годы? Нынешние «патриоты» сами меньше всего верят в будущее родины и обеспечива-

С. Блинков. «Царевич Дмитрий», 2005

ют приватное будущее потомкам за границей. Наша история за последние 100 лет показала, как работает принцип естественного отбора: наиболее активная и образованная часть населения последовательно элиминировалась собственным государством или эмигрировала. Остающиеся выработали в себе из поколения в поколение унижительное искусство выживания в России. Терпеть. Но это испытанное столетиями искусство выживания больше не помогает выжить. Терпеть значит вымирать. И опять мы возвращаемся к тому же, с чего начали. Для героев и борцов, готовых «заложить жен и детей» за правое дело, Россия – правильное место. Но что делать, если тебе важнее не сесть в тюрьму за участие в протесте, а обеспечить здоровое и достойное будущее для своих детей, и это будущее начинается сегодня, уже наступило? И если ты не хочешь терпеть и вымирать? И не хочешь искать точек соприкосновения с теми, соприкосновение с которыми вызывает рвотный рефлекс? Надеяться на чудо? Рецепт для русского чуда только один: просвещение, доступ к свободной информации для всех.

Акунин: Вот чем отличается беллетрист-позитивист от писателя трагического мироощущения. «У меня характер-то лучше вашего, я смиреннее», – как сказал Счастливец Несчастливецу. По правде говоря, ничего фатально-трагического в современной российской ситуации я не вижу. Бывали времена сильно хуже, чем сейчас. Мне кажется, что рассвет недалеко, хотя перед ним тьма, как положено, еще ступит. И меня больше всего занимает, что

будет после рассвета. Главная цель, по-моему, не Наша победа над Ними. Главная цель – победа над двухсотлетней войной. Не знаю только, возможно ли это. Вот давай заглянем в недалекое будущее. Догниет и рухнет автократический режим, да Мы его еще и подтолкнем. К власти придут Наши. Что будет дальше? Наверное, Наши загонят под плинтус спецслужбистов и пересажают неправедных судей с прокурорами. Наверное, отберут нефть у «плохих» олигархов и передадут «хорошим». Введут люстрацию для слуг прежнего режима. Выкинут с Красной площади святыню той стороны. Пристрелят клерикалов. Ет цетера. Извечные наши оппоненты на время попричихнут, будут копить обиды, как это сейчас делаем Мы, и ждать своего часа. Обязательно дождется, если Наши будут вести себя так, как я только что описал. И все пойдет по новой. Твой рецепт против этого порочного круга – просвещение и свободная информация. Я-то за. Только сомневаюсь, что этого будет достаточно. Нам все-таки придется с Ними, с лучшими из Них, как-то договариваться об общей России, искать какую-то середину между концепцией «государство для человека» и концепцией «человек для государства». Это один из уроков, которые я для себя извлек из форсированного изучения отечественной истории. Но даже тебя, пи-

сателя-гуманиста и борца за мир во всем мире (как говорили во времена нашей советской молодости), я в этом сегодня убедить, кажется, не сумел. Может быть, в самом деле сейчас не время для таких разговоров.

Шишкин: Ты знаешь, это напомнило мне историю, как неаполитанский король заказал Джотто изобразить свое королевство, а тот вместо пейзажа с пейзажами написал навьюченного осла, который с тоской и надеждой смотрит на другой тюк у своих ног. Осел всегда будет надеяться, что другой тюк будет полегче. Наверно, население каждого королевства, а не только неаполитанского, похоже на этого осла. И мы такой же осел, пусть и двухголовый. Может, эта надежда на другой тюк и есть основная движущая сила истории?

К. Лебедев. «Царевич Пётр Алексеевич и дьяк Зотов», 1903

ПРОРВАТЬ ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИИ

Никита Соколов

История – опасная штука. Язык не даст соврать. Хорошо ли «попасть в историю»? А между тем, по общему убеждению, все мы в ней искони и присно пребываем. При этом по сю пору не вполне ясно, как она устроена и как в ней быть. Вопросы жизненно важные. Спрос на ответы велик всегда, а в эпохи общественных пертурбаций доходит до ажиотажа. От поставщиков, соответственно, нет отбою. В последнее время наблюдается особый наплыв сбытчиков лежалого товара с лейблом «теории исторических циклов».

В пользу добротности предлагаемых изделий вроде бы свидетельствует почтенная древность фирмы. Основателем ее числится ветхозаветный пророк, проповедавший: «и возвращается ветер на круги свои... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:6-10). Конкретизировать смысл «кругов» с тех пор, однако, так никому и не удалось. Хотя попыток было не счесть. Во II в. до рождения Христа Полибий из Мегалополя – ученый грек, неудачно вступивший в политические игры и угодивший к римлянам в заложники, – использовал невольный досуг для сочинения «Всемирной истории», кою представил постоянной круговертью форм правления: «Прежде всего возникает единовластие без всякого плана, само собою; за ним следует и из него образуется посредством упорядочения и исправления царство. Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращенную форму, т. е. в тиранию, тогда

в свою очередь на развалинах этой последней вырастает аристократия. Когда затем и аристократия выродится по закону природы в олигархию и разгневанный народ выместит обиды правителей, тогда нарождается демократия. Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию», которая сменяется опять монархией, – и так далее по бесконечному кругу.

В эпоху отсутствия СМИ и школьных учебников идеология Полибия распространения не получила. Римляне, оставшиеся в неведении относительно предписанного им исторического закона, проделали эволюцию от монархии царей до монархии императоров, к устройству новой демократии вовсе не порывались и в затяншемся на полтысячелетия имперском состоянии сгнули под натиском варваров. В начале XVI в. полибиевскую схему попытался возродить флорентийский изобретатель *realpolitik* Никколо Макиавелли, но поскольку автор был сугубый практик и над фактическим материалом в должной мере воспарить психологически не мог, то повтор вышел совсем малосодержательным и лишенным обаяния: «Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку <...> Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность – беспорядок, а беспорядок – погибель и, соответственно, новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие». Современник Петра Великого Джамбаттиста Вико – профессор Неаполитанского университета из букинистов сочинил «Основания новой науки об общей природе наций», где тщился сообщить этой круговерти недостающую притягательность и фундаментальность, доказывая, что, «несмотря на бесконечное множество различных конкретных обычаев, история повторяется вечно, проходя циклы этих трех стадий – божественной, героической и человеческой, и она никогда не выходит из этого круга». Человечество Вико, однако, не поверило. То есть все условия уже были – и массовая печать, и школьные учебники, – но широкая публика такими отвлеченностями тогда мало интересовалась, а все больше – налогами. И посему человечество вслед за философами Просвещения, отцами-основателями американской федерации и апологетами французской вольности увлеклось идеей поступательного прогресса. И с круга явно сошло.

После Первой мировой войны насчет поступательного прогресса наступило некоторое разочарование, и социолог Питирим Сорокин призвал в 1927 г. обществоведов обратиться назад и попристальнее присмотреться к циклическим процессам. Но вот незадача – из доброй сотни претендентов на звание постоянного или хотя бы нерегулярного цикла, перечисленных Сорокиным, ни один продолжения не имел, и все они ныне прочно забыты.

Опыт этот, однако, нисколько не обескуражил желающих взнуздать историю общим законом. И в наши дни в сознание российской публики усиленно внедряется картина непрерывной круговерти «авторитарно-мобилизационных» и «авторитарно-либеральных» фаз, в которой будто бы обречено крутиться до скончания века колесо гоголевской птицы-тройки.

Персональными маркерами мобилизационных фаз отечественного цикла служат Иван Грозный, Петр Великий, Павел I, Николай I, Александр III, Иосиф Сталин, Юрий Андропов, Владимир Путин... Либеральных, соответственно, – Василий Шуйский, Александр I, Александр II, Хрущев, Горбачев/Ельцин...

Привлекательная стройность концепции сопряжена, однако, с важными потерями. Причем теряется и даже вовсе уничтожается сама история. Уничтожается хронологически, ибо важнейшие эпохи отечественного исторического творчества – Древняя Русь, расцвет удельных самобытностей, грандиозная духовная драма рубежа XV-XVI столетий, накрываемая непроницаемым для непосвященного титлом «полемики нестяжателей и осифлян», весь XVII век (величественный опыт великой смуты, великого уложения и великого раскола), блестящая эпоха Екатерины II и завершившееся крахом, но оттого не менее поучительное царствование Николая II, время нэпа – вовсе из схемы выпадают и как бы упраздняются, уходя в тень коллективного бессознательного.

Но уничтожается и по существу. Существо научной истории заключается исключительно в изучении человеческих деяний, т. е. мотивов, соотнесенных с результатами. (В наличие иных субъектов исторического действия можно верить, но методами позитивной науки они не обнаруживаются.) Назойливо пропагандируемая циклическая схема в одних вариантах прямо утверждает, в других имплицитно подразумевает, что все «мобилизаторы-милитаризаторы» решали одну и ту же задачу, как и сменявшие их «либерализаторы». Прибегая для этого к типологически схожим

методам. Между тем такое представление – результат злонамеренной или невежественной редукции: упрощения, возникающего при знакомстве с отечественной историей исключительно по вторичным и даже третичным источникам (кажется, никто из видных апологетов схемы не углубился в изучение отечественного материала далее курса лекций Василия Ключевского и «Путей русского богословия» прот. Георгия Флоровского). Даже поверхностное знакомство с любой конкретной монографией, не говоря уже о первоисточниках, схему эту немедленно разрушает. Поскольку неизменно обнаруживается, что у каждого из насильственно уравниваемых в «однофазности» деятелей были совершенно особые, нисколько не схожие с другими цели и средства.

Вред такой схематической редукции выходит далеко за академические рамки. Люди, в чем антропологи убедились уже 100 лет назад после исследований Франца Боаса, действуют не в объективной реальности, а сообразуясь только со своими представлениями о ней, иногда вполне фантастическими. Социологи, продолжая исследования в этом направлении, обнаружили и детально описали механизм «самопроизвольно сбывающихся пророчеств», которые по формуле Роберта Мертона, «будучи основаны на превратном восприятии ситуации», порождают «новую модель поведения, которая превращает изначально ошибочную концепцию в реальность». Попросту говоря, если убедить публику, что от нее ничего не зависит и колесо русской истории столетиями обречено безысходно буксовать в одной и той же луже, она перестанет интересоваться общественной деятельностью в настоящем – и колесо действительно забуксует.

Именно поэтому нельзя без ужаса читать такой, например, пассаж влиятельного публициста Дмитрия Быкова: «В России так хорошо знают историю потому, что она повторяется и каждое поколение застает свой кусок учебника». Ведь будет нам по нашей вере.

ТРУСОСТЬ ВЛАСТИ КАК СУТЬ ВРЕМЕН

Что станет с музеем «Пермь-36»?

Леонид Никитинский

Несколько лет подряд как раз в это время (последние выходные июля) я... – нет: мы, нас всегда были сотни и тысячи, – приезжали на это место в 140 км от Перми, ничем не примечательное, кроме реки Чусовой, которую, правда, прежние эки поверх забора могли видеть, только если кому повезет скидывать с крыши барака снег. Мы (тысячи, если с теми, кто проснулся в палатке, захотев просто послушать Шевчука и ни о чем таком прежде не помышлял) перешагивали запретку бывшего лагеря (а тогда еще и музея) «Пермь-36» вместе с теми несколькими, кто приезжал сюда не только как временный посетитель музея, но и как вечный политэкс. Своим чуть бляющим, но и очень твердым голосом Сергей Адамович Ковалев мог заявить: «Э... Нет. Когда я отбывал наказание, на этом окне был намордник, и Чусовую было видеть только с крыши. Э... как утверждали те, кто там был».

Окном вечности (в смысле шанса до нее допрыгнуть), всегда уникальным, был и фестиваль «Пилорама», последний раз в 2012 году собравший даже под проливным дождем более 10 тысяч поклонников рока и политических рефлексий. На будущий год лето стояло сухое,

и Шмыров ждал больше, но за неделю до «Пилорама» Пермь сказала, что денег не хватает как раз на безопасность, и фестиваль был отменен. Он умер – точнее, его уморили голодной смертью. «Пилорама» вновь не состоялась и в 2014 году, и я думаю, что теперь об этом стоит напоминать ежегодно.

К блестящему материалу Елены Рачевой «Реванш кума» о расправе над музеем «Пермь-36» (см. «Новую» от 7 июля) в плане очерка добавить уже нечего. Слушая пустые обещания нового руководства музея (и руководства этого руководства в Перми) «воссоздать музей с нуля», создать экспозицию «политических репрессий в России от Романовых...» (и, простите, до?..), мы можем лишь отвернуться и зевнуть – настолько это уже на самом деле неинтересно.

Это два совсем разных, противоположных действия: 1) попытаться остановить время и 2) попробовать остановиться во времени. В первом случае всегда получится затхлость, во втором, в случае успеха, – окно вечности. Вечность есть предмет музея и продукт его деятельности, поэтому музей всегда гораздо больше, чем просто набор каких-то людей и подлинников. Фестиваль же требует волшебства, перемешивания несочетаемого – притом что это еще и огромная аппаратная работа, тут нужно что-то еще, кроме денег и менеджмента. Всегда важен дух.

Историк

Что еще они недооценили – это популярность фестиваля, гарантирующую долгий и широкий (не только в Перми) интерес к вялотекущему, казалось бы, летальному уже процессу. Зажатая в угол ринга, администрация объявила пресс-конференцию, но на нее не отважился прийти ни краевой министр культуры, ни новый директор музея Наталья Семакова, назначенная на эту (полгода как государственную) должность вместо Татьяны Курсиной. Объясняться с прессой пришлось молодому директору департамента гражданских и специальных программ Сергею Маленко, который пояснил:

«В распоряжении Минкульта имеется Концепция (здесь и далее стилистические особенности, исходя из того, что тексты пресс-релизов, несомненно, прошли через цензуру, выделены мной. – Л. Н.)... Что касается авторских проектов АНО «Пермь-36», их не будут поддерживать по причинам, в основе которых причины политические и идеологические... Задачей властей будет создание полномасштабного учреждения культуры... что позволит передать новый музей на баланс ведомству... вписав его в федеральную культурную парадигму».

Примерно в этом же возрасте Виктор Шмыров

начинал гораздо скромней. В те далекие советские годы (1974–1982, Сергей Ковалев как раз «заехал» на «Пермь-36») историк Шмыров возглавлял Чердынский краеведческий музей – это ближе к Коми, и не было деревни, куда бы они ни доехали с женой Татьяной Курсиной. Лишь в середине 80-х он польстился на должность декана Пермского пединститута, но в душе его, видимо, пылала прежняя страсть. Все музейщики – барахольщики, но только подлинный музейщик в сиянии глаз транслирует нам во всей полноте смысл экспоната: какой-нибудь пуговицы от «тех самых» штанов.

В 1992 году вместе с активистами пермского «Мемориала» Шмыров организовал экспедицию в бывшие политические колонии с участием группы бывших сидельцев. Все, что могло быть полезно, за три года было растащено в «Перми-36» жителями деревни Кучино, для которых зона всю жизнь была кормилицей, включая шифер с крыш. Издали из окошек они приглядывались к приезжим: «А вон тот вроде у нас сидел, это же!.. – Да не, Вась, ты путаешь... – Да он! И вон тот»... На Татьяну Курсину, которая была не так погружена в тему, как муж, эта экспедиция в совсем недавнее и совсем, оказывается, ей неизвестное прошлое в компании его обитателей произвела такое впечатление, что она отказала себе в праве впредь называться историком. Но Шмыров произнес только одно слово: «Музей»...

На этом месте лагерь простоял несколько десятков лет, что уже было редкостью: обычно бараки строили как временки, и они вслед за лесом уходили в тайгу. Самый старый барак в «Перми-36» сохранился с 1948 года, когда она появилась как один из бесчисленных и ничем не примечательных островов ГУЛАГа. Особой колония стала в 1972-м, когда в служебном порядке было решено перевести сюда часть сидящих по политическим статьям из Мордовии: это была вторая волна посадок диссидентов, и в Явасе (ночь от Москвы) трудно стало обеспечить их «изоляцию от общества».

Что бы ни рассказывали бывшие кум, врач и охранник лагеря в Кучине по НТВ и нашему корреспонденту Лене Рачевой (см. ее июльский очерк), среди сидельцев «36-й» были и убежденные диссиденты, и случайно попавшие «в политику», как и просто уголовники, но последних было мало. Собственно бандеровцев не было, хотя были прибалтийские «лесные братья», уже совсем старые. Украинских националистов по второй ходке сажали на особый режим, то был самостоятельный барак «Пермь-36 /2»...

– Ну ты там был, там божий свет только через колючую проволоку над головой в чулане, куда тебя выведут погулять на полчаса...

В больничной палате еще больше, чем прежде на помосте «Пилорамы», носатый Шмыров выглядит грозным и одновременно беззащитным, как ископаемая птица додо. Ему только что вставили 4 шунта, не хочет приживаться клапан, и медицина пропустила меня к нему, только понимая, что без свиданья ему будет еще хуже. Эти воспоминания оживляют клапан положительными эмоциями, но Таня уже дергает нас за рукава: есть лимит времени от медицины, а ей еще надо к кому-то на встречу – она же вертится одна и без зарплаты, уволенная. Короче.

Короче, когда Шмыров с Курсиной поняли, что тут должен быть музей, денег в 1992-м ниоткуда не светило вообще никаких. А начинать надо было быстро, пока все еще стояло. Сначала была идея сделать фермерское хозяйство. Один друг-писатель, приехавший в Пермь за гонораром и оставшийся у них ночевать, уехал утром без гонорара, уговорив получить его в долг. На этот гонорар один шмыровский студент с приятелем арендовали и наладили бывшую лагерную пилораму и – батюшки! – на следующий год отдали гонорар и вышли в прибыль. Потом, как бывает с деньгами, пути их не совпали, но без обид, зато на базе уже сделанной реставрации было учреждено АНО (то есть НКО, а про «иностранных агентов» тогда еще не слышали). В честь этого чуда матушки-пилорамы и был назван впоследствии фестиваль.

Он очень оживляется, вспоминая, как однажды сам сумел направить целое ведро старых ржавых гвоздей – молодость!.. (Сейчас, доктор, сейчас, еще пять минут, и мы закончим.) Еще короче: год за годом, год за годом труд, труд и труд. Фестиваль – это только афиша, а лекция и экспозиция – это рутина. С должности декана Шмыров ушел на полставки, потом «на часы». Этим ведь надо жить, он и жил, пока вражеская пуля лично незнакомого Кургиняна не сразила его очередным инфарктом.

Он не успел даже написать сквозную монографию по «Перми-36», все существует пока только в виде огромного количества записей и интервью. Вся забота двадцать лет была о гвоздях, да о дровах, о временном, не хватило времени на вечное. Музей. Шмырову и в голову не придет, что он сделал что-то великое. Так и бывает: человек, действительно сделавший что-то такое, что останется, отсюда не может уразуметь, что он сделал. Сделавшие только фуфел подобной скромностью не обладают.

Я горд хотя бы сидеть рядом со Шмыровым. Нас роднит то, что журналист тоже историк: вот понимаешь, что ничего сделать уже нельзя (как мертвого не вернуть), а все равно все ходы должны быть записаны. Как в «Хронике текущих событий» тех темных лет: по сути, именно за периодики тиражом 4 экземпляра (столько копий за раз брала машинка «Эрика») большинство из них и сидело.

Пилорама и деньги

Ах, вам это неинтересно, у вас «федеральная культурная парадигма»... Ну давайте попробуем на вашем языке, только короче, а то скучно.

База будущего музея (барак особого режима) была восстановлена собственными силами (настланы полы, вставлены окна и двери) за лето 1995 года без какой-либо помощи со стороны государства, первая экспозиция открыта здесь же осенью. Не то чтобы Шмыров и помогавший в этом актив «Мемориала» не просили у госучреждений – их просто никто даже слушать не хотел. Но он все-таки был декан, и в 95-м году они попали на прием к тогдашнему губернатору Геннадию Игумнову. Бывший советский аппаратчик послушал их минут пять и велел выделить 165 тысяч рублей – а в 1996 году других денег и не было. В 97-м ошибочная лесозаготовительная артель была перерегистрирована как НКО, что создало возможность обращаться за грантами, в том числе в зарубежные фонды.

Позже Геннадий Игумнов (уже не губернатор) скажет: «Я сразу понял, что они пришли не воровать, но подумал: все равно ничего у них не выйдет, ну дам какую-нибудь мелочь». Однако и оба следующих губернатора Пермского края (бизнесмен Юрий Трутнев и чекист-кондитер Олег Чиркунов) после некоторого периода скептицизма тоже поддерживали «Пермь-36».

Вместе с тем по бухгалтерии видно, что с 1997 года, когда стали поступать гранты и пожертвования, их объем превышал субсидии из бюджета края ежегодно в 3–5 раз, и лишь с 2009 года дотации начинают перевешивать грантовые поступления в 1,5–2 раза. Именно с этого момента музей расширил состав ежегодных «Пилорам», и бюджетные деньги в основном покрывали расходы фестивалей. За эти деньги край получал то, что заказывал: «Пилорама» стала его визитной карточкой, никто больше не смог в таком формате совместить настоящий рок-н-ролл с настоящими, высокого уровня дискуссиями об острейших проблемах государства и общества. Список спикеров и артистов последних «Пилорам» (неполный): Сергей Ковалев, Владимир Лукин, Элла Памфилова, Михаил Федотов, Дмитрий Орешкин, Михаил Дмитриев, Александр Аузан, Тамара Морщакова, Адам Михник, Арсений Рогинский, Алексей Симонов, Ирина Ясина, Дмитрий Муратов; Юрий Шевчук, Юлий Ким, Андрей Макаревич, Вася Обломов, Людмила Улицкая, Михаил Борзыкин, Александр Филиппенко, Тимур Шаов, Александр Городницкий, Александр Девогиченко...

Олег Чиркунов (сам автор юмористических рассказов, которые с нынешнего года он предпочитает сочинять во Франции) охотно слушал Шевчука и Шаова, бывая на «Пилораме» не то чтобы совсем инкогнито, но так, чтобы не говорить официальных речей. Растущие вместе с качеством фестиваля риски он прекрасно понимал, но это

была не просто афиша, чтобы у кого-то махать перед носом. Это действительно был уникальный по месту и времени пример взаимодействия гражданского общества и государства на принципах невмешательства одного в деятельность другого. Я с ним на эту тему, к сожалению, не говорил, но думаю, что Чиркунов, хорошо знающий еще и мировой опыт, понимал, что не везде государство компетентно и эффективно и не след ему обязательно всюду лезть. Первые попытки цензурировать списки приглашенных и программу «Пилорамы» были предприняты в мае-июне 2012 года, после того как Чиркунова сменил врио губернатора из Свердловска Виктор Басаргин. Требования переписать программу АНО «Пермь-36» были проигнорированы. Привыкли к самостоятельности, Сталина на них нет (но он еще появится). К этому моменту раскрученная «Пермь-36» в правовом отношении чувствовала себя уверенно. Имущество бывшего лагеря находилось на балансе государственной организации, но в 2011 году было передано в бессрочное и безвозмездное пользование АНО. Экспозиции и коллекции, собранные музеем, – тоже собственность АНО, тем более что все экспедиции были организованы только на внебюджетные средства, а дотации края закрывали ремонт. Безусловно, музею и физическим лицам принадлежат и все соответствующие авторские права.

А вот чего у музея нет и никогда не было – это денег на проведение «Пилорам». Уже собирали сумки летом 13-го года, звонили Шмырову из Москвы: «Ну что? Кто? Кто еще едет?», уже подкрашивали комнаты в заводском профилактории в Чусовом – такие совковые и уже привычно-уютные, как рай. Губернатор все обещал денег: но мы же договорились контролировать?..

Начался первый тур переговоров, в которых принимали участие с одной стороны «Минкульт» (цит. по дир.

Маленко), с другой – Шмыров и московские учредители АНО Симонов и Рогинский, которые проходили не только по Перми, но даже и по Старой площади в Москве. Но эти переговоры кончились 30 июля 2013 года (фестиваль был уже сорван), когда Минкульт за спиной у АНО провел распоряжение правительства края № 180-рп о создании одноименного музея, но уже государственного. Шмыров не подозревал об этом до конца сентября, когда получил текст 180-рп перед самой поездкой в Кремль к Вячеславу Володину.

Все-таки друзья у «пилорамы» тоже не все были лыком шиты. 11 декабря 2013 года Владимир Путин в Ново-Огареве на встрече с правозащитниками выразил им благодарность за разработку Программы увековечивания памяти жертв политических репрессий и указал на особую роль в этой программе мемориала «Пермь-36». Долго ли, коротко ли (на самом деле это был бюрократически выматывающий процесс), при медиации уполномоченного по правам человека в крае Татьяны Марголиной, пережившей уже не одного губернатора и известной умением держать слово, была создана рабочая группа и согласована следующая схема.

Государственный музей «Пермь-36», который ставится на постоянное бюджетное довольствие, получает некоторую финансовую автономию, а АНО «Пермь-36» под руководством Шмырова по договорам с государственным музеем делает все то же самое, то есть занимается смысловым наполнением их общей деятельности. Под этим, наконец, все строптивные правозащитники подписались, но при условии, что директором государственного музея по трехгодичному контракту краевой министр культуры назначит Татьяну Курсину.

Уф! Наконец все срослось. 3 марта 2014 года Курси-

на возглавила государственное бюджетное учреждение «Пермь-36», в апреле закончила перерегистрацию музея в автономное учреждение культуры и в мае направила в Минкульт предложения по составу наблюдательного совета из 9 человек. У нее за спиной совет был назначен в составе 5 человек, и ни одна из кандидатур АНО туда не попала. Какие у кого с кем еще были разговоры, история не знает, но 23 мая 2014 года краевой министр культуры Гладнев (бывший актер) объявил об увольнении Курсиной без объяснения причин.

О причинах в Перми только гадают, и в различных раскладах самой вероятной из всех возможных видят следующую. Президент же обещал поддержать программу увековечивания памяти этих... шут бы их взял... жертв... А у нас же «Пилорама» – сам бог велел пилить. Но такой тонкий процесс нельзя поручить каким-то диссидентам! – ergo директором учреждения № 36 назначается некая девушка, чью фамилию тут поминать еще раз уже и ни к чему. Загвоздка лишь в том, что и АНО «Пермь-36» с безукоризненной репутацией (это в преддверии уже рыщущих хозяйственных проверок) тоже существует и, более того, является арендатором комплекса лагеря и собственником всех экспозиций. Ну аренду-то как-нибудь отберут (есть же суд), но экспонаты Шмыров неужели унесет? Как же так, ведь вы же для людей же собирали!.. Унесет. Не отдавать же... врагу? Да, врагу. Рода человеческого. Который, как увидит что живое, так бросается сделать это мертвым и фальшивым, привести в обычное, с его точки зрения, состояние.

Урок, если жить останется (музей), тут только один: ни о чем нельзя рядиться в России с государством. Живи так, как будто его нет, – тогда, если сил хватит, может, что-нибудь доброе и получится.

Суд времени

В многочисленных публикациях немалочисленных друзей «Пилорамы» и «Перми-36» политическая сторона конфликта исследована лучше, чем правовая (скорее – отсутствие правовой). Все сказано и про политический тренд, и про «иностранных агентов», и слив протеста, и в эту логику наша история тоже вполне укладывается. Но все же: уж очень раскрученный был бренд, такими не бросаются. Да и сама связка между государственными органами и живыми структурами гражданского общества, растущими, как им полагается, снизу, а не «сверху», – была, мне кажется, уникальной, и эта уникальность позволяла, в случае чего, списать всякие гражданские фортели на перспективность эксперимента. Форма тоже была найдена точная, позволяющая вместе с водой не выплеснуть из АНО и ребенка. Я не склонен видеть здесь, как пермские комментаторы, и одно лишь стремление посадить на финансовые потоки своих, присосаться к госпрограмме увековечивания памяти жертв – да и будут ли на нее деньги, или одни слова только?

Осторожный карьерный Басаргин, начинавший освобожденным комсомольским секретарем на комбинате, а затем возглавлявший Свердловский обком ВЛКСМ, сам по себе не стал бы врагом «Пилорамы». К ее удушению, которое было произведено руками Минкульта и по всем правилам рейдерского искусства (коим так славится Урал), губернатора, понимает он это или нет, подтолкнула реальная «третья сила».

Они так же парились от жары, как и мы, в 2011-м, и так же мокли под дождем в 2012-м, но среди тысяч участников фестиваля и зрителей они выделялись своим маскарадом и особым, как будто в легком помешательстве, выражением глаз. Они не скрывали, что целью их организованного приезда был именно срыв фестивалей, и в особенности дискуссий, они злоупотребляли стилизованной советской символикой и выставляли стенды «Суть времени» с портретами Ленина и Сталина.

«Суть времени» – это сетевая организация Сергея Кургина, политолога (скорее предсказателя) и режиссера, иногда участника телешоу, в том числе «Суд времени», из его парафраза появилась и «Суть». Мы не будем здесь разбирать его теорию, согласно которой наибольшую опасность для России представляет продвигаемая либералами «перестройка-2». Не потому, что теория совсем уж безумна и этого не заслуживает, но просто – Кургинян ведь имел возможность приехать на любую из «Пилорам» (как сделал, например, после удаления от Кремля Глеб Павловский) и выступить на семинаре. Вместо этого из несколько таинственного (во всяком случае, с точки зрения финансирования) пермского отделения виртуальной «Сути времени» на фестивали высыпались десятки очень даже конкретных ребят. Они приезжали не спорить, а закрикивать всех заранее выученными речовками, и в конце концов, по-моему, всегда сдержанная Люд-

мила Улицкая была вынуждена сказать им в лицо, что они просто театрализованный сброд, клака.

И не то чтобы в те годы кто-то к ним всерьез относился. Но уже в нынешнем году 7 июня на фоне продолжающихся атак на АНО на НТВ вышел фильм про «Пермь-36», где сообщалось, например (даже с видеорядом), что в музее висит портрет Бандеры. И это сделала уже не пермская «Суть времени», хотя, конечно, клакеры помогли и комментариями, и съемками экскурсии исподтишка. Кроме того, открытые письма про пятую колонну в «Перми-36» регулярно ложатся на стол губернатору края.

Виктор Басаргин – слишком опытный аппаратчик, чтобы просто игнорировать третью силу. Ведь власть у нас устроена как: всякий, прежде чем зайти в дверь к вышестоящему, обязательно пройдет мимо зеркала, убедится – а ну-ка, ширинка-то не криво ли застегнута? Нигде ничего не торчит? Галстук не ярковат ли? Вот, теперь нигде ничего не торчит... Ведь ты никогда не узнаешь, что именно не понравилось руководству. А когда узнаешь – уже поздно будет.

Зачем «Пермь-36» далась Кургиняну – бог весть. Может, просто подвернулась, он же им обещал сделать сеть. Может, он решил тиражировать «Поклонную гору» и катать ее по стране. А может быть, он «Пилораме» тайно завидует как режиссер, ему же ни разу так и не удался подобный проект. Но за развалом музея стоит он. Это не теория заговора в его же духе, это как раз и есть «суть времени». Нынешняя его суть состоит в победе режиссеров – политехнологов и клаки, а завтрашняя в том, что потом уж клака будет диктовать волю элитам. И не только губернаторам, как вышло на этот раз, – режиссерам тоже.

В угоду игре слов время в самом деле остановлено в Перми, она поехала куда-то назад, в архаику, когда-то «столлица гражданского общества». Суметь бы нам самим остановиться во времени, упереться пока еще думающей головой в нашу музейную вечность, остановить этот оползень.

Но их время снова будет временным. А смыслы не подчиняются технологиям, они все равно будут не там и не такие, они уйдут в интернет, в тайгу, куда угодно, но выстроятся не по вертикали и по-своему. Их стихия – это фестиваль.

ИМПОРТОЗАБЛУЖДЕНИЕ ВМЕСТО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Дмитрий Травин

После того как Россия решила отказаться от закупок некоторых продуктов в странах Запада, выявился ряд весьма неприятных обстоятельств. Мы можем есть, например, свою птицу, но эта птица обычно ест зарубежные корма. Мы можем выращивать свои овощи, но эти овощи часто произрастают из зарубежных семян. Мы можем покупать рыбу в Чили, но там ее производит филиал норвежской компании — то есть купим у тех же буржуев, только переплатим за транспортировку.

Чем больше появляется информации, тем менее ясно, ради чего вся эта история затевается. И самое главное: если следующим этапом антироссийских санкций станет, скажем, эмбарго на поставки семян, кормов и всего такого прочего, то как мы, собственно, будем выкручиваться из ситуации? Ведь на поверку выходит не столько импортозамещение, сколько импортозаблуждение.

Понять всю глубину проблем, которые перед нами встанут, пока невозможно. Скорее всего, новые печальные для нас факты будут выявляться со временем. Но

общая логика нарастания трудностей станет ясна, если бросить ретроспективный взгляд на проблемы советской экономики.

Хозяйственная система сталинского времени была устроена предельно просто.

Есть в закромах хлеб — уже хорошо. Люди сыты, довольны. Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство. А также за юность, зрелость и старость.

Есть в магазинах ткань — еще лучше. Можно одежду сшить, не ходить в лохмотьях.

Есть у страны металл и электроэнергия — просто прекрасно. «Броня крепка, и танки наши быстры...». «Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей...».

Впрочем, с вооружениями даже в сталинское время дело обстоит не совсем по-советски. При производстве простых товаров экономика была плановой, а при производстве технически сложной продукции — конкурентной. Разного рода КБ соревновались между собой, поскольку должны были обеспечивать качество, сопоставимое с качеством вероятного военного противника. Нельзя было просто наплевать множество танков или самолетов, как шлепали башмаки для народа.

А дальше наше общество стало все более усложняться. Когда люди захотели вместо куска хлеба иметь разнообразный стол, плановая система перестала быть приемлемой для сельского хозяйства. Когда люди захотели носить модную одежду, плановая система перестала быть приемлемой для промышленности. И когда власть в лице Горбачева это, наконец, признала, система рухнула.

Если бы мы смогли умерить свои потребности так, как это сделали в Северной Корее, экономика сталинского типа неплохо работала бы и сейчас. Каждый брал бы по миске риса, а потом пел про крепкую броню и про сотни тысяч батарей. Но вот беда: очень уж мало тех, кто готов на деле (без вранья) ограничить потребности. А духовные лидеры, что читают нотации об умеренности, сами себе ни в чем не отказывают.

В общем, не вышло у нас северокорейского общества. И по той же примерно причине не выйдет системы импортозамещения, прописанной стране кремлевскими мудрецами.

Дело в том, что когда мир наелся, оделся и вооружился на базе рыночной экономики, люди захотели иметь всякие навороченные технические штучки типа компьютеров и мобильных телефонов. И обнаружилось, что даже обычного рыночного хозяйства для этого уже недостаточно. Возникло глобальное рыночное хозяйство, при котором мозги могут быть расположены в одной части света, а руки — совершенно в другой.

Мозги требуют комфортабельной жизненной среды. Руки – гарантированной миски риса. Если попробовать поменять их местами – ничего не получится. Либо технических штучек вообще не будет, либо они станут чрезвычайно дорогими.

Как устроено производство в сфере высоких технологий, интеллектуалы сегодня хорошо понимают. Поэтому даже в кремлевско-патриотических кругах не слишком популярны идеи закрыть страну от импорта целиком и приказать Шувалову обеспечить бесперебойное производство айпада с портретом Путина, а Дворковичу – айфона с портретом Медведева. Однако еще неделю назад этим кругам, по всей видимости, казалось, будто существует сравнительно примитивное производство сельскохозяйственной продукции, в котором импортозамещение может произойти без особых проблем. Картошка – не айпад, а котлета – не айфон. Устройство у них предельно простое. И если мы чего-то в сельском хозяйстве не делаем сами, то исключительно в силу дурости исполнителей и недостатка твердости властной вертикали.

Увы, довольно быстро выяснилось, что глобализация далеко зашла даже в самых примитивных сферах производства. Например, нашим начальникам представлялось, будто рыба – это такая предельно простая конструкция, которая плавает в море и ждет, пока ее оттуда выудят. Но оказалось, что рыба – это сравнительно сложное устройство, которое производится из мальков в специально отведенных для этого местах. А мальки выращиваются за границей, поскольку это – иная, значительно более сложная технология.

Похожая ситуация складывается с мясом и кормами, с растениями и семенами. По сути дела, общая картина производства здесь не сильно отличается от сферы высоких технологий. И только благодаря этому, собственно говоря, мир к XXI веку преодолел угрозу голода, о которой не говорил раньше только ленивый, ссылаясь на быстро растущую численность населения планеты. Естественно, мы можем на все это плюнуть и попытаться ради идеи импортозамещения, сменив идею модернизации, организовать производство сельхозпродукции так, как это было лет сто назад. Кинем в землю клубень – чего-нибудь вырастет. Пошлем в море рыбаков – чего-нибудь поймут. Но есть большая вероятность, что, действуя дедовскими методами, мы и продукцию будем получать в тех объемах, которые были у дедов. Даже при рыночной экономике. Поскольку, хотя рыночная экономика значительно эффективнее плановой, но замкнутая в границах отдельного государства она теряет многое из того, что делает хозяйство XXI века высокопроизводительным.

Честно говоря, я не знаю, что выйдет из подобного эксперимента. Возможно, все окажется не так уж и плохо. Но хорошо было бы, если бы опыты все же ставились

не на России. Кстати, не хочу делать вид, будто я, в отличие от властей, с самого начала знал, какие провалы обнаружатся в нашей политике ответных санкций. О чем-то, конечно, догадывался, но кое-что оказалось для меня сюрпризом, как и для множества других экономистов. Однако отличие профессионального экономиста от профессионального начальника состоит в понимании того, насколько сложно устройство современного мира и насколько опасно принимать скороспелые решения, исходя из мысли, будто бы мы все знаем.

Экономисту известно, что по мере реализации всяких государственных мер (в том числе санкционных) обязательно будут выявляться всякие нестыковки, грозящие серьезными провалами. И чем радикальнее государство ломает сложившуюся рыночную систему, тем серьезнее окажутся эти нестыковки. Предсказать конкретно, где окажется узкое место, возможно лишь в исключительных случаях. Но о том, что проблемы возникнут обязательно, можно говорить с уверенностью.

Начальник, в отличие от экономиста, полагает, что мир устроен довольно просто. Большую часть хозяйственных связей мы уже знаем. А если чего не знаем, дадим приказание Шувалову или Дворковичу разобраться и доложить. Причем они обязательно в деле разберутся, поскольку зарплату за это получают.

Именно подобные представления о всемогуществе чиновничьего гения – главное препятствие на пути нашего развития. И до тех пор, пока в Кремле будут думать, что законы, принимаемые Думой, могут изменить объективные экономические законы, мы будем снова и снова наступать на старые грабли.

ЦЕНзуРА КАК «ОСНОВА КУЛЬТУРЫ»

Николай Сванидзе

Проект «Основ государственной культурной политики» – одна из активно обсуждаемых в последнее время тем.

Лично у меня совершенно нет уверенности, что у нас обязательно должна быть некая государственная линия в этой области. Более того, когда наше государство, в принципе к культуре глубоко равнодушное, начинает проявлять к ней внезапный и пристальный интерес, как отчим к повзрослевшей падчерице, это меня пугает. Поскольку не секрет, что интерес этот вполне может означать внимание не отеческое, но совсем иного свойства. А скорее всего – и как правило – желание жестко попользоваться эту самую культуру, с тем чтобы внедрить, насадить некую идеологическую концепцию.

В нашей стране нехорошие предчувствия редко обманывают. Родившийся в темных недрах Минкульта первый вариант «Основ», попав в публичное пространство, вызвал ажиотажный интерес общественности. Особенно часто цитировалось утверждение, что Россия не Европа. Разработчики возмущались, утверждая, что данная максима вырвана из контекста. Однако и сам контекст был немногим лучше. В результате «Основы» взял на доработку советник президента по вопросам культуры В.И.Толстой, и ему удалось причесать их до значительно более приличного состояния. Однако главные, концептуальные идеи, которые и явились причиной появления «Основ», все равно упрямо выпирают на каждой странице.

Уже в первой строчке, с которой начинается введение, говорится: «Россия – государство, создавшее великую культуру». Надо сказать, В.И.Толстой на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ, где проект обсуждался, сам признал, что он от этого стартового положения не в восторге. И объяснил почему: не государство или, скажем, не только государство создавало великую российскую культуру. Сложно спорить.

Но это только присказка. Уже в следующем абзаце читателю сообщается, что он живет «в условиях обострения глобальной идейно-информационной конкуренции и не в полной мере преодоленных последствий национальных катастроф XX века». В переводе это означает примерно следующее: теперь, после того как рухнул Советский Союз, что явило собой, как известно, крупнейшую геополитическую катастрофу прошлого столетия, мы должны из его руин построить идеологическую баррикаду, дабы положить предел духовной агрессии Запада. Дальнейшее чтение правильно переводит.

Разумеется, в тексте содержатся и пассажи бесспорные, такие как: «Способность общества к развитию непосредственно зависит от уровня развития культуры».

Или: «Гордиться прошлыми достижениями в искусстве необходимо, но недостаточно». Или: «Современные библиотеки должны быть обеспечены хорошо оплаченными, хорошо образованными специалистами». Или: «Благоприятной для становления личности информационная среда может быть тогда, когда вся информация и материалы излагаются правильным литературным языком».

Мало того, эти пассажи количественно преобладают. Но не они, со всей очевидностью, вдохновляли авторов «Основ государственной культурной политики». Цель которой формулируется следующим образом: «Духовное, культурное, национальное самоопределение России, объединение российского общества и формирование нравственной, самостоятельно мыслящей, творческой, ответственной личности на основе использования всего потенциала отечественной культуры».

Что касается формирования всесторонне развитой личности на культурной основе – нет вопросов. Я – за. «Объединение российского общества» – ну ладно, предположим, хотя не вполне понятно, почему общество должно обязательно смыкать ряды, как колонны праздничных демонстрантов. Но «духовное, культурное, национальное самоопределение России» – как понимать эту цель культурной политики? Россия и как государство, и как культурное пространство существует более тысячи лет. В X веке приняли христианство. В XII веке написано «Слово о полку Игореве». С тех пор за отчетный период была проделана определенная работа, в том числе в духовной и культурной областях. Что, по сей день так и не удалось самоопределиваться, самоидентифицироваться? До сих пор, через тысячу лет, страдаем прыщавыми подростковыми комплексами и норовим выкрасить волосы в зеленый цвет, не видя другого способа проявить свою индивидуальность? А что такое «национальное самоопределение» – понять вообще сложно. По всей видимости, это смягченный, застенчивый вариант все того же навязчивого желания отделить нас от Европы.

Поскольку дальше идет перечисление наших нравственных ценностей. Что же это за ценности, «традиционные для нашей страны» – а значит, по смыслу, отличающие ее от других стран? «Это прежде всего честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда».

Все названные ценности действительно хоть куда – вечные. Но есть ли какой-нибудь народ на планете Земля, от норвежцев до туарегов и от канадцев до аборигенов Австралии, который бы признался, потупив взор, что он ворует, зол, лжив, завистлив, развратен, не уважает старших и не любит Родину? О законопослушании как исключительном, традиционном свойстве нашего народа вообще разговор особый.

Ну и наконец: «Необходимо найти эффективные формы и средства повышения качества материалов в Интернете».

Раньше, в бумажную эпоху, сообщается нам, количество пишущих людей было ограничено. И это, видимо, было благо, поскольку «их тексты подвергались профессиональной оценке, выверялись на предмет актуальности, качества содержания, языка, полезности, необходимости, и эксперты определяли, каким тиражом выпускать тот или иной труд и где его распространять. Всегда было известно, кто несет ответственность за конкретный текст, даже если автор писал под псевдонимом». Я прошу прощения за очередную обширную цитату. Но, во-первых, она уже последняя, а во-вторых, именно этот тезис – центральный, краеугольный во всем тексте проекта культурных основ. Здесь каждый тезис осмыслен, не случаен. И тоска по бумажной эпохе – в противовес нынешней, электронной (можно представить, какую ностальгию вызывает добумажная эпоха, когда круг авторов был еще уже, и контролировать их было еще легче). И признание необходимости регулировать содержание Интернета. И призыв раскрывать псевдонимы – с явным намеком на Твиттер. И про «ответственность». И про «экспертов», которые в старые добрые «бумажные времена» профессионально оценивали текст и определяли его судьбу.

Чего уж там, речь, конечно, идет о цензуре. Прежде всего о цензуре в Интернете, но не только. Мы здесь имеем ясно выраженное лирическое воспоминание о ЦК КПСС и его идеологическом отделе, откровенные мечты о возвращении профессиональных экспертов в штатском и тотальном контроле над любым публично высказанным словом.

Острая идейно-информационная конкуренция в современном мире, которой пугают авторы «Основ», действительно имеет место. Однако она не имеет ничего общего с конфронтацией. Совсем напротив. Это конкуренция в пределах единой открытой системы. Давно и безнадежно морально устарела стилистика лагерных шарашек и закрытых КБ, когда ученые, открыв какую-нибудь интересную штуку, докладывали на ухо Л.П.Берия, а тот, так же, на ухо, – И.В.Сталину, после чего штуку прятали под страхом понятия чего как можно глубже и дальше, чтобы враг не узнал и раньше нас не соорудил из нее пулемет. Теперь новую штуку вбрасывают что есть силы в открытое интеллектуальное пространство, где ее «соборно», всем миром крутят, вертят и петрушат со всех сторон, в результате чего и определяется ее истинный вес и функциональный смысл.

Борьба, конкуренция идет не за тонно-километры, а за идеи, за человеческие мозги. Побеждает не тот, кто надежнее засекретит и дальше схоронит, а тот, кто больше покажет и предложит. Не тот, кто сможет напугать, а тот, кто сумеет привлечь. В этой игре изоляция означает глобальное отставание и поражение. И неотложная задача государства состоит не в непонятных поисках «самоопределения» великой культурной страны и тем более не в возврате к нелепым в современном мире цензурным запретам советского образца, а в обеспечении той степени открытости и распаханности миру, без которой сегодня невозможна глобальная конкурентоспособность.

Если, конечно, это кому-то интересно. Потому что при таких нефтяных ценах и личных рейтингах какая там, на фиг, конкурентоспособность! Не говоря про открытость. Смех один!

КАК ТУТ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?

Виктор Ерофеев

У нас на дворе год-рентген.

У нас на дворе расцвел огненный куст: год-апокалипсис.

Мы все упивались поэмой «Москва — Петушки». Нам нравилось пьяное быдло. Нам они казались святыми. Мы считали себя ниже них. Настало время этих святых.

По ком звонит колокол? По ком воет волком русская интеллигенция?

Мы опустились на дно. Оглянулись! Соседи, родные, плывите к нам! Давайте жить вместе! Ну, чего вы, суки, не плывете к нам на дно?

Это можно считать рекордом Гиннеса. Даже для русской истории, знакомой с разными поворотами, трудно вообразить нечто похожее. Мы чемпионы! Жить в такую пору! Этим можно гордиться.

Коленца русской истории. Мог ли я представить себе в 1979 году, делая «Метрополь», что будет война Москва — Киев?

Спасибо власти! Спасибо народу!

Взявшись за руки, они организовали невиданную вещь.

Кто-то кликушествует, считая, что это путь к третьей мировой войне.

Кто-то зычно кричит: позор!

А разве не понятно было?

Власть была буфером. Она и сейчас буфер. Дай народу свободные выборы, нынешнюю власть смоеет волна бескомпромиссного народа. Покорением Крыма власть не отделается! Она отчитается за все нюансы. Жириновский будет казаться меньшим из всех зол.

После падения СССР власть поворачивалась к Западу масками Гайдара и Чубайса, брала в свидетели Сахарова. Но это были только маски. Настало время отвернуться от Запада, показать им наше истинное лицо, отражение нашего зада.

После Второй мировой войны освобожденные нации больше всего ненавидели своих пронемецких идеологов-пропагандистов. Многие были повешены или расстреляны.

Но у нас есть золотой парашют забвения. Мы очень скоро забудем о войне Москва — Киев, как бы она ни кончилась. Забудем так же, как забыли войну в Руанде. Мы всё забудем.

Мы когда-то ошибочно думали, что придет новое поколение и покается за всех, как в Германии. Пришло новое поколение. С дубиной в руках.

Спасибо Путину. Он устроил детальный просмотр русской души. Телевизор, как рентген, показал внутренности народных страстей и желаний. Телевизор заговорил не на языке пропаганды, а на родном, народном языке. Здравствуй, наш первородный расизм!

Интеллигенция стала маргинальным элементом общества. У раздробленных остатков интеллигенции опустились руки, повисли, как плети: как жить дальше?

Как тут жить дальше?

Что за смешной вопрос! Как будто в первый раз! Как будто малые обидчивые дети! Вспомним послереволюционный сборник «Из глубины», состоящий в основном из веховцев. Очнулись! Стали обзывать народ «свинными рылами». И Розанов — туда же. Но «свинные рыла» были всегда по-своему последовательны. Они отрицали Европу в лице Минина и Пожарского. Они не желали освободиться от крепостного права благодаря Наполеону, они шли к Николаю Второму под знаменами и хуругвями черной сотни, физически уничтожающей либералов.

Привыкаем жить маргинальным элементом, чужим, враждебным, как после революции.

После революции, чтобы не умереть с голоду, интеллигенция ушла в просвещение. Просветитель Горький создавал планы окультуривания России. А социально близкая народу власть воплотила проект полной грамотности населения. Благодаря общей грамотности русского человека сменил советский.

Новый этап просвещения на многие годы?

Сoup d'etat размером в Кремль?

Заговор среднего класса?

Его не хватит и на полплощади.

Народ в восторге от запретов. Народ мечтает вспомнить молодость и встать в бесконечную очередь за лучшей в мире говенной колбасой.

Интеллигенция перетрется. Ее мелкие оппозиционные СМИ никого по-настоящему не волнуют. Если их запрещать, опять загудят «голоса» из-за кордона. Какого черта! Пусть лучше сами себя разоблачают. Уничтожить никогда не поздно. Большой террор под народные аплодисменты. Моральный террор уже в действии.

Россия подписала себе не приговор, а охранную грамоту. В этой грамоте говорится, что мы способны жить по-своему.

Мы расплачиваемся за детские комплексы и взрослые обиды Одного Человека. Мы расплачиваемся за слабости современного Запада. Мы расплачиваемся за то, что Запад повернулся к Одному Человеку так, что он увидел его продажность (Шредер) и его распущенность (Берлускони). Этот Запад вызвал, как рвоту, только презрение. Этот Запад можно перебить соплей. Кто виноват, что ему не показали другого Запада? Кто виноват, что он — не читатель? Он если и читал, то не то.

Развод по-русски. Мы вползаем в самую длинную агонию в мире. Ставим еще один рекорд Гиннеса. Как приятно, как это по-нашему, Одному Человеку, окруженному малой кучкой верных друзей, соратников по шашлыкам молодости, пугать всю Европу, страшить целый мир!

Они там, в своей сраной Европе, волнуются, перезваниваются, ему тоже звонят, этому Одному Человеку, увещевают, виляют хвостами, подтаивают... Он знает, что его не любят, зато боятся, и это хорошо. И верные друзья хохочут здоровым хохотом, заливаются, плюя на idiotские санкции, видя, как его и их вместе с ним все боятся.

А трупы?

Трупы спрячьте! Это наша маленькая военная хитрость.

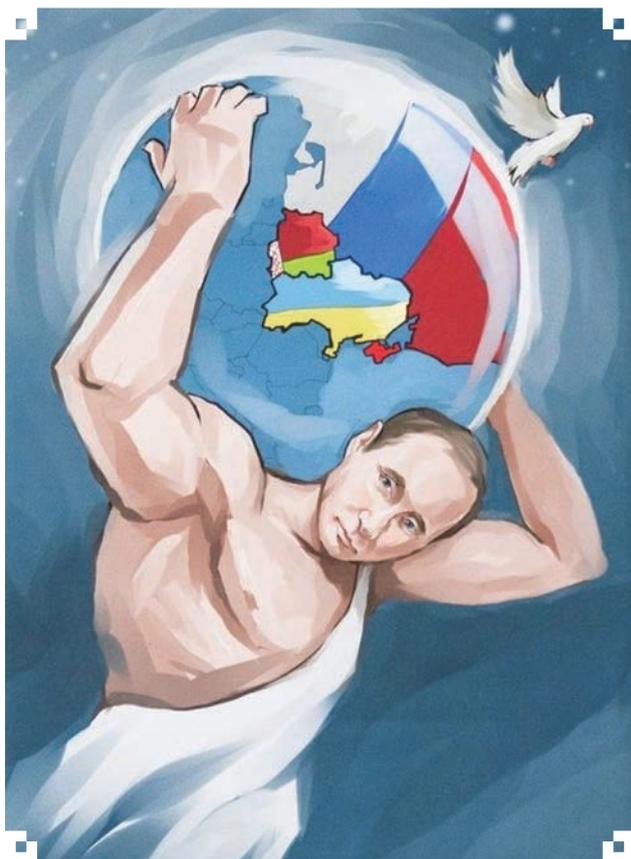
А какая война без трупов? И что они значат — эти трупы?

Вот так в Европе не скажут! И в этом их слабость.

Вот новость 2014 года (стара, как русский мир): мы — не европейцы! И мы этим гордимся! Мы никогда не были европейцами.

А кто мы? Мы — матрешки в камуфляже. Русский мир без границ. Мы все русским миром мазаны.

Матрешки победят, потому что русская душа боится смерти меньше других, меньше всех. А потому она меньше боится смерти, что она закреплена не за личностью, которая берет ответственность за жизнь, а за человеком, у которого нет представления о какой-то там ответственности. Кто сказал: быдло?

Это другой распорядок души. Он встречается в разных районах мира, например, в африканских деревнях. Я люблю ездить в Африку. Они там братья. На белых смотрят свысока. У них религия прямого действия, как и у нас, белых по неволе!

А Китай? Там тоже не боятся смерти?

Мы готовы наперегонки с китайцами соревноваться, кто меньше боится смерти.

Но мы их в конце концов тоже забьем.

Мы им как бы отдадимся, но потом забьем. Как это получится, мы не знаем, но это получится. Мы не любим китайцев. Мы любим песенки из Европы, но наши лучше, шансон богаче. А уазик лучший внедорожник в мире!

Интеллигенция наступает на старые грабли. Она обвиняет власть, а не народ. Но как обвинять народ? В чем? В том, что он народ? Просвещенный класс видит в народе объект истории, который оболванивают, а не субъект, который сам по себе феноменален.

Мы думали: там шкатулка с драгоценностями. Так думать нам помогали самые лучшие в XIX: Достоевский и Тол-

стой. Так думали почти все наши писатели, деревенщики, Солженицын...

А там оказался гроб с гниющими потрохами. В 2014 году открыли гроб. Ударил запах!

Что будет? Ничего не будет.

Тайное стало явным.

Для подавляющего меньшинства.

Да, со временем можно будет снова сходить в Европу, хотя мы дали подлинную причину нас ненавидеть полякам, балтам, даже болгар смутили.

Мы не влезли в Европу, не прошли сквозь ушко, потому что и сами в своем подавляющем меньшинстве мы половинчатые, жрем водку и любим феррари. Мы любим свое безобразие. Мы обожаем Флобера и «Москву — Петушки».

Русскими европейцами или европейцами наполовину быть можно, но это не работает!

Нет польских европейцев или французских. Мы хотим быть европейцами, но при условии нашего безобразия.

Ни рождения, ни возрождения.

В Советском Союзе мы выжили, хотя вокруг весь разговор был тарабарский. Но там чем дальше, тем больше развивалось чувство неверия в утопию. Нами правили осенние мухи. А сейчас только что открыли шлюзы. Умно сделано! Так можно продержаться какое-то время. А то быть всего-навсего подражателем Европы? Гнаться за тем, чтобы перегнуть Португалию! Да гори она огнем! Шлюзы открыты. Но в конце концов опять будут править осенние мухи. Ответим новым Серебряным веком на столыпинскую реакцию, на столыпинские вагоны и галстуки. Но где же эти таланты?

В дальней перспективе в организме России начнется новая война двух вирусов: имперского и европейского. Но надеяться на то, что народ когда-либо заразится европейским духом, крайне сложно. Надо будет дожидаться нового Петра Первого с его принудительными проевропейскими реформами. Его пока что не видать.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ РОССИЯ ЗА ПОЛГОДА ПОСЛЕ КРЫМА

Владислав Иноземцев

На этой неделе исполняется ровно полгода с того момента, когда в Крыму был проведен референдум о независимости от Украины — о независимости, которая, продлившись считанные часы, привела полуостров в состав Российской Федерации. Присоединение Крыма к России возбудило сепаратистские настроения в Донецкой и Луганской областях и дало старт кровавой гражданской войне в соседнем государстве. И уже сейчас можно утверждать, что посткрымская Россия существенно отличается от докрымской, что наша страна — это совсем иное государство, чем то, в котором все мы жили пять или десять лет назад. Различий масса, и я остановлюсь только на самых очевидных из них.

Во-первых, посткрымская Россия — это страна, ставшая международным изгоем, считающаяся отъявленным нарушителем международного права. Крым не имел юридической возможности выйти из состава унитарной Украины, и это значит, что он был де-факто аннексирован Москвой. Даже если слово «агрессия» не произносится официально — из-за права вето или ядерного статуса, которыми обладает наша страна, действия России на Западе трактуются

именно так. Мы получили несколько волн санкций, и последняя из них, вступившая в силу 12 сентября, показывает, что отторжение России от мира будет продолжаться и дальше — до тех пор, пока Москва не пойдет на попятную, а она на нее не пойдет. Посткрымская Россия — это Россия автаркичная.

Во-вторых, посткрымская Россия — это страна, сознательно поставившая крест на экономическом росте, а значит, и на пресловутом «путинском договоре» (власть обеспечивает подъем благосостояния, население не предъявляет ей политических требований). После того как резервы будут растрочены на социальные пособия или розданы приближенным госкомпаниям, гражданами страны можно будет управлять только жесткой силой, а не неформальными договоренностями. С 2014 года вал зачетов и ограничений стал намного большим, чем, например, в годы президентства Дмитрия Медведева, и он будет только нарастать. Авторитарные тенденции в обществе станут усиливаться, и для того сейчас есть все предпосылки — от «мобилизованности» массового сознания до утраты интереса к демократическим процедурам и устойчивого отторжения опыта других стран и народов. При этом протестный потенциал общества сегодня крайне низок. Посткрымская Россия — это Россия авторитарная.

В-третьих, посткрымская Россия — это страна, отказавшаяся от реального шанса поймать новую технологическую волну. Все эпохи быстрого развития нашей страны (от Петра I через конец XIX века к сталинской индустриализации и прорывам 1960-х годов) представляли собой периоды массивных технологических заимствований, а порой и периоды притока из-за рубежа значительных капиталов и массы людей, чье присутствие заметно меняло управленческие практики. Сейчас вектор повернут в другую сторону: если даже к россиянам, имеющим двойное гражданство или вид на жительство в иных странах, государство относится с нескрываемым подозрением, то что говорить о настоящих иностранцах? Если мы и впрямь надеемся обойтись тем, что создадут «Роснано» и «Ростехнологии», то о каком новом технологическом укладе можно вести речь?

Между тем именно в наше время происходят подвижки в группе мировых технологических лидеров. Не попав в нее сегодня, страна теряет возможность оказаться в ней завтра. Мы осознанно выбрали этот особый путь — и скоро почувствуем его результаты. Посткрымская Россия — это Россия ретроградная.

В-четвертых, посткрымская Россия — это страна, допустившая героизацию насилия и нарушения законности. Логика поддержки сепаратизма Крыма и повстанческого движения на Донбассе решительно диссонирует с принципами порядка, безопасности и стабильности, пропове-

довавшимися на протяжении большей части последнего десятилетия. Российское руководство сегодня фактически рукоплещет тем, кто практикует сепаратизм и низвергает законные органы управления.

В результате наше общество все легче принимает доведенные до абсолюта двойные стандарты, становится терпимым ко лжи и обману и, что самое опасное, спокойно воспринимает насилие как инструмент решения политических и гражданских споров. Сегодня ничто не мешает украинской гражданской войне быть имплантированной на российскую почву и серьезно подорвать фундамент российской государственности. Посткрымская Россия — это еще и Россия, нигилистически относящаяся к праву.

В-пятых, посткрымская Россия — это страна, в которой нарастают тенденции к исходу. Присоединение Крыма и те негативные тренды, которые порождены его последствиями, несут в себе серьезную угрозу прежнему единству страны. С одной стороны, мы и так уже видим резкое увеличение оттока населения: если, по официальным данным, число уезжавших из России в 2008–2011 годах составляло менее 40 тыс. человек в год, то в 2012-м оно достигло 122,8 тыс., а в 2013-м — 186,4 тыс. человек. По итогам 2014

года показатель наверняка будет превышен. Значит, за десять лет мы потеряем столько же людей, сколько присоединили вместе с Крымом.

С другой стороны, «особый статус» Крыма подтолкнет стремление других регионов страны к утверждению и их собственной «особости». Почему, например, эксклавному Крыму причитается до 2020 года почти 700 млрд руб., а не менее эксклавному Калининграду достанутся, судя по всему, только последствия торговых эмбарго? Да и почему, если мы так приветствуем федерализацию Донбасса, растет страх перед федерализацией Сибири? Посткрымская Россия — это Россия центробежная.

Список можно продолжать, но основной вектор выглядит понятным — и малоутешительным. Присоединение Крыма и поддержка сепаратистов на востоке Украины разделили эпоху Путина на «до» и «после»: на период экономического роста, неактуальности политики, апологии порядка и при этом относительной открытости и на период хозяйственной стагнации, политической неопределенности, восхищения насилием и пассионарностью и при этом быстрого отчуждения страны от внешнего мира.

Посткрымская Россия — это страна, в которой за вуалью исключительной самоуверенности скрываются серьезные комплексы неполноценности и уязвимости. Можно согласиться с теми экспертами, которые считают, что политика России на Украине — своего рода попытка нанести упреждающий удар по тем угрозам, которые виделись там нашей элите. Но были ли те угрозы достойны такой контрреакции? К чему ведет нас представление всего мира в качестве врага, а России — как осажденной крепости? На все эти вопросы пока не дано ответов, и пока их нет, нельзя окончательно понять, что именно окажется самой важной чертой посткрымской России. Но с этим можно и смириться — ведь ждать ответа, видимо, осталось недолго.

СТО ЛЕТ НЕВЕЖЕСТВА

Владимир Пастухов

Тот, кто внимательно следит за событиями в России, не может оставить незамеченными качественные перемены в русском «культурном слое». Они обнаруживают себя, в первую очередь, в смене доминирующего «культурного типа». Хотя и чисто «количественные показатели» тоже имеют значение. Снижение «абсолютного» культурного уровня в России является пугающей тенденцией, которую, по-видимому, в будущем нельзя будет игнорировать.

Следует, правда, сразу оговориться, что это не какая-то новая тенденция, а продолжение движения по траектории, заданной еще большевистской революцией почти сто лет тому назад.

Обратная конвертация

В очередной раз задуматься о состоянии русской культуры меня заставил только что представленный в Кентербери Мэтью Боурном балет по мотивам романа Нобелевского лауреата Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Я даже не предполагал, что кто-то сможет так выразительно и объемно, при помощи танца, смоделировать процесс обратной эволюции человека в обезьяну.

Известно, что генотип человека отличается от гено-типа обезьяны на жалкие проценты, но их оказывается достаточно, чтобы прочертить непреодолимую границу между приматами и людьми.

Мэтью Боурн наглядно доказал, что такие же доли процентов отличают человеческое общество от дикого стада, и обратная конвертация первого во второе может произойти стремительно.

Политика Кремля, сформированная на почве противостояния Западу в борьбе за влияние на Украину, чревата серьезными культурными рисками, которые вряд ли учитывались архитекторами нового кремлевского курса. Риск этот состоит в том, что, сам того не желая, Кремль запускает механизм «децивилизации» русского общества, который, если вовремя не будут приняты какие-то экстраординарные меры, может оказаться необратимым.

Многое из того, что происходит сегодня в России и что вызывает справедливое возмущение либерально настроенной просвещенной общественности, не является непосредственной частью какого-то злобешего «кремлевского плана», а происходит автоматически, является живым «творчеством масс», которые таким образом выплескивают наружу скопившееся за долгие годы раздражение.

И именно это обстоятельство является наиболее пугающим.

Где «мыслящий тростник»?

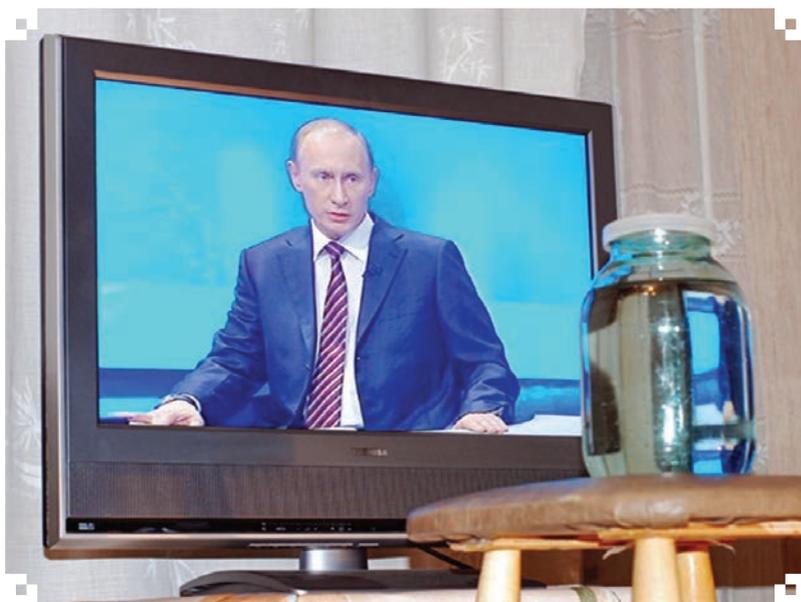
Одновременно происходит вымывание культурных элементов из политического слоя. Это напоминает потерю кальция в костях при остеопорозе — по внешнему виду вроде та же кость, но внутри повсюду пустоты.

Места на самом верху политической пирамиды все чаще оказываются оккупированы полуобразованными провинциалами. Из каких-то неведомых политических щелей вылезают дремучие, невежественные люди, имеющие самое смутное представление об истории и культуре той цивилизации, достоинство которой они взялись защищать. Многие публичные заявления государственных деятелей «новейшей волны» вызывают шок не столько своей реакционностью (что еще можно было бы понять), сколько своей безграмотностью.

Безусловно, Константин Победоносцев, советник российского императора Александра III, похоронившего реформаторский курс своего великого отца, был не менее реакционен, чем многие деятели нынешней российской Думы, но его, по крайней мере, нельзя было заподозрить в тотальной некультурности.

К сожалению, то, что происходит сегодня в России, не является беспрецедентным случаем в истории мировой культуры. Нечто подобное с тревогой наблюдали многие интеллектуалы в России и в Германии в 30-е годы прошлого века. Эренбург неоднократно в своих воспоминаниях обращался к теме «мыслящего тростника» — очень тонкого слоя элиты, который удерживает общество от возвращения в состояние первобытной дикости.

Великий социальный психолог Райх, имевший печальную привилегию наблюдать за погружением Третьего рейха в пучину безумия, писал о том, что достаточно сломать в сознании человека тонкую плотину, сдерживающую томящиеся в его подсознании комплексы и подавленные инстинкты, как он мгновенно превратится в большое и злобное животное.

Тренд «мыслебоязни»

Наблюдаемое сегодня в России повсеместно общее понижение уровня культурности вписывается в тенденцию, обозначенную еще большевиками. Отдавая должное их заслугам по продвижению культуры «вширь», нельзя умолчать о том, что именно они первыми нанесли непоправимый удар по весьма тонкому и уязвимому русскому культурному слою.

Часть этого слоя, тем не менее, уцелела и помогла состояться тому, что принято называть «советской интеллигенцией». Однако социальная оргия 90-х годов прошлого века, приведшая к тотальной криминализации и пауперизации российского общества, покончила и с «советской интеллигенцией». Ее разрозненные остатки продолжали по инерции оказывать на общественную жизнь России какое-то ограниченное влияние в последующее десятилетие.

Но, похоже, этому инерционному влиянию теперь приходит конец, и на авансцену русской культуры выходит новый невежественный герой.

До сих пор демографический кризис рассматривался как главная стратегическая угроза существованию российской цивилизации. Но есть еще более насущная угроза — истончение «культурного слоя», которое происходит быстрее, чем депопуляции русского населения вследствие невысокой рождаемости и высокой эмиграции.

Дистрофия культуры, похоже, становится хроническим негативным фоном для всех будущих российских кризисов. При этом застарелая русская болезнь — мыслебоязнь, о которой так много было написано в России в начале прошлого века, когда большевизм только обозначил новый культурный тренд (в том числе авторами знаменитых «Вех»), снова в полную силу проявляет себя.

О хвосте и собаке

Мыслебоязнь идет рука об руку с социальным инфантилизмом. Многие русские умы — блестящи. Это доказывается, в том числе, теми результатами, которых достигают выехавшие на Запад русские ученые в европейских и американских университетах.

Но, пожалуй, нигде, кроме России, не могут так гротескно сосуществовать в одном человеке высокая профессиональная («техническая») культура с социальной безответственностью и «гуманитарной ограниченностью».

Умные и весьма подкованные в своем деле люди мгновенно превращаются в варваров, когда речь заходит о разрешении общественных конфликтов, будь то спор соседей в подъезде многоэтажного дома или война с Украиной.

Вырвавшаяся из-под опеки культурного слоя достаточно невежественная и грубая людская масса, пребывающая в состоянии перманентного аффекта, грозит превратиться в России в тот самый хвост, который виляет собакой.

Кремль ошибочно полагает, что может легко манипулировать настроениями людей. Но это дорога с односторонним движением. «Патриотический подъем», инициированный Кремлем, дал весьма неприятный побочный эффект, развязав темные общественные инстинкты — Николай Бердяев образно называл их «темным вином русской истории».

Эти страсти, высвободившиеся из-под контроля рассудка, нельзя обуздать «по приказу», когда захочется. Инстинкт — не воробей, вылетит — не поймаешь.

Истерику можно продуманно спровоцировать, но из нее нельзя так же продуманно выйти. Для этого, как правило, нужна шоковая терапия. Немцам в прошлом веке для этого потребовалось поражение в страшной войне. Русских вылечила победа, равная по заплаченной за нее цене поражению.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ОСОБЫЙ ПУТЬ

Борис Дубин

За последние два столетия слова об особости России, русском пути, характере, человеке навязли в зубах. Но в отличие от общепринятого подхода я буду искать это особенное не в прошлом, а в настоящем. Прошлое может экранировать, заслонять от человека настоящее. Конечно, определенные элементы российской особости реально существуют, это не только фантазии. Они затрагивают способ организации нашей жизни, коллективное существование, в котором люди понимают себя, говорят и действуют, исходя из того, что они особенные.

С весны 2014 г. в общественном мнении значительно возросло представление о том, что Россия – особая страна, а российский человек – особый человек. Относительное большинство – около 40% респондентов Центра Левады – считает Россию страной с особым укладом. Порядка половины считают, что страна должна и дальше двигаться в этом направлении. Увеличение доли верящих в особый путь России сопровождается ростом позитивного отношения к власти и негативного отношения к Западу, включая Европу.

Идея российской особости не просто поддерживается – она всячески выдвигается средствами массовой информации. Во многом на ней построена телевизионная риторика, а ТВ смотрят 90-94% россиян. На формирование представления о российской особости работают основные телеканалы, эта идея положена в основу госполитики в области культуры. Помогают и победы России на спортивных полях. Это символ российской особости: каждая победа еще больше разворачивает маховик особости в российском коллективном сознании.

В чем же заключается российская особость с точки зрения носителей этого мнения? Пропустив данные соцопросов через методологическое сито, мы получаем несколько пунктов.

1. Представление об особом характере государства. Это социальное государство, которое заботится о своих подданных.

2. Особый характер власти и отношений с властью: она беспредельно далека от народа, но выступает как строгий отец, который опекает, наказывает, поддерживает. Без него порядка в большой семье быть не может.

3. Промежуточное положение между Европой и Азией.

4. Очень важное представление о россиянах как общности особого типа. Это массовидная общность, где все принято решать сообща, где косо смотрят на человека, который пытается делать что-то только для себя. «Мы не рвемся за достижениями и богатством, нам важно, что мы все вместе» – этот аморфно-массовидный характер российского социума входит в представление об особости страны.

5. Еще один важный пункт – тавтологическое, семантически пустое утверждение, что у россиян одни ценно-

сти, а на Западе – другие. Немногие смогут рассказать вам, в чем заключаются традиционные российские ценности. Но важна сама апелляция, что эти ценности есть и что они российские.

В чем состоят функции представлений о российской особости? Первое: в том, чтобы разграничить «нас» и «их», Россию и остальной мир. Второе: с помощью этих представлений население и отдельные люди передают власти всю инициативу, всю возможность действовать, а с себя снимают ответственность за происходящее. От 2/3 до 3/4 россиян говорят, что они ни на что в стране не влияют. А 75-80% – что не принимают и не хотят принимать участие в политике.

Третья функция представлений о российской особости – утвердить то, что есть, и не говорить о том, что могло бы быть. В словосочетаниях «российский путь» и «особый путь» ударение падает не на слово «путь», а на слова «российский» и «особый». Вся эта конструкция не задает направление, характер и смысл движения.

Передавая ответственность власти и снимая ее с себя, общественное мнение вручает власти рычаг, который позволяет ей приспосабливаться к любой ситуации и тянуть за собой покорное население. В СССР – да и сейчас – у власти было две основные заботы: развязать «инициативу масс» (это сложно, когда вся инициатива была пере-

дана власти) и дать простор соревновательности. Настоящей, а не той, где победители известны заранее. Это ограничитель для модернизации, которая предполагает свободную соревновательность, современные формы неархаичной солидарности.

Конструкция особого пути России интегрирует три разных плана коллективного существования России. Это 1) авторитарно-патерналистская власть, 2) рассеянные, снявшие с себя ответственность массы и 3) современные институты – рынок, суд, производство, образование, здравоохранение. Конструкция особого пути позволяет этим трем планам поддерживать друг друга. Но чтобы в ней появились современные институты, необходимо выполнение двух условий: они должны получить санкцию со стороны авторитарной власти и интерпретацию, перевод со стороны населения. Такой подход позволяет власти использовать ресурс современных рыночных институтов, а населению – применятся к новым для себя правилам игры. Конструкция работает, и около 80% населения ею удовлетворены.

Люди живут сложно и по-разному, социальные группы можно описывать как разные типы рациональности и морали. В этой ситуации можно разговаривать благодаря культуре – обобщающей системе смыслов, которая существует поверх разницы между социальными группами, пишут в книге «Критика и обоснование справедливости» Люк Болтански и Лорано Тевено (М., НЛО, 2013). И здесь они высказывают поразившую меня мысль: «Для достижения согласия по поводу того, что является справедливым, люди должны обладать знанием об общем благе и представлением о метафизике». Метафизика – это выход за пределы непосредственной реальности. Но саму возможность согласия авторы видят только в случае, когда те, кто выносит суждение, соотносятся не только с представлением об общем благе, но и с метафизикой как универсальной системой смыслов.

Это традиция Просвещения, линия от Канта до Ханны

Арендт. Суждение становится значимым, если оно основано на потенциальном согласии не только с реальными, но и с воображаемыми (метафизическими) «другими». Есть «другой», на чье место надо себя поставить, чью точку зрения принять во внимание. Это специфическая политическая способность, это правила политического действия. Политика – это не сфера, где власть действует, а люди передали ей все права и полномочия. В политике люди действуют с учетом других ракурсов (точек зрения) и выносят суждение только в процедуре согласования с другими. Политика ставит общественные рамки индивидуальному, групповому. Это невозможно без культуры, задача которой – опосредовать отношения между частным и всеобщим.

Вернемся к России. Здесь царит патриархальный мир. Не в том смысле, что мы живем как наши деды, а в том, что это мир устойчивых статусов. Если ты отец, то ведешь себя как отец. Если ты начальник – ведешь себя как начальник. Если ты глава страны – ты ведешь себя как глава страны. В мире жестко закрепленных статусов никто ни с кем не обязан советоваться.

Это мир репутаций. Обычный россиянин, конечно, принимает во внимание, что существуют еще и другие люди. Но они становятся для него предметом интереса лишь в том отношении, сильнее они или слабее, чем он; есть ли у них то, чего у него нет, но было бы нужно. Это основа для социального сравнения и зависти. В мире репутаций и престижа другие предстают в коллективном сознании именно так. По опросам Центра Левады, 2/3 респондентов считают, что они зарабатывают меньше, чем заслуживают и чем получают другие, выполняющие ту же работу. Вы же понимаете, что статистически это невозможно! Но фигура большинства, которое получает меньше, чем заслуживает, есть и успешно воспроизводится.

В российских условиях «свое» и «чужое» не разграничены и не обозначены культурно. Россиянин существует как бы в ничейном, ничьем мире, и его хочется захва-

тять. Или приходится мучиться от того, что не сумел, не набрался смелости это сделать. Либо захват – либо раздражение, тоска, мучение от того, что хочется захватить, а невозможно. Это влечет за собой «ресентимент» в смысле Ницше и Шелера: сознание собственного бессилия, невозможности владеть тем, что хочешь и чего заслуживаешь. В этом смысле российский социум не принимает различий, не допускает, что все разные.

Для россиянина проблемой является и свое (кто я, чем владею, почему), и чужое (почему у него нечто есть, а у меня нет). Нет культурных границ, которые бы маркировали свое и чужое и заставляли уважать границу между ними. Ни своего, ни чужого, ни равных, ни разных. Россиянин переводит любые различия в иерархические – будто бы это не различия людей, талантов, темпераментов, интересов, склонностей, точек зрения на жизнь, а разница позиций (статусов). В этом мире все различия переводятся в термины «выше – ниже». Равенство признается только для бедных, лишенных чего-то: равенство в рабстве.

Вся эта риторика формируется в условиях постоянной длительной несвободы и сама формирует фундаментальное недоверие к другим людям. От 2/3 до 3/4 респондентов считают, что другим людям доверять нельзя. В эту позицию свернуто представление о другом как о незаслуженном владельце того, чего у меня нет. Я отчужден от другого и уверен, что он хочет мне плохого и что у него это не получится. Моя роль пассивна, действуют (против нас) только другие. Мы молчим, а они требуют. Но у них это заведомо не получится, и мы правы, даже если молчим. Недоверие – это способ снижения образа другого, а заодно отыгрывание страхов неудачи и потери. Пред-

ставление о другом и о собственных возможностях существует в этой конструкции в залого утрат. У меня чего-то нет, только у них есть. Это ведет к параличу действия: мы молчим, а они требуют.

Для россиян чрезвычайно важно требование справедливости – к власти, к другим людям. Но это требование подразумевает исключение для меня. Это они должны быть со мной справедливы, а я имею право действовать по-другому. По сути, это конструкция первого лица: у него есть возможности, но нет ответственности, он может вести себя как заблагорассудится. Это исключение себя из ситуации, фигура слепого пятна: я тот, кого я не вижу, но у кого поэтому есть право на исключение.

Практика общественного мнения в России, риторика власти и отдельных групп, которые на нее претендуют, состоит не в выделении собственной, особой точки зрения, а в ее соединении с любой другой. Нет ничего чужого. Точка зрения других лишь ресурс для моего самооправдания. Власть легко использует риторику вчерашних правозащитников и интеллигентов. Берется любая точка зрения и соединяется с любой другой. Таков язык власти, общественного мнения, СМИ. Поэтому в нем нет общего, обобщенного, универсального языка, ценностей и ориентиров. Все зависит от практической ситуации, сегодняшних геополитических интересов. Вместо риторики оправдания и обоснования своей позиции и признания относительной правоты другого – «предъява», «наезд», «разборка», «склока», «выясняловка». Все это взаимодействие без взаимности.

В российской публичной сфере принципиально не ставится вопрос «Могу ли я стать другим?». Есть две инстанции, апелляция к которым позволяет уйти от во-

проса, – враг и прошлое. Можно вынести вопрос в прошлое или перевести его на фигуру врага: и то и другое разгружает тебя от ответственности и необходимости реальных действий, изменений. С фигурой врага связано ощущение опасности, оно чрезвычайно существенно для российского общественного мнения и сопровождает отношение россиян к социальной и политической реальности. Отсюда же роль особого, необычайного, экстраординарного: необычайное положение, «особые отделы» имеют решающее значение в российской жизни.

При всем ментальном отчуждении населения от власти мы имеем дело с общим социально-политическим порядком. Люди во власти ровно такие же, как мы, они так же сформированы, думают так же, как люди, отказывающиеся от свободы. Бегство от свободы не исключительно российская традиция. Это фаза в существовании современных обществ, связанная с их вхождением в современное состояние с его вызовами. Россия категорически не хочет поставить обе ноги в современное состояние. Тут сходятся интересы власти, культуры, многих элитных групп. Мы все еще входим в модернность. И испытываем шоки, бежим от свободы. Этот этап переживали Германия, Япония, Испания, Италия и т. д. Бегство от свободы – это реакция на определенные обстоятельства, но в России она закрепилась и повторяется. История в России переживается только как повторение, а не как разнообразие вариантов, о которых стоит подумать. «Мы не сделали и не будем делать того, что пытаются делать другие, поэтому Крым будет наш».

Нелады в восприятии себя и других ведут к специфической модели времени: его нет. Как будто завтра, послезавтра, через 200 лет будет то же самое – время выключено. И «другие» отключены. Идея времени возникает у людей, когда они видят других, разнообразие. Как сказал один из советских чиновников писателю Василию Гроссману, ваш роман не будет напечатан и через 300 лет.

Он пытался выключить время. Вторая модель восприятия времени – через повторение, ссылку на прецедент, вечные русские ценности. Время закольцовывается или принадлежит только мне, и его можно по желанию включить или выключить.

Возможность выйти из этой конструкции связана с признанием того, что на свете существует кто-то кроме меня. С отказом от нарциссической точки зрения. Рано или поздно Нарциссу приходится признать, что на свете существует еще кто-то и не все из этих «других» обязательно враги или наши «бывшие» – национал-предатели и т. д. Когда-то это придется признать. Это зависит не только от россиян, но и от «других». Надо сделать так, чтобы россияне поняли: на свете существуют еще другие люди, нации, группы кроме них самих. Пока же нарциссизм оказывается основным направлением государственной, гражданской и военной политики. Шанс вырваться из нарциссизма есть. Но с российской стороны его пока использует явное меньшинство.

Фигура значимого «другого», «других» возникла в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда Россия пробовала возможные свободы. Другой воспринимался как партнер, с которым ты связан, который не обижает тебя тем фактом, что он другой, а наоборот, этим и интересен. Вам интересно, потому что вы разные. Если этого интереса нет, возникает опасная изоляция.

Можно ли измениться, стать другим? «Живи опасно», – говорил Ницше. Надо пытаться принимать свою и чужую точки зрения и пытаться находить свою позицию, не отдаваясь. Очень важно скорее оказаться в позиции, когда ты признаешь, что ты не самый хороший, умный, сильный, вообще не единственный на свете и стоит попробовать стать другим. Надо задуматься каким. Вызов стать другим перечеркивает многое в повседневном существовании и российских политических институтах.

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были...*

Василий Жуковский

A lit candle sits on an open book, casting a warm glow. The candle is yellow with a bright flame. The book's pages are visible, showing some text. The background is dark, making the candle and book stand out.

*Книга
памяти*

«БУДЕТ НЕ ХВАТАТЬ ЕЕ СВОБОДЫ...»

Памяти Натальи Горбаневской

Умерла Наталья Горбаневская. Кто она была мне и тысячам других людей? Что из всего этого первично: поэт, диссидент, политзаключенный, первый редактор и составитель «Хроники Текущих Событий»? Давайте по порядку... Я попробую рассказать о ней ее же словами. За последние три года она дала несколько интервью, часть – мне, часть – моим коллегам режиссерам Ксении и Кириллу Сахарновым, снявшим документальную ленту «5 минут свободы» о том, что общего у гражданского протеста 1968 года и сегодняшнего гражданского протеста.

«Хроника Текущих Событий». Периодическое издание, которое рассказывало гражданам СССР о нарушениях прав человека в стране. Наталья Горбаневская: «У нас собралось так много сведений. Сначала благодаря книге Анатолия Марченко (политзаключенный Анатолий Марченко, книга «Мои показания» - Н.Б.). Первая книга после сталинских лагерей, из которой мы узнали о людях, которые сидят сегодня. О процессах, которые у них были. Потом мы стали узнавать, что происходит на Украине, что происходит в русской провинции. И конечно, были люди, скажем, Андрей Амальрик, который общался с иностранными корреспондентами или с ними общался Петр Якир. Они им что-то передавали, те свои новости передавали по радио. Это все было разрозненно. Информация не собиралась. Тут мы встретили крымских татар. А они издавали свой информационный бюллетень. Регулярный. Конечно, у них была только одна тема – борьба крымско-татарского народа за возвращение на родину. И, может быть, эта форма информационного бюллетеня под-

толкнула к тому, чтобы не вести разговоры, а действительно что-то такое издать. Но как бы все ходили вокруг да около. Некому было взяться.

Это была общая идея. Я думаю, что прекрасным исполнителем этой идеи была бы Лариса Богораз. Но Лариса была занята связью с лагерями. Кроме того, она тогда придумала замечательную совершенно анкету, опрос бывших политзаключенных об условиях содержания в лагерях. Она была просто настолько занята, что когда ее арестовали на демонстрации, мы все подумали: ну, теперь Лариса отдохнет. Вот, а у меня был декретный отпуск. И появилось время. И тут вот выросла эта форма. Она не называлась «Хроникой текущих событий». Она называлась «Год прав человека в Советском Союзе». А «Хроника текущих событий» была подзаголовком. А что такое хроника текущих событий? Это была рубрика в передачах, в русских передачах ВВС. Вот оттуда это взялось. Красин говорил: «Вот как там у них по радио называется, вот так надо будет назвать». Должна сказать, что у нас мужики, они как бы идейно вдохновляли, а работали женщины. Моя идея была такая, чтобы бюллетень выходил каждые два месяца. Каждый месяц - это слишком часто. А больше - это слишком редко. Я закончила первый выпуск в ночь с 30 апреля на 1 мая (1968 года), и дату первое мая ставить не хотела, и он выходил по последним числам четных месяцев. Были внутренние принципы, выработанные на основе как редактирования различных коллективных писем, так и знакомства с письмами других. Ни в коем случае не жать на эмоции. Давать только информацию. Потому что я знаю, были такие письма: «Мы их приложим мордой об стол...». Вот никаких «мордой об стол». Пускай мордой об стол прикладывают факты. Сдержанность, информация, сдержанность в ее изложении, отсутствие того, что я называла поэтикой эпитетов».

Для чего все это было? В современных реалиях – для того, чтобы ГУВД Москвы не давало автоматических цифр по численности каждой массовой акции. Для того, чтобы люди знали: узники Болотной – не хулиганы, устроившие массовые беспорядки, а те, кого взяли за гражданскую позицию. Тогда это было опасно. Две статьи Уголовного Кодекса РСФСР карали за это, в частности за изготовление и распространение клеветнических сведений, к числу которых относилась и «Хроника». Первый выпуск, подготовленный Натальей Горбаневской, был объемом 15 страниц. У «Хроники» были разные редакторы, но на вопрос, кто был лучшим, я услышала нескромное: «Вы меня простите, но я! Я задала этот тон и они потом уже все этого тона держались. Хотя с другой стороны, мне уже осенью кто-то сказал: Наташка, это же невозможно читать, там слышна твоя интонация. Это интонация человека, про которого врачи института Сербского написали: говорит монотонно».

Дальше был август 1968 года. Горбаневская писала:

*А дело было в августе,
с пяти сторон светало:
под «Ах, майн либер Августин» -
берлинские войска,*

*московские - под «Яблочко»,
венгерские - под Листа
(двенадцать лет назад у них
раздавлена столица).
А вот болгары - подо что?
Что им под ногу подошло?
«Прощание славянки»?
И шли полки за рядом ряд,
и просыпался Пражский Град,
во сне услышав танки.*

Советские и союзнические войска вошли в Прагу, задушив «Пражскую весну». Советские газеты писали о всенародном одобрении такой акции. А 25 августа 8 человек вышли на Красную площадь с плакатами «За вашу и нашу свободу». Даже девять, ибо Горбаневская была с коляской, в которой спал маленький Оська... Впрочем, Оська в своем нежном возрасте успел уже и на допросе побывать: «Я у неё (у следователя Акимовой – Н.Б.) была за два дня до демонстрации на допросе по делу Иры Белгородской, и я пришла с Оськой, естественно, я с ним везде ходила, поскольку я его кормила, и он что-то ужасно разорался. Вот на демонстрации он вёл себя отлично. И на демонстрации, и в участке. А тут, я не знаю, что-то... пить он хотел, вода кончилась... В общем, ужасно разорался. И кто-то к ней заглянул: «Что у вас тут?» Она говорит: «Это у меня свидетель по делу Белгородской», - указывая на Оську». И так, их было восемь взрослых людей на 250-миллионную страну. Это мало? Горбаневская: «Перечислены по «Хронике текущих событий» известные к тому времени, то есть к середине 69-го года, случаи протеста. Сейчас их известно гораздо больше, но вообще-то я считаю, что вся страна минус один человек – это уже не вся страна, поэтому не нужно считать, сколько человек. Минус один – это уже не всенародное одобрение братской помощи. Минус 50, минус 100 – это ровно так же, не всенародное одобрение». Их было девять. Несудимый по причине малолетства Оська. Татьяна Баева, которую уже в отделении милиции друзья уговорили сказать, что оказалась там случайно. Перечисляю участников и в скобках - чем они за это загладили: Наталья Горбаневская и Виктор Файнберг (психушка и эмиграция), Вадим Делоне и Владимир Дремлюга (лагерь и эмиграция), Павел Литвинов (ссылка и эмиграция), Константин Бабицкий и Лариса Богораз (ссылка).

Горбаневская: «Мы ни на что не рассчитывали. Выразить, высказаться... Просто поступить по совести. Это был абсолютно глубоко личный поступок, хотя вышел он вроде в форме коллективного поступка, но для каждого это был чисто личный, личный нравственный поступок».

Демонстрация длилась ровно пять минут. Потом их взяли.

Горбаневская: «Я, скажем, не ожидала, что будут демонстрантов бить... Потому что, когда до того были демонстрации на Пушкинской площади, в которых я не участвовала, людей задерживали, хватили грубо очень, но вот такого, чтобы как у нас, прямо мчаться к демонстрантам... И бьют их тяжёлыми сумками и портфелями... Такого я

не ожидала. Более того, есть одна деталь, которой даже нет в моей книге. Мне недавно Литвинов рассказал, что Лариса слышала... Эти люди подбежали к нам первыми, любопытствующий народ шёл, естественно, своим ходом, подтягивался медленно. И вот когда народ начал подтягиваться, тогда из этих мужиков один скомандовал «Прекратить битьё». То есть, не бить на глазах у людей».

Горбаневскую сочли невменяемой: «Самое страшное - психбольница, конечно. Это же не просто психбольница, это спецпсихбольница. На тюремно-лагерном жаргоне называется «вечная койка». Кончилось это тем, что была комиссия во главе с психиатром города Москвы. Было написано: «Данных за подтверждение диагноза «шизофрения» нет, но временно пока оставить на учёте». Я, когда уезжала из Советского Союза, говорила: «Если бы я твёрдо знала, что меня здесь ждёт лагерь, я бы не уехала».

«...Моя сокамерница вырезала из газеты и повесила на стенку «Свободу Анджеле Дэвис». А когда врач говорит: «А что вы этим хотите сказать?» Она поглядела, говорит: «Я ничего не хочу сказать. Свободу Анджеле Дэвис!» И потом, перед... этапным вагоном, когда мы были в «воронке», в два больших бокса перед нами насажали мужиков. И те что-то услышали, говорят: «О, девочки! А что, за что?...» А я им объясняю, за что. А они говорят: «Ишь, что делают! Чужих Анджел защищают, а своих сажают». И потом в этапном вагоне, когда начали, наконец, после долгих часов езды выводить в уборную и когда я шла по коридору, они мне кричали: «Анджела, покажись!» И я шла так, повернув к ним левый профиль. И тут они мне кричали: «Ты что же врала, что ты 36-го года, ты 46-го!» Ну, а я, как всегда: «маленькая собачка до старости щенков», всегда выглядела девчонкой...».

И это было действительно так. До последнего дня. Поэтому так не верится, что она ушла. И будет очень не хватать ее картавого говорка, ее – вашей и нашей, черт возьми, Свободы... Ее стихов, ее внутренней прямоты... Я тут прочитала в чьих-то эссе оскорбительное, с моей точки зрения, слово «пэтесса» (как там у Гиппиус? «Я не объединяюсь по половому признаку»). Она была – поэт и правозащитник. Она была – и это можно сказать с благодарностью, по Василию Андреевичу Жуковскому.

Нателла БОЛТЯНСКАЯ

«РОДИТЬСЯ ОПТИМИСТОМ, ПОЛУЧИТЬ ОТ РОДИТЕЛЕЙ ГЕНЫ, НАПОЛНЕННЫЕ СОЛНЦЕМ...»

Памяти Татьяны Заславской

*Трудясь на ниве духа неустанно,
свершая небанальные дела,
Она звалась по-пушкински — Татьяной,
Она была по-пушкински светла.*

*Судьба нечасто одаряла лаской...
Но нам в науке по Её следам
идти, а им цвести — трудов Заславской
плодам, социологии садам!*

Юрий Чернецкий

Заголовок этих заметок – это фрагмент дневниковой записи Татьяны Ивановны Заславской, сделанной 16 февраля 1986 года: «Родиться оптимистом, получить от родителей гены, наполненные солнцем, разве это не высший подарок? Я была зачата в начале июля, в самом разгаре крымского лета. Вот откуда это вечное стремление к радости, к празднику, пусть даже маленькому, пусть даже будущему, только бы он был впереди». Приведенные слова очень много говорят о том, какой была Татьяна Ивановна.

На рубеже 1980-х – 90-х имя Заславской знала вся активная часть советского общества. Я познакомился с ней, когда в 1988 году начал работать во Всесоюзном центре по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). Но узнал ее лишь в середине июня 1990 года, когда большая группа московских и региональных сотрудников Центра участвовала в конференции в Алма-Ате. Мы летели туда из Москвы ночным рейсом, и мое место оказалось рядом с ее. Доверительность, открытость ночных разговоров с попутчиками – излюбленная тема русской классической литературы. По-видимому, то, что наблюдалось ими на небольших станциях, в вагонах поездов, верно и для самолетов. Мне повезло. Я увидел в Татьяне Ивановне то, чего в принципе не могли наблюдать миллионы телезрителей, да и многие ее коллеги. Мне открылись ее стремление, как можно больше узнать о жизни других людей, и ее готовность рассказывать о себе. Крайне редкое качество человека, тем более – находившегося на вершине, можно сказать, славы.

В 1993 году, когда я уже знал, что вскоре уеду из России в Америку, я пришел к Татьяне Ивановне домой и сообщил ей это. Она была первой в Москве, с кем я поделился планами моей семьи, и меня согрели ее слова: «Грустно, когда уезжают друзья».

Наши контакты, уже по электронной почте, возобновились лишь осенью 2005 года. Я предложил ей и она согласилась дать мне биографическое интервью. Прошло не менее полугода до того момента, когда наша «электронная беседа» через океан началась. Но для меня это время не было потерянным. В конце марта 2006 года она прислала мне документальную повесть-драму «Первый год войны», с подзаголовком «Через призму семейной переписки». Это рассказ 14-15 летней девушки, едущей из Киева в Ташкент с мало знакомыми людьми, и затем о ее жизни в Ташкенте. Прочтение дневниковых записей Тани Карповой (Заславская – фамилия по мужу) стали для меня вторым открытием Заславской. Они ввели меня в ее ценностный мир. Пройдет время, и кто-либо отважится написать роман, прообразом главной героини которого станет Татьяна Ивановна Заславская – академик РАН, один из ведущих экономистов и социологов страны, создатель Новосибирской школы экономической социологии и один из организаторов первого в СССР центра по изучению общественного мнения населения.

Содержание такого произведения будет определено трагической историей России в XX-XXI вв. Повествование может начаться как семейная сага и превратиться в социально-психологическую драму, где размышления и переживания героини будут неразрывным образом связаны с историческими реалиями нашей страны.

Карповых. Эта была одна из многих семей, косвенно обязанных фактом своего возникновения революции, - уж очень резко различалось социальное происхождение моих родителей. Моя мама происходила из высоко интеллигентной профессорской семьи, а папа – из семьи фабричного рабочего и крестьянки». Судьба распорядилась так, что от материнской семьи Заславская унаследовала способности к углубленной научной работе, от отцовской – уважение к крестьянскому труду, внимание к жизни деревни.

Героиня романа – не пассивный наблюдатель событий, в которые вовлекли её жизненные обстоятельства, а активный их участник. Более того, она оказывала влияние на ряд значимых для своего времени процессов. Татьяна Ивановна была человеком, входившим в узкую группу советских политиков и интеллектуалов, за которой в истории закрепилось имя «прорабы перестройки».

Даже в моих историко-социологических работах я не скрываю пристрастности своего отношения к ученым, чье творчество и чью жизнь рассматриваю. Тем более я не могу оставаться академически беспристрастным сейчас. Я уважал Татьяну Ивановну Заславскую как ученого и, зная ее четверть века, имел возможность убедиться в высочайшем уровне ее человеческих качеств и почувствовать ее глубокую женскую притягательность.

Сделанное ею в исследовании социально-экономических проблем СССР, а позже – России – относится к высшим достижениям современной российской социологии. Благодаря ее деятельности на посту Президента Советской социологической ассоциации социология после долгих лет развития была признана самостоятельной наукой. Она заслуженно относится к небольшой группе интеллектуалов и политиков, которые вошли в историю страны как «прорабы перестройки». Но никакой «звездности». В профессиональной и общественной деятельности Заславской четко просматривается уникальное соединение идеалов и ценностей, присущих до-революционной русской интеллигенции и поколению «шестидесятников».

Опубликованные мемуары Заславской начинаются словами: «Я родилась 9 апреля 1927 года в Киеве в семье Ивана Васильевича и Татьяны Георгиевны

В шесть лет Таня Карпова пошла в школу. Война, эвакуация заставили ее быстро повзрослеть, тем более, что ее мать погибла 21 июля 1941 года, при первой бомбежке Москвы. В конце 1942 года Таня вернулась из эвакуации в Москву, сдала экстерном экзамены за среднюю школу и поступила на физический факультет МГУ. Несмотря на все отличные оценки, она поняла, что физика – не её призвание, и перешла с четвертого курса физфака на второй – экономического. К концу обучения был сделан и выбор – на всю жизнь – изучение экономика села. «Сыграли роль гены», – говорила Татьяна Ивановна.

Перечислять сделанное Заславской невозможно, но если совсем кратко, то это – создание, вместе с ее учениками и последователями, экономической социологии – направления науки, нацеленного на анализ всего многообразия влияния экономики на жизнь общества. В 1965 году Заславская стала доктором наук, через три года ее избрали членом-корреспондентом АН СССР, а в 1981 году – действительным членом Академии наук.

Однако есть два пика в траектории ее многолетней деятельности, которые нельзя не назвать.

1983 год – звездный для Заславской и значимый в истории отечественной социологии. На представитель-

Е.П. Велихов, митрополит Питурич, Д.С. Лихачев, Ч.Т. Айтматов, Р.И. Хаитов, Т.И. Заславская

ной конференции в Новосибирске она сделала доклад о состоянии советской экономики. В нем была показана бесперспективность существовавшего хозяйственного механизма и сделан вывод о необходимости кардинальной перестройки социально-экономических отношений. Участники конференции, ксерокопировавшие или переписывавшие текст от руки, передавали его коллегам.

Брошюра с текстом доклада сразу была изъята КГБ, но пара экземпляров оказалась на Западе; текст был там опубликован под названием «Новосибирский манифест».

Широкая общественность страны узнала о докладе Заславской от «западных голосов». Мир увидел в нем знак грядущих перемен в СССР.

Знание реальной жизни населения страны, теоретические выводы, наполнившие «Новосибирский манифест» некой особой силой, и мужественное поведение в сложной ситуации сделали Заславскую не просто известным социологом, но моральным, гражданским лидером интеллигенции, не забывшей времена хрущевской «оттепели».

Конец 1980-х. В Кремле начали осознавать потребность в информации об отношении населения к про-

исходившим в обществе кардинальным изменениям.

Заславская никогда направленно не занималась исследованием массового сознания и в то время еще жила в Новосибирске, однако руководство страны могло только ей доверить создание ВЦИОМ.

Вместе с ней этот абсолютно новый и в научном плане, и в политико-идеологическом отношении институт создавали Борис Андреевич Грушин и Юрий Александрович Левада. ВЦИОМ стал первой «фабрикой» по сбору и анализу данных о мнениях, суждениях людей, он дал мощный импульс развитию в стране опросов общественного мнения и маркетинговых исследований.

Зная обстоятельства, в которых протекали разные периоды жизни Заславской, масштаб событий, в которых ей пришлось участвовать и во многом определять ход их развития, имена людей, сыгравших значимую роль в ее становлении как личности или просто встречавшихся на ее жизненном пути, я как-то сказал Татьяне Ивановне: «Ваша жизнь – основа для романа». Она согласилась и после некоторой паузы добавила: «Социально-психологической драмы».

Жизнь Татьяны Ивановны вовсе не являлась величавым шествием к научной славе. В своих воспоминаниях она писала, как много горя, мук и даже отчаяния было у нее в личной и в общественной жизни. Именно здесь ключ к социально-психологической драме – роману, о котором я разрешил себе пометчать выше.

28 февраля этого года я был в Москве на конференции памяти Бориса Грушина, был очень загружен. Успел лишь выскочить на пару часов, доехать до Дома ученых, где у меня была намечена встреча с Владимиром Ядовым... но там оказалась и Татьяна Ивановна. Обнялись, поговорили, она меня спросила: «Может заедете к нам?». Пообещал в следующий раз...

Очень грустно, когда друзья уходят навечно...

Борис ДОКТОРОВ

ФИСКАЛ

Памяти Александра Починка

Немного российских чиновников оставляют по себе по-настоящему светлую память. Таким был Виктор Черномырдин, самый народный из российских премьеров, таким стал Александр Починок.

Стоит вдуматься: одна из главных заслуг Починка – активное, деятельное соучастие в создании российской налоговой системы. Налоги никто, нигде и никогда не любит, налоговое администрирование в России к тому же не раз становилось инструментом преследования неугодных, а к Починку сохранилось самое теплое отношение самых разных людей.

«Саша Починок – один из самых светлых людей, кого я знал. Человек удивительной доброты. Профессионал и энциклопедист. Пронзительно жаль», – это отзыв Анатолия Чубайса. «Александр Починок. Незаурядный и разносторонний. Будем помнить», – это Алексей Кудрин. «Умер Починок, невероятно, невозможно поверить. Умнейший энергичный человек. Внес огромный вклад в становление российской экономики и соцсферы», – это Михаил Касьянов.

У Починка был своеобразный имидж этакого большого ребенка. На самом деле в главном он именно таким и был. Он был по-взрослому мудр и по-детски любопытен и неостановим. Именно последняя черта позволяла ему каждый раз открываться с новой стороны. Он умел руководить большим и ответственным делом (Починок возглавлял последовательно министерство по

налогам и сборам и министерство труда и социального развития), при этом ни чуточки не бронзовея. Например, на посту министра по налогам и сборам он прославился не столько «работой с документами», сколько легендарным вертолетным рейдом над Рублевкой – только так министр налогов мог хотя бы оценить владения некоторых налогоплательщиков, остальные пути оказались перекрыты. Правда, по его собственному признанию, полет вряд ли окупился новыми поступлениями в казну.

Думаю, Починок был счастливым человеком, во всяком случае, он был из той породы мужчин, для которых нет ничего невозможного. Он не просто много знал в самых разнообразных и порой довольно неожиданных сферах, но коллекционировал то, что ему нравилось. Например, он был владельцем замечательной винотеки.

На мой взгляд, одно из самых важных достижений Починка – программа «Фискал», которую он вел на «Эхе Москвы» уже в качестве завкафедрой «Налоговая политика» Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. Он показал, что экономическая история – не склад скучных специальных знаний, а увлекательнейший детектив, который, о чем бы ни шла речь, всегда оказывается гораздо ближе к нашему настоящему и даже будущему, чем казалось до этого. Я бы с удовольствием приобрел аудиокнигу с записью всех выпусков этой программы. Это была бы хорошая память об Александре Починке.

Понятно, что при такой энергетике и темпераменте он не мог быть политически нейтральным. Починок строил новую Россию. Ту, которую сегодня небезуспешно пытаются развернуть вспять. Именно поэтому он присоединился к партии «Гражданская платформа».

Но и будучи действующим чиновником, он не скрывал своих политических взглядов.

В 1998 году, когда после августовского коллапса правительство возглавил Евгений Примаков, «Коммерсант», где я тогда работал, последовательно опубликовал несколько проектов программы его кабинета, составной частью ее была «мобилизационная экономика». Без Александра Починка, тогда возглавлявшего экономический департамент правительства, сделать это нам было бы гораздо труднее. А сделано это было незря – «мобилизационная экономика» не прошла.

Когда я пару недель назад встретил Александра Петровича в «накопителе» перед очередным телевизионным ток-шоу, он правил гранки своей новой книги. Общий разговор, естественно, зашел об Украине.

Главным рассказчиком, кто бы сомневался, стал Починок, он вспомнил удивительную и даже трогательную историю. Прошли напряженные переговоры в Киеве. С российской стороны их вел премьер Михаил Касьянов, на завершающее застолье прибыл и президент Виктор Ющенко. И вот, когда все уже должно было закончиться, трио – Юлия Тимошенко (она тогда была украинским премьером), Виктор Ющенко и Михаил Касьянов – неожиданно и от этого еще более успешно стали петь удивительные украинские народные песни. Это было так здорово, рассказывал Починок, что все важные переговоры стоит с этого начинать.

Шутник. Романтик.

Теперь впору петь другие песни:

*«Здесь птицы не поют.
Деревья не растут.
И только мы к плечу плечо
встаем в землю тут».*

Может быть, именно поэтому не стало Александра Починка.

Николай ВАРДУЛЬ

«СИЛЬНЕЕ СЛОВА...»

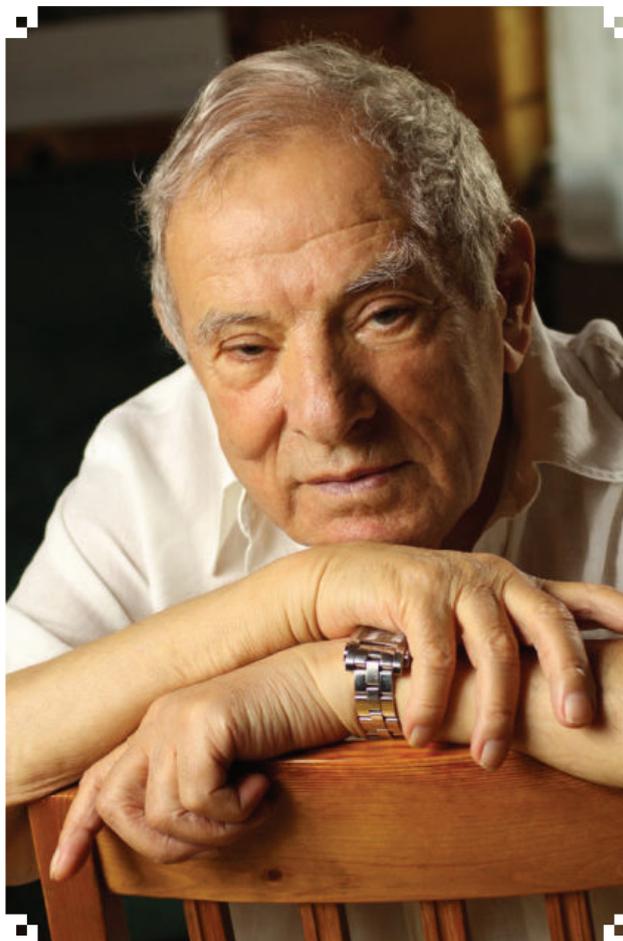
Памяти Петра Тодоровского

24 мая в Москве на 88-м году жизни скончался Петр Ефимович Тодоровский – кинорежиссер, сценарист, композитор, актер, оscarовский номинант и лауреат всех главных российских кинонаград, автор «Верности», «Любимой женщины механика Гаврилова», «Военно-полевого романа», «По главной улице с оркестром», «Интердевочки», «Анкор, еще анкор».

Детство Петра Тодоровского прошло на измученной голодомором Украине; на фронт его забрали 18-летним, когда семья бежала от немцев; он командовал минометным взводом, был ранен, а май 1945 года встретил в боях на Эльбе. Война определила всю жизнь и творчество Тодоровского – однако не так, как иной мог бы предположить; не сломала его, не подчинила себе, а скорее заострила его дух. Тодоровский так часто обращался к военной теме не потому, что был ею заморожен, а потому что у него не заканчивался душевный ресурс обсуждать и обсуждать свою главную тему. Война у Тодоровского – это не жестокость, гибель и бездушие; это «Ах война, что ж ты сделала, подлая»: ужасные, трагические обстоятельства, в которые попадает человек; это вообще не про страну, не про историю, не про народ, а про людей. Тодоровский казался невероятно цельной и глубокой личностью, которую ничто не может сломить, не только война: в интервью он многократно жаловался, что само детство не дало ему культурного фундамента, а только тягости; однако несмотря на это невозможно представить Тодоровского подавленным, менее душевным, менее открытым, менее благородным, менее тонким.

Война окружила Тодоровского людьми военного поколения – и ему повезло работать с лучшими из них: с Булатом Окуджавой он писал сценарий «Верности» (1965, приз лучшему кинодебютанту в Венеции), с Александром Володиным – «Фокусника», с Геннадием Шпаликовым сочинял песни. Для Марлена Хуциева Тодоровский был и оператором («Весна на Заречной улице», «Два Федора»), и актером («Был месяц май»), и другом молодости, и учителем. Верность исторической правде режиссер мерил по Василию Быкову. Обожаемый Зиновий Гердт был для него не только ближайшим другом, но и кинематографическим альтер эго; вообще в каждой своей ленте Тодоровский – это главный герой, но если в фильме играл еще и Гердт, значит в нем было целых два Тодоровских.

В его фильмах вымышленное пересекается с биографическим, бывшее – с возможным, и пересечение это – точка, момент. Один такой момент – Тодоровский встретил на улице «фронтovou королеву», запомнившуюся ему с военных лет, за прилавком с пирожками. Еще один: как-то раз он проходил мимо загса, у которого маялась ожидавшая жениха невеста. Надо представить, какой благодатной должна быть душевная почва, если, упав на нее, семена этих мимолетных впечатлений взошли в виде «Военно-полевого романа» и «Любимой женщины механика Гаврилова».

Тодоровский умел разворачивать один момент в целый фильм – однако, как матрешка, каждая лента сама состояла из множества таких моментов, каждый из которых готов раскрыться дальше. Однако такие смысловые и эмоциональные узлы – это не максимальный надрыв и не ясная аллегория; это чеховское молчание, когда слов не надо. Тодоровский – это «она остается и смотрит вдаль» (сцена расставания героев Бурляева и Андрейченко в «Военно-полевого романа»). Герой Михаила Светина в «Любимой женщине механика Гаврилова» пытается сказать свои самые главные слова, но губы шевелятся, а слышно только оглушающую музыку. Сам механик – Сергей Шакуров – появляется лишь в последней сцене, однако его разговора с героиней Гурченко – которого ждали весь фильм! – мы не слышим: стекло, через которое беседуют счастливые герои, отделяет не их друг от друга, и не нас от них, а важное от неважного; слова как бы звучат, но на самом деле они не нужны, все понятно и так.

Слова не нужны тем, кто друг друга понимает; а если понимания нет, то говорят либо грубо, напрямую («Русский через два с пишется» – «У меня муж как ты, молодой и красивый, только его убило, а тебя нет. Вот тебе и два с»), либо совсем не о том, о чем хочешь («Вот от этих вот, в велюровых шляпах, все беды»); в любом случае, это только оболочка, которая скрывает смысл – зато может

быть сколь угодно яркой, украшенной, характеризующей. Символично, что много говорят героини «Интердевочки» – которые из совсем другого, далекого, непонятного автору поколения.

Тодоровский вообще – мастер невербальной коммуникации; и это не только язык немоты, язык взгляда, язык тела, но и музыки и танца. Людмила Гурченко заходит в невероятной по сексуальной энергетике пляске в «Любимой женщине»; Инна Чурикова танцует для Бурляева и Андрейченко на пределе эмоций; в «Верности» в поле встречаются курсантский и санитарный поезд, и танец заставляет забыть юношей и девушек о войне. А поют у Тодоровского вообще все, и охотней и искренней, чем говорят – потому что слова разъединяют, а песня объединяет. Он и сам был композитором своих и чужих фильмов (в «Празднике», поменявшись привычными амплуа с Гарриком Сукачевым), и автором песен (Городок провинциальный, / Летняя жара, / На площадке танцевальной / Музыка с утра – стихи Шпаликова на музыку Тодоровского), и исполнителем (пел с Сергеем Никитиным, аккомпанировал Высоцкому на гитаре). Свою гитару музыканта-любителя, который больше, чем просто дилетант, Тодоровский передал Олегу Борисову в фильме «По главной улице с оркестром»; а в «Анкор, еще анкор» с Ириной Розановой и Евгением Мироновым поет целый хор.

Кино Тодоровского – это невероятные женские образы; он и сам говорил, что ему повезло работать с великими актрисами. Не будет преувеличением сказать, что и он делал их великими: и не только Наталью Андрейченко, Ирину Розанову, Елену Яковлеву, Марину Зудину, но и Инну Чурикову с Людмилой Гурченко. Кинематограф – все еще по-преимуществу мужское занятие, и куда проще найти примеров женоненавистнического кино, чем такого женолюбивого, как у Тодоровского; впрочем, чему удивляться, если режиссер и сам говорил, что главное в жизни – любовь.

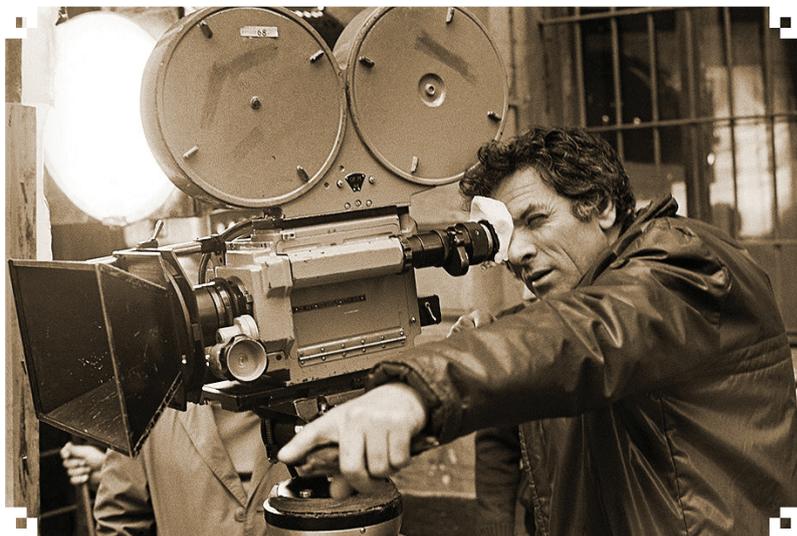
Неминуемо уход Петра Тодоровского будут сравнивать с недавней кончиной Алексея Германа. Два режиссера из примерно одного поколения, оба изображавшие войну, конечно, при всем при этом, глубоко различны; Герман ратовал за правду – и «окопную», историческую, и психологическую. Все его кинематографические, языковые, формальные эксперименты были подчинены

стремлению не солгать; поэтому режиссер не боялся и шокировать зрителя. Фильмы Тодоровского, конечно же, совсем другие – лирические, душевные; однако неверно было бы думать, что он предпочитал скрывать или приукрашивать правду. Будучи старше Германа, Тодоровский и наследовал иной традиции – гуманистической, русской литературе. Человек, который на всю жизнь запомнил съеденное червями лицо немца, все же никогда не мог предпочесть чернуху остальным сторонам жизни, выделить только ее. Герман искал настоящего человека среди экзистенциальной необустроенности на войне; Тодоровский, прошедший через войну, пришел к тому, что у него вообще нет отрицательных героев. Поэтому у одного из главных режиссеров военного поколения, который через фильм возвращался к военной теме, так мало войны: Тодоровский показывал не батальные сцены, а мирные, а война была «отброшенным ключом», необходимым подтекстом, без которого не понять драму героев. «На войне у меня было все», – одной фразой героини Андрейченко режиссер раскрыл одну из самых глубоких тайн послевоенного поколения.

Тодоровский тоже никогда не врал – свидетельством тому его фильмы, сценарии, проза, интервью – и тоже был суров ко лжи. Но подвиг его в другом – пройдя через войну и не покоровшись ей, Петр Тодоровский сохранил оптимизм, жизнелюбие, человечность; об этом и его кино.

Материал подготовил
Кирилл ГОЛОВАСТИКОВ

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ...

Памяти Сусанны Печуро

Впервые я увидел бывшую узницу сталинских лагерей Сусанну Печуро в 1988 году на конференции «Мемориала» в Москве. Затем много раз встречался по «мемориальным» делам, бывал у нее дома.

Эта умная красивая женщина со светящимися добрыми глазами всегда готова была помочь. Ее товарищи по несчастью рассказывали, что в лагерях она вела себя абсолютно бесстрашно. Когда перед одним из шестивей демократической общественности в Москве гэбисты распустили слухи о возможных погромах и побоище демонстрантов, бесстрашная Сусанна Соломоновна, несмотря на то что ей было тяжело ходить, силой воли заставила себя с улыбкой пройти весь «крестный путь». Мы шли тогда рядом, но я хорошо помню, как у меня поначалу дрожали поджилки.

За чаем у себя дома Сусанна Соломоновна рассказывала, как председатель Военной коллегии Верховного суда СССР 13 февраля 1952 года зачитывал приговор. На скамье подсудимых его напряженно слушали пятнадцать еврейских мальчишек и девчонок, шестнадцатый Владимир Мельников был русским. Они давно поняли, что ни на следствии, ни в суде им справедливости не дожидаться. Но подсознательно надеялись... Бесстрастный голос вещал:

«Слуцкого Бориса, 1932 года рождения, студента... к расстрелу.

Фурмана Владлена, 1931 года рождения, студента... к расстрелу.

Гуревича Евгения, 1932 года рождения, студента... к расстрелу.

Печуро Сусанну, 1933 года рождения, ученицу школы... к расстрелу...

Учитывая ее возраст на момент ареста (ноябрь 1950 года), расстрел заменить 25 годами лагерей. Итого: троих к расстрелу, одиннадцать к 25 годам лагерей, двоих к 10 годам».

Среди осужденных была ставшая впоследствии литератором Майя Улановская – дочь бывшего (посадили в 1948 году вместе с женой) главы довоенной резидентуры советской разведки в Западной Европе.

После суда Сусанну вели по коридору за приговоренным к расстрелу Женей Гуревичем. Его держали под руки два конвоира.

Все три еврейских парня отказались подать прошение о помиловании. Сегодня мы хорошо понимаем, что в сталинские времена, если сверху утвердили приговор, то никакие прошения во внимание судом не принимались. Молодые парни это понимали уже тогда...

А начиналось все так: восьмиклассница Сусанна Печуро занималась в литературном кружке «Зеленый шум» в Московском городском Доме пионеров в 1949 году. В этом кружке девочка подружилась с двумя ребятами – Борисом Слуцким и Владиком Фурманом.

Вскоре литкружок стал для Сусанны «всем на свете». Здесь не только читали свои стихи и рассказы, но и обсуждали их, делились впечатлениями. Примерно через год «троица» стала конфликтовать с руководителем кружка Верой Ивановной Кудряшовой, которая требовала, чтобы авторы читали свои произведения только после ее проверки. «Упадническое» стихотворение, из-за которого разгорелся сыр-бор, Сусанна Соломоновна прочла мне наизусть через сорок лет – в начале 1990 года:

*Разговором, светом, музыкой
Зала школьная полна.
Но задумчивая, грустная
Ты стояла у окна.*

*Ты смотрела на танцующих.
Кто-то с кем-то танцевал.
А в глазах твоих тоскующих
Грустный огонек мерцал...*

*Скрип снежинок под галошами.
Ночь спустилась над Москвой.
Ты скажи, моя хорошая,
Ты скажи мне, что с тобой?*

Эти лирические детские стихи вызвали у начальницы литкружка гнев: «У советской молодежи такого упад-

нического настроения быть не может, и стихотворение это вредное», – кричала она. Друзья возмутились и покинули кружок. Со временем бывшие кружковцы стали встречаться на квартире Бориса Слуцкого. К ним присоединились старшеклассники и ребята из младших классов.

При этом младшие продолжали посещать и кружок Дома пионеров. Руководитель кружка интересовалась, о чем там говорили. И ребята откровенно рассказывали, что читали стихи Блока, Надсона, Есенина, работы Ленина...

На следствии выяснилось, что поступил донос и от директора школы, где учился Борис Слуцкий. Директор сообщил о выступлении Бориса на комсомольском собрании по поводу тяжелого положения крестьян.

Слуцкий был сыном коммуниста, ушедшего на фронт добровольцем (ополченцем) и погибшего под Вязмой. От отца у Бориса осталось второе издание собрания сочинений Ленина. В одном из томов Ленина ребята нашли вложенные листки бумаги с текстом завещания Ленина (того, о котором сообщил Хрущев на XX съезде КПСС). Ребят это ошеломило. А затем главный идеолог «юных ленинцев» назвал существующий строй «бонапартизмом».

Именно эти трое юношей решили создать организацию для воплощения «ленинских идеалов» справедливости. Они были воспитаны на множестве книг и кинофильмов о революционерах-ленинцах. А раз «справедливость была нарушена», то нужно бороться. Они рассказали об идее создания подпольной организации Сусанне Печуро. Вначале Сусанна испугалась, но, подумав, согласилась. В принятии решения сыграли роль дружба, романтика, влюбленность. Так, в мае 1950 года возник «Союз борьбы за дело революции». Сусанне было 16 лет, Борису – 17, Владике и Андрею – по 18. Программу написал Борис Слуцкий. «Союз» просуществовал полгода. Арестовали всех восьмерых участников организации в ноябре 1950 года, а заодно еще восемь человек – «детей врагов народа».

Сусанну Печуро, которой в июле 1950 года исполнилось 17 лет, арестовывали три чекиста. Один из них во время ночного обыска жаловался отцу Сусанны: «Я уже не молод, а покоя нет, ходи каждый день по ночам, копайся, тяжело». Нашли книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». За нее тогда давали десять лет. Сначала следствие вели в областном управлении МГБ, где «Союзу» инкриминировали групповую агитацию. Потом арестованных перевезли в Лефортово, в одиночные камеры. Допросы теперь велись «по всем правилам» – многодневная бессонница, побои, пытки светом... Сусанну допрашивали от капитана до генерала Рюмина и министра МГБ Абакумова. Теперь уже шили связь с югославским посольством, которое выставили из Москвы несколько лет назад. Особенно подло было то, что чекисты, понимая, с кем имеют дело, использовали дружбу организаторов «Союза». Ребята, чтобы снять вину с друзей, были готовы взять ее на себя и подписать любые обвинения. Следствие тянулось 13 месяцев! В 18 томах дела оказалось, кроме протоколов, подписанных под пытками, много протоколов с поддельными подписями членов «Союза».

И вот заседание Военной коллегии Верховного суда СССР – три генерала. Адвокаты не допускались. Понимали ли генералы, что ребята ни в чем не виноваты? Наверняка понимали. В Лефортове ребятам навесили обвинения в измене Родине, подготовке убийства Маленкова и много другого бреда. Видимо, в деле «Союза» появились две линии работы советских чекистов: имитация деятельности и запугивание всех. Чем еще можно объяснить, что после семи дней суда Сусанне Печуро вменили в вину четыре пункта статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР:

58-1а – измена Родине;

58-8 – террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций;

58-10 – пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти;

58-11 – организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений.

Следствие с побоями и пытками превратило красавицу Сусанну Печуро в инвалида. Перед этапом ее направили в Бутырку. Там в одной камере с Сусанной оказалась шестиклассница, которая все время плакала. Девочка написала стихотворение о любимом Сталине. Показала его учительнице, а та отнесла стишок «куда надо».

Из Бутырки в 1952 году был этап в Инту, где в больнице девушка встретила свое двадцатилетие. Сусанна прошла 11 тюрем и семь лагерей, общие работы на строительстве домов, рытье котлованов и пр. В январе 1953 года ее повезли в Москву на допрос. В рамках «дела врачей» МГБ пыталось обвинить Сусанну в том, что она работала связной между молодежными и еврейскими сионистскими организациями. Задавали вопросы об Эренбурге, которого Сусанна никогда не видела.

В 1953 году, после смерти Сталина, следствие прекратилось. Девушку с первой группой инвалидности этапировали в лагерь для умирающих – Абезь, в Коми АССР. Затем по ходатайству родителей – в Дубравлаг (Мордовия), где она работала в швейном цехе. В 1956 году Сусанну Печуро освободили по амнистии.

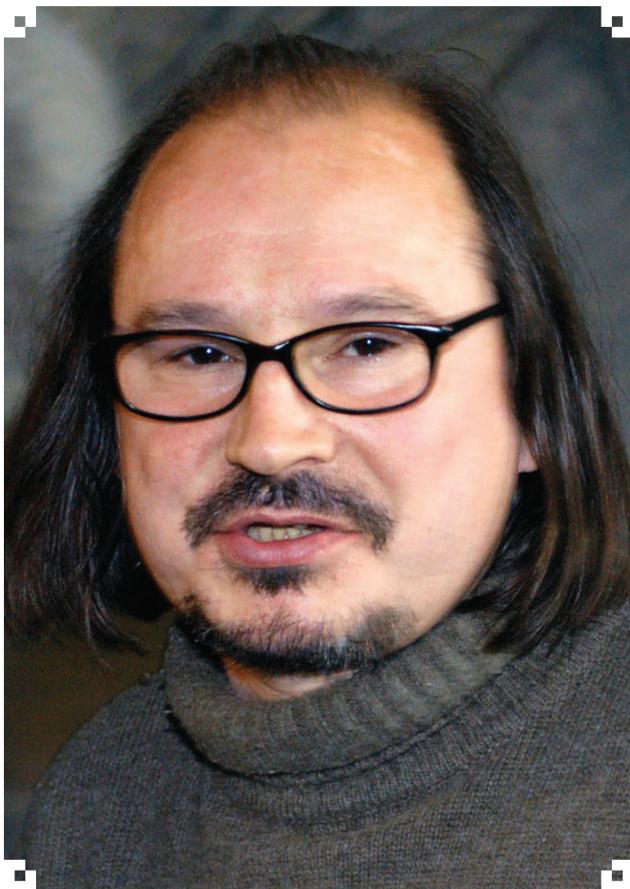
В пединститут и университет ей, как ранее судимой, поступать запрещалось. Поступила в Историко-архивный институт. Получив диплом архивиста, пошла работать в архив АН СССР. Вышла замуж. Родила двух дочерей. Во второй половине 1980-х стала активно работать в обществе «Мемориал». Помогала жертвам политических репрессий. Продолжала работу для «Мемориала», даже став лежачей больной: писала отзывы на статьи, редактировала издания... После развала СССР прятала у себя в квартире политических беженцев из Узбекистана, за которыми даже в Москве гонялись агенты Каримова. Сотни людей называли ее ангелом-хранителем.

1 января 2014 года Сусанны Соломоновны Печуро не стало. Вечная ей память!

Виктор СНИТКОВСКИЙ

«ЛЕША, РЕЖИССЕР...»

Памяти Алексея Балабанова

Балабанов никогда не занимал руководящих постов, за исключением режиссерского стула на съемочной площадке. Он не отличался общественной активностью, не боролся против власти и не защищал власть действующую. Балабанова нельзя назвать ни «лицом отечественного кино», ни даже неофициальным выразителем каких-либо его тенденций, не говоря уже о выражении в его картинах каких-либо «народных чаяний». И сам по себе, и в своем творчестве Алексей Октябринович всегда оставался настолько «нерепрезентативным», насколько это вообще возможно для человека глубоко частного, но занятого таким коллективным видом деятельности, как кинематография, и снимавшего на такие темы и сюжеты, которые выбирал для себя Балабанов.

«Юра, музыкант», – так бесхитростно представился лидер рок-группы ДДТ в разговоре с главой государства, когда последний забыл (или сделал вид, что забыл) имя и фамилию приглашенного к нему же на встречу Юрия Шевчука.

Балабанов тоже был по жизни чем-то вроде «Леши, режиссера» – простым мужичком в тельняшке, которого запросто могли отоварить (и отоваривали) привокзальные менты, приняв его за бездомного бродягу. Но одно дело, когда ты сам ощущаешь себя по жизни «просто Лешей», а иное – когда другие отчего-то не замечают твоих седин и достижений. За четверть века режиссерской работы Балабанов получил относительно немало разнообразных фестивальных наград, но все же большинство из них были вручены на отечествен-

ных (и подчас не самых влиятельных) киносмотрках. И даже общий их вес, пожалуй, едва ли дает адекватное представление о символическом, в контексте современной отечественной культуры, весе награжденного.

Что же касается мирового контекста, то на международных фестивалях так называемой «категории А» Балабанов и вовсе был редким гостем. Последние годы это несоответствие уровня его картин – мировому признанию (а точнее сказать – непризнанию) стало разительным, а упоминания об этом несоответствии превратились в какое-то печальное общее место в речи экспертов; общее место, служащее бесспорным доказательством глобальной несправедливости и искаженности западной конъюнктуры. В эти дни на Лазурном берегу проходит Каннский международный кинофестиваль. Ни один фильм (!) Алексея Октябриновича никогда не был представлен в конкурсе этого престижного смотра.

То же самое можно сказать и про конкурсы двух других крупнейших мировых кинофорумов: Венецианского и Берлинского. Думаю, не надо объяснять, что даже для такого стилистически «простого человека», а также анахорета и мизантропа, каким был (а чаще – хотел казаться) Балабанов, подобное игнорирование его заслуг было далеко не безболезненным. В конце концов, можно вспомнить, что в своем последнем фильме «Я тоже хочу», в котором герои отправляются за счастьем в некое подобие мистической сталкерской Зоны (а там – кто умирает, а кто исчезает в мистическом небесном пространстве), герой Балабанова представляется не каким-нибудь «Лешей, режиссером», что вполне соответствовало бы неформальному общению персонажей, а – несколько внезапно – «режиссером, членом Европейской киноакадемии». Впрочем, на аналогичную же странную, необъяснимую слепоту европейских отборщиков могла бы пожаловаться и великая Кира Муратова, и умерший несколькими месяцами ранее учитель Балабанова – великий Алексей Юрьевич Герман.

Но, все-таки, чем же имя Балабанова так важно для отечественного кинозрителя? Почему практически все СМИ страны подхватили весть о смерти мастера? Отчего Фейсбук вчера вечером превратился в какой-то нескончаемый парад ссылок на интервью, воспоминания, фотографии, статьи о творчестве и рецензии на его фильмы?

Пожалуй, можно сказать так: согласно молчаливому консенсусу, сложившемуся за эти десятилетия в среде российского профессионального сообщества, Алексей Балабанов завоевал статус самого талантливого и самого значительного русского автора, из того «нового поколения», что пришло в кино с распадом СССР. И, во всяком случае, – самым «нутряным», самым «иррациональным», чье зрение и чувство красоты было глубоко физиологическим и в словах далеко не сразу объяснимым.

Подчас эта балабановская «органика» играла с ним дурные шутки – когда режиссер, например, опасно сближался с тем или иным публицистическим дискурсом, экстремистскими идеологическими «играми» («Брат-2»); подчас возникало ощущение, что Балабанов и сам не знает, что хочет сказать; он

был неровен – я бы даже сказал, как-то настойчиво, чуть ли не целенаправленно – неровен в своем творчестве: мощному и убедительному выступлению («Груз 200») могла предшествовать совершенно вялая, анемичная мелодрама («Мне не больно»), но даже в этой неровности (как принято считать, для подлинных мастеров недопустимой) Балабанов неизменно оказывался подлиннее и, что ли, искреннее огромного большинства своих осторожных, рациональных, умственных коллег. И потому даже ошибки и промахи Балабанова всегда представляли чем-то более ценным и многозначительным, чем удачи других режиссеров.

Разумеется, в такой ситуации не обойтись без недругов и оппонентов, отрицающих масштаб Алексея Октябриновича. Они, безусловно, могут попытаться оспорить правомерность занятой в итоге Балабановым неофициальной позиции «главного русского автора» рубежа веков (девяностых-нулевых годов) – хоть дело это и, на мой скромный взгляд, безнадёжное. Но даже они не смогут, думается, отрицать, что место это не было результатом какой-то целенаправленной балабановской «претензии», не явилось результатом удачно или неудачно избранной им «стратегии». Так сложилось – и сложилось давно, и сложилось само собой, потому что как-то специально, «на заказ» такие вещи не складываются.

При этом, физиологичная, глубоко субъективистская балабановская «правда-матка», в совокупности с православием режиссера, никогда не шла вразрез с поразительным его же умением схватывать мир объективно, видеть его насквозь. Вероятно, поэтому Балабанов так легко переходил из жанра в жанр. В начале и середине 1990-х это был, как сказали бы сейчас, производитель утонченного европейского артхауса, высокомерно отстраненного от злобы дня (фильм по мотивам Беккета «Счастливые Дни», экранизация романа Кафки «Замок»).

Затем Балабанов снимает короткометражку «Трофимъ», в котором скрещивает историю маленького человека с легендой изобретения кинематографического аппарата братьями Люмьер. После нее становится ясно, выражаясь в стиле нынешней политической риторики, «кто здесь власть». Но и этого Балабанову показалось мало, и он двинулся покорять современность.

Оглушительный успех первого и второго «Брата» – редчайший случай, когда мастер камерного авторского кино (снявший, вдобавок, в промежутке изысканную петербургскую ретро-драму «Про уродов и людей») без внешних усилий демонстрирует умение говорить со своим народом на одном языке, понятном обоим. В нулевых этот поразительный, зигзагообразный путь был продолжен: «Война» становится одним из лучших фильмов о чеченской кампании, «Жмурки» подводят саркастичный итог бандитскому капитализму лихих 1990-х, ностальгически прощаясь с ним на заре новой государственной формации.

Затем появляются уже упомянутые «Мне не больно» и сокрушительный, как удар кулака в лицо, «Груз 200», заставивший пересмотреть свои отношения с живым классиком даже самых недоброжелательных скептиков, а часть чувствительной аудитории – в ужасе отшатнуться от режиссера как от антисоветского ере-

тика. Далее начинается, как теперь понятно, предсмертная финишная прямая: «Морфий», снятый по Булгакову, служит своеобразным реквиемом по России, которую мы потеряли (при этом, глубокая депрессивность российской глубинки при царе соперничает с революционным большевистским кошмаром), а «Кочегар» – ставший, вероятно, самой мизантропичной и безысходной картиной Балабанова – неутешительным, но пересмотру, увы, не подлежащим приговором человечеству.

Любопытно, что несмотря на глубокие стилевые и жанровые различия между этими картинами есть почти у всех у них один общий и глубоко русский мотив, имя которому – самосуд. Именно самосуд, чинимый разными протагонистами в меняющихся от картины к картине обстоятельствах (и трагедия ситуации, в которой самосуд становится необходимым), – центральный сюжет большинства балабановских произведений.

И вот вчера этот странный, очевидно, давно уже где-то надломленный, полный своих странных личных фобий, но чрезвычайно точный визионер, умевший снимать о нашей стране так, как не снимал о ней никто другой, окончил свой земной путь.

Остается добавить, что последние годы Балабанов тяжело болел и предчувствовал свою смерть. Неоднократно говорил, что «Я тоже хочу» – в котором герой, сыгранный Балабановым, гибнет в поисках счастья, – станет его последней работой. Выйдя в прошлом году из больницы, заявил, что жив – по словам лечившего его врача – лишь благодаря своему «сибирскому здоровью».

Одним из последних проектов, который Балабанов надеялся осуществить вместе с балканским (как он сам себя принципиально аттестует: «югославским») режиссером Эмиром Кустурицей, был фильм о молодости Иосифа Сталина. Не героический панегирик, наоборот – как подчеркивал Балабанов – о том, что Сталин в молодости был обыкновенный бандит, уголовник. Но мрачные предчувствия не обманули. 18 мая режиссер упал без сознания. Примерно в это же время в «Вечерней Москве» вышло интервью с ним, озаглавленное «Я хочу в рай, чтобы встретиться со своим папой».

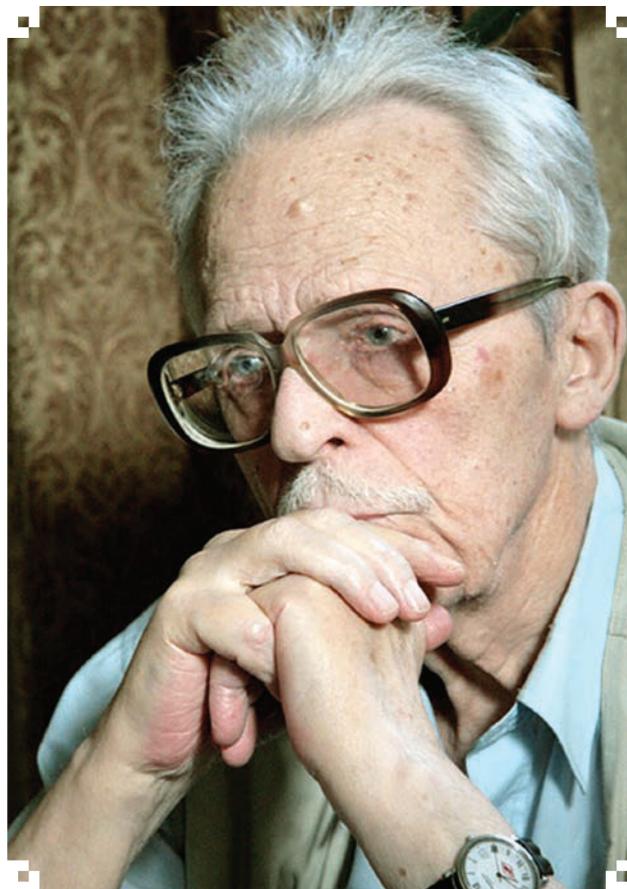
Евгений МАЙЗЕЛЬ

Последняя роль. Последний кадр.

ПАМЯТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА, ПИСАТЕЛЯ И ДРУГА

Помню, после первых прочитанных мной книг Васильева – «А зори здесь тихие» и «Не стреляйте в белых лебедей» – я все время спрашивал себя: «Почему писатель так жестоко обходится со своими героями?» Но ответа тогда найти не смог. Зачитываясь в те далекие годы книгами Бориса Васильева, разве мог я подумать, что судьба однажды несказанно одарит меня – познакомит с ним и его супругой Зорей Альбертовной, Зоренькой, введет в их семью, в их старый деревянный дом со скрипящими половицами, приютившийся в лесу, неподалеку от подмосковного Солнечногорска, и сделает нас друзьями. В семидесяти километрах от Москвы мы сворачиваем с трассы Москва – Санкт-Петербург и метров через триста езды по ухабистой лесной дороге оказываемся перед двумя соседствующими домами, в одном из которых и живут Васильевы. Хозяин, улыбаясь, сам распахивает ворота перед нашей машиной. Первое впечатление после дружеских рукопожатий: нас встречает родной человек, со знакомым до боли, умным и добрым лицом. Впоследствии мы убедились, что ритуал встречи и проводов гостей, когда хозяин сам отпирает и запирает ворота, соблюдается им неукоснительно, даже когда ему нездоровится. По узкой тропинке идем гуськом к крыльцу. Пока женщины накрывают на стол, мы поднимаемся с Борисом Львовичем по довольно крутой лесенке на второй этаж, в его рабочий кабинет – невысокую вытянутую в длину светелку, со стареньким диваном, с книжными полками и несколькими стульями, с письменным столом, на котором большую часть места занимает компьютер... Завязывается разговор, в ходе которого мы прикладываемся по маленькой к потайным запасам хозяина, и коньячок кажется особенно вкусным – это тоже становится от встречи к встрече частью нашего ритуала... Зоренька, конечно, догадывалась о наших проделках, наверняка поварчивала, но переносила терпеливо. Только изредка, как бы вскользь, напоминала о беспокойстве за здоровье мужа... На первый же мой вопрос: «Много ли Вы работаете?», Борис Львович ответил: «Каждый день я должен написать не менее десяти печатных страниц. И неважно, пишется в этот день или нет, и неважно, что я напишу, но – не менее десяти страниц». И он показал свой маленький секрет – потыкал пальцами по клавишам, и на экране появилась страница с заголовком «Мгновения»: «Вот в эти «Мгновения» и записываю, что придет в голову, а затем это превращается в архив, в действующий архив, из которого я черпаю материал, когда работаю над книгой или над какой-то публикацией». Мне понравилась эта идея, и я у себя в компьютере тоже стал вести такого рода дневник и назвал его «Мгновения. День за днем». Теперь могу признаться: «Мгновения»-то у меня получились, а «День за днем» – нет, ибо писал только когда появлялось желание. И я подумал: «Какая должна быть у человека самодисциплина и какая организованность, чтобы каждый божий день вписывать туда все новые и новые материалы!» Я неоднократно потом убеждался, что Васильев не только подтянут внешне – выправка у него офицерская, – но и внутренне. Он очень ответственно подходит к любой просьбе, к любому делу, за которое берется.

В первый же день нашей встречи я решился задать писателю мучивший меня вопрос. Правда, я немного схитрил и сделал это не в лоб, а произнося тост за хозяина дома. Произвучало это так: «Дорогой Борис Львович, когда я прочел первые Ваши книги, у меня было желание побить писателя – было нестерпимо больно за погибших, убитых героев. Ну зачем нужно было так безжалостно поступать с ними, не оставить им шансов на жизнь, зачем так остро ранить читателей?» Последовал мгновенный ответ: «Голый нерв быстрее заставляет осмыслить и понять происходящее». И – после короткой паузы: «Я убежден, что искусство не должно выступать в роли утешителя, его функция – обнажать перед людьми жизненные опасности в любых их проявлениях, будить совесть и учить сочувствию и добру...»

Каждая последующая наша встреча приносила неожиданные открытия в толковании истории России и мира, выстраивая логически выверенную и глубоко мотивированную цепь событий. У него на все был неординарный взгляд. Увлечение с детства историей, обилие прочитанных книг, глубочайшая образованность и эрудиция, проявившиеся в работе над серией исторических повестей и романов, острый аналитический ум – все это делает его оценки сегодняшних и исторических процессов точными, смелыми и неожиданными.

Читая многое из написанного Васильевым, я узнавал живые отклики на наши беседы... Помню разговор о причинах вечного бесправия личности в России. И вскоре прочел

в одной из его статей подтверждение недавних размышлений автора: «Древняя Русь, приняв христианство византийского толка, приняла и Византийское право, в котором приоритетом оказались не права личности, а безусловное право деспота, государя, царя – то есть приоритет власти. На этом представлении о преимуществе государственных прав над правами личности и существовала Россия вплоть до Судебной реформы Александра Второго. Однако реформы эти, обеспечившие самый демократический суд в России, в дикие глубины страны, а тем паче, в глубины населяющих ее темных душ проникнуть не успели. Объявились большевики, решительно повернувшие к византийскому пониманию приоритетного права государства». В итоге общество формировалось «в пренебрежении к презумпции невиновности, о которой и не подозревает большинство населения вообще. Именно на разности исходных принципов и основываются наши разногласия с Европой, как только заходит разговор об ущемлении прав человека».

У Бориса Васильева свои, и притом серьезные счеты с XX веком. Хотя он и считает, что во многом ему повезло. В их семье редко и очень скупо рассказывают о своем прошлом. Поколение Васильева – первое, родившееся после окончания гражданской войны, – оказалось поколением, выросшим в состоянии продолжающейся скрытой гражданской войны. «Конечно, мы не ощущали всего ужаса перманентного террора, – напишет он позже, – но наши родители, родственники, старшие братья и сестры испытали его в полной мере. Нам в наследство досталось полностью разрушенное правовое пространство, а нашим внукам – разрушенное идейное... Ни отец, ни мама никогда мне ничего не рассказывали о себе. Ни о своем детстве, ни о своей молодости. Они исходили из главного принципа того времени, когда я был ребенком: чем меньше я буду знать о прошлом, тем спокойнее будет моя жизнь».

Но иногда все же в солнечногорском доме случались минуты откровений. Надо сказать, что Зоря Альбертовна уступала тут пальму первенства мужу. И тогда собравшиеся за тяжелым квадратным обеденным столом, затаив дыхание, слушали рассказ о родовых связях и занятиях нескольких поколений семьи Васильевых и Алексеевых. Отец писателя, Лев Александрович Васильев, происходил из дворянского сословия, был, как и его предки по мужской линии, кадровым офицером. Служил сначала в царской, а затем в Красной и Советской армии, чудом пережил три армейские чистки, бывшие больше всего по бывшим офицерам царской армии... Мать, урожденная Алексеева Елена Николаевна, принадлежала к известному на псковщине старинному дворянскому роду, связанному с именами Пушкина и Толстого, с общественным движением девятнадцатого века.

Свои оценки предвоенного времени Борис Львович обозначил в нескольких книгах, но наиболее жестко, по-моему, они прозвучали в повести «Завтра была война». В ней глубоко и трагично представлена ломка характеров и судеб при неизбежном столкновении со сталинской эпохой доносов и арестов, исчезновения людей и разрушения семей, с повсеместным насаждением двойной морали. Но ломались не только судьбы и исчезали не только люди – ломалась культура, искоренялись извечные моральные принципы. А значит, менялась вся система нравственных координат. Семья и улица несли взаимоотталкивающие заряды информации: «...так было во всех семьях, инерционно стремившихся передать нам нравственность вчерашнего дня, тогда как улица – в самом широком смысле – уже победно несла нравственность дня завтрашнего».

В разговоре о школе и образовательных реформах я как-то посетовал: «У многих из нас хорошие специальные знания, я имею в виду специальное образование, но колоссальный недостаток гуманитарного, которое должна давать средняя школа: общее представление о мире, о науках, об их взаимосвязи с обществом, этикой, культурой...» «Я точно могу сказать, – поддержал меня Борис Львович, – что в дореволюционные времена воспитание было более созидательным, в отличие от разрушительного советского, с его тенденциозными лозунгами, человеконенавистнической идеологией, с враждебностью к любому инакомыслию, показательными судами над «врагами народа», массовыми репрессиями и расстрелами».

Как-то я упомянул о покаянии в обществе, об исторической памяти:

– Борис Львович, а как же с прошлым, с его оценками?

– Историю – не в записи, разумеется, – исправить невозможно, но можно – и нужно! – попытаться сгладить последствия деяний прошлого, если эти деяния сказываются в дне сегодняшнем. Я думаю, что в историческом самосознании россиян нет явных разрывов, оно цельно.

...Особая тема наших бесед – Великая Отечественная война. Когда она началась, Васильев только что окончил девятый класс и ушел на фронт добровольцем. Чудом остался в живых: «...мне и вправду выпал счастливый билет. Я не умер

хозяйство и распорядок дня. У нее хороший вкус, точный взгляд, а у обоих – обостренное чувство справедливости и правды. И очень высокая планка нравственных оценок. Сколько раз я предлагал организовать лечение Бориса Львовича и провести сложные операции в ЦКБ или в других крупных, престижных клиниках Москвы, и каждый раз получал мягкий, но твердый ответ: «Спасибо, не надо, будем лечиться там, где лечились, там хорошие врачи, а условия – как для всех».

Военная проза Бориса Васильева по особому объясняет, что такое долг, честь и патриотизм. Патриотизм, по Васильеву, – чувство интимное и сокровенное. В годы реформ и преобразований, да и до сих пор много споров шло и идет о роли ин-

от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся во всех моих семи десантных прыжках, а в последнем – боевом, под Вязьмой в марте 43-го – я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины». Однако он умалчивает, что была тяжелейшая контузия. После госпиталя, осенью 1943 года, он поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск. Там он встретил свою будущую жену – Зорю Альбертовну Поляк, которая училась в той же академии. В начале их совместного пути случился один драматичный эпизод, который Борис Львович считает определяющим во всей их последующей многолетней жизни и который он описал в «Веке необычайном». Все произошло во время практики, под Ленинградом, при испытании самоходки СУ-152, которая направлялась на стрельбы. Бориса и Зорю Васильевых высадили в ближайшей низине и велели ждать. «И тут я увидел незабудки... я уже набрал букетик, когда вдруг обнаружил минную растяжку. Проследил глазами и заметил мину, к которой она вела. Мину с невывинченным взрывателем. И понял, что меня занесло на неразминированный участок обороны. Осторожно развернулся к юной жене, а она оказалась передо мною. Лицом к лицу.

– Мины.

– Я знаю. Боялась кричать, чтобы ты не бросился ко мне. Сейчас мы осторожно поменяемся местами, и ты пойдешь за мной. Шаг в шаг.

– Первым пойду я. Я знаю, как и куда смотреть.

– Нет, ты пойдешь за мной. Я вижу лучше тебя.

Говорили мы почему-то очень тихо, но лейтенант Васильева говорила так, что спорить было бессмысленно. И мы пошли. Шаг в шаг. И – вышли. С той поры я часто попадал на минные поля... Вот уже более шести десятков лет я иду по минному полю нашей жизни за Зориной спиной. И я – счастлив. Я безмерно счастлив, потому что иду за своей любовью. Шаг в шаг».

Это правда. Если говорить на языке летчиков, то ведущей в семье всегда была и остается Зоря Альбертовна. Часто во время разговоров я замечал, как нет-нет, да обратится в ее сторону взгляд мужа, как бы спрашивая ее одобрения.

Есть в семье Васильевых незыблемая традиция – за столом второй тост всегда за хозяйку. На ней – не только все

интеллигенции: одни упрекали интеллигенцию в том, что она толкнула общество на разрушения, другие – в том, что она не довела начатое дело до конца и самоустранилась от реформ.

«Я прожил достаточно длинную жизнь, – напишет он в своей книге о XX веке, – чтобы внутренне ощутить, а не просто логически осмыслить все три этапа, три поколения русской интеллигенции от ее зарождения до гибели через ступени конфронтации, унижения, физического уничтожения, мучительного конформизма уцелевших до возрождения веры в гражданские права и горького понимания, что интеллигенция так и осталась невостребованной. ...Ведь необходимость и сила русской интеллигенции была в ее понимании своего гражданского долга перед родиной...». И вывод делается писателем совершенно замечательный: «...Русский народ не может существовать без собственной интеллигенции в исторически сложившемся ее понимании не в силу некой богоизбранности, а потому лишь, что без нее он утрачивает смысл собственного существования, вследствие чего никак не в силах повзрослеть».

О чем бы ни писал Борис Васильев, о чем бы ни говорил, масштаб личности, писательское провидчество, уровень мышления и таланта придают каждому его слову широкое общечеловеческое звучание, вызывая благодарный отклик в мыслящих людях и чувство гордости за возможность причислить себя к его современникам.

...Его жизнь оборвалась 11 марта на 89 году. Не стало одного из лучших отечественных писателей, проза и публицистика которого позволяли вглядываться незамутненным взглядом в наше прошлое, равнодушно принимать к сердцу настоящее и переживать с его героями драматические повороты их судеб и судьбу страны.

Два месяца назад ушла из жизни его спутница Зоря Альбертовна, которая вела его по жизни за собой, освещая своей добротой и мудростью долгий путь писателя. Он ушел вслед за ней...

Сергей ФИЛАТОВ

«БОЛЬШЕ НЕ У КОГО СПРОСИТЬ...»

Памяти Александра Лившица

Постепенно уходят люди эпохи становления России. Уже нет первого президент Бориса Ельцина, ушли Борис Федоров и Егор Гайдар, и вот не стало Александра Лившица, самого известного «экономиста-очкарика» эпохи 90-х, запомнившегося всем своей крылатой фразой «делиться надо».

Он, успевший побывать вице-премьером, министром финансов, замглавы администрации президента, представителем России в G8, являлся, вероятно, самым известным правительственным экономистом эпохи 1990-х годов – название телепередачи «Спросите у Лившица» вошло в язык поговоркой, а сам Александр Лившиц стал символом подчиненности непостижимой уму экономической науки большой политике. Однако он, несмотря на высокие должности, никогда не был царедворцем. И во всех его кабинетах вместо портретов президентов и премьеров висел портрет его отца-фронтовика.

В должности, которая принесла ему впоследствии общероссийскую известность экономиста, на посту вице-преьера и министра финансов, он проработал каких-то полгода. Но этого хватило на то, чтобы на долгие годы Александр Лившиц стал в народном сознании главным «умником-экономистом» времен Бориса Ельцина, эталон-

ным специалистом по экономической политике – со всеми приписываемыми этой роли достоинствами и недостатками. В правительстве господин Лившиц не работал с 1999 года, однако до последних лет СМИ, особенно «народные», обращались к нему как к эксперту, готовому вновь и вновь понятными словами непонятно объяснять, чем заняты экономические и политические власти в России.

Карьера господина Лившица для первых двух десятилетий новой России могла бы служить образцом – сейчас она просто невозможна. Сложно в это поверить, но Александр Лившиц, вероятно, был формально самым квалифицированным экономистом, в 1992 году работавшим в команде власти, – к апрелю 1992 года, когда он стал заместителем главы Аналитического центра администрации президента Александра Ракитова, он уже успел сделать полноценную карьеру советского экономиста: в Кремль пришел заведующий кафедрой политической экономии прославленного «Станкина». Докторская Александра Лившица многое объясняет – работа «Неоконсервативные теории государственно-монополистического урегулирования в буржуазной политэкономии» была полностью посвящена «рейганомике» и марксистской критике (а заодно и пониманию в той мере, в которой это дозволено советско-

му профессору-политэкономисту, и чуть выше дозволенного) экономических курсов президента США Рональда Рейгана и премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.

Можно было бы предположить, что всегда улыбающийся, открытый прессе и уступающий в способности к афоризмам лишь Виктору Черномырдину чиновник и станет кремлевским экспертом-специалистом по «русской рейганомике» времен Егора Гайдара. Однако в это время правительство на годы вперед опередило Кремль в вопросах экономической теории и практики – и Александр Лившиц занимался там преимущественно политикой. Так, в сентябре 1993 года в рабочей группе по аналитическому обеспечению конституционной реформы именно он по поручению президента искал места трудоустройства для депутатов Верховного совета. Помощником Бориса Ельцина по экономическим вопросам и руководителем группы экспертов при президенте Александр Лившиц стал в марте 1994 года – уже после ухода господина Гайдара, главы экспертной группы при правительстве Андрея Илларионова и большинства «экономистов-реформаторов первого призыва» из Белого дома.

Вице-премьером и министром финансов Александр Лившиц стал в августе 1996 года, в разгар штурма

Грозного под руководством Аслана Масхадова – и проработал в этой должности всего до марта 1997 года. Во многом Борис Ельцин рассчитывал на то, что министр Лившиц займется «экономическим обеспечением» Хасавюртовских соглашений (темой Чечни он занимался как эксперт в Кремле с 1994 года), сможет повысить собираемость налогов (Александр Лившиц летом 1996 года в многочисленных выступлениях призывал усилить налоговую дисциплину), выплатить долги бюджетникам по зарплате, заняться расшивкой неплатежей. Однако первое же крупное свершение Александра Лившица, по существу, стало и последним – 18 августа 1996 года президент подписал указ N1215 «Об упорядочении сбора подоходного налога и страховых платежей с физических лиц», а уже 6 сентября потребовал установить «персональную ответственность лиц, которые готовили данный указ». Указ N1215, как и многие документы эпохи Бориса Ельцина, готовился «на коленке» – он требовал начисления и уплаты социальных и подоходных налогов при любом получении физическими лицами средств на банковские счета или в наличной форме.

Испепеляющая критика со всех сторон, впрочем, не помешала Александру Лившицу за полгода работы успеть провести важные решения, за которые его мгновенно возненавидели в крупных банках и которые по итогам и

стоили ему портфеля министра. Например, отменить казначейские налоговые освобождения и вместе с главой ЦБ Сергеем Дубининым начать первую стадию оздоровления бюджетной системы, находившейся тогда практически в безнадежном состоянии. Отставка господина Лившица была неминуема – ему не прощали как склонность к простым радикальным решениям, так и действенные меры против всевластия крупных банков в финансовой системе РФ тех времен. Из Минфина чиновник ушел на пост заместителя главы администрации президента, а кризис 1998 года отправил его в отставку. В Белый дом Александр Лившиц ненадолго вернулся при Сергее Степашине: в июле–августе 1999 года он был министром без портфеля и одновременно спецпредставителем президента РФ в G8. Работа в «восьмерке» во многом определила дальнейшую

карьеру в бизнесе – в 2000 году Александр Лившиц занимался внешними долгами в реструктурирующемся банке «Российский кредит», а с 2001 года – международными проектами в «Русале», где и работал до последнего времени.

Парадоксально, но чем меньше складывалась у Александра Лившица карьера государственного экономиста, тем более ценился талант его экономиста-популяризатора. Вершиной ее стала телепередача на телеканале НТВ «Спросите у Лившица», стартовавшая в конце ноября 1998 года.

Именно в момент, когда экономическая тема вызывала у половины населения ярость, а у другой – отчаяние, и сложился образ «экономиста-очкарика» Лившица, вошедший в российскую историю. Александр Лившиц – это человек, который знает про экономику все и при этом способен рассказывать про это простыми словами. Все равно не становится понятнее – но хотя бы не так обидно, что денег нет.

Образ, как и все образы того времени, весьма двусмысленный. Улыбка Александра Лившица – это его же лозунг августа 1996 года, обращенный к олигархам того времени: «Не надо вредничать, надо делиться!». Это и анекдотическая простота, и подкупающее лукавство, и, увы, не имеющее отношения к так и не наступившей «рейганомике» скрытое признание: есть политическая экономия, но есть и политика без прилагательных. Экономист умнее политика, но политик в России сильнее экономиста – думается, поэтому улыбка Александра Лившица всегда была мудрой и немного виноватой.

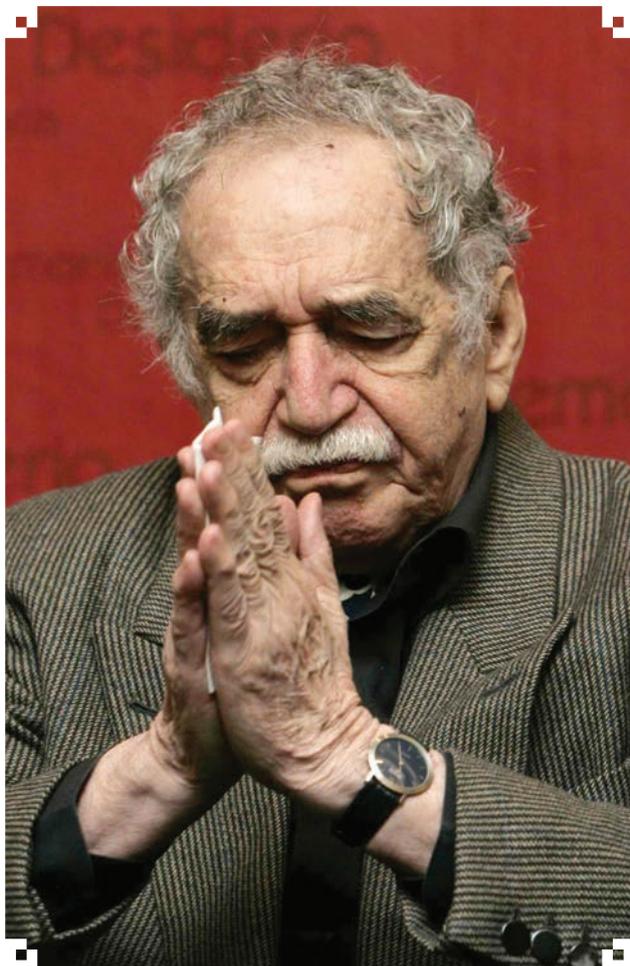
А что стояло за этой маской – теперь уже точно не у кого спросить.

Дмитрий БУТРИН

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

ГАБРИЭЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА

«Если бы Господь Бог на секунду забыл о том, что я тряпичная кукла, и даровал мне немного жизни, вероятно, я не сказал бы всего, что думаю; я бы больше думал о том, что говорю.

Я бы ценил вещи не по их стоимости, а по их значимости.

Я бы спал меньше, мечтал больше, сознавая, что каждая минута с закрытыми глазами - это потеря шестидесяти секунд света.

Я бы ходил, когда другие от этого воздерживаются, я бы просыпался, когда другие спят, я бы слушал, когда другие говорят.

И как бы я наслаждался шоколадным мороженым!

Если бы Господь дал мне немного жизни, я бы одевался просто, поднимался с первым лучом солнца, обнажая не только тело, но и душу.

Боже мой, если бы у меня было еще немного времени, я заковал бы свою ненависть в лед и ждал, когда покажется солнце. Я рисовал бы при звездах, как Ван Гог, мечтал, читая стихи Бенедетти, и песнь Серра была бы моей лунной серенадой. Я омывал бы розы своими слезами, чтобы вкусить боль от их шипов и алый поцелуй их лепестков.

Боже мой, если бы у меня было немного жизни... Я не пропустил бы и дня, чтобы не говорить любимым людям, что я их люблю. Я бы убеждал каждую женщину и каждого мужчину, что люблю их, я бы жил в любви с любовью.

Я бы доказал людям, насколько они не правы, думая, что когда они стареют, то перестают любить: напротив, они стареют потому, что перестают любить!

Ребенку я дал бы крылья и сам научил бы его летать.

Стариков я бы научил тому, что смерть приходит не от старости, но от забвения.

Я ведь тоже многому научился у вас, люди.

Я узнал, что каждый хочет жить на вершине горы, не догадываясь, что истинное счастье ожидает его на спуске.

Я понял, что, когда новорожденный впервые хватается отцовский палец крошечным кулачком, он хватается его навсегда.

Я понял, что человек имеет право взглянуть на другого сверху вниз лишь для того, чтобы помочь ему встать на ноги.

Я так многому научился от вас, но, по правде говоря, от всего этого немного пользы, потому что, набив этим сундук, я ухожу».

А вот что рассказал сам Габриэль Гарсиа Маркес об этом письме.

«Перейдя свой Рубикон, я обнаружил, что человек по имени Габриэль Гарсиа Маркес давно живет несколькими, как минимум двумя, жизнями. Одна из них – моя собственная, которую я знаю, по которой иду и которой дорожу. Другая же существует совершенно независимо, автономно от меня и имеет ко мне опосредованное отношение. В этой другой моей жизни подчас происходит то, что я сам не отваживаюсь делать.

Такое раздвоение произошло после того, как на меня обрушилась известность. В газетах и журналах стали появляться статьи и заметки о моем участии в мероприятиях, о которых я и понятия не имел. Из печати я узнаю о прочитанных мною в разных уголках земного шара лекциях, о своем присутствии на конференциях, презентациях, приемах, обнаруживаю интервью с собой. Самое удивительное то, что хотя я этих интервью не давал, я готов подписаться под каждым словом. В моих интервью, выдуманных до последней точки, как ни странно, лучше, чем в интервью реальных, излагаются мои мысли, взгляды, вкусы. И это еще что! Сколько раз, бывая в гостях у друзей, я незаметно проникал в библиотеку, отыскивал там свои книги, чтобы поставить автограф, и обнаруживал, что они уже надписаны моим почерком, моими излюбленными черными чернилами и в моем торопливом стиле. Я так ни разу и не решился признаться своим друзьям, обведенным кем-то вокруг пальца, что эти автографы – не мои. Доказать это было бы практически невозможно. К тому же, я не хочу, чтобы меня считали старым маразматиком.

Но и этим деяния моего таинственного двойника не ограничиваются. Путешествуя по миру, я везде встречаю людей, которые виделись со мной там, где меня никогда не было, и хранят о нашей встрече теплые воспоминания. Немало и тех, кто дружит или хорошо знаком с каким-нибудь моим родственником, который, судя по описаниям, оказывается лишь двойником настоящего члена моей семьи, да и то растерявшим почти все черты оригинала.

В Мехико долгое время я регулярно встречал человека, рассказывавшего мне во всех живописных подробностях о буйных пьянках, в которых он участвовал вместе с моим братом Умберто из Акапулько. Однажды он сердечно поблагодарил меня за оказанную через брата услугу. Много лет я не мог собраться с духом признаться этому сеньору, что у меня нет никакого брата Умберто из Акапулько.

Подобных случаев в моей жизни было великое множество. Некоторые из них, наиболее примечательные, лет шестнадцать назад я собрал в статью, которую назвал «Мое второе «Я»». Я питал надежду, что мой двойник, прочитав эту статью, забеспокоится, что его «подвиги» стали достоянием гласности и прекратит вытворять неизвестно что от моего имени. Но не тут-то было. До сих пор до меня доносится эхо проделок моего второго «Я».

В последние годы конфузы, связанные с моей персоне, приобрели мрачный и даже жутковатый характер. Средства массовой информации с непонятым усердием начали меня хоронить. Много раз, включая телевизор или радио, я слышал загробный голос ведущего, сообщавшего: «Сегодня ушел из жизни Габриэль Гарсиа Маркес».

Одно время меня это бесило, но в конце концов я свыкся с известиями о собственной смерти, случаемся не реже, чем раз в два месяца. Недавно в одном ресторане в Мехико журналист сказал мне: «Маэстро, сегодня утром по радио объявили, что Вы скончались». Мне ничего не оставалось, как ответить: «Ну вот Вы и видите меня – совершенно скончавшегося». А пару лет назад какой-то умник разместил в Интернете прощальное письмо человечеству, якобы написанное мной. Я испытываю стыд и горечь, когда искренне любящие меня и искренне любимые мной поклонники принимают такую банальную пошлость за мое сочинение.

Все это, так сказать, издержки излишней известности. И ничего с этим не поделаешь. «Мое второе «Я» разгуливает по белу свету, не имея моего согласия, купается в лучах моей славы, делает все, что душе угодно и, наверное, даже не представляет, насколько мы не похожи. Пока оно, удовлетворенное моей жизнью и карьерой, наслаждается своим воображаемым существованием, я продолжаю стареть за письменным столом, тоскую по былому в гордом одиночестве и кручусь в этой жизни, как могу».

Памяти Габриэля Гарсиа Маркеса

Когда приехал к нам в Россию Маркес,
Его я в Переделкино повез.
Он был колючим и левацким, малость.
Но я не видел в том больших угроз.
Ведь все-таки в стране картелей рос.
И все, кто жили под United Fruit,
Те знали, как наручники их трут.
Я предложил заехать на могилу
К Борису Леонидовичу
Гость сначала промолчал
И через силу сказал,
Скрывая неприязнь – не злость:
Что не случайно Пастернак был признан
Обрадованным империализмом,
Так ждавшим эту сахарную кость,
Что шум вокруг поэта был позорен,
Как он себя использовать позволил?!
Был Маркес мой любимец, а не идол
И Пастернака я ему не выдал.
Но он не прятал «Доктора Живаго»,
Он знал, что корень красоты – отвaga.
Он против игр циничных, живых правил
Любовь над всей политикой поставил.
Неужто вам всех высших чувств на свете
Важней Монтеки или Капулетти?
Он разве начал сам скандал с романом?
И бить друг друга стали в рвенье рьяном
Капитализм с феодализмом русским.
И Пастернака позвоночник хрустнул.
Нет гениев, что все-таки остались,
Использовать которых не пытались.
Но это не вина людей, а драма.
- Мы завернем к могиле или прямо?
- На кладбище, сказал, подумав, Маркес.
Замолк в нем журналист – проснулся Мастер.
Так бережно он шел, взойдя на кладбище,
Как будто под ногами били клавиши.
Когда-то мой отец мне говорил:
Запоминай, но не играя в судьей,
Как люди ходят около могил.
И это тебе скажет, что за люди.
О золотую краску руки выпачкав,
Шел романист едва, почти на цыпочках.
Фантазии искусства больше истины.
И страны те, которые написаны
Пером освобожденной гениальности,
Реальней, может быть, самой реальности.
Шел Маркес. Он тихохонько высмаркивался.
Вгляделся в профиль Пастернака неспроста.
И еле шевельнулись губы Маркеса:
Какая на могиле чистота.

Евгений ЕВТУШЕНКО

«УШЕЛ В СТРАНУ ГЕРОЕВ...»

Памяти Бенедикта Сарнова

Он родился в 1927 году в Москве. В 1951 году окончил Литературный институт. Работал в журнале «Пионер», «Литературной газете», являясь одним из самых ярких и острых критиков легендарной «Литературки». В 70-х годах совместно со Станиславом Рассадным был автором популярных детских радиопередач «В стране литературных героев», о которых многие с теплотой вспоминают до сих пор. В 1989 году вел в журнале «Огонек» рубрику «Русская проза. Двадцатый век. Из запасников». С 1960 года был членом Союза писателей СССР. В 1992-96 годах – секретарь Союза писателей Москвы. С 1997 года входил в комиссию по Государственным премиям при президенте РФ.

В 2000-е годы Бенедикт Сарнов часто выступал в журнале «Вопросы литературы» и других «толстых» журналах с исследованиями о судьбах русских писателей XX века и их отношениях с властью, прежде всего с Иосифом Сталиным. В результате главным его литературным трудом, как он сам считал, стал четырехтомник «Сталин и писатели», последний том которого вышел в 2013 году. В книге об Осипе Мандельштаме, Бенедикт Сарнов напомнил о том, что поэт не раз говорил: смерть художника не бывает случайной, она – не только последний акт жизни художника, но и его «последний творческий акт».

Бенедикт Сарнов плодотворно работал до последних дней жизни, и оставил наследие, которое долго еще будет востребовано всеми, кто интересуется русской литературой.

Из эссе Бенедикта Сарнова «Сталин и Бабель»:

«Однажды я записал – со слов одного бабелевского приятеля – устный рассказ Бабеля о его встрече с вождем. Встретились они у Горького, и именно он, Горький, был инициатором этой встречи.

Накануне он сказал Бабелю:

– Завтра у меня будет Сталин. Приходите. И постарайтесь

ему понравиться. Вы хороший рассказчик... Расскажите что-нибудь... Я очень хочу, чтобы вы ему понравились. Это очень важно.

Бабель пришел.

Пили чай. Горький что-то говорил, Сталин молчал. Бабель тоже молчал. Тогда Горький осторожно кашлянул. Бабель намек понял и пустил первый пробный шар. Он сказал, что недавно был в Париже и виделся там с Шалапиным. Увлекаясь все больше и больше, он заговорил о том, как Шалапин тоскует вдали от родины, как тяжело ему на чужбине, как тоскует он по России, как мечтает вернуться. Ему казалось, что он в ударе. Но Сталин не реагировал. Слышно было только, как звенит ложечка, которой он помешивал чай в своем стакане.

Наконец он заговорил.

– Вопрос о возвращении на родину народного артиста Шалапина, – медленно сказал он, – будем решать не мы с вами, товарищ Бабель. Этот вопрос будет решать советский народ. Поняв, что с первым рассказом он провалился, Бабель, выдержав небольшую паузу, решил зайти с другого боку. Стал рассказывать о Сибири, где был недавно. О том, как поразила его суровая красота края. О величественных сибирских реках... Ему казалось, что рассказывает он хорошо. Но Сталин и тут не проявил интереса. Все так же звякала ложечка, которой он помешивал свой чай. И – молчание.

Замолчал и Бабель.

– Реки Сибири, товарищ Бабель, – так же медленно, словно пробуя на вес свои чугунные слова, заговорил Сталин, – как известно, текут с юга на север. И потому никакого народнохозяйственного значения не имеют...

Эту историю – тогда же, по горячим следам события – будто бы рассказал одному моему знакомому сам Бабель. А закончил он этот свой рассказ так:

– Что вам сказать, мой дорогой? Я ему не понравился...»

Павел БАСИНСКИЙ

СОЦИОЛОГ И ГУМАНИСТ

Памяти Бориса Дубина

«Когда человек умирает, изменяются его портреты. Подругому глаза глядят, и губы улыбаются другой улыбкой».

Думаю об этом стихотворении Ахматовой, смотрю на портреты Бориса Владимировича. Обнаруживаю, что его изображения не изменились. Более того, есть столько отснятого материала с его участием — от «Школы злословия» до лекций *polit. ru* (все доступно в сети), что кажется, он бессмертен. Выбираю фрагменты из видеозаписей «Радио Свобода» с его участием. Он был гостем «Свободы в клубах» бесчисленное количество раз, постоянным комментатором социологической программы «Общественное мнение» экспертом информационных эфиров. Он мог с одинаковым блеском, глубиной и парадоксальностью рассуждать о Чеславе Милоше и последних социологических тенденциях «Крымнаш». Он был невероятно работоспособный (раз в год он дарил то свою книгу, то сборник статей, то брошюру), безотказный (он вел, кажется, все дискуссии, которые ему предлагались людьми из книжного и культурологического миров), нравственно ясный и чуткий. Благодаря искусству перевода он много знал о странах своих литературных интересов — Аргентине, Кубе, Франции, Польше, об их освободительной борьбе и ее героях, поэтах и диссидентах. Он не хуже политолога разбирался в хитросплетениях восточноевропейских новых демократий и латиноамериканских старых диктатур.

Он был гениальный. Он был предельно скромный. Он был очень добрый и умный. Он был избранным. Если можно быть святым без Бога, как ставил вопрос Камю, Борис им был. Кажется, что он будет всегда — и всегда будет защищать то сложное пространство культуры, которое так любил. Его любимое представление о человеке — представление о Другом с большой буквы, со всей сложностью и противоречивостью Другого. Думаю, другие, противоречия максиме Сартра, были для него не

адом, а раем. Даже когда он говорил о феномене советского человека, предмете его научных социологических интересов, этот не слишком приятный совокупный образ не вызывал его раздражения. А уж если тебе фантастически повезло стать его другом, то он был сверхчувствителен к твоему миру.

Он эпоха. И он незаменимый. В последние годы много говорили о том, как Россия уходит на путь обскурантизма и автаркии, самоизоляции, политической реакции. Он не терял оптимизма и верил в то, что людям культуры опять придется много работать, чтобы страна стала гуманнее и разумнее.

Есть совокупный текст Бориса Дубина. Прежде всего (по влиянию на умы моего поколения) это великий корпус переводов Борхеса (четырёхтомник с предисловием переводчика). Это русская версия Ханны Арентдт и Эмиля Чорана, Пессоа и Октавио Паса. Это серьёзный корпус социологических работ о «мире советского человека». И это очень дорогая мне книга его избранных стихов и переводов «Порука». В молодости Дубин принадлежал к неподцензурному поэтическому движению СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев), они были романтики и акционисты, это многое объясняет в его вкусах, складе письма и общественном темпераменте.

Последний раз мы виделись в июне, в Польском культурном центре. Говорили об Украине. У Дубина были украинские корни. Почти при начале нашего литературного знакомства он рассказывал, что со смертью его украинского дяди, пережитой в детстве, было связано вообще его первое представление о смерти, первая травма и протест против смерти.

Что мы можем сохранить от любимых старших, от ушедших, в оставшемся нам не очень большом по представлениям эпохи промежутке, для чего нам нужно это сохранять, как мы можем это сохранить? Ясность ума, интеллектуальную ответственность, гуманизм, любовь к работе, бесстрашие?

Вот стихотворение Дубина, написанное в семидесятые. Оно называется «Переводчик».

*Кран не закрутишь никак:
сгнила прокладка.
Мир мой!.. Кофейник, табак,
ручка, тетрадка,
локоть у края стола,
словник, подстрочник...
Пристальный бог ремесла,
свет-полуночник.
Всюду и все как всегда,
ну и довольно.
Тикает в кухне вода.
Даже не больно.
А за стеной на софе —
томик «Прогресса»
с вьюженным: «Dis qu'as tu fait
de ta jeunesse?»*

(«Скажи мне, что сделал ты из своей молодости?», Верлен)

Елена ФАНАЙЛОВА

СОВЕСТЬ, БЛАГОРОДСТВО И БЕССТРАШИЕ

Памяти Валерии Новодворской

Давнее воспоминание, из прошлого тысячелетия, ранних перестроечных лет. Валерия Новодворская требует отмены 6-й статьи Конституции. Валерия Новодворская выступает против Ленина. Валерия Новодворская требует вывода советских войск из Афганистана и освобождения политзаключенных. Валерию Новодворскую опять повязали на митинге, в котором участвовала она и еще несколько человек, городских сумасшедших.

Это важно, это потом врежется в память на всю жизнь.

Про шестую статью и про безумные речи, еще запомнится интонация – гневная и завистливая одновременно, с какой о ней будет говорить кто-то из прорабов перестройки. Да как она смеет! Партия реформирует страну, КПСС нет альтернативы, и только провокаторы и экстремисты в эти исторические дни могут ссорить власть и интеллигенцию! Прораб рассержен, но за громами и молниями угадывается шепот: да как она не боится?..

Потом, чуть позже, это станет банальностью. Отмена 6-й статьи, вывод войск из Афгана, правда про Лукича, КПСС антинародной покажем орган детородный. Потом, очень скоро, тогда время вообще летело со

скоростью дальнобойного снаряда, и прорабы захмелеют от собственной смелости, и статью отменяют, и армию выведут, и невдолге всех распустят, включая политические лагеря и нерушимый Союз. А Лера, с которой мы познакомились, если не путаю, незадолго до путча и быстро перешли на ты, встретит август 91-го в камере Лефортовской тюрьмы за оскорбление Горбачева и станет последней политзечкой, которую освободит советская власть. «Ну какой из Михал Сергеича фашист?» – скажу я ей укоризненно, и она разразится получасовым монологом, блистательным и невыносимым одновременно.

Тогда это тоже запомнилось, сразу. Слушать Леру десять минут – счастье. Полчаса – пытка. На втором часу наступает катарсис, и ты глядишь на этого человека с восхищением и смертельной усталостью. И понимаешь, что перед тобой ребенок, гениальный и мудрый, и утомительный, что гениям, особенно детям, вообще свойственно. И надо не спорить, а внимать, потому что ребенок еще и пророчествует, и то, что сегодня взрослые считают безумием и вообще наглостью, завтра станет общим местом.

Разумеется, не всё, так ведь и пророкам свойственно ошибаться, особенно в делах политических, а дети совсем не разбираются в людях. Пройдет немного времени, и Лера изменит мнение о Горбачеве и сильно разочаруется в Ельцине, и тут проявится коренная ее черта: благородство. Дворянская черта, если хотите, но по сути просто человеческая. Она сочувствовала свергнутым, униженным, оскорбленным, и при всей своей «капиталистической» вере с элементами нетерпимости и радикализма очень жалела, к примеру, Альенде. Да и как не пожалеть?

Мир Новодворской был черно-белым, но ошибались те, кто обзывал ее «большевичкой». Большевизм – это фанатизм, соединенный с жестокостью, а она была доброй. Помню, как Новодворская называла тогдашнего президента Грузии «палачом», а потом, когда Звиад Гамсахурдиа был убит и проклят, его полюбила и ставила в пример другим

политикам, и когда я напомнил ей о прежних оценках, она, кажется, сама удивилась. «Но вечно жалок мне изгнанник» — это про Леру.

Впрочем, благородство как определяющая черта характера еще в людях встречается — человечество не полностью оскотинилось, даже в Москве. Благородство, помноженное на бесстрашие, — вот редкость. Эта физическая невозможность смолчать, которая заставляет 19-летнюю девочку разбрасывать листовки в Кремлевском дворце съездов, ломая себе карьеру и жизнь, обрекая на пыточный режим в психушках. А после освобождения заниматься распространением Самиздата, организовывать подпольную партию, подпольный профсоюз... и выйти наконец с плакатом на демонстрацию, едва повеет перестройкой и гласностью. «Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь...» — эти строки Александр Галича украшали членский билет Демократического Союза — небывалой партии, в которой она состояла с первого до последнего дня. В гордом одиночестве. А эпиграфом к ее жизни могла бы стать другая строка Галича, другая его песня: «Все не вовремя». Ну в самом деле, что изменят в стране листовки, пущенные с балкона КДС в безысходном 1969 году, кого переубедят? Зачем дразнить гусей, то есть родную партию, задолго, месяца за четыре до исторического Съезда народных депутатов? Только вот странность: яростные, раздражающие, возмутительные, нелепые с виду речи и призывы Валерии Новодворской по прошествии времени вписывались в Конституцию России и другие долгие дела. Выяснилось, что в задавленном нашем социуме, в обществе, пораженном паранойей и прочими иррациональными страхами, только дети и говорят правду, которая потом сбывается. Очень немолодые, в юности поседевшие дети — смутьяны, безумцы, юродивые. Люди умные, трезвые, всезнающие.

Тексты Валерии Новодворской, опубликованные в последние годы, дышат безнадежностью. По отношению к стране, в которой жила и не собиралась эмигрировать, ибо строка в уставе ДС предписывала: не уезжать ни при каких условиях. По отношению к миру, который по-настоящему так и не вступился за Украину, подвергнувшуюся российской агрессии. По отношению к себе и к своей судьбе, ибо кодекс личной чести диктовал ей отчаянье как способ восприятия жизни в России, и так называемый Путин и все, что ныне творится у нас, служили лишь горестным подтверждением этого постулата.

Кодекс личной чести обязывал погибнуть, а не изменить местный климат. И самые безжалостные слова, посвященные несчастному нашему электорату, только в доносах и прокурорских речах можно было оценить как «русофобские». Космополит по убеждению, Лера всю свою жизнь боролась со злом, а не с Россией, и кто ж виноват в том, что в рамки ее жизни уместились и брежневский «совок», и путинская РФ? И танки в Праге, и Афган, и Чечня, и Крымнаш, и Славянск.

Она уж точно в этом не повинна. Хотя лично, всегда отвечая за себя, готова была и вину принять, и искупление. Детская вера в справедливость, соединенная с насмешливой ясностью взрослого безверия, и бесконечная боль, и все-таки вера — такой образ Валерии Новодворской запечатлен в ее текстах, в ее жизни и внезапном уходе, о чем невозможно думать без слез. Вечная память.

Илья МИЛЬШТЕЙН

НОРД-ВЕСТ. СНЕЖНАЯ ЧИСТОТА ИДЕИ СВОБОДЫ

Памяти Валерии Новодворской

Знаете, есть такое расхожее выражение: безвременная кончина.

В отношении не столь давней смерти Валерии Ильиничны Новодворской оно буквально.

Именно сейчас, в пору ускоренной фашизации сверху, голос Новодворской был бы нужен, как никогда. На фоне почти повального, чумного конформизма российских «властителей дум» и «мастеров культуры» его, этого голоса, как сказал поэт, «фатально не хватает».

Его не хватает мне лично.

Новодворская знала: сейчас у власти те, кто допрашивал её в КГБ, кто измывался над нею в «психушке». «Гэбульники», как она их уничтожающе-нежно называла.

Она спокойно и даже весело смотрела в глаза этой власти. И эта всемогущая, бандитски-брутальная власть её побаивалась. Новодворская была живой, активнo-действующей легендой того, героического диссидентства. Последним великим романтиком русской свобо-

ды, живущим в России (есть ещё Владимир Буковский, слава Богу, но он в Англии). Неформальный статус Валерии Ильиничны, помноженный на абсолютное презрение к собственной смерти, был таков, что с Новодворской нельзя было ничего сделать. Властям оставалось только выслушивать её.

Новодворская — это воительница нордического либерализма. Её вдохновляла древняя скандинавская демократия. Именно вот эту «скандинавскую прививку свободы» она чутко различала и ценила в Руси, в русской культуре. Она любила древние русские республики — Псков, Новгород, любила непокорность Твери и Рязани, всё то, что противостояло московскому превращению «ордынской традиции» кнута в «национальную особенность». В самой натуре Новодворской были негибкость и воинственность, как у Марфы Посадницы — последнего «президента» Новгородской республики.

Новодворская исповедовала, что изначально Русь идёт от корня свободы, и искренне удивлялась т. н. «русским националистам», которые в своём стремлении «к корням» обращаются к позднейшей, московской традиции рабства и деспотизма. Вот уж воистину, как писал Алексей Константинович Толстой, «наглотавшись татарщины всласть, вы Русью её назовёте». Новодворская-историк делала великое дело: она вслед за А.К. Толстым отстаивала европейское происхождение Руси, подвижнически возделывала именно русскую традицию свободы. Либерализм Новодворской — абсолютно «почвенный». В самой её фамилии слышен дальний новгородский раскат. Она и Путин, упоминающий татарфила, «византиста» и реакционера Константина Лентьева — это было живое, наглядное, непримиримое противостояние двух русских культурно-политических традиций.

Новодворскую невозможно было купить. С нею нельзя было договориться. Она не хотела играть «по правилам», и это быстро поняли наши гнусные телешаманы, отсёкшие её от телетрибуны. Даже с Солженицыным власть как-то договаривалась, навещая его на дому. В квартире Новодворской Путина представить невозможно. В мировоззрении Солженицына было много прорех, сквозь которые, бывало, просачивалась ордынско-московская дрянь (вспомним позицию А.И. по Украине). Солженицын умер в самый канун российско-грузинской войны, но честное слово, трудно сказать, какую позицию он занял бы в том августе 2008-го. Осудил бы он путинских «заглотчиков», как когда-то — брежневских? Была ли в нём «скандинавская прививка свободы» или в А.И. слишком много «московского»? Вопрос сложный. Тут не место его решать.

С Новодворской же всё ясно и тогда, и теперь. Она — это снежная чистота идеи свободы. О её нордический либерализм, как о балтийскую скалу, разбивается сля-

русской традиции — к традиции крамолы, грозного вечевого гула, ушкуйного посвиста и драконовидных кораблей. Т.е. к чисто РУССКОЙ традиции, за верность которой «русские патриоты» постоянно обвиняли Новодворскую в «русофобии».

Но есть те, кто понял Валерию Новодворскую и не забудет её никогда. Те, в ком живёт «скандинавская прививка свободы» как гарантия от имперско-шовинистической чумы, от поветрия верноподданничества, от сладострастного поноса рабства, которым сейчас истекает Россия. Новодворская всегда останется нашим гордым новгородским норд-вестом, пронзающим «низовскую» евразийскую серь; он пробегает весёлым, пробуждающим ознобом по шире неподвижных сонных рек и по тихим, боязливым зелёным речушкам. Лера — так зовут ветер вольности, парусов и Европы, обнажающий тревожную белёсую изнанку наших осин, берёз и раkit.

коть пошлого, гнилостного, имперского патриотизма, вновь затопившего наши бедные плоские равнины. Она открыто называла Путина «чекистской шкурой», горячо приветствовала Майдан и высоко оценивала новую украинскую власть. Она полагала, что Украина «сохранила идеалы Киевской Руси, которая была первой в Европе по экономическому и политическому потенциалу». Она считала «присоединение Крыма» аншлюсом и возможным прологом Третьей мировой. Она предсказала, что вслед за Крымом Кремль развяжет войну на востоке Украины, в ходе которой украинская армия будет сражаться не столько за целостность своей страны, сколько за то, чтобы Украина просто выжила. И не ошиблась.

Как истинный либерал, Новодворская не боялась быть в меньшинстве. И даже в одиночестве. «Скандинавская прививка свободы» сочеталась в ней с христианским бесстрашием противостояния машине «мира сего». В Новодворской было что-то юридическое, заставлявшее многих стыдиться «бабы Леры». Её люто ненавидели, высмеивали, оскорбляли. Многие считали дурным тоном цитировать её всегда блестящие, точные, как удар молнии, тексты. Что ж, святые всегда неудобны. Новодворская — это как раз особый род святости. Политической святости. Либерализм Новодворской в чём-то сродни ярому исповедничеству боярыни Морозовой.

На радость властям, бесчисленным патриотам и даже некоторым «демократам» умолкла набатная нота русской демократии. Именем Новодворской не назовут какую-нибудь бывшую Большую коммунистическую улицу. Ибо Новодворская абсолютно антисистемна. Её имя постараются укатать в забвение. Она была к этому готова, поскольку знала, что принадлежит к альтернативной, почти подпольной

щим ознобом по шире неподвижных сонных рек и по тихим, боязливым зелёным речушкам. Лера — так зовут ветер вольности, парусов и Европы, обнажающий тревожную белёсую изнанку наших осин, берёз и раkit.

Алексей ШИРОПАЕВ

УШЕЛ МАСТЕР-ВЕЛИКИЙ, ВЫДАЮЩИЙСЯ, ГЕНИАЛЬНЫЙ...

Памяти Юрия Любимова

Ушел Мастер – великий, выдающийся, гениальный... Список этих эпитетов можно бесконечно множить и ни один не окажется лишним.

Ушел тот, кто в середине прошлого века был вместе с Георгием Товстноговым и Анатолием Эфросом одним из столпов не только режиссуры, но и всей отечественной культуры.

Он оставил после себя золотые страницы русского театра, и об этом можно говорить бесконечно.

Но сейчас время сказать о другом его величайшем призвании, которое ставит его в один ряд с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, Александром Исаевичем Солженицыным и теми одиночками, которые способны противостоять системе, всеобщему вранью и массовому оболваниванию.

Юрий Петрович был тем человеком, который всю жизнь говорил правду, который не боялся при общем хоре, вопящем: «это белое», произнести: «нет, это черное».

И это его качество, его место в истории страны, его миссия, его совесть, все это намного важнее и больше, чем театр. Хотя вклад Любимова в мировую культуру переоценить невозможно.

Он и людьми себя окружал особыми – не просто артистами, а такими, у кого была позиция. Любил людей талантливых, пишущих, думающих – Леня Филатов, Вениамин Смехов, не говоря уже о Высоцком. Молодых режиссеров поддерживал не на словах, причем не делал из этого никакой истории – просто давал работу.

Меня взял к себе после того, как я был уволен из театра Станиславского. В штате Таганки работали не менее десятка режиссеров, при том, что по штатному расписанию положено было не больше двух! Среди них Василий Погребничко, Арцыбашев, Вилькин.

Его самого тоже выгоняли, закрывали спектакли, а он не боялся ничего и никогда не присоединялся к лояльной толпе, к иступленной травле тех, кто по какой-то причине оказался не в одной связке с властью.

Первый его спектакль, который потряс театральный мир Москвы – «Добрый человек из Сезуана». Брехтовские строчки «Шагают бараны в ряд, Бьют барабаны, – Кожу для них дают Сами бараны» интеллигенция подхватила и повторяла как заклинание. Прошло ровно 50 лет: не устарело! Стало еще более актуально.

Буквально недавно – как раз в день рождения, его очень расстроило нежелание руководства театра на Таганке сохранить его кабинет.

И еще такая ирония прозвучала в некой сволочной передаче – дескать, «мемориальный кабинет»... А ведь он не ради себя хотел это сохранить!!! Там просто на стенах рисунки и автографы таких людей! Окуджава, Вознесенский, Неруда, Пикассо, выдающиеся деятели мировой культуры! Потому что, когда в СССР приезжали, то шли к нему, на Таганку, а не в верноподданические театры, которым давались премии и награды.

Звучит в ушах стихотворение Давида Самойлова:

*Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.*

*Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.*

Вот это очень точно: ушел тот, перед кем непозволительна подлость, пошлость, трусость... Нет его – и все разрешено.

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ

Безбрежен океан людских страданий.
Реальность беспощадна и груба.
Дымятся баррикады на майдане,
Где льется кровь и слышится пальба.

Там лишь чужие поминают вины,
Там грош-цена потраченным трудам.
И, если, Боже, любишь Украину,
Переведи ее через майдан.

Там из окошка выпавшая рама
По тротуару не дает пройти,
И нам вещают рупоры упрямо,
Что к счастью нет окольного пути.

Его мы не прошли и половины,
Идя опять по собственным следам,
И, если, Боже, любишь Украину,
Переведи ее через майдан.

И вы, что встали камуфляжной ратью,
Готовые убить и умереть,
Опомнитесь: вчера вы были братья,-
Не становитесь каинами впредь.

Не забывают - жизнь всего дороже, -
За остальное я гроша не дам.
И, если Украину любишь, Боже,
Переведи ее через майдан.

И чтоб ни пели Рада или Дума,
Какую бы ни заплетали нить,
Не стоит подставлять себя под дуло
И на другого дуло наводить.

Нелегкий день сегодня нами прожит.
Нелегкий жребий нам судьбою дан.
И если ты Россию любишь, Боже,
Переведи ее через майдан.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда вас не слышат, - будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились. Каждый человек должен заявлять свою позицию. Не можете публично, - хотя бы друзьям, хотя бы семье.

Дмитрий ЛИХАЧЁВ

